

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА

В. В. Липов

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМ**

Монография

Харьков – 2011

УДК 330.342
ББК 65.013
Л 61

Рецензенты:

Архиереев С. И. — доктор экономических наук, профессор (Национальный технический университет «ХПИ»);

Соболев В. М. — доктор экономических наук, профессор (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина);

Яременко О. Л. — доктор экономических наук, профессор (экспертно-аналитический центр по вопросам денежно-кредитной политики Совета Национального банка Украины).

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 7 от 24.06.2011 г.)*

Липов В. В.

Л 61

Институциональная комплементарность социально-экономических систем : монография / В. В. Липов — Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. — 484 с.

ISBN 978-966-623-823-1

Раскрыты общенаучные предпосылки исследования явления комплементарности. Прослежена эволюция взглядов на закономерности взаимодействия компонентов экономических систем. Рассмотрены основные подходы к исследованию институциональной комплементарности в современной экономической теории. Предложены двухмерная концепция институциональной комплементарности и лестница оснований комплементарности элементов СЭС. Раскрыты основы комплементарного взаимодействия институтов в рамках основных моделей капиталистических систем и Украины.

Для специалистов в сфере экономики и других общественных наук.

**УДК 330.342
ББК 65.013**

ISBN 978-966-623-823-1

© Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2011

© Липов В. В., 2011

© Литвинова О. А., макет обложки, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	8
1.1. Социально-философские истоки исследования комплементарности	9
1.2. Теоретические предшественники изучения комплементарности в экономической сфере	24
1.3. Допущения и ограничения концепции институциональной комплементарности	40
ГЛАВА 2. КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	50
2.1. Сравнительный анализ как предпосылка концепции институциональной комплементарности	52
2.2. Институциональная комплементарность: эффект, условия и характер взаимодействия институтов	69
2.3. Комплементарный градуализм и целостность СЭС	78
2.4. Морфология институционального взаимодействия и ограниченность концепций ИК	89
ГЛАВА 3. ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СЭС	101
3.1. Системность воспроизводственной деятельности человека	103
3.2. Системность комплементарных отношений в рамках СЭС	114
3.3. Противоречия комплементарных оснований СЭС	126
3.4. Мера комплементарности и её измерение	146
ГЛАВА 4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА СЭС И ЛЕСТНИЦА ОСНОВАНИЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОГО АНАЛИЗА	162
4.1. Национальная культура хозяйствования и ценностные основания комплементарности институциональной архитектоники СЭС	162
4.2. Диалектика системной комплементарности базовых институтов	183

4.3. Комплементарность институций, институтов, институциональных форм и функций	210
ГЛАВА 5. СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СЭС.....	241
5.1. Институциональные блоки и режимы производства, накопления и развития	241
5.2. Взаимодействие блоков хозяйствования, СЭС и СЭМ.....	261
5.3. Социально-экономические модели капитализма.....	274
ГЛАВА 6. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СЭС УКРАИНЫ.....	299
6.1. От «рыночной экономики» к собственной модели капитализма ..	299
6.2. Предпосылки формирования структурной комплементарности национальной СЭС.....	309
6.3. Комплементарность и формирование институциональной архитектуры СЭС Украины	317
ВЫВОДЫ	332
ПРИМЕЧАНИЯ.....	338
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	389
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	391
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	421

ВВЕДЕНИЕ

Девяностые годы XX столетия ознаменованы крахом социалистической системы и переходом постсоциалистических стран на рыночные основы хозяйствования. Динамичное развитие экономик Китая и Вьетнама, сравнительно быстрое и безболезненное преодоление трансформационного кризиса в целом ряде постсоциалистических стран Восточной Европы, соединяются с глубоким и затяжным кризисом большинстве стран, образовавшихся на руинах СССР. В это же время мир столкнулся с феноменом невиданного ранее успешного формирования эффективных экономических систем в целом ряде стран восточной и юго-восточной Азии. Одновременно продолжалась стагнация экономик стран Латинской Америки и Африки. Происходит осознание многовариантности моделей капиталистического развития. Обостряется интерес к исследованию специфики институционального устройства стран мира, поиску закономерностей формирования и архитектоники социально-экономических систем (СЭС). Получает новый импульс компаративный анализ экономических систем (КАЭС), концепция множественности вариантов капитализма (КМВК), на новые реалии переориентируется теория регуляции (ТР). В центре внимания исследователей оказывается изучение закономерностей институциональных трансформаций. Признается ограниченность возможностей имплантации новых институтов, необходимость учета специфики институциональной среды, как стран заимствования, так и стран внедрения. Особый интерес вызывает проблема исследования закономерностей взаимосвязи институциональных компонентов социально-экономических систем. Находит признание и широкое распространение концепция институциональной комплементарности (ИК).

Теоретические основания исследования институционального взаимодействия содержатся в работах Ф. Аквинского, Ф. Бастиа, А. Богданова, Н. Бора, Н. Бунге, Ч. Дарвина, Ф. Кенэ, Г. Кери,

¹ Перечень принятых сокращений см. с. 389-390

Дж. Кларка, О. Ланга, Дж. Локка, Б. Мандевиля, К. Маркса, Л. Мизеса, К. Менгера, У. Петти, А. Смита, А. Фергюсона, Ф. Хайека, Д. Юма. У истоков создания и развития отдельных направлений его исследования стояли А. Алчиан, С. Амин, Г. Беккер, Ф. Бродель, Дж. Бьюкенен, И. Валлерстайн, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Дж. Коммонс, Р. Коуз, У. Митчелл, Г. Мюрдаль, Р. Нельсон, Д. Норт, В. Ойкен, М. Олсон, Э. Остром, К. Поланьи, Р. Познер, Р. Рихтер, О. Уильямсон, С. Уинтер, А. Франк, Э. Фуруботн, Дж. Ходжсон, Т. Эгертсон. Среди авторов, заложивших основания исследования институциональной комплементарности, следует назвать Б. Амабле, М. Аоки, Р. Буайе, Дж. Джексона, Р. Дига, К. Кроче, Д. Соскиса, В. Стрика, П. Холла, М. Хопнера. Свои оригинальные концепции предложили российские исследователи О. Бессонова и С. Кирдина. Значительный вклад в изучение проблем институционального взаимодействия в рамках СЭС внесли В. Вольчик, А. Гриценко, В. Дементьев, О. Иншаков, В. Михненко, А. Кредисов, В. Латов, О. Носова, Р. Нуреев, А. Одинцова, В. Полтерович, О. Прутская, С. Степаненко, О. Сухарев, В. Тамбовцев, В. Тарасевич, В. Уланов, С. Фатеева, А. Чаусовский, В. Якубенко, О. Яременко.

Понятие комплементарность получает признание в среде ученых, изучающих СЭС, их особенности, архитектуру, динамику и направления институциональных изменений. Появились специальные исследования комплементарности в экономической культуре, комплементарности взаимодействия субъекта и среды. В рамках КМВК активно исследуются особенности комплементарного взаимодействия институтов на уровне фирм и институциональных блоков экономических систем. ТР в качестве отправного момента рассматривает экономическую систему в целом. Институциональная комплементарность исследуется в историческом разрезе, как процесс взаимной эволюции институтов, ученые обращаются к исследованию влияния взаимодействия институтов на рынках рабочей силы, финансов, влияния комплементарности на взаимодействие и специфику корпоративных структур, характер отношений собственности. Исследователи сосредотачивают свое внимание на отдельных аспектах проблемы. Однако, несмотря на актуальность и важность, внимание к изучению влияния комплементарности на трансформацию институциональных систем и успех экономических преобразований, она, как целостное явление, характеризующее качество и специфику институционального взаимодействия в рамках СЭС, в качестве предмета исследования предлагается впервые. Изучение, включение в научный оборот на постсоветском пространстве, творческое использование теоретических разработок в сфере институциональной

комплементарности будет содействовать развитию современного постсоветского институционализма, росту практической значимости результатов теоретических исследований.

Автор выражает благодарность за поддержку, ценные замечания и предложения научному консультанту – профессору, доктору экономических наук, члену-корреспонденту НАН Украины Андрею Андреевичу Гриценко. Искреннюю признательность за советы и поддержку хотелось бы высказать академику, д.э.н., профессору Д. П. Богине, д.э.н., профессору В. В. Дементьеву, д.э.н., профессору Г. В. Задорожному, члену-корреспонденту АГН, к.э.н. Е. С. Зотовой, д.э.н., профессору М. Н. Киму, д.э.н., профессору Ю. В. Латову, д.э.н., профессору О. В. Носовой, д.э.н., профессору Р. М. Нурееву, академику, д.э.н., профессору Ю. М. Осипову, к.э.н., профессору И. А. Поддубному, д.э.н., профессору В. Н. Соболеву, д.э.н., профессору В. Н. Тарасевичу, д.э.н., профессору С. В. Тютюнниковой, к.э.н., доценту В. М. Филатову, д.э.н., профессору О. Л. Яременко.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Пятидесятые годы XX столетия. Великобритания, отказавшись от имперских амбиций, принимает решение о ликвидации военной базы в Сингапуре. Самыми большими противниками потери протектората оказываются жители острова. Полным провалом заканчивается попытка Сингапура войти в состав Федерации Малайзия. 9 августа 1965 года федеральное правительство предложило городу выйти из её состава. К этому привели противоречия между политикой националистически настроенных происламских властей Малайзии и жизненным укладом и устремлениями китайского большинства жителей Сингапура. Город с двухмиллионным населением, расположенный на болотистом острове площадью около шестисот квадратных километров, вынужден был закупать в соседней Индонезии даже пресную воду и строительный песок. Через 40 лет город-государство вошел в тройку мировых лидеров по уровню дохода на одного жителя, экономика оказалась на первом месте по уровню конкурентоспособности¹.

Что обеспечило успех и процветание государству, изначально находившемуся в столь безнадежной ситуации? Невидимая рука рынка? Экономическая гармония? Можно ли все это списать на непреднамеренные последствия спонтанной либо последовательной и целеустремленной деятельности патриотично настроенных авторитарных отцов-основателей? Поиск ответов на множество подобных вопросов актуализировался в эпоху вхождения человечества в новое тысячелетие. Затяжная экономическая стагнация большого количества развивающихся государств Африки, Азии, Латинской Америки,

трансформационные преобразования в странах бывшего советского лагеря стимулировали становление новых направлений в экономической науке, призванных объяснить причины успеха и провала, указать пути устойчивого экономического развития. Среди них – концепция институциональной комплементарности (ИК), которая сосредотачивает внимание на исследовании механизмов взаимодействия институтов в рамках социально-экономических систем (СЭС).

Само понятие ИК СЭС предполагает установление как минимум двух типов взаимосвязи. С одной стороны, это отношения институциональных компонентов – частей системы между собой, с другой – их взаимодействие в рамках системы в целом. Каждый из них выполняет свою роль в обеспечении согласованного функционирования системы, имеет свои специфические черты и требует разных подходов в случае изменения соответствующих институтов. Более того, ИК в рамках системы обеспечивает возможность её дифференциации, выделения из окружающей среды, устойчивого существования и развития. Без учета этой специфики успешная трансформационная политика невозможна. Однако уже на уровне парадигмальных основ современная экономическая наука сталкивается с проблемами, связанными с ограничением своих объяснительных возможностей, акцентом либо на индуктивные, либо дедуктивные методы анализа. Преодоление этого недостатка невозможно без понимания причин, его породивших. К их выяснению мы и обращаемся в первом параграфе.

1.1. Социально-философские истоки исследования комплементарности

1.1.1. Исследование комплементарности социальных явлений получает широкое распространение в начале XXI столетия. Пристальное внимание к его изучению уделяют и представители экономической науки. Западные экономисты сосредотачивают свое внимание, прежде всего на комплементарной обусловленности взаимодействия между экономическими институтами в пределах отдельных «вариантов», «моделей капитализма». Выход за экономические рамки, распространение исследования на другие институциональные уровни общественного устройства рассматривается в лучшем случае как перспективное направление. Тем самым теряется важная первооснова комплементарности, на которую указывает значение латинского корня термина.

Непосредственный источник (*Complementum*) переводится как дополнение, довершение. Существенно поясняют его контекстуальное понимание родственные понятия. *Compleo* — наполнять, выполнять, завершить; *complector* — обхватывать, обнимать, схватывать, ловить, понимать, содержаться; *complexio* — совокупность, система, связь. Итак, обобщая, можно сказать, что речь идет о завершении определенного процесса, *получении целостного результата, целого*. Целостность, которая, прежде всего, характеризуется тем, что *не целое предопределяется частями, а наоборот, части зависят от целого*.

Когда речь идет об институциональной системе, «комплементарность» указывает на единство, взаимодополняемость, взаимозависимость, *целостность*, распространяемую не только на экономические, но на весь комплекс социальных институтов, которые формируют социальную систему. Исходный момент такой целостности — национальная культура. Ценности, обычаи, традиции — «*молчаливое знание*», произвольно передаваемое от поколения к поколению в повседневном бытии представляется основой того «целого» вокруг которого формируются, которым предопределяются особенности институтов хозяйствования. Взгляд на институциональную комплементарность как на явление, которое *целостно охватывает весь комплекс институтов социального взаимодействия*, позволяет существенно углубить понимание содержания трансформационных преобразований в развивающихся экономиках. Закономерности комплементарного взаимодействия институтов предопределяют успех реформ².

Можно выделить две группы взаимосвязанных причин, препятствующих признанию подобного взгляда на комплементарность. Первая связана с особенностями господствующих в современной западной экономической науке методологических установок. Вторая — с самим типом мышления, характерным для представителей западной цивилизации.

В первом случае, в конечном итоге, речь идет о противопоставлении двух подходов, двух взглядов на сущность социальной жизнедеятельности человека. Она может рассматриваться как процесс хозяйствования, воспроизводства человеком своего существования, охватывающий все аспекты его бытия, и как построенную на рациональном расчете деятельность человека по поиску индивидуальной выгоды (экономизм)³. Истоки подобного разграничения мы находим уже в творчестве Аристотеля, противопоставлявшего хозяйствование, нацеленное на поддержание жизни и обменную деятельность, как способ приобретения богатства⁴. Они продолжены в учениях о хозяйствовании ранних христиан и средневековых богословов⁵. Развитие этих традиций содержится в философии

хозяйства С. Булгакова⁶. Свое современное продолжение концепция философии хозяйства нашла в творчестве Ю. Осипова⁷.

Традиция противопоставления целостного охвата действительности, имеющей своими истоками политеистическое, эзотерическое, магическое, суеверное мышление и рационального, последовательного причинно-следственного объяснения естественных явлений («логического» мышления) формируется еще в эпоху становления человеческой цивилизации⁸. От пассивного восприятия мира, как созданного в неизменном виде высшей сущностью, первобытный человек переходит к попыткам соотнесения конкретных случаев с обобщенными принципами. Тем самым закладываются основы *новой модели мышления*. Этапы этого пути — создание пиктографической и алфавитной письменности. В первом случае абстрагирование от конкретного природного явления к его графическому изображению, рисунку, знаку, пиктограмме происходит через ссылку на определенные *общие черты*. Опора на алфавит предопределяет окончательный разрыв непосредственной связи между природным явлением и его образом, который обозначается на письме. Больше того, формируется второй уровень абстрагирования, на котором анализу подлежит даже не связь между предметом и его образом, а фонетика слова, обозначающего этот образ. Безоговорочному восприятию «знаков судьбы», которые соотносятся с высшими силами, противостоит умение ясно, аргументировано и доказательно убеждать оппонентов. Знаменательно, что создание и развитие алфавита в древней Греции совпадает по времени с расцветом риторической школы софистов.

Вовсе не случайно разворачивание процессов глобализации в начале нового тысячелетия с особой силой поставило вопрос о противостоянии типов мышления народов, сохранивших иероглифическую и развивших, либо принявших алфавитную письменность. Оно проявляется не только на уровне мировоззрения, философских традиций, но и в повседневном укладе жизни, нацеленности устремлений, характере хозяйствования. Наиболее ярким его проявлением стало отличие трансформационных преобразований в постсоветских странах Европы и Китае⁹. В первом случае целое, преобразованная «рыночная» экономическая система, первоначально зарождалась как модель, цель преобразований. Её внутренняя, эндогенная комплементарность подразумевалась по умолчанию. Адекватность как самой модели, так и инструментария её формирования, оказываются моментом вторичным. В основе такого подхода мышление, основанное на моделировании реальности. Во втором случае логика, стратегия реформ задается целью — обеспечением условий для динамичного развития страны. Их тактика

и инструментарий определяется на основании конкретных ситуаций, формирующихся в процессе преобразований¹⁰. Управление развитием сводится к встраиванию в ситуацию, следованию ей, выявлению и отслеживанию «точек бифуркации», моментов неустойчивости системы, когда даже незначительное внешнее воздействие способно повлиять на его направление.

Истоки концепции комплементарности в философском способе мышления можно проследить уже в творчестве Сократа (469 – 399 до Р.Х.)¹¹. Диалог как критическое осмысление разных точек зрения и многостороннее исследование проблемы принципиально отличает его способ философского мышления от досократиков¹². Последние безоговорочно догматически постулировали основные принципы своих учений. Сократ же использует подход, согласно которому *истина выявляется во взаимодействии разных взглядов на проблему*. Она не является чем-то постулируемым, определенным заранее. Истина рождается, существует как результат объединения разных взглядов, «оживает» в процессе совместного осмысления проблемы. Разные, отличные взгляды имеют право на существование, они *дополняют* друг друга, именно это и позволяет получить более полное, комплексное, комплементарное представление об объекте исследования.

Закономерным в этом смысле выглядит отказ философа от претензии на обладание абсолютным, завершенным, «*положительным*» знанием. «Знаю, что ничего не знаю» — утверждает Сократ. Тем самым *приоткрывается путь формированию гуманитарных наук как противовеса естественным, «позитивным»*¹³. Для познания настоящей сути объекта исследования оказывается недостаточно формальной логики. Инструментами изучения окружающей реальности могут быть догадка, интуиция, предчувствие, предположение того, что не нашло своего отображения в категориях формализованного знания.

Диалогический способ исследования окружающей действительности продолжен в творчестве Платона (427 – 347 до Р.Х.), Аристотеля (384 – 322 до Р.Х.). Одновременно в трудах этих философов получает развитие формальная логика. Уверенность в существовании совершенных форм движения небесных тел предопределяет отсутствие у Платона заинтересованности в изучении механики этого процесса. Достаточно знать примеры их движения в прошлом, чтобы с помощью математического инструментария прогнозировать будущее. С этим подходом непосредственно перекликается концепция метода М. Фридмана. Ученый утверждал, что экономическую систему можно рассматривать как черный ящик. Неважно знание того, что происходит

внутри этого ящика. Достаточно чтобы теория, построенная на рациональных концепциях, давала точные предсказания¹⁴. Для Платона диалог — средство демонстрации слабых мест в последовательности мышления. Для Аристотеля диалог — инструмент, через который анализ объединяется с синтезом, средство установления и устранения интеллектуальных противоречий. Дедуктивное мышление, позволяющее через противопоставление двух обобщающих понятий получить новое, частичное, признается основой *логического научного мышления*. Одновременно стандартизация мышления предопределяет формирование стандартизированного способа исследования мира, анализа его устройства и его научного упорядочения. Производство знаний можно строить на началах стандартной схемы, на основе согласованных правил. Открываются возможности широкой специализации в научных исследованиях.

Вполне закономерно, что предлагаемый способ научного мышления становится *основой формирования исторически первой парадигмы системно-теоретического научного мышления, ключевой тезис которого — «целое больше суммы своих частей»*, мы находим уже в высказываниях Аристотеля¹⁵. Диалог служит инструментом выявления свойств системы как целостности, которых нет у её частей, взятых по отдельности. Закладываются основы парадигмы, позволяющей успешно описать и объяснить возникновение системных качеств и обеспечить возможность изучения свойств социальных систем.

Первую попытку ответить на вопрос о том, *что мы изучаем, когда исследуем комплементарность*, мы находим у Плотина (204/205 — 270). Первоначально всего сущего философ видит в *едином*, пребывающем за пределами бытия и проявляющем себя в целостной последовательности ум — душа — космос. Сверхсущее «единое» охватывает всю сферу бытия, сущего, порождая противопоставление «тамошнего» и «здешнего». Это единое, целое существует не столько реально, как виртуально, воплощаясь в *Не-бытии — Первоедиении* (гипостазе, первой субстанции). *Реальное бытие* лишь проявление *Божественной Мыслящей Первопричины*¹⁶.

Заложенные Сократом традиции находят продолжение в эпоху средневековья в апофатическом богословии¹⁷. Богословское учение содержит начала новых парадигмальных основ науки. По утверждению С. Франка Бл. Августин (354 — 430) был первым человеком, который осознал потусторонность реальности Бога всякому объективному существованию и потому возможность постижения его лишь на путях внутреннего опыта как откровения¹⁸. Диалогический исследовательский прием «pro et contra» («за и против») в начале второго тысячелетия активно применяет П. Абеляр (1079 — 1142). Ученый публикует книгу «Sic et Non» («Да и нет») в которой в форме вопросов

и ответов содержались раздумья на темы веры и морали. Постановка вопроса и предоставление развернутого ответа на него превращается в главный способ обучения в католических школах.

Возвращение с исламского Востока в начале XIII столетия работ Аристотеля по метафизике и натурфилософии, пожалуй, впервые с особой остротой ставит проблему противостояния двух способов мышления — целостного (эзотерического, мистического) и аналитического (логического). Приемлемое деление между сферами их действия предложил Фома Аквинский (1225 — 1274). Наука (философия) исследует естественный порядок в свете ума, а теология постигает его в свете откровения. Существуют надрациональные истины, которые ум не в состоянии постигнуть. Бытие — цель исследования и науки, и теологии. Поскольку ум не способен постигнуть Бытие полностью, то его задача — предоставить убедительность вере. «Верить — значит думать с согласием». Окончательно легализируются два типа мышления и знания — то, что относится к откровению (теология) и логическое познание (наука). Задача теологии — направлять другие науки к нужной цели. Естественный порядок как явление системное подчиняется сформулированному Фомой Аквинским **принципу тройной взаимозависимости**. *Вся система зависит от частей, её составляющих. Каждая из важнейших частей зависит от системы в целом. Каждая из частей системы зависит от остальных её частей.* Подобный подход получает признание и распространение в научной сфере.

Учение Платона о соотношении Бытия и Не-бытия нашло продолжение в творчестве Н. Кузанского (1401 — 1464). Философ обращает внимание на диалектичность взаимосвязи природных явлений. Он утверждает, что Не-бытие содержит «абсолютную возможность» перехода в действительное бытие¹⁹. Не-быть, отмечает философ, и означает быть всем. Возможность и есть бытие как переход любого творения из состояния Не-бытия в состояние Бытия²⁰. Отдельное свидетельствует о предшествовании целого. *Противоположности диалектичны в своем единстве.*

Целостность как аспект комплементарности между мыслью и действительностью высвечивается в творчестве Р. Декарта (1596 — 1650). Мысль не есть бытие и наоборот, то, что есть бытие, не есть мысль. Тогда каким образом они соотносятся между собой, как их можно сопоставить, соотнести, в чем состоит их общее основание? В конечном итоге эти вопросы выводят нас на центральную проблему любой философии вообще — проблему соотношения мышления и существующей независимо от него действительности, проблему истинности, тождества мышления и бытия. Для Р. Декарта «мышление» и «мир вещей в пространстве» не просто разные, но прямо противоположные явления,

в тоже время необходимо согласующиеся между собой. Ученый останавливается на идее о том, что мысль и бытие не могут соприкасаться. Ибо в таком случае точка соприкосновения одновременно как разделяла, так и связывала бы их между собой. В результате вещь не может «ограничивать» идею, свое «мысленное выражение», а мысль — существующую в пространстве вещь. Они пронизывают, проникают друг в друга, свободно не соприкасаясь. В тоже время, два мира, не просто разные, но абсолютно противоположные согласовываются между собой, и согласовываются не случайно, а систематически, закономерно. Как это происходит? Ответ Р. Декарта — Бог выступает в качестве «третьего», опосредующего звена, которое согласовывает между собой два противоположных, но в то же время конгруэнтных, совпадающих, единых мира. Бог связывает и согласовывает «мышление» с «бытием», «понятие» с «предметом»²¹.

Иной подход к проблеме соотношения мышления и действительности предлагает Б. Спиноза. Для него мышление и тело не два различных предмета исследования, а один-единственный предмет — мыслящее тело реального человека. Мышление — способ существования тела. Мышление и тело рассматриваются как атрибуты одной и той же субстанции, два разных способа существования «третьего» — реальной и бесконечной природы. В своем единстве они и порождают это третье. Мышление и тело как части целого в своем единстве и формируют это целое, дополняя, друг друга. Мышление существует через пространственные изменения в теле человека, а с другой стороны, сами эти пространственные изменения выражаются в мышлении. Они выступают *комплементарными элементами целостности*. И эта комплементарность обеспечивает существование целого. Вполне закономерно выглядит готовность А. Эйнштейна принять Б. Спинозу в качестве арбитра в его споре с Н. Бором по поводу принципиальных проблем квантовой механики.

Попытка ответить на этот же вопрос на основании физических явлений привела в начале XX в. Н. Бора к открытию принципа дополнительности.

1.1.2. Принцип дополнительности Н. Бора и смена парадигм системных исследований. Развитие науки, совершенствование представлений об окружающем мире в начале XX столетия стимулировали интерес к изучению закономерностей системного взаимодействия. Этапными событиями на этом пути стали дифференциация внутренней и внешней среды функционирования систем, формулирование принципа дополнительности и концепции самовоспроизводящихся систем. Ключевое значение в свете темы исследования приобретает принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором. Интерес к явлению дополнительности стал

результатом поиска в начале XX столетия учеными-физиками новой методологии научных исследований. Они первыми столкнулись с невозможностью объяснения с помощью инструментария классической науки многих природных процессов. В поисках методологических основ новой физики ученые обращаются к философскому наследию. Результат — формулирование Н. Бором в 30-х г. XX ст. принципа дополнительности.

Принцип дополнительности — толкование Н. Бором соотношения неопределенностей В. Гейзенберга, согласно которому невозможно одновременно определить с какой угодно точностью значения любых двух взаимосвязанных физических переменных, например координату и импульс электрона. Он утверждает, что нет смысла приписывать одновременно объективную координату (или время) и объективный импульс (энергию) электрону или полю излучения. Связанные величины названы Н. Бором *дополнительными*, потому, что они, во-первых, *взаимно исключают одна другую* (уточнение значения одной ведет к росту неопределенности другой — дополнительной величины), и, во-вторых, с противоположной стороны, — *необходимы для обеспечения полного описания целостной системы*. Термин **«дополнительность»**, по утверждению Н. Бора подчеркивает то обстоятельство, что «противоречащих друг другу явлениях мы имеем дело с различными, но одинаково существенными аспектами единого, четко определенного комплекса сведений об объекте»²².

Относительный характер дополнительности хорошо иллюстрирует пример с шарами — железными и медными, большими и маленькими. Они имеют два независимых признака — размеры и материал, из которого изготовлены. Их можно классифицировать одновременно по обеим характеристикам, имеющим как абсолютные, так и относительные свойства. Эти характеристики существуют параллельно и независимо одна от другой. В то же время в **принципе дополнительности**, как он понимается в физике, волновое и корпускулярное состояния объекта оказываются взаимозависимыми (относительными). Наличие определенных фиксированных волновых характеристик предполагает изменение и невозможность, или лишь приблизительную, меньшую достоверность определения его характеристик как материального объекта. *Дополнительные свойства выступают лишь как относительные, но не абсолютные*²³. Проблема невозможности оценки качеств дополнительных величин заключается не в том, что принципиально невозможно наблюдать одновременно квантовые и материальные пространственно-временные свойства средствами измерения, а в том, что их невозможно измерить, поскольку *они не имеют независимых друг от друга дополнительных свойств*.

Результат дополнительности элементов — невозможность, как утверждает Н. Бор, дать полную, исчерпывающую картину атомных явлений. Ученый акцентирует внимание на *диалектичности отношений дополнительности*. Объясняя действие принципа дополнительности и его научное значение, М. Борн отмечал необходимость отказа от попыток «всестороннего» представления определенного явления путем однородных наблюдений в *единой понятийной системе*. Признается, что одной, даже абсолютно логически выверенной теории оказывается недостаточно для всестороннего и полного описания мира, окружающего исследователя²⁴. Особое значение принцип дополнительности придает невмешательству исследователя, инструментам, которые используются для измерения количественных параметров исследуемой системы, в процесс функционирования самой системы²⁵. Тем самым дается зеленый свет парадигме системных исследований акцентирующей внимание на дифференциацию внутренней и внешней среды функционирования фирмы.

Формирование понимания Н. Бором принципа дополнительности (первое обнародование осенью 1927)²⁶, совпадает по времени с доказательством К. Геделем ***Теоремы о неполноте дедуктивных систем*** — доказательства неполноты достаточно больших формализованных систем (1931 г.). Последний показал, что в указанных системах есть правильные предположения, которые в пределах системы оказываются одновременно такими, что их невозможно как досказать, так и оспорить. Методологическое значение Теоремы Геделя состоит в утверждении принципиальной невозможности полной формализации научного знания. Поскольку непротиворечивые логические системы, на языке которых основана математика оказываются неполными, невозможно доказать непротиворечивость формализованной логико-арифметической системы средствами, которые были бы выражены в той самой системе. Теорема вполне коррелируется с принципом неопределенности Гейзенберга — рост точности измерения координаты микрофизического объекта приводит к потере точности измерения его импульса. Яркую метафору действия указанного принципа предлагает в своем последнем философском трактате Л. Витгенштейн: «...*Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения* основываются на том, что определенные предположения освобождены от сомнений, что они словно петли, на которых вращаются эти вопросы и сомнения. ... То есть это принадлежит логике наших научных исследований, что определенные вещи и в самом деле несомненны. ... *Если я хочу, чтобы дверь оборачивалась, петли должны быть неподвижны* (выделено мною — В.Л.)»²⁷. Инструментарий научного мышления признается значительно богаче его дедуктивной формы.

Представляется достойной внимания характеристика методологического содержания и значимости предложенного Н. Бором научного подхода со стороны современного российского ученого-культуролога В. Библера²⁸. «Принцип соответствия и, в другом плане, *принцип дополняемости*, — отмечает ученый, — устанавливают такое соотношение между прошлыми и вновь возникающими теориями, между идеализациями классики (Галилей, Ньютон ...) и идеализациями нового мышления (особенно явно — Бор), что «старая» теория, классическая идеализация мира ... не соотносены по схеме снятия. Старая теория, старый, классический способ мышления, не только не снимается в новом способе мышления, больше того — именно в соотношении с новым способом мышления этот «старый способ» достигает предельной «закругленности», самостоятельности, всеобщности, необходимости. Но *этой завершенности он достигает лишь в соотношении («соответствия» или «дополняемости») с новым видением*; так же как и новое видение имеет всеобщий смысл только в соотношении с галилеевой (претендующей на такую же всеобщность) классикой. Классическая и боровская идеализации мира все более расходятся, совершенствуются и все более нуждаются друг в друге. Эти идеализации переходят — на пределе — друг в друга и только в споре, взаимоопровержении и взаимообосновании дают полное, плотное, целостное, непокрываемое ни одним из взаимоисключающих теоретических объяснений определение объекту (выделено мною — В.Л.)»²⁹.

Как сам Н. Бор, так и его непосредственные коллеги-физики отлично понимали универсальность и общенаучную значимость принципа дополнительности, его потенциал в обогащении инструментария мышления в таких научных областях, как биология, психология, философия, политика³⁰. В. Паули усматривал философское, а шире и общенаучное значение принципа дополнительности в том, что он выступает против односторонности в научных исследованиях и является первым шагом к формированию «единой общей картины мира, в которой естественные науки составляют лишь ее часть»³¹. Именно через объединение рационального и иррационального аспектов природной среды оказывается возможным построение адекватной общей картины окружающего человека мира.

1.1.3. Исследование системной комплементарности в социальной сфере. Интерес к результатам исследования физических явлений, и выявление аналогичных диалектических закономерностей во многих сферах человеческой деятельности стимулировали поиск возможности применения принципа дополнительности в других науках. Так, в генетике он проявляется в модели ДНК; социальной философии — в допущении противоположных концепций (холизм/механицизм,

искусство/наука, Ян/Инь); в социальной психологии — дополнительность обращение/реакция (доминирование/подчинение); в гендерных исследованиях — мужское/женское. В конечном итоге, комплексное рассмотрение явления как результата взаимодействия противоположностей позволяет сформировать более полное представление о нем.

Одновременно уже Н. Бор обращает внимание на то, что специфика предмета и объекта исследования обуславливают особенности проявления принципа дополнительности в отдельных науках³². Так, в геометрии под «комплементарными» понимаются углы, которые в сумме образуют «прямой» угол. Качество целого — прямой угол, является предпосылкой образования комплементарных отношений между отдельными частями, в физике световых колебаний комплементарными называют цвета, которые в сумме образуют белый цвет. Качество целого также оказывается определяющим для самой возможности формирования комплементарных отношений. В то же время в биохимии, наоборот, возможность взаимодействия отдельных макромолекул предопределяется взаимным соответствием их химического состава и строения. Мы имеем пример комплементарных отношений, когда рождение целого является результатом дополняемости отдельных независимых частей.

Особый интерес в свете темы исследования представляет изучение явления комплементарности в сфере социальных отношений. Предпосылки к этому ученые находят на уровне физиологии человеческого мышления. Физиологи обращают внимание на комплементарное взаимодействие между полушариями головного мозга. Если левое полушарие отвечает за конкретику, логико-вербальное мышление, опирается на буквенное восприятие информации, то правое — абстракцию, пространственно-образное, знаково-пиктографическое восприятие реальности. Различие способов мышления относится не к характеру информации, а к способу ее переработки.

В первом случае (логико-вербальное мышление) опора идет на однозначный контекст сообщения, для осмысления отбирается лишь самое главное. Однозначность, анализ причинно-следственных связей обеспечивает успешное межличностное взаимодействие. Обработка информации происходит последовательно, на основе определенных конкретизированных признаков. Не имеет значения форма, в которой мозг воспринимает информацию — буквенная или вербальная.

Во втором случае (пространственно-образное мышление) опора делается на одномоментное улавливание всех связей объекта внимания в целом, целостность восприятия. Но это мозаичная, калейдоскопическая целостность, которая существенно отличается от целостности монолита. Она сама выступает условием создания многозначного

контекста. Происходит многоаспектное взаимодействие отдельных элементов реальности, доминирует холистическая стратегия мышления, формирование многомерного образа. Эта целостность, многозначность и противоречивость обеспечивают творческое восприятие и переработку информации. В то же время возможность неоднозначной оценки информации, отсутствие причинно-следственных связей усложняет использование полученного результата в процессе общения.

Различие между способами мышления заключается в принципах организации контекстуальных связей. В первом случае они основываются на словах, во втором – образах. В первом случае *целое воспринимается как определенная структура логических связей*, во втором – *как мозаика*.

Каждое из полушарий может существовать относительно самостоятельно, автономно. Оно может принимать на себя часть функций другого. Но восприятие мира, его отображение, способность человека к анализу ситуации, и, таким образом эффективность деятельности снижается. Оба полушария, не смотря на определенную автономию и самодостаточность, оказываются частями *целого*, единого мозга³³. И именно в этой комплементарной целостности они способны в максимальной мере обеспечить познавательную деятельность человека, целостное восприятие окружающего мира, когда ограниченность возможностей исчерпывающего логического осмысления реальности (функция левого полушария) дополняется ее интуитивным целостным восприятием.

Этнологические исследования свидетельствуют об эволюции характера взаимодействия полушарий в процессе развития человеческой цивилизации. Совершенствование материально-технологических условий существования человека оказываются непосредственно связанными с приоритетной активностью левого либо правого правополушария, соответственно образного либо логического типа мышления. Лишь в процессе модернизации получает приоритетное развитие логико-вербальное восприятие мира.

Комплементарность полушарий головного мозга, во-первых, является замечательной метафорой, демонстрирующей место позитивного и нормативного подходов в современной науке. Во-вторых, она объясняет механизм действия комплементарности экономических систем. В-третьих, история смены доминирующего полушария характеризует эволюцию комплементарности в процессе формирования и развития социальных систем. В-четвертых, она позволяет в определенной мере объяснить специфику восприятия реальности, познавательной и воспроизводственной деятельности человека не только в общем плане развития общества, но и в конкретно-историческом контексте влияния на формирование современных

национальных социально-экономических систем особенностей мышления отдельных этнических групп³⁴.

Ж. Пиаже выделяет *типы ментальности*, соответствующие комплементарным и некомплементарным типам социальных сообществ. Эгоцентрическое – некомплементарное мышление³⁵. По А. Ахиезеру такое мышление связывается с инверсией, а комплементарно-креативное мышление с медиацией³⁶.

В *психологии* термин *дополнительность трансакций* предложил **Э. Берн**. Под нею понимается взаимная соотнесенность по модальности общения (психологическое состояние (родители, взрослые, дети) и ожидание трансакционного стимула (обращение) и трансакционной реакции (ответ))³⁷.

Значительное внимание проблемам комплементарности уделяют специалисты по *семейной психологии*. Истоки семейной комплементарности прослеживаются от позиции, которую занимал ребенок в родительской семье (единственный, старший, младший ребенок). Комплементарный брак партнеров с опытом старшего и младшего ребенка оказывает содействие естественному восприятию партнерами дополняющих ролей в семейных отношениях. И наоборот, брак, в котором партнеры занимали одинаковые позиции в родительской семье оказывается не комплементарным, так как они с определенными трудностями понимают проблемы другого, менее эффективно взаимодействуют (единственный ребенок), или постоянно конкурируют за власть (старшие дети), или вообще избегают инициативы и ответственности (младшие дети). Большое значение в установлении комплементарных семейных отношений занимает также опыт общения с братьями или сестрами противоположного пола. Проблема комплементарности занимает существенное место в гендерных исследованиях.

В *этнографии* принцип дополнительности находит свое проявление через *комплиментарность*. Принцип комплиментарности по Л. Гумилёву связан с подсознательной взаимной симпатией, неосознанным взаимным притяжением лиц определенного типа, даже для того, чтобы вести споры между собой. Объединяясь в консорции, сцементированные избранной целью и исторической судьбой они вступают в исторический процесс. На уровне этноса комплиментарность проявляется в патриотизме. На уровне суперэтноса – в пренебрежительном отношении к представителям других этносов. Ученый утверждает, что принцип комплиментарности не относится к социальным явлениям. Его можно наблюдать как у диких, так и у домашних животных, как в положительной (привязанность), так и в отрицательной форме. По мнению Л. Гумилёва, этот принцип имеет ключевое значение в условиях отсутствия общественных форм бытия коллектива. Он также сохраняется и при

наличии устойчивых социальных институтов, но приобретает подчиненное значение³⁸.

В другой работе («Этносфера. История людей и история природы») ученый существенно корректирует свое понимание принципа комплементарности, различая *комплементарность* и *комплиментарность*. Под *комплиментарностью* имеется в виду акт понимания, которое выходит за пределы эмпирического опыта определенной культуры или цивилизации. Ученый различает этническую (межэтническую) и суперэтническую *комплиментарность*. Ощущение взаимной симпатии (антипатии) предопределяет деление межэтнических групп на «своих» и «чужих». Положительная *комплиментарность* между представителями разных этносов потенциально способна привести к их симбиозу и слиянию. Отрицательная – появление «*химеры*», нежизнеспособного, алогично устроенного межэтнического образования. *Комплементарные* отношения действуют в пределах этноса (наличие определенного целостного единства предопределяет формирование такого типа отношений). Характер *комплиментарности* межэтнических отношений географических соседей (положительная или отрицательная) создает потенциал для совместного существования (россияне – алеуты, маньчжуры; французы – китайцы, католики – конфуцианцы). Он порождает потенциал для симбиоза, даже образования нового этноса (испанцы в зоне этнического контакта иберов, кельтов, римских колонистов, мавров и других). По утверждению М. Юрия для россиян ими были христианизированные монголы и литовцы, а для украинцев – печенег, торки, принявшие православие наследники хазар³⁹. Подобное объединение может выступать источником постоянной напряженности (евреи – палестинцы, россияне – чукчи; англичане – китайцы; православные – конфуцианцы).

Принципиальное значение для понимания изменений, которые происходят в социально-экономических системах на этапе перехода к постмодернистскому обществу, по мнению Р. Бернстайна, имеет парадигмальная замена самой логики социального взаимодействия⁴⁰. Происходит переход от принципа «*или/или*», того, что в теории игр и современной экономике в целом принято называть *играми с нулевой суммой* к *логике дополненности*. В её основе находится принцип «*оба/и*», то, что обычно называют *играми с ненулевой суммой*. Оба принципа основываются на плюрализме социальных отношений. Социальные субъекты имеют право на выбор. Но результаты такого выбора для обеспечения постоянного экономического развития в современных условиях существенно отличаются.

В первом случае (*или/или*) результатом становится доминирование одной из сторон. Соответственно другая сторона вынуждена отказаться от определенной части своих прав и интересов. Крайним случаем

становится ситуация, характерная для многих стран СНГ, отсталых стран Латинской Америки и Африки, когда победитель получает все, а побежденный — ничего. В конечном итоге результатом действия указанного принципа является формирование иерархической, авторитарной системы. Соответственно начальный плюрализм теряет свою основу, заменяется диктатом одного человека или группы над социумом. Значительную часть истории человечества доминировали именно такие социальные системы. Доминировали потому, что в определенных условиях они обеспечивали наиболее эффективное воспроизводство социума. Ситуация кардинально меняется в современных условиях. Исследования свидетельствуют об однозначной взаимосвязи между уровнем развития экономики и демократизацией общественной жизни. С одной стороны, достаточно высокий уровень демократии сам по себе имеет предпосылкой определенный уровень дохода на каждого жителя страны. С другой — достижение указанного дохода предусматривает определенный уровень самосознания и социальной активности общества, которое делает невозможным приход к власти авторитарного режима. Вторая половина XX столетия дала много случаев (Сингапур, Южная Корея, Чили), когда именно наличие авторитарного режима на этапе экономических трансформаций и обеспечения модернизации экономики выступали условием успешного развития. Определяющим фактором выступали жизненные позиции и цели сил, которые оказывались у руля власти в указанных странах⁴¹. В тот же время возможности авторитарного управления успешным экономическим развитием в условиях формирования «новой», «постиндустриальной» экономики значительно сокращаются⁴². Принцип *«или/или»* исчерпывает свои возможности.

Логика социальной дополнительности на уровне устройства социальных систем воплощается через принцип *«оба/и»*. Происходит собирание, согласование, объединение отличных, даже противоречивых составляющих систем. Соответственно возможность одновременного сосуществования в единой сущности противоречивых элементов обеспечивает воспроизведение социального плюрализма в не редуцированном виде. На уровне социальных отношений явление констелляции в сознании, мышлении, жизни человека XX столетие иллюстрирует российский культуролог В. Библер⁴³.

Принцип дополнительности, наряду с обретшими к концу XX столетия всеобщее признание парадигмами системных исследований (целое больше своих частей, системная дифференциация и способность к самовоспроизводству), получил широкое распространение в гуманитарных науках. С формальной стороны он непосредственно пересекается с получившей распространение в экономических исследованиях концепцией комплементарности. Однако имеются

и существенные отличия. Прежде чем разобраться в причинах их появления рассмотрим опыт использования концепции комплементарности в институциональных исследованиях.

1.2. Теоретические предшественники изучения комплементарности в экономической сфере

1.2.1. Отражение представлений о комплементарности в концепциях основоположников экономической науки. Противопоставление части и целого как отражение представлений о комплементарности процессов хозяйствования мы находим и в творчестве основоположников экономической науки⁴⁴. Воплощается оно в концепциях взаимного приспособления, непреднамеренных последствий, невидимой руки, экономической гармонии, принципе дополненности А. Богданова, концепции совместно-разделенных отношений А. Гриценко. Именно в них мы видим первые попытки в неявном, опосредованном виде сформулировать представления о взаимосвязи, дополненности, целостности, комплементарности экономических систем. Эти концепции остаются популярными и сегодня, хотя они сохраняют скорее идеологическое, чем теоретическое значение.

На начальном этапе трансформаций на постсоветском пространстве особую популярность приобрела концепция «невидимой руки рынка». Происхождение этого понятия связывают с творчеством основателя политической экономии А. Смита (1723 — 1790)⁴⁵. Разделение труда, построенное на взаимодействии, *взаимном приспособлении, дополненности* деятельности экономических субъектов оказывается в основе общественной системы хозяйствования. Специализация на основании использования имеющихся преимуществ декларируется в качестве «Основного правила каждого благоразумного главы семьи»⁴⁶. Ученый далек от идеализации мотивов поведения обособленных экономических субъектов, скорее отвергает альтруизм в их хозяйственном поведении. Более того, основа успеха социального устройства закладывается в допущении и поддержании эгоистической мотивации их деятельности⁴⁷. Механизм, обеспечивающий согласованность деятельности экономических субъектов связывается с действием «*невидимой руки*». Положительные системообразующие результаты её действия признают не только либеральные политологи, экономисты, но и католический богослов, автор «Духа демократического капитализма» М. Новак⁴⁸.

Ученый дает рациональное объяснение сущности «*Невидимой руки*». Она не принуждает, экономические субъекты не замечают ее

влияния. Мотивы индивидов оказываются нетождественными социальным последствиям их действий, *возникает тема **непреднамеренных последствий***. За видимым хаосом рынка – рациональный расчет экономических субъектов, которые его формируют. Порядок, порождаемый рынком, основывается на *свободе выбора индивидов*, добровольном характере их деятельности. М. Новак подчеркивает: «*Порядок, который представляет собой рыночная экономика, лежит в иной плоскости в сравнении с движущими силами и намерениями людей, его осуществляющими* (выделено мною – В.Л.)⁴⁹. Спонтанная разумность рынка, по мнению ученого, оказывается более эффективным средством координации хозяйственной деятельности, чем механизмы плановой экономики.

Связь между идеей непредсказуемости социальных последствий человеческих действий и идеей «невидимой руки» прослеживает К. Вон. Ученый выделяет ключевые *компоненты концепции «невидимой руки»*. 1. Человеческие поступки могут приводить к непреднамеренным последствиям. 2. Последние, в свою очередь, в условиях концентрации больших масс людей способны стихийно породить социальные порядки, воспринимаемые как результат сознательного умысла. 3. Возникшие порядки являются хоть и непроизвольными, но желательными для людей, их принимающих⁵⁰. Характерно, что для К. Вона «представление об общественных институтах и практике» остается лишь «альтернативой описанию общественных процессов как непреднамеренных последствий целенаправленных человеческих действий»⁵¹. Но так ли это? Прежде всего, предложенный алгоритм напоминает акт сотворения Господом мира из хаоса, порядки возникают из беспорядка. Однако индивиды действуют сознательно и целенаправленно, их деятельность починена определенной логике, а эта логика сама по себе есть результат социализации, усвоения общепринятых норм. Непредсказуемость в этом случае будет означать изменение конфигурации факторов, влияющих на поведение индивидов, формирование в результате этого влияния новых институтов. Непроизвольное закрепление этих порядков становится результатом «желательности для людей их принимающих».

Взаимное приспособление выступает тем фактором, который находится в основе координации социальной активности. Достоинства римских институтов, утверждал уже во II в. до н.э. Полибий, заключаются не в их разумном устройстве сверху. Они формируются в результате непрекращающихся взаимодействий методом проб и ошибок. К этой же проблеме обращается в трактате «О духе законов» Монтескье (1748 г.). Идею взаимного приспособления как наиболее разумного пути формирования правовых институтов ученый заимствует у Ньютона, который в «Началах» (1687 г.) отправной точкой

физических явлений признает взаимное приспособление небесных тел. Взаимное приспособление живых организмов в «Происхождении видов» Ч. Дарвина обеспечивает изменение и эволюцию жизни. У А. Смита оно предстает исходным моментом координации хозяйственной деятельности людей.

Идея непроизвольного упорядочения социального взаимодействия как **непреднамеренного результата** человеческой деятельности высказывалась и до А. Смита. Её истоки прослеживаются в творчестве Б. Мандевиля, Дж. Локка, Д. Юма, А. Фергюсона, У. Пети. На институциональную подоплеку **непреднамеренных последствий** обращает внимание в «Опыте истории гражданского общества» А. Фергюсон (1723 – 1816)⁵². Однако непреднамеренность вовсе не означает хаотичность общественной эволюции. «В каждом обществе существуют стихийные зависимости, не связанные с формальными общественными установлениями и зачастую противоречащие конституции. — Отмечает А. Фергюсон, — ... Названная стихийная зависимость, способная возникнуть на почве распределения собственности или из других обстоятельств, ответственных за неравенство в плане влияния, придает государству его специфический облик, его индивидуальный характер»⁵³. Ученый обращает внимание на неформальные нормы и правила, окутывающие невидимыми нитями человеческие сообщества и тем самым влияющие на поведение их членов даже в тех случаях, когда они и не подозревают об этом.

Позже идея **непредсказуемости долговременных социальных последствий** человеческих действий проявляется в концепциях «органического понимания общественных процессов» К. Менгера и «спонтанного порядка» Ф. Хайека (1899 – 1992). Ученый концентрирует внимание на концепции *спонтанного порядка* как основы социальной гармонии. Ключевое значение в этом плане приобретает *непредсказуемость последствий социальных инноваций*. Ф. Хайек акцентирует внимание на согласованности действий и ожиданий социальных акторов⁵⁴. Ученый приводит цитату из Дж. Картера, в которой последний утверждает, что, поскольку в целом действия людей «должны отвечать честным ожиданиям», формы взаимодействия, построенные на этом принципе закрепляются, как общепризнанные обычаи, а их совокупность «тяготеет к тому, чтобы стать гармоничной системой». Непреднамеренные последствия появляются как результат влияния общества, целого на его части, поведение субъектов, превращаются в предпосылку социальной гармонии. В конечном итоге **непреднамеренные последствия** предстают результатом достижения цели, вменяемой хозяйствующим субъектам в неявном виде через систему неформальных и формальных норм социального взаимодействия.

Результаты первого десятилетия реформ показали, что действия одной лишь *«Невидимой руки»*, понимаемой исключительно как совокупность рыночного взаимодействия индивидуальных интересов, оказывается недостаточно для обеспечения успехов функционирования рыночной экономики. Более того, они наглядно демонстрируют, что поспешное самоустранение государства от участия в регулировании экономических процессов способно лишь ухудшить состояние экономической системы в целом (рис. 1.1).

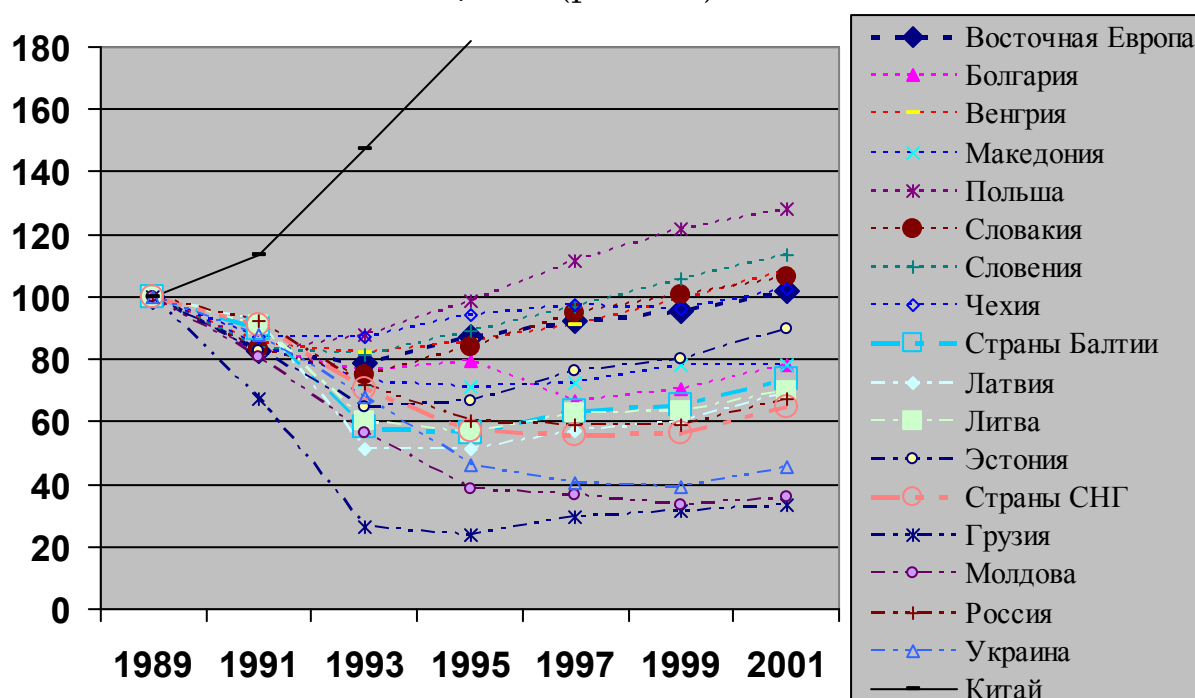

Рис. 1.1. Динамика реального ВВП отдельных стран с переходной экономикой 1989 – 2001 г. (индексы, 1989 = 100)⁶⁵

Во всех постсоветских странах за исключением Китая и Вьетнама процесс формирования рыночной экономики сопровождался поспешным бегством государства из сферы хозяйствования. Только в последних сохранилось активное влияние государства на экономические процессы, формировалась двухсекторная модель экономики. При сохранении государственного сектора доминирующая роль лишь постепенно переходит рыночному сектору экономики. Оказалось, что торжество «человека экономического», в упрощенном представлении этого понятия, вовсе не обеспечивает торжество рыночной экономики, *«невидимой руки рынка»*. Вывод современного французского экономиста, ведущего представителя школы регуляции Р. Буайе, однозначен — *капитализм не может устанавливаться стихийно, самостоятельно, без вмешательства государства*. Рынок сам по себе вовсе необязательно способен генерировать институты, необходимые для его успешного функционирования. *«В процессе внедрения и отбора*

базовых институтов капитализма нет невидимой руки» — утверждает ученый⁵⁶.

Проблемы, с которыми столкнулось большинство постсоветских стран в ходе развития новой экономической системы на основе концепции благотворного влияния **«невидимой руки рынка»**, стимулировали более внимательное исследование творческого наследия А. Смита, его взглядов на соотношение личного и общественного интересов. Уже Й. Шумпетер констатирует: «А. Смит остерегался придавать этому тезису слишком большое значение. В частности, он остро чувствовал антагонизм между классами»⁵⁷. Современный американский экономист Дж. Арриги утверждает, что А. Смит признавал целесообразность вмешательства государства в рыночный процесс. Он называет мифами утверждения, что А. Смит был теоретиком и сторонником рынков, которые «саморегулируются». А. Смит, согласно Дж. Арриги: «...Предполагает существование сильного государства, которое создало бы и воспроизводило бы условия для существования рынка; которое использовало бы рынок как эффективный инструмент управления; которое регулировало бы его деятельность и активно вмешивалось с целью корректировки и противодействия социально и политически нежелательным результатам его функционирования»⁵⁸. Более того, российские экономисты Р. Гринберг и А. Рубинштейн отмечают, что утверждение концепции свободы экономических субъектов вовсе не означает конфликта интересов индивида и государства. Основой этого была глубокая вера ученого в существование изначальной **гармонии** между ними. «Отсутствие противопоставления индивидуума и государства в теоретической модели Смита прямо вытекало из его *теологической веры в существование предустановленной гармонии* между общими и личными интересами. И эта вера в **гармонию** пронизывала оптимизмом всю его систему «естественной свободы» (выделено мною — В.Л.)»⁵⁹.

Каковы основания для подобного дрейфа теоретической мысли от **«невидимой руки рынка»** к **гармонии**? Обращение к первоисточнику позволяет выяснить, что *соединение «невидимой руки» и рынка на основании творчества А. Смита выглядит не совсем корректным*. Тема **«невидимой руки»** лишь один раз возникает в «Богатстве народов». Стараясь использовать свой капитал максимально эффективно, экономический субъект тем самым неизбежно направляется к увеличению общественного благосостояния. «Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство

таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью он преследует свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он **невидимой рукой** направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. *Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это* (выделено мною – В.Л.)⁶⁰. Понятие «рынок» в соответствующем месте мы вообще не находим. Лишь контекстуально «**невидимую руку**» можно связать с рынком. Ответ же на то, **Кому** принадлежит эта рука можно найти в более раннем произведении ученого – «Теории нравственных чувств». «Несмотря на свою алчность и свой эгоизм, – пишет ученый, – несмотря на то, что они [богатые – В.Л.] преследуют только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее, они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказаниям. По-видимому, какая-то **невидимая рука** заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. ... **Провидение**, разделив землю между небольшим числом хозяев, не позабыло и о тех, кого оно только с виду лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землей (выделено мною – В.Л.)»⁶¹. Как это ни парадоксально выглядит, но истоки отказа от этических первоисточников экономических отношений в пользу рационального эгоистического расчета мы находим в произведении, посвященном философии морали. Именно ответ на вопрос **Кому** принадлежит «невидимая рука» позволяет безоговорочно определить моральную основу хозяйственной, экономической деятельности человека. Рука эта принадлежит **Провидению**, имеет религиозно-этическое происхождение. Система моральных норм общественной жизни, вытекающих из христианских заповедей любви к ближнему, представляется той невидимой рукой, которая направляет хозяйственное поведение отдельных индивидов, составляет основу экономической системы.

Каким же образом эти отвлеченные рассуждения об истоках появления и подлинном значении «**Невидимой руки**» оказываются увязанными с реалиями трансформационных процессов в переходных экономиках? Безусловно, можно выделить множество факторов, повлиявших на глубину кризиса и время, понадобившееся на переход к фазе восстановления и роста, темпы позитивных изменений в экономике. Что объединяет европейские страны, в которых трансформационные изменения осуществлялись менее болезненно и существенно быстрее? Характерной чертой Восточно-европейских

стран, относительно быстро преодолевших кризис, является значительное влияние религиозных ценностей, преобладание католической или протестантской ветвей христианства. На рис. 1.2 представлены данные о доле представителей основных религиозных конфессий в населении стран, указанных на рис. 1.1.

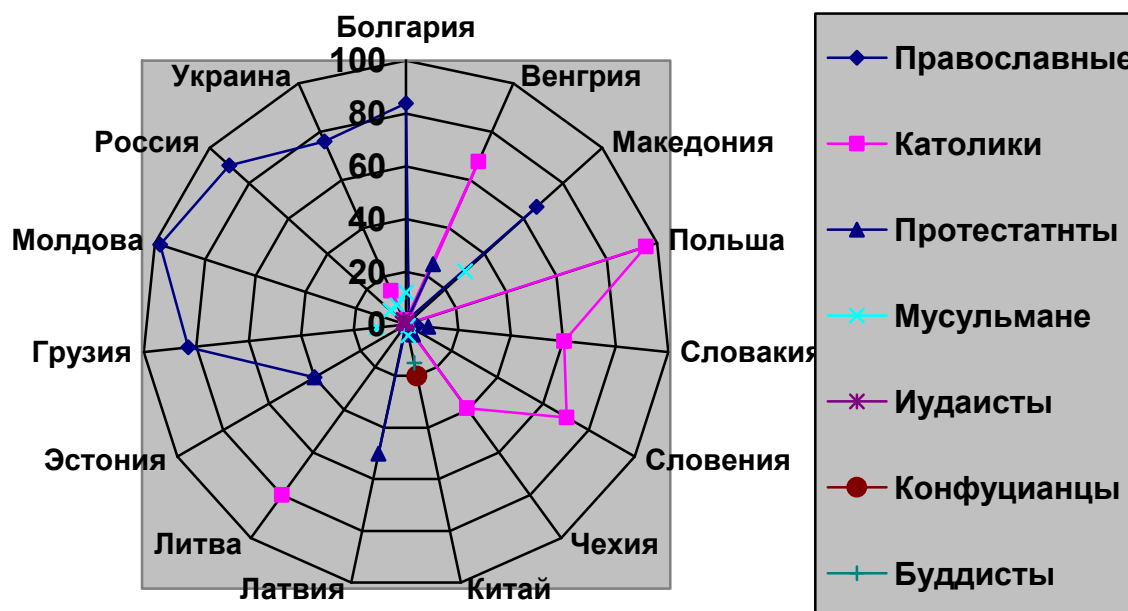

Рис. 1.2. Религиозный состав населения стран с переходной экономикой⁶²

Подобный подход выводит нас на институциональные истоки действия «невидимой руки». От рынка как всеохватывающей самоорганизующей силы мы переходим к институтам. Впрочем, само содержание и предпосылки их возникновения остаются за пределами внимания концепции. А. Смит допускает как их спонтанное возникновение, *непреднамеренные результаты*, так и формирование как продукта «сознательных человеческих планов»⁶³.

Вовсе не случайно в конце XX столетия активизируется интерес к проблеме непреднамеренных социальных последствий человеческой деятельности. На социокультурных предпосылках «**непреднамеренных последствий**» концентрирует внимание в своем исследовании современный американский экономист индийского происхождения Д. Лал⁶⁴. Ученый обращается к сопоставлениям национальных особенностей хозяйствования на широком историческом фоне. В поле зрения страны Запада, исламская, индийская, китайская цивилизации. Временные рамки распространяются от раннего средневековья до сегодняшних дней. Прослеживаются долговременные социальные последствия деятельности отцов церкви, военачальников, светских правителей. Характерный пример – объяснение раннего становления индивидуалистических ориентаций в Англии и североевропейских

странах. Связывается оно с реформами Папы Григория I, нацеленными на упрочение имущественного положения церкви, в конечном итоге, путем изменения стратегий наследования. Они привели к раннему подрыву устоев традиционной и становлению нуклеарной семьи. Молодое поколение, отделяясь от родителей, должно было принимать на себя ответственность за собственную судьбу. С другой стороны получают распространение договоры наследования, пенсий по старости, системы общественного презрения для бедных⁶⁵. Впрочем, ученый исследует уроки прошлого, ответ же на вопрос как предвидеть, избежать негативного результата трансформации социальных структур, мы не находим. Главный вывод ученого — деятельность индивида подчиняется как индивидуальному, эгоистическому интересу, так и требованиям социальных норм взаимодействия. Свобода индивидуального выбора ограничивается этими нормами. Мы возвращаемся к утверждению о необходимости совмещения в исследовании социально-экономического взаимодействия целого и части, применения как дедуктивных, так и индуктивных методов.

Указанному подходу, по утверждению К. Вон, противостоит возобладавший в XIX в. и действующий до наших дней равновесный подход. Он концентрирует внимание на системе предпочтений. При этом этические ценности выпадают из равновесного анализа, а неизбежное вмешательство государства приводит к невозможности установления естественного равновесия. В результате *«невидимая рука оказывается в лучшем случае парализованной, поскольку на самом деле она действует благотворно при условиях, которые в реальном мире не могут выполняться»* (выделено мною — В.Л.)⁶⁶. Абсолютизируются интересы индивидуума, а следовательно, и индуктивные методы исследования.

С темой **Провидения** в экономической литературе мы еще раз встречаемся в «Экономических гармониях» Ф. Бастиа. Название последней главы его произведения — «Соотношение политической экономии с моралью, политикой, законодательством, религией», безоговорочно указывает на связь между этикой и хозяйственным устройством. «...Феномены социальной экономии ... — утверждает ученый, — имеют свои непосредственные причины и тоже подчинены замыслу Провидения»⁶⁷. Именно следование замыслу **Провидения** делает экономическую жизнь *гармоничной*. **Гармония** же оказывается условием успешного хозяйственного устройства.

Л. Мизес таким образом объясняет истоки становления теории *«предустановленной гармонии»*: «Теизм и деизм эпохи Просвещения видели в регулярности природных явлений эманацию законов Провидения. Когда философы эпохи Просвещения обнаружили, что регулярность явлений наблюдается и в человеческой деятельности и в эволюции общества, они были готовы объяснить это как

свидетельство отеческой заботы Творца Вселенной. Именно в этом подлинный смысл *доктрины предустановленной гармонии*⁶⁸. Ученый обращает внимание на существование еще двух разновидностей концепции: «Социальная философия патерналистского деспотизма делает упор на божественной миссии королей и деспотов ... Либералы возражают, заявляя, что действие свободного рынка ... дает более удовлетворительные результаты ... Понаблюдайте за функционированием рыночной системы, говорят они, и вы обнаружите в ней указующий перст Творца».⁶⁹

Так что же понимается под гармонией? **Гармония** (harmonia (греч.) — объединение, связь, соразмерность) — в философии определяется как категория, которая отображает закономерный характер развития действительности, внутреннюю и внешнюю соразмерность и упорядоченность частей целого, единство многообразия, согласованность формы и содержания объекта. В эпоху Гомера под ней понимается скрепа, гвоздь, согласованность, полное согласие сосуществования, противостояние хаосу. Однако уже Гераклит понимает ее как *единство противоположностей*, внутреннее единство, которое основывается на смысловой связи. Платон рассматривает гармонию как *соотношение противоположного, согласие между разнообразным*. Аристотель обращает внимание на единство и противоречивость в гармонии, рассматривает ее как самодовлеющее объединение явлений и как соотношение составляющих, распространяет гармонию на все стороны действительности. Лейбниц обращает внимание на напредзаданность гармонии, утверждает, что все монады отвечают одна другой согласно замыслу Божьему. В то же время, отсутствие причинно-следственных связей, по его утверждению, не является преградой для гармонии, гармоничными могут быть и события, которые разворачиваются параллельно. С другой стороны философы-материалисты (П. Гольбах, Гельвеций) утверждали, что гармония является субъективной выдумкой человека, согласованность в природе они объясняли объективной необходимостью. Для Гегеля гармония — это целостность и согласованность, единство противоположного, абсолютное становление, соотношение качественных отличий и, к тому же, совокупность таких отличий, которые находят свою основу в сущности самой вещи. Философ обращает внимание на дисгармоничность капиталистического общества. Особое значение придается социальной гармонии.

Вполне закономерно, что в «мейнстриме» современной экономической мысли, неоклассической теории, экономическая гармония сводится, прежде всего, к *гармонии интересов*. Показательна в этом плане отсылка для объяснения этого понятия (*harmony of interests*) в словаре экономической теории Макмиллана к понятию «невидимая рука» (*invisible hand*)⁷⁰. Составители считают, что последняя вполне

объясняет возможное содержание гармонии в экономике. Тем не менее, уже в словаре по экономической теории «New Palgrave» И. Кирцнер приводит обзор целого ряда сугубо экономических концепций гармонии. Среди них упоминавшаяся ранее концепция *напередзаданной (предустановленной, как следствия Божественного Провидения) гармонии*; гармония как спонтанный порядок; теории гармонии как идеи максима удовлетворения, отрицания классового конфликта⁷¹. Последняя концепция непосредственно связана с теорией гармонии интересов, истоки которой находим в произведениях Ф. Бастиа, Г. Кери, Ф. Уокера, Г. Джорджа, Н. Бунге, Дж. Кларка⁷².

Среди экономистов, которые первыми обратили внимание на проблеме экономической гармонии, следует назвать Ф. Кенэ (1694 – 1774)⁷³. Для пояснения своего утверждения ученый обращается к примеру, который приводит Р. Кантильон (1680 – 1734)⁷⁴. Предложенная Ф. Кенэ «Экономическая таблица» демонстрирует взаимосвязь и взаимозависимость основных слоев общества, их единство в обеспечении общественного хозяйствования. Ф. Кенэ, по утверждению Й. Шумпетера, пошел дальше А. Смита: «...От идеи всеобщей совместимости и *дополняемости* личных интересов в обществе, основанном на конкуренции, к идее *всеобщей гармонии классовых интересов*, что делает его предтечей «гармонизма» XIX в. (выделено мною – В.Л.)»⁷⁵. Стоит подчеркнуть соединение в этой фразе великого австро-американского ученого первой половины XX столетия проблем гармонизации социальной жизни и обеспечения дополнительности, комплементарности интересов субъектов хозяйствования.

В контексте темы исследования в связи с творчеством Ф. Кенэ следует упомянуть незаслуженно забытые работы одного из первых преподавателей Харьковского университета Осипа Матвеевича Ланга. Дополнительность элементов общества выступает основой моделей перераспределения национального продукта, предлагаемых ученым: «Каждая нация образует *общность*, в которой все *части имеют* между собой *устойчивые связи*, различные классы и их подразделения суть эти части. Масса средств, которые постоянно используются для удовлетворения потребностей всех, и их распределение есть результат деятельности всех, их *взаимосвязанного влияния друг на друга* (выделено мною – В.Л.)»⁷⁶.

Концепция экономической гармонии Ф. Бастиа (1801 – 1850) противостоит экономическим теориям, акцентировавшим внимание на социальных антагонизмах капиталистической системы. «Гармония», согласно утверждениям Ф. Бастиа, проявляется через «экономические гармонии» в процессах обмена, конкуренции, производства, распределения и потребления. Вмешательство государства способно лишь нарушить её. Ученый акцентирует внимание на его недопустимости,

показывает, что оно предопределяет нарушение естественного течения экономических процессов.

По утверждению современников концепцию экономической гармонии Ф. Бастиа позаимствовал у американского экономиста Г. Кери (1793 – 1879)⁷⁷. Выразительно звучит полное название главного произведения этого автора: «Естественная гармония, которая проявляется в законах, управляющих ростом населения и средств существования и определяющих идентичность интересов монарха и подданных, лендлорда и арендатора, капиталиста и рабочего, плантатора и раба»⁷⁸. Й. Шумпетер дает не лишнюю иронии развернутую характеристику научному творчеству Г. Кери, отмечая значимость предложенной им концепции гармонии⁷⁹. Для Г. Кери «Гармония интересов» основывается на идее, что *социально-экономический уклад требует единения всех членов общества, на основе общественного интереса*. В основе концепции Г. Кери тезис о «продуктивной силе» единства общества и приоритете общественных интересов над частными. Ученый утверждал существование закона экономического роста, обеспечивающего успешное экономическое развитие стран, в которых социально-экономическое устройство создает условия для действия «гармонии интересов». Еще одним представителем концепции «гармонии интересов» был Г. Джордж (1839 – 1897). Ученый утверждал, что социальная гармония подрывается перераспределением богатства от производительных к непроизводительным слоям общества: «Гармония между трудом и капиталом» нарушается концентрацией земельной собственности, которая приводит к перераспределению общественного богатства через ренту в пользу землевладельцев»⁸⁰.

Сторонником теории гармонии интересов был Л. Мизес, отмечавший: «Место биологической конкуренции занимает каталлактическая конкуренция. Это ведет к *гармонии интересов всех членов общества*. Обстоятельство, из которого возникают неразрешимые конфликты биологической конкуренции, а именно тот факт, что все люди стремятся, вообще говоря, к одним и тем же вещам, трансформируется в фактор, приводящий к *гармонии интересов* (выделено мною – В.Л.)»⁸¹. На идее гармонии интересов основываются концепции «народного» капитализма, соучастия, «социального партнерства», «социализации собственности».

С точки зрения экономистов-неоклассиков, и прежде всего, К. Викселя (1851 – 1926) и А. Маршалла (1842 – 1924) экономическая гармония связана с состоянием *максимального удовлетворения*. «...Состояние (устойчивого) равновесия спроса и предложения, – уточняет А. Маршал, – это также и *состояние максимального удовлетворения*, причем, существует *абстрактная и жестокая форма*

этой доктрины, ставшая очень модной, особенно со времени появления работы Бастиа «*Экономические гармонии*» ... и вполне укладывающиеся в узкие рамки настоящего анализа (выделено мною — В.Л.)»⁸².

Краткий обзор концепций экономической гармонии демонстрирует все тоже противоборство взглядов на объект исследования. *Гармония* предстает и как целое, которое через систему соответствующих морально-этических норм, формальных институтов задает исходные предпосылки поведения индивидов и как совокупный результат их спонтанных разрозненных действий. Речь идет о выборе между индуктивными и дедуктивными методами исследования социальных процессов. Одновременно дуальность подходов к изучению объекта исследования ведет к подрыву веры в возможность получения в рамках позитивной науки достоверных знаний о нем. Нормативное же знание превращается скорее в продукт веры, чем научного творчества.

По мере признания необходимости усиления вмешательства государства в хозяйственный процесс теории гармонии теряют популярность. Концепция социальной гармонии вызывает отрицательное отношение как со стороны неоклассиков, так и со стороны приверженцев марксизма. С точки зрения первых она неприемлема как по методологическим основаниям (упор на принципы нормативного подхода), так и по своему акценту на социально-экономических отношениях. С точки зрения вторых, такая концепция лишь порождает заблуждение относительно подлинных источников экономического неравенства и путей их преодоления. Опосредованно критическое отношение к предлагаемой Г. Кери и Ф. Бастиа концепции гармонии содержится в критическом высказывании К. Маркса⁸³. По мнению Й. Шумпетера: «... Придание исключительного значения классовому антагонизму так же явно ошибочно (и столь же идеологично), как и исключительный упор на классовой гармонии в духе Кэрри — Бастиа»⁸⁴.

Концептуальный вакуум, образовавшийся в результате разочарования экономистов в созидательных возможностях «*Невидимой руки*» заполнили представители институционального направления экономической теории. Ключевой предпосылкой формирования целостных экономических систем признается **комплементарность институтов**. Политэкономическое обоснование сути этого явления дает концепция *совместно-разделенных отношений*.

1.2.2. Принцип дополненности во всеобщей организационной науке А. Богданова. Среди работ, содержащих существенный теоретический и методологический потенциал исследования институциональной комплементарности, особое место занимает Тектология А. Богданова⁸⁵. Ученый предлагает свои коррективы историческому материализму (монизму) К. Маркса. Прежде всего, это опора на

последовательную «структурную точку зрения». А. Богданов выводит генезис форм общественного сознания из производственных отношений, духовной культуры из материальной. Происходит признание активного обратного организующего влияния идеологических форм на производственные отношения⁸⁶. Труд выпускника Харьковского университета, выдающегося экономиста начала XX столетия Александра Александровича Богданова (Малиновского) получил широкое признание, однако неостребованным остается потенциал предложенной ученым теории для исследования институциональной комплементарности. Закономерно, что в процессе определения основных принципов «Всеобщей организационной науки» ученый обращает внимание на характер взаимодействия элементов, которые составляют целостные системы. Он выдвигает **принцип дополнительного соотношения**.

Уже сама отправная точка анализа проблемы дополнительности элементов системы указывает нам на её **актуальность для экономики, которая развивается**. Ею для ученого становится динамическая ситуация «системной дифференциации, расхождение», развитие, когда происходит усложнение системы, углубляется распределение функций за счет разделения элементов и возникновения на их основе новых.

Почему в результате такого усложнения система продолжает существовать? Потому, что **отдельность элементов объединяется с их связностью**. А. Богданов безоговорочно утверждает **всеохватывающий, системный, целостный характер действия принципа дополнительности**⁸⁷. Он объединяет людей и продукты их труда, обеспечивая устойчивое развитие социума⁸⁸. Ученый показывает **механизм действия принципа дополнительности элементов системы** и связывает его с развитием. Открытая система постоянно ощущает влияние окружающей среды, реагирует на неё, изменяется, приспосабливается. **Приспособление** ученый выдвигает в качестве ключевого закона жизнедеятельности любой системы. В социальной сфере оно приобретает форму **социально-трудового приспособления**⁸⁹. Сохранение внутреннего равновесия обеспечивается компенсацией внешних влияний внутренней реакцией. Их долгосрочное направление — поиск наиболее устойчивого состояния соотношения элементов. В том числе и за счет дальнейшей их дифференциации, распределения функций, усложнения структуры. Парадоксальность ситуации состоит в том, что развитие путем расхождения элементов в конечном итоге приводит к противоречивому соединению роста отличий элементов системы и более устойчивого их структурного соотношения. Условием, при котором возможно такое объединение и есть установление и сохранение **дополнительности элементов системы**. *Закрепляются и развиваются лишь те отличия, которые обеспечивают рост ее целостности,*

связности и организованности, обеспечивают ее устойчивость к внешним вызовам.

Именно такими в хозяйственной деятельности являются процессы *функциональной специализации*. Ведь углубление разделения труда усиливает взаимозависимость. Лишь при условиях сохранения взаимосвязей, выполнения общесистемных требований, возможно само функционирование отдельных элементов системы. Каждый элемент самостоятельно осуществляет лишь незначительную (в идеале минимальную) часть необходимых для поддержки собственного существования функций. Их перебирают другие элементы, окружающая внутрисистемная среда. С противоположной стороны каждый из элементов специализируется на обеспечении специфических нужд других частей системы. Они оказываются связанными сложными цепными функциональными связями, где каждый элемент, результатами своей деятельности, посылает сигналы к другим и получает такие же от них. Указанный механизм имеет универсальный характер. Так, базовый институт собственности фиксирует порядок отношений использования экономических ресурсов в таких сферах, как корпоративное управление, финансирование, инновационная поддержка производственного процесса и прочие. Он обеспечивает возможность создания новой стоимости, которая в свою очередь становится как объектом отношений собственности, так и ресурсом для поддержки самого существования института собственности. Нарушение отношений собственности на каждом из этапов воспроизводственного процесса (неплатежи, их задержка, неадекватные ценовая политика, политика в сфере оплаты труда, защиты интеллектуальной собственности и др.) в конечном итоге приводят к сокращению как объемов вновь создаваемой собственности, так и ресурсов, которые могут быть направлены обществом на поддержку этого базового института.

«Тектологические основы дополнительных отношений — ассимиляция и дезассимиляция, процессы подбора — одинаково свойственны всему «живому» и «неживому», — отмечает О. Богданов, — так что и эта организационная тенденция должна ровно обнаруживаться здесь и там при системном расхождении»⁹⁰. Сущность процесса заключается в обеспечении *подвижного равновесия системы в целом через взаимосвязь ее элементов*. То, что для одних элементов системы выглядит как процесс «дезассимиляции» — отдачи, растраты энергии, ресурсов, для других будет их «ассимиляцией», усвоением. Ученый отмечает, что не следует надеяться на полное совершенство дополнительных отношений. Так, в общественном производстве, с одной стороны, отдельные функциональные составляющие не только вырабатывают конкретные блага, но и сами потребляют определенное их количество. А с другой

стороны, помимо обменных связей, довольно типичной есть борьба, противоречие частей. На уровне институциональных отношений они проявляются как конкуренция институтов. Столкновение институтов, относящихся к разным сферам, подталкивает поиск новых, более эффективных форм деятельности, становится стимулом развития. А. Богданов подчеркивает, что полярность элементов – наиболее развитый случай обменных дополнительных связей, когда такая противоположность элементов обеспечивает поддержку равновесия.

По утверждению ученого, именно наличие дополнительного соотношения обеспечивает стабильность системы, ее воспроизводство, невзирая на агрессивность внешней среды. Устойчивость системы является свидетельством высокого уровня развития дополнительных связей, образовавшихся в процессе напряженного подбора в ходе длительного системного расхождения. Равенство и соотнесенность полярных функций частей характеризуют наиболее развитые системы. Именно это дает основания к совершенному распределению функций между ними, ведь каждая из функций оказывается максимально сбалансированной согласно нуждам системы в целом. Механизмом такого сбалансирования выступает взаимное обеспечение условий жизнедеятельности элементов системы. Ведь каждый из них может обеспечивать свои функции в той мере, в которой это позволяют другие, поставляющие соответствующие ресурсы.

Особую актуальность в процессе институциональных изменений, которые происходят в трансформационных и пост трансформационных экономиках приобретают идею ученого о влиянии дополнительных связей на направленность системного расхождения⁹¹. Сознательная деятельность человека по подбору наиболее эффективных элементов и направлений системного взаимодействия осуществляется не только в сфере создания технических средств, но и в социальной сфере, где «организуются сами люди в сотрудничество и где организуется опыт в идеи, насквозь проникнутые той же тенденцией»⁹². Среди тех направлений деятельности человека, где влияние принципа дополненности приобретает особое значение, ученый выделяет и институциональную сферу⁹³. Утверждение А. Богданова о том, что склонность «... комбинировать людей так, чтобы они дополняли друг друга в интересах дела ... прямо вызывает желательное их расхождение в сторону дополненности связей» можно отнести не только к сфере непосредственного управления, но и к институциональной сфере. Ведь именно через формирование эффективной институциональной системы становится возможным достижение наиболее эффективного объединения качеств участников производственной деятельности⁹⁴.

Устойчивость системы, ее способность поддерживать собственное существование в борьбе с внешней средой оказывается подорванной

именно в тех ее местах, где не соблюдается принцип дополнительности элементов, утверждает ученый. Именно эти места оказываются наиболее слабым звеном системы, по уровню прочности которого определяется и жизнеспособность системы в целом. Их наличие становится предпосылкой либо общего краха системы, либо неравновесного состояния, когда взаимодействие между элементами нарушается, отдельные части дают регулярные сбои. Появление таких мест стимулирует начало процесса перестройки, приспособления к новым обстоятельствам. В институциональной сфере в зависимости от глубины и распространенности кризисных явлений они ведут к эволюционным, или революционным изменениям в системе. Так, переход в результате развития научно-технического прогресса от доминирования индустриальной системы, основанной на производстве продукции массового спроса к углубленной дифференциации продуктовой ориентации, сделал невозможным применение фордистских методов организации труда. В результате изменения испытали не только системы производственных отношений (ПО), но и корпоративное управление (КУ), финансовые системы (ФС), обучение и подготовка персонала (ОПП), государство всеобщего благосостояния (ГВБ), характер вмешательства государства во внешнеэкономические связи. В ведущих западных странах этот процесс имел эволюционный характер. Для стран социалистического лагеря, кроме Китая и Вьетнама, он привел к революционному изменению общественного порядка.

Особенность дополнительных отношений по утверждению А. Богданова состоит в их необратимости. Ассимиляция в одной части системы должна отвечать диссимиляции в другой ее части. Соответственно последовательность связи между А и В не тождественна последовательности между В и А. Так, одни институциональные элементы СЭС обеспечивают сферу политического взаимодействия, другие — правовые, экономические, идеологические стороны жизнедеятельности общества. Результат — свой специфический продукт, который обеспечивает нужды всей системы. Поставляя его, институт в ответ получает продукты функционирования других институтов. Элементы системы вступают в связь между собой, но *функции, которые они при этом выполняют, остаются разными*. И именно такое сохранение дифференциации функций предопределяет значимость взаимосвязи для каждого из элементов системы и возможность их функциональной специализации в обеспечении разнообразных её нужд. Автор называет такие связи *асимметрической ингрессией*.

Ученый обращает внимание на *связь между формами и функциями вещей*, которые возникают в процессе дополнительного взаимодействия, на то, что отличие форм не мешает дополнительности

функций, которые они выполняют. «Топор, пила функционально дополняют своими активностями, скрытыми в их материальной форме, человеческий орган — руку и от нее получают, «усваивают» активности своего действия, применения»⁹⁵. Дополнительность между человеком и средствами производства, как дополнительность между носителем активности и вещами, на которые она передается и для которых становится движущей силой выполнения ими своих функций — это лишь один из уровней дополненных структурно-функциональных связей. Элементы создаваемых человеком орудий и машин также дополняют друг друга⁹⁶. Особую актуальность эти идеи приобретают в свете исследования множественность вариантов социально-экономического развития в условиях глобализации. Унификация экономических функций объединяется с возможностью сохранения существенных отличий организационных форм, обеспечивающих успех экономического процесса.

Дополнительность отношений является необходимым условием успешного функционирования каждой системы, СЭС, в частности. Ее отсутствие или неполнота, неточность стимулируют изменения в системе, трансформацию или прекращение её существования.

Требования дополнительности элементов имеют важное методологическое значение для развития научной теории, экономической науки и институционализма, в частности. А. Богданов отмечает, что научная концепция может быть признана логичной и завершенной лишь при условиях, когда содержание её ключевых понятий распределяется между компонентами таким образом, чтобы они полностью дополняли одно другое⁹⁷.

В работах О. Богданова содержится существенный потенциал теоретического обоснования комплементарного взаимодействия элементов институциональных систем. Их изучение и использование будет оказывать содействие формированию действенной стратегии экономического развития Украины.

1.3. Допущения и ограничения концепции институциональной комплементарности

1.3.1. Допущения

1. Институциональная комплементарность социально-экономических систем носит системный характер, охватывает все стороны их функционирования и является условием стабильности.

2. Компонентами институциональной комплементарности социально-экономических систем являются структурная и функциональная

комплементарность. В рамках структурной комплементарности обеспечивается совместность деятельности членов общества по обеспечению воспроизводственного процесса, а в рамках функциональной их дифференциация в соответствии со спецификой выполняемых задач. В своем взаимодействии они обеспечивают общую комплементарность.

3. *Общая комплементарность* характеризует единство структурных и функциональных свойств институциональной системы. Они обуславливаются внешними и внутренними связями и взаимодействиями, имеют упорядоченный характер, объединены на постоянной основе и обеспечивают её целостность, внутреннюю дифференциацию, самоидентификацию и саморазвитие.

4. *Общая комплементарность социально-экономических систем* отражает единство институциональных форм и функций. Взаимодействие между ними имеет относительный, взаимообусловленный характер. Одна и та же институциональная форма может выполнять разные функции. Одну и ту же функцию могут выполнять разные институты. В разное время в одной и той же социально-экономической системе разные институты могут осуществлять одну и ту же функцию, один и тот же институт может осуществлять разные функции.

5. *Структурная комплементарность* отражает взаимосвязь форм хозяйствования, закладывается на уровне социальных ориентаций ценностной системы и основывается на принципе подобия институтов. *Принцип подобия* предполагает изоморфизм институциональных форм относительно доминирующей в данной институциональной системе социальной ориентации ценностной системы.

6. Диалектика отношений альтернативных (индивидуализм /коллективизм) принципов социальной ориентации в рамках структурной комплементарности социально-экономических систем предполагает существование в рамках системы как целого, основанного на определенном принципе ориентации её противоположности, как «иного», являющегося необходимым условием развития противоречия и взаимодействия противоположностей, обеспечивающих развитие «своего» через «иное».

7. *Функциональная комплементарность* характеризует функциональную и процессуальную целостность системы, опирается на принципы институциональной целостности, связности и последовательности. *Принцип целостности* предполагает внутреннее единство функций, осуществляемых институциональной системой, охват ими всех аспектов жизнедеятельности системы, необходимых для обеспечения её существования. *Принцип связности* означает комплексное взаимодействие и взаимообусловленность институциональных функций, когда каждая из них является условием осуществления других и одновременно в качестве ресурсов собственного существования имеет результаты

выполнения других институциональных функций. *Принцип последовательности* предполагает непрерывное, упорядоченное, закономерно следующее в соответствии с функциональной необходимостью, взаимообусловленное взаимодействие институциональных функций, в рамках выполнения ими, как элементами системы, возлагаемых задач.

8. Характер включенности в институциональную систему факторов, влияющих на состав институциональных элементов и их взаимодействие, а также выбор уровня анализа институциональной комплементарности, предполагают выделение эндогенной и экзогенной комплементарности экономических систем. *Эндогенная комплементарность* отражает взаимодействие институтов в рамках институциональной системы, подсистемы, института. *Экзогенная комплементарность* отражает качество взаимодействия институциональной системы с внешней средой, элементами которой могут быть как другие институциональные системы, так и неинституциональные явления хозяйствования, оказывающие влияние на функционирование системы. Ключевое значение в их числе принадлежит материально-технологическим условиям среды существования институциональной системы.

9. Институциональные системы имеют сложную структуру, выстраиваемую в виде «*лестницы оснований*», элементами которой являются социальные ориентации ценностной системы, коллективные конвенции, институциональные формы и функции, институции, институты, базовые институты, институциональные органы, сферы и блоки, социальные системы производства, режимы накопления и способы развития.

10. Особенности комплементарного взаимодействия институциональных элементов предопределяются их ролью и местом в рамках «*лестницы оснований*» институциональной архитектоники СЭС.

11. *Мера институциональной комплементарности* характеризует диапазон устойчивых состояний институциональной системы хозяйствования, в рамках которых изменение количественных показателей элементов не приводит к изменению её качества как целого. Её компоненты — структурные, функциональные и общие простая, системная и реальная. Не существует единого показателя меры институциональной комплементарности социально-экономических систем. *Узловая линия мер институциональной комплементарности* отражает специфику комплементарного взаимодействия на каждом из уровней лестницы основания институциональной архитектоники СЭС.

12. *Социальные ориентации ценностной системы* национальной культуры хозяйствования являются исходным основанием формирования структурной комплементарности социально-экономических систем. Ключевое значение для формирования их специфических

моделей имеет приоритет *индивидуализма* или *коллективизма*. В качестве особых форм их соединения выступают корпоративизм или солидаризм. В случае с *корпоративизмом* первичными остаются индивидуалистические, а в случае с *солидаризмом* приоритет имеют коллективистские ценности.

13. *Конвенции* — коллективные договоренности относительно принятия институтов в качестве руководства к действию. Структурная комплементарность конвенций закладывается на уровне социальных ориентаций соответствующих групп общества, в числе которых ключевую роль играют национальные элиты. Они выступают в роли лидеров «потребительских предпочтений» в процессе выбора и закрепления институтов. Функциональная комплементарность увязывает функции поддерживаемых институций и институтов с интересами соответствующих социальных групп и инкорпорирует новые институциональные функции в существующие функциональные взаимосвязи.

14. *Базовые институты* — это глубинные исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, которые обеспечивают интегрированность разных типов обществ. Их функция — регулирование основных общественных подсистем — идеологии, политики и экономики, а так же правовых отношений, они воплощаются в конкретных институциональных формах. Диалектика отношений на уровне базовых институтов задается единством противоположности ценностей субсидиарность/коммунитарность. Доминирование на уровне базовых институтов одного из вариантов социальной ориентации предполагает их дополнение комплементарными институтами противоположной ориентации. Истоки этой комплементарности закладываются в совместно-разделенном характере общественной воспроизводственной деятельности человека. *Структурная сторона комплементарности базовых институтов* представлена в диалектике отношений соответствующих институциональных форм противоположных социальных ориентаций. *Функциональная сторона* выражается в связности и последовательности функций в своем единстве и целостности обеспечивающих действенность и полноту охвата соответствующих сфер социального взаимодействия.

15. *Институции* — элементарный строительный кирпичик институциональной системы, уровень взаимосвязи формы и функции. Их *функциональная комплементарность* предопределяется связностью и последовательностью функций в рамках института, в который они включены. *Структурная комплементарность* задается на этапе формирования институции её подобием, изоморфизмом основополагающему принципу социальной ориентации институциональной системы, в которую включается институция.

16. *Институты* — организационные формы социального взаимодействия, обеспечивающие оптимизацию внутренних транзакционных издержек в соответствии с особенностями возлагаемых на них задач, функционирующие комплексы комплементарных институций. К ним относятся *государство, рынок, иерархии (организации), местные сообщества (МС), сетевые структуры, ассоциации, домохозяйства*. Промежуточным звеном между институтом и институцией выступают *институциональные органы* — специализированные, относительно обособленные в рамках внутренней структуры института комплексы институций, обеспечивающие осуществление отдельных системных функций. *Структурная комплементарность* институций в рамках института обеспечивается их изоморфизмом относительно основополагающего принципа социальной ориентации в соответствии с задачами института в рамках институциональной системы. *Функциональная* — связность и последовательность выполняемых функций в пределах института и как элементов целостной институциональной системы.

17. *Институциональные блоки* — это относительно устойчивые объединения институтов, функционирующих в определенных сферах хозяйственной деятельности. В качестве основных выделяются производственные отношения, финансовые системы, корпоративное управление, модели производства, обучение и подготовка кадров, национальные инновационные системы, государство всеобщего благосостояния. Их *структурная комплементарность* как на экзогенном, так и на эндогенном уровне предопределяется подобием образующих их институций и институтов относительно доминирующего в обществе принципа социальных ориентаций. *Функциональная комплементарность* обеспечивает целостность, связность и последовательность функций, выполняемых входящими в их структуру институтов как в рамках институционального блока, та и на уровне институциональной системы в целом.

18. *Социальные системы производства* — специфические порядки организации комплементарных отношений между основными институциональными блоками в конкретных СЭС, обеспечивающие стабильность воспроизводственных процессов в рамках национальной экономики, это доминирующие стратегии производства. Характерными чертами современного состояния развития институциональных систем является дифференциация институциональных форм и функций, увеличение числа компонентов институциональной системы, вовлеченных во взаимодействие, усложнение связей между ними, усиление нестабильности, сокращение возможностей государства регулировать происходящие процессы в условиях роста открытости национальной экономики, перехода к постфордистской

модели производства. Это приводит к расширению вариантов взаимодействия институциональных блоков в рамках систем, основанных на общем принципе социальной ориентации, появлению множества вариантов их комплементарного взаимодействия. Эта множественность и отражается в социальных системах производства.

19. *Режимы накопления* — специфические конфигурации институциональных элементов социально-экономических систем, обеспечивающие условия для последовательно расширяющегося накопления капитала посредством устранения дисбалансов, возникающих между элементами воспроизводственной системы в процессе развития. *Функциональная комплементарность* институтов, обеспечивающих действенность режимов накопления, характеризует такое состояние взаимоотношений между институциональными компонентами, когда обеспечиваются стимулы для расширения воспроизводственного потенциала системы. Ключевое значение в обеспечении структурной комплементарности институтов, вовлеченных в формирование режимов накопления, играет подобие побудительных мотивов и логики накопления, экономических субъектов, вовлеченных в процесс хозяйствования.

20. *Способы развития* — модели политико-экономического устройства общества, основанные на непосредственном взаимодействии институтов, относящихся к политической и экономической сферам социума и обеспечивающие, на основе компромисса между основными социальными группами общества его устойчивое развитие. Особенности комплементарных отношений на этом уровне закладываются прямым взаимодействием институтов, относящихся к политической и экономической сферам.

21. *Компенсационные институты* — институты, структурно не комплементарные доминирующим социальным ориентациям социально-экономической системы, но дополняющие действие комплементарных институтов, в случае, когда те не обеспечивают эффективное выполнение возлагаемых на них функций. Структурная некомплементарность институциональных форм сопровождается комплементарностью институциональных функций. Появление компенсационных институтов может носить временный характер, когда их существование ограничивается периодом поиска и утверждения институтов, структурно комплементарных доминирующим социальным ориентациям, либо приводит к формированию смешанных экономик, основанных на полиизоморфизме институциональных структур. Этот процесс отражает постепенную эволюцию социальных ориентаций национальных культур хозяйствования в стону большего индивидуализма, утверждения солидаристских либо корпоративистских ценностей в процессе экономической модернизации.

22. Системный характер институциональной комплементарности не исключает возможности появления *институционального напряжения* в процессе эволюции социально-экономических систем. Появление такого напряжения является стимулом их развития.

23. *Эволюция институциональной комплементарности* носит постоянный и непрерывный характер. Она является результатом возникновения институционального напряжения в результате изменения материально-технологических условий общественного воспроизводства и стихийного поиска новых институциональных форм, функций, вариантов институционального взаимодействия, обеспечивающих выживание и совершенствование социально-экономических систем.

24. *Движущей силой эволюции институциональных систем* выступает возникающее в результате их постоянного усложнения противоречие между дифференциацией элементов экономических систем и их структурной и функциональной соотнесенностью. Структурная комплементарность обеспечивает основу интеграции, в то время как функциональная – их фрагментацию.

25. В случае, когда закономерности комплементарного взаимодействия охватывают сразу несколько элементов лестницы оснований институциональной архитектуры СЭС, к ним применяется обобщающее наименование институт.

1.3.2. Ограничения

1. Институциональная комплементарность является важным, но не единственным фактором, влияющим на институциональную структуру социально-экономических систем. При её исследовании необходимо учитывать воздействие экзогенных неинституциональных факторов.

2. Наличие эндогенных и экзогенных институциональных факторов, влияющих на характер системного институционального взаимодействия в рамках социально-экономических систем, многоуровневый и многоаспектный характер комплементарности, ограничивают возможности исчерпывающего анализа взаимосвязей и взаимообусловленностей институционального взаимодействия. Чем выше уровень анализа, тем сложнее взаимодействие, шире круг вовлекаемых в него институтов и не институциональных факторов.

3. Совмещение в рамках общей комплементарности функциональной и структурной сторон институционального взаимодействия исключает возможности использования единого методологического подхода к её определению. В рамках исследования структурной комплементарности на первое место выходят нормативные методы анализа. В случае с функциональной – позитивные.

4. Использование методов нормативного анализа структурной комплементарности позволяет выявить степень соответствия институтов доминирующим социальным ориентациям ценностной системы национальной культуры хозяйствования, возможности интеграции комплементарных институтов противоположной институциональной матрицы и определить компенсирующие институты, призванные смягчить возникающее при этом институциональное напряжение.

5. Позитивный анализ институциональной комплементарности позволяет определить количественные характеристики функционального взаимодействия институтов СЭС.

6. Институциональные формы имеют универсальный характер. Они способны принимать на себя различные институциональные функции. Это предполагает необходимость учета специфики механизмов взаимодействия институций в рамках конкретной институциональной формы. В различных моделях социально-экономических систем они могут существенно отличаться (особенности корпоративного управления, организации работы финансовых систем, рынков труда в странах рыночного, социал-демократического, мезокорпоративного капитализма).

7. Выделение основных институциональных блоков хозяйствования носит условный характер. Они тесно переплетены между собой. При этом, с одной стороны, происходит определенное теоретическое огрубление, разрыв функциональных связей между такими взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами как корпоративное управление и финансирование; производственные отношения, обучение и подготовка кадров, модели производства и национальные инновационные системы. С другой стороны, из фокуса внимания выпадают такие важные специфические институциональные блоки комплементарного взаимодействия как государство – рынок, модели конкурентных отношений, межфирменных и международных взаимоотношений. В зависимости от целей анализа, специфики изучаемого объекта состав и структура выделяемых институциональных блоков варьируются, что ограничивает возможности сопоставления и использования результатов других исследований.

8. Качественная оценка институциональной комплементарности СЭС и их компонентов возможна лишь на основании применения комплекса показателей, характеризующих различные стороны их функционирования. Их состав зависит от специфики системы и задач исследования. Невозможно выделить единый и универсальный перечень таких критериев.

9. При использовании количественных показателей институциональной комплементарности необходимо учитывать особенности абсолютных и относительных, прямых и косвенных её характеристик.

10. Статистические данные международных организаций, характеризующие различные аспекты функционирования экономических систем, по самой своей сути призваны отражать универсальные, легко сопоставимые стороны их функционирования. Зачастую они не раскрывают специфику функционирования институциональных механизмов, обеспечивающих их достижение. В результате происходит огрубление, выравнивание показателей, характеризующих механизмы функционирования различных социально-экономических моделей.

11. Широкое распространение получили индикаторы международных сравнений институционального развития. Среди них индикаторы качества государственного управления (World Bank Worldwide Governance Indicators)⁹⁸, восприятия коррупции (Transparency International)⁹⁹, экономических свобод (Heritage Foundation Economic Freedom of the World)¹⁰⁰, страновых рисков (International country risk guide, ICRG)¹⁰¹, экономической трансформации (EBRD Transition indicator)¹⁰², качества среды для экономического роста (Goldman Sach Growth Environment Score)¹⁰³, экономики знаний (World Bank KEI),¹⁰⁴ условий для ведения бизнеса (World Bank Doing Business)¹⁰⁵, ограничений для прямых иностранных инвестиций (OECD)¹⁰⁶, общественной честности (The Public Integrity Index)¹⁰⁷, политического устройства Полити (Polity IV)¹⁰⁸, свободы в мире (Freedom House, Freedom in the World)¹⁰⁹. Однако, как правило, они ориентируются на обобщенные западные представления о стандартах институционального устройства, поэтому лишь частично позволяют выявить институциональную специфику даже в рамках самих развитых стран.

12. Разграничение структурной и функциональной компонентов институциональной комплементарности отдельных институций и институтов в рамках СЭС и определение их содержания имеет аналитический характер. Каждый из них включается в систему взаимодействия, в которой их социальная направленность и функциональная роль взаимообусловлены и могут определяться как непосредственно, так и через компенсационные институты, обуславливающие характер их функционирования.

13. Ограничены возможности выделения эндогенных и экзогенных факторов, влияющих на институциональную комплементарность, эффективность комплементарного взаимодействия институтов в краткосрочном периоде может вступать в противоречие с результатами их взаимодействия в долгосрочной перспективе.

— **Выводы по главе 1** —

1. В основе институциональной комплементарности социально-экономических систем находится их единство и целостность, подчиняющаяся принципу тройной взаимозависимости Ф. Аквинского, согласно которому вся система зависит от частей, её составляющих, каждая из важнейших частей зависит от системы в целом и каждая из частей системы зависит от остальных её частей.

2. Разграничение нормативных и позитивных экономических дисциплин, дедуктивных и индуктивных методов анализа ведет к акцентированию внимания на одностороннем исследовании взаимосвязей в рамках изучаемых экономических систем, приоритете части или целого, нарушению принципа тройной взаимозависимости.

3. Сформулированный Н. Бором принцип дополнительности отражает диалектичность отношений дополнительности разнокачественных частей единых систем, невозможность исчерпывающего объяснения процессов, в них происходящих, путем однородных наблюдений. Применительно к институциональной комплементарности социально-экономических систем — это означает невозможность их целостного описания при одностороннем использовании лишь индуктивных или дедуктивных методов анализа.

4. Диалектичность совместно-разделенного характера человеческой деятельности, основы формирования институциональной комплементарности, проявляется уже на уровне физиологии человеческого мышления, как продукта социализации. Она предполагает дополнительность рационального, логико-вербального левополушарного и пространственно-образного, целостного, абстрактного правополушарного мышления. В философском способе мышления она выражается в признании диалога в качестве инструмента исследовательского процесса. При этом сохранение целостности предмета исследования приобретает ключевое значение.

5. Этапными моментами на пути формирования экономической концепции институциональной комплементарности было признание значимости взаимного приспособления субъектов хозяйствования, непреднамеренности общественных последствий их индивидуальных поступков, действия «невидимой руки» (Провидения/рынка), формулирование А. Богдановым принципа дополнительности и выдвижение А. Гриценко концепции совместно-разделенных отношений.

ГЛАВА 2

КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Импульс к активному исследованию экономистами явления ИК придала публикация в начале 90-х гг. работы М. Аоки¹¹⁰. Ученый обращает внимание на комплементарную обусловленность особенностей японской модели корпоративного управления, с одной стороны, спецификой национальной культуры, а, с другой – системной взаимосвязью институтов, формирующих механизм координации хозяйственной деятельности. Идея комплементарности институтов как основы формирования эффективных институциональных систем быстро находит признание и поддержку представителей компаративного анализа социально-экономических систем. К её исследованию подключаются ученые, работающие в рамках концепции множественности вариантов капитализма, французской школы регуляции. Глубокий содержательный анализ этого явления содержится в исследованиях Р. Буайе¹¹¹. Большой интерес вызвала дискуссия по проблемам ИК на страницах журнала *Socio-Economic Review*¹¹². Различные аспекты проблемы рассматриваются в работах П. Амабле¹¹³, Р. Дига¹¹⁴, Р. Дора¹¹⁵, В. Стрика¹¹⁶, П. Холла и Д. Гингерича¹¹⁷, П. Холла и Д. Соскиса¹¹⁸, М. Хопнера¹¹⁹, российских ученых О. Бессоновой¹²⁰ и С. Кирдиной¹²¹. На исследование социально-философских проблем комплементарности нацелены работы С. Фатеевой¹²², В. Уланова¹²³, В. Умникова¹²⁴. О. Яременко первым из украинских ученых-экономистов определил институциональное взаимодействие в качестве ключевой проблемы исследования трансформации экономической системы Украины¹²⁵.

Применение термина «комплементарность» далеко от единообразия. Это непосредственно связывается с отличием представлений о распространенности, источниках, сущности комплементарности.

Множество предлагаемых истолкований ИК предопределяется как различием теоретических взглядов исследователей, методологических подходов к её изучению, так и многообразием форм, сфер, множеством уровней её проявления, эффектов, которые при этом возникают. В зависимости от общего контекста исследования ИК можно рассматривать как процесс взаимодействия институтов, как институциональную структуру, в рамках которой институты взаимодействуют, как эффект, получаемый в его результате. Её можно исследовать на общесистемном уровне, как явление, структурирующее институциональную систему в целом, обеспечивающее устойчивое состояние и как частный случай, когда взаимодействуют институты в рамках и на пересечении отдельных институциональных блоков хозяйствования. Основные подходы к ИК можно объединить в несколько основных групп. В большинстве случаев они взаимосвязаны и пересекаются. Критериями выступают эффекты, достигаемые в результате взаимодействия институтов, условия обеспечивающие существование, характер взаимодействия институциональных элементов, градации интенсивности институционального взаимодействия, комплементарность как механизм обеспечения целостности экономической системы (рис. 2.1).

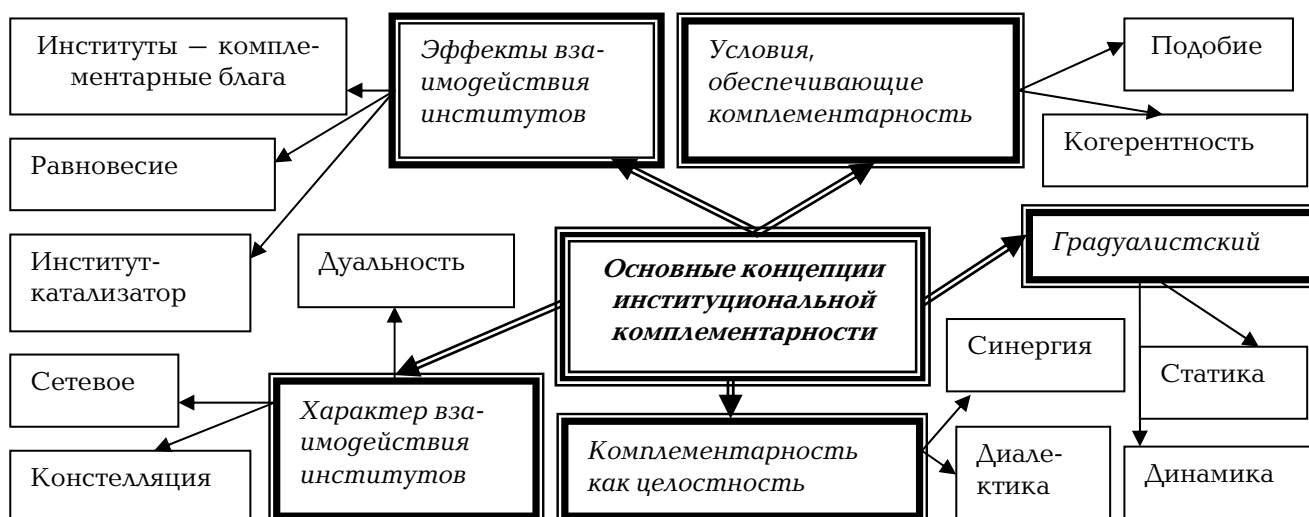

Рис. 2.1. Основные подходы к определению институциональной комплементарности

В настоящей главе мы остановимся на следующих подходах к определению ИК:

- на основании акцента на *эффекты взаимодействия институтов*:
 - традиционный экономический подход, отталкивающийся от представлений о комплементарных благах в экономике¹²⁶;

- перенесение на межинституциональное взаимодействие равновесного анализа, восприятие ИК как состояния равновесия между взаимодействующими институтами¹²⁷;
- подход, в котором появление эффекта объясняется действием дополнительного института-«катализатора»¹²⁸;
 - на основании акцента на *условия, которые обеспечивают комплементарность*:
- подход, в котором комплементарность рассматривается как подобие¹²⁹;
- подход, рассматривающий комплементарность как когерентность¹³⁰;
 - на основании акцента на *характер взаимодействия институтов*:
- подход, в котором ИК рассматривается как констелляция¹³¹;
- подход, в котором ИК связывается с сетевыми эффектами¹³²;
- «дуальный» подход, объясняющий комплементарность через введение институтов, противоположных для данной институциональной структуры по вектору своей социальной направленности¹³³;
 - исходя из акцента на *разнокачественность явления комплементарности*:
- статический подход, в котором ИК дифференцируется в зависимости от *интенсивности институционального взаимодействия*¹³⁴;
- динамический подход, учитывающий влияние изменения конфигураций институтов на характер комплементарного взаимодействия¹³⁵;
 - на основании акцента на *комплементарность как механизм обеспечения целостности институциональной системы*:
- «синергетический» подход¹³⁶;
- диалектический подход¹³⁷.

2.1. Сравнительный анализ как предпосылка концепции институциональной комплементарности

2.1.1. Компаративный анализ в традиционных исследованиях экономических систем. Проблема сравнения в любом научном исследовании состоит в том, что за декларируемым сопоставлением реальных объектов всегда стоит фактическое сравнение моделей этих объектов, существующих в сознании исследователя. Реально сопоставляются не сами внешние для сознания исследователя явления окружающего мира, а лишь представления о них. К тому же сравнению подлежат однородные явления, либо только части их, имеющие общие основания. При этом происходит абстрагирование от специфических

для каждого их них свойств. Они представляются постоянными и неизменными. Вступает в действие допущение «При прочих равных». Мы рассматриваем лишь незначительную часть качеств объектов, избираемых для сравнения. Э. Ильенков так характеризует проблему, возникающую при сравнительных исследованиях: « ...Когда хотят установить какое-либо отношение между двумя объектами, то сопоставляют всегда не те «специфические» качества, которые делают один объект «звучом А», а другой – «столом», «бифштексом» или «квадратом», а только те свойства, которые выражают нечто «третье», отличное от их бытия в качестве перечисленных вещей. Сопоставляемые вещи рассматриваются как различные модификации этого «третьего», общего им всем свойства, как бы внутри него»¹³⁸.

Кардинальные системные изменения экономической структуры стран бывшего социалистического лагеря в начале 90-х гг. XX века послужили импульсом роста интереса к компаративному анализу экономических систем. Существенно изменяются акценты сравнительного исследования экономического устройства стран мира. На предыдущем этапе внимание сосредоточивалось на выявлении преимуществ и недостатков плановой, командно-административной и рыночной экономики, в сравнительном анализе доминировал *идеологический подход*. Именно эти проблемы освещаются в работах таких представителей **австрийской школы политической экономии** как Л. Мизес¹³⁹, Й. Шумпетер¹⁴⁰, Ф. Хайек¹⁴¹, У. де Сото¹⁴², работах Я. Корнай¹⁴³, Л. Бальцеровича¹⁴⁴, многих других исследователей. В конечном итоге в основе различий двух систем находятся особенности доминирующих форм собственности (частная – общественная, государственная) и способы координации экономической деятельности (рынок – централизованное государственное планирование).

Истоки альтернативного подхода к сравнительному исследованию экономических систем, акцент на *специфике координации хозяйственной деятельности*, содержался в ордолиберальной доктрине В. Ойкена¹⁴⁵. Концепция основывается на холизме, фиксирующем внимание на экономике в целом. Она предполагает выстраивание морфологии институциональных форм, составляющих основу экономического взаимодействия в виде базовых структур (экономических порядков), создающих возможность формирования типологии экономических систем. Конструирование хозяйственного порядка начинается с выделения отдельных элементов, которые в дальнейшем объединяются в экономическую систему. Однако попытка найти компромисс между исторической школой, акцентировавшей уникальность национальных систем хозяйствования и австрийской школой, утверждавшей внеисторическую природу человека, в конеч-

ном итоге упирается в противопоставление командной и рыночной экономики.

Существенно отличалась в этом плане опубликованная уже в 1977 году работа Ч. Линдблома¹⁴⁶. Автор исследует дифференциацию политико-экономического устройства как рыночных, так и «коммунистических» систем, предлагает концепцию политархии – системы согласованного многовластия, которая противостоит авторитарным режимам. Еще один оригинальный пример анализа отличий социально-экономического устройства стран мира связан с публикацией в 1980 г. работы Б. Гаврилишина¹⁴⁷. Ученый предлагает свой вариант структурного анализа общественного порядка ведущих наций-государств мира (социальная направленность ценностной системы, политическое правление, экономическая система). На этой основе дается прогноз их развития.

Знакомство граждан постсоветского пространства с принципами устройства и механизмом функционирования рыночной экономики началось с активной публикации курсов Экономикс таких американских авторов, как П. Хейне, П. Самуэльсон, Р. Дорнбуш, С. Фишер и Р. Шмалензи, С. Брю и К. Макконнелл¹⁴⁸. Они отображали принципы построения либеральной экономики. Экономике, основанной на минимизации роли государства, доминировании частной собственности, рыночном механизме взаимодействия. На построение такой же модели были сориентированы усилия реформаторов. Однако отрицательные последствия экономической политики первых лет реформ побуждают обратить внимание на неоднородность рыночных экономических систем¹⁴⁹. Они показали необходимость более детального исследования модели экономического устройства, которая бы в наибольшей мере отвечала условиям национальной среды хозяйствования, была бы способной обеспечить опережающее развитие¹⁵⁰.

Поиск альтернативных моделей социально-экономического устройства стимулирует рост интереса к социально ориентированной рыночной экономике, сформированной в ФРГ¹⁵¹, североевропейской модели государства всеобщего благосостояния¹⁵², моделей экономического устройства южно-европейских стран¹⁵³. Внимание исследователей привлекают модели экономики конфуцианских¹⁵⁴, исламских¹⁵⁵ стран, стран Азии¹⁵⁶ и Латинской Америки¹⁵⁷. Получает развитие «*страновой подход*» в компаративных исследованиях.

Характеристика каждой экономической системы, безусловно, предусматривает соотнесение с другими, как родственными, так и отличными системами хозяйствования, определение особенностей, преимуществ и недостатков, возможностей заимствования лучших черт других экономических систем. Качество такого исследования

в значительной мере зависит не только от глубины проникновения в механизм функционирования конкретной национальной экономической системы, но и от полноты и комплексности учета особенностей реально существующих в современном мире национальных экономических систем. Исследование такого плана широко представлены в литературе. Среди них следует назвать двухтомное издание «Социально-экономические модели в современном мире и путь России»¹⁵⁸, работу Ф. Фукуямы¹⁵⁹, коллективную монографию ИСЭМО РАН¹⁶⁰, исследование М. Шнитцера¹⁶¹, работы А. Колганова и А. Бузгалина¹⁶², С. Роузфилда¹⁶³, серию монографий российского института экономики переходного периода¹⁶⁴, коллективную монографию под редакцией И. Фаминского¹⁶⁵, работы В. Кудрова¹⁶⁶, украинских исследователей И. Грабинского¹⁶⁷, Н. Ушаковой и И. Поминовой¹⁶⁸.

Объединяет представленные работы объект исследования – реально существующие национальные экономические системы. Вместе с тем существенно отличаются цели анализа и сравнения экономических систем, методологические подходы к их изучению, предмет, который исследуется, используемый инструментарий. В результате значительный фактический и теоретический материал, в том числе и относительно специфики институционального устройства стран мира очень сложно объединить, проводить сравнения, сопоставление, обобщение. В этих условиях особое значение приобретают методологические работы экономистов-теоретиков, предлагающих комплексные подходы к анализу экономических систем.

Актуальность проблемы обусловила значительное внимание к ней со стороны украинских исследователей. Особое место занимают представители львовской школы анализа экономических систем, прежде всего, следует назвать работы ее основателя Г. Башнянина¹⁶⁹. Следует выделить коллективные работы Г. Башнянина, И. Копича, И. Чупика, Б. Шевчика¹⁷⁰, работы Б. Кульчицкого¹⁷¹, коллективный труд Ю. Пахомова, Д. Лукьяненко, Б. Губского¹⁷², уже отмеченные нами работы И. Грабинского, Н. Ушаковой та И. Поминовой, труды П. Леоненко и Е. Черепниной¹⁷³, Н. Гражевской¹⁷⁴. На институциональных аспектах функционирования экономических систем акцентируют внимание С. Степаненко¹⁷⁵, автор¹⁷⁶.

Уже сами названия представленных работ отражают наличие разных подходов к определению объекта исследования. В отдельных случаях им становятся экономические или социально-экономические системы, национальные экономики. Часто в качестве такового рассматриваются экономические или социально-экономические модели, типы стран мира. В центре внимания отдельных исследователей оказываются модели «капитализма», предпринимательства,

рынков, «хозяйственного механизма». С формальной точки зрения такое разнообразие может быть оправданно тем, каким образом формулируется предмет исследования, методологическим подходом, глубиной его исследования. Если в центре внимания представителей экономической теории сама экономическая система, элементы, механизмы, обеспечивающие функционирование, то экономисты-международники концентрируют внимание на тех элементах экономических систем, которые определяют своеобразность отдельных стран, обеспечивают успех экономического развития или предоопределяют его торможение. Соответственно, результатом может быть обобщенный теоретический анализ экономических систем, комплексная характеристика конкретной экономической системы, определенных аспектов ее функционирования, теоретические обобщения относительно методологии сравнительного анализа экономических систем, сравнительный анализ разных экономических систем.

В связи с этим значительное внимание привлекла работа М. Альбера «Капитализм против капитализма»¹⁷⁷. Отправная точка исследования альтернативных систем капитализма – поиск нового противоречия как двигателя развития экономической системы. Крах социалистического лагеря означал потерю конкурента капиталистической системы. В результате капитализм «... утратил свое зеркало и возможность самооценки. Ни демократия, ни либерализм, ни капитализм не знают опыта монополии. Как управлять тем, что не оспаривается?»¹⁷⁸. Ученый освещает существенные отличия «англо-американской» и «рейнской» моделей капитализма. Предлагается десять ключевых вопросов, по которым проводится сравнение. В их числе отношение к бедности, иммиграции, иерархии заработных плат, роли предприятий в обеспечении подготовки кадров, распределению полномочий между акционерами, менеджерами и наемными работниками. Прослеживается отличие взглядов на влияние социальной защиты на экономическое развитие, налоговой системы на рост задолженности/сбережений. Представлены доминирующие системы финансирования (банк/биржа), страхования (индивидуализированная/солидарная), социальной координации (регулирование – чиновники/дерегулирование – юристы). М. Альбер обосновывает большую социально-экономическую эффективность рейнской модели. Безоговорочная ориентация на прибыль как конечную цель экономической деятельности предоопределяет свертывание социальной направленности экономических систем, демонстрирует, по мнению автора, действие на уровне социально-экономического устройства закона Грэшема. К теме неэффективности американской предпринимательской модели почти через пятнадцать лет после публикации

работы М. Альбера обращается Д. Кэлфф¹⁷⁹. Практически одновременно выходит работа европейского исследователя О. Герземана «Ковбойский капитализм»¹⁸⁰. Выбор названия выглядит в определенной мере парадоксальным ведь автор ставит цель доказать путем сравнения моделей «ковбойского» (США) и «уютного» (Европа) капитализмов, что именно первая модель оказывается не только более эффективной, но и обеспечивает более высокий уровень социальной защиты граждан

Уже в начале 70-х гг. XX столетия в коллективных работах Т. Кумпаса и Дж. Монтиаса¹⁸¹, а так же Э. Нойбергера и У. Даффи¹⁸² формируется концепция **сравнительного анализа экономических систем (САЭС)**. Исходные посылки концепции можно свести к трем ключевым утверждениям. Во-первых, важнейшие экономические категории имеют системно специфический характер, их содержание меняется при переходе от одной системы к другой. Такие термины, как «цена», «организация», «планирование», «надзор» не являются системно нейтральными. В разных системах они могут иметь нетождественное значение. Во-вторых, «размытость» самого понятия «экономическая система». В сравнительных исследованиях необходимо избегать как чрезмерного абстрагирования экономических систем, исключая эмпирическое изучение, так и их отождествления с национальными экономиками, предполагающего наличие несистемных факторов (климат, географическое положение, волюнтаризм политиков). В-третьих, выбор критерия эффективности экономических систем предопределяется ценностными ориентациями либо исследователя, либо тех, кто наделен правом принятия решений в самой системе. Исследовательская программа включает несколько основополагающих положений. Прежде всего, это разработка универсального языка для описания экономических систем. Оговаривается отделение их как институциональных структур от экономики, предполагающей включенность в природную, человеческую, технологическую среду. Предусматривается разработка специфических методов оценки системных характеристик конкретных экономик, признание их ценностной обусловленности.

Вполне закономерно обращение ученых, занимающихся исследованием экономических систем к **сравнительному институциональному (и историческому) анализу** (СИИА). Среди пионеров этого направления следует выделить М. Доки¹⁸³ и А. Грефа¹⁸⁴. Исследование отталкивается от конкретной исторической ситуации, для которой конструируется специфическая модель, фиксирующая конкретные институты, существенные для понимания исторического контекста. Далее осуществляется проверка модели на адекватность. Её подтверждение служит основанием для использования в анализе взаимной согласованности различных институтов, их способности

координировать поведение экономических субъектов. Результат анализа позволяет объяснить устойчивость разнообразия комплексов институциональных форм, обеспечивающих однородные функции. Таким образом, уже в середине 90 гг. представители этого направления сравнительных исследований вышли на понимание важности комплементарного взаимодействия институтов в рамках СЭС¹⁸⁵.

К этому же периоду относится активизация и разворачивание сравнительных институциональных исследований СЭС в целом ряде взаимосвязанных, но отличающихся по методологическим подходам к проблеме направлений. Общим для них становится акцент на исследовании специфики механизмов координации экономической деятельности (**Приложение А**)¹⁸⁶. Среди них, прежде всего, следует выделить Теорию регуляции¹⁸⁷, концепции социальных систем инновации и производства¹⁸⁸, многообразия вариантов капитализма¹⁸⁹, национальных систем бизнеса¹⁹⁰.

2.1.2. Концепция многообразия вариантов капитализма (КМВК).

Возникновение КМВК — реакция на господство в странах всеобщего благосостояния теоретических концепций экономической политики, направленной на противодействие чрезмерной активности рыночных сил. В противовес этому, такие ученые, как П. Холл и Д. Соскис акцентируют внимание на внутренней последовательности, комплементарности режимов производства. Даже активно координируемое государство всеобщего благосостояния способно усилить корпоративное взаимодействие, помогая фирмам развивать успешные стратегии, полагаясь на сравнительные преимущества, отличные от тех, которые формируют свободные рынки и конкуренция. Это позволяет объединить теорию комплементарности с теорией институциональных изменений. «Нации, сформировавшие специфический вид координации в одной сфере экономики должны стремиться развивать комплементарные практики в других сферах» — утверждают П. Холл и Д. Соскис¹⁹¹.

В центре внимания КМВК находится фирма. Концепция связывает свойства институтов с их функциональным вкладом в межфирменное взаимодействие. Варианты капитализма рассматриваются как различные режимы производства, ключевая роль в которых отводится микроагентам — фирмам, собственникам, работникам. Подход стремится найти институциональное объяснение дифференциации моделей капитализма в специфике их поведения. Фирмы рассматриваются в контексте *пяти институциональных блоков*, описывающих стимулы и ограничения их деятельности: ПО, ФС и КУ, ОПП, межфирменные отношения. Выделяются два базисных типа режимов производства: *либеральная рыночная экономика (ЛРЭ)* и *координируемая рыночная экономика (КРЭ)*. Они представляют противо-

положительные идеальные типы. В качестве промежуточного варианта представляется *средиземноморский вариант рыночной экономики (СРЭ)*. В первом случае рынок играет доминирующую роль в координации экономической деятельности. В КРЭ экономическое поведение в значительной степени управляется нерыночными механизмами координации поведения экономических субъектов. СРЭ преобладает в странах с крупным аграрным сектором, экстенсивным государственным вмешательством, специфическими средствами нерыночной координации в сфере корпоративного финансирования и более либеральными, чем в КРЭ ПО¹⁹². В табл. 2.1 концентрированном виде представлены основные отличия между ЛРЭ и КРЭ.

Таблица 2.1

Дифференциация между ЛРЭ и КРЭ согласно КМВК¹⁹³

	ЛРЭ	КРЭ
<i>Образование и обучение</i>	Инвестиции в универсальные навыки	Специфический человеческий капитал в определенных сферах деятельности или фирмах
<i>Институты рынка труда</i>	Дерегулированный рынок труда, гибкие системы установления вознаграждения	Кооперация наемных работников и умеренность оплаты труда
<i>Финансы</i>	Публичный мониторинг информации и предпринимательские (венчурные) капиталисты	Репутационный мониторинг банками
<i>Конкурентная политика</i>	Сильная конкурентная политика	Межфирменные отношения позволяют кооперацию

Следуя М. Доки, П. Холл и Д. Соскис под **ИК** понимают ситуацию, когда наличие (эффективность) одного института ведет к повышению отдачи (эффективности) другого. С противоположной стороны, в случае, если отсутствие или неэффективность одного института ведет к повышению эффективности другого, то такие институты признаются **субституциональными**¹⁹⁴. Ученые акцентируют внимание на ИК между сферами экономики. Наличие специфического типа координации в одной стимулирует развитие аналогических практик в других. Так долгосрочная занятость комплементарна долгосрочной ориентации в финансовой сфере. Практика активного межфирменного взаимодействия распространяется на блоки КУ, ФС, ОПП, затрагивает систему ПО. С противоположной стороны отмечается *субституциональный* характер связи между институтами,

обеспечивающими нерыночные и рыночные способы координации. Развитая система защиты занятости противостоит ФС, основанной на биржевой форме финансирования. П. Холл и Д. Соскис утверждают, что институты не устанавливаются беспорядочно, но группируются в относительно связанные типы кластеров. Чем ближе они к идеальным режимам производства, тем эффективнее функционирует экономическая система. Приоритет краткосрочной ориентации в ФС связан со способностью фирм к быстрой переориентации бизнеса, основанными на либерализации рынка труда ПО, универсальной ОПП, слабыми межфирменными связями.

Предложенные модели капитализма демонстрируют сильную ИК между базисными институциональными блоками, где эффективность каждого института зависит от взаимодействия с другими (**Приложение Б**, рис. 1, 2)¹⁹⁵.

Концепция сосредоточенной на фирме политической экономии, в которой различные институты связывает сильная комплементарность, позволила выработать новый взгляд на социальную политику. Механизмы подобного влияния были выявлены исследователями, изучавшими деятельность профсоюзов, ещё в 1970-х и 1980-х. Признавая важность изучения влияния фирмы, следует также учесть угрозу чрезмерного утилитаризма и функционализма. П. Пирсонс следующим образом характеризует ситуацию: «Есть реальная опасность, что в исправлении упрощенного мнения о враждебности работодателей, аналитики уйдут слишком далеко. Часто представляется слишком незначительным шагом переход от выявления связей между социальными программами и системами экономического производства к предположению, что государство всеобщего благосостояния фактически построили работодатели и для работодателей»¹⁹⁶.

2.1.3. Школа регуляции. Теория регуляции (ТР) развивается с 70-х гг. XX ст. как реакция на неспособность ортодоксальной экономической теории дать ответ на вопрос о причинах затяжного экономического кризиса, поразившего капиталистическую систему. В её основе, по утверждению Р. Буайе, марксистская традиция акцента на диалектике общественных отношений как отправной точке анализа социальных образований, обогащенная кейнсианскими идеями и трудами историков экономики. Исключительно большое внимание уделяется конкретным формам, которые принимают базовые общественные отношения на отдельных исторических фазах развития общества. Это и предопределило интерес к институциональным формам и структурам. Источником их происхождения рассматриваются рыночные отношения или отношения капитал/труд. Эти отношения, проявляющиеся через институциональные формы, влияют на динамику экономического развития и определяют закономерности накопления, формирования,

развития и смены способов регуляции. Кризисы представляются моментом «достижения некоторого предела и обострения противоречий внутри прежнего способа регуляции»¹⁹⁷. Задача экономической теории в этих условиях состоит в выявлении причин, вызывающих смену фаз экономического цикла и предложении адекватных методов регуляции экономики. При этом **регуляция** рассматривается как сочетание механизмов, способствующих воспроизводству целого, с учетом существующих экономических структур и общественных форм. Этим она отличается от регулирования, как активного сознательного вмешательства государства в экономический процесс. Таким образом, уже в самом определении в неявном виде содержится предпосылка комплементарности элементов воспроизводственного процесса как условие успешного функционирования экономических систем.

Иерархия ключевых понятий ТР призвана обеспечить возможность перехода с уровня абстрактных исследований на уровень эмпирический. **Способ регуляции** – совокупность процедур и разновидностей индивидуального и группового поведения, обладающая способностью воспроизводства базовых общественных отношений через определенное сочетание исторически обусловленных институциональных форм, поддержания и направления действующего режима накопления, обеспечения динамичной совместимости децентрализованных решений экономических субъектов, при условии отсутствия у последних необходимости самим постигать принципы согласования элементов системы в целом. Под **способом производства** понимаются общественные отношения, регулирующие производство и воспроизводство материальных условий жизни людей в обществе. **Режим накопления** – совокупность закономерностей, обеспечивающих общих и более менее последовательный рост накопления капитала. **Структурная (институциональная) форма** – конфигурация кодификаций общественных отношений. В качестве основных признаются деньги, отношения найма рабочей силы, конкуренция, способы присоединения к международному режиму, формы государства. Структурные формы рассматриваются как производные от характерных черт господствующего способа производства.

Представители ТР сосредотачиваются на формировании топологии механизмов координации, используемых в управлении хозяйственной деятельности. Помимо традиционного различия между рынками и иерархиями, предлагаемая структура включает сообщества, государство, сети, и ассоциации. Эти шесть основных разновидностей организации дифференцируются по двум параметрам: приоритету собственного интереса или социальных обязательств, и горизонтальном либо вертикальном распределении власти. Каждый способ организации имеет свою собственную структуру, правила

взаимодействия и существования, сильные стороны и провалы. В качестве основы сравнительного анализа рассматриваются не национальные экономики, а сферы производства. Это позволило выявить существенные отличия в механизмах управления в отдельных секторах в пределах конкретных стран. Как отличия секторов в технологиях и рыночных условиях дают толчок отличиям в способах производства в пределах стран, так и национальная специфика формирует различные способы регуляции в пределах секторов. Отличия регуляции в пределах секторов часто рассматриваются как национальные отличия. Связи между национальными институтами и регуляцией внутри секторов обеспечивают относительные институциональные преимущества в специфических секторах или сегментах рынков в пределах секторов. Различные наборы институтов обуславливают специфические методы управления и порождают различные типы стратегий компаний. Понятие «социальные системы производства» (ССП) введено для описания и объяснения доминирующих стратегий производства, так как они координируются через различные механизмы управления и поддерживаются через включенность в специфические институциональные конфигурации. ТР заостряет внимание на отличиях между массовым, фордистским типом организации производства и альтернативными примерами гибкой специализации или производства «диверсифицированной высококачественной продукции». Предложено так же четыре уровня пространственной организации: регионы в пределах страны, национальное государство, региональные объединения, как например Европейское Сообщество, и глобальный уровень. На основе типологии механизмов регуляции, описанных выше, различаются экономики, регулируемые преимущественно рынками и иерархиями (*рыночный капитализм*) и использующими более разнообразные механизмы координации (*институциональный капитализм*). К четырем основным вариантам капитализма отнесены: рыночно-ориентированный (Англосакские страны), Рейнский (Германия, Япония), стейтистский (Франция, Италия), и социал-демократический (Швеция, Австрия). В **Приложении В** представлены различия в моделях капитализма, полученные в результате применения ТР к изучению моделей наиболее развитых стран мира.

Концепция комплементарности отсутствовала в явном виде в ранних исследованиях ТР, сосредоточенных на изучении режимов накопления, методов регуляции, архитектуры институциональных форм. Однако уже к середине 90-х гг. внутреннее развитие этой исследовательской парадигмы привело к созданию концепции комплементарности, разграничивающей собственно комплементарные отношения между институтами и другие формы институционального взаимодействия

(супермодулярность, связность, последовательность, совместимость), институциональную *комплементарность* и институциональную *иерархию*. Происходит переход от акцента на доминирующем значении *дуальной* комплементарной взаимосвязи производственные отношения/финансовая сфера к модели *трехкомпонентной* комплементарной институциональной структуры эффективных режимов роста. При этом признается, что в различных странах структура доминирующих сфер и состав институциональных форм и функций, обеспечивающих динамичное развитие, могут существенно варьироваться. Так, ключевыми условиями успеха Золотой эры фордизма признаются социальный компромисс труд / заработная плата, наличие, в условиях доминирования систем массового производства, эффекта возрастающей отдачи от расширения масштаба производства, относительная закрытость экономики, допускающая возможность регулирования экономических процессов на национальном уровне. Для скандинавских стран, с их моделью государства всеобщего благосостояния, в качестве таковых выступают социально ответственный подход к формированию уровня оплаты труда, фискальная политика, нацеленная на примирение интересов различных социальных групп, развитие, основанное на использовании экспортных возможностей экономики. Для Германии – удачное сочетание через *институт кодетерминации* (участия персонала в деятельности предприятий) интересов акционеров и наемных работников. Она дополняется развитой системой социальной защиты, немаловажную роль в которой играют возможность раннего ухода на пенсию и защита по безработице. Особый интерес представляет пример Дании. Либерализация трудового законодательства в этой стране была дополнена эффективной системой защиты по безработице, целенаправленной политикой занятости, включающей изощренное сочетание контроля безработицы, поддержки и развития конкурентоспособности рабочей силы. В конечном итоге внимание сосредотачивается на комплементарности на уровне ССП, РН и СР. Основной акцент ТР делает на структурном преобразовании и *эндогенной коэволюции* институциональных форм.

Можно выделить три подхода к исследованию динамики комплементарных институтов, сформированных в традиции ТР. Первый сосредотачивает внимание на высокой вероятности существования институционального напряжения между взаимосвязанными элементарными элементами режимов производства. Второй состоит в идее возможности изменения иерархии комплементарных институтов. Третий не только допускает возможность напряжения и противоречий как внутри, так и между институтами, но и утверждает, что различные виды организаций внутри одной сферы могут быть комплементарно

связаны между собой. Помимо совместимости, эти комбинации комплементарны, создавая конкуренцию за доступ к занятости и стимулы для контроля членов организации в больших фирмах. ТР концентрирует внимание на таком аспекте институциональных изменений как создание институтов в результате политических компромиссов среди социальных групп.

Общим между КМВК и ТР являются близость институциональных блоков, которые по утверждению ученых влияют на формирование соответствующих организационных структур, обеспечивающих деятельность фирмы (рис. 2.2)¹⁹⁸.

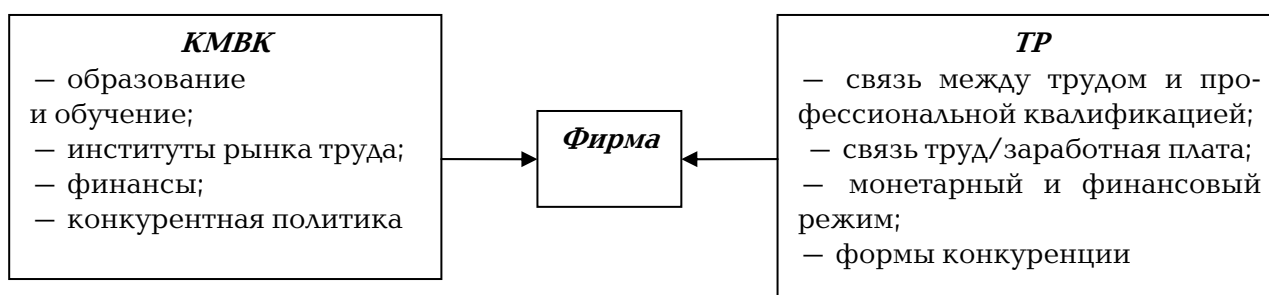

Рис. 2.2. Институциональные сферы деятельности фирмы в КМВК и ТР

В отличие от КМВК, в центре внимания ТР — временное измерение институциональной организации режимов производства и периодические изменения этой организации.

2.1.4. Концепция социальных систем инновации и производства.

Б. Амабле синтезирует аспекты стратегического взаимодействия и анализа равновесия, центральные у П. Холла и Д. Соскиса, с чувствительностью к социальной включенности и институциональным альтернативам, характерной для ТР¹⁹⁹. Ученый рассматривает пять институциональных сфер: конкуренция на производственных рынках, связь труд/заработная плата (институты рынков труда), финансы и корпоративное управление, социальная защита/государство всеобщего благосостояния, образование/системы профессиональной подготовки. Классификация капиталистических экономик, основывается на их сходстве (использование кластерного анализа) в этих институциональных областях. Предлагается четыре модели капитализма: рыночная, социал-демократическая, публичная (средиземная) и мезокорпоративная (азиатская).

Одно из ключевых дополнений Б. Амабле к концепциям КМВК и социальных систем производства — *дальнейшее развитие политического аспекта моделей капитализма*. Это проявляется, во-первых, в описании институтов, как «политико-экономического равновесия», воплощающего как функциональные, так и политические compro-

миссы. Это отличается от взгляда на институты как результат жесткого рационального выбора. *Институты представляются предназначенными в первую очередь, не для разрешения проблем координации между равными агентами с подобными интересами, но для решения конфликтов среди неравных актеров с расходящимися интересами.* Во-вторых, Б. Амабле убеждает, что институциональные альтернативы/конфигурации (и иерархия институтов), существующие в народном хозяйстве отражают *предпочтения доминирующего социального блока.* Поэтому институциональные альтернативы и изменения отражают политические коалиции, которые появляются и вступают в политическое соревнование с другими коалициями. Далее, характер государственного устройства непосредственно (например, концентрация или размывание власти) будет воздействовать на вероятность любого успеха коалиции и вероятность институционального изменения.

Комплементарность рассматривается как совокупная *институциональная последовательность (ИП)* группы институтов, возникающая в результате многостороннего взаимодействия в институциональной среде. Где ИП описывается как специфический характер взаимодействия между национальными институтами, обеспечивающий комплементарность институциональной среды и изменение её производительности (рост, занятость). Ученый противопоставляет статический и динамический аспекты ИК. Если статический акцентирует внимание на ИП и их стабильности, то динамический раскрывает постоянное возникновение и нарушение ИП во взаимодействии институтов. Структура институтов не остается неизменной. Каждый из них характеризуется своей собственной динамикой. Отмечается различие между дестабилизацией структуры и процессом происходящих в ней изменений. Поскольку институты находятся в постоянном взаимодействии невозможно определить эффект действия одного из них в отдельности от других. В различном институциональном окружении он будет отличаться. Изменение одного элемента системы может иметь последствия, далеко выходящие за пределы традиционно воспринимаемых паттернов ИК. Из этого ученый делает вывод о необходимости предотвращения разного рода политической «институциональной возни»²⁰⁰. В **Приложении Г** представлены основные характеристики предложенных ученым моделей социальных систем инновации и производства.

2.1.5. Поход, основанный на дифференциации национальных бизнес-систем. Р. Уитли предложил системный подход к сравнению деловых систем. Они рассматриваются как «различные паттерны экономической организации, которые варьируются по степени и методу координации хозяйственной деятельности, внутренней

организации и взаимодействию между владельцами, менеджерами, экспертами, и наемными работниками»²⁰¹. В основе координации бизнес активности различия в правах частной собственности или специфические типы организации, не предусматривающие унификацию собственности. Предложено восемь аспектов функционирования деловых систем:

- способы контроля собственности (прямой, альянсы, рынок);
- уровень интеграции производственных цепочек через собственность (низкая, средняя, высокая);
- уровень интеграции индустриальных секторов через собственность;
- степень координации производственных цепочек посредством формирования объединений производителей;
- уровень сотрудничества между конкурентами;
- распространенность производственных ассоциаций в отдельных секторах экономики;
- уровень взаимодействия работник/работодатель;
- уровень делегирования полномочий и доверия среди наемных работников.

Выделено **шесть идеальных типов-деловых систем**: фрагментированные, координируемый индустриальный район, разделенные, организуемые государством, партнерские и чрезвычайно координируемые. Ключевое значение в выделении основных типов деловых систем играет влияние отношений собственности на характер координации (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Упрощенная классификация бизнес-систем согласно Р. Уитли

	Слабая координация, не основанная на правах собственности	Сильная координация, не основанная на правах собственности
Сильная координация, основанная на правах собственности	Раздельные системы (Крупные корпорации в США)	Партнерские системы (Германия, корпоративизм)
Слабая координация, основанная на правах собственности	Фрагментированные (Конкурентоспособный мелкий бизнес)	Индустриальные регионы (Третья Италия)

Дополнительной независимой переменной рассматривается вертикальный (производственные цепочки) либо горизонтальный (секторы экономики) тип координации. Во фрагментированных

деловых системах полная координация очень низка, так как хозяйственную деятельность ведут небольшие фирмы на чрезвычайно конкурентных рынках (сфера малого бизнеса). В индустриальных районах, как например «Третья Италия», высокий уровень координации присущ даже отношениям среди конкурентов. В разделенных системах, например США, крупные интегрированные фирмы конкурируют друг с другом. Партнерские системы подразумевают скорее корпоративистскую или ассоциативную организацию конкурентов в пределах сектора. Кроме того, Р. Уитли предлагает *два дополнительных вида деловых систем: организуемые государством и чрезвычайно координированные*. Организуемые государством системы напоминают разделенные. Отличие состоит в том, что контроль *над собственностью остается прямым* благодаря государственным субсидиям в форме кредита крупным фирмам, как во Франции. Координируемые системы основываются на объединении собственников для координации деятельности на мезоэкономическом уровне. Примером могут служить кейрецу в Японии.

Р. Уитли сравнивает институциональные особенности формирующие условия и ограничивающие различные типы деловых систем. В отличие от П. Холла и Д. Соскиса, ученый тщательно разграничивает *институциональную среду и организационные паттерны*. Эти институциональные факторы связываются с деловыми системами в виде гипотез о том, стимулируют или дестимулируют институты появление специфики последних. Тем самым в неявном виде ученый переходит к проблеме комплементарности.

Специфика государственного устройства влияет на степень вмешательства в деятельность рыночных субъектов, уровень развития посреднических организаций, характер регулирования рынка. ФС выстраиваются в рамках дихотомии биржа/банк. Специфика ОПП связывается с развитостью национальных образовательных систем, силой и организационными принципами профсоюзного движения (на профессиональной основе, по секторам экономики, по предприятиям), уровнем заключения трудовых соглашений. Степень межличностного доверия и порядок делегирования полномочий связываются со степенью доверия формальным институтам, типом бизнес среды, распространенностью патернализма, коммунализма, контрактных полномочий.

Предложенная Р. Уитли типология отличается от измерения капиталистического разнообразия в терминах его «отклонений» от либерального Англо-американского «нормального капитализма». В то время как основные переменные подобны предложенным Д. Соскисом и П. Холлом, введение различных измерений контроля собственности и противопоставления секторная/межотраслевая координация позволяет выявить более детализированные различия.

2.1.6. Институциональная комплементарность и классовая политика. Ученые, работающие в сфере правоведческих исследований, рассматривают происхождение регулируемых экономик как результат классовой борьбы²⁰². Так, М. Рое соединяет классовую теорию с концепцией ИК. Прежде всего, ИК между производственными отношениями, концентрацией собственности (отличительной особенностью корпоративных систем управления) и степенью конкуренции. Концентрация собственности – реакция акционеров на высокие агентские издержки. Два механизма при этом приводят к их росту. Первый – изменение уровня конкуренции: при её сокращении растут стимулы для внешних инвесторов в извлечении рентных доходов от фирмы. Если конкуренция высока, такие стимулы низки, поскольку поиск ренты ухудшает условия выживаемости фирм. Во-вторых, политика определения агентских издержек зависит от силы трудового движения. Так, германская система совместного участия, создает условия, когда менеджмент предприятия в случае конфликта интересов наемных работников и акционеров оказывается на стороне первых. С противоположной стороны, она ведет к снижению эффективности контроля менеджмента со стороны наблюдательных советов. Результат – чрезмерная инвестиционная активность и избегание рисков; стремление к расширению, даже в случае его нерентабельности; непринятие быстрых изменений; жесткость трудовых рынков и высокий уровень заработных плат. Все это, по мнению М. Рое представляет механизмы извлечения ренты. И менеджеры в той или иной степени отдают предпочтение некоторым из них. Профсоюзы и социал-демократы противостоят внедрению таких механизмов, способных обеспечить сокращение агентских расходов, как прозрачный бухгалтерский учет, стимулирующие системы оплаты труда, враждебные поглощения, голосование по доверенности. «Социал-демократии расширяют естественный промежуток между менеджерами и отдаленными акционерами, и препятствуют развитию фирмами инструментов, которые сокращают этот промежуток»²⁰³. В конечном итоге, стремление сохранить прямой контроль для обеспечения возможностей получения рентных доходов, которые иначе распространялись бы между менеджерами и работниками, формирует стимулы избегания акционерами диффузии своих инвестиций. Обращаясь к межстрановым сравнениям, М. Рое показывает, что диффузия собственности ниже там, где сильно влияние рабочих. Оно указывает на позицию страны на шкале левая/правая ориентация, уровень неравенства и долю государственных расходов в валовом внутреннем продукте. Кроме того, социал-демократия доминирует в странах, где международная конкуренция долгое время была ограничена. М. Рое выделяет два

кластера стран с комплементарной спецификой. С одной стороны, страны с конкурентными рынками продуктов, широкой дисперсией собственности и консервативным распределением доходов среди наемных работников. С другой – страны с ограниченной конкуренцией, концентрацией собственности, и прогрессивным распределением дохода. М. Рое также утверждает, что его теория отражает динамику происходящих изменений. Европейская интеграция приводит к увеличению конкуренции, растет ориентация на интересы акционеров, правительства все более и более поддерживают решения, менее ориентированные на наемных работников, растет диффузия собственности. В целом, М. Рое комбинирует теорию классовой политики с теорией ИК: политика влияет на ПО, которые в свою очередь приводят к комплементарным изменениям в сфере КУ.

2.2. Институциональная комплементарность: эффект, условия и характер взаимодействия институтов

2.2.1. Институты как комплементарные блага и ИК. Наиболее распространенный подход к определению ИК основывается на представлении о комплементарности в экономике в целом. Соответственно, ИК предполагает взаимозависимость между двумя или несколькими институтами, когда *изменение эффективности одного института*, в результате его взаимодействия с другими, ведет к *изменению эффективности всех, либо части из них*, в конечном итоге – *изменению совокупной эффективности*. **ИК**, исходя из этого представления о **комплементарности**, может быть проиллюстрирована примером, когда введение новых норм, регулирующих порядок и размеры налоговых платежей и отчислений в социальные фонды, может отразиться на эффективности действия, а следовательно, и приоритетности форм ведения бизнеса, налоговой отчетности, оплаты труда персонала. Так, можно предположить, что усиление регуляции денежного рынка при сохранении либеральных отношений на рынках капитала, товаров и рабочей силы, скорее всего, способно дать негативный эффект. Фактически речь идет о горизонтальных связях между различными блоками институтов. Эффективность таких связей обуславливается наличием определенного общего принципа, действие которого помогает понять диалектический подход к изучению ИК.

М. Хопнер показывает, что этот тип ИК не так прост, как может показаться на первый взгляд²⁰⁴. Его правильное понимание требует учета наличия многочисленных взаимозависимостей, обуславливаю-

щих конечный результат. Пример этого типа комплементарности (конstellации) — взаимосвязь падения цены на тесто для пиццы с ростом спроса на помидоры. Их объединяет исключительно эмпирическое явление, пицца. Такая связь — случайна и эмпирична. В отличие от других типов комплементарности нет жесткого логического, сущностного взаимоотношения между элементами, в котором один определялся бы как характеристика, недостающая другому. *Не общее задает условия для существования частей, а наоборот, части формируют целое. Целое — результат зачастую случайного совпадения частей.* Поэтому изменение любого элемента системы, внешнего окружения, легко может нарушить отношения комплементарности, создать новую. Это случайное последствие использования человеческого творческого потенциала, определенных человеческих вкусов. Эта комплементарность зависит от определенных *ceteris paribus* (при прочих равных). Изменение вкусов (например, в результате распространения аллергии на томаты) и роста популярности другого типа пиццы может ликвидировать связь вообще.

Требования *ceteris paribus* существенно усложняет поиск образцов этого вида комплементарности на уровне институтов, однако ученый ссылается на пример исторического развития институциональных систем Германии и Японии. Отстающая модернизация, угроза потери суверенитета в результате внешней агрессии, усиление роли централизованного государства — лишь некоторые исходные предпосылки, характерные для обеих стран. Близость характеристик этих экономик сформировалась в результате творческой деятельности экономических субъектов. В течение длительного периода они произвольно совершенствовали институты, делали их совместимыми. При этом конечный результат эволюции может намного превзойти исходный материал. Показателен в этом плане приводимый К. Кроче пример истории популярного сегодня итальянского блюда, обильно сдобренного специями. Изначально оно создавалось чтобы скрыть факт, что мясо часто было гнилым. Современный же турист, может подумать, что *пицца паролитана* была создана на небесах, или, как минимум, является гениальным результатом стратегического планирования виртуозного повара²⁰⁵.

Насколько близки к подобной модели история формирования германской модели корпоративного управления и системы пожизненного найма в Японии? Многочисленные произвольные изменения первоначальной модели, спонтанный поиск варианта, устраивающего всех участников институционального взаимодействия — неотъемлемая составляющая эволюции комплементарности. Предприимчивые экономические субъекты, вмешиваясь в точки бифуркации, формируя неожиданные новые комбинации, нарушают заданный *ceteris paribus*. Не

обязательно эта комплементарность будет жесткой. Наличие аллергии на томаты может стимулировать производителей *пиццы* воспользоваться снижением цен на муку для снижения цен *pizze bianche*, и поощрять их потребление. Немецкие рабочие советы, отмечает ученый, воспользовались новыми формами корпоративного менеджмента, чтобы извлечь пользу от прозрачности систем управления.

Идентификация роли экономических субъектов также поощряет поиск различных *видов* связей, которые объединяют комплементарные элементы. Базисная экономическая модель предполагает, что взаимодействие осуществляется посредством рынка и предопределяется, в конечном счете, потребительскими предпочтениями и вкусами. Но может быть использована и модель фирмы Р. Коуза. Предположим наличие у фирмы монополии по производству *пиццы*. Эта фирма также стремится войти в бизнес по производству мобильных телефонов. Она может использовать падение цен на муку, не на снижение цен *пиццы*, а на перекрестное субсидирование своего бизнеса в сфере мобильной телефонии. Мы будем наблюдать, как падение цен на муку приведет к росту спроса на мобильные телефоны. Это комплементарность в экономическом значении, но она существует на другом уровне по сравнению с формируемым потребителем случаем рынка *пиццы*. Множество случаев ИК соотносимых с государственной политикой имеют подобные истоки. Правительство, или политическая элита — монополист, действующий в ряде сфер. Подобный тип комплементарности не затрагивает сущностную сторону институционального взаимодействия.

2.2.2. Институциональная комплементарность как равновесие интересов экономических субъектов. Б. Амабле определяет институты через равновесный подход, предполагающий, что становление нормы соответствует достижению компромисса между противоборствующими интересами социальных актеров²⁰⁶. Фиксируя правила игры, институты временно откладывают, но не отменяют социальные конфликты. Поэтому вместо того, чтобы *непосредственно* связывать институты и институциональные изменения с экономической производительностью, институты можно рассматривать как процесс установления и эволюции социальных компромиссов. ИК, соответственно, оценивается как процесс социального согласования, приводящий к специфическому компромиссу. Соответственно, комплементарность в этом подходе основывается на социально-политическом равновесии, а не на выражении различных критериев экономической производительности, связанных с разнообразием институциональных конфигураций. Институциональная конфигурация хозяйствования, по утверждению Б. Амабле зависит от политической поддержки, обеспечиваемой доминирующей социально-политической

коалицией или «социальным блоком». Институциональное изменение — результат стратегий, нацеленных на улучшение ситуации для некоторых или всех участников доминирующего блока. Блок сам по себе разнороден, институты — всегда результат компромиссов между актерами, которые, в общем, не имеют совершенного представления обо всех взаимозависимостях и комплементарности между институтами. С изменениями в выборах агентов и стратегиях социальный компромисс непрерывно пересматривается и устанавливается вновь²⁰⁷.

2.2.3. Институциональная комплементарность как наличие института-катализатора. Р. Диг в качестве варианта институциональной комплементарности предлагает случай, когда один *институт создается либо включается в сферу взаимодействия институтов для преодоления их несовершенства, взаимной неадекватности*, в качестве «отсутствующего ингредиента», **катализатора**²⁰⁸. Подобный тип комплементарного взаимодействия автор называет **супплиментарным**. Третий, дополнительный комплементарный институт воспринимается как *катализатор, повышающий эффективность функционирования основных институтов, вступающих во взаимодействие*. Р. Диг приводит пример, когда развитые сети семейной социальной поддержки сопровождают либеральный рынок труда, обеспечивают возможность высокого уровня флуктуации без катастрофических социальных последствий. Домохозяйства в дальневосточной патриархально-корпоративной СЭС берут на себя существенную часть функций социальной защиты, которые в рыночной и координируемой СЭС принимает на себя государство. Впрочем, куда более распространенным типом ИК подобного типа можно признать базовый институт денег. Ведь именно благодаря им, как всеобщему эквиваленту стоимости — посреднику в процессе экономических обменов, обеспечивается сама возможность успешного функционирования экономических систем.

Комплементарность подобного типа, как «*взаимное подкрепление*», опосредованно допускается и в рассуждениях П. Хопнера, отмечает К. Кроче²⁰⁹. В ситуации, когда существование одного института провоцируется другим, в свою очередь усиливающим первый, и так далее. Эта концепция может продемонстрировать, как были сформированы определенные типы зависимости развития. Но можно ли подобный тип взаимодействия институтов считать комплементарностью, задает вопрос К. Кроче? По его мнению, необходимо «держать в голове идею 'завершенности' концепции, и применения определенного рода эффективности; идентифицированные компоненты комплементарности должны формировать определенный тип целостности». Однако *взаимное подкрепление* не подразумевает этого. Два явления, возможно, просто укрепляли бы друг друга вместе без

формирования целого. Комплементарность как повышение эффективности институтов в результате взаимодействия и как целостность, возможно, включает случаи взаимного подкрепления, и будет важно отметить, когда это происходит. Однако тогда это становится возможным свойством комплементарности, но не отдельной её формы. Комплементарность подобного типа находится в центре внимания исследования Дж. Кэмпбела и О. Педерсена²¹⁰.

2.2.4. ИК как подобие институтов. Еще один поход, непосредственно продолжающий и дополняющий предыдущий, предполагает понимание **ИК** как **подобия институтов**. Он позаимствован в физике, хотя подобные явления встречаются во многих сферах человеческой деятельности. Например, в гомеопатии. Физические явления считаются подобными, если в сходственные моменты времени и в сходных точках пространства значения переменных величин, характеризующих состояние одной системы пропорционально соответствующим величинам другой системы. Два физических процесса подобны, если по заданным характеристикам одного, простым пересчетом можно получить характеристики другого. Подобный переход оказывается аналогичным переходу от одной системы единиц измерения к другой. Для этого применяются коэффициенты пропорциональности (*коэффициенты Подобия*) – «*переходные масштабы*». Физические параметры могут сильно отличаться важно, чтобы одинаковыми оставались безразмерные критерии подобия. Это свойство и составляет основу моделирования. *Критерии подобия* – мера относительной интенсивности эффектов, существенных для процесса. Явные и неявные связи между критериями подобия позволяют изучать свойства самих явлений.

Подобие среди институтов, по утверждению К. Кроче, может быть рассмотрено, как *отсутствие* комплементарности, таким образом, что некоторые из полезных характеристик обеспечивающих балансирование действительно комплементарных компонентов отсутствуют. Соответственно подобие можно воспринимать как неполную комплементарность. Смущает придание концепции двух несовместимых значений²¹¹.

Логика комплементарности (в экономическом смысле и как целостности) состоит в том, что определенная эффективность достигается, когда *балансируемые* или *противопоставляемые* характеристики находятся бок о бок. Образно говоря, такой подход подчеркивает преимущества дворняжки над породистым животным с родословной. У последнего усилены некоторые характеристики, но, одновременно, это означает, рост уязвимости. В то время как дворняжка избежала подобного подкрепления и поэтому её жизненные качества более «*сбалансированы*». Конечно, животное с родословной, благодаря

улучшенным характеристикам, делает некоторые вещи особенно хорошо. Оба вида животных имеют преимущества, но это — различные виды преимущества. (Чистокровные скаковые кони быстрее диких лошадей, но и переломы ног бывают гораздо чаще.) То же верно и для систем институтов. Те, что основаны на сбалансированной комплементарности, возможно, сильны в определенных качествах; те, что основаны на подобию — в других.

Возникает необходимость исследования того, когда и какой тип уместен. Однако этому противостоят П. Холл и Д. Гингерич, утверждающие, что «смешанные» случаи всегда хуже, чем «чистые». Таким образом, *концепция подобию институтов выводит нас на проблемы гетерогенности институциональных систем*. К. Кроче предлагает несколько потенциальных путей согласования этих поисков с теоретическими аргументами в пользу смешанных институциональных систем. Невозможно учесть все, а иногда и очень важные условия, обеспечивающие 'компенсацию'. Таковыми в англосаксонской СЭС выступают так называемые «инвестиционные ангелы», обеспечивающие возможность получения дружественного (доверительного) капитала. С точки зрения идеологии данной СЭС их следует рассматривать как источник неэффективности, так, как они явно противоречат представлениям о краткосрочной ориентации рынка в американском варианте капитализма. Но такое заключение может быть ошибочным. Ученый высказывает предположение в возможности существенной разницы между «смешанными» институтами и теми, которые воплощают комплементарные характеристики. Не всякая комбинация ингредиентов делает пиццу. Соответственно ставится исследовательская задача идентификации подлинно комплементарных структур. К тому же, по утверждению ученого сравнительные исследования структур, основанных на комплементарности и на сходстве, возможно, не учитывают все факторы и критерии эффективности. Исследование П. Холла и Д. Гингерича дает несколько примеров неожиданного отсутствия успеха. Однако если изменить критерии экономического успеха, то Австрия, Нидерланды и Швейцария, страны со смешанными системами, оказались бы в период 1970—1997 гг. среди самых успешных экономик мира²¹².

В целом, мы выходим на предмет исследования, но, с одной стороны, если эти понятия идентичны, то раскрывает ли подобное определение сущность комплементарности, а если нет, то мы не находим в нем ответа на вопрос в чем разница между ними? Подобие представляется как сходство, похожесть, тождество с чем-либо, образ, облик чего-либо, тождество формы при различии масштаба. Однако, всегда ли подобные институты комплементарны, а комплементарные подобны? Возникает

дополнительная проблема определения, что означает подобие в институциональной сфере. Простой пример: институты субсидиарной идеологии комплементарны федеративному политическому устройству, прецедентному праву, либеральной экономике, но в какой мере они подобны, да и вообще, как воспринимать подобие и комплементарность в отношении таких оппозиционных пар экономических институтов как банк и биржа, либеральный и регулируемый рынок труда. Какие институты считать подобными? Те, что относятся к разным институциональным уровням (политические, правовые, экономические) и сферам (финансы, корпоративное управление), но в рамках единой социально-экономической системы? Или относящиеся к одному уровню (экономика), сфере (рынки труда), но действующих одновременно и в рыночной и регулируемой системах? Ведь если за основу отсчета подобия принимать сферу действия институтов, задачи, которые они выполняют в экономической системе, то, пожалуй, эти институты так же можно признать подобными.

2.2.5. ИК как когерентность институтов. *Институциональную когерентность*²¹³ (*koherentia* (лат.) сцепление, связь) можно признать еще одним широко распространенным примером *ИК*. Она предполагает совпадение существенной части условий, обеспечивающих возможности эффективного сосуществования различных групп институтов. В результате эти институты оказываются совместимы, изменяется их конечная результативность. Институциональная когерентность предполагает согласованное протекание во времени процессов хозяйственного взаимодействия, регулируемых этими группами институтов. Благодаря взаимодействию возрастает их конечная результативность. В случае с институциональной когерентностью наличие когерентных отношений между отдельными параметрами институтов, вступающих во взаимодействие, дополняется совпадением внешних обстоятельств, обеспечивающих условия для эффективного осуществления институтами своих функций. *Институциональная когерентность* подразумевает согласованное взаимодействие институтов, имеющее в своем основании одновременное пересечение взаимосвязанных сфер, принципов, субъектов взаимодействия комбинацию их интересов. Такое пересечение, которое обеспечивает резонанс одновременно действующих в данных сферах институтов, их взаимное усиление или подавление (*институциональная интерференция*).

2.2.6. ИК в логике социальной дополненности. Конstellация. Еще один вариант институциональной комплементарности воплощается через *логику социальной дополненности, дополненности* на уровне устройства социальных систем основывающихся на *принципе «оба/и»*. Происходит собирание, согласование, объединение отличных, даже противоречивых составляющих системы. ИК как

целостность системы находится в центре внимания М. Хопнера²¹⁴. Метафорой, которая описывает подобное системное образование, есть *констелляция*. **Констелляция** – термин, который Р. Бернстайн позаимствовал у американских философов Т. Адорно и В. Бенямина. По мнению ученых, она означает «... группу соседних, ... изменяемых элементов, которые сопротивляются приведению к общему знаменателю, неотъемлемой сути или первичному образующему принципу»²¹⁵. «... Комплементарность соотносится с констелляцией, в которой два (или более) элемента должны быть объединены для получения специфического результата» – отмечает М. Хопнер²¹⁶. В качестве примеров подобной комплементарности представляются цвета, дающие в сумме белый, двоичные числовые серии 1 и 0, позиции студента и профессора.

Чтобы лучше понять организационную сущность констелляции обратимся к словарям, которые трактуют этот термин. В словаре Вебстера под «*constellation*» понимается: 1) группа фиксированных звезд, которые произвольно объединяются вместе, обычно называемых по очертаниям контура, который их обрамляет; 2) группа блистательных личностей; 3) группа условий, влияющих на поведение. Пониманию контекстуального значения будет содействовать и объяснение глагола «*constellate*». Он означает: 1) засеять бесчисленным количеством украшений; 2) объединение в сияющий, излучающийся, развивающийся кластер; 3) кластеризация подобно звездам в констелляции²¹⁷. World Book Dictionary под «*constellation*» предлагает понимать: 1) группу звезд, которые обычно имеют определенную геометрическую фигуру в определенном месте небосклона; 2) часть небосклона, занятая определенной группой звезд; 3) (в астрологии) группа или соответствующая позиция звезд, влияющих на дальнейшие события, особенно в момент рождения личности; 4) (в психологии) сложная соединение чувств и идей. Глагол «*constellate*» предлагается понимать как объединение в кластер подобно к звездам в констелляции. Объясняется даже прилагательное «*constellatory*» – взаимодействие с констелляцией или подобно ей²¹⁸. Объединяет констелляцию с системой *наличие определенной целостности* (группа звезд, которая составляет определенную геометрическую фигуру, расположенная в определенном месте небосклона, группировка чувств и идей). В тот же время существенное отличие состоит в *отсутствии фиксированных взаимосвязей между отдельными элементами, которые формируют констелляцию*. Будучи целостными по форме, по сути, институциональные системы остаются объединениями разрозненных частей.

2.2.7. ИК в концепции институциональных матриц: институциональный дуализм

Свои, оригинальные концепции ИК предложили российские ученые С. Кирдина²¹⁹ и О. Бессонова²²⁰. ИК предстает результатом существования двух противоположных типов социального устройства общества, двух типов ИМ. Соответственно ИК рассматривается как вариант институционального устройства, когда противоположные по социальной направленности институты дополняют действие базовых институтов, в случаях, если те не в состоянии эффективно выполнять свои функции. В концепции С. Кирдиной эту роль берут на себя базовые институты противоположной институциональной матрицы. Базовым институтам одной ИМ противостоят **комплементарные институты** противоположной ИМ. Они дополняют, компенсируют действие основных, базовых институтов в случае, когда те, в силу определенных причин, не в состоянии эффективно выполнять свои функции. **Комплементарные институты**, согласно этой концепции, – институты, характерные для определенного типа ИМ, но действующие в государствах с иным, альтернативным типом ИМ. Их действие подчиняется принципу доминантности. Так, в кризисных условиях централизовано управляемые экономики могут допустить существование локальных рынков, сектора малого бизнеса. С другой стороны, государства с либеральной рыночной экономикой в период военных действий, экономических кризисов могут усилить контроль над распределением и использованием особо дефицитных ресурсов (США в периоды преодоления последствий Великой депрессии, Второй мировой войны).

По иному дуальный подход к институциональной комплементарности проявляется в концепции О. Бессоновой. **ИК** базовых и оппозиционных институтов рыночного и раздаточного типа реализуется за счет действия специфических **компенсаторных институтов**. К ним могут относиться либо институты рыночной торговли и частного предпринимательства, либо институты государственного регулирования и социального обеспечения. Фактически мы имеем дело с дополнительным типом ИК. Появление базовых и противоположных им комплементарных (компенсаторных) институтов предопределяется спецификой материально-технологической среды, предопределяющей ценностные основания идеологических, политических, правовых и экономических институтов. Горизонтальная **конгруэнтность**²²¹ части параметров институциональных структур обеих типов ИМ предопределяется вертикальной их соподчиненностью. В рассматриваемых подходах изначальным условием ИК является противоположное по социальной направленности отношение между институтами разных ИМ. Однако парадокс заключается в том, что

в случаях, когда такие институты закрепляются в структуре ИМ, вместо отторжения или, по крайней мере, институционального напряжения, мы имеем позитивный экономический эффект.

2.2.8. Сетевая ИК. Переход к логике социальной дополнительности создает основания для начала активного формирования еще одного типа институциональной комплементарности — **сетевой комплементарности**. Впрочем этот аспект комплементарных отношений не находит достаточного отражения в рассматриваемых работах, за исключением Р. Буайе обращающего внимание на такую её форму как институциональная кластеризация. К её рассмотрению мы вернемся в следующем параграфе.

2.3. Комплементарный градуализм и целостность СЭС

2.3.1. Концепция ИК Р. Буайе. Значительный вклад в формирование научных представлений об ИК внес современный французский экономист Р. Буайе. Ученый акцентирует внимание на неоднородности отношений, возникающих между экономическими институтами. Это позволяют выделить определенную градацию **типов институционального взаимодействия**. К ним относятся **институциональные совместимость, связность, последовательность, дополнительность, супермодулярность, кластеризация, коэволюция, иерархия, изоморфизм²²²**. Остановимся на них подробнее.

Институциональная совместимость (compatibility) представляет простейший тип ИК. Наличие подобной взаимозависимости институтов предполагает возможность и допустимость одновременного сосуществования двух институтов. Именно это является необходимым и достаточным условием такого типа институционального взаимодействия. Согласно концепции Р. Буайе два института воспринимаются как совместимые, если в результате их объединения эффективность каждого из них *возросла, или осталась на прежнем уровне*, в противоположном случае, если эффективность действия институтов равна нулю или уменьшилась, они являются **несовместимыми** (2.1).

$$E \cap E' \neq \emptyset, \quad (2.1)$$

где E — институт E ,
 E' — институт E' .

В качестве иллюстрации подобного типа взаимодействия ученый приводит связь между дуальной структурой совета управляющих

и системой трудового участия — пример, использованный М. Хопнером. Если основатели концепции множественности вариантов капитализма (КМВК) воспринимали её как комплементарную, то в современных условиях она выглядит скорее как совместимость²²³. Доказательство «дополнительности» этих институтов требует, по мнению Р. Буайе, создания теоретической модели, которая бы могла подтвердить существование взаимосвязанной серии институтов и смогла бы оценить соответствующее влияние на совокупную производительность

Институциональная последовательность (ИП), связность (coherens) подразумевает, что в результате объединения и взаимодействия двух институтов их эффективность возрастает. Если в случае с **институциональной совместимостью** рост эффективности является требованием факультативным, желательным, но вовсе не обязательным, то последняя предполагает, большую взаимозависимость институтов. Объединение обеспечивает рост эффективности. Эффективность каждого из институтов возросла благодаря объединению (2.2).

$$\left. \begin{array}{l} E \cap E' \neq \emptyset \\ \sum E E' \max \end{array} \right\} \quad (2.2)$$

Концепция **совместимости** институтов, согласно Р. Буайе, может быть описана следующим образом. Институциональные формы x и y совместимы, если их сосуществование не приводит в действие процесс институциональных изменений таким образом, что некоторые политические силы пытаются поддержать x и изменить y . Поэтому, институты x и y не совместимы, если никакое устойчивое равновесие не включает как x , так и y , т. е., нет устойчивого социально-политического компромисса²²⁴. **ИП** отличается от **совместимости** тем, что **совместимость** опирается на взаимоотношения между группой разрозненных институциональных форм, тогда как **ИП** соотносится с целостностью институциональной структуры экономики. **ИП** связана со стабильностью политической коалиции, поддерживающей существующую «модель». Можно сказать, что модель, определенная институциональной структурой (x, y, z) , последовательна, если устойчивое политическое равновесие поддерживает все компромиссы между формирующими её институтами. **ИП** нужно воспринимать как независимую от общих принципов или «логики» существования системы в целом. Взаимоотношения между формирующими её институтами строятся на основе частного взаимного согласования.

Институциональная дополнительность, взаимозависимость или собственно **комплементарность (complementarity)** в узком понимании

значения этого термина подразумевает, что суммарная эффективность в результате объединения двух или нескольких институтов оказывается выше, чем эффективность каждого из этих институтов, действующих по отдельности. Связи, которые при этом возникают, могут иметь как вертикальный (иерархический), так и горизонтальный (сетевой) характер (2.3).

$$R(E, E') > R(E) \text{ и } R(E, E') > R(E'), \quad (2.3)$$

где R – эффективность.

В качестве примера институциональной дополнителности Р. Буайе приводит, с одной стороны, характерное для англо-саксонской системы прямое финансирование в сочетании со слабыми профсоюзами и краткосрочным стратегическим планированием. С другой стороны – дружественный финансовый режим посредством банковского кредитования в сочетании с сильными профсоюзами и долгосрочным стратегическим планированием.

Институциональная супермодулярность²²⁵ (*supermodularity*) как форма институциональных отношений предполагает, что эффективность взаимодействия двух или более институтов выше, чем возможная эффективность любых других комбинаций институтов, включающих часть из них. Как и институциональная дополнителность, оценка супермодулярности требует выявления критериев производительности институтов. Одновременно необходимо сравнить возможную эффективность других вариантов сочетания институтов (2.4).

$$R(E, E') > R(E, A) \forall A \neq E' \text{ и } R(E, E') > R(B, E') \forall B \neq E. \quad (2.4)$$

Кейрецу могут служить классическим примером случая **институциональной супермодулярности**. Это форма организации бизнеса в послевоенной Японии. Их институциональная структура предполагает широкое распределение собственности среди персонала, перекрестное владение акциями компаниями-участниками, значительную их автономию, наличие Шачокай (президентского совета) как руководящего и координирующего органа, банка, финансирующего и контролирующего деятельность компаний-членов, торгового дома и разветвленной сети небольших фирм-поставщиков, отношения с которыми строятся на долгосрочной неформальной основе. Особое место в формировании мотивации персонала этих структур занимает система пожизненного найма. Каждый из перечисленных институциональных элементов выполняет свою функцию, занимает своё место

в структуре кейрецу. Устранение любого из перечисленных институциональных элементов или переориентация организации его работы на западный манер с неизбежностью приведет к снижению эффективности всего комплекса, если вообще не сделает невозможным его существование. Связи между институтами, обеспечивающими возможность существования кейрецу, внутриорганизационное институциональное взаимодействие, носят горизонтальный, сетевой характер. Но сама возможность существования кейрецу обеспечивается конгруэнтностью этих институтов эгалитарно-коллективистскому принципу, составляющему традиционную ценностную основу японского общества.

По утверждению Р. Буайе концепция ИК трансформируется на макроэкономическом уровне в теорию супермодуляции, но основные механизмы существенно отличаются: ИК наблюдается только *ex post* и не происходит от организационной или технологической комплементарности²²⁶.

Иерархическая ИК в концепции Р. Буайе предстает как форма причинной взаимосвязи между институтами, когда принцип, который находится в основе действия одного института, оказывается абсолютно необходимым для поддержания существования другого в рамках полной последовательности $E' E'' E''' E''''$ (2.5).

$$\begin{aligned} \text{Если } \exists E, \text{ то в комплексе } (E', E'', \dots E''') \text{ имеется только одно } E', \\ \text{для которого соблюдается условие } E \cap E' \neq \emptyset, \\ \text{и далее } E \cap E'' \neq \emptyset, \dots E \cap E'''' \neq \emptyset. \end{aligned} \quad (2.5)$$

В случае с **иерархической ИК** одновременно соблюдаются требования ИК, последовательности и совместимости. Существование одного института невозможно без наличия другого. Р. Буайе в качестве иллюстрации подобного вида взаимосвязи институтов приводит пример, когда проведение эффективной либеральной монетаристской политики оказывается невозможным без наличия свободного рынка занятости и заработной платы.

Р. Буайе отмечает, что наблюдение преобразований в промышленных странах в последние два десятилетия подтвердило значение концепции *иерархии* институциональных форм. Она описывает конфигурацию, при которой, в наступающей эре и обществах, *специфические институциональные формы навязывают свою логику институциональной архитектуре, как целому, принимая доминирующее значение*. Тогда как концепция ИК подразумевает **симметрию** между двумя или большим количеством институтов, **концепция институциональной иерархии** подчеркивает институциональную

асимметрию. Два определения могут быть противопоставлены как статичное и динамичное. *Регулируемая по проекту иерархия* означает, что согласно концепции одна институциональная форма, ограничивается другой, форма более высокого уровня эксплицитно или имплицитно должна быть учтена. Например, монетарный режим, формируемый консервативной политикой центрального банка, подразумевает гибкое регулирование рынков труда и отсутствие структурного дефицита бюджета. Согласно второму определению, *преобразование* одной институциональной формы проводит к развитию (некоторого количества) других институциональных форм через последовательную передачу изменений от вышестоящих форм к нижестоящим. В фордистской системе связь труд/заработная плата играла эту роль из-за базисного компромисса, от которого она исходила. В 1980-х, его заменил монетарный и финансовый режим, диктующий изменения в других областях²²⁷.

В целом в зависимости от интенсивности институционального взаимодействия представленные варианты располагаются в последовательности от институциональной совместимости до институциональной иерархии (рис. 2.3).

Рис. 2.3. Интенсивность институционального взаимодействия в теории институциональной комплементарности Р. Буайе

Институциональный изоморфизм²²⁸ в представлении Р. Буайе — это такой тип ИП, когда институты оказываются близки согласно общему принципу Р, который определяет отношения эквивалентные R (2.6).

$$ER/PE' \quad (2.6)$$

Подобные отношения могут быть результатом непреднамеренного перенесения логики главного принципа института Е на институт Е'. Это форма ИП и она может проявляться в иерархических отношениях. Р. Буайе приводит пример, когда рост бюрократизма в общественном секторе по М. Веберу может влиять на характер управленческих структур крупных корпораций. Противоположным примером может быть стимулирование крупными корпорациями квазирыночной конкуренции центров прибыльности в ответ на триумф идеологии свободных рынков. В обобщенном виде получаем (2.7).

$$\left. \begin{array}{l} \text{Изоморфизм} \in \text{Последовательность} \\ \text{Иерархия} \Rightarrow \text{Изоморфизм} \end{array} \right\} \quad (2.7)$$

В то же время Р. Буайе отмечает, что предлагаемое определение не стоит считать обобщающим, поскольку иерархия может ассоциироваться и с противоположной логикой, когда подвижность комплементарного института E' сочетается с фиксированностью института E .

Формой воплощения ИК на уровне неформальных бизнес сетей, получившей широкое распространение в конце прошедшего – начале нового тысячелетия являются **кластеры**.²²⁹ **В основе их создания – институциональная кластеризация (Clustering)** – форма межинституциональных комплементарных отношений, отражающая тот факт, что несколько институтов сосуществуют в одном и том же институциональном поле одновременно²³⁰. Такое сосуществование вовсе не означает обязательное повышение эффективности какого-либо из них в результате этого. **Кластеризация** не предполагает (но и не исключает) наличие каких-либо связей между группами институтов, входящих в кластер. Причем связей как усиливающих, так и ослабляющих эффективность действия институтов. Формирование институционального кластера – результат эволюции институциональной системы. Институциональную кластеризацию Р. Буайе предлагает описывать в виде значимой взаимосвязи среди нескольких институциональных комплексов ($i = 1, 2, \dots, N$) (2.8).

$$\begin{array}{l} \text{Когда для достаточно большого } N, \\ \text{соблюдается взаимоотношение } (E_i, E'_i) > A, \end{array} \quad (2.8)$$

где A – набор институтов, согласно представленному порогу значений.

Ученый подчеркивает, что **институциональная кластеризация и ИП парные понятия**. Если выявление первой в большей мере основывается на эмпирических и статистических наблюдениях, то во втором случае можно опираться на теоретические конструкции. Соответственно в первом случае более уместным для изучения может быть индуктивный метод, то во втором – дедуктивный. Рыночная конкуренция не является механизмом отбора в случае с кластеризацией. Невозможно выявить критерии эффективности для институтов, которые одновременно в различных институциональных сферах выполняют различные функции. В случае с институциональной кластеризацией взаимодействие институтов может осуществляться в экологическом, экономическом, социальном, политическом контексте. Отношение кластеризации к другим рассматриваемым Р. Буайе уровням институционального взаимодействия может быть выражено следующим образом (2.9):

Кластеризация = высокий уровень совместимости;	}	(2.9)
Кластеризация + Последовательность = предположительная дополнительность;		
Изоморфизм = потенциальный источник последовательности и кластеризации.		

В качестве примера, объясняющего взаимодействие институтов в рамках кластерных образований, Р. Буайе приводит деятельности немецких ТНК на внешних рынках. Они, как правило, не переносят в свои филиалы в других странах практику совместного участия и двухуровневую систему обучения персонала. Это, по мнению ученого, свидетельствует о том, что в контексте немецкой экономики они находятся в отношениях кластеризации с другими экономическими институтами, но они вовсе не комплементарны на уровне отдельной фирмы. *ИП* как форма взаимодействия институтов проявляется в более широком институциональном контексте. Соответственно когда речь идет об ИК, то необходимо учитывать, что институциональные отношения могут иметь не только дуальный, но и тройной, многомерный характер, зависят от окружающей действительности.

В случае с институциональной кластеризацией речь идет о потенциальной возможности установления горизонтальных, сетевых связей между институтами, существующими в рамках одного институционального поля. Если эти институциональные образования оказываются совместимыми, то степень взаимодействия между ними будет зависеть от того, повышает ли оно и в какой степени общую эффективность институционального комплекса, либо остается нейтральным. В первом случае вероятность закрепления институционального комплекса возрастает. Несовместимость институтов ведет к отсеканию подобных институциональных связей.

Еще одной формой институционального взаимодействия, на которую обращает внимание Р. Буайе, является **институциональная коэволюция**. В отличие от предыдущих форм институционального взаимодействия, она отражает его динамический аспект. В этом случае институциональное взаимодействие выступает непреднамеренным результатом процесса естественного институционального отбора или механизма обучения участников социальных отношений. Коэволюция представляется ключевой для современных эволюционных исследований, впервые осуществленных с целью объяснения процесса технологических инноваций, но имеющих существенный потенциал в исследовании социальных норм, экономических институтов. Формализованное описание представляется следующим (2.10).

Если $t \rightarrow T$ Взаимосвязь $(E_t, E'_t) \rightarrow 1$,
 при t – временной переменной,
 когда T достаточно значительно. } (2.10)

Р. Буайе приводит еще один пример, опираясь на опыт Германии. В аспекте современных представлений внутренняя комплементарность между производственными отношениями и корпоративным управлением может представляться непредвиденным результатом непредсказуемого исторического процесса классовой борьбы, институциональных инноваций, испытаний и ошибок на различных уровнях.

Связь коэволюции с ранее рассмотренными концепциями согласно Р. Буайе выглядит следующим образом (2.11).

Комплементарность = по результату и иногда ошибочно презумпция эффективности результатов эволюционного процесса как источник коэволюции институтов;
Кластеризация = очевидность, что результат серии коэволюционных процессов может быть менее идеосикразическим, чем ожидалось, более чем совместимость. } (2.11)

Концепции ИК и иерархии, возможно, создают впечатление совершенно детерминированных систем без неопределенности или слабых мест. Кросснациональные сопоставления методов регуляции показали, однако, что соответствие между институтами далеко от совершенства. Концепция *гибридизации* описывает процесс, посредством которого предварительно импортированные институты преобразовываются через взаимодействие с местными институциональными формами. Это означает, что есть несколько степеней свободы в пределах каждой базисной институциональной формы. Гибридизация – главный фактор объяснения эволюции институтов и разнообразия в институциональной архитектонике. Конечно, другой источник динамики для ТР – внутреннее развитие напряженности в пределах институциональной архитектуры. Признание, что соответствие между институтами всегда частично и мимолётно приводит на передний план механизмы, выявленные сравнительным историческим анализом: иерархическое представление и конверсия – мощные механизмы эволюции. Это подразумевает «смягчение», или как минимум более осторожное использование, концепций ИК и иерархии. Табл. 2.3 иллюстрирует гибридный характер отношений между политическими и экономическими системами²³¹.

Таблица 2.3

Некомплементарность политических и экономических режимов

		Политика	
		Демократия	Авторитарный режим
Экономика	Интервенционизм	Англия в начале XX века, США	Чили 1973 – 1989
	Laissez faire	Франция в эпоху Золотого века	Южная Корея 1945 – 1985

2.3.2. ИК в динамике. ИК и институциональные изменения. Акцент на динамичном характере взаимодействия в случае с *когерентностью* как характеристикой экономических систем позволяет Н. Гражевской рассматривать её как явление однопорядковое с *коэволюцией*²³². *Институциональная коэволюция (Coevolution)*²³³ – понятие, отражающее динамичный аспект связей и отношений между институтами. Она предполагает параллельную эволюцию двух или нескольких институтов в процессе исторического развития. В наиболее общем плане примером *институциональной коэволюции* может быть история параллельной эволюции базовых институтов частной собственности, наемного труда, денег, рыночных обменов с момента начала формирования рыночной экономики, как доминирующей формы хозяйственных отношений, до современного периода. Выполняя собственную функцию в обеспечении рыночного механизма в процессе его развития, каждый из этих институтов эволюционировал, отражая изменяющуюся ситуацию и возможности, откликаясь на трансформирующиеся потребности комплементарных институтов. Другим примером институциональной коэволюции может служить трансформация базовых институтов собственности, корпоративного управления, наемного и служебного труда в результате ликвидации американской администрацией института дзайбацу в послевоенной Японии²³⁴.

В. Полтерович, в дополнение к необходимости обеспечения совместимости внедряемых и уже существующих институтов, обращает внимание на динамичный аспект реформ. Он говорит о необходимости учета «связи между институтами при выборе последовательности реформ или этапов той или иной реформы»²³⁵. Ученый обращает внимание на различие между статической и динамической комплементарностью. Недостаточно обеспечить совместимость внедряемых и существующих институтов (статическая комплементарность), необходимо так же учитывать изменения во взаимодействии институтов, которые будут происходить в процессе включения новых институтов. Свою мысль В. Полтерович иллюстрирует следующим

примером: «...Либерализация цен и приватизация в статике дополняют друг друга. Однако либерализация цен может дать эффект и в условиях государственной собственности, в то время, как приватизация, проведенная при сильно неравновесных ценах, неизбежно ведет к отрицательным последствиям (интенсифицируется борьба за перераспределяемый капитал, растут коррупция и преступность, предприятия попадают к неэффективным собственникам)»²³⁶.

2.3.3. Синергетический подход и ИК. Еще один, пожалуй, наиболее распространенный, подход к объяснению *ИК* можно обобщить под названием «*синергетический*». На отдельные его вариации опираются К. Кроче, Р. Диг, М. Хопнер. Проблемы синергии институционального взаимодействия находятся в центре внимания В. Решетило²³⁷. *ИК рассматривается как взаимозависимость, посредством которой компенсируются провалы составляющих элементов в обеспечении целостности.*

В буквальном смысле, по утверждению К. Кроче, подобный тип комплементарности означает определение двух институциональных явлений как дополнительных, когда они имеют такие противоположные характеристики, что целое охватывает обе части²³⁸. Два полушария, формирующие единую сферу – хороший пример. Выявление подобных случаев в институциональном анализе продуктивно, так как они богаты информацией и прогностическими возможностями. Но они относительно редки, и как предупреждает П. Хопнер, поиск комплементарности этого типа порождает искушения обращаться к функционализму²³⁹. Его пример – нетрансферабельные схемы внутрифирменного пенсионного страхования. Они используются в американских корпорациях с целью компенсации действия других институтов, стимулирующих высокую мобильность кадров, характерную для англо-саксонской СЭМ. Другой пример – формирование специфических трудовых навыков персонала германских фирм, как компенсации низкой мобильности персонала, занятого на рынке труда. Третий – роль крупных институциональных инвесторов в экономике США. Их влияние на фирмы или целые сектора экономики может быть таким большим, что они не могут вести себя, как на совершенном рынке, и вынуждены действовать стратегически, часто участвуя в диалоге с менеджментом более мелких фирм. Они, таким образом, компенсируют тенденцию гипертрофии рынков текущих операций, характерную для других американских финансовых институтов, делают возможным предоставление дружественного (доверительного) капитала. (Интересный пример – CPSPS, один из крупнейших инвесторов, часто выделяемый, как подлинное выражение особенностей финансовой системы США. Сама идея пенсионного фонда общественного обслуживания – компенсирующий элемент в модели американского капитализма. Если бы США действительно характери-

зовались исключительно рыночными отношениями, очень мало работников согласилось бы работать в общественной сфере, они не могли бы иметь коллективной схемы пенсионного обеспечения)²⁴⁰.

Насколько оправданным выглядит название подхода? Попробуем определить сферы его применения в исследовании ИК. Уже сам термин синергетика (*synergetikos* (греч.) – совместное действие) указывает на содержательную близость. Определенное кооперативное взаимодействие в нелинейных, открытых, неравновесных, нестационарных системах лишь отчасти может быть применено к описанию явления комплементарности.

Это ограничение, прежде всего, связано с противоречием между функциями института как фиксатора определенных норм социальных отношений и комплементарного взаимодействия как фактора, влияющего на изменение их эффективности посредством формирования дополнительных отношений между независимыми институтами. Институт фиксирует определенные алгоритмы социальных взаимоотношений. Системы институтов формируются именно с целью стабилизации, упорядочения социальных отношений внутри социальных общностей. Явление ИК эту стационарность с одной стороны и создает, поскольку благодаря комплементарности институциональная система и может существовать. Но, с другой стороны, установление новых вариантов ИК нарушает стационарность системы. В какой мере институциональную систему можно считать нелинейной? Ведь сама задача существования института – регламентирование, ограничение, фиксация реакции на одинаковые воздействия системы, институциональная система переносит эту стабильность и предсказуемость на уровень общества в целом. ИК обеспечивает возможность существования такой целостности. В этом плане институциональную систему скорее следует отнести к линейным. Но, с другой стороны, эффект нелинейности в комплементарном взаимодействии проявляется как непреднамеренный дополнительный результат пересечения сфер действия двух независимых институтов. Акцент на **эмерджентность** (*emergent* (англ.) – внезапно возникший) – формирование у системы дополнительных свойств, не присущих её элементам – ещё одна характерная сторона синергетического подхода. При этом утверждается, что вновь образованная форма интеграции (в нашем случае институтов) должна подчиняться иным законам формообразования, функционирования и эволюции. Подчеркивается отличие процесса от простого перехода количественных изменений в качественные. Пожалуй, эта сторона синергетической парадигмы оказывается неприменима в исследовании ИК. Поскольку, даже в случае с бифуркационными изменениями системы, перехода к противоположному принципу социальных отношений, смены фазы социально-экономического

развития общества законы формообразования, функционирования, и эволюции общества будут скорее корректироваться, чем изменяться. Кооперация институционального взаимодействия создает условия для формирования новых свойств системы. Но насколько подобные частичные изменения способны привести к эффекту *самоорганизации* вплоть до формирования новых систем. Проявление эффекта ИК может влиять на состояние равновесия институциональной системы. При этом сама комплементарность институтов выступает **аттрактором** (*attract* (англ.) – привлекать, притягивать), обеспечивающим её устойчивое состояние. Противоречивой выглядит и роль ИК в процессе **бифуркации** (*fork* (англ.) – вилка) – перехода системы из одного устойчивого состояния в другое. Ведь, с одной стороны, возможность бифуркационных изменений связывается с возрастанием неустойчивости ранее сложившейся системы институтов и, соответственно с ослаблением комплементарных связей между ними. Приближение к точке бифуркации связывается с ослаблением общесистемной комплементарности. С другой стороны, варианты ИК, которые зарождаются как частные случаи, в рамках взаимодействия институтов внутри и между отдельными сферами все больше распространяются на всю систему в целом. ИК предстает в качестве переменной составляющей параметров порядка. Переход через процесс бифуркации от одного состояния системы в другое оказывается связанным с изменением комплементарного основания. Ограниченными остаются возможности количественной оценки институционального взаимодействия, а следовательно, и использование такой характерной черты синергетических исследований как активное использование математического аппарата. В целом, наличие синергизма межинституционального взаимодействия не исключает ограниченность использования синергетических методов исследования комплементарного взаимодействия институтов.

2.4. Морфология институционального взаимодействия и ограниченность концепций ИК

2.4.1. Характер взаимодействия институтов. Вполне понятно, что исследование институционального взаимодействия целесообразно начать с простейшего, первого уровня, для чего на основе обобщения рассмотренных ранее подходов к ИК систематизируем многообразие возникающих при этом институциональных связей²⁴¹.

Для пояснения особенностей различных вариантов используем символы и рисунки. В зависимости от *направленности взаимодействия* ИК может быть:

– *однонаправленной* (\rightarrow), подобное взаимодействие предполагает подчиненность, зависимость одного института от другого. В наибольшей степени этот тип ИК характерен для структурной ИК. Такому принципу подчинена логика взаимодействия ценности – идеологические – политические – правовые – экономические институты²⁴²;

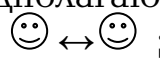
– *взаимонаправленной* (\leftrightarrow), случай, когда взаимодействие институтов предполагает взаимное влияние. Такой тип ИК характерен для горизонтальной, функциональной ИК. На подобных основаниях, прежде всего, выстраивается взаимодействие между экономическими институтами, относящимися к таким разным функциональным блокам, как ФС, КУ, ПО, ОПП, НСИ и внутри каждого из них;

– *пересекающейся* ($\blacktriangle \times \blacktriangle$), ситуация институционального напряжения, когда совокупная эффективность институтов падает в результате конфликта в сфере взаимодействия. На уровне СЭС подобная ситуация, прежде всего, оказывается связанной с противоречием социальной ориентации взаимодействующих компонентов институциональной системы. Построенная на либеральных основах ФС не сможет эффективно взаимодействовать с регулируемым рынком труда;

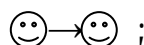
– *сталкивающейся* ($\rightarrow \leftarrow$), вариант, когда одновременное существование в едином институциональном поле оказывается невозможным. Ситуация революционных изменений в СЭС, когда в условиях неустойчивости существующей институциональной системы искусственно имплантируются институты, противоположные по направленности социального взаимодействия, в результате чего происходит вытеснение менее жизнеспособных институтов.

По количеству и соотносительности взаимодействия институтов ИК может быть:

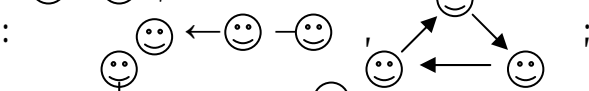
– *двойной равноположенной*, предполагающей равноправное взаимоотношение двух институтов:

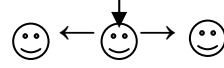
– *двойной подчиненной*:

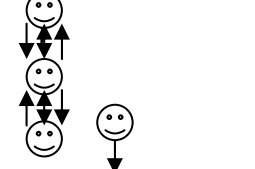
– *множественной последовательной*:

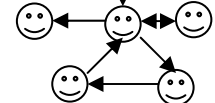
– *множественной иерархической*:

– *множественной с институтом-катализатором*:

– *множественной с различным характером взаимодействия*:

Ограничение количества институтов, включенных в институциональное взаимодействие, допускается лишь условно, *Ceteris paribus*, для упрощения моделей взаимодействия, путем выделения ключевой

структурной или функциональной связи. В реальности число, интенсивность, характер всех межинституциональных взаимодействий отследить практически невозможно. Например, характер инновационной активности в той или иной СЭС взаимоувязан с системами КУ, ФС (ориентация на инкрементальную или фундаментальную инновацию), ПО и ОПП (инновации, требующие глубокой специализации, значительных вложение в конкретные производственные навыки либо инновации, предусматривающие высокую подвижность обслуживающего персонала).

Детализированная классификация типов ИК в зависимости от характера институционального взаимодействия представлена на рис. 2.4.

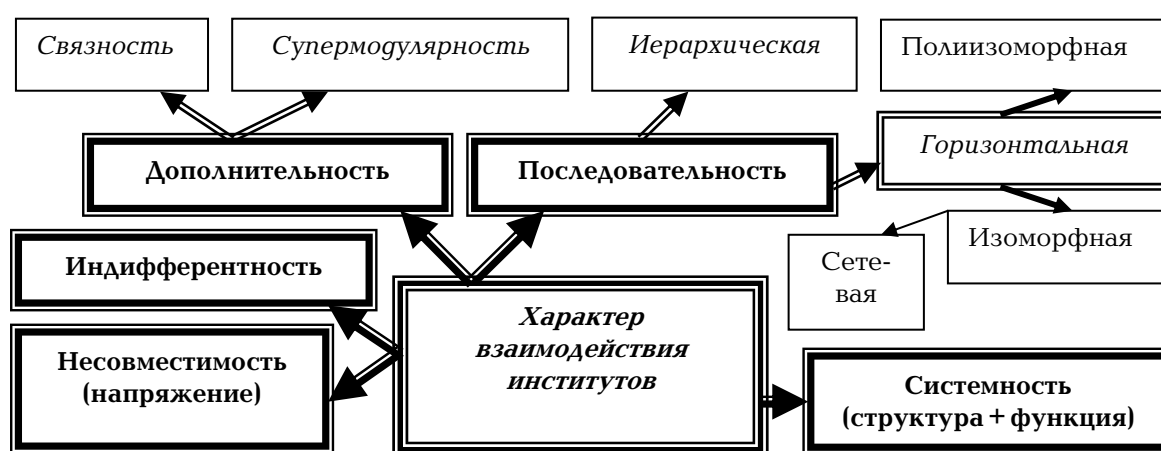

Рис. 2.4. Комплементарность и характер взаимодействия институтов

Если институциональная **индифферентность** предполагает отсутствие всякого взаимодействия находящихся в едином институциональном поле институтов, то **напряжение** указывает на наличие негативного влияния такого взаимодействия на эффективность участников. **Дополнительность** акцентирует внимание на росте эффективности в результате такого взаимодействия. При этом **связность** означает любой рост эффективности институтов в результате взаимодействия, а **супермодулярность** — достижение максимально возможного эффекта. **ИП** позволяет систематизировать взаимоотношения между институтами с точки зрения взаимной подчиненности либо наличия общих принципов в их основании. Соответственно **иерархия** предполагает наличие отношений соподчиненности. **Горизонтальные**, равноположенные отношения, в свою очередь, могут предполагать отношения **изоморфизма**, наличие единого общего принципа и **полиизоморфизма**, когда на функциональном уровне взаимодействуют институты, построенные на основании разных принципов структурообразования. **Сетевая**

комплементарность выступает в качестве объединяющего и организующего начала неформальных социально-экономических структур, предполагает наличие общепризнанной основы взаимодействия. *Системность* обеспечивается одновременным наличием как функционального, так структурного взаимодействия институтов.

Предложенный подход предполагает возможность как позитивного, так и негативного эффекта институционального взаимодействия, *позитивной* и *негативной* (институциональное напряжение) ИК. На основе изменения интенсивности комплементарного взаимодействия между институтами можно построить метрическую шкалу (рис. 2.5).

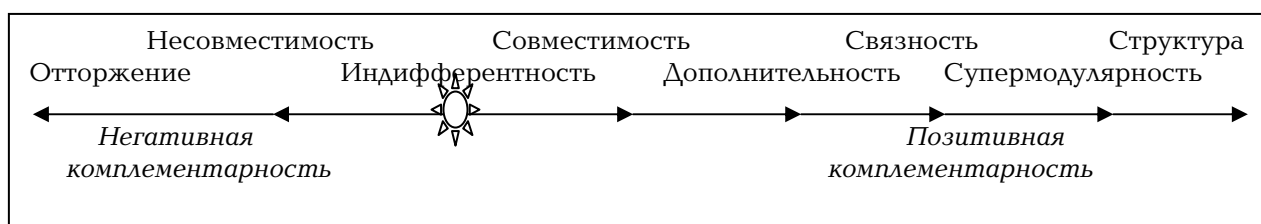

Рис. 2.5. Шкала измерения институциональной комплементарности по знаку и интенсивности

Институциональное отторжение предусматривает абсолютную несовместимость институтов, ситуацию, когда конфликт между ними достигает такого уровня, что они вообще не могут одновременно существовать в общем институциональном поле. **Институциональное напряжение** отражает падение эффективности одного или обеих (всех) институтов, вступающих во взаимодействие. Оба случая характеризуют взаимодействие институтов, изначально сформированных в разных СЭС. **Институциональная индифферентность** предусматривает ситуацию отсутствия взаимодействия между институтами в ходе выполнения ими своих функций. Институты могут относиться и к одной СЭС, но разным структурным уровням или функциональным сферам. **Институциональная совместимость** предполагает возможность и допустимость одновременного сосуществования двух институтов. **Дополнительность, взаимозависимость** институтов предполагает, что суммарная эффективность в результате объединения институтов оказывается выше, чем эффективность каждого из этих институтов, действующих по отдельности. В случае, когда институты относятся к различным СЭС, возникновение обеих ситуаций возможно при сознательной, целенаправленной имплантации институтов и приводит к формированию смешанных СЭС. Сочетание **институциональной связности** и **ИП** означает, что при взаимодействии помимо роста эффективности институтов, формируются отношения определенной взаимозависимости. **Институциональная супермодулярность** предполагает, что эффективность взаимодействия институтов

выше любой другой комбинации включенных во взаимодействие институтов. **Структурная** комплементарность обеспечивается сочетанием горизонтальных и иерархических отношений включенности — подчинения, когда существование одного института возможно лишь при условии вхождения в него в качестве неотъемлемой составляющей другого института, наличия определенного числа уровней соподчиненности между институтами. Последние три случая отражают ситуацию взаимодействия институтов в рамках единой СЭС.

Поскольку в центре нашего внимания находится взаимодействие институтов в рамках СЭС, системное взаимодействие, особую значимость приобретает вопрос о том, *каким образом в ИК отображаются уровень вовлеченности во взаимодействие институтов*. Соответственно можно выделить три типа такого взаимодействия — *суммативное, констелляционное и системную комплементарность*.

Исходное различие между ними поясняет В. Кузьмин, выделяющий целостные системы и суммативные единства. В обобщенном виде оно предстает «как различие объектов, образующих устойчивые целостные единства со строго заданной структурой, и объектов, которые хотя и образуют некие единства, но без строго фиксированной качественной и количественной структуры»²⁴³. Выделение констелляции в качестве дополнительного уровня градации институционального взаимодействия основывается на сложившейся традиции западных комплементарных исследований. Её следует рассматривать как разновидность суммативного единства, в котором целостность элементов формируется не как имманентный результат собственного развития системы, а как неустойчивое следствие внешнего воздействия, либо выделения в качестве ключевых элементов, относящихся к разным системам или второстепенных для данной системы.

Суммативное взаимодействие (рис. 2.6) предполагает случайное, эпизодическое, множественное, равноположенное взаимодействие институтов, относящихся к разным структурным и функциональным сферам, не предполагающее наличия общего системного основания, когда институты сохраняют свою самостоятельность, не объединяются в системную целостность.

Суммативное единство подразумевает самостоятельность частей относительно целого. Носит внешний характер. Суммативные качества остаются внешними в отношении некоторого единства, нет структурированности. Черты, формирующие общность не являются определяющими относительно сущностного содержания этой общности. Даже когда суммативная целостность приобретает некоторые «кооперативные свойства», они не становятся функциональными частями этого единства. Целое может сохранять свои качества даже

в случае, когда из него исключаются отдельные элементы. Качественные характеристики суммативных единств могут колебаться в рамках существенных изменений их количественных параметров²⁴⁴. Примером объединения институций подобного рода – сборник текущих законодательных решений Парламента. Основанием для их объединения является хронология принятия, а не сущностная, содержательная сторона. Он может включать документы за один день и за значительные периоды. Подобный тип ИК характерен для начального периода институциональной трансформации. Когда поспешное, некритичное, выборочное заимствование отдельных институтов либеральной рыночной экономики сочеталось с сохранением значительной части ранее действовавших институтов. Характерным примером может быть типичное для первой половины 90-х гг. сочетание либерализации внешнеэкономической деятельности, нерыночных методов курсообразования, тотального контроля использования валюты экономическими субъектами и сохранения в действии статей об уголовной наказуемости валютных операций. Подобное объединение институций, безусловно, порождает их взаимодействие, но его результатом становится хаос.

Рис. 2.6. Суммативное взаимодействие

Комплементарность как констелляция (рис. 2.7) в отличие от предыдущего случая предполагает определенную смысловую целостность. Это не случайный набор институтов. Но они объединяются не по содержательным характеристикам, а по внешним признакам. В то же время, в отличие от целостных систем, признаки, по которым институты объединяются в констелляцию, не имеют ничего общего с системообразующими принципами.

Рис. 2.7. Констелляция

Продолжая пример со сборником текущих решений парламента, к уровню конstellации можно отнести тематические сборники народных традиций, обычаев, обрядов. С одной стороны, они объединены одной темой, но, с другой, вошедшие в них неформальные институций могут существенно отличаться по истокам, мировоззренческим основаниям, времени возникновения. Достаточно вспомнить о переплетении в нашей культуре языческих и христианских по своим истокам традиций. Наиболее показательным примером институциональной конstellации может служить формирование смешанных институциональных систем. Общеизвестными их примерами могут быть системы производственных отношений, сложившихся в начале нового тысячелетия в Испании и Дании. Эти страны добились успешного сочетания либерализации рынка труда, характерного для англо-саксонской СЭС, и сильной системы социальной поддержки, свойственной континентальной модели. Но идеология субсидиарности, лежащая в основе заимствуемых институтов с неизбежностью вступает в противоречие с характерными для этих стран принципами коммунитарной идеологии. Наличие противоречия между структурной и функциональной составляющими ИК позволяет прогнозировать дальнейшую эволюцию системы. Причем выбор (между институтами, действующими на рынке труда и ценностями национальной культуры) представляется вполне предсказуемым²⁴⁵.

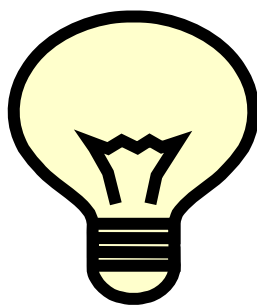

Рис. 2.8. Целостная система

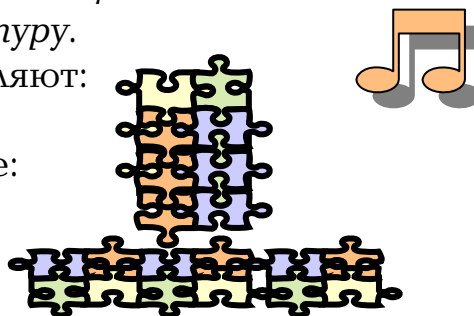
В случае с ОК целостность предопределяется внутренними (структурными и функциональными) взаимосвязями между институциональными элементами системы (рис. 2.8). Она отражает внутренние качества целостного явления. Каждый элемент системы, будучи частью целостного явления, выступает именно как специфическая его часть. Состав, внутренняя структура определяются потребностями целого, образуют структурное и функциональное единство. Предложенная иллюстрация, пожалуй, лучше всего представляет сущностные особенности подобного типа ИК. Пример лампочки подчеркивает качественное отличие на фоне предыдущих,

акцентировавших внимание на отдельных элементах. Составляющие элементы значимы, прежде всего, как части целого, выполняемой ими функциональной нагрузки. Целостные системы характеризуются определенным составом, внутренней структурой, масштабами, типом внутреннего взаимодействия частей и внешнего взаимодействия со средой. Они образуют устойчивые единства со строго заданной структурой. Этим они отличаются от суммативных систем и констелляций, не имеющих фиксированной качественной и количественной структуры.

Среди факторов, оказывающих влияние на формирование ИК, особое место занимает *институциональное подобие*. В физике подобными признаются явления пропорциональности соответствующих величин, характеризующих состояния двух систем в сходные моменты времени и в сходных точках пространства. Соответственно, *подобие в институциональной сфере подразумевает наличие общего системного признака функционирования институтов, обеспечивающего их включенность в определенную институциональную структуру*.

По признаку подобия институтов выделяют:

- структурное (иерархическое) подобие:
- функциональное (горизонтальное):

В основе *структурного (иерархического) подобия* институтов, как элементов СЭС лежит наличие общего принципа социальных отношений – приоритет индивида или коллектива. Примером иерархического подобия институтов в рамках англо-саксонской СЭС может быть иерархия, прослеживающая последовательность подобных базисных институтов. Индивидуализм, стратификация, свобода на уровне идеологических институтов сочетается с федерализмом, субсидиарностью, выборностью, многопартийностью на уровне политических, деэлитизацией и приоритетом прав граждан на уровне правовых и наемным трудом, обменом, частной собственностью, прибылью, конкуренцией, частными деньгами на уровне экономических²⁴⁶. Иерархическая институциональная структура формируется спонтанно, в ходе эволюции общества, но социальная направленность структурной ИК имеет постоянный, фиксированный характер. Её смена связана с коррекцией социальных ориентаций ценностной системы.

Основой *функционального подобия* является позиционирование отдельного института как *элемента целостной воспроизводственной системы*. Функциональное подобие на экономическом уровне предполагает наличие в рамках институционального комплекса,

обеспечивающего воспроизводственный процесс институтов, поддерживающих как производство, так и распределение и потребление экономических благ. Каждый из институтов отвечает за свой участок воспроизводственного процесса, является частью воспроизводственной системы. Выделение двух типов институционального подобию составляет основу нового подхода к пониманию структуры и сущности ИК СЭС.

Необходимость целостного функционального охвата всех сторон жизнедеятельности системы предполагает наличие еще одной характеристики функционального взаимодействия — *институциональной связности*. Она отражает функциональную взаимозависимость и взаимообусловленность институтов в рамках системы.

2.4.2. Ограниченность концепций ИК. Обобщая подходы к институциональной комплементарности современных западных экономистов, М. Хопнер акцентирует внимание на функциональных и структурных особенностях институционального взаимодействия. Ученый предлагает различать *ИП и ИК. ИП отражает структурное взаимодействие между институтами*. Институты могут быть структурированы последовательно, либо нет. ИК может существовать без ИП, ИП без ИК. Варианты пересечения ИП и ИК дают четыре случая. Сопоставляя ИК и ИП, ученый отмечает, что ***ИК** — это функциональная категория, которая подразумевает, что производительность конфигурации возрастает, когда её элементы обладают специфическими свойствами. Последовательность же относится к структуре*, отражает структурные взаимосвязи между институтами²⁴⁷. Возможные варианты сочетания ИП и ИК представлены в табл. 2.4.

Эффект сочетания ИК и ИП (область 1/1) представлен в работе П. Холла и Д. Гингерича²⁴⁸. Результат — высокие темпы роста стран ОЭСР в 1971 — 1997 гг., в случае, когда институты продвигали стратегическую координацию не только в КУ, но и в сфере ПО (европейская модель). То же было верно, в случае, когда рыночная координация в сфере КУ комбинировалась с управляемым рынком в сфере ПО (англо-саксонская модель). Комбинации с отсутствием связей, область 0/0, приводят к падению совокупной эффективности экономики. В работе П. Холла и Д. Гингерича к экономикам с подобным типом взаимодействия относятся страны со смешанной экономической системой такие, как Дания, Испания, Нидерланды. Случай взаимосвязи 0/1 иллюстрируется упоминаемой К. Кроче практикой формирования специфических профессиональных навыков в системе немецкой профессиональной подготовки при сохранении на низком уровне интенсивности перемещения работников между фирмами. В дополнение М. Хопнер приводит следующий «не институциональный пример»: «Педагоги утверждают, что хорошие ученики

учатся лучше в группах, включающих так же и плохих учеников». Область 1/0 представляет ситуацию, в которой институты объединены последовательно, но где отсутствуют балансирующие рыночные институты функционального взаимодействия. М. Хопнер относит государственное планирование в ГДР к сфере структурного, а не функционального взаимодействия. Введение функционально эквивалентного для Западного стиля рынка капитала в ГДР, по мнению ученого, обеспечило бы более эффективное распределение инвестиций²⁴⁹.

Таблица 2.4

Соотношение функциональных и структурных компонентов взаимодействия институтов по М. Хопнеру (с. 56)

		Комплементарность (функциональные особенности)	
		1	0
Последовательность в методах управления (структурные особенности)	1	Последовательные институты, эффективное взаимодействие. Американская и германская «модели» корпоративного менеджмента и производственных отношений в КМВК.	Отсутствие балансирующего института. В ГДР нет рынка капитала.
	0	Эффективное взаимодействие элементов в несвязной конфигурации. Чрезвычайно портативные трудовые навыки германской системе ОПП.	Дисфункциональная напряженность. Промежуточные случаи в U-кривой Hall/Gingerich.

Подводя итоги обсуждения ИК, М. Хопнер отмечает, что концепция ИК полезна для понимания внутренней логики институциональных конфигураций. Её использование переносит внимание на функциональные эффекты конфигураций. Однако она имеет свои ограничения.

Прежде всего, преобладающий подход описывает только один особый специфический случай институционального взаимодействия. За пределами её внимания оказывается целый ряд разновидностей институционального взаимодействия, отражающих непосредственные причинные связи между элементами различных институциональных систем. Во-вторых, *концепция не дает ответ, на вопрос происходит ли комплементарность от сходства или от различия* (эмпирические примеры как 1/1 и 0/1). В-третьих, предлагаемая концепция *не обеспечивает действенные возможности прогнозирования институциональных изменений*, поскольку рассматривает лишь один из многих возможных источников изменения. В целом, констатирует М. Хопнер,

комплементарность — чрезвычайно абстрактная концепция, описывающая одну возможную функциональную особенность институционального взаимодействия.

В наиболее обобщенном виде на основе рассмотренных подходов ИК, пожалуй, можно было бы определить исходя из представления о комплементарных благах, принятого в экономической теории. Соответственно, *ИК* *предстает как форма институционального взаимодействия, в результате которого суммарная эффективность комплементарных институтов отличается от суммы эффективностей институтов, включенных во взаимодействие.* В формализованном виде предложенное определение можно представить следующим образом (1.12):

$$R(E, E') \neq R(E) + R(E'). \quad (1.12)$$

Недостаток предложенного определения состоит в том, что фактически за пределами внимания остаются системные особенности, исследование которых изначально ставилось в центр внимания теорий, в рамках которых и появилась сама концепция институциональной комплементарности.

Шаг в сторону системности исследования ИК, сделанный М. Хопнером, предложившим двухмерную модель институционального взаимодействия скорее подпадает под формулировку «шаг вперед, два шага назад», поскольку институциональной *комплементарности, охватывающей «функциональные отношения институтов» он противопоставляет институциональную последовательность — акцентирующую внимание на структурном взаимодействии институтов.* Таким образом, важный элемент системности — её структурная составляющая оказывается вне поля зрения исследования комплементарности.

Большой потенциал исследования ИК СЭС несет диалектический метод. К его использованию мы обратимся в следующем разделе.

— Выводы по главе 2 —

1. Идея комплементарности институтов как основы формирования эффективных институциональных систем находит признание и поддержку представителей компаративного анализа социально-экономических систем. Прежде всего, концепции множественности вариантов капитализма, школы регуляции. Оригинальные концепции комплементарности институтов в рамках теории институциональных матриц предложили российские ученые О. Бессонова и С. Кирдина.

2. В зависимости от особенностей методологических подходов, ИК рассматривается как процесс взаимодействия институтов, институцио-

нальную структуру, в рамках которой институты взаимодействуют, эффект, получаемый в его результате. Её можно исследовать на общесистемном уровне, как явление, структурирующее институциональную систему в целом, обеспечивающее устойчивое состояние и как частный случай, когда взаимодействуют институты в рамках и на пересечении отдельных сфер хозяйствования. Критериями классификации выступают эффекты, достигаемые в результате взаимодействия институтов, условия обеспечивающие существование, характер взаимодействия институциональных элементов, градации интенсивности институционального взаимодействия, комплементарность как механизм обеспечения целостности экономической системы.

3. Отправным моментом исследования институциональной комплементарности является изучение специфических вариантов взаимодействия отдельных институтов. В зависимости от направленности выделяется однонаправленное, взаимонаправленное, пересекающееся, сталкивающееся взаимодействие. По количеству и взаимной соотнесенности институтов оно может быть двойное однонаправленное, двойное подчиненное, множественное последовательное, множественное иерархическое, множественное с институтом катализатором, множественное с одновременным совмещением различных вариантов характера взаимодействия. По знаку и интенсивности можно выделить негативную комплементарность (отторжение и несовместимость), индифферентность, позитивную комплементарность (совместимость, дополнительность, связность, супермодулярность, структурирование). В зависимости от качественных характеристик можно говорить о суммативном, констелляционном и системном групповом взаимодействии институтов. На системном уровне комплементарность предполагает одновременное наличие структурных и функциональных взаимосвязей между институтами. Они отражаются в подобии и связности институтов.

4. Преобладающий подход описывает только один специфический случай институционального взаимодействия. За пределами внимания оказываются причинные связи между элементами различных институциональных систем. Не обеспечивается возможность действенного прогнозирования институциональных изменений, поскольку она — лишь один из многих возможных источников изменения. Препятствием на пути более адекватного понимания системного взаимодействия институтов в концепции М. Хопнера становится разграничение автором функциональной комплементарности и структурного подобия, как особого вида взаимодействия, отличающегося от комплементарности. Таким образом, важный элемент системности — её структурная составляющая оказывается вне поля зрения исследований комплементарности.

ГЛАВА 3

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СЭС

Комплементарные отношения по самой своей сути носят диалектический характер. С одной стороны, когда мы говорим об ИК, мы подразумеваем наличие институциональной системы как единства элементов её формирующих. Не будь этой целостности, не будет и основания для формирования комплементарных отношений. Системность служит базисом для объединения частей на комплементарных началах. Но, с противоположной стороны, для того, чтобы быть комплементарными, элементы, входящие в систему, должны отличаться между собой, быть разными, разными именно в тех отношениях, которые затрагивают их взаимодействие в рамках системы. Второй стороной комплементарности институтов становится их противоположность, наличие противоречия в комплементарном взаимодействии. Это противоречие превращается в стимул эволюции институциональной системы, её развития в соответствии с изменениями внутренней и внешней среды.

Объект нашего исследования — институциональная архитектура социально-экономических систем. Взаимодействие между институтами, их формирующими, носит системный характер, подчиняется определенным закономерностям. Они определяют направленность, характер, интенсивность институциональной эволюции, а, следовательно, и развитие СЭС в целом. Можно выделить три уровня таких отношений — локальный, общесистемный и межсистемный. В своем взаимодействии они выстраивают своеобразную лестницу институциональных оснований СЭС. *Первый уровень* охватывает спектр институционального взаимодействия на уровне институтов в рамках конкретных сфер хозяйствования. Он включает варианты взаимодействия, возникающие, когда одна институциональная форма

выполняет сразу несколько функций, а так же взаимодействия различных институциональных форм в процессе осуществления общей или смежных функций. Примером первого варианта взаимодействия может служить базовый институт денег. Одновременно выполняющий функции обеспечения обмена, всеобщего эквивалента стоимости, средства платежа, хранения, международных денег, инструмента общего опыта, в рамках которого только и может существовать капитализм²⁵⁰. Примером второго – взаимодействие различных институтов, когда экономические субъекты в процессе осуществления какого либо социального действия сталкиваются с необходимостью соблюдения сразу нескольких формальных либо неформальных норм. Так, при покупке недвижимости недостаточно одного желания владельца и потенциального покупателя продать и приобрести, соответственно подкрепленного финансовыми возможностями. Необходимо наличие документов, подтверждающих право владения, а так же отсутствие ограничений на его продажу, могут понадобиться документы, подтверждающие легальность средств покупателя, сделку необходимо юридически оформить, заплатив при этом соответствующие сборы и комиссионные. От характера и количества подобных регламентаций, их согласованности – комплементарности – зависит уровень трансакционных издержек участников операции, в конечном итоге готовность к её осуществлению.

Объем трансакционных издержек может быть связан с эффективностью работы соответствующих органов регламентации, исполнения и контроля (мы остаемся на первом уровне), а может отражать системные особенности СЭС (мы переходим на *второй уровень институционального взаимодействия*). Продолжая наш пример, приобретение земли в США скорее всего не вызовет юридических проблем, в СССР такой акт был в принципе невозможен, в Украине, несмотря на действие моратория на продажу земли, представляющие коммерческий интерес участки давно оказались в руках заинтересованных лиц. В США создана рыночная экономика, в СССР была плановая, в Украине формирование целостной модели не завершено. Институциональное взаимодействие на втором уровне определяется *общесистемными факторами*, имеет опосредованный характер. Влияние на институт собственности оказывают базовые институты трудовых отношений, обмена (распределения), прибыли (пропорциональности), конкуренции (координации). В свою очередь все они находятся в комплементарном взаимодействии с базовыми идеологическими, политическими и правовыми институтами.

Третий уровень институционального взаимодействия отражает комплементарность институтов, относящихся к разным СЭС. Подобная комплементарность составляет основу выделения СЭМ, включающих

близкие по институциональному устройству национальные СЭС. Примерами могут служить англо-саксонская протестантская, либеральная СЭМ (РК), дальневосточная конфуцианская патриархальная корпоративная СЭМ (МК). Особую значимость комплементарность институтов, принадлежащих к различным СЭС, приобретает в процессе формирования интеграционных союзов. Унификация законодательства, правил международного движения товаров, услуг, рабочей силы, формирование валютного союза, сближение пенсионных систем предполагают комплементарность соответствующих институтов в странах-участницах интеграционного объединения²⁵¹.

Специфика материально-технологических условий хозяйствования, особенности организации совместно-разделенной трудовой деятельности участников хозяйственного процесса, стадия экономического развития, особенности национальной культуры хозяйствования определяют специфику комплементарных связей формирующих институциональную составляющую СЭС. К исследованию этих закономерностей мы и обращаемся в данном разделе.

3.1. Системность воспроизводственной деятельности человека

3.1.1. Воспроизводственная деятельность как основа институциональной комплементарности СЭС. Социально-экономическая система имеет целостный, органический характер, она функционирует как единый социальный организм²⁵². Органичность СЭС состоит в её изначальной нацеленности на самообеспечение, поддержку собственного существования, самовыживание, способность к эволюционному развитию, самосовершенствованию, самовоспроизводству без целенаправленного сознательного внешнего вмешательства. В отличие от суммативных систем, институциональные элементы, формирующие СЭС, структурированы и имеют общее основание. Таким *основанием их объединения в систему*, и это отличает её от констелляции, являются не внешние признаки, а *социальное содержание, обеспечивающее системообразующее начало*.

В основании СЭС находится определенный тип жизнедеятельности, способ существования, специфический материальный базис самовоспроизводства общества. Именно он предопределяет специфику системы в целом. Каковы его истоки? Формирование человеческого сознания, развитие способности к труду, коллективных форм жизнедеятельности — результат исторической эволюции воспроизводства человеком своего существования. Воспроизводства как непрерывно возобновляемого процесса производства условий,

необходимых для выживания и самосовершенствования. Сознательный коллективный человеческий труд, *совместно-разделенные отношения по поводу обеспечения существования отдельного индивида, как неотъемлемой части общества – базис жизнедеятельности социальных систем*²⁵³.

Человек в процессе хозяйственной деятельности как непосредственно, так и опосредовано оказывается вовлеченным во взаимодействие с другими членами общества. Он постоянно своим трудом дополняет результаты трудовой деятельности других индивидов и, с противоположной стороны, получает ресурсы для осуществления своей деятельности, средства для выживания от других людей. Труд человека приобретает совместно-разделенные черты. С одной стороны, труд всегда остается индивидуальным, целенаправленным, конкретным трудом, сознательно осуществляемым человеком с целью удовлетворения его собственной потребности в выживании. Однако, с другой стороны, обеспечение этой цели все больше опосредуется трудовой деятельностью других людей, вовлеченных в единый процесс общественного воспроизводства. Индивиды результатами своей трудовой деятельности постоянно *дополняют* друг друга. Более того, по мере развития производительных сил общества эта дополнительность проникает на уровень организации процесса производства отдельных благ. *Дополнительность, комплементарность обретает всеобщий характер*. Она охватывает все стороны жизнедеятельности общества. Ведь мало просто произвести тот продукт, который востребован со стороны других членов общества. Необходимо правильно определить его количество, качество, время, место, где он будет востребован. Чем выше уровень развития общества, тем большую сложность и разнообразие обретают *совместно-разделенные общественно-производственные отношения*, унифицированные формы которых фиксируются в институтах. Закрепляющие совместно-разделенный характер общественно-производственных отношений институты, в свою очередь, так же обретают комплементарную направленность. Её системный характер проявляется в ходе эволюции форм хозяйствования и отражает процесс изменения структуры системы общественного воспроизводства²⁵⁴.

Необходимость поддержания целостности хозяйственных систем ведет к формированию отношений субординации, когда низшие формы в процессе совместного функционирования подчиняются высшим. Они уходят в «основание» системы. Однако, будучи взаимосвязанными и субординированными, низшие формы в тоже время сохраняют известный уровень автономии и опираются на свои специфические закономерности, выполняют свои специфические функции. *Система общественного воспроизводства обретает*

дуальную форму. Одну её часть составляют элементы, обеспечивающие структурное, а вторую — функциональное единство. Комплементарность институтов и является той качественной характеристикой, которая описывает это явление.

3.1.2. Системные качества. Этот дуализм находит свое отражение в качествах системы как единого целого, её системных качествах. В. Кузьмин предложил их классификацию, задача которой «выявить специфику собственно системных качеств и таким образом охарактеризовать специфику объектов, с которыми имеет дело системное исследование»²⁵⁵. Она включает *природные, материально-структурные и функциональные*, относимые к качествам первого порядка, а так же системные (макросистемные, интегративные) качества — *качества второго порядка. Природные, материально-структурные качества* отражают свойства самой материи, «все многообразие её состояний и качественно различных форм». При этом природные явления в рамках этих характеристик определяются одновременно в двух измерениях — с точки зрения их материального состава, *материально-структурных особенностей и функциональной роли в системе. Функциональные качества* вытекают из принципа социальной специализации или назначения. Определяющая роль переходит к функции, соответствию предмета (социального явления) его функциональной роли в системе воспроизводства социума. *Качества третьего рода* — это системные качества, право первооткрывателя которых, по утверждению ученого, принадлежит К. Марксу. Это интегративные качества, отмечает В. Кузьмин, поэтому они могут структурно и не материализовываться в конкретных социальных явлениях. Они присутствуют как *общий признак состояния системы.* Эти качества позволяют за внешними проявлениями системности разглядеть их внутренние, интегрально-системные закономерности.

Социальные качества «первого порядка» выступают на поверхности явлений как функциональные, предметно-системные. Они отражают общественные потребности и нормативы, обеспечивающие специализацию субъектов в рамках общественных отношений, сохраняют непосредственную связь с материальными объектами, производственной деятельностью человека. *Социальные качества «второго порядка»* выражают интегративные качества целого, отражают общие, кооперативные свойства определенного круга явлений, выражают интегративные качества общественного целого, носят системно-специфический, системно-интегральный характер. Наличие подобных качеств у социальной системы обеспечивает проявление ключевого признака системного явления — целостности, соблюдение принципа «система больше суммы её частей».

Каждое общественное явление обретает **двойное качественное содержание**: одно — **структурно-функциональное**, другое — **общесистемное**. Эти каркасы целостных систем представляют две стороны единого явления. В содержательном плане в них воплощаются разнонаправленные составляющие качественных характеристик жизнедеятельности систем — интеграция (структурное) и дифференциация (функциональное). Но это **противоречие** само становится возможным как результат целостности системы и порождает новые интегративные её качества. Мы имеем дело с проявлением **закона единства и борьбы противоположностей**.

На уровне институциональной системы этот дуализм проявляется в форме существования двух срезов системных качеств и двух уровней комплементарности. На первом мы имеем дело со структурной (Ст.К) и функциональной (ФК) комплементарностью, а на втором — с производной общей ИК (ОК), комплементарностью второго уровня. С функциональной точки зрения одни и те же явления могут выполнять одни и те же, либо подобные функции, оставаться одними и теми же в различные исторические эпохи. При этом с точки зрения структуры и системного содержания они могут быть диаметрально противоположными — проявляться это может в эволюции роли государства, его ориентации на интересы определенных социальных групп.

В наиболее яркой форме эти противоречия выявляют себя в случаях сознательного включения в институциональную систему функциональных институтов, некомплементарных доминирующей социальной ориентации. Классическими примерами остаются НЭП в СССР и программа преодоления Великой депрессии в США, предложенная Ф. Рузвельтом в 30-е гг. XX в.²⁵⁶. В обоих случаях функциональная комплементарность и эффективность сочетались со структурной некомплементарностью. В итоге это приводило к формированию системной некомплементарности внедряемых институтов. Их функционирование обеспечивалось благодаря искусственному торможению со стороны государства естественной реакции институциональных механизмов, обеспечивающих структурную целостность СЭС. После преодоления кризисных явлений соответствующие некомплементарные институты прекращали существование.

Дуализм социально-экономических систем проявляется так же в сочетании двух линий материально-структурного существования — природной и социальной, обеспечивающей структурирование общества как социального организма. Последнее создает возможность сбалансированного развития общества в соответствии с социальными и природными законами. Совершенствуя свои знания об окружающем мире, инструментах управления им, социальной организации, человек

остаётся частью и продуктом природы, поэтому природные законы и потребности сохраняются в основании человеческого существования.

Акцент на качественные характеристики социальных систем позволяет непосредственно выйти на объект и предмет исследования — институты и ИК СЭС. Ведь, с одной стороны, именно институты — интегрирующее начало, объединяющее в единое целое структурную и функциональную составляющую социальных систем. С другой — *качественной характеристикой, которая способна в наиболее обобщенном виде представить все три качественных среза системной жизнедеятельности выступает комплементарность.*

Возражение может вызвать обоснованность характеристики институтов по первой группе системных качеств. Ведь к ней предлагается относить природные, материально-структурные качества. Институты же, с одной стороны, отражают социальные качества, не являются материальными в традиционном понимании этого термина. Однако социальный срез человеческого существования является естественным продолжением физического, химического, биологического, физиологического, генетического оснований его существования. Человек в своем развитии достиг стадии социализации. При этом он продолжает оставаться частью природы, поднявшейся до уровня сознательной *родовой жизнедеятельности*. Происходит смена, продвижение на более высокий уровень доминирующей структуры жизнедеятельности. Институты выступают в качестве средства обеспечения этого нового, еще более усложненного уровня родового существования.

Попробуем, опираясь на характеристику системных качеств, которую дает В. Кузьмин на примере учения К. Маркса о стоимости, деньгах, физическом и моральном износе, обосновать оправданность рассмотрения институтов с точки зрения их материально-структурных качеств²⁵⁷. Характеризуя системные основания учения К. Маркса о стоимости, исследователь связывает материально-структурные качества с товаром. Товар же сам по себе может быть как материальным, так и процессуальным в своей основе (услуга). Институт также в своей основе явление процессуальное. К тому же, целый ряд современных теорий институциональных изменений вообще опирается в своих концептуальных построениях, в конечном итоге, на наличие товарных свойств у института как общественного блага. В соответствующих моделях заинтересованные группы выходят на «рынок институтов», где на конкурентной основе «продавцы» и «покупатели» выбирают институты как специфический товар. Процесс целенаправленного формирования новых институтов связывается с расчетом инициаторов получить определенные выгоды от «продажи» их потенциальным «потребителям». В целом, как

создание, продвижение института, так и его принятие связано с определенными издержками и выгодами. Нет необходимости говорить о том, что формирование института в данной модели предстает как процесс вполне целенаправленный. Институт для заинтересованных социальных групп приобретает характеристики товара²⁵⁸.

Еще одно основание качественной оценки институтов по материально-структурным характеристикам дает нам пример анализа системного качества в учении К. Маркса о деньгах. Этот пример особенно интересен для нас, так как деньги сами по себе являются институтом²⁵⁹. В. Кузьмин отмечает, что деньги принимают материальную форму лишь при выполнении функций сокровищ и мировых денег. В связи с этим ученый говорит об *особой форме материальности общественно-экономических, системных явлений – общественной материальности*²⁶⁰. Очевидно, что когда речь идет об институтах, мы имеем дело с аналогичным явлением. Природные, материально-структурные качества институтов связываются с их материально-общественной формой. Таким образом, институты могут рассматриваться как природная материально-структурная категория.

Свое «материальное основание», «общественную материальность», институты обретают в формах собственного существования. Соответственно структурные качества институциональных систем оказываются непосредственно связанными с формами, в которых воплощается институциональная организация. Функциональные качества с противоположной стороны характеризуют функциональную роль, которую выполняют институты в соответствующей системе. Таким образом, использование предложенной В. Кузьминым классификации системных качеств позволяет получить целостное представление об ИК СЭС как комплементарности институциональных форм, институциональных функций и ОК.

3.1.3. Лестница системных оснований и ИК СЭС. Человеческое общество формируется как явление *полиструктурное, полисистемное*. Исследование его эволюции оказывается связанным с изучением феноменов сменных и расширяющихся оснований, «погружения в основание», построением *«лестницы системных оснований»*²⁶¹. Она позволяет, *исследуя СЭС не целиком, а «слоями», уровнями, сферами*, выявлять специфику *социальных систем и их элементов*. Полисистемность социальных систем проявляется структурно, функционально, историко-генетически. Такой же полисистемный характер носят и отдельные элементы системы. В результате социальные явления оказываются вовлеченными одновременно в различные системные основания действительности. В каждом из них они проявляют себя в соответствии с законами конкретной системы. Одновременно они

вступают в комплементарные отношения как внутри подсистемы, так и с элементами других подсистем в рамках системы в целом.

Выделение основания, с одной стороны, опирается на институциональную систему, а с другой, зависит от мировоззренческих установок, приверженности к определенным научным парадигмам, целей исследования. В качестве основания выделения системных элементов в различных теоретических концепциях могут выступать *специфический способ материального производства, способы координации и интеграции участников хозяйственного процесса, доминирующие в национальной культуре приоритеты социальной ориентации*, многое другое. Любое явление социальной жизни само по себе может быть представлено как набор оснований, в котором каждый слой не может существовать без предыдущего, составляющего его фундамент. Анализ множественности оснований выступает методологической основой исследования полисистемных явлений.

В условиях полисистемности социальной организации, наличия *лестницы оснований*, элементы социальных систем, по образному выражению В. Кузьмина «как матрешки входят одна в другую». При этом низшие по уровню организации становятся исходным пунктом, предпосылкой, основанием системы, расположенной на более высоком уровне. Та же, в свою очередь, выступает основанием для еще более сложной системы. Взятый сам по себе институт представляет микросистему, включающую форму существования и выполняемые функции. Его принятие или отторжение со стороны экономических субъектов обусловлено доминирующими социальными ориентациями ценностной системы, конвенциональными соглашениями между заинтересованными лицами, назначением и местом в системе функциональных связей, спецификой институциональной среды. Последняя в свою очередь включает институциональные блоки, ССП, РН, СР, СЭС в целом, региональные и глобальные институциональные формирования. Совокупность институций, как конкретных норм социального взаимодействия, формирует *нормативный документ*, служит организационной основой деятельности учреждения-института. Системы формальных и неформальных институтов и институций в свою очередь формируют *институциональные блоки экономической деятельности*. В качестве основных выделяют ПО, МП, ФС, КУ, НСИ, ОПП, ГВБ. Каждый из них в свою очередь является подсистемой экономической системы. Объединение в различных конфигурациях институциональных блоков формирует ССП, РН и СР. Их специфика в конечном итоге порождает специфические СЭС.

Элементы системы высшего уровня, так же как и низшего оказываются в отношениях взаимосвязи и субординации. Даже

нахождение на более высоком уровне системы, в результате наличия обратной связи, не обеспечивает им независимость. Все элементы системы включаются во взаимоотношения. Это взаимовлияние может обретать формы односторонней и взаимной зависимости, координации и субординации. Так, специфика ПО оказывается взаимоувязанной с особенностями ОПП, МП, КУ. В англосаксонской СЭМ основные издержки обретения образования и профессиональной квалификации возлагаются на самого наемного работника. В результате взаимные обязательства между ним и работодателем минимизируются. Каждый из участников процесса рассматривает трудовую деятельность как способ максимизации собственной выгоды. Растет текучесть кадров. Работник не заинтересован вкладывать собственные ресурсы в приобретение специфических знаний, востребованных на конкретном производстве. Работодатель применяет технологии, основанные на использовании универсальных знаний. Минимизируется участие персонала в управлении предприятием. С противоположной стороны, в рейнской модели (социально-ориентированная рыночная экономика, Германия) ОПП рассматривается как совместная забота государства, предприятия и самого работника. И работодатель, и наемный работник заинтересованы в установлении долгосрочных связей. Сокращается текучесть кадров. Наемный работник стремится развить специфические, востребованные на конкретном производстве знания. Получают развитие соответствующие технологии и производства. Через систему рабочих советов персонал привлекается к участию в управлении предприятием. КУ и ФС ориентируются на долгосрочные интересы всех участников производственного процесса²⁶². Таким образом, мы непосредственно выходим на предмет нашего исследования. Какие факторы предопределяют особенности ОК?

Системность *многослойности и разнопорядковости лестницы оснований* проявляется как в виде *горизонтальной, функциональной, так и вертикальной, структурной вариативности* (рис. 3.1). Например, место экономического субъекта в системе социально-экономических отношений может определяться располагаемыми ресурсами, ролью в социальной структуре, рыночных отношениях, властными полномочиями, профессиональными знаниями и навыками, половозрастными особенностями, этническими, культурными, политическим, классовыми характеристиками.

Однако эти характеристики системной целостности могут претерпевать существенные изменения. *Социальные системы* подвижны и изменчивы, это *системы с прогрессивно развивающимся, расширяющимся основанием и сменными структурами*. В истоках этого — способность человека к целенаправленному накоплению знаний, технологий, непрерывному совершенствованию. Способ-

ность к совместной, коллективной деятельности составляет сверхбиологическое основание человеческого бытия.

Ст.К

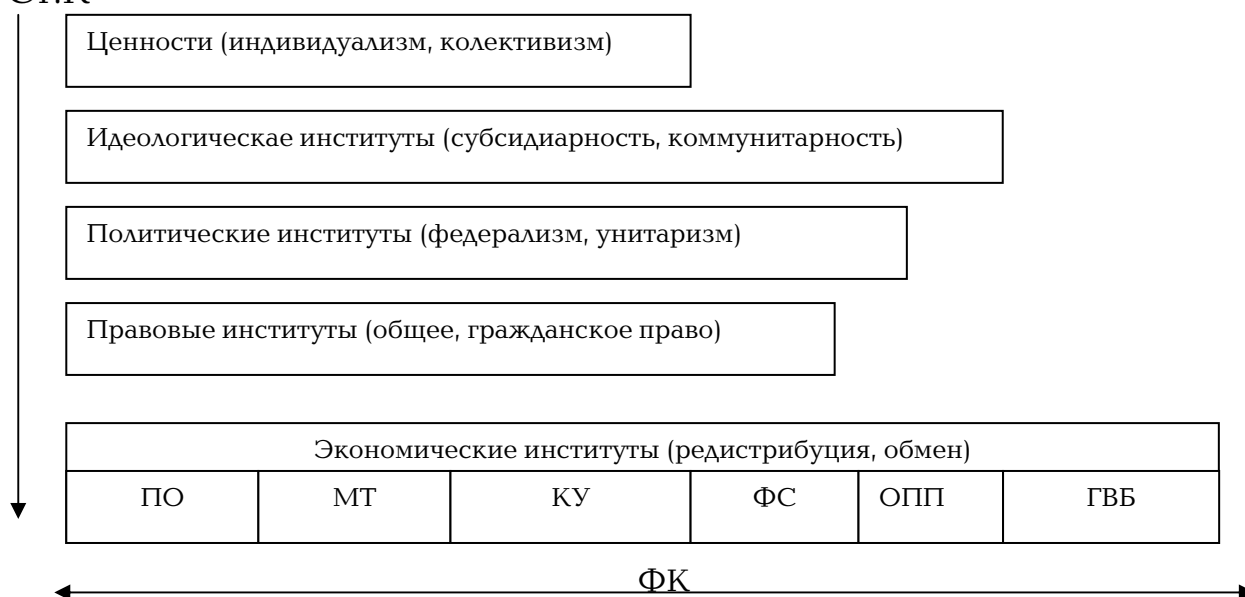

Рис. 3.1. Компоненты лестницы оснований ИК СЭС²⁶³

Экономические эпохи, по Марксу, различаются не тем, что производится, а тем, как производится²⁶⁴. С точки зрения социально-экономической специфики производительные силы общества определяются природой соответствующей общественно-экономической формации. Они — концентрированное выражение достижений цивилизации, их прогресс — причина смены социально-экономических формаций. Соответственно в центре внимания оказывается **функциональное** — материально-технологическая база производства, господствующий тип технологии. **Ключевые факторы** производства — труд, средства производства и знания. Дополнительными факторами выступают природные и социальные условия. В своем сочетании они определяют внутреннюю структуру производительных сил. В отдельные исторические периоды различные коренные условия могут выступать в качестве фактора, господствующего над производством.

Структурная и функциональная составляющие систем действуют комплексно, их разделение в рамках реальной системы может быть представлено только аналитически. **Целостность основывается на структурированном сосуществовании противоположностей.** Целое управляет частями, но само это целое основывается на противоположностях. Место и значимость этих противоположностей может меняться, но сущность остается неизменной. Приоритет индивидуализма или коллективизма предполагает наличие социальной

оппозиции. Без неё социальная система просто не сможет существовать и развиваться.

3.1.4. Эндогенная и экзогенная институциональная комплементарность. Выделение «Лестницы оснований» институциональной архитектоники СЭС позволяет по новому подойти к определению внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов ИК. Признание полисистемности СЭС позволяет ставить вопрос об *абсолютных и относительных* критериях их разграничения. При этом к *абсолютным* относятся неинституциональные факторы, влияющие на специфику институционального взаимодействия.

Формирование и развитие институциональной системы – длительный эволюционный процесс. Исходным моментом, предопределяющим его специфику, являются *особенности среды человеческой жизнедеятельности*. Такие факторы, как климатические условия, особенности ландшафта, обеспеченность минеральными ресурсами, наличие полноводных рек, выход к морю предопределяют в долгосрочной перспективе особенности воспроизводственной деятельности человеческих сообществ. Формирование институциональных систем становится результатом их воздействия. И в этом отношении они комплементарны. В концепции С. Кирдиной материально-технологические условия существования предопределяют формирование соответствующей ИМ²⁶⁵. Ученый акцентирует внимание, прежде всего, на *структурном компоненте ИК, Ст.К.* Возможность раздельного использования либо необходимость совместной эксплуатации материально-технологической среды предопределяет приоритет идеологии субсидиарности или коммунитарности. Э. Хекшер и Б. Улин, основоположники теории сравнительных преимуществ, в конечном итоге обосновывают закономерности *функциональной специализации* стран мира исходя их обеспеченности факторами производства²⁶⁶. Дешевизна тех факторов производства, которые в стране имеются в относительном избытке, стимулирует развитие соответствующих отраслей, специфической институциональной инфраструктуры. Она существенно отличается в странах, располагающих значительным человеческим и финансовым капиталом (Западная Европа, США), природными ресурсами (нефтедобывающие страны), имеющих выгодное географическое расположение (Сингапур, Гонконг). При этом следует учесть противоречивое единство, взаимосвязь и относительную самостоятельность развития структурной и функциональной компонент институциональных систем. Яркий пример демонстрируют современные Турция и Иран, страны, принадлежащие к единой мусульманской цивилизации, имеющие *единые идеологические основания Ст.К.*, но избравшие противоположные векторы развития. Турция расположена на границе столкновения цивилизаций и всегда

служила форпостом мусульманского мира, одновременно первой продвигая восточную культуру, отвергая и впитывая в себя достижения Запада. Иран же лишь в XIX в. испытал его натиск²⁶⁷. В последней четверти XX в. Турция позиционирует себя в качестве недорогой рекреационной зоны, рассчитанной на западного отдыхающего. Эта политика послужила локомотивом развития национальной экономики, стержнем, вокруг которого строится её функциональная структура, доминантным элементом формирования ФК. Для Ирана таковым остаются колоссальные запасы углеводородов, добывающие отрасли²⁶⁸. Факторы материально-технологической среды продолжают играть важную роль в формировании институциональной инфраструктуры. Однако при любых условиях они остаются внешними по отношению к институциональной системе, остаются абсолютно экзогенными.

Когда речь идет о факторах институционального взаимодействия, ключевое значение приобретает контекст, в рамках которого осуществляется исследование ИК. Так, если речь идет об истории международных экономических отношений, в качестве эндогенных факторов ИК будут выступать деятельность отдельных государств, международных организаций, отдельных микроэкономических субъектов, как резидентов, так и нерезидентов²⁶⁹. В рамках исследования национальной экономики институты, выходящие за её рамки, будут играть экзогенную роль²⁷⁰. На уровне исследования ИК институциональных блоков эндогенную роль выполняют институциональные взаимодействия в рамках соответствующих единиц анализа. Примерами могут служить корпоративное управление²⁷¹, межфирменные отношения²⁷². На микроэкономическом уровне эндогенную комплементарность обеспечивают институты и институциональные органы, регулирующие внутреннюю организацию и непосредственное взаимодействие с другими экономическими субъектами²⁷³. В случае с институтом экзогенная комплементарность будет предопределяться структурным и функциональным взаимодействием формирующих его институций²⁷⁴. Сложнее оказывается разграничить эндогенную и экзогенную комплементарность в случаях междисциплинарных комплексных исследований, когда взаимодействие охватывает, но лишь частично, сразу несколько сфер социального взаимодействия (идеология, политика, право, экономика) или институциональных блоков (ПО, ФС, МП и т. д.). Предметом подобных исследований могут служить теория общественного выбора²⁷⁵, теневая экономика²⁷⁶, философия богатства²⁷⁷, соотношения власти и денег²⁷⁸, финансовой цивилизации²⁷⁹.

3.2. Системность комплементарных отношений в рамках СЭС

3.2.1. Монизм и комплементарность экономических систем. Чем обуславливается необходимость монистического, целостного рассмотрения ИК как единства Ст.К и ФК? Уже сама качественная определенность социальной системы носит целостный характер. Когда мы говорим об ИК, в неявном виде мы всегда подразумеваем наличие *системности* институциональных отношений.

Институциональное взаимодействие в рамках СЭС одновременно осуществляется как по вертикали, структурно, когда каждый элемент оказывается включенным в иерархию институциональных форм, так и по горизонтали, функционально, когда отдельные функции переплетаются, связываются функциональными взаимозависимостями. Особенности этого взаимодействия обуславливаются как спецификой институциональных форм, так и спецификой институциональных функций. Оно осуществляется как в статике (взаимодействие институциональных форм), так и в динамике (взаимодействие, возникающее в результате выполнения институтом различных функций; взаимодействие различных институтов, совместно обеспечивающих общую функцию; взаимодействие, возникающее при выполнении смежных функций смежными институтами). Исследование ОК предполагает учет особенностей как иерархического – структурного, так и горизонтального – функционального взаимодействия. Решение проблемы возможно в рамках выделения двух составляющих ОК СЭС – структурной и функциональной комплементарности. Структурная ИК (Ст.К) отражает взаимодействие на уровне институциональных форм, прежде всего, иерархические взаимосвязи между институциональными формами СЭС. Функциональная ИК (ФК) акцентирует внимания на особенностях институционального взаимодействия в процессе выполнения институтами своих функций.

Обе стороны ОК составляют диалектическую целостность. Они не просто дополняют друг друга, но являются нераздельными элементами системы. Институциональная форма выражает себя через функции, которые она выполняет. Только через институциональные функции можно выявить степень комплементарности институциональных форм. Функции институтов, в свою очередь, есть результат активации институциональных форм, их комплементарность предопределяется институциональными формами.

Иерархические отношения в рамках институциональной системы предполагают соподчиненность институтов, переход от форм высшего к формам низшего порядка. *Иерархия* (hierarchia – священная власть)

предполагает взаимную корреляцию и соподчинение на различных уровнях системы, которая обеспечивает её успешное функционирование. Средневековый теолог Дионисий Ареопагит (V в.) впервые употребил этот термин в трактатах посвященных небесной и церковной иерархиям. В трактате «О небесной иерархии» предлагаются девять уровней соподчинения, объединенных в три яруса. Каждый из них выполняет функции контроля и передачи информации вышестоящему, в результате формируется строгая иерархия, информация в конечном итоге концентрируется на верхнем уровне, допускается межуровневая ротация. Иерархия проявляется как структуре, так и в функциях систем. Она позволяет характеризовать каждый уровень системы и по структуре, и по функциям. Рассмотрим их особенности.

Иерархия и структура близкие, но отличающиеся понятия²⁸⁰. Наличие иерархических отношений, соподчиненность, многоуровневость — предпосылка формирования структуры системы. Однако иерархичность отношений предполагает акцент на приоритете части, когда обобщающий результат формируется как следствие доминирования принципа, вознесенного на вершину иерархической системы. Вся система связей в иерархической системе выстраивается исходя из этого принципа. Таковыми в концепции ИМ являются институты коммунитарной либо субсидиарной идеологии. Когда же речь идет о *структуре* — *приоритет обретает целое*. Структура, прежде всего, характеризуется как целостность, нечто большее, чем просто сумма составных частей, обретает новые характеристики. Именно эти качества имеют доминирующее значение, они обеспечивают устойчивость структуры, как результат успешного выполнения ею своих функций. Таким образом, *в самой основе любой социальной системы мы имеем **диалектическое противоречие**. Столкновение происходит между приоритетом части, на уровне идеологических принципов формирования иерархии структурных связей и приоритетом целого на уровне организационных принципов её функционирования*. Это противоречие предопределяет условия комплементарности взаимодействующих в рамках структуры институтов. ИК в рамках иерархии соотносится с ИК в рамках структуры в целом. Одним из следствий подобного противоречия будет использование различных методов исследования. *На уровне институциональных форм приоритет обретают индуктивные методы, на уровне институциональных функций — дедуктивные*.

Э. Дюркгейм и Т. Парсонс формирование иерархических отношений выводят из необходимости разделения функций, их вертикальной дифференциации. Под **функцией института** мы понимаем *роль, которую он выполняет в социальной системе; устойчивый способ*

взаимодействия, при котором изменения в одном объекте приводят к изменениям в других; стандартизированные действия, регулируемые определенными нормами. Функция, по утверждению Э. Дюркгейма, устанавливает отношение соответствия между определенными действиями и потребностями²⁸¹. Причем, когда речь идет о функции, подразумеваются действия и их последовательности, выполняемые в рамках определенных структур и нацеленные на обеспечение их жизнедеятельности. Конкретная функция – одна из составляющих обеспечения жизнедеятельности системы. Успешное осуществление институциональных функций предполагает подчинение принципам необходимости, рациональности, единства и универсальности. Они предполагают осуществление оптимальным образом, в единстве с другими функциями системы тех функций, которые действительно необходимы для обеспечения её существования; согласованность функционирования всех частей системы; допустимость как осуществления одним институтом разных функций, так и выполнения одной и той же функции разными институтами. Указанные принципы описывают **условия ФК**.

В предлагаемой модели ИК на уровне социальных систем предстает как двух компонентный процесс. **Структурная, явленческая сторона комплементарности** акцентирует внимание на институциональных формах, будь это нормы взаимодействия субъектов хозяйствования либо организации и их структурные подразделения, как хозяйствующие субъекты, имеющие внутреннюю структуру и выполняющие специфические функции. **Функциональная комплементарность** обеспечивает дифференциацию выполняемых задач в рамках целостного комплекса. Она опирается на функциональные качества институтов как элементов единой институциональной системы. ФК сохраняет непосредственную связь с воспроизводственной деятельностью человека и, прежде всего, нацеливается на формирование условий её осуществления. **Функциональная, сущностная сторона ИК** акцентирует внимание на функциях, роли, задачах институтов в обеспечении жизнедеятельности СЭС.

Сочетание Ст.К и ФК формирует систему социальной детерминации, дифференциации и субординации. ФК нацеливается на обеспечение производительной активности хозяйствующих субъектов, Ст.К – их интеграцию в рамках социальной системы. Оба типа ИК связаны и неразрывны. ФК относится к сфере непосредственного обеспечения воспроизводственной активности человека, включается в сферу сущностных основ жизнедеятельности социума. Ст.К относится к сфере явленческого, социальные отношения проявляют себя, прежде всего, как структурированные отношения, в которых функциональные обязанности экономических субъектов оказываются

вторичны относительно их места в социальной иерархии. Пересечение Ст.К и ФК сочетает в себе действие (*сущностное*, функциональный аспект,) и форму воплощения, истинность, реальность социальных отношений, проявляющую себя через явления (*явленческий*, формальный, структурный, аспект). Оно вводит нас, согласно Гегелю, в сферу *действительного*. Мы получаем реальное представление о *действительности* (рис. 3.2).

<p>Функциональная комплементарность. Институциональные функции. Сфера сущностного</p>	<p>Структурная комплементарность. Институциональные формы. Сфера явленческого</p>
	<p>Общая ИК. Сочетание Ст.К и ФК Сфера действительного</p>

Рис. 3.2. Место типов ИК в отображении социальных отношений

ОК обеспечивает системную интеграцию. Системные качества, на сохранение которых направлена ОК, как интегральные совокупные качества институциональной системы, фиксируют роли внутри единой целостности, проявляются как качества системы в целом. Они обеспечивают сохранение общих свойств, признаков, целостности системы, пропорциональность её частей как элементов целого. ОК непосредственно связана с проявлением *сверхкачеств* — качеств, принадлежащих не отдельному явлению, а системе в целом, которые обнаруживаются в частных случаях именно в силу своей принадлежности к данному системному целому. Они формируются в силу сложившегося уровня общественного распределения труда, общественных потребностей, уровня производства.

Так, деньги как институция и базовый институт одновременно предстают как знаки стоимости, выполняют ряд функций и, как превращенная форма стоимости, обладают интегративными социальными свойствами. Воплощенные в деньгах как институте системные качества «второго порядка» не имеют жесткой предметной формы, но они — объективная реальность и эти системные качества являются их высшим качеством, эволюционирующим в процессе развития социального воспроизводства. Пример приоритета системных качеств «второго порядка» — амортизация, списание стоимости еще вполне исправного оборудования по причине морального износа. Физически еще вполне пригодное к использованию оборудование оказывается системно устаревшим и непригодным к использованию именно со стороны своих системных, социальных функций²⁸².

3.2.2. Общая институциональная комплементарность. Вернемся к принципу дополнительности еще раз. Его исходный момент — признание целостности изучаемой системы. Её составляющие, с одной стороны, необходимы для полного описания системы, являются её частями, а, с другой — они взаимно исключают друг друга. Результатом их исключения в случае с микрофизическими явлениями будет невозможность, бессмысленность одновременного приписывания объективной координаты (или времени) и объективного импульса (энергии) электрону или полю излучения (уточнение значения одной величины ведет к росту неопределенности другой — дополнительной). Взаимодействующие явления оказываются *относительными одно к другому*. Возможно ли и если да, то что может дать использование принципа дополнительности для исследования ИК?

С одной стороны, в случае с ИК вступающие во взаимодействие структурные (организационные) и функциональные качества институтов сохраняют свои абсолютные характеристики. Они предстают как *абсолютные качества* и этим отличаются от пространственно-временных характеристик наблюдаемых физиками, обретающих относительный характер в процессе взаимодействия. Но, с другой стороны, более пристальный взгляд специалистов по сравнительному анализу экономических систем позволил выявить существенное разнообразие как в организационном обеспечении выполнения институтами одних и тех же функций, так и в функциональных задачах, возлагаемых на одни и те же институты. Институциональное взаимодействие в рамках СЭС способно породить широкий спектр сочетаний организационных форм и функций институтов, позволяющих добиваться одной и той же цели. Во-первых, взаимодействие структурных (организационных) и функциональных институциональных качеств СЭС (Ст.К и ФК) порождает *новое относительное их качество* (ОК). Во-вторых, *относительность* качеств ОК может проявляться во взаимном влиянии и изменении структурной и функциональной её составляющих. Показательной в этом плане является работа Х.-Дж. Чанга²⁸³.

Ученый акцентирует внимание на разграничении институциональных форм и функций, которые они выполняют. Он отмечает неоднозначный характер взаимоотношений между формой и функцией института. Во-первых, один и тот же институт может выполнять несколько функций. Нет институтов, которые выполняют только одну функцию, утверждает Х.-Дж. Чанг. Так, политические институты одновременно обеспечивают согласование различных мнений, социальное единство, разрешение конфликтов, национальное строительство. Бюджетные органы — инвестиционный процесс, социальную защиту, макроэкономическую стабильность. Во-вторых —

разные институты могут выполнять одну и ту же функцию. Макроэкономическую стабильность обеспечивают как независимый центральный банк, так и бюджетные органы, органы финансового регулирования, институты, контролирующие ценообразование и согласовывающие уровень оплаты труда. Инвестиционный процесс поощряется не только эффективной защитой прав собственности, но и действенными финансовыми институтами, институтами трудовых отношений и социального страхования. В-третьих, одни и те же функции в разных СЭС или в одной и той же системе в разное время, могут выполнять разные институты. Социальную защиту в Европе берет на себя государство. В Восточной Азии значительную её часть принимают на себя корпорации и традиционная семья. Функции внешнего контроля деятельности корпоративного менеджмента в РК выполняют фондовые биржи. В СДК и МК – банки постоянные партнеры²⁸⁴.

Возвращаясь к дискуссии об ИК, представленной во втором разделе, напомним универсальное определение, предлагаемое М. Хопнером в качестве её обобщения: «**ИК** означает, что *функциональная* производительность института А обуславливается присутствием другого института В и наоборот. Это, – предполагает М. Хопнер, – путь которым мы должны продолжать определять комплементарность, независимо как от источников комплементарности, так и от последствий для институциональных изменений (выделено мною – В.Л.)»²⁸⁵. Уже в этом, максимально обобщенном определении прослеживаются сразу несколько уровней дуальных отношений. В явном виде представлены отношения между комплементарными институтами. В неявном – источники комплементарности, институциональные изменения – отношения часть – целое, статика – динамика. Далее, возвращаясь к предложенной М. Хопнером матрице ИК/ИП, мы получаем *дополнительный (системный) тип дуальной связи между последовательным (структурным) и комплементарным (функциональным) видами институционального взаимодействия*²⁸⁶. Сама логика исследования вывела ученого на путь, который по нашему мнению обеспечивает не только преодоление выявленных в ходе дискуссии ограничений предлагаемых концепций ИК, но и составляет основу формирования теории ИК СЭС.

Однако М. Хопнер предлагает вынести ИП, как тип институционального взаимодействия, за рамки исследования концепции комплементарности, предмет исследования искусственно ограничивается исключительно функциональными связями. Что происходит в результате? Исследуя ИК, явление по определению системное, связанное с особенностями функционирования различных вариантов капиталистических систем, моделей рыночной экономики, исследо-

ватели отказываются признать влияние на ИК собственно системного фактора. В терминологии М. Хопнера – *структурные* особенности институциональных систем, последовательность в методах управления. Как это ни парадоксально, но в процессе исследования системы игнорируется собственно системный фактор институционального взаимодействия.

Появление подобного подхода вполне закономерно. Ведь акцентируя внимание на функциональном аспекте ИК экономических институтов, представители КАЭС, КМВК, ТР за рамками исследования оставляют комплексы ценностей, идеологических, политических, правовых институтов. В лучшем случае задача изучения их влияния рассматривается как перспективное направление исследований (Р. Буайе). Впрочем, в последующих своих работах и этот ученый отвергает саму возможность подобной ИК²⁸⁷. Легализация **ИП** как типа комплементарного взаимодействия, дополняющего **ФК**, обеспечивает переход на более высокий уровень исследования экономических систем, изучение их как элемента, продолжающего и закрепляющего в экономических институтах особенности национальной хозяйственной культуры.

ОК – единство *структурных и функциональных свойств институциональной системы, обусловленных внешними и внутренними связями и взаимодействиями, имеющих упорядоченный характер, объединенных на постоянной основе и обеспечивающих целостность, внутреннюю дифференциацию, самоидентификацию и саморазвитие.* Структурно-функциональный подход к ИК, прежде всего, акцентирует внимание на дифференциации комплементарности форм и функций институтов. Соответственно, мы говорим о *Ст.К* как о комплементарности институциональных форм, а о **ФК** как о комплементарности институциональных функций. **ОК** отражает единство формы и функции как проявление действительной комплементарности институтов.

3.2.3. ОК и формирование СЭС. Особую значимость *двухмерный* подход приобретает при изучении комплементарных отношений в рамках СЭС. Ведь структурные и функциональные отношения – неотъемлемый элемент организации любой сложной многоуровневой системы. Они переплетаются, взаимодополняют друг друга, представляются неотъемлемыми составляющими единой системы, выполняющими свои задачи. *Структура, иерархия сама по себе является функцией на уровне организации системы в целом.* Функциональные отношения на уровне отдельных подсистем предопределяются местом, занимаемым этой подсистемой. Они предполагают распределение ролей отдельных элементов системы в обеспечении её существования как целого. Причем эти роли

приобретают значение стандартизированных социальных действий, находящихся в зависимости от других компонентов социальной системы. Функциональные отношения между компонентами подсистемы обретают *взаимонаправленный* характер. Элементы, включенные в функциональное взаимодействие, оказываются *равноположенными*. Специфика функциональных отношений предопределяет особенности комплементарного взаимодействия в рамках *ФК*. В данном случае целое, целостность предопределяет специфику отдельных форм отношений. Изучение подобной формы комплементарных отношений целесообразно строить на *дедуктивных* началах.

Организационную структуру можно представить как обобщенную функцию сложной социальной системы, обеспечивающую координацию и интеграцию, согласованное функционирование всех её элементов. Многогранность и многоуровневость социально-экономических систем является результатом противоречивого сочетания структурных и функциональных взаимозависимостей компонентов. Структурный компонент задается логикой разворачивания в институты хозяйствования доминирующих в обществе социальных ориентаций (*ценности — идеология — политика — право — экономика*). *Ценности, формируемые как результат долгосрочного воздействия социальных качеств материально-технологической среды*, воплощаются в идеологических институтах. Последние предопределяют особенности политической системы. Политическая система задает специфику правовых отношений. Все в комплексе предопределяет особенности экономических институтов. Однако сохраняется и обратная последовательность связей. Материально-технологическая среда предопределяет специфику экономических, правовых, политических, идеологических отношений. Изменения в ней влияют на эволюцию всей институциональной структуры. В рамках каждого из блоков специфика структурных отношений задается доминирующими социальными ориентациями ценностной системы. В целом, в основе структурного взаимодействия элементов разных уровней находится *изоморфизм* — соответствие компонентов более низкого уровня принципам, закладываемым на высшем уровне иерархии. Подобные отношения формируют *Ст.К.* Особенности целого выстраиваются исходя из принципа, закладываемого на вершине иерархической системы. Элементы, находящиеся на более низких уровнях оказываются в *подчиненном положении*. Соответственно и исследование подобного типа ИК более целесообразно вести на основе *индуктивного* подхода.

Функциональное взаимодействие элементов подсистем связано с принципами социальных отношений, из которых выстраивается Ст.К. В условиях экономического способа хозяйствования, основанного на

специализации и разделении труда, *ключевое значение приобретает соотношение между интересами индивида и общества*. Однако подобное соотношение вовсе не означает телеологичность, как это вытекает из концепций ИМ С. Кирдиной и раздаточной экономики О. Бессоновой, неизбежность формирования на выходе, уровне экономических институтов социально-экономических систем лишь двух противоположных вариантов. В рамках каждой из подсистем СЭС (идеология, политика, право, экономика) и на каждом из иерархических уровней институциональной структуры возможно формирование множества вариантов функционально комплементарных подсистем на основе доминирующего принципа социальных отношений, задаваемого иерархией более высокого уровня и различными вариантами сочетания институциональных форм и функций. При этом дополнительную вариативность институциональным системам придает широкое распространение компенсационных институтов.

На рис. 3.3 *Ст.К* отображается по вертикальной оси, а по горизонтальной – *ФК*. Соответствующими стрелками обозначено преимущественное направление комплементарного взаимодействия. В случае *Ст.К* основанием доминирующего влияния институтов вышестоящего порядка является их соответствие принятым в обществе социальным ориентациям ценностной системы.

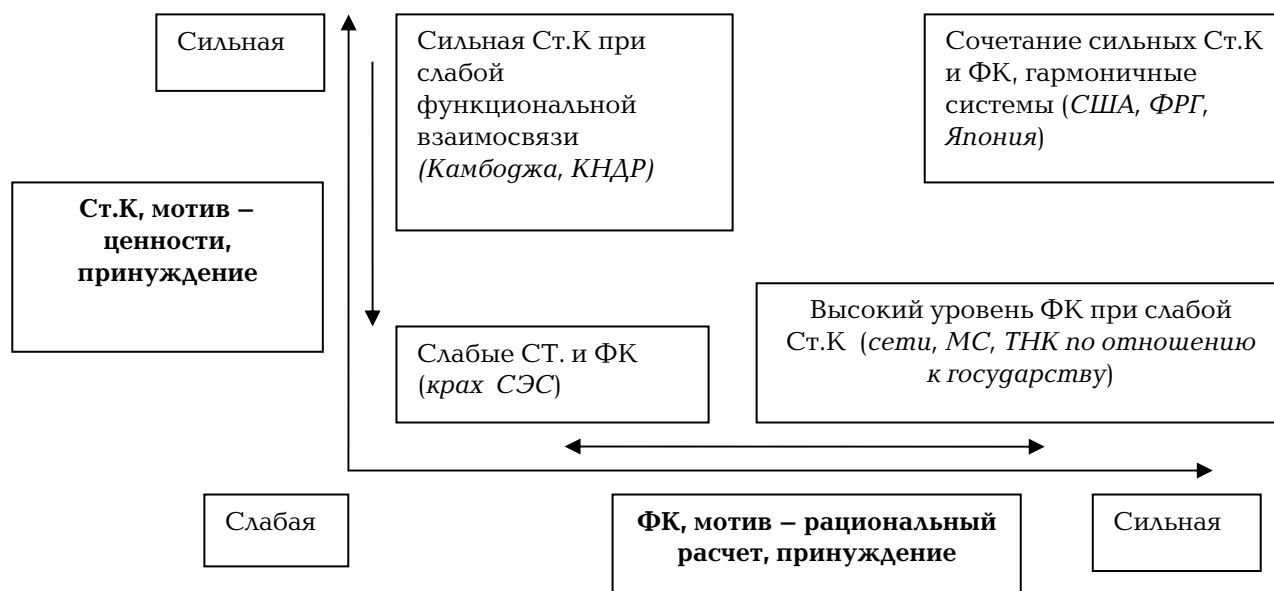

Рис. 3.3. Двумерная ИК и специфика СЭС

Иерархия структурных отношений институциональной системы вполне соответствует логике разворачивания включенности духовных ценностей в практическую реальность (ценности – идеология – политика – право – экономика). Этим обеспечивается структурное

единство и стабильность системы. *Дополнительным фактором их поддержания выступает система принуждения.* В то же время утверждения об абсолютной стабильности и неизменности структурной составляющей институциональных систем в долгосрочной перспективе представляются преувеличением. Выделение индивидуального «Я» из свойственного сознанию первобытного человека восприятие себя как «Мы», части племени, рода, клана, семьи явление относительно недавнее, получающее второе развитие в странах, вступивших в процесс модернизации. Связывается оно как с влиянием материально-технологических особенностей среды обитания, так и с развитием товарного производства, разрушением традиционной семьи, долгосрочными непреднамеренными последствиями деятельности церкви, государства²⁸⁸. Сложности и противоречия, с которыми сталкиваются антропологи при изучении структурной составляющей социальных систем, по утверждению Л. Дюмона, аналогичны ситуации, с которой сталкиваются физики²⁸⁹. Выход Л. Дюмон видит в выборе языка, связанного с менталитетом либо современного *индивидуализированного* общества, либо общества *традиционного*. Для первого характерно *понимание системы как порядка вещей*, имеющих «каждая свое собственное бытие и действующих друг на друга в соответствии с этим бытием и определенным законом взаимодействия [выделено мною — В.Л.]»²⁹⁰. Такой образ мысли разделяет индивидуальное бытие и взаимные отношения. Традиционный же образ мысли предполагает абстрагирование от «самих по себе «элементов», которые, как кажется, составляют систему, и рассматривать их в качестве результата сети отношений, из которых в таком случае система будет состоять»²⁹¹. С точки зрения структуры, утверждает Л. Дюмон, в определенных ситуациях каста выходит на первый план, а в иных — растворяется в других, уступая место более значительным или более мелким общностям. «Здесь, как и в нашей персоналистской вселенной отсутствует привилегированный уровень»²⁹².

В случае с **ФК** доминируют *принципы цельности, связности и последовательности* комплементарного взаимодействия институтов. Это обеспечивает возможность оперативного взаимного реагирования функциональных составляющих воспроизводственного комплекса, их взаимодействия, взаимного приспособления к изменяющейся обстановке. Обеспечивается динамизм развития функционального среза институциональной системы. *В основе — равноправные отношения* вовлеченных во взаимодействие участников процесса воспроизводства, *движимых собственным интересом*. Доминирование мотива удовлетворения индивидуальных потребностей обеспечивает значительно меньшую, чем в случае с Ст.К роль принуждения. Во-первых, оно применяется к участникам (раб, крепостной, наемный

работник — экономическое принуждение), но не *организаторам, субъектам* воспроизводственного процесса (вождь племени; глава рода, клана; рабовладелец; феодал, предприниматель)²⁹³. Во-вторых, значимость принуждения сокращается в результате разворачивания НТР, роста производительности труда, доходов, формирования государства всеобщего благосостояния, перехода к творческой трудовой деятельности, увеличения роли индивидуальной предпринимательской деятельности²⁹⁴.

Наличие двух типов ИК позволяет объяснить место, значение и специфическую роль выделяемых В. Штреком двух типов институтов — Дюркгейма и Уильямсона²⁹⁵. *Институты Дюркгейма* — институциональные образования, «социальные факты», в терминологии ученого, обеспечивают формирование иерархического, задаваемого извне, принудительного социального порядка. Хозяйствующие субъекты вынуждены их принимать, независимо от собственных желаний. Именно подобный тип институтов и находится в основе Ст.К. С точки зрения развития институциональных систем подобные институты могут быть результатом сознательной деятельности соответствующих государственных структур. Соответственно мы можем иметь дело с ИК, формируемой по плану, *Ex ante*. *Институты Уильямсона* представляют собой результат добровольной, как правило, непроизвольной деятельности субъектов хозяйствования, нацеленной на повышение эффективности взаимодействия. Условием их появления является наличие свободных рыночных отношений между субъектами хозяйствования. Мы имеем дело с ИК, формируемой *Ex post*, в результате долговременного эволюционного отбора. Если первые формируют публичный порядок, то вторые — частный. Если первые ограничивают рынок, то вторые — вырастают из него в условиях, когда могут обеспечить снижение трансакционных издержек участников.

Рис. 3.3 иллюстрирует распределение СЭС в соответствии с интенсивностью Ст.К и ФК. В данном случае не имеет значение характер ценностей (индивидуализм или коллективизм), закрепляемых в Ст.К. Высокий её уровень при слабой ФК (*левый верхний угол диаграммы*) — место авторитарных государств, стремящихся поставить под полный контроль как политическую, та и хозяйственную жизнь в обществе. Обреченность подобной политики связывается с нарушением баланса ФК. СЭС представляет *констелляцию* разрозненных элементов. В результате, несмотря на усиленное принудительное вмешательство государства, хозяйственный механизм дает сбой. Характерный пример — развал экономики Камбоджи во время диктатуры Пол Пота. Следует отметить, что крушение социалистических экономик связано не с игнорированием ФК, а с неудачной попыткой тотальной замены рыночного механизма её регулирования

плановым. *Левый нижний угол, суммативная целостность*, предполагает полное отсутствие как Ст.К, так и ФК между институтами, развал государства. Слабая Ст.К – результат противоборства множества мелких политических партий, исповедующих противоположные по социальной ориентации идеологии, успешно пресекающих попытки оппонентов водворить собственные. В отсутствии достаточно мощных субъектов хозяйствования, основывающих свою деятельность на не спекулятивных экономических операциях, слабой ФК, подобная ситуация приводит к развалу государственности. Пример – слабо развитые страны Тропической Африки. *Правый нижний угол* – сфера деятельности сетей, ТНК, местных сообществ (МС). Отсутствие или слабый характер принуждения компенсируется наличием общих интересов, функциональной взаимосвязью. Условием успешности существования государства может быть только наличие сильного гражданского общества, которое само может выступать в качестве фактора структурной интеграции. С противоположной стороны, сюда же можно отнести и случай, когда крупные олигополистические структуры «приватизируют» государство. Превращая его в орудие защиты собственных интересов. Политика иностранных ТНК в развивающихся странах строится на такой же основе. И в том, и в другом случае характерны выраженная индивидуалистическая ориентация ценностной системы в сочетании сильной ФК и успешным выходом из-под контроля иерархии институтов национального государства. Смещение СЭС в сторону сокращения влияния Ст.К и роста значимости ФК отражает тенденции, связанные с глобализацией, информатизацией и развитием экономики знаний, всеобщим распространением сетевых структур, активным применением компенсационных институтов. *Верхний правый угол* занимают государства, успех развития которых связан с обеспечением высокого уровня как Ст.К, так и ФК. К этой группе относятся страны как с индивидуально-конкурентной (США, Англия) так и с группово-кооперативной (ФРГ), эгалитаристско-коллективистской (Япония) социальной ориентацией.

Концепция ОК СЭС позволяет преодолеть существенный недостаток большинства теорий экономических трансформаций, связанный с абсолютизацией значения институциональных форм в ущерб их функциональной роли. Ведь, с одной стороны, одна и та же институциональная форма может выполнять разные функции, с другой, одну и ту же институциональную функцию могут выполнять разные институты. С третьей – одну и ту же функцию в разных СЭС могут выполнять разные институты. Учет влияния системного комплементарного взаимодействия институтов позволяет объяснить

причины подобной дифференциации, формирует основу для определения именно той комбинации институтов, которая способна обеспечить эффективное достижение нужного результата, как системной эффективности, сочетающей в себе как структурную, так и функциональную эффективность.

3.3. Противоречия комплементарных оснований СЭС

3.3.1. Противоречие как источник развития. Ранее мы акцентировали внимание на той стороне комплементарных отношений, которая обеспечивает целостность системы. Но единство, системность, целостность — это лишь одна сторона ИК. Её второй неотъемлемой частью, отражающей динамический аспект существования систем, выступает противоположность элементов комплементарного взаимодействия. Только в этом единстве противоположных элементов ИК как специфическое явление институционального взаимодействия и существует. Как две стороны одной медали, элементы комплементарных отношений обеспечивают единство системы именно благодаря своей противоположности. Более того, это единство и борьба противоположностей, противоречие между ними обеспечивает динамику институционального развития. Знаменательно в этом плане высказывание В. Гейзенберга, экстраполировавшего противоречие, заложенное в сформулированном Н. Бором *принципе дополненности* на социокультурную сферу²⁹⁶. Представляет интерес взгляд на ту же проблему противоречия, заложенного в принципе дополненности, но уже с «другой стороны», с точки зрения ученого-семиотика, описывающего сложности²⁹⁷, с которыми столкнулись физики при формализации новой теории²⁹⁸.

Традиция исследования противоречия как движущей силы «вечного становления» восходят к древнегреческим философам (Гераклит, Сократ, Платон). Н. Кузанский и Дж. Бруно рассматривают противоречие как внутреннее соотношение противоположностей, их взаимопроникновение. Бытие целого самой предпосылкой своего существования, развития, предполагает наличие своего «иного». В его основе — противоречие между реальным (Бытием) и виртуальным (Не-бытием). Для Н. Китаро Не-бытие — источник возникновения Бытия, они накладываются друг на друга. Динамика их взаимодействия и становится источником развития. Гегель сущность развития видел в процессе раздвоения единого на противоположности. Вслед за

К. Марксом различные подходы к решению проблем соотношения противоречий в хозяйственной деятельности человека и экономической динамики предлагают такие выдающиеся экономисты как Т. Веблен, Й. Шумпетер, М. Кейнс. За противоречиями между трудом и капиталом, финансовой сферой и сферой производства, рынком и государством, хозяйствующим индивидом и социально-экономической системой, сохранением природной среды и экономическим развитием, в конечном итоге, просматривается влияние особенностей эволюции комплементарного строения СЭС.²⁹⁹

В. Свечкарева, опираясь на диалектический подход, предлагает понимать **комплементарность** как «*существование в рамках целого его невыявленных противоположностей*»³⁰⁰. Принцип комплементарности, лежащий в основе дихотомического подхода к изучению противоположных цивилизаций представляется наиболее гармоничным способом выхода за ограничения разрешения антиномий ими порождаемых. *Комплементарность предстает как способ развития «своего» через «иное».* Устойчивое развитие качеств системы предполагает их ограничение виртуальным (потенциальным) «иным». Существование «иного» в рамках целого — необходимое условие развития противоречия и взаимодействия противоположностей. Комплементарность отражает одновременно происходящий процесс синтеза и дихотомического разграничения элементов, формирующих систему как целое, позволяет фиксировать одни через другие именно в контексте целого.

Уже на уровне базовых экономических институтов СЭС можно проследить наличие противоречия как неизбежного внутреннего основания их комплементарности.

3.3.2. Противоречие абсолютных и относительных качественных характеристик ОК. Взаимодействие находящихся во внутреннем единстве, взаимопроникновении взаимоисключающих, противоположных, а потому и комплементарных институтов выступает источником развития СЭС. Эти противоречия охватывают как внутренние, так и внешние стороны существования институциональных систем, затрагивают все аспекты комплементарного взаимодействия как внутри системы, так и её взаимодействие с внешней средой. Следует отметить их неантагонистический характер. Можно говорить об основном, дополнительных, специфических, частных противоречиях ИК, дополняющих, уточняющих основное исходя из конкретности ситуации, места, функций института в СЭС.

Основное противоречие отражает противоположность между частью и целым, системностью и специфичностью комплементарных институтов. На уровне абсолютных качественных характеристик системного взаимодействия оно отражает противоположность между

формой и содержанием, функциями и сущностью институтов. На уровне относительных качественных показателей мы имеем противоречие между целостным итогом взаимодействия – ОК и логической несопоставимостью комплементарных частей – Ст.К и ФК. В рамках Ст.К противоречиво сталкиваются вертикальные и горизонтальные принципы институционального взаимодействия.

Когда речь заходит об ИК, то в качестве *основного противоречия* можно выделить противоположность между целостным, в рамках системы, характером целеполагания и спецификацией, самоидентификацией институтов в рамках этой единой сущности. С одной стороны, на явленческом уровне, условием существования любого института является его спецификация, персонификация, выделение, из массы других. С другой, на сущностном уровне, – само их существование целесообразно и возможно лишь в случае выполнения собственной специфичной роли в общей массе институтов, формирующих систему, встраивания в эту систему в качестве необходимого её элемента. Оно отражает *фундаментальную предпосылку самого возникновения противоречия – наличие целостного явления*, в рамках которого, как его производные, имманентные моменты только и могут существовать противоречия. Институты в рамках институциональной системы, как её часть, элементы, не могут существовать без внутреннего единства, тождества. Итоговым результатом ситуации разобщенности, внутренней неадекватности институтов, входящих в систему будет либо её окончательное крушение, развал, либо приспособление, трансформация, интеграция институтов в соответствии со спецификой, требованиями системы.

История трансформационных преобразований на постсоветском пространстве дает немало примеров как успешной интеграции, так и дезинтеграции институциональных систем³⁰¹. От триумфального развития экономики Китая и Вьетнама, последовательных трансформаций стран Восточной Европы и Прибалтики, до глубокого затяжного кризиса 90-х гг. в Украине, Грузии, Молдове. Восстановление комплементарного равновесия, но уже на основе рыночных отношений в государствах Восточной Европы стало возможным благодаря наличию стратегии реформ, предполагавшей достаточно ясное представление о модели формируемой СЭС. Именно её наличие обеспечило эффективность политики институциональных преобразований, формирование комплементарных институтов. С противоположной стороны – окончательный развал старой системы без формирования новой (Молдова, Грузия к началу нового тысячелетия)³⁰².

Противоречие между частью и целым в рамках Ст.К включает две стороны. Первая – это противоречие, связанное с иерархическим принципом встраивания вертикали институциональных систем.

Вторая связана с сочетанием вертикальных иерархических связей с горизонтальным структурированием институтов на всех уровнях институциональной системы. Иерархия институциональных связей предполагает выстраивание институциональной системы в соответствии с доминирующими социальными ценностными ориентациями. Источник противоречия состоит в том, что часть, ценностные ориентации, оказывает доминирующее влияние на формирование целого, всей иерархической системы. Часть формирует целое. Подобная ситуация обуславливает повышенную неустойчивость иерархического компонента институциональных систем. Особенно в части экономических институтов. Фаза контрреволюции, пожалуй, лучше всего иллюстрирует тот факт, что попытка революционерами-реформаторами затронуть глубинные пласты общественного сознания, как правило, наталкивается на неприятие и массовое сопротивление³⁰³. В свою очередь, не доводимое до крайности противоречие между хозяйственными реалиями и доминирующими социальными ориентациями ценностной системы может выступать стимулом для постепенной трансформации последней. Опыт успешной модернизации развивающихся стран дает множество подобных примеров³⁰⁴.

Второй составляющей противоречия **Ст.К** является *противоположность вертикальных и горизонтальных структурных отношений* между комплементарными институтами. О важности последних говорит сам выбор названия для данного типа комплементарного институционального взаимодействия. Противоречие состоит в том, что если иерархическое взаимодействие предполагает *приоритет части над целым*, то структурное в качестве отправного момента имеет *приоритет целого*. Структура изначально выстраивается исходя из задач и приоритетов целостной системы, в то время как при иерархических отношениях вышестоящие элементы системы определяют характер нижестоящих, они задают идеологию формирования системы в целом. *Отношения включения и подчинения* формируют систему. Они оказываются на первом месте. В случае со структурой эти отношения в снятом виде сохраняют свое значение, но они дополняются *отношениями горизонтального взаимодействия* между институтами, когда комплементарные институты оказываются равноположенными.

Если в основе **Ст.К** находятся *организационные аспекты* институциональной системы, то **ФК** отражает *целостность функций*, ею выполняемых. Соответственно *основное противоречие комплементарных отношений* проявляется как *противоречие между единством цели существования системы и множеством частных функций, выполняемых составляющими элементами в процессе её осуществления*. Эта ИК проявляется в функциональных зависимостях,

когда изменение одних параметров функционирования системы влечет за собой изменение других её параметров. Так, система налогообложения предстает как глубоко специализированная сфера общественного воспроизводства. В его рамках она выполняет фискальные, социальные, регулирующие функции. Именно благодаря этой специализации фискальные органы вносят свой вклад в реализацию цели существования СЭС в целом. Противоположной стороной такой специализации является постоянная и непрерывная взаимосвязь со всеми сторонами экономического процесса. Она прослеживается как на внутриорганизационном уровне, так и на уровне функционирования системы налогообложения как элемента СЭС. В первом случае противоречие проявляется в осуществлении в рамках главной функции, всего комплекса функциональных операций. Так, выполнение производственной функции обеспечивает своевременный сбор налогов. Финансовая функция связана с движением как собираемых налогов, так и средств, обеспечивающих работу фискальных органов. Непрерывно осуществляются функции управления, подготовки соответствующих кадров, их социальной поддержки. С противоположной стороны, изменения в системе налогообложения прибыли производителей оказывают воздействие не только на интенсивность и направления их производственной деятельности, но и на финансовые, инвестиционные потоки, научные разработки в сфере создания новых технологий, доходы наемных работников, их приоритеты при выборе места работы, профессии, формировании профессиональных знаний и навыков. Изменение порядка и объемов пополнения фондов социального страхования, с одной стороны, и доходов трудящихся, с другой, влекут изменения в сфере социальной защиты. Оставаясь специализированной сферой общественного воспроизводства, выполняя свою, присущую только ей функцию, налоговая система оказывается вовлеченной в сложную систему функциональных связей, охватывающую всю СЭС в целом.

ОК, как объединение **Ст.К** и **ФК**, содержит более сложный комплекс противоречий. Противоречие между целым и частью, в качестве которой выступают уже Ст.К и ФК дополняется другими, производными от него противоречиями. Прежде всего, это противоречие между формирующими её абсолютными (Ст.К и ФК) и итоговыми относительными (ОК) качественными характеристиками институционального взаимодействия. Ещё одно противоречие состоит во *внешней несоотнесенности, обладающих разной природой структурных (организационных) и функциональных (процессуальных) комплементарных характеристик институтов*, её формирующих.

Правомерность исследования ОК как соотношения Ст.К и ФК подтверждается активным использованием в социальных науках

структурно-функционального анализа. Для обоснования оправданности такого объединения вернемся к принципу дополнительности. Он описывает характер пространственно-временного взаимодействия микрофизических объектов и является логичным продолжением теории относительности. Теория утверждает, что пространство и время — лишь относительные стороны единой, пространственно-временной формы существования материи. Аналогия с социально-экономическими системами и ОК прослеживается достаточно ясно. *Структурно-функциональные отношения представляются частным случаем пространственно-временных отношений, рассматриваемых в диалектическом материализме в качестве форм существования материи.* И организационная и функциональная составляющая институциональной структуры всего лишь нераздельные составные их части. Как не может существовать функция института без самого института её носителя, так не может быть и последнего без функции, им выполняемой. Ибо именно в деятельности, функционировании институт и может существовать. Нефункционирующий институт — это либо дань истории, либо продукт прогнозирования, программирования, фантазирования. В крайнем случае, в условиях трансформационной экономики, это институт, выполняющий вовсе не ту функцию, которая была на него возложена, институциональная ловушка. Именно в процессе функционирования происходит формирование и развитие СЭС. Функция определяет структуру. С противоположной стороны структура определяет функции институтов. Они постоянно взаимодействуют, и в этом взаимодействии и проявляется их **ОК**. Структурная и функциональная стороны комплементарного взаимодействия указывают на системность комплементарных связей, ОК, как их объединение, отражает это единство.

Еще одна сторона противоречий, связанных с ОК, заставляет нас более пристально взглянуть на природу относительности её компонентов. В связи с этим особую значимость приобретает смысловое значение самого понятия «относительность», следующее из теории относительности. *Свойства, присущие предметам и процессам по-разному могут проявляться в зависимости от специфики ситуаций и отношений, в которых они вступают.* Особенности этого проявления зависят не только от самого предмета или процесса, но и от системы, в отношении которой они проявляются. При этом сохраняется объективность как самих свойств, так и систем по отношению к которым эти свойства проявляются. Объективными остаются как свойства процессов и предметов, так и их проявления. *Пространственно-временные (организационно-функциональные) отношения и свойства не зависят от системы отсчета, но лишь по-разному проявляются в различных системах.* Они являются своеобразной проекцией более

общих величин, не зависящих от систем отсчета. Именно наличие этих, общесистемных характеристик, позволило Г. Минковскому сделать вывод о том, что не относительность, а абсолютность, но уже в новом «четырёхмерном» пространственно-временном смысле составляет настоящую сущность теории относительности. В нашем случае мы имеем дело со «снятием» системных характеристик комплементарного взаимодействия институциональных структур в рамках ОК. Отрицание отрицания абсолютных качественных характеристик, происходящее в процессе установления относительных параметров комплементарности, обеспечивает формирование новых абсолютных качественных показателей, характеризующих уже ОК СЭС.

Соответственно **ОК** можно охарактеризовать как *множество всех комплементарных взаимодействий в институциональной системе, обеспечивающее существование СЭС как системного целого*. Предлагаемое определение выводит за рамки ИК институциональные взаимодействия, которые носят случайный, эпизодический характер, не являются результатом влияния внутрисистемных отношений. ОК отражает наличие причинно-следственных связей между структурными и функциональными характеристиками институциональных систем. Их структура определяется через взаимодействие входящих в неё институтов, форма существования института оказывается связанной с функцией, которую он выполняет.

3.3.3. Переход количественных изменений в качественные как основа эволюции институциональной комплементарности СЭС. Разграничение институциональных взаимодействий на системно обусловленные, комплементарные, и эпизодические, вызванные случайными событиями во внутренней и внешней среде, подводит нас к вопросу о механизме эволюции институциональной комплементарности (рис. 3.4).

Факторами, порождающими изменения, могут выступать совершенствование технологий, появление новых и исчерпание старых производственных ресурсов, влияние внешней среды, случайные события. В последнем случае значение приобретает сила и регулярность их воздействия на сложившуюся институциональную систему. В конечном итоге, предпосылкой институциональной трансформации становится нарастание количества некомплементарных, по отношению к сложившейся системе институциональных взаимодействий, стимулирующих стихийный поиск новой точки её комплементарного равновесия. Постепенное нарастание количественных изменений внутри системы, достижение этих изменений определенного предела её устойчивости и жизнеспособности ведет к качественному преобразованию самой системы.

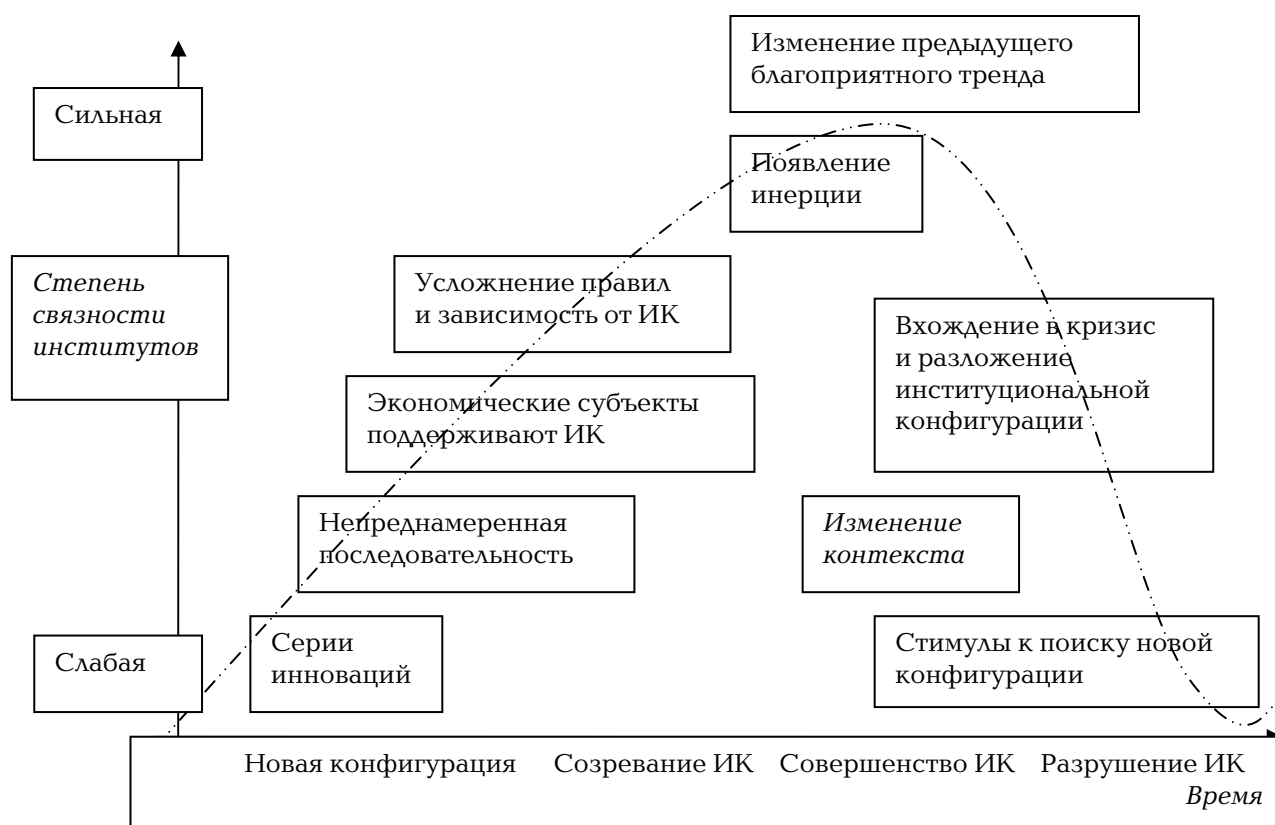

Рис. 3.4. Эволюция ИК³⁰⁵

В связи с этим следует уточнить, что мы понимаем под *качественными и количественными характеристиками институциональной системы*. Количественные характеристики описывают качественно однородные её элементы в их отношениях между собой и в рамках системы как целого. В случае с *Ст.К* количественные показатели характеризуют такие её стороны как количество элементов, их распределение и соподчиненность в рамках вертикальных и горизонтальных структур. В рамках *ФК* количественные показатели будут характеризовать функциональную сторону существования СЭС (количество, эффективность выполняемых функций). *ОК* в количественном отношении характеризуется с точки зрения достижения общесистемных задач, целей существования системы в целом. Особую значимость в связи с этим приобретают количественные показатели, позволяющие сравнивать эффективность различных СЭС в рамках единой СЭМ и СЭС, принадлежащих к различным СЭМ. Качественные характеристики в свою очередь отражают единство, относительную устойчивость явлений, их структурированность, целостность, черты различия и сходства между ними. В рамках *Ст.К* качественные характеристики будут описывать структурные элементы, характер их *соподчиненности*, особенности существования как единого целого, сходства и отличия с аналогичными институциональными системами других СЭС. *ФК* с качественной

стороны будет характеризоваться как совокупность функциональных характеристик институциональной системы, связность институциональных функций, обеспечивающая существование этой системы как единого целого. *Совокупность свойств, фиксирующих структурную и функциональную стороны существования институциональной системы, обусловленных внешними и внутренними связями и взаимодействиями, имеющих упорядоченный характер, объединенных на постоянной основе, обеспечивающих целостность внутреннюю дифференциацию, самоидентификацию и саморазвитие составляют качественную определенность СЭС и характеризует ОК.*

Связь количественных и качественных характеристик комплементарного взаимодействия находит свое отражение в категории *меры институциональной комплементарности*. С одной стороны, мера отражает соответствие системы комплементарных связей определенным качественным характеристикам СЭС. В этом отношении она характеризует структуру и/или функциональные характеристики СЭС. С другой стороны, мера фиксирует в себе диапазон количественных изменений параметров комплементарной системы, в рамках которого сохраняется её качественная определенность. В этом случае мера комплементарности институциональной системы служит показателем, характеризующим её устойчивость к изменению параметров системы и связывающим его с процессом перехода к новому качественному состоянию. В конечном итоге результатом таких изменений становится изменение меры ИК. Мера ОК отражает характер структурно-функциональных связей между элементами СЭС.

Возможность поддержания прежнего комплементарного равновесия обеспечивается до тех пор, пока изменения сохраняют обратимый характер. Однако постепенные, частичные, обратимые изменения институционального механизма готовят предпосылки развития институциональной системы, являются его подготовительным этапом. Обретение этими изменениями необратимого характера свидетельствует о начале процесса развития, в ходе которого происходит отрицание старой и становление новой системы комплементарных отношений.

В процессе эволюции институтов достигается *граница меры*, ситуация неравновесия, неустойчивости комплементарных отношений между элементами институциональной системы, точка бифуркации. Нарастающее количество *критических ситуаций* в системе, порожаемых нарушением комплементарных отношений между отдельными элементами ведет к появлению *кризисов* в подсистемах системы. Дальнейшая экспансия кризисных явлений ведет к *катастрофе* всей системы. *Теория катастроф* акцентирует внимание на нелинейности процессов развития, непропорциональности внешних воздействий

и реакции системы³⁰⁶. Результатом чего становится скачкообразный переход от старых качественных характеристик системы к новым. Происходит окончательная, необратимая перестройка внутренних комплементарных отношений в институциональной системе. Формируется новая, обладающая иными внутренними закономерностями структурирования, функционирования и развития устойчивая динамическая структура. Однако новизна этой системы является относительной. Сохраняется цель системы – обеспечение воспроизводства социума. В снятом виде в ней содержатся элементы, связи и отношения старой системы. Происходит изменение природы её устойчивости, характера внутренней организации, состава элементов системы, структурирования, количества и соотношения форм и функций, связей между подсистемами. Качественные преобразования своим закономерным результатом имеют формирование новых количественных показателей, новой меры ОК.

Взаимодействие, столкновение попарно противоположных, полярных старых и вновь появившихся элементов, структур, подсистем, связей, функций составляет *внутреннее содержание перехода количественных изменений в качественные*. В точках бифуркации это противоречие достигает максимальной остроты. В результате нарушается старое равновесие. Дополнительным фактором формирования неустойчивости является нарастание внутренней разбалансированности системы в результате постепенной эволюции отдельных её элементов. Пока в диапазоне мер комплементарности элементов эволюционирующей институциональной системы удастся найти взаимные точки пересечения, сохраняется теряющее устойчивость равновесие. Потеря ИК ведет к выпадению отдельных структур, функций из системного взаимодействия, нарастанию деструкции системы в целом. В конечном итоге *количественные изменения в составляющих ведут трансформации её качественных характеристик*. Система оказывается не в состоянии выполнять свои функции. Появляется «*окно возможностей*» выбора направлений дальнейшего развития³⁰⁷. На выбор в этот момент могут повлиять системные и случайные, внутренние и внешние факторы.

Сам «скачок», с точки зрения механизма осуществления может иметь как «взрывную», «шоковую» форму, так и носить постепенный, градуалистский характер. В первом случае имеет место ярко выраженная граница между эволюционной, подготовительной фазой трансформации комплементарной институциональной системы и фазой самого скачка. Процесс перестройки охватывает сразу всю систему в целом. Подобный тип институциональных преобразований был характерен для стран СНГ. Второй тип связан со стремлением

к изолированному сочетанию количественных и качественных изменений на уровне отдельных подсистем при доминировании общего направления развития системы. Отдельные свойства, характеристики постепенно усиливаются, преобразуются из несущественных в существенные для системы в целом. Единую и одномоментную точку бифуркации заменяет множество охватывающих отдельные подсистемы трансформаций. Они могут иметь как явный, ярко выраженный, так и скрытый, внешне мало заметный характер. Как правило, подобный скачок включает ряд промежуточных этапов, в ходе которых при обеспечении сосуществования старых и новых институтов происходит лишь постепенная замена старых институтов на новые. В наиболее яркой форме подобный тип трансформации нашел воплощение в ходе экономических преобразований в Китае³⁰⁸.

Следует отметить, что количественные и качественные изменения институциональных характеристик системы составляют две неразрывные стороны единого процесса. Однако нужно отличать количественные изменения в рамках действующей системы и качественное её преобразование. Особое значение при этом имеет разграничение качественных преобразований в рамках системы в целом и на уровне отдельных её подсистем. Последние рассматриваются как количественные изменения в системе, в той мере, в какой они не влияют на существенные преобразования системы в целом. Специфика ОК в рамках СЭС подразумевает так же невозможность сведения их качественных характеристик как целостного явления к сумме качественных составляющих элементов, частей, подсистем. Даже краткая характеристика влияния комплементарности на процесс институциональных изменений демонстрирует наличие значительного и разнокачественного арсенала методов и инструментов их осуществления. Они включают как *шоковые*, так и *градуалистские*, как *комплексные*, так и *частичные*, как *основные*, так и *периферийные институты*. Последовательная политика институциональных преобразований должна, во-первых, учитывать невозможность исчерпывающего выявления всех комплементарных связей в рамках институциональной системы. Во-вторых, принимать во внимание воздействие внедряемых институтов на сложившиеся, возможность как управляемого, так и спонтанного развития институциональной системы в качестве вторичной реакции на привносимые изменения. В-третьих, использовать возможности включения в механизм институциональных трансформаций на переходном этапе временных компенсационных институтов, обеспечивающих условия перехода к новому институциональному равновесию.

3.3.4. Снятие противоречия и комплементарная трансформация СЭС. Результатом столкновения и борьбы противоположных старых и новых элементов институциональной системы становится преобразование её качественной основы, формирование нового системного комплементарного качества. Однако это вовсе не означает полного упразднения, исчезновения, ухода в небытие качественных комплементарных характеристик, свойственных ранее доминировавшей институциональной системе. Ведь в конечном итоге, за столкновением старых и новых институтов стоит столкновение изменяющихся условий хозяйствования и сформированных в ходе тысячелетней эволюции мировоззренческих оснований национальной культуры, призванных обеспечить выживание и стабильность социума. Цели, смысл воспроизводственной деятельности человека остаются неизменными. Преобразуются под влиянием научно-технического прогресса надстроечные институты, но глубинные основания национальной культуры сохраняются, лишь частично изменяясь в ответ на запросы внешней среды. За внешним отрицанием старой комплементарной системы стоит процесс приспособления, встраивания, интеграции новых институтов в фундамент национальной хозяйственной культуры. Успешное завершение этого процесса, формирование новой комплементарной институциональной системы, означает *отрицание отрицания, сохранение, «снятие» в новом основных сущностных составляющих предыдущей системы*. В самом процессе снятия содержится противоречие между упразднением, отказом от предыдущего состояния и сохранением, сбережением его ключевых моментов, но уже на новом, более высоком уровне развития.

Качественный характер происходящих изменений выражается в переходе к структуре иного качества, с иными количественными (состав элементов, подсистем), порядковыми (линейные, кольцевые) характеристиками, иным характером зависимости составляющих (иерархия связей). Но эти изменения в структуре вовсе не означают сведения их к изменению структурной комплементарности. Они отражают изменения функциональных характеристик системы. Взаимосвязь структуры и функции выражается в том, что сама трансформация организационной стороны институциональной системы предстает следствием трансформации функциональной составляющей её жизнедеятельности. Выделение новых функций, потеря актуальности ранее существовавших обуславливает отмирание, изменение старых или появление новых институтов, обеспечивающих их выполнение. Происходит перераспределение взаимосвязей и взаимозависимостей, функций между старыми элементами.

Противоречие между усложнением хозяйственных функций, их постепенной дифференциацией, и ранее сложившейся структурой,

в которой отсутствуют соответствующие организационные ниши, ведет к её развитию, появлению новых институциональных форм. Основные этапы развития противоречия отражают последовательность эволюции институционального устройства СЭС. Появляясь первоначально как *тождество*, содержащее лишь некоторые *несущественные различия*, потенциальный институт существует как *возможность*, не нарушающая существующее комплементарное институциональное равновесие. В дальнейшем эти *различия в тождестве* обретают *существенную форму*. В сложившейся институциональной структуре появляются новые тенденции, формы, не соответствующие друг другу. Они превращаются во *взаимоотрицающие противоположности, противоречия*, доходя, в крайнем случае, до *антагонизма*. Отрицание, борьба этих противоположностей превращается в стимул диалектического развития, формирования нового комплементарного равновесия.

3.3.5. Кризисы как инструмент разрешения противоречий в комплементарных основаниях СЭС. Периодические кризисы экономических систем, цикличность — неотъемлемая черта хозяйствования³⁰⁹. Катастрофические скачки в развитии институциональных систем представляют характерную его черту. В сердцевине их возникновения и разрешения остаются проблемы нарушения и восстановления в ходе эволюции экономических систем институциональной комплементарности формирующих их институтов³¹⁰. Нарастание кризисных явлений в экономике свидетельствует о некомплементарности институциональной системы сложившимся условиям хозяйствования, её неспособности действительно отреагировать на изменения среды эволюционным путем. Нарушение эндогенной составляющей ИК связано с изменениями материально-технологической среды. В условиях современной экономики наибольшее воздействие на её трансформацию оказывает научно-технический прогресс, внедрение информационных технологий, изменение природно-ресурсной, экологической составляющей человеческой жизнедеятельности. На экзогенном уровне ИК определяющее воздействие оказывают процессы глобализации. Вовлекаясь в международное сотрудничество, национальные экономические системы и отдельные субъекты вынуждены приспособляться к внешней институциональной среде, реагировать на изменения, в ней происходящие. Возникновение кризиса, поиск институционального ответа стимулирует революционные изменения в институциональной среде, которые могут приводить к существенной перестройке всей системы комплементарных отношений между институтами³¹¹. При этом структурные компоненты ИК, отражая укоренившиеся в общественном сознании социальные отношения,

оказываются менее подвижны в сравнении с функциональными. Инструментом преодоления подобного консерватизма в ситуации столкновения объективных потребностей и сложившихся социальных приоритетов становится внедрение временных компенсационных институтов. ИК оказывается продуктом формирования сложной системы институциональных связей. Даже незначительные изменения социального контекста могут спровоцировать возникновение кризиса.

Уже в античном мире имели место периодические потрясения, связанные именно с зарождением, формированием и развитием в недрах рабовладельческого строя экономических, капиталистических по своей сути, отношений. О периодических кризисах банковского дела 377 – 376 и 371 годов до н.э. в Древней Греции со ссылкой на Р. Богара упоминает У. де Сото³¹². Г. Сальвиоли следующим образом описывает состояние римского хозяйства в эпоху поздней империи: «Как общественное, так и частное хозяйство терпели постоянный убыток, кризисы стали частыми, а фиск и фамилии, привыкшие к блеску, попали в безвыходное положение»³¹³. У. де Сото сообщает о банковских кризисах середины и конца XIV века соответственно в Италии и Каталонии³¹⁴. Экономические кризисы сотрясали основанные на традиции рабовладельческие и феодальные государства, в которых рыночные отношения, капиталистическое накопление оставалось на периферии общественного устройства. Стоит напомнить о негативных последствиях для экономик Англии и Франции крушения Компании Южных морей и Миссисипского плана, торговых кризисов 1763, 1772, 1783 и 1793 гг. Активное развитие это явление получает в ходе становления рыночной экономики. Особую остроту кризисные явления в экономике приобретают после начала промышленной революции³¹⁵.

С середины XIX в. периодические кризисы сотрясают экономики стран «первого эшелона развития капитализма». И если в центре внимания основателей политической экономии были сами принципы новой науки, то уже в двадцатых годах XVIII в. внимание Ж. Сисмонди привлекают разрушительные последствия экономического кризиса, последовавшего за окончательной победой войск коалиции над Наполеоном под Ватерлоо³¹⁶. В центре внимания ученого оказываются причины их возникновения, механизмы смягчения последствий, возможности предотвращения. Среди причин, порождающих экономические кризисы, Ж. Сисмонди выделяет недостаточную информированность предпринимателя о предпочтениях потенциальных потребителей и планах конкурентов. Он отмечает, что информации о ценах оказывается явно недостаточно. Ещё одной причиной представляется несовпадение динамики доходов потребителей и производства. В период подъема экономики объем

предложения, ориентируясь на данные предыдущего периода, отстает от спроса, в период спада — наоборот — предложение превышает доходы и спрос. Третьим фактором, предопределяющим появление кризисов, представляется избыток капитальных ресурсов у предпринимателей. Они соглашаются на вложение капитала в рискованные проекты. В результате производство развивается по ложному пути, без учета существующего спроса. Особую актуальность для стран с переходной экономикой и развивающихся стран приобретает четвертая причина кризисов — неравномерность распределения доходов. Представители высших классов предпочитают товары иностранного производства. В результате возможности сбыта продукции национальной экономики ограничиваются. Проникновение на внешние рынки как средство разрешения противоречия связано с повышенными рисками периодических кризисов сбыта на внешних рынках. Рост доходов трудящихся представляется надежной базой стабильного сбыта продукции национальных производителей³¹⁷. Ж. Сисмонди уделяет внимание влиянию необеспеченного банковского кредита на формирование кризисных явлений в экономике³¹⁸. Особую актуальность в связи с этим приобретают рассуждения автора о соотношении цели и средств в экономической деятельности³¹⁹. Уже в этих рассуждениях ученого, заложившего теоретические основы изучения кризисных явлений в экономике, в неявном виде присутствует институциональная составляющая формирования экономического цикла, признание противоречия в качестве движущей силы его развития, как следствия нарушения целостности экономических систем.

Существенный вклад в понимание институциональной природы экономического цикла внес появившийся в 1927 г. в. труд У. Митчелла³²⁰. Всю массу накопленных к тому времени теорий экономического цикла ученый разделяет на физические, эмоциональные и институциональные. Особо ученый выделяет теорию В. Зомбарта, занимающую промежуточное положение между первыми и последними и связывающую экономические циклы с различным ритмом развития отраслей, зависящих от производства сырья органического и неорганического происхождения. Институциональные теории признаются основой научного аппарата исследования экономических циклов. В их числе выделяются теории, объясняющие экономические циклы изменением экономических институтов, признающие их результатом (побочным, непредвиденным, прогнозируемым либо нет) действия сложившихся институтов. Институциональные теории группируются по взглядам на причины нарушения равновесия, формирования внутреннего противоречия в экономической системе. Первая группа акцентирует внимание на

противоречии в распределении и расходовании доходов, с одной стороны, и процессами производства ценностей — с другой. Вторая обращает внимание на отсутствие равновесия между производством и потреблением экономических благ. Третья исходит из нарушения равновесия в процессах потребления, накопления и вложения капитала в новое строительство. Последняя группа теорий экономического цикла, выделенных У. Митчеллом, связывается с негативными последствиями деятельности банков³²¹.

В неявном, опосредованном виде, институциональная природа экономического цикла нашла свое отражение в «синтетическом» изложении природы и причин экономических циклов, предпринятом Г. Хаберлером³²². Проблемы институциональной обусловленности экономического цикла оказываются, непосредственно, либо опосредованно, через рассмотрение институциональной составляющей, в центре внимания ученых, изучающих это явление. Более того, именно несовершенство институтов признается основной причиной экономических кризисов³²³. С противоположной стороны, когда речь идет об институциональных исследованиях, то влияние институциональной составляющей на кризисные явления в экономике оказываются скорее на периферии исследовательских приоритетов основоположников институционализма. К. Маркс, Т. Веблен, Дж. Комонс, В. Зомбарт, М. Вебер, К. Поланьи, другие ученые-институционалисты уделяли немалое внимание изучению кризисных явлений. Но вовсе не кризисы оказываются в центре научных интересов этих ученых.

Так Дж. Ходжсон, со ссылкой на Т. Веблена и Дж. Кейнса, отмечает стабилизирующую роль институтов в противовес разрушительному влиянию на стабильность стратегического мышления³²⁴. Ученый рассматривает чередование периодов устойчивости и кризисов как основу экономической эволюции³²⁵. Он рассматривает концепции кризисов и краха капитализма К. Маркса и Й. Шумпетера как результат столкновения «социальных» и индивидуалистических сторон хозяйственной деятельности. Дж. Ходжсон, присоединяясь к мысли А. Хиршмана, приходит к выводу о том, что «только ... «диалектический» подход позволяет осмыслить одновременно и цивилизирующие, и разрушительные аспекты нашей современной экономической системы»³²⁶. Неэластичность экономических и социальных институтов, приводящая к противоречиям в развитии экономических систем, отмечает Дж. Ходжсон, может привести, как это случилось с Англией в XX в., к упадку экономики. С другой стороны, опираясь на аргументацию Р. Дора, ученый делает вывод о необходимости придания проектируемым задачам радикальной экономической политики моральной окраски³²⁷.

А. Гриценко акцентирует внимание на роли противоречий в возникновении кризисов³²⁸. В структуре современного кризиса ученый выделяет три составляющие: *цивилизационный, социогуманитарный и финансово-экономический кризисы*. В основе **ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА** мы находим противоречие между сугубо рациональным экономизмом и самими экзистенциальными основами существования человечества³²⁹. Свое обобщенное проявление он находит в противопоставлении двух типов цивилизации (Восток/Запад), двух типов мышления (абстрактно-образное и логико-вербальное), двух ИМ (X- и Y-матрицы). Именно на этом уровне происходит выделение двух противоположных направлений социальной ориентации ценностной системы, нацеленного на первоочередное удовлетворение потребностей общества коллективизма и признающего приоритет интересов личности индивидуализма. Дифференциация социальной направленности ценностных ориентаций служит основой выделения противоположных принципов Ст.К. На уровне идеологии происходит дифференциация между коммунитаризмом и субсидиарностью. Цивилизационный кризис, как проявление *структурной некомплементарности* на уровне ценностных ориентаций и идеологических институтов, становится подтверждением невозможности преодоления этого противоречия, успешного развития человечества на путях безоговорочной победы одного из противоположных принципов.

Социогуманитарный кризис является продолжением цивилизационного и проявляется в нарастающем дисбалансе между ядром и периферией мир-системы. Социальные противоречия обретают глобальный характер. В конечном итоге они приобретают вид планетарного политического противоречия, в котором интересы «золотого миллиарда» населения развитых стран и политической элиты прочих стран противопоставляются интересам и жизненным устремлениям всего остального населения планеты Земля. Как и в случае с цивилизационным кризисом в основе социогуманитарного находится *структурная некомплементарность*. Но в данном случае приоритет индивидуализма, как противопоставления интересов части человечества интересам всего человечества, приобретая политическую и экономическую поддержку, выходит за рамки национальных государств, обретает наднациональный характер. Результатом становится *глобальная функциональная некомплементарность*, когда гипертрофированное развитие одних регионов планеты сопровождается длительной стагнацией и экономическим застоєм в других.

В экономической сфере противоречие между индивидуалистическими мотивами и социальным характером хозяйственной деятельности человека (противоречие, характеризующее основной

принцип Ст.К), в конечном итоге, находит воплощение как *противоречие между производством реальной стоимости и движением её денежных и финансовых форм (противоречие, отражающее ФК)*. Именно оно формирует первопричину **финансово-экономического кризиса**³³⁰. От анализа Ст.К мы переходим к анализу отношений, формирующих ФК в сфере экономики. А. Гриценко в качестве главных противоречий финансово-экономической сферы, через которые реализуется основное, выделяет противоречия между стоимостью и деньгами, спросом и предложением, доходами и финансовыми обязательствами (долгами). Пути их разрешения выступают монетизация, капитализация и секьюритизация экономики. Эти элементы экономической политики, дополняя друг друга, оказываются функционально комплементарными между собой. Либерализация финансового сектора открывает путь насыщению экономики по определению дефицитной денежной ликвидностью. Но эта ликвидность не направляется в реальный сектор экономики. Более того, финансы оттягивают на себя ресурсы этого сектора, начинают диктовать ему свои условия, обретают власть над ним. Формируется **комплементарный дуализм**.

В рамках единой экономики, по самой своей сути нацеленной на воспроизводство социума, рассматривающей прибыль предпринимателя-капиталиста как вознаграждение за вклад в этот процесс, выстраивающей логику *комплементарного институционально взаимодействия* исходя из этой задачи, появляется **новый, «производный» сектор**. Традиционно его смешивают с финансовым сектором экономики. Но финансы призваны обслуживать потребности реальной экономики, комплементарно встроены в неё, являются элементом воспроизводственного процесса. В «производном» же секторе связь между созданием общественного продукта и получением прибыли оказывается полностью разорванной. Использование финансовых деривативов вовсе не единственный подобного рода инструмент извлечения прибыли. Так, профессор Колумбийского университета С. Мелман исследует нацеленную на максимизацию прибыли производственную политику американских корпораций³³¹. У. Боннер и Э. Уиггин среди оснований для строительства всякого рода спекулятивных пирамид упоминают драгоценные металлы, недвижимость³³². Виртуализация основной части активов, наличие значительных финансовых и человеческих ресурсов обеспечивают, с одной стороны, высокий динамизм, институциональную приспособляемость, встраиваемость во внешнюю среду, а с другой — возможность лоббирования интересов на самых высоких уровнях. В результате «производный» сектор формируется как внутренне самодостаточный комплементарный сектор, легко встраиваемый

в структуры реальной экономики. Над сектором экономики, изначальная логика формирования комплементарной целостности которого увязывает прибыль с вкладом в формирование общественного благосостояния, появляется надстройка в виде «производного» сектора, логика комплементарного единства которого основывается на принципе прибыль без производства.

Абсолютизация интересов отдельного экономического субъекта (влияние Ст.К) при частичном или полном игнорировании негативных социальных последствий его действий формирует ситуацию, когда в условиях взаимной мультипликации монетизации, капитализации и секьюритизации происходит рост диспропорций между реальным и «производным» секторами экономики. *ФК институтов реального и «производного» секторов экономики в краткосрочном периоде порождает экономический кризис, что в конечном итоге свидетельствует о фактической некомплементарности соответствующих институтов в долгосрочной перспективе на макроэкономическом уровне.* Дж. Кемпбэл, анализируя комплементарные основания финансового кризиса в США, отмечает необходимость совмещения двух типов комплементарной взаимосвязи — ИК как дополнения, взаимного усиления институтов и ИК как компенсации отсутствующей функции. Складывавшаяся с начала 70-х гг. ситуация комплементарности финансовых институтов США стимулировала развитие рынка производных финансовых инструментов. Одновременно, под давлением финансового лобби, сворачивался внешний контроль за рисками операций с финансовыми деривативами. Это и оказалось тем недостающим компенсаторным элементом ИК СЭС, который в конечном итоге обусловил глобальные экономические потрясения³³³. ИК в отдельных секторах экономики, на уровне отдельных институциональных блоков может вступать в конфликт с общей комплементарностью СЭС в целом. В случае отсутствия действенного социального механизма устранения негативных последствий подобного конфликта способом его разрешения оказывается кризис.

Движущая сила циклообразования и кризисов в экономических системах — стихийный либо частично управляемый поиск индивидуальной выгоды разрозненными экономическими субъектами. Этот мотив — отправной момент формирования моделей институциональных структур способствующих либо смягчающих негативные последствия циклических колебаний экономики. Он закрепляется на уровне **идеологических институтов** коммунитарной или субсидиарной идеологии. В англо-саксонской СЭМ на уровне **экономических институтов** имеет место безоговорочный приоритет индивидуального интереса. Для стран, относящихся к этой модели характерна минимизация участия государства в управлении экономикой. Её

функционирование оказывается в максимальной степени подчинено стихии свободного рынка. Формирование и трансформация ИК основывается на непрерывном процессе проб и ошибок³³⁴. Институциональная комплементарность формируется спонтанно и проявляет себя *ex post*. При этом экономический потенциал США (четверть мирового ВВП) позволяет сбрасывать негативные последствия циклических колебаний, ошибок в деле поиска комплементарного равновесия в системе во всю мировую экономику.

Способна ли основанная на абсолютном приоритете интересов общества модель раздаточной экономики уберечь экономические системы от периодических кризисов? «Там, где нет бизнеса, он не может быть ни хорошим, ни плохим, — утверждает Л. Мизес. — Могут существовать дефицит и голод, но не депрессия в том смысле, в каком этот термин используется при обсуждении проблем рыночной экономики»³³⁵. У. де Сото отмечает бессмысленность утверждения о застрахованности от экономических кризисов систем, в которых отсутствует частная собственность на средства производства, имеет место принудительная координация экономических процессов посредством государственного планирования³³⁶. Причина этого состоит в невозможности устранения на основании теоретических предположений рассогласования координации между планово формируемой производственной инфраструктурой и желаниями граждан³³⁷. С точки зрения сознательного формирования комплементарной структуры институтов проблема состоит не просто в чрезмерной сложности подобной работы, а в отсутствии объективных критериев эффективности институтов.

Для стран континентальной Европы характерно явление ***институциональной интерференции (полуизоморфизма)*** — формирования институтов, находящихся на стыке несовпадающих, противоборствующих логик организации социального взаимодействия, и, соответственно, принимающих и интегрирующих элементы обеих. Включение государства в хозяйственную жизнь воспринимается как явление приемлемое, и даже необходимое в случаях, когда стихия рынка оказывается неспособной обеспечить эффективное функционирование экономики. Государство получает рычаги и легализует возможность формирования комплементарных институтов *ex ante*. Естественной составляющей его деятельности становится антициклическая политика. Государство, ЕС в целом активно включаются в регулирование экономики с целью предотвращения негативных последствий экономического цикла, но, будучи открытой системой, вынуждены принимать последствия либеральной экономической политики других стран.

Исследование связи ИК и кризисов позволяет акцентировать внимание на статическом и динамическом аспектах ИК, роли противоречия как движущей силе развития, взаимосвязи Ст.К и ФК в процессе развития СЭС, факторах, предопределяющих возможности целенаправленного и спонтанного формирования ИК, значимости процесса проб и ошибок в её формировании.

3.4. Мера комплементарности и её измерение

Многообразии проявления комплементарных отношений предстает как *лестница «специфицирующих мер»* взаимодействия отдельных компонентов институциональной системы. Исходным моментом их определения становится выяснение того, чем является сама категория меры. **Мера** – философская категория, которая выражает диалектическое единство качественных и количественных характеристик определенного объекта. Это такое их объединение, посредством которого объект можно измерить. Мера задает ограничение, при преодолении которого изменение количественных (количество, размер, порядок, скорость движения, связь элементов, степень развития) приводит к изменению качественных характеристик объекта. В зависимости от значения, придаваемого количественным и качественным характеристикам и их соотношениям термин «мера», по утверждению А. Лосева, может получать разную смысловую окраску и многообразие³³⁸.

Во-первых, «мера», как обобщающая философская категория, возникает как синтез качества и количества вообще, в сугубо логическом значении этого слова. Мера воспринимается как *определенные, соответствующие размеры и инструмент*, с помощью которого они измеряются (мера объема, длины, соблюдать меру, степень наказания); *действие или его способ* (применять меры; крайние, крутые меры); *критерий оценивания* (мерить собственной меркой). В конечном итоге в конкретном случае определяется то, что закрепила логическая категория в наиболее обобщенном и абстрактном виде.

Во-вторых, в статистике термин «мера» означает лишь *единицу измерения* (килограмм, километр, литр, гривна), или вообще *измеримость* (безмерный – не измеримый). Безусловно, уже само название единицы меры содержит связь количественных характеристик с качественными, но, по утверждению А. Лосева, в этом, наиболее элементарном значении категории «мера», ссылка на качество или соотношение качества с количеством еще не содержится.

В-третьих, более сложным случаем является применение понятия «мера» для указания на связь количества с определенным качеством, за изменением количества происходят и качественные изменения. «Мера» определяет уже не «измеримость», а «отмеренность», «соразмерность». Речь идет о соотнесенности в конкретном случае количества определенному качеству, как непосредственной фактической действительности.

В-четвертых, придание этой соразмерности нормативных черт предопределяет получение самой «мерой» характера нормативности, она отображает, прежде всего, соответствие явлений привычкам, представлениям, социально признанным правилам, нормами, институтами, служащими критериями измерения. Обобщающая качественная характеристика — *умеренность*. Можно говорить о мере социальности (асоциальный, скромный, нормальный, законный, умеренные цены), этичности (нераспущенный, моральный), психологической, физической (умеренный климат), физиологической (умеренный аппетит) мере.

В-пятых, «мера» в разнообразии смыслового применения в разных сферах человеческой деятельности находит свое дополнение в синонимическом ряде понятий, частично или полностью совпадающих по значению. Следует обратить внимание на то, что примеры, приводимые А. Лосевым (*гармония, пропорция, ритм, структура*) великолепно характеризуют именно *качество комплементарных отношений* между элементами определенного единства в разных сферах жизнедеятельности, в том числе и институционального устройства СЭС. Указанные понятия, в конечном итоге несут определенное специфическое обозначение меры.

В-шестых, «мера» как эстетический принцип, эстетическое объединение количественного и качественного, *соразмерный, размеренный, мерный* как цель чувственного восприятия — (размеренный шаг, мерное покачивание). Особенностью такого эстетичного восприятия есть стремление в конечном итоге к *постижению «сущности» в объединении эстетического с преимущественно количественным ее «явлением» (проявление сущности именно в определенном ее соотношении со своим количеством)*. Само такое явление отражает греческое слово «*симметрия*», обозначающее соразмерность частей определенного целого как в их соотношении между собой, так и в соотношении их с целым при понимании этого целого как определенной смысловой сущности.

Итак, в конечном итоге, поиск меры ИК снова возвращает нас к проблеме, которая так ярко обнаруживает себя в процессе постижения сущности комплементарности — невозможности одномерного формализованного ее восприятия, необходимости учета как

количественной, так и качественной её стороны. Уже для Аристотеля мера непосредственно связана с единым. Исходным условием для каждого рода явлений есть их *целостность и нераздельность*³³⁹. Мера рассматривается как принцип познания. Количественная мера предстает как наиболее точная, но лишь *одна из существующих мер*. Мерой признается целое, то, что невозможно поделить на части, *является наиболее характерным для данной сферы*. Мера предусматривает *отождествление сущности предмета с самим предметом* в условиях, когда сущность находится в нем. И. Кант, впервые сформулировав в раздельном виде категории качества и количества, заложил предпосылки формирования диалектического учения о мере. Но дуализм восприятия мешал пониманию обеих категорий в их нераздельном единстве. Первым диалектику качества и количества как основу обобщенного учения о мере сформулировал Гегель: «Мера есть качественно определенное количество, прежде всего как *непосредственное*; она есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество»³⁴⁰.

Диалектика отношения качества и количества предопределяет ситуацию градуалистического изменения качественных показателей при условиях преодоления количественными определенным диапазоном. Изменение количества приводит к уничтожению данного качества. Качество, изменяясь, достигает момента самоисчерпания, отрицания себя, уступает место количеству, которое в процессе эволюции также себя исчерпывает и возвращается к качеству, но уже на новом уровне, к качеству, которое вобрало в себя все новые количественные отношения. Философ предлагает **«узловую линию становления меры»**. Категория меры исследуется на примере воды³⁴¹. *Исходная мера* рассматривается как количественная определенность, которая существует сама по себе, без связи с другими. «*Специфицирующая мера*» объединяет количественное измерение с качественным, является качественно-количественной определенностью. Состояние воды в диапазоне от нуля до ста градусов — это уже не просто количественная характеристика, но определенным образом измеренное качество. Температура и количество воды приобретают *обще-разделенное* цельное качество. Объединение качества и количества порождает «*специфическое качество*». Пример с водой позволяет проследить эволюцию «специфических качеств» — от кристаллического через жидкое к газообразному. Соответственно для измерения состояний воды *недостаточно одной «специфической меры»*. Исследователь должен создать «узловую линию становления мер». Мы подходим к ключевому вопросу, который волнует исследователей, пытающихся *определить пути измерения ИК*.

Необходимо определить категорию, которая объединяет, в одном случае лед, воду и пар, а, в другом — разнообразные формы, типы, сферы ИК. Что общего между указанными группами явлений, что является той основой, «петлей-навесом», объединяющим качество и количество? На этом этапе исследования Гегель *переходит от меры* как «наиболее конкретного выражения бытия» к *сущности*, отражающей качественные и количественные характеристики бытия в содержательном виде. Мера у Гегеля является воплощением, объединением, единством противоположностей. *Действительность* предстает как мера, в которой сливаются *сущность* и *явление*, *сущность* и *существование* (рис. 3.2).

Если на *явленческом* уровне Ст.К предстает как *погобие институциональных форм*, то на *сущностном* уровне ФК отражает *функциональную, процессуальную цельность, связность, последовательность различных по своим социальным функциям институтов, обеспечивающие возрастание их социальной эффективности*. ОК выступает критерием допустимости, приемлемости и эффективности такого сочетания с точки зрения выполнения институциональными формами возложенных на них функций. В конечном итоге ИК отражает результат влияния институционального взаимодействия на достижение институциональной системой своих целей — обеспечения существования социума. *Действительность* — объективная реальность, актуальное наличное бытие, реализующее определенные исторические возможности. В институциональной сфере в концентрированном виде она отражает социальное конструирование реальности и проявляется в многообразии форм комплементарного взаимодействия, сохраняющем, несмотря на разнообразие проявлений, *сущностное единство*.

Качество (сущностное) и количество (явленческое) в мере относительно самостоятельны и относительно связаны одно с другим. Развитие того и другого возможно лишь в определенных пределах, нарушение которых означает разрушение самой меры.

Мера комплементарности характеризует *диапазон устойчивых состояний институциональной системы хозяйствования, в рамках которых изменение количественных показателей элементов не приводит к изменению её качества как целого*. Последовательное возникновение разных мер в процессе количественных и качественных изменений характеристик институциональной системы создает *узловую линию становления меры её комплементарности*. Компоненты меры комплементарности — **простая** (качество институционального взаимодействия в рамках отдельного институционального образования); **общая** (системная) (качество системной интеграции институтов); **реальная** (качество системной интеграции с учетом действия конкретно-исторических условий и отношений). Рассмотрим их более детально.

Отправным моментом для указанных типов мер комплементарности является их *спецификация* — выявление того, как рассматриваемое комплементарное качество обуславливает частные характеристики институтов, проявляется и выражается в них. Качество (сущностное) и количество (явленческое) в мере относительно самостоятельны и относительно связаны одно с другим. Это и является предпосылкой разложения *меры ИК* на *меру Ст.К* (соответствие базовому принципу социальной организации, явленческое) и *меру ФК* (эффективность осуществления экономическими институтами функций по воспроизводству социума, сущностное). В своем единстве явленческое и сущностное порождают, согласно Гегелю действительное — ***общую (простую, системную и реальную) ИК.***

Простая мера ИК предполагает рассмотрение единичного институционального образования как имеющего самостоятельное независимое бытие, обладающее особым «индивидуальным» качеством и мерой. Институт рассматривается вне причинно-генетических объяснений, как простой эмпирический факт. Вне поля зрения остаются сущность и закономерности развития, обусловленность внешними связями в рамках системы, элементами которой институт является, генезис его качеств. В. Кузьмин уподобляет простую меру знанию конкретных цен на товары при незнании закона стоимости³⁴². *Спецификация меры* в этом случае означает проявление внутренней (качественной) самости явления. Внешняя среда, обуславливающая проявление особых качественных показателей института при этом берется количественно, как экстенсивная величина. Одинаковые послы внешнего окружения могут породить разную реакцию у разных институтов. Их качественные характеристики определяют специфическую реакцию, представляются внутренним трансформатором внешних воздействий. Внутренние, имманентные качества институтов, вступая во взаимодействие с качествами внешней среды, отражают меру комплементарности взаимного соответствия. Мера, по утверждению Гегеля, предстает как имманентное количественное отношение друг к другу двух качеств»³⁴³. Реципрокные отношения соответствуют среде домашнего хозяйства. Два качества, вступая во взаимодействие, будут иметь высокую комплементарность. С противоположной стороны они оказываются некомплементарными обменным отношениям, выходящим за его рамки. *Простая мера* характеризуется преимущественно с количественной стороны. Так, в случае с отдельным предприятием мера комплементарности будет отражать эффективность взаимодействия институциональных компонентов по достижению целей. В качестве показателей могут выступать рентабельность, прибыльность.

Особый интерес вызывает вопрос выбора критериев меры. В *простой мере* институт рассматривается как целостное единство, специфическое явление которое можно охарактеризовать множеством качественных показателей. Это целостное единство выступает основанием для целого ряда специфических мер, отражающих различные стороны его существования. Один и тот же институт можно оценивать с точки зрения структуры, сфер действия, эффективности, комплементарности. В. Кузьмин особо акцентирует внимание на *невозможности сведения мерных характеристик явлений к единому показателю*: «Количественная определенность целостного явления не может быть выражена в каком-то одном показателе, она всегда выражается в виде совокупности многих количественных показателей»³⁴⁴. Соответственно каждый институт получает специфическую множественную качественную характеристику, представляется уникальным, несопоставимым с другими. Сколько институтов, столько простых мер ИК. Простая, непосредственная мера не дает основания для сравнения институтов. Специфика каждого может быть выявлена лишь в сравнении с другими, в едином ряду основанием выделения которого служит принадлежность к единой системе, вхождение в явление более высокого порядка. Отправным моментом определения её структурной компоненты будет соответствие доминирующим в данной культуре социальным ориентациям ценностной системы. Обобщающим показателем определения меры ФК будет полнота, целостность, системность и последовательность охвата всех функций необходимых для существования системы. Мерные характеристики институциональной системы и её компонентов невозможно свести к единому показателю.

В *системной, субстанциональной мере* качество отдельного института раскрывается через сущность и законы всей системы, к которой он принадлежит. Общность условий существования, обеспечивающая возникновение системности явлений позволяет обнаружить субстанциональную основу, общую качественность единичных явлений. Социально-экономическая система и институты ей принадлежащие (отношения собственности, ПО, ФС, КУ) составляют сущностное единство, в котором первое предопределяет специфику второго. При этом по отношению к отдельным элементам мера системы выступает мерой мер. Мера, законы, качество экономической системы в целом предстают высшим качеством и мерой мер институциональных подсистем, входящих в неё институтов. Структурный и функциональный срезы институциональной системы отражают меру подобия институциональных форм и связности соответствующих функций институтов. Соответствующие меры Ст.К и ФК подсистем составляют второй уровень *узловой линии мер ОК*. Они

же являются компонентами мер комплементарности институтов более низких уровней. Меры комплементарности доминирующих ценностных ориентаций, идеологических, политических, правовых, экономических институтов занимают её третий уровень. На четвертом уровне мы имеем меры ИК блоков хозяйствования (ФС, КУ, ПО, ОПП, НСИ, ГВБ). Еще один уровень составляет ИК ССП, РН и СР. Отдельный институт, его простая мера, получает высшую качественную характеристику через качество и меру системы в целом, меры комплементарности подсистем, элементом которых он является.

Системная мера предстает как момент, часть системы, её законов, её субстанциональной основы. Процесс её определения можно разбить на несколько этапов. *На первом* выявляются реальные связи факторов, влияющих на комплементарное качество институциональной системы в целом. Они оказываются обусловленными множеством причин. Их сопоставление позволяет выявить существенные моменты реальной связи вещей. Так, материально-техническая среда определяет особенности организации воспроизводственного процесса и через это влияет на особенности доминирующих в обществе социальных ориентаций. Последние находят свое воплощение в базовых институтах, в свою очередь предопределяющих специфику действующих институциональных форм и сочетание их функций. *Второй этап* заключается в выявлении реальной общности институтов или их принадлежности к единой системе. От принципа *взаимосвязности явлений* как отправной точки первого этапа исследования мы переходим к принципу *однородности институтов*, связанному с общностью определенных качеств. Примером таковых могут быть всеобщая и денежная формы стоимости, обеспечивающие возможность выявления общей качественности товаров. Эта общая качественность оказывается основой сравнения институтов. Первый этап оказывается моментом второго, получает в нем дальнейшее развитие. Мы выявляем меру однородности институтов. *На третьем этапе* определяется «специфический закон» системы институтов, специфическое качество, обеспечивающее целостность. Установленная ранее общность выглядит как внешнее средство, не выявлены внутренние основания взаимосвязи институтов, природу их однородности. Законы предстают наиболее распространенным примером воплощения меры системности. Они выступают «мерой мер». *Четвертым этапом* исследования выступает определение основного принципа субординации качеств и мер. Исследуется роль специфических условий, их многообразие и соотношение с общими. В связи с этим выделяется два аспекта — институт как система по отношению к входящим в него частям и институт как часть более широкой системы. Специфические качества института, и их мера при

этом понимаются исходя из меры той системы, которая их обуславливает. Институт с его свойствами рассматривается через призму различных систем, в которые он включен³⁴⁵. В различных случаях разные качества института приобретают решающее значение. Соответственно, качественные показатели отражают характеристики всей системы как целостности. Продолжая пример с предприятием, рассмотренный нами ранее, в случае с мерой ОК акцент будет сделан на соответствие его внутренней институциональной организации тем принципам, на которых строится конкретная СЭС. Свое отражение она будет находить в показателях, которые характеризуют принципы КУ, ОПП, ФС.

Реальная мера отражает явление ИК во всей совокупности действующих условий и отношений, конкретно-исторически, предполагает анализ всей совокупности действующих факторов. Если на этапе выявления меры ОК определялся закон, на основании которого действует институциональная система, то *определение реальной меры комплементарности предполагает выявление взаимодействия с другими институциональными системами, всеобщего взаимодействия*. Влияние внешних для данной институциональной системы факторов, их взаимодействие корректирует, искажает действие каждого из них в отдельности. С противоположной стороны, элементы институциональной системы постоянно испытывают влияние внешних факторов, реагируют на них, сами изменяются и соответственно реагируют на новые воздействия с учетом этих изменений. Особенно ярко это проявляется в условиях глобализации. Национальные экономические системы оказываются открытыми внешним воздействиям и вынуждены приспособлять сложившиеся институциональные системы к изменяющейся среде.

Если выявление простой и системной меры связано с анализом института, рассматриваемого как явление неизменное, то *реальная мера предполагает исторический синтез, историко-генетическое рассмотрение института*. От реципрокных отношений в условиях первобытнообщинного способа производства к их совмещению с редистрибутивными в условиях азиатского. Далее переход к доминированию редистрибутивных в рамках рабовладельческого, развитие обмена при доминировании редистрибутивных при феодальном способе производства и, наконец, различные формы сочетания редистрибуции с рыночным обменом в рамках экономического способа хозяйствования. Институты внешне разнородные «сводятся» к обобщенному качеству системы, в которую они входят, обнаруживается их родство, общее качество, внутренняя связь. Реальная мера комплементарности – наиболее содержательно богатое определение меры комплементарности. Она в снятом виде

содержит в себе простую и системную комплементарность и раскрывает ИК как совокупность всех реальных институциональных отношений.

3.4.2. Измерение ИК. Проблема определения возможности измерения ИК сразу же привлекла внимание специалистов, работающих в этом направлении. Однако сложность её решения во многом оказывается связана с неоднозначностью понимания как института, так и самой ИК. Что собственно мы измеряем, когда говорим об ИК?

К пионерным работам, посвященных выявлению потенциальных возможностей измерения институтов, можно отнести работу В. Макарова «Исчисление институтов»³⁴⁶. Впрочем, сразу же следует оговориться, что, во-первых, к институтам автор относит «некое образование, созданное коалицией первичных экономических агентов для производства и потребления коллективных (и не только коллективных) благ членами коалиции»³⁴⁷. Институт рассматривается скорее как организация – коллективное благо, чем общепринятая норма взаимодействия. Во-вторых, В. Макаров предлагает исследовать создание и функционирование институтов в рыночной среде в терминах экономики Эрроу – Демсе. Акцент делается на оптимизирующей роли институтов, обеспечивающих достижение состояния равновесия между затратами на создание и результативностью действия институтов. В качестве основного аппарата исчисления предлагается использование оптимизационных задач. Представлен ряд моделей функциональных зависимостей, обеспечивающих возможность расчета условий существования институтов. *Акцент сделан на исчислении, а не на измерении институтов.*

Проблему выявления методологических подходов к определению эффективности институтов рассматривает в своей статье В. Тарасенко³⁴⁸. Подводя итог их изучения, автор отмечает отсутствие четкого, общепризнанного определения критериев их эффективности. Обобщение рассмотренных подходов позволяет В. Тарасенко сделать вывод, что «эффективная институция – это такая институция, которая обеспечивает распределение благ в соответствии с переговорной силой экономических агентов и относительной ценности ресурсов, которые привлечены к контрактным отношениям»³⁴⁹. Автор сосредотачивает внимание на выявлении общеметодологических подходов к определению эффективности институтов. Задача определения возможностей количественной оценки эффективности институтов не ставится.

Пристальное внимание проблеме измерения ИК уделяют специалисты, работающие в этом направлении. Однако наличие большого разнообразия концепций ИК (пп. 2.2, 2.3) обуславливает появление множества зачастую противоречивых подходов к ее

измерению³⁵⁰. Проблеме измерения ИК посвящена специальная работа Р. Дига³⁵¹. Обобщая подходы предшественников, Р. Диг предлагает свою классификацию уровней и методов исследования ИК (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Измерение ИК в экономике³⁵²

Уровень/ Измерение	Источник комплементарности	Эффекты	Методы измерения
Макро- уровень	Национальные институты Производственные отношения Корпоративное управление Обучение/квалификация Финансы	Рост ВВП Инновации Производительность Занятость	Регрессионный анализ
Микроуровень			
Институты	Корпоративное управление Голосование по доверенности (проху voting) Акционерный капитал (equity ownership) Структура управления (board seats) Закрытая информация (private information)	Инвестиции в специфические активы «доверительный капитал»	Качественный компаративный анализ
Сферы	Специфические институты, действующие в отдельных сферах, напр.: межфирменное взаимодействие, обучение, стандарты, ассоциации	Рост секторов Инновации Производительность Занятость	Регрессионный и качественный компаративный анализ
Акторы	Взаимосвязанные с фирмами институты, напр.: человеческие ресурсы, производственная организация, финансы, обучение	Рост фирм Инновации Производительность Занятость	Регрессионный и качественный компаративный анализ

Внимание измерению ИК уделяет Р. Буайе. Уже сам терминологический аппарат концепции ИК, выдвинутой ученым, выделяемые уровни интенсивности институционального взаимодействия (пп. 2.3, рис. 2.5) имеют характер **порядковой метрической шкалы**. В целом, ученый признает существование значительных сложностей в их разграничении, поскольку оно требует выявления критериев производительности, представления теоретической модели, которая бы позволила выявить сочетания институтов, способных получить лучший возможный результат. Р. Буайе уточняет возможности применения различных инструментов экономического анализа для оценки различных типов ИК (табл. 3.2). Ученый акцентирует внимание на том, что *для различных типов капитализма, критерии эффективности ИК будут отличаться*. Для рыночной модели капитализма ими будут показатели роста, общей продуктивности факторов производства, уровень прибыльности. Для социал-демократического капитализма – повышение и гомогенизация стандартов жизни.

Таблица 3.2

Методы исследования ИК по Р. Буайе³⁵³

	Экономические критерии	Экономическое моделирование/ Теория игр	Качественный сравнительный анализ	Автоматизированный анализ данных	Нелинейный эконометрический анализ	Исторический анализ	Эволюционная модель
Супермодулярность	*	**					
Дополнительность	*	**	*		**		
Связность			*			*	*
Иерархия		**				**	*
Последовательность	*			*		*	*
Изоморфизм				*	*	*	
Кластеризация			**	**	*		**
Козволюция		*				**	**

Концепция ИМ, предложенная С. Кирдиной, представляет пример использования **метрических шкал** для измерения ИК, даже при условии отсутствия количественной единицы меры. Фиксация отношений равенства/неравенства объектов – цель применения **номинальных шкал**, проявляется в делении институциональной системы на две ИМ. Измерение ограничивается выделением двух противоположных по социальной направленности групп институтов. Последовательное

развертывание институциональной системы от ценностей, которые обуславливают специфику социальной направленности деятельности, к идеологическим, политическим, правовым, экономическим институтам создает возможность применения **порядковой шкалы**. Ее использование позволяет дифференцировать элементы институциональной системы по соответствующим уровням. К первому уровню соответственно можно отнести ценностные ориентации, ко второму – идеологические, к третьему – политические институты и т.д. Институты, которые входят в каждую группу, находясь в единой институциональной матрице, оказываются комплементарными как в ее рамках, так и в рамках своей группы. В результате отдельные институты оказываются равноположенными в границах интервала, к которому они отнесены, и равносоотносимыми к объектам, отнесенным других интервалов и к институтам противоположной ИМ.

В результате активного развертывания в последней четверти XX – начале XX столетия этнометрических исследований особенностей национальных хозяйственных культур формируются возможности широкого использования в изучении ИК **метрических шкал**. Признание специалистов получили результаты сравнительного исследования национальных хозяйственных культур Г. Хофстеда, Ф. Тромпенаарса, Ш. Шварца, Р. Инглхарта. На их основе проводится углубленное изучение комплементарной взаимосвязи между ценностями национальных культур, особенностями экономических моделей и перспективами их трансформации. Так в работе Ю. В. и Н. В. Латовых рассматривается корреляция по Пирсону между полученными по методике Г. Хофстеда характеристиками российской национальной культуры и мнениями россиян о распространенности, допустимости, степени непосредственного участия в разных формах теневых экономических отношений, характеристиками восприятия коррупции³⁵⁴. В **Приложении И** представлены результаты измерения взаимосвязи между индексами Г. Хофстеда для России и отношением россиян к теневым экономическим связям.

Взаимосвязь между ценностными установками россиян и самым широким спектром экономических, политических и психологических измерений российской действительности находится в центре внимания Н. Лебедевой и А. Татарко³⁵⁵. Работа демонстрирует возможности использования в измерении ИК инструментов корреляционного, множественного регрессионного анализа. В табл. 3.3 представлены (выборочно) результаты измерения взаимосвязи ценностных ориентаций россиян по Ш. Шварцу и социально-экономических установок.

Таблица 3.3

Взаимосвязь ценностей и установок россиян ³⁵⁶

Зависимые переменные	Ценности по Ш. Шварцу							R ²	F
	И*	М	А	Инт.	Р	Г	К		
Уровень межличного доверия					0,12	0,10		0,03	13,9
Уровень институционального доверия		0,22		-0,12				0,4	14,6
Субъективный экономический статус		0,27	0,17				-0,20	0,09	27,1
Установка на экономическую самостоятельность		0,35				-0,16	-0,13	0,12	36,5
Установка на экономический патернализм		-11		-0,12	0,18	0,10	0,10	0,08	14,6
Улучшение материального положения за последние 2 года		0,29			-0,10		-24	0,11	31,5
Оптимистический прогноз материального положения в будущем		0,31		0,10		-0,20	0,11	0,13	28,8
Ориентация на социальное равенство	-0,13	-0,16	-0,10		0,31	0,19		0,21	40,1
Временная перспектива		0,15	-0,13					0,2	9,4

*И – Иерархия; М – Мастерство; А – Аффективная автономия; Инт. – Интеллектуальная автономия; Р – Равноправие; Г – Гармония; К – Консерватизм.

Внимание специалистов привлекли исследования, проведенные под руководством Р. Ла Порты³⁵⁷. Они осуществлены на основе качественного институционального анализа с использованием **НОМИНАЛЬНЫХ ШКАЛ**, характеризующих различные аспекты вариации прав акционеров и кредиторов в зависимости от доминирующей правовой системы. Авторы рассматривают особенности влияния отдельных правовых семей на защиту прав акционеров, кредиторов, компенсаторное (комплементарное) взаимодействие систем принуж-

дения и права. От измерения с использованием методов корреляционного анализа отдельных аспектов комплементарного взаимодействия институтов, обеспечивающих функционирование экономических субъектов и их групп на микро- и мезоэкономическом уровне авторы переходят к оценке и сопоставлению результатов комплементарного взаимодействия институтов на макроэкономическом уровне функционирования национальных экономических систем и их групп.

Можно ли, и если да, то каким образом, объединить все перечисленное разнообразие взглядов на ИК и подходов к её определению? Уже в самом определении меры как соединении качественных и количественных характеристик объекта измерения содержится ответ на проблему определения подходов к её измерению. Нет, и не может быть единой универсальной меры ИК, поскольку нет, и не может быть единого подхода к её определению. В конкретных ситуациях ИК принимает различные формы, а, следовательно, требует *различных подходов к её измерению*³⁵⁸. Ознакомление с основными подходами к определению ИК, многообразием специфических сфер и уровней институционального взаимодействия, на которых она проявляется, множеством реально используемых и потенциальных инструментов и методов её измерения свидетельствует о необходимости поиска обобщающего подхода к её измерению. Ключом к решению этой проблемы представляется творческое применение предложенной Гегелем **концепции «узловой линии» становления мер**. В рамках этой концепции все разнообразие действительных, явленческих проявлений ИК объединяется единством сущности ИК как процесса взаимодействия различных по своим социальным функциям институтов, приводящего к изменению их социальной эффективности. Методология и применяемый инструментарий исследования ИК зависит от места институтов в лестнице оснований институциональной архитектоники СЭС. Использование предложенного подхода позволяет объединить разрозненные в силу своей специфики варианты измерения ИК на уровне функционирования макро-, мезо-, микро- и микроэкономических систем.

— Выводы по главе 3 —

1. Институциональные элементы СЭС структурированы и имеют общее основание — тип жизнедеятельности, способ существования, специфический материальный базис самовоспроизводства общества. Он предопределяет специфику системы в целом. В его основе характер совместно-разделенных отношений по поводу обеспечения существо-

вания индивида, как неотъемлемой части общества. Результатами своей трудовой деятельности индивиды постоянно дополняют друг друга. По мере развития производительных сил общества эта дополнительность пронизывает все грани воспроизводства социума. Она обретает всеобщий характер. Чем выше уровень развития общества, тем большую сложность и разнообразие имеют совместно-разделенные общественно-производственные отношения. Их унифицированные формы фиксируются в институтах, закрепляющих совместно-разделенный характер общественно-производственных отношений и в свою очередь обретающих комплементарный характер.

2. В процессе эволюции воспроизводственной деятельности происходит функциональная дифференциация участников хозяйственного процесса. Необходимость обеспечения координации и взаимодействия выдвигает потребность усложнения надстроечных структур, способных объединить миллионы экономических субъектов. Система общественного воспроизводства обретает дуальную форму. Её составляющие — элементы, обеспечивающие структурное и функциональное единство. Общественные явления обретают двойное качественное содержание, одно — структурно-функциональное, другое — общесистемное. В содержательном плане в них воплощаются противоборствующие составляющие качественных характеристик жизнедеятельности систем — интеграция (структурное) и дифференциация (функциональное). Это противоречие само становится возможным как результат целостности системы и порождает новые интегративные её качества.

3. На уровне институциональной системы дуализм проявляется в форме существования двух срезов системных качеств и двух уровней комплементарности. Первый уровень составляют структурная и функциональная комплементарность, второй — производная общая комплементарность. Она в наиболее обобщающем виде характеризует все качественные срезы системной жизнедеятельности общества.

4. Выделение лестницы оснований институциональной архитектоники социально экономических систем — ключевой момент определения специфики комплементарных отношений. Фундамент её формирования — материально-технологические свойства среды человеческой жизнедеятельности. Элементами лестницы оснований институциональной архитектоники СЭС являются ценности, коллективные конвенции, базовые институты, институции, институты, институциональные сферы и блоки, социальные системы производства, режимы накопления и роста, социально экономические системы в целом.

4. Институциональное взаимодействие в рамках СЭС одновременно осуществляется по вертикали, структурно, когда каждый элемент

оказывается включенным в иерархию институциональных форм, и по горизонтали, функционально, когда отдельные функции переплетаются, связываются функциональными взаимозависимостями. Особенности этого взаимодействия обуславливаются спецификой институциональных форм и функций. Оно осуществляется в статике (взаимодействие институциональных форм) и в динамике (взаимодействие, возникающее в результате выполнения институтом различных функций; взаимодействие различных институтов, совместно обеспечивающих общую функцию; взаимодействие, возникающее при выполнении смежных функций смежными институтами).

5. Структурная комплементарность отражает взаимосвязь форм хозяйствования, закладывается на уровне социальных ориентаций ценностной системы и основывается на принципе подобия институтов. Функциональная комплементарность характеризует механизм и качество осуществления системой воспроизводственных функций, её процессуальную целостность, опирается на принципы институциональной целостности, связности и последовательности. Общая комплементарность характеризует единство структурных и функциональных свойств институциональной системы, обусловленных внешними и внутренними связями и взаимодействиями, имеющих упорядоченный характер, объединенных на постоянной основе и обеспечивающих целостность, внутреннюю дифференциацию, самоидентификацию и саморазвитие.

6. Институциональные системы постоянно находятся в процессе изменений. Совершенствование воспроизводственного процесса обуславливает трансформацию институциональных форм, соответственно изменяется и содержание процесса институционального взаимодействия. Возможность поддержания прежнего комплементарного равновесия обеспечивается до тех пор, пока эти изменения сохраняют обратимый характер. Обретение этими изменениями необратимого характера свидетельствует о начале процесса развития, в ходе которого происходит отрицание старой и становление новой системы комплементарных отношений.

7. Мера комплементарности характеризует диапазон устойчивых состояний институциональной системы хозяйствования, в рамках которых изменение количественных показателей элементов не приводит к изменению её качества. Разнообразие проявлений ИК объединяется единством её сущности как процесса взаимодействия различных по своим социальным функциям институтов, приводящего к изменению их социальной эффективности. Ключ к решению этой проблемы состоит в применении концепции «узловой линии» становления мер. Методология и применяемый инструментарий измерения институциональной комплементарности зависит от места институтов в лестнице оснований институциональной архитектоники СЭС.

ГЛАВА 4

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА СЭС И ЛЕСТНИЦА ОСНОВАНИЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОГО АНАЛИЗА

В рамках исследования институциональной комплементарности национальных СЭС можно выделить три уровня институционального анализа. *Первый (простая комплементарность)* предполагает изучение элементарных компонентов комплементарных отношений (*индивидуальные ценностные ориентации, организационные индивидуальные умения и коллективные рутинны, общественные конвенции, институциональные формы и функции, формальные и неформальные нормы и правила*). *Второй уровень (общая комплементарность)* включает изучение ИК в рамках базовых институтов, *способов организации (институтов), основных институциональных блоков, сфер общественного устройства, ССП, РН, СР, СЭС* в целом. *Третий уровень* изучения ИК (*реальная комплементарность*) отражает взаимодействие СЭС с *внешней средой*, специфическим элементом которой является *международная экономическая среда*. Оставаясь целостными институциональными образованиями, СЭС включаются в *международное взаимодействие*. Его результат в условиях глобализации — полиизоморфизм³⁵⁹ и гетерогенность³⁶⁰ институциональных структур, предполагает необходимость исследования взаимодействия различных по своим основаниям СЭС в рамках единого международного экономического пространства.

4.1. Национальная культура хозяйствования и ценностные основания комплементарности институциональной архитектоники СЭС

4.1.1. Культура хозяйствования. Отправным моментом анализа комплементарных оснований институциональной архитектоники СЭС

является среда хозяйствования. Она двояко влияет на специфику хозяйственной деятельности человека. В своей повседневной деятельности он постоянно контактирует с окружающей действительностью, оперативно реагирует на изменения в ней и сам, своей деятельностью, приносит изменения в неё. Это срез оперативного влияния. Вторая сторона отражает его долгосрочные последствия. В коллективном сознании общества формируются и закрепляются институциональные нормы – коллективные алгоритмы человеческого взаимодействия, обеспечивающие наиболее эффективные способы поддержания существования социума. Свое целостное отображение они находят в человеческой культуре.

Под **культурой** понимается сложная гомеостатическая система внебиологической природы, содержащая совокупный опыт видового существования человека и обеспечивающая накопление, воспроизводство, развитие и использование этого опыта, параллельно с воспроизводством видовых признаков самого человека³⁶¹. Она включает созданные людьми искусственные объекты и порядки, заученные формы человеческого поведения и деятельности, знания, образцы самопознания и символического обозначения окружающего мира. **Хозяйственная культура**, как часть человеческой культуры, содержит в себе систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму осуществления и восприятие её социумом. Культура предопределяет особенности отношений между людьми, используемые социальные стратегии, стиль и образ жизни. Тем самым особенности национальной культуры закладывают основания специфики социальной среды хозяйствования³⁶².

Особую значимость в контексте предмета исследования, институциональной комплементарности СЭС, составляет системная целостность, синергетичность, организменность, сложность и соразмерность, целесообразность, способность к самовоспроизводству и саморегуляции культуры как социального феномена. Диалектическую целостность культуре придает наличие двух её противоположных, но нераздельных граней – материальной и духовной. Материальная сторона обеспечивает физическое выживание общества. Но она невозможна без накопления, передачи и использования духовного опыта. В нем концентрируются знания об окружающем мире, способах приспособления к нему, средствах его преобразования. Особую грань духовной культуры составляют нормы социального взаимодействия. Они обусловлены природой, целями существования, обеспечивают их достижение. Комплементарность структурных и функциональных соотношений, взаимосвязей и взаимодействий различных элементов культуры интегрирует её в единое целое. Она обеспечивает

возможность существования культуры как специфического феномена, выделившегося из природной среды и выполняющего репродуктивные и адаптационно-ориентационные функции. ОК культуры предопределяется эволюционным характером отбора её элементов, обеспечивающим возможность включения в неё лишь тех компонентов, которые соответствуют её характеристикам и способным вписаться в неё в качестве неотъемлемых составляющих. Это объединение обеспечивает обретение культурой, как целостным феноменом, новых свойств, не сводимых к свойствам отдельных её частей. Культура обладает такими системно-комплементарными характеристиками, как многомерность, многообразие возможных форм связи, многокритериальность, разноликость природы элементов, разнородность циркулирующей информации, изменчивость состояния структуры и состава.

Высокий уровень самоорганизации культуры предполагает наличие разветвленной системы структурных и функциональных связей и взаимодействий между отдельными элементами и их функциями. Их комплементарность обеспечивается эволюционным отбором тех вариантов, сочетание которых ведет к совершенствованию проявляющихся на уровне системы в целом, и не присущих отдельным элементам, интегральных свойств и качеств. Сохранение любого элемента культуры в процессе эволюционного отбора свидетельствует о его значимости в процессе жизнеобеспечения системы. Она может проявляться как непосредственно в функциях, им выполняемых, так и опосредованно, косвенно. Это происходит, когда в силу каких либо причин, даже ценой утраты собственных первоначальных функций элемент культуры обретает значимость катализатора жизненно необходимых процессов, осуществление которых без его участия оказывается под угрозой.

Диалектичность культуры как целостного социального явления проявляется не только в противостоянии материальной и духовной её граней. Во-первых, специфика физиологии мышления человека находит свое воплощение в двух противоположных механизмах ориентации человека в среде обитания и производных от них *двух противоположных типах культурного опыта – рационально-логического и эмоционально-чувственного*. Как наличие двух основанных на разных принципах обработки информации и комплементарно дополняющих друг друга полушарий головного мозга является предпосылкой становления собственно человеческого мышления, так и дифференциация типов культурного опыта обеспечивает формирование целостной человеческой культуры. Во-вторых, она прослеживается в одновременном существовании в *субъективной* (реалии сознания конкретного носителя культуры) и *объективной* (социальная материализация культурного опыта) *форме*. Субъективная форма неотделима от объективной,

поскольку, с одной стороны, само восприятие личностью феноменов окружающего мира как явлений культурных невозможно без предварительной социализации субъекта, усвоения им «объективированных» достижений человеческой культуры. С другой стороны, объективация культурного опыта возможна лишь как результат объединения культурного опыта, существующего в субъективной форме. Да и проявляется он в сознании конкретных субъектов. Диалектика противостояния объективного и субъективного в человеческой культуре служит основанием еще одной формы противоречия, непосредственно выходящего на предмет нашего исследования. Каждый культурный феномен, в том числе и институты, имеет самостоятельное бытие. Именно оно и выделяет его из безбрежного моря других явлений культуры. *Но эта самостоятельность всегда ограничена его включенностью в этот мир.* Она очерчивается его формой и функциями им выполняемыми. Как часть системы он оказывается включенным в многообразные связи и отношения, комплементарность которых составляет первое отправное условие его существования.

Диалектика соотношения субъективного и объективного находит свое воплощение *в институтах как элементе культуры, их становлении от индивидуального к специфическому и общему.* Являясь результатом формирования и закрепления в коллективном сознании наиболее эффективных форм социального взаимодействия, они отражают объективную сторону общественных отношений. В то же время условием их существования *является принятие конкретными индивидами в качестве субъективного знания,* знания, которое находит свое воплощение в повседневной деятельности людей. В этом и состоит одно из отличий институтов от норм и правил народов и цивилизаций давно сошедших с исторической арены. Институты как элементы культуры принимают на себя функцию повседневного регулирования социального взаимодействия. Фиксируя нормы межличностных отношений, они структурируют общество, устанавливают ограничения и одновременно упрощают взаимодействие людей, делают его предсказуемым, а, следовательно, и более эффективным. Но *универсальность* институтов в рамках человеческой культуры остается явлением относительным. Принятие или непринятие института всегда является *актом индивидуального выбора,* выбора, обусловленного процессом социализации личности, её включения в социум. Эта относительность проявляется в выделении *специфических* институтов, обеспечивающих взаимодействие в обособленных сферах общественного воспроизводства (идеологические, политические, правовые, экономические институты), формировании *специфических* институтов на уровне национальных культур, культур отдельных социальных групп. Так, базовые институты собственности, труда, денег,

конкуренции, сохраняя свою общность как средств регулирования соответствующих сторон хозяйственного процесса, находят свое специфическое проявление в ходе эволюции форм хозяйствования, в различных национальных культурах, сферах экономики. Движение благ в обществе может регулироваться посредством реципрокных, редистрибутивных, обменных отношений. На их сочетание влияют особенности доминирующего способа производства, специфика национальной культуры, особенности образа жизни конкретных социальных групп. Еще одной стороной специфичности институтов является их дифференциация внутри блоков общественного воспроизводства. В экономике это проявляется в выделении институциональных блоков, ответственных за различные стороны хозяйственной деятельности. Свои специфические институты действуют в СФ, КУ, ПО. Вместе с тем *универсальность* институтов проявляется в различии в любой культуре собственности и не собственности, труда и отдыха, конкуренции и сотрудничества. Институты являются продуктом исторического процесса развития культуры, включены в неё, способны успешно функционировать лишь комплементарно дополняя другие её части. Чем выше уровень развития общества, его культуры, системы хозяйствования, тем сложнее и разнообразнее система институтов.

4.1.2. Институциональное взаимодействие и взаимодействие институтов. Институты буквально окутывают все стороны современного общества. Соответственно практически невозможно представить вариант взаимодействия между индивидами, который в явной или неявной форме не регламентировался бы сложным комплексом институтов. Институты определяют круг субъектов, вовлекаемых во взаимодействие, задают его цели, порядок, содержание. Зачастую они предрешают результат. В неявной форме они выступают в роли третьей стороны взаимодействия, стороны, которая придает силу объективности, достоверности, общественной легитимности аргументам сторон. Знание институтов, способность опереться на них в процессе отстаивания собственных интересов превращается в существенную предпосылку успешного взаимодействия.

Индивидуальное взаимодействие всегда сопровождается **взаимодействием институтов**. Возражение может вызвать оправданность применения к институтам терминов взаимоотношения, взаимное влияние, взаимодействие. Ведь институты, как действующие нормы социальных отношений, не обладают ни собственной субъективностью, ни материальностью. В оправдание можно отметить, что последствия «взаимодействия» институтов определяются именно объективными содержанием алгоритмов поведения, в них фиксируемых, а не субъективными оценками, мнениями, желаниями людей. К слову,

взаимодействуют, вступают в реакцию химические элементы, а не люди, которые их смешивают. Более того, в случае с институтами характер взаимодействия людей, когда он регламентируется соответствующими нормами, представляется вторичным, производным по отношению к этим нормам, взаимодействию институтов. К тому же, в случае с институциональной комплементарностью, как формой такого взаимодействия, речь идет не столько о процессе, сколько о его результате, определенном сочетании или структуре институтов.

Одновременная включенность множества институтов в процесс регламентации взаимодействия индивидов придает ему дополнительную сложность и само по себе является проблемой. В зависимости от конкретной ситуации, одни институты могут играть доминирующую роль, другие лишь учитываются, некоторые зачастую просто игнорируются. Более того, в контексте ситуации может оказаться, что требования, предъявляемые институциональными нормами, вступают в противоречие между собой. В результате, подобное взаимодействие институтов будет усложнять деятельность экономических субъектов. В данном случае речь идет об *институциональном напряжении, некомплементарности*. Институциональное взаимодействие можно рассматривать по количеству вовлекаемых институтов, социальным сферам (взаимодействие политических правовых, экономических институтов, взаимодействие на пересечении этих сфер), направленности, интенсивности. Оно может задаваться наличием структурных (иерархическое, горизонтальное взаимодействие институциональных форм) и функциональных (горизонтальное, институциональных функций) взаимосвязей. Градацию форм институционального взаимодействия в зависимости от его интенсивности мы рассмотрели во второй главе. Институциональная комплементарность — лишь одна из возможных форм проявления институционального взаимодействия, отражающая аспект его эффективности.

4.1.3. Субъекты институционального взаимодействия и комплементарность. В рамках общества в целом комплементарность субъектов институционального взаимодействия (СИВ) обеспечивается дифференциацией их функций и места в обеспечении воспроизводства социума. В наиболее обобщенном виде СИВ можно разделить на три группы: *домохозяйства*, предоставляющие ресурсы и потребляющие произведенные блага; *предприятия*, их создающие, и *государство*, выступающее комплементарным *компенсаторным* элементом, обеспечивающим преодоление пробелов рыночного взаимодействия первых и *производящее* социальные блага. В условиях транзита происходят кардинальные изменения институционального устройства СИВ. Шоковый характер начального периода реформ обусловил одномоментный отказ от самих принципов комплементарного устройства ранее существовавшей командно-административной инсти-

туциональной системы. Реформаторы переоценили возможности целенаправленных институциональных изменений. Заимствование новых институтов носило фрагментарный характер. Искусственная и поспешная имплантация ключевых институтов рыночной экономики в её англо-саксонском варианте дополнялась верой в спонтанное формирование соответствующего институционального обрамления. Результатом стало формирование институционального напряжения, лакун и ловушек³⁶³. Практически все второе десятилетие реформ ушло на поиск путей восстановления комплементарного равновесия институциональной системы, в основе которого — формирование внутренней и внешней комплементарности СИБ³⁶⁴.

Внутренняя комплементарность СИБ обеспечивается их функциональной целостностью на основе доминирующего принципа социальной ориентации. Соответственно, и это наглядно проявилось в условиях институциональной трансформации, ключевое значение имеют их ценностные ориентации. Именно они предопределяют как цели деятельности, так и социально приемлемые способы их достижения. Дополнительную значимость ценностным ориентациям, как основе Ст.К СИБ, придает ситуация институциональной нестабильности, неравновесия в условиях транзиции, когда, с одной стороны, происходит столкновение старых, теряющих свою актуальность и новых, еще не закрепившихся институтов, а с другой, во многих сферах хозяйственной деятельности имеет место ситуация институционального вакуума, отсутствия соответствующих общепризнанных институтов. *Ценностные ориентации в подобных ситуациях приобретают доминирующее значение.* Системный характер ценностной системы позволяет СИБ самостоятельно «достаивать» недостающие элементы институциональной структуры. Условием внутренней комплементарности институций на структурном уровне становится общность, подобие, способность к взаимному приспособлению или хотя бы непротиворечивость норм, регламентирующих взаимодействие, на функциональном — дополненность, связность и последовательность задач и функций. Однако, отмеченный еще А. Грамши в «Тюремных тетрадах» и разворачивающийся в условиях глобализации средств массовой информации и информационного бума процесс фрагментации человеческой культуры накладывает свои ограничения на возможности ценностного подкрепления Ст.К институциональной системы³⁶⁵. Формируется ситуация массовой девиации, потери преемственности человеческого поведения, институциональных разрывов³⁶⁶. Погоня за ситуативной ФК вступает в противоречие с долгосрочными основаниями Ст.К институциональных систем. Подобная ситуация имеет негативные последствия не только для внутреннего взаимодействия институций в рамках СИБ, но и для институциональной системы в целом. Она подрывает ценностные

основания целостности институциональной архитектуры СЭС. Внутренняя ИК СИБ оказывается необходимой предпосылкой их внешней комплементарности.

Именно через эту *внутреннюю комплементарность* находит свое проявление проблема соотношения *свободы* и *необходимости*, *свободы* и *нормы*. Соотнесенность человеческой деятельности мировоззренческим установкам предопределяет разделение между двумя пониманиями свободы, «*свободы для*» и «*свободы от*». Наиболее ярко оно проявляется в религиозной сфере³⁶⁷. Что означает свобода как состояние мировосприятия и отношения к миру со стороны верующего? Готовность к внутреннему принятию этических основ религиозной системы, деятельность в согласии с ними – «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). Соответственно морально-этические наставления воспринимаются не как ограничения (причина стремления к *свободе от*), а как источник мудрости, ориентир в определении собственного места в мире (ощущение *свободы для*). Комплементарность *нормы*, явления, привносимого личности извне внутренним ценностным установкам делает её приемлемой для экономического субъекта, превращает в ориентир повседневного поведения. Некомплементарность привносимой извне нормы мировоззренческим ценностям порождает напряжение, игнорирование нормы, стремление её трансформировать. В конечном итоге происходит либо её отторжение, либо изменение формы и функций в соответствии с доминирующей системой ценностей.

Внешняя комплементарность СИБ связана с их включенностью в систему институционального взаимодействия. Ст.К обеспечивает их адекватность относительно доминирующих норм социального взаимодействия. ФК – включенность в процесс общественного воспроизводства, соответствующее место в нем.

В конечном итоге субъектом институционального взаимодействия всегда выступает конкретный человек, принимающий решение о включении и поддержании взаимодействия с другими людьми в рамках, задаваемых институциональными нормами. Роль индивида в условиях нестабильности институциональной системы, характерной для периода трансформации кардинально возрастает. Однако степень индивидуальной свободы в принятии подобного решения предопределяется тем, чьи интересы он представляет в процессе взаимодействия. Человек может представлять свои собственные интересы, а может выступать в роли агента, представляющего интересы стоящей за ним организации и действующего в рамках предоставленных ему полномочий. Фактически, в этом случае в институциональное взаимодействие включаются надындивидуальные организации – институты, имеющие свои особенные, специфические

интересы, цели, нормы внутреннего и внешнего взаимодействия. Так, взаимодействие организации – клиента и банка опосредуются специально уполномоченными оператором банка и сотрудником предприятия. Ст.К дополняется ФК (банк в процессе осуществления собственных задач проводит расчетные операций клиента – содействует достижению его целей). С противоположной стороны, предприятия, производящие подшипники и театральные реквизиты, структурно могут быть комплементарными (имеют службы сбыта и снабжения), но функционально между собой никак не пересекаются.

4.1.4. Основные конструктивные элементы институциональной системы, лестница оснований институциональной архитектуры СЭС. На рис. 4.1 представлена иерархия регуляторов человеческого поведения от индивидуальных ценностей, через организационные индивидуальные умения и навыки к коллективным рутинам, общественным конвенциям, неформальным и формальным институтам.

Рис. 4.1. Архитектоника конструктивных элементов институциональной системы

Ценности характеризуют отношение человека к окружающему миру. *Умения и навыки* – индивидуальную способность выполнять определенные последовательности действий. *Организационные рутины* – алгоритмы исполнения производственных задач и координации деятельности сотрудников в пределах отдельного учреждения. *Конвенции* – коллективные договоренности относительно принятия институтов в качестве руководства к действию. *Институты* регулируют социальное взаимодействие в обществе, но базируются на личностных ценностях. Соответственно именно ценности определяют особенности институционального устройства общества.

Мы уже говорили об особенностях комплементарного взаимодействия полушарий головного мозга (подпункт 1.5). В контексте темы исследования уместно так же отметить их влияние на формирование специфики ценностных отношений представителей разных культур³⁶⁸. Особенности межполушарных связей, как показали исследования

народов, столкнувшихся с активным влиянием модернизации, определяются не только генетически, но и подчиняются закономерностям культурного наследования, онтогенеза и антропогенеза³⁶⁹. Сам тип мышления оказывается связанным с определенной направленностью социальной ориентации ценностной системы.

Рассмотренные выше элементы лестницы оснований институциональной архитектуры СЭС формируют элементарный строительный блок. В процессе комплементарного взаимодействия они включаются в комплексы, формируют более сложные уровни взаимосвязи (Приложения Ж, З).

4.1.5. Индивидуальные ценности как мировоззренческое основание институтов. Включение *ценностей* в качестве отправного элемента анализа институциональной комплементарности оправдывается их определяющим влиянием на принятие либо отторжение личностью институциональных норм, привносимых человеку извне. На дополнительную роль ценностей и институциональных норм обращает внимание Н. Бор³⁷⁰. *Ценность* — стабильное, объективируемое, субъективно-психологическое, регулятивное внутреннее отношение личности, которое определяет мировоззрение, направленность и характер ее экономической активности³⁷¹.

Т. Парсонс акцентирует внимание на функциональной значимости ценностных ориентаций. Ученый подчеркивает, что ценности, в отличие от утилитарности соотношения удовлетворенность/неудовлетворенность, предопределяют содержательные стандарты выбора. Ценности представляются «логическим средством для формулировки какого-либо значимого аспекта выражения культурной традиции в системе действия»³⁷². Ценности — источник нормативной ориентации. Будучи по преимуществу не личностными, а культурными характеристиками, они отражают общепринятые социальные стандарты. Функциональная связь ценностей с действиями индивидов проявляется в их роли как оценочных социальных стандартов. Ученый расчленяет ценностные ориентации на три вида: когнитивные, оценочные (appreciative) и моральные, связывая их с видами мотивационной ориентации³⁷³. Первые направлены на познавательное определение ситуации. Вторые нацелены на соотнесение с внутренними стандартами, служат основой для избирательного оценивания и выбора из альтернативных интерпретаций и решений. Моральные стандарты по утверждению Т. Парсонса представляют синтез первых двух видов и нацелены на интеграцию в социальную систему.

Ценностные ориентации представляют целостную систему (рис. 4.2). Ее составляющие — праценности первобытной общины, как основа этосных ценностей, индивидуальные эстетические, индивидуально-коллективные моральные, групповые религиозные, политические,

правовые, интегративные экзистенциальные и хозяйственные ценности³⁷⁴. Ценностная система личности имеет интегративный, комплексный, комплементарный, целостный, динамический характер. Хозяйственные ценности – интегративное проявление всего комплекса ценностных отношений³⁷⁵.

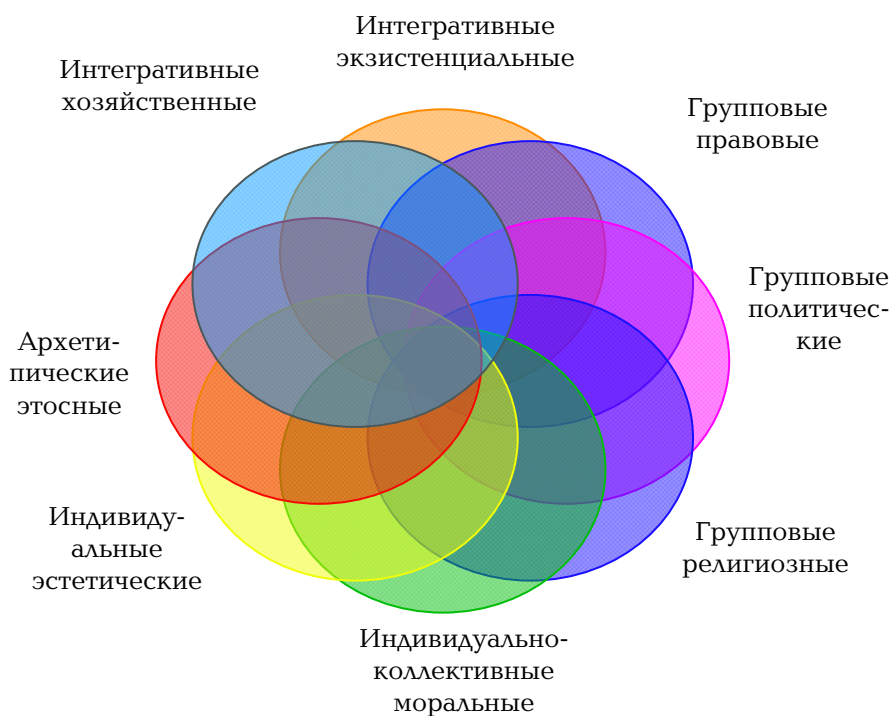

Рис. 4.2. Структура ценностной системы³⁷⁶

Этосные ценности воплощают в себе определенные этнические архетипы, которые формируются на протяжении столетий существования этноса. Они являются базисом национальной самоидентификации и проявляют себя лишь опосредованно, в национальных традициях, образе жизни. Модернизация обществ и глобализация оказались бессильной перед их влиянием. Они и находились у истоков формирования институтов, которое В. Тарасевич связывает с переходом от бессознательного и подсознательного поведения человека в ходе воспроизводства своего существования к сознательной трудовой деятельности³⁷⁷. Соответственно образование институтов предполагает переход от инстинктивного поведения через протоинституты к собственно институтам. В свою очередь формирование протоинститутов включает совмещение метаинстинктов – цепей инстинктивных реакций с вкраплением последовательностей целенаправленных действий и прединститутов – привычных стереотипов, образцов действий³⁷⁸. Решающее значение имеет то, что возникающие протоинституты обретают надындивидуальный характер. В отличие от

индивидуальных паттернов они принимают форму целенаправленных действий, общепринятых в рамках определенной человеческой общности. Будь то род, племя, союз племен. Они формируют отношения совместно-разделенной деятельности между членами сообществ.

Следующий элемент ценностной системы – религиозные ценности. Они формируют каркас институциональной матрицы той или иной СЭМ, составляют фундамент идеологических, политических, правовых и экономических базовых институтов. **Религия** (лат. *religio* – *благочестие, набожность, святыня, предмет культа*) – способ мировоззрения, мировосприятия, который предопределяет поведение и образ жизни, который основывается на вере у существования высших, недоступных для повседневного понимания основ человеческого бытия³⁷⁹. Мировоззренческие ценности религиозных конфессий оказывают значительное как прямое, так и опосредствованное влияние на характер, нацеленность, интенсивность, социальную наполненность хозяйственной активности прихожан. Тем самым они оказываются в основе Ст.К СЭС. Глубокий анализ влияния религиозных ценностей на хозяйственную жизнь общества содержится в таких работах М. Вебера, как «Хозяйственная этика мировых религий»³⁸⁰, «Протестантская этика и дух капитализма»³⁸¹.

М. Вебер подразделяет мировые религии на три обобщенных типа по способу отношения к "миру". Каждый из этих типов несет свою установку, вектор социального действия, образ и стиль жизни верующих: для *буддизма и индуизма* присущи отход от мира; *конфуцианство* – это религия приспособления к миру; для *иудаизма, христианства и ислама* характерно стремление к овладению миром. Особое значение для развития рыночной системы хозяйствования имело соотношение этих основ мировосприятия и мировосприятия верующих с уровнем индивидуальной ответственности за поступки в мирской жизни. Ведь предпосылка такой ответственности – возможность и необходимость свободы выбора верующим своего собственного пути в жизни, определенная свобода поступка, в том числе и социального.

Для *буддиста* такая свобода, в объединении с отказом от окружающего мира, лишь подчеркивает его *индивидуальность, самодостаточность, нежелание, предотвращение активного творческого вмешательства в окружающий мир*. Она препятствует развитию преобразующей окружающий мир, социальной в своей основе экономической деятельности человека. Следуя принципу подобия, Ст.К институциональной системы соответствующих СЭС выстраивается таким образом, чтобы обеспечить комфортные условия для совмещения этого аутизма с необходимостью включения в динамичное социальное взаимодействие. Происходит раздвоение личности по линии индивиду-

лизм в духовной сфере/подчинение социальным требованиям в сфере материального. Прагматизм мировосприятия *конфуцианца* объединяется с *полной ритуализацией как общественной, так и личной жизни индивида*. Он — неотъемлемая составная часть общества. Любая хозяйственная инициатива гасится безусловным приоритетом *традиции*. Для хозяйственной системы традиционного Китая подобные ценностные основания служили тормозом экономической модернизации. Но в условиях, *когда государство само стало источником инновации, гало импульс развитию предпринимательства*, произошел сдвиг комплементарных оснований СЭС. Инновационность сама может быть элементом традиции. Ключевое значение приобретает её включенность доминирующий социальный контекст. Ключевые элементы, предопределяющие Ст.К остаются неизменными, изменяется контекст их восприятия, а уже из него выстраивается иная архитектура СЭС. Весь мир наблюдает за китайским чудом, когда конфуцианство из тормоза модернизации превращается в источник успеха. Индивидуальная ответственность правоверного *мусульманина* перед Всевышним объединяется с *полной регламентацией всех сторон его земной жизни*. Конфигурация, симметрично противоположная как конфуцианской, так и протестантизму, где есть индивидуализм, но нет регламентации. Внеэкономическое принуждение в исламском мире служит инструментом укрощения индивидуализма. Это и тормозит процесс модернизации. Формирование материально-технологических условий для *перехода к экономическому принуждению и поощрению* представляются необходимой предпосылкой коррекции оснований Ст.К в странах ислама. Успех экономического развития Турции, Индонезии, Малайзии свидетельствует о его реальности. Лишь в *иудаизме и христианстве* индивидуальная ответственность верующего перед Богом объединяется с *правом и обязанностью своим собственным выбором и поступком утверждать себя в своей вере и утверждать веру в своем поступке*. В результате свобода и самоценность личности оказываются приоритетными ценностями общества. Свобода выбора, инициатива индивида составляют сердцевину развития рыночной системы хозяйствования. *Коммунитарности*, как базовому идеологическому институту, основанному на приоритете общественного, противостоит *субсидиарность* как идеологический институт, основанный на безусловном приоритете прав личности. Но и здесь индивидуализму англосаксонских стран, как основе Ст.К противостоит корпоративизм стран континентальной Европы.

Религиозные ценности в определяющей мере влияют на социальную направленность ценностной системы, мировоззренческие основы существования общества, формируют базис идеологических институтов. Определяющее влияние на формирование специфи-

ческих особенностей институциональной системы общества оказывает **индивидуалистско-конкурентная, эгалитарно-коллективистская или группово-кооперативная** социальная направленность ценностной системы.

Проявляются **религиозные ценности** и передаются через особенности семейного быта, традиции, обычаи, обряды. Усваиваются они непроизвольно, спонтанно в процессе социализации индивида. Обуславливаемые ими нормы поведения, как правило, не осознаются как элемент религиозной культуры. Они объединяют людей на неформальной, духовной основе. Коррекция религиозных ценностей происходит постепенно, на протяжении столетий, в результате кардинальных изменений образа жизни общества³⁸².

Т. Вудс приводит яркий пример комплементарного влияния религиозных ценностей протестантизма и католицизма на концепции теорий ценности. В случае, если целью экономической деятельности признается получение удовольствия посредством создаваемых экономических благ (аристотелево-томистская традиция), то экономисты, придерживающиеся этой традиции, источник ценности ищут в субъективной оценке этих благ индивидами. В случае, когда ключевой ценностью признается сам труд, богоугодная деятельность индивида, то, в представлении философов, экономистов, определяющим фактором, делающим блага ценными, является сам труд, количество труда, потраченного на изготовление блага, предопределяет его ценность³⁸³.

Содержание, характер, формы общественных взаимоотношений в решающей степени предопределяются принятыми в обществе **этическими ценностями**. Их истоки обуславливаются преобладанием стыда или вины в качестве основного мотива регулирования общественного поведения индивида. Соответственно выделяют **культуры вины** (западные, христианские страны) и **культуры стыда** (страны, где на момент становления рыночного способа хозяйствования преобладали традиционные культуры). **Культура вины** — комплекс социально-этических взглядов, согласно которым личное осознанное отношение человека к окружающим, поведение, отношения с ними регулируются внутренними моральными нормами и угрозой наказания за их нарушение. Истоки культуры вины, характерной для западных обществ, содержатся в христианском мировоззрении. Культуру большинства стран Востока можно отнести к **культуре стыда**. **Культура стыда** — комплекс социально-этических убеждений, согласно которым отношение человека к окружающим, поведение, взаимоотношения с ними, сознательно или бессознательно, регулируются установками о месте, обязанностях и роли человека

в окружающей общественной среде, ответственность перед другими, усваиваемыми на не критическом уровне в процессе социализации³⁸⁴.

Формирование общественных отношений на правовой основе закладывает *систему правовых ценностей*. Они являются результатом совместного влияния семьи, образовательных учреждений в период становления личности. На протяжении сознательной жизни субъекта правовые ценности могут подвергаться серьезным изменениям. Имеет значение, насколько принятые правовые акты отвечают системе ценностей конкретного общества. При наличии противоречий, сознательно или бессознательно, в первую очередь поведение индивида будет определяться внутренними регуляторами, заложенными в ценностях. Именно их конфликт становится источником правового нигилизма.

Социальный уровень общественного сознания воплощается в *политических ценностях*. Они проявляются как общие для макро-групп черты характера, сословной психологии, классового самосознания. Определяющее влияние на их формирование оказывают средства массовой информации. Значение имеет характер и интенсивность социальных связей субъекта, его сословно-классовая принадлежность. Они, если не затрагивают экзистенциальные, не входят в противоречие с этносными и религиозными, могут быть довольно подвижными.

Особенность интегративных *хозяйственных ценностей* заключается в объединении эстетических, моральных, правовых, политических, религиозных, этносных, экзистенциальных ценностных значений. Чем шире круг жизненных явлений, которые нашли свое отражение, тем сложнее хозяйственные ценности.

4.1.6. Современные исследования хозяйственных ценностей национальных культур. Активизация международного экономического взаимодействия во второй половине XX ст. обусловила рост интереса к изучению особенностей национальных культур хозяйствования. Появляются результаты исследований таких ученых, как Г. Хофстед³⁸⁵, Ф. Тромпенаарс и Ч. Хампден-Тернер³⁸⁶, Р. Инглхарт³⁸⁷, Ш. Шварц³⁸⁸. Представляют интерес работы Р. Льюиса³⁸⁹ и Р. Гестеланда³⁹⁰.

Значительное внимание привлекают результаты сравнительного анализа национальных культур Г. Хофстеда. Национальные культуры сравниваются по степени *индивидуализма, дистанции относительно власти* (параметр, который соотносится с понятиями демократизм — авторитаризм), *предотвращению неопределенности* (характеристика, близкая понятию традиционализм), *степени мужественности или женственности, краткосрочной или долгосрочной ориентации во времени*. Рассмотрим содержание основных характеристик, по которым Г. Хофстед исследовал национальные культуры.

Соотношение индивидуализма и коллективизма — склонность к восприятию личностью себя как индивидуальности или как части группы. В культурах с **высокой степенью индивидуализма** люди откровенно высказывают критические замечания; продвижение по служебной лестнице в большей мере связано с профессиональными качествами работника; преобладает ориентация в деятельности на цель/задачу, а не на личность; доминируют ценности личного успеха и карьеры; средний класс представляет значительную прослойку; имеет место высокий уровень свободы печати.

Дистанция власти — степень неравенства в распределении власти в обществе или организации, которая воспринимается членами общества как нормальная сама собой разумеющаяся. В странах с **высокой дистанцией власти** сотрудники предпочитают не выражать открыто несогласие с мнением начальства; распространен автократический характер власти; подчиненные ожидают распоряжения о том, что нужно делать; идеальный руководитель предельно автократичен или выступает в роли своего рода «отца семейства»; дистанция в оплате труда сотрудников может превышать двадцатикратный уровень; распространено наличие у руководителей привилегий, воспринимаемых как нормальное явление.

Мужественность — преимущественная склонность общества к таким ценностям, как рекорды, героизм, упорство в достижении цели, материальный успех и т. п. Как правило, мужество доминирует в обществах, где социальные роли отличались. **Женственность** — преимущественная склонность к таким ценностям, как выстраивание равных отношений, готовность к компромиссам, скромность, забота о ближних, уют, качество жизни и т. п. **Социальные характеристики, присущие «мужественным» странам:** карьера и материальное благополучие является основным показателем успеха; настоящими мужчинами называют людей амбициозных, решительных и твердых. Настоящий мужчина — это большой комплимент; акцент даже среди друзей делается на состязательность и высокие результаты; фактически люди живут во имя работы (а не работают для того, чтобы жить); хороший руководитель должен не совещаться с коллективом, а решать вопросы; основным методом решения конфликтов — силовой; женщина — политический деятель или высший менеджер — редкость. **Страны с преобладанием феминных ценностей** отличаются значительным единством во взглядах и социальных позициях между женщиной и мужчиной; преимуществом духовных ценностей перед материальными; приоритетом в решении конфликтов компромисса; воспитанием у детей скромности и чувства солидарности.

Предотвращение неопределенности — характеристика социально-экономического поведения, которая отражает допустимые пределы

социальной нестабильности и двусмысленности, воспринимаемые в данной культуре как нормальные, при которых члены общества чувствуют себя комфортно. В культурах, которые стремятся к максимальному устранению неопределенности, имеет место тенденция конкретизации роли и функций работника, устранения двусмысленности отношений. В отличие от риска, связанного с конкретными явлениями, возможностью оценить вероятность результата, неопределенность не имеет объекта вероятностного исчисления, соответственно оценка ее степени оказывается бессмысленной. Следствие устранения неопределенности – чрезмерная регламентация деятельности. Обратная сторона подобной ситуации – правовой нигилизм. На противоположном полюсе – культуры с *низкой степенью неопределенности*. Поскольку все угадать нельзя, считают представители этой культуры, то рамочные договоренности, которые корректируются в ходе работы, оказываются важнее детализированного контракта. Все, что не запрещено, считается разрешенным. Характерные особенности социального менталитета стран с высокой степенью предотвращения неопределенности: отрицательное отношение к структурам власти; раздражительность по отношению к национальным меньшинствам и частые проявления национализма; недоверие к молодым, распространение принципа продвижения по службе согласно возрасту; преимущество мнения специалистов и экспертов, а не здравого смысла и жизненного опыта; восприятие перехода на другую работу или переезда на новое место жительства как серьезного события, требующего большой концентрации психологических сил.

Долгосрочная ориентация (конфуцианский динамизм) – показатель, который характеризует готовность общества ориентироваться на будущее (стратегия) в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации. В странах с **высоким показателем конфуцианского динамизма** приоритет в деятельности человека отдается долгосрочной ориентации; признается важность настойчивости; сохраняется статусный принцип взаимоотношений; большое значение придается бережливости; этика социальных отношений строится на чувстве стыда.

В **Приложении И** представлены результаты исследования Г. Хофстедом хозяйственных культур основных стран мира. Они сгруппированы по основным **социально-экономическими моделями**. Сто баллов на соответствующей шкале свидетельствует о максимальных дистанции власти, индивидуализме, мужественности, предотвращении неопределенности, долгосрочной ориентации. Рядом с названием представлена информация об основных религиозных конфессиях, распространенных в данной стране³⁹¹. Это подтверждает

существование комплементарной взаимосвязи не только между близостью национальных культур и тяготением к подобным СЭМ, но и довольно значительной комплементарностью между СЭМ, характеристиками национальных культур и доминирующими в обществе религиозными ценностями. Анализ этой взаимосвязи представлен в **Приложении К**.

Результаты анкетирования украинских студентов, проведенного в ходе международного сравнительного исследования динамики ценностных ориентаций в молодежной среде, позволяют определить направления динамики их изменения³⁹².

В **Приложении Л** приведено сравнение комплементарного проявления указанных качеств национальных культур в семейной сфере, образовании и труде³⁹³.

Аналогичное исследование особенностей проявления национальных культур в хозяйственной деятельности провели Ф. Тромпенаарс и Ч. Хампден-Тернер. Его результаты, представленные в **Приложениях М и Н**, сгруппированы нами по тем же принципам, что и ранее³⁹⁴. Помимо соотношения между индивидуализмом и коллективизмом изучались отношение к правилам, которые регламентируют поведение человека в обществе, допустимую интенсивность проявления эмоций в деловом общении, границы «диффузности», взаимопроникновение или обособление отдельных сфер жизнедеятельности национальных культур, основания присвоения социального статуса, отношение ко времени и природе. Ученые большее внимание уделяли исследованию отношения респондентов к реалиям хозяйствования, которые сложились в отдельных странах. Показательны в этом плане результаты, полученные по постсоветским странам (**Приложение Н**).

По степени соблюдения законов и способности находить основания для их нарушения можно выделить национальные культуры (преимущественно) универсальных и (преимущественно) конкретных истин. Доминирование универсальных истин предполагает высокую законопослушность, преимущество закона над субъективными чувствами граждан («Платон мне друг, но истина дороже»). В культурах конкретных истин внимание сосредоточивается на поиске конкретных причин и моральных оправданий для нарушения правил («Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». «Исключение подтверждает правило»)³⁹⁵.

Особенности национальной культуры хозяйствования влияют на тип преобладающей корпоративной культуры и специфику организации функционирования фирмы. Ученые отмечают, что для США и Великобритании характерна корпоративная культура типа «самонаводящаяся ракета», для Франции, Италии и Испании, большинства азиатских стран — «семейная» корпоративная культура, для Швеции характерна

корпоративная культура типа «**инкубатор**», для Германии — «**Эйфелева башня**». Характеристики указанных типов корпоративных культур представлены в **Приложении О**³⁹⁶.

В зависимости от соотношения значения для формирования социального статуса человека личностных качеств, достижений и унаследованной социальной позиции американский ученый Э. Холл выделяет **низкоконтекстуальные** и **высококонтекстуальные** деловые культуры³⁹⁷.

В **низкоконтекстуальных культурах** человек оценивается, прежде всего, по индивидуальным достижениям и поступкам. Культивируется поведенческая модель, которая отображает *традиции приобретения статуса собственными усилиями*. Происхождение не играет особой роли в карьерных устремлениях. Вещи принято называть своими именами. «Да» на переговорах означает «да», «нет» — «нет». К таким странам относят США, скандинавские страны, Голландию.

В **высококонтекстуальных культурах** принадлежность к определенной социальной группе, происхождение, возраст, пол часто значат намного больше, чем личные качества, успехи, устремления. Для таких стран характерны *активное использование кодированного языка, предотвращение прямых ответов на трудные вопросы*. В результате одна и та же реплика в зависимости от контекста может иметь прямо противоположный смысл. Доверительные отношения устанавливаются лишь после тщательного изучения всего контекста отношений, которые обрамляют соглашение. Широко распространены двойные поведенческие стандарты в отношении «своих» и «чужих». Особое значение приобретают внешние атрибуты статуса. В ходе подготовки переговоров большее внимание уделяют личности партнера, чем сути будущего соглашения. Выяснение контекста превращается в первоочередную задачу. В результате переговоры с новым партнером предваряются продолжительным разговором «ни о чем». В процессе диалога происходит «прощупывание» контекста, который определяет значимость собеседника. Застолье и обильная выпивка в **высококонтекстуальных культурах** во время первых встреч деловых партнеров имеют целью выяснение социального контекста, определение возможности включения партнера в круг своих. К странам с **высококонтекстуальной культурой** относят Индию, страны Южной и Юго-Западной Европы, Востока, Латинской Америки. Промежуточное положение занимают Англия, Австрия, Бельгия, Германия, Швейцария. Оценка степени склонности отдельных национальных культур к закону и установлению статуса дана в табл. 4.1³⁹⁸.

Публикация книги Ф. Фукуямы «Доверие» стимулировала рост интереса к роли и значимости доверия как основы социального капитала общества.

Таблица 4.1

Распределение национальных культур относительно закона и статуса

Страна	Склонность соблюдать букву и дух закона*	Роль личных достижений в формировании статуса**
Канада	96	53
США	95	55
Великобритания	90	47
Франция	68	26
Япония	67	29
Греция	58	-
Индия	57	-
Китай	48	28
Россия	42	23
Корея	26	-
Нидерланды	-	33
Турция	-	17
Египет	-	13

* 100 % – стремление соблюдать закон во всех случаях;

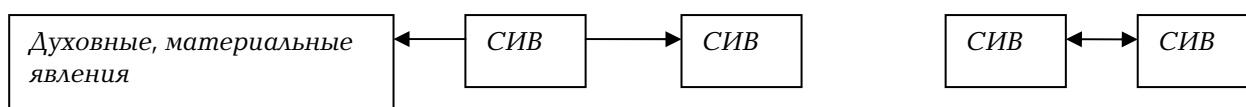
** 100 % – формирование статуса только за счет собственных достижений;
0 – только за счет контекста.

Ученый обосновывает успех рыночной экономики в таких существенно отличающихся странах, как США, Германия и Япония, высоким уровнем *межличностного доверия*, принятого в обществах этих стран. С другой стороны, он рассматривает страны с низким уровнем межличностного доверия. К ним относятся Китай, Тайвань, Гонконг, Южная Корея, Франция и Италия. Степень доверия в экономике оказывается тесно увязана с уровнем развития гражданского общества. В странах, где власть в процессе исторического развития создавала условия формирования институтов общественного взаимодействия, более активно развивались *корпоративные формы бизнеса*. В обществах, где традиционно власть концентрировалась в Центре, *бизнес сохранял семейные формы*. Актуальность изучения механизмов, обеспечивающих высокий уровень доверия, в конце XX в., начале нового тысячелетия особенно возросла. Это связано с разворачиванием трансформационных процессов на постсоветском пространстве, поиском выхода из затяжного кризиса в целом ряде слаборазвитых стран Азии, Африки, Латинской Америки, развитием в высокоразвитых странах постиндустриальных, постэкономических тенденций. Ф. Фукуяма утверждает, что рост трансакционных издержек, связанных с недоверием между участниками хозяйственного процесса в условиях, когда разделение труда и специализация приобретают всеобщий характер, все глубже проникает

во все сферы жизни общества, приводит к существенному торможению темпов экономического развития. На примере эволюции хозяйственной культуры стран, принадлежащих к разным цивилизациям, ученый проследил предпосылки и особенности формирования доверия в отношениях между членами общества. Возможно ли повысить уровень доверия в странах, где оно остается незначительным? Если да, то при помощи каких методов и инструментов экономической политики? К поиску ответа на этот вопрос обращаются многие исследователи³⁹⁹.

Предложенные подходы позволяют проявить степень склонности национальной культуры к рыночной системе хозяйствования, модель организации экономической жизни, к которой она тяготеет. Соответственно, появляется возможность эмпирически прогнозировать социально-экономическую модель, к которой наибольшей мерой тяготеет та или другая национальная культура.

Внимание к **межличностному доверию** как важному аспекту формирования институциональной основы СЭС позволяет проявить *существенные отличия между ценностями, институциями и базовыми институтами*. Под доверием понимается и характер отношения личности к другим людям (ценностное отношение), и институция, регламентирующая отношения между людьми в конкретном обществе. Межличностное доверие может выступать и в роли ценностной ориентации индивида и в роли институции, которая фиксирует нормы межличностной коммуникации. Аналогичным образом личная свобода может рассматриваться как ценностная ориентация личности и как общественная институция. Рис. 4.3.1, 4.3.2 иллюстрируют отличие между *ценностями* и *институциями*. Если первые (рис. 4.3.1) – *одностороннее* отношение субъекта институционального взаимодействия (СИВ) к другим СИВ, а также к духовным и материальным объектам, регулирующее его деятельность, то институции (рис. 4.3.2) – *взаимоотношения* между СИВ.

4.3.1. Ценности

4.3.2. Институции

Рис. 4.3. Институциональное взаимодействие: ценности и институции: 4.3.1. Ценности; 4.3.2. Институции

Ценностные ориентации могут иметь непосредственное продолжение и воплощение в институции (доверие, свобода, порядок). Но, как правило, они ретранслируются и воплощаются во множестве институций и институтов, тем самым, формируя предпосылки их комплементарности

по признаку *погодия*. Так соотношение индивидуализм/коллективизм находит свое воплощение в базовых политических, правовых, экономических институтах (характер государственного устройства, делегирования власти, источники права, отношения между производителями). С противоположной стороны, в одном институте, как правило, отражается комплементарное сочетание сразу нескольких ценностных ориентаций (институт собственности как результат различной меры сочетания дистанции власти, приоритета личного или общественного, отношения к неопределенности).

Включение *ценностей* в состав институциональной системы обусловлено их определяющим влиянием на социальное восприятие или отказ от фиксированных в тех или других институциях и институтах нормах социальных отношений. Именно ценности в первую очередь предопределяют наличие или отсутствие комплементарности между отдельными институциями, институтами и их блоками (рис. 4.4).

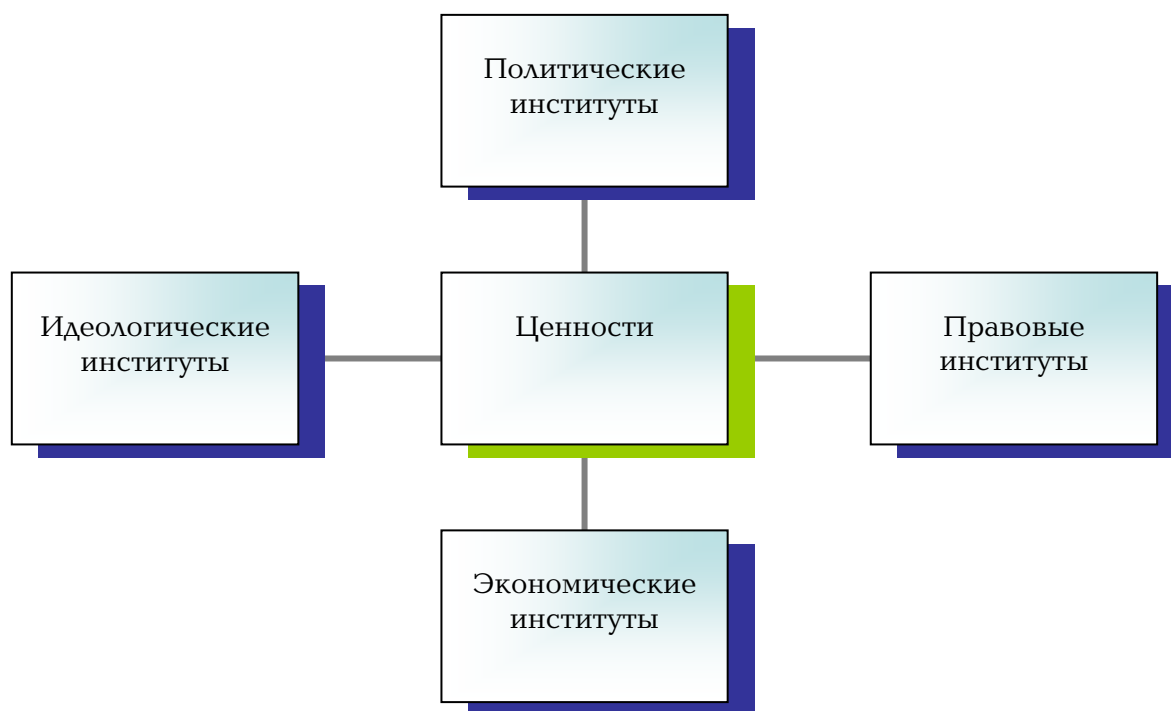

Рис. 4.4. Ценности и базовые институты

4.2. Диалектика системной комплементарности базовых институтов

4.2.1. Конвенции в понимании французской школы экономики *конвенций* — это социальные сущности, не сводимые к фактам индивидуального сознания, коллективные смыслы, логики оправдания, возникающие из конфликтующих моделей социального мира,

в конечном итоге кристаллизующиеся в консенсус относительно принятия институтов в качестве руководства к действию. Конвенции, по утверждению О. Кирчика, это «схема интерпретации правил, вместо института, который обычно вслед за Нортон определяют как «правило игры» ... конвенции «активируют», или «вдыхают жизнь» в институты, которые, в свою очередь, дают им форму. Процесс выработки новых конвенций лежит в основе интерпретации, применения, пересмотра совокупностей формальных и неформальных правил (институтов)»⁴⁰⁰. Источником смены конвенций, как правило, выступают элиты общества или соответствующих социальных групп. Они играют роль своеобразных «лидеров потребительских предпочтений» в отношении институтов.

Проблемы институциональной трансформации постсоветских стран связаны с отсутствием условий для эффективного установления конвенциональных соглашений. Прежде всего, это связано с отсутствием действенных элит, способных стать выразителем интересов всего населения. Правовая система не выполняет координирующей функции. Преобладают неформальные отношения. Отсутствуют демократические процедуры выработки общности на основе конкуренции между различными ценностями и представлениями. Неразрешимость противоречия между моральной, горизонтальной моделью политики (как совместного существования) и силовой, вертикальной природой доминирования связывается с отсутствием «гражданского града». В качестве такового конвенционалисты рассматривают особую сферу общества, наряду с другими (семья, государство, рыночные отношения). Она объединяет все остальные, задает общий горизонт для выработки согласия, апеллируя к общественному благу, справедливости и другим формам создания общности. В случае России, утверждает О. Кирчик, «гражданский град» сплюснен между массивной государственной машиной и частным интересом. В результате оказывается недостижимой стабилизация институциональной системы поскольку институты не находят поддержки «снизу» — на уровне конвенций. Истоки характерной для постсоветской экономики радикальной неопределенности ученый предлагает искать в отсутствии или в недостаточно четком определении правил игры. Они же не появляются автоматически, как следствие возникновения рыночных институтов, а оказываются результатом интерпретативных операций, лежащих в основе выработки общих рамок оценки и действий, определяющих взаимные ожидания акторов.

Структурирующим основанием комплементарности конвенций как связующего звена между ценностями, институциями и институтами являются социальные ориентации соответствующих групп. Функциональная сторона комплементарных отношений состоит в увязывании

функций поддерживаемых институций и институтов с интересами соответствующих социальных групп, инкорпорацией соответствующей функции в существующие функциональные взаимосвязи.

4.2.2. Базовые институты. Конвенции – промежуточное звено между индивидуальными ценностями, общественными институциями и институтами. В наиболее обобщенном виде в рамках моделей СЭС они воплощаются в базовых институтах. *Базовые институты* в концепции институциональных матриц (ИМ) С. Кирдиной – *глубинные исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ*. Они, в представлении ученого, позволяют обществу выживать и развиваться при условии сохранения самодостаточности и целостности независимо от воли и желания конкретных субъектов. Специфика базовых институтов обуславливается особенностями материально-технологической среды существования общества. В конечном итоге в концепции С. Кирдиной она проявляется в виде двух противоположных ИМ – *восточной институциональной X-матрице* и *западной Y-матрице*. Функцией базовых институтов является регулирование основных общественных подсистем – идеологии, политики и экономики. Свое конкретное воплощение базовые институты находят в *институциональных формах*. Если базовые институты не изменяются на протяжении значительных промежутков времени, то институциональные формы отражают динамичный момент существования социума⁴⁰¹.

Базовые институты охватывают основные подсистемы общества – идеологию, политику и экономику. В **Приложении 3** представлены базовые институты противоположных ИМ. Выделение *группы базовых правовых институтов* связано с ролью формальных правовых институтов в современном обществе. В дополнение к предложенным С. Кирдиной идеологической, политической и экономической добавлены правовая общественная подсистема, ценностные ориентации как предпосылки формирования соответствующих матриц, дополнен перечень базовых институтов⁴⁰².

Системный характер предложенной концепции ИМ отражается в диалектике отношений между её компонентами. Она задается единством противоположности ценностей индивидуализм/коллективизм. Доминирование на уровне базовых институтов одного из вариантов социальной ориентации предполагает их дополнение комплементарными институтами противоположной ИМ. В качестве **комплементарных** предлагается рассматривать *институты определенного типа ИМ, но действующие в государствах с альтернативным её типом*⁴⁰³. Их действие подчиняется **принципу доминантности**, который определяет характер взаимодействия базовых и комплементарных

институтов. В социальной жизни доминируют базовые институты соответствующей ИМ. Они определяют основные правила взаимодействия в общественных подсистемах, задают рамки и ограничения действию комплементарных институтов, имеющих вспомогательное значение и обеспечивающих устойчивость институциональной среды⁴⁰⁴.

Диалектика отношений базовых институтов противоположных ИМ в конечном итоге подчиняется логике противопоставления «свое»/«иное» в рамках единой системы, которой и является человеческое общество. Две альтернативные модели его организации – Западная и Восточная цивилизации, дополняя друг друга, обеспечивают расширение возможности выживания человечества как единого целого путем заимствования комплементарных институтов противоположных ИМ, перераспределения ресурсов в пользу цивилизаций, обеспечивающих большую эффективность хозяйствования⁴⁰⁵.

В диалектике отношений соответствующих базовых институтов противоположных матриц и отражается *структурная сторона их комплементарности*. *ФК базовых институтов* выражается в связности и последовательности функций в своем единстве и целостности обеспечивающих действенность и полноту охвата соответствующих сфер социального взаимодействия. В **идеологии** она проявляется в комплексах институтов, обеспечивающих *детерминацию социального действия, нормативное представление о социальной структуре и определение доминантного принципа устройства общественной жизни*. В **политике** – в комплексах институтов обеспечивающих *территориальную организацию, устройство системы управления, порядок замещения управленческих позиций, формирование и реализацию решений, механизмы обратной связи*. В **правовой сфере** – *функциональная целостность обеспечивается сочетанием принципов организации, определения субъекта выработки и принятия норм, отношения между интересами, правами и обязанностями, вмешательства в дела субъектов права*. **ФК базовых экономических институтов** проявляется в единстве и взаимообусловленности отношений *собственности, труда, форм организации взаимодействия, стимулирования и мотивирования активности экономических субъектов, способов циркуляции, определения эквивалентности и опосредования движения благ, критериев определения их эффективности*.

Уже на уровне базовых экономических институтов СЭС можно проследить наличие противоречия как неизбежного внутреннего основания их комплементарной целостности. Так, институт *собственности* предпосылкой имеет одновременное сосуществование отношений собственности и несобственности. Наделение правами

собственности одного экономического субъекта своей противоположной стороной предполагает лишение такого права всех других экономических субъектов. Без одного не может быть другого. *Наемный труд* предполагает, что человек в процессе выполнения своих трудовых функций обеспечивает потребности других участников экономического процесса, но лишь вовлекаясь в него, соглашаясь с отчуждением в процессе деятельности части своей человеческой сущности, он обеспечивает возможность удовлетворения собственных человеческих потребностей. Обеспечение потребностей других людей оказывается неотъемлемой предпосылкой обеспечения собственного существования. *Обмен* всегда включает встречное движение ценностей. Лишь отказавшись от обладания одной экономической ценностью, мы приобретаем другую. Одно предполагает другое и не может существовать без него. *Конкуренция* — это всегда столкновение интересов конкретных экономических субъектов, но специфика этого института как формы экономической борьбы состоит в минимизации личной коммуникации и конфликта между ними. Объектом конкуренции выступают товары и услуги, инструментом — ценовые и неценовые методы. Предпосылки конкуренции содержатся в соответствующих условиях внешней среды. Экономические субъекты как микросистемы и конкурентная среда предстают как противоположности и только в своем взаимодействии они способны обеспечить конкуренцию. Это противоречие наиболее наглядно проявляется в *логике конкурентного формирования цены*. С одной стороны, в конкурентной среде она не может быть результатом назначения, инструментом принуждения, со стороны одного из участников рынка, но, с другой — цены всегда рассчитываются, конструируются, назначаются, вводятся извне. Лишь возможность столкновения множества вариантов цен на свободном рынке способна обеспечить условия ценовой конкуренции. Конкуренция предполагает своим непременным условием *свободу* экономических субъектов, но она же эту *свободу и ограничивает*. *Прибыль* экономические субъекты рассматривают в качестве критерия успешности своей деятельности. Но для её получения необходимо затратить определенные средства, *понести убытки*. Да и сам смысл стремления к прибыли состоит в *обретении права потратить, израсходовать, полученные средства*.

Диалектические противоречия буквально окутывают *базовый институт денег*, вокруг которого вращается экономическая система⁴⁰⁶. *Деньги, которые мы сберегаем, но не используем лишь потенциальные деньги*, свою экономическую сущность они проявляют в момент *платежа*. Таким образом, чтобы использовать деньги как деньги мы должны их отдать, лишится денег. Одно неотделимо от другого и в этой целостности *деньги и платежу комплементарны*. Экономические

субъекты стремятся *максимизировать свой денежный доход*, признавая его ценность для себя. Но эта ценность сама является результатом редкости денег. *Без редкости не будет их ценности*. Отношение максимизация денежного состояния/редкость денег представляет еще одну сторону комплементарности противоположностей базовых экономических институтов. *Деньги интегрируют людей в общество, но они и разобщают их*, формализуя отношения между членами общества и примитивизируя социальные связи. *Признание денег* в качестве таковых всегда *индивидуальный акт*, но он основывается на *общественном признании* товара, денежного знака, символа. *Количественной, экономической форме денежных отношений противостоит их качественное, социальное содержание*. *Универсальность, однородность* денег дополняется их *множественностью, распространением параллельных денежных систем*. Особый интерес в контексте темы исследования представляет ***противоположность между универсальностью однородных и специфичностью множественных денег, их объективным и субъективным характером***. Для представителя мейнстрима экономической науки сама постановка вопроса о множественности денег может показаться ересью. Впрочем, достаточно напомнить основополагающие постулаты предельного анализа и все станет на свои места. *Субъективная ценность каждой дополнительной единицы блага падает*. Тем самым признается *допустимость отличия в восприятии ценности денег* отдельными индивидами и одним экономическим субъектом в разные моменты времени. Вовсе не случайно предпосылки теоретического обоснования множественности денег мы находим в работах представителей австрийской школы политической экономии. Субъективная теория происхождения денег, выдвинутая ими, отвергает утверждения о ключевой роли в происхождении денег сознательных общественных соглашений, законодательного принуждения, каких-либо соображений об общественных интересах. «Практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами», — утверждал К. Менгер⁴⁰⁷.

Остановимся на характеристике базовых институтов основных подсистем общества более детально.

4.2.3. Идеологические институты. *Идеологические институты* — элемент СЭМ, который обеспечивает системную интеграцию общества, его солидаризацию и рационализацию путем формирования общественных систем ценностей и норм поведения. Идеологические институты воспроизводят представления о наиболее приемлемой структуре общества, месте в ней отдельных социальных групп и индивидов, принципах отношения между ними. Они обеспечивают

интеграцию членов общества на основе общности ценностей, закрепляемых и развиваемых в общественных отношениях определенного типа. Двумя противоположными типами идеологии в концепции С. Кирдиной предстают *коммунитарная идеология*, доминирующая в X-матрице и *идеология субсидиарности*, противостоящая ей в Y-матрице. Соответствующие базовые институты находят свое воплощение в приоритете **индивидуализма** или **коллективизма** в качестве *детерминанты социального действия*, **стратификации** или **эгалитаризма**, как присущего конкретному обществу *нормативного представления о социальной структуре*, **индивидуальной свободы** или **социального порядка** как доминантного принципа устройства общественной жизни.

Комплементарность этих институтов закладывается в самом совместно-разделенном характере деятельности человека в рамках общества. *Структурная сторона комплементарности* представлена в диалектике отношений индивидуализм/коллективизм, стратификация/эгалитаризм, свобода/порядок. С одной стороны индивидуализм предстает воплощением биологической природы человека, как завершенного организма, ответственного за собственное существование. С другой — социальная его природа предопределяет включенность и соподчиненность сложной системе связей, в рамках которой только и возможно существование человека. Стратификация обеспечивает рационализацию структуры общества путем *дифференциации его членов в соответствии со способностью вносить свой вклад в его существование*. Эгалитаризм — равенство в участии в создании и использовании общественных благ. При этом уравнивательной концепции эгалитаризма противостоит доминирующая в развитых демократических странах концепция, согласно которой вознаграждение, на которое может претендовать индивид, *пропорционально доли ответственности социальных субъектов в решении общих задач*. Подобный взгляд позволяет высветить диалектическое единство *стратификации* и *эгалитаризма*. Первая обеспечивает дифференциацию участия членов общества в воспроизводственном процессе, а вторая возможность пропорционального вознаграждения в соответствии с вкладом индивида в создание благ. Проблема соотношения *свободы* и *порядка* как необходимости высвечивается в высказывании М. Борна⁴⁰⁸. Эту тему ученый продолжает в другой своей работе⁴⁰⁹.

Функциональная сторона комплементарности базовых идеологических институтов выражается в целостности, связности и последовательности функций *детерминации социального действия*, *нормативного представления о социальной структуре* и определения *доминантного принципа устройства общественной жизни*. Общественное признание в качестве приоритета индивидуальных или коллективных начал

социального действия является основой формирования соответствующих нормативных представлений о приемлемой социальной структуре общества. Это в свою очередь находит отражение в доминантном принципе общественного устройства. Таким образом, комплементарность базовых идеологических институтов обеспечивает системное единство идеологической надстройки общества.

4.2.4. Политические институты – элемент СЭС, который обеспечивает мобилизацию ресурсов для осуществления общественных целей с помощью установления правил и форм взаимодействия индивидов, социальных групп, территориальных сообществ и государства. Типология политических институтов по Б.С. и П.Б. Старостиним представлена в **Приложении П**⁴¹⁰.

К базовым политическим институтам относят **федеративное** или **административное государственное устройство**, **назначения** или **выборы**, **многопартийность** или **однопартийность**, **единогласие** или **демократическое большинство**, **иерархию** во главе с Центром или **самоуправление** и **субсидиарность**, **обращение по инстанциям** или **судебные иски**. Как и в случае с идеологическими, базовые политические институты противоположных матриц в своем противоречии составляют диалектическое единство. На уровне Ст.К оно проявляется в том, что федерализация предполагает делегирование части полномочий центру. Процессу выборов всегда предшествует назначение руководством политических партий своих кандидатов. С противоположной стороны назначению на административную должность предшествует отбор кандидатов. Система многопартийности предполагает возможность обретения одной партией в результате победы на выборах всей полноты власти. Принятие решения демократическим большинством предполагает поиск компромисса и консенсуса, устраивающего всех участников и предполагающего единство, единогласие в достижении цели. Иерархия власти своей обратной стороной предполагает делегирование полномочий на места. Оно обеспечивает рост эффективности управленческих решений. Доминирование центральной власти сочетается с дополнительностью субъектов. **ФК базовых политических институтов** проявляется через выделение **институтов ответственных за территориальную организацию** (федерализация/административное деление), **устройство системы управления** (самоуправление и субсидиарность/иерархия во главе с центром), **порядок замещения управленческих позиций** (выборы/назначения), **формирование и реализацию решений** (многопартийность и демократическое большинство/общее собрание и единогласие), **механизмы обратной связи** (судебные иски/обращения по инстанциям). Стабильность политической системы во многом обеспечивается

компенсирующим влиянием комплементарных институтов противоположной ИМ⁴¹¹.

На взаимосвязь и взаимообусловленность политики и экономики обращают внимание уже основоположники экономической науки⁴¹². Вовсе не случайно с легкой руки А. Монкретьена (ок. 1575 – 1621), ничем другим не выделившим себя экономиста начала XVII века, термин «политическая экономия» завоевывает всеобщее признание и распространение⁴¹³. Присуждение в 1986 г. Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенену отражает факт всеобщего признания неотделимости дух сфер общественного воспроизводства⁴¹⁴. Свое дальнейшее продолжение исследование этой взаимосвязи получило в работах М. Олсона⁴¹⁵ и лауреата Нобелевской премии по экономике 2009 г. Э. Остром⁴¹⁶. Вполне закономерно пристальное внимание к проблеме комплементарности институтов, относящихся к сферам политики и экономики, со стороны ученых, работающих в этом направлении.

Б. Амабле описывает институты как политико-экономическое равновесие, отражающее компромисс между конфликтующими социальными акторами. Через установление правил, институты откладывают, но не устраняют социальные конфликты. Соответственно ИК оценивается относительно установления и эволюции социальных компромиссов. При этом ключевое значение приобретает установление социально-политических компромиссов, а не достижение максимальной эффективности, связанное с различными конфигурациями институтов⁴¹⁷.

О. Молина обращает внимание на функциональную сторону политических институтов. Они влияют на уровень рискованности вложения инвестиций в специфические активы. И наоборот, специфические активы позитивно влияют на способность политической системы формировать доверие к политике и сокращать угрозы радикальных изменений⁴¹⁸. Ученый обращается к сопоставлению различных моделей СЭС. РК (система с доминированием владельцев акций) характеризуется как *мажоритарная система*, где власть концентрируется в руках членов правления крупных корпораций и социальные акторы исключены из сферы принятия политических решений. *Вестминстерская система*, где победитель монополизировывает выгоды своего положения, минимизирует вложения инвестиций только в одну партию. СДК рассматривается как *политическая система, базирующаяся на консенсусе*, где и парламент, и высший менеджмент разделяют власть, а социальные группы имеют возможность применять право вето. Имеет место двухуровневая система связи между политической системой и институтами. Институты генерируют последовательные стимулы формирования соответствующей политики. ПК предусматривает стимулы экономи-

ческим субъектам для долгосрочного инвестирования в специфические активы. Однако сильное влияние государства побуждает их к инвестициям в один специфический тип активов – политическую власть через связи с политическими партиями. В результате формируется тесная связь между политическими партиями и группами интересов, в том числе и профсоюзами как орудиями политических партий. Система выборов оказывается подобной пропорциональной или солидаристской.

4.2.5. Правовые институты не выделены в качестве базовых в концепции С. Кирдиной, но продолжение дихотомии субсидиарность/коммунитарность, наличие специфических функций и охват ими всех общественных подсистем позволяют говорить об особых правовых базовых институтах. Идеологические, политические и экономические институты находят свое юридическое закрепление в *правовых системах*. В наиболее широком значении термин **правовая система** обозначает *совокупность правовых норм, регулирующих социальные отношения, правовой культуры и стиля, философии и инфраструктуры права, принятых в обществе. Правовые институты фиксируют формальные нормы социального взаимодействия.* Диалектика отношений между **базовыми правовыми институтами** противоположных ИМ отражает приоритеты социальных ориентаций, доминирующих в национальной культуре. Опоре на *индивидуализм*, характерной для англо-американской правовой семьи, противостоит *корпоративизм*, он характерен для стран, в которых сформировалось романо-германское право. Закон, регулируя индивидуальное поведение, уже сам по себе является *общественным благом*. *Прецедентному* праву противостоит *кодифицированное*. При этом, с одной стороны, кодификация права возможна лишь на основе знания судебной практики. А, с другой – выявление прецедента в качестве основы судебного решения требует систематизации ранее принятых судебных решений. Вердикт, принимаемый судьей, базируется на ранее принятых решениях, обретающих тем самым силу закона. Законодатель же, принимая решение, отталкивается от устоявшейся судебной практики. Признание приоритетности интересов одной из сторон (индивид/общество) как и соотношение деэтизация/этицизм уже само по себе предполагает учет интересов противоположной стороны, наличие элементов вмешательства в частную и деловую жизнь индивидов⁴¹⁹.

Функциональная целостность обеспечивается сочетанием *принципов организации* (по прецеденту/кодификация), *определения субъекта выработки и принятия* (практик/ученый теоретик и законодатель), *отношения между интересами, правами* (индивид/корпорация, общество), *вмешательства в их дела* (деэтизация/этицизм)⁴²⁰.

В наиболее обобщенном виде выделяют правовые *семьи общего (естественного) англо-американского права, романо-германскую (цивильную, континентальную)*, близкие к ней скандинавскую и латиноамериканскую, социалистическую, мусульманскую, индуистскую, обычаяевую, дальневосточную⁴²¹.

Несмотря на многообразие национальных, религиозных правовых систем, абсолютный приоритет и развитие в современном мире получили общее и романо-германское право. Как правило, им следуют страны, историческое развитие которых проходило под существенным влиянием европейских стран, в которых была развита та или иная правовая система. Особую значимость, для определения социальной ориентации национальных социально-экономических систем, приобретает преимущественная социальная ориентация правовой системы, принятой в той или иной стране. Свои основы она черпает в правовой идеологии соответствующей правовой системы.

Правовая идеология общего права призвана поддерживать индивидуалистические истоки общественной жизни. Она основывается на *принципах* «индивидуализма» («общество есть совокупность индивидов»); приоритете прав граждан выше интересов общества; деэтатизации (минимизация вмешательства государства в частную и деловую жизни граждан). *Правовая идеология романо-германского (гражданского) права* основывается на принципах коллективизма (гражданин является частью общества); подчинения прав граждан интересам общества; этатизма (повышенного вмешательства государства в личную и деловую жизни граждан)⁴²².

Некомплементарность правового поля в условиях трансформации экономических систем превращается в источник существенных угроз развития на постсоветском пространстве⁴²³.

Подобная ситуация внешне может показаться весьма парадоксальной, если учесть, что проблемы трансформации правовых систем с момента начала реформ были в центре внимания реформаторов. Более того, принятие новых законов, обеспечивающих функционирование экономики на рыночных началах, на первом этапе реформ представлялось чуть ли не ключевым моментом реформирования экономик. Законодатель с готовностью заимствовал правовые нормы, действовавшие в промышленно развитых странах с англосаксонской или европейской социал-демократической моделями экономики. Он с гордостью отчитывался в принятии «самых лучших, прогрессивных законов».

Однако реальная хозяйственная практика быстро показала, что эти «лучшие» законы в постсоветских экономиках начинали работать вовсе не так, как предвидел законодатель. Хозяйствующий субъект вместо того, чтобы принять новые нормы, действовал по принципу «заборы строят для того, чтобы через них лазили, а законы — для того,

чтобы их нарушали». Параллельно с процессом совершенствования процедур контроля и принуждения к соблюдению закона отработывались механизмы оперативного выявления лакун в законодательстве и их устранения. Наиболее наглядно это проявилось в финансовой сфере. Поправки в законодательство о налогообложении, иностранном инвестировании, нормы бухгалтерского учета вносились в течение нескольких месяцев или даже недель после принятия нового правового акта и выявления в ходе хозяйственной практики просчетов законодателя.

Одновременно осознается значимость места и роли законодателя в инфраструктуре, обеспечивающей успешное функционирование бизнеса. Начинается процесс формирования лоббистских групп в парламентах стран с переходной экономикой. Доступ к законодательной власти превращается в инструмент обеспечения монопольного положения хозяйствующего субъекта в сфере бизнеса. Тем самым усиливается угроза закрепления в странах с переходной экономикой институциональной ловушки, получившей название *стеклянного колпак Ф. Броделя*.

Э. де Сотто описывает действие «стеклянного колпака Ф. Броделя» в развивающихся странах⁴²⁴. Загадку капитала на Западе ученый видит именно в том, что широкие массы получили там реальную возможность пользования услугами правовых институтов. Тем самым они смогли легализировать свою частную собственность, превратить её в капитал, включить в рыночный процесс.

Цели демократизации хозяйственной жизни были на знаменах реформаторов. Однако реальная экономическая практика внесла в процесс реформ огромные изменения. Естественный процесс рыночной монополизации в условиях переходных экономик приобретает свою завершённую форму. Монополизирован доступ к власти. Инструментом обеспечения этого монополизма в условиях псевдо демократии выступает законодательная система. Одновременно доступ к законотворчеству основных бизнес групп позволяет придать демократический антураж завершающему этапу процесса первоначального накопления капитала.

Крупный бизнес не просто выходит из тени. Он сам оказывается заинтересован в собственной легализации. Ему необходима стабильная, предсказуемая среда для обеспечения развития. Он уже накопил достаточно ресурсов и непосредственно участвует в формировании законодательной базы. К тому же, перераспределение социалистической собственности уже практически завершено. Альтернативным ресурсом обеспечения сверхприбылей на современном этапе экономических преобразования становится доступ к законодательной власти.

Девизом текущего этапа процесса первоначального накопления капитала можно было бы взять высказывание, пришедшее к нам с Запада: «Если ты нарушаешь законы, то делай это, используя другие законы». Для части мелкого и среднего бизнеса это означает привлечение к работе компании юристов, способных разобраться в хитросплетениях законов, принятых законодателем за годы реформ. Именно на подобных схемах строится практика рейдерства – процесс перераспределения собственности на основании использования прорех в законодательстве и судебной системе. Овчинка стоит выделки. В правовом поле достаточно лакун. Среди сотен нормотворческих актов немало игнорирующих, дублирующих, противоречащих один другому. Все это создает достаточную почву для «свободы деятельности», злоупотреблений в судебной системе. Одновременно растет спрос на квалифицированных юристов. В результате, уже сегодня в Украине в пересчете на одного жителя выпускников вузов, имеющих диплом юриста, больше, чем в США.

Впрочем, использование в бизнес-целях прорех в законе – это уровень среднего и части мелкого бизнеса. Крупный бизнес сам создает и интерпретирует законы в соответствии с собственными нуждами. Лишь ситуация столкновения интересов крупнейших политических и бизнес кланов выявляет неограниченные возможности толкования законов в свою пользу. Власть имеющие крутят законом как Тузик тряпкой. Трагизм момента состоит в том, что люди, призванные создавать, утверждать и поддерживать авторитет Закона, демонстрируя в пылу политических баталий чудеса правовой софистики, подрывают и без того критическое отношение к Закону рядовых граждан. Неизбежный результат подобного поведения – укрепление правового нигилизма, усиление недоверия как к Закону, так и законодателю.

Крайним случаем проникновения клиентских отношений в законодательную сферу можно считать латиноамериканизацию бизнеса. «**Новый меркантилизм**» – тип экономической политики государства, получивший распространение в странах Латинской Америки во второй половине XX в. Он основывается на бюрократизации системы власти, пренебрежении законами, основанном на массовом недоверии к ним. Фактически новый меркантилизм предполагает, что перераспределение национального богатства более важно, чем его производство. Инструментами перераспределения являются предоставление монопольных привилегий или благоприятного режима узкому кругу элиты, зависимой от государства и от которой, в свою очередь, зависит само государство. Наиболее эффективной формой обогащения является перераспределение общественных фондов. Через лоббирование своих интересов во властных структурах, подкуп государственных

служащих, предприниматели получают налоговые льготы, ограничивают деятельность потенциальных конкурентов, выкупают валюту по льготному курсу⁴²⁵.

Можно ли считать закономерным формирование подобной ситуации в странах с переходной экономикой? Каким образом особенности религиозных установок, ценностных ориентаций представителей культур этих стран влияют на характер отношения к социальным нормам?

Данные, представленные в **Приложении Р**, свидетельствуют, что характер отношения к правилам, с одной стороны, коренится в национальной культуре, с другой — оказывается взаимоувязанным с процессом модернизации общества, формированием развитой экономики. В **Приложении С** приведен анализ взаимосвязи между правовыми институтами и экономическими моделями.

Так ли уж и неутешительна и беспросветна участь незападного большинства человечества? Любопытно отметить, что англичане 5 ноября отмечают день рождения Гая Фокса, повешенного за попытку поджечь парламент. Его, как и таких пиратов, как Френсис Дрейк и Джон Хокинс они чтут за национальных героев. Более того, «Первыми формами капиталистического предприятия, — утверждает В. Зомбарт, — являются эти разбойничьи походы [жителей итальянских приморских городов — В.Л.]»⁴²⁶. «В первые столетия Нового времени все западноевропейские нации также придерживались организованного в виде профессии морского разбоя. — Пишет ученый. — ... Каперство и морской разбой ... непрерывно переходят одно в другое: Privateer становится Pirate, равно как и этот последний, в свою очередь, находит применение на службе государства»⁴²⁷. Мелкое провинциальное дворянство Франции рекрутировало из своих рядов бесстрашных корсаров. Знаменательно, что слово «armateur» во французском языке одновременно означает и владельца корабля и купца — владельца груза и каперского капитана и морского разбойника. Далее В. Зомбарт отмечает: «Нациями морского разбоя par excellence в XVI и XVII столетиях являются, однако, Англия и новоанглийские государства в Америке»⁴²⁸. Морской разбой составлял одну из обычных деловых отраслей средневековых торговых компаний. Дальние путешествия с целью открытий так же, по сути, были разновидностью морского разбоя. Лишь слабо замаскированной формой разбоя была торговля с туземцами. Немецкий социолог и экономист начала XX ст. утверждает, что предпосылкой формирования рыночной экономики является наличие капиталистического духа. Его непременное условие — сочетание мещанского (структурный компонент) и предпринимательского (функциональный компонент) духа. Мещанские добродетели — нормы морали, определенные этические принципы социальной жизни превращаются

в необходимый компонент, обеспечивающий экономическое взаимодействие в обществе. Без этих воззрений и принципов, формирующих хорошего гражданина и отца семейства, солидного и «осмотрительного» делового человека, лишь на основе устремленного к безудержной наживе предпринимательского духа формирование эффективной рыночной экономики невозможно. История формирования рыночной экономики на Западе подтверждает это⁴²⁹.

Анализ представленных в **Приложении Р** данных позволяет сделать вывод об исторической тенденции перехода в процессе модернизации к преобладанию в национальных культурах универсальных истин, более высокой подвижности культурных ценностей, связанных с соблюдением социальных норм, по сравнению с культурными ценностями, исследованными Г. Хофстедом (**Приложение П**). Однако и в этом случае трансформация представляет длительный, постепенный процесс, охватывающий десятилетия жизни национального социума. На его интенсивность влияют особенности национальной культуры и исторического пути развития, характер и степень внешнего воздействия (колонизация, оккупация), продолжительность и степень интенсивности модернизационного процесса, формы и методы сознательного заимствования внешних норм, темпы и уровень индустриализации. Немаловажную роль в трансформации соответствующих норм национальной культуры играет характер реформ, понимание проблемы реформаторами, желание и умение сформировать условия для ускоренных изменений. О реальности успеха свидетельствует динамизм развития стран Иберийского полуострова. Альтернативой может стать формирование институциональной ловушки «стеклянный колпак Ф. Броделя», торможение развития, латиноамериканизация политико-экономической системы.

4.2.6. Базовые экономические институты закрепляют способы взаимодействия хозяйственных субъектов в процессе производственной деятельности. Они являются продолжением и проявлением идеологических, политических и правовых институтов в хозяйственной сфере. Однако значительное распространение современных технологий, информатизация, виртуализация, формирование единого знаниево-технологического универсума, динамизм, глобализация явлений хозяйственной жизни обеспечивают возможность относительной автономизации экономических институтов, их обратного влияния на трансформацию идеологических, политических и правовых институтов.

Среди специалистов не выработано единого мнения о составе базовых институтов СЭС. Так, В. Якубенко выделяет *базисные институты собственности, власти, управления и труда*⁴³⁰. Возражение может вызвать разделение базисных институтов власти и управления. Ведь управление само по себе является формой проявления властных

полномочий. Близким по содержанию к понятию базисный институт является предложенная Р. Буайе конфигурация институциональных (структурных) форм, под которыми понимается кодификация одного или нескольких общественных отношений, производных от характерных черт господствующего способа производства. В рамках капитализма в качестве основных выделяются деньги, отношения найма рабочей силы и конкуренция⁴³¹. О. Бессонова в структуру институционального ядра включает базовые институты обмена (продажа/покупка) или (сдача/раздача), *собственности* (частная/общественно-служебная), *сигнальный институт* (прибыль/жалобы). Помимо этого в него включены *компенсаторный институт* (государственное регулирование и социальное обеспечение/рыночная торговля и частное предпринимательство) и *формационный элемент* (частный труд/служебный труд). *Компенсаторные институты* охватывают всю совокупность базовых институтов и дополняют их действие в случаях, когда те оказываются не в состоянии эффективно выполнять свои функции. *Формационный элемент* обретает значение стержня институционального ядра, придающего базовым институтам определенную форму на конкретном историческом этапе⁴³². Обособление труда, даже с приданием ему значимости доминирующего элемента институционального ядра, выделение особых компенсаторных институтов, фактически выполняющих функции комплементарных, существенно ограничивает спектр действия базовых институтов. С. Кирдина в качестве базовых экономических институтов выделяет *частную или общую собственность, служебный или наемный труд, координацию или конкуренцию, регистривуцию (аккумуляция, согласование, распределение) или обмен (купля/продажа), прибыль или пропорциональность*⁴³³. Подобный подход, по нашему мнению, наиболее полно отражает спектр институциональных взаимодействий в сфере экономики. Однако вне сферы внимания ученого остаются такие аспекты институционального взаимодействия как инструментарий стимулирования и мотивирования активности экономических субъектов и определения эквивалентности движения экономических благ в обществе.

Соответственно перечень базовых экономических институтов противоположных ИМ включает институты, регулирующие *отношения собственности, труда, взаимодействия хозяйствующих субъектов, способы циркуляции, определения эквивалентности и опосредования движения благ, сигналы обратной связи, стимулирование и мотивирование активности экономических субъектов*. Дихотомия оснований социальной ориентации ИМ позволяет выделить базовые институты *общей* или *частной собственности, служебного* или *наемного труда, координации* или *конкуренции, редистрибуции* или

обмена, пропорциональности или прибыли, государственных или частных денег, принуждения или поощрения.

На уровне Ст.К диалектическое единство базовых экономических институтов противоположных матриц проявляется в разделении частного и общественного владения благами. При этом, в отличие от случая отсутствия прав собственности вообще, общественная собственность предполагает, во-первых, наличие у объекта собственности качеств, представляющих потребительский или коммерческий интерес и, во-вторых, обладающих качеством нераздельности либо обеспечивающих эффективность использования лишь в случае общего владения. Примерами таких благ выступают те же институты, такие институты как государство, местные сообщества (МС), некоммерческие сетевые структуры, ассоциации. Лишь в своем комплементарном единстве частные и общественные блага способны обеспечить гармоничное существование общества. Особенности базового института собственности определяют специфику функциональной комплементарности других базовых экономических институтов и задают особенности Ст.К между ними. Так, институт служебного труда предполагает наличие общественной собственности и противостоит наемному труду, основой которого является частная собственность. При этом *служебный и наемный труд* дополняют друг друга в сфере общественного производства. Государство *перераспределяет* не только то, что создано посредством использования общественной собственности, но и изымает в форме налогов для дальнейшей *редистрибуции* часть прибыли (собственности) экономических субъектов. Но наряду с этим оно так же является активным участником *обменных* операций. В то же время, внутрифирменные производственные отношения в коммерческих структурах носят ярко выраженный *редистрибутивный* характер. Определение *прибыли* изначально предполагает наличие неких *пропорций* в распределении результатов общественного производства. С противоположной стороны, *пропорциональность* предполагает признание права всех его участников на свою долю *прибыли*. Это может показаться парадоксальным, но государство берет на себя функции *координации конкурентной борьбы* даже в странах с либеральной СЭС. Координация дополняет конкуренцию и в этой сфере. Определение *прибыли* невозможно без установления *пропорций*, в том числе в сфере перераспределения общественного продукта. Институты по своей природе являются внешними по отношению к индивиду ограничениями его деятельности. Эти ограничения задают рамки, *принуждают* индивидов действовать определенным образом. Одновременно они формируют контексты, *поощряющие* индивидуальный выбор, самоактуализацию, саморазвитие экономических субъектов. Институцио-

нальное принуждение и институциональное поощрение дополняют друг друга. Лишь в своем единстве они обеспечивают возможность сознательной целенаправленной деятельности человека в рамках социальных структур.

Базовый институт денег изначально носит общественный характер. Но, с противоположной стороны, монополия на них со стороны государства подрывается уже самой субъективной природой их восприятия. Достаточно вспомнить одно из ставших классическим их определений: деньги — все то, что экономические субъекты *согласны* принимать в качестве таковых. **Деньги** опосредуют движение благ как в административно управляемой, так и в рыночной экономических системах. *По своей институциональной сущности деньги — формализованные в обобщенном, гесубъективированном, понятном и приемлемом виде обязательства участников экономического процесса, которые обеспечивают возможность обмена хозяйственными благами на эквивалентных началах и тем самым унифицируют критерии социального взаимодействия в обществе.* В них фиксируется социальное признание значимости и востребованности труда субъектов хозяйствования. *Особенность денег как базового экономического института* заключается в том, что *отношения комплементарности*, как проявления диалектического единства противоположных социальных форм существования, в отличие от других базовых институтов, сохраняются в *пределах единого института*. Комплементарность проявляется в эволюции роли государства и частного сектора в эмиссии и контроле над их обращением.

ФК проявляется в единстве и взаимообусловленности отношений собственности, труда, форм организации взаимодействия, стимулирования и мотивирования активности экономических субъектов, способов циркуляции, определения эквивалентности и опосредования движения благ, критериев определения их эффективности. Так, в условиях доминирования рыночных отношений приоритет отдается частной собственности. Это в свою очередь обуславливает развитие наёмных форм трудовой деятельности. Получает распространение конкуренция между разрозненными самостоятельными экономическими субъектами. Доминирующая форма движения благ между которыми — обмен. Подавляющую часть денежной массы составляют ценные бумаги, эмитируемые ими. Условием успешного развития СЭС становится наличие институционального контекста, поощряющего экономическую активность субъектов хозяйствования, критерием эффективности которых является прибыль. В целом, на уровне *ФК* базовые экономические институты обеспечивают слаженность *производства благ* (собственность, труд, домохозяйства, предприятия, государство); их *движения* в обществе (взаимодействие спроса и предложения, обмен,

редистрибуция, деньги, финансы); *управление экономической деятельностью* (обратная связь, принуждение/поощрение).

4.2.7. Комплементарность базовых институтов. Институциональную структуру СЭС можно представить в виде пирамиды, вершиной которой являются ценности, боковые грани — идеологические, политические и правовые, а основание — экономические институты. По утверждению С. Кирдиной «базовые институты представляют собой своеобразную внутреннюю арматуру, устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распасться»⁴³⁴. ИМ в представлении ученого — форма интеграции в основных сферах жизнедеятельности общества. Эта интеграция основывается на принципе *тройной взаимозависимости систем*, сформулированном Ф. Аквинским. Институциональные сферы, представляемые базовыми идеологическими, политическими, правовыми и экономическими институтами *взаимозависимы и предопределяют друг друга*. Содержание каждой из сфер *обуславливается спецификой всей институциональной системы*. *Последняя, в свою очередь, предопределяется характером образующих её базовых институтов*.

Дихотомия ИМ находит свое отражение в **симметричности базовых институтов**. Институтам *рыночной экономики* противостоят институты *редистрибутивной, федеративному* политическому устройству — *унитарное, субсидиарности — коммунитарность* в сфере идеологии. Эта симметричность находит отражение в правовой сфере, где *прецедентному* праву противостоит право *кодифицированное*. Одновременно симметричность означает присутствие и равнозначность в рамках ИМ институтов, относящихся к идеологии, политике, праву и экономике. Здесь закон единства и борьбы противоположностей проявляется в том, что с одной стороны, базовые институты в рамках одной ИМ имеют внутреннее единство, остаются изоморфными относительно общего принципа социальной ориентации ценностной системы. С другой — они сохраняют свою самостоятельность, специфичное содержание и развиваются относительно самостоятельно, исходя из этой специфики.

Еще одним комплементарным качеством базовых институтов является их **взаимозависимость**. Базовые институты различных институциональных сфер отражают сложную систему связей и отношений. В её рамках изменения в одной сфере оказывают влияние на все остальные и испытывают обратную реакцию. Лишь взятые вместе они способны раскрыть природу определенного общества.

Принцип доминантности базовых институтов в концепции С. Кирдиной связывается с ситуацией включения в институциональную сферу **комплементарных (компенсаторных)** институтов

противоположной ИМ. При этом базовые институты доминируют, а комплементарные носят дополнительный, вспомогательный характер, обеспечивают целостность, устойчивость системы в условиях структурных кризисов, связанных с её изменениями. Доминирование базовых институтов создает возможность их стихийного развития, обеспечивающего **инвариантность доминантности**, историческую устойчивость базовых институтов, сохранение природы ИМ, задаваемой «Path dependens», зависимостью пути развития общества.

Пример комплементарной связи базовых институтов и конкретных институциональных форм рассматривает О. Молина⁴³⁵. Сочетание институтов, действующих в определенной сфере экономики, может по-разному, вплоть до абсолютного противоречия, отражать интересы различных групп *экономических субъектов*, вовлеченных в хозяйственный процесс. В результате, например, движение к либерализации рынка труда, с одной стороны, будет иметь в качестве результата рост прибыльности для владельцев предприятий и ухудшение положения наемного персонала. Институциональная система в большей мере будет позитивно комплементарна интересам предпринимателей и некомплементарна интересам наемных работников. Прямо противоположный вариант мы получим в случае, когда усиление регулирования рынка труда будет направлено на защиту интересов наемных работников. Степень комплементарности хозяйственных институтов интересам основных социальных групп в максимальной степени будет отражать характер распределения дохода, прибыли, налоговой нагрузки. Соответственно изменения ИК с точки зрения различных социальных групп могут иметь разную интенсивность и направленность (рост или сокращение силы комплементарного взаимодействия).

4.2.8. Доверие как ценность и специфический базовый институт. Особое место в структуре институциональной системы общества занимает социальная ориентация и **универсальный базовый институт доверия**⁴³⁶. Традицию внимания к проблеме доверия как важного компонента социального взаимодействия закладывают такие мыслители прошлого, как Г. Гроций, Дж. Локк, И. Кант, Э. Дюркгейм. Обращает внимание на значимость доверия в хозяйственной деятельности и А. Смит. Основоположник политической экономии указывает на связь уровня оплаты труда и степени доверия к лицам, которые занимаются тем либо иным видом деятельности. Таковыми представляются работа врача, адвоката, ювелира. Предоставление кредита также зависит от доверия состоянию, честности и благоразумию заемщика⁴³⁷. К исследованию этого явления социальной жизни в конце 70-х гг. обращается Н. Луман⁴³⁸. Интерес к проблеме доверия пробуждается в конце 80-х — начале 90-х гг. с публикацией ряда работ, посвященных прикладным

аспектам влияния доверия на различные стороны экономической деятельности. Среди них коллективное исследование «Доверие, маркетинг и разрушение кооперативного взаимодействия» под редакцией Д. Гамбета⁴³⁹, «Экономика доверия» Дж. Уитни⁴⁴⁰. Проблеме повышения уровня доверия в коммерческих организациях как инструмента обеспечения эффективности их деятельности посвящена работа Р. Шо⁴⁴¹. К исследованию природы доверия обращаются такие обществоведы, как Э. Гиденс⁴⁴², А. Селигмен⁴⁴³, П. Штомпка⁴⁴⁴. Дж. Ходжсон неоднократно указывает на доверие как необходимую предпосылку обеспечения различных сторон функционирования институциональных систем⁴⁴⁵. Особое место занимает доверие в денежной сфере. На этический уровень выносит конфликт доверия и власти Г. Френкель. Поддержание благосостояния населения посредством обеспечения стабильности денег рассматривается как важнейшая предпосылка этического доверия и ограничитель политической власти над деньгами⁴⁴⁶. К проблеме доверия как фактору денежной политики обращаются Р. Макдональд и Р. Милберн. Они рассматривают возможности применения в современной макроэкономической теории для выработки политики, обеспечивающей доверие к денежной системе инструментария игрового моделирования⁴⁴⁷. Представители австрийской школы основу доверия к денежной системе видят в допущении свободной конкуренции в этой сфере. Ф. Хайек продолжает традицию противоборства сторонников частных и государственных денежных систем, заложенную еще в XIX в. Ученый видит решение проблемы доверия в допущении свободного обращения частных денежных знаков⁴⁴⁸. За свободный рынок денег ратует и М. Ротбард⁴⁴⁹. В свете темы исследования особый интерес представляет работа современных французских ученых М. Аглиетты и А. Орлеана «Деньги между насилием и доверием»⁴⁵⁰. Ученые основывают свою концепцию на утверждении о катарлистской или институциональной природе денег, отсутствии у них товарной стоимости. Они утверждают, что в условиях современной экономики именно доверие к денежной системе превращается в ключевой элемент обеспечения её стабильности.

Межличностное доверие в обществе формируется в процессе его эволюции. Оно является продуктом взаимодействия множества факторов, связанных с особенностями организации хозяйственной деятельности, сложившейся национальной культурой, исторической эволюцией, влиянием природной среды. Существенной составляющей обеспечения доверия является уровень комплементарности институциональной системы. Уровень социального доверия в обществе, с одной стороны, во многом предопределяется характером институциональной системы, а с другой — сам влияет на сложившиеся институты, отторгая одни и стимулируя развитие и совершенствование других. В связи

с этим приобретает актуальность изучение влияния взаимодействия, согласованности, комплементарности институтов, формирующих экономическую систему, на степень доверия, доверие к денежной системе, в частности⁴⁵¹.

На примере института денег можно проследить эволюцию доверия в процессе развития форм хозяйствования и изменения комплементарных отношений между институтами, ИК, формирующими соответствующие системы воспроизводства.

Доверие, как и институты, относится к сфере социального взаимодействия. Однако, если институты — это привнесенные извне нормы социального взаимодействия, принимаемые и исполняемые членам общества, то доверие одновременно относится к ценностной сфере и институтам. Как и любая другая ценностная ориентация, оно имеет субъективно психологический характер, объективированный влиянием окружающей среды в процессе социализации личности. Именно эта объективация позволяет ученым говорить об общности качественных характеристик доверия, свойственных определенным социальным группам, национальным культурам. Как ценность оно отражает ожидания индивида в отношении партнеров по взаимодействию, а так же норм и правил, регулирующих их поведение. Типология включает *межиндивидуальное безличное* либо *персонифицированное* и *институциональное* доверие. *Объект нашего изучения — институциональное доверие*, доверие к институтам, в частности, доверие к институту денег. Наша задача — проследить, каким образом ИК влияет на степень доверия к институциональной системе в целом, деньгам — в частности, и на этой основе выявить институциональные механизмы повышения такого доверия в трансформационной экономике.

М. Аглиетта и А. Орлеан рассматривают *доверие как безусловную готовность (и обязанность) принимать деньги*. Они выделяют три соподчиненные *формы* такого доверия — *методическое, иерархическое и этическое*. *Методическое доверие* основывается на традиции, обычном ходе вещей, повторяемости актов обмена, кредитования. Оно — результат регулярности. Однако динамизм хозяйственных отношений, конфликтность, постоянное столкновение интересов участников хозяйственного процесса подрывают эту форму доверия. Появляется потребность в его подкреплении со стороны стабилизирующей силы. Таковой выступает государственная власть. Логика суверенитета порождает *иерархическое доверие*, вменяемое денежными властями и призванное обеспечить совмещение зачастую вступающих в противоречие задач обеспечения интересов общества, и принятие денежной системы населением. Иерархическое доверие включается во взаимодействие с методическим. Важным аспектом этого взаимодействия является право властей изменять правила, в том числе и в сфере

денежного обращения. С обратной стороны, готовность населения их принять и способность власти включить в реальный обиход новые нормы во многом предопределяется ранее сформированным методическим доверием. В связи с этим особое значение приобретает степень легитимности, признания и принятия власти со стороны населения. *Этическое доверие*, основанное на признании благосостояния человеческой личности, в конечном итоге, на уровне человечества в целом, имеет приоритетное значение⁴⁵².

Обобщая рассмотренную концепцию, следует заметить, что в случае с *методическим доверием* его источник находится в самих индивидах, спонтанно формирующих на основе хозяйственной практики свое отношение к денежной системе. Они выступают в качестве субъектов — носителей этого типа доверия. *Иерархическое доверие* проистекает от государства. Его задача — обеспечить формирование соответствующего отношения к денежной системе со стороны субъектов хозяйствования. В данном случае они предстают как объекты воздействия, в конечном итоге принимающие, или отвергающие целенаправленную, либо спонтанную, осознанную либо нет политику властей по обеспечению доверия к денежной системе. На уровне *этического доверия* мы имеем дело с воздействием социальных норм, предопределяющих отношения экономических субъектов к денежной системе.

Альтернативную концепцию доверия к денежной системе можно получить путем сопоставления модели доверия российских ученых А. Журавлевой и А. Купрейченко и матрицы норм Ф. Фукуямы. Российские исследователи предлагают рассматривать доверие как итоговую составляющую влияния двух факторов — *уровня контроля* и *степени неопределенности ситуации*. Результат крайних случаев — формирование пяти вариантов *отношения* субъектов к ситуации: при возможности контроля и низкой неопределенности — *расчетливость*; при возможности контроля и высокой неопределенности — *контроль*; при невозможности контроля и низкой неопределенности — *уверенность*; при невозможности контроля и высокой неопределенности — *вера*; *умеренные показатели неопределенности и ограниченные возможности контроля — доверие*⁴⁵³. В матрице институтов, предложенной Ф. Фукуямой, *оппозиции ситуаций* возможность/невозможность контроля вполне соответствует *оппозиции норм* иерархические — спонтанные, а низкой/высокой неопределенности ситуации — рациональные/иррациональные нормы⁴⁵⁴.

Сопоставление подходов к ценностным отношениям доверия и нормам в единой системе координат (рис. 4.5) позволяет выявить характеристики институциональной среды, соответствующие параметрам, подпадающим под предлагаемые российскими учеными характеристику доверия.

Субъекты хозяйствования формируют свое отношение к институтам так же, как и к любым другим явлениям окружающей реальности. Это могут быть отношения веры, уверенности, доверия, расчетливости либо контроля. Как свидетельствует рис. 4.5, тип норм, отношение к которым подпадает под категорию доверие, предполагает промежуточное положение в параметрах шкал иерархия/спонтанное взаимодействие и рациональность/иррациональность. В наибольшей мере под подобные характеристики у Ф. Фукуямы попадают историческая традиция, обычай (обычное право), формальное право⁴⁵⁵.

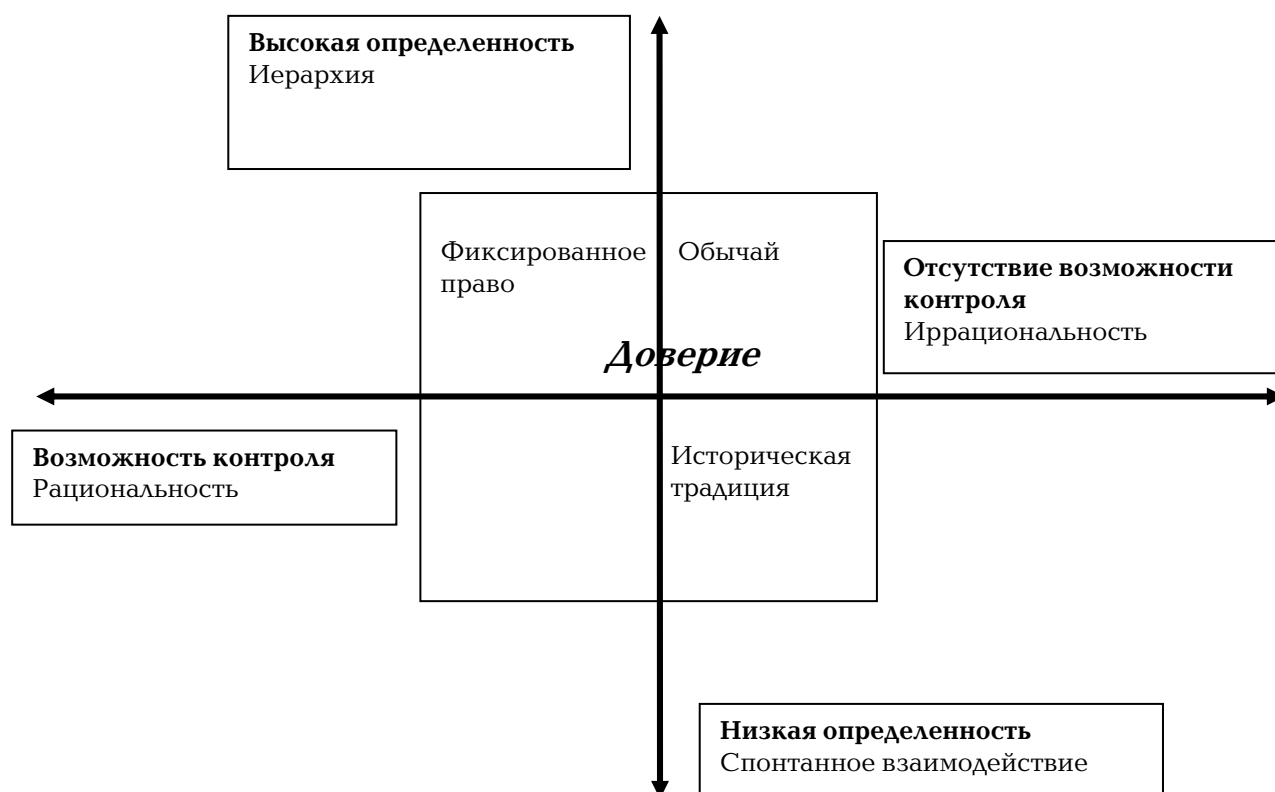

Рис. 4.5. Доверие на шкале норм и отношений

Каким образом указанные особенности связаны с комплементарностью институционального комплекса? ИК отражает ситуацию изменения эффективности институтов в результате их взаимодействия. Поскольку речь идет о денежной системе, занимающей ключевое место в обеспечении экономического взаимодействия, мы должны учитывать системное влияние всего комплекса институциональных норм, ОК. Она предполагает наличие двух типов взаимодействия, обеспечивающих целостность институциональной структуры – Ст.К и ФК. Оба измерения близки к матрице норм, предложенной Ф. Фукуямой. Ст.К отражает степень изоморфизма конкретного института организационному принципу, положенному в основание институциональной системы. В качестве такового для систем хозяйственного воспроизводства следует

признать приоритет индивидуального или коллективного интереса. При этом крайними позициями на шкале будут абсолютное доминирование коллективного (иерархия)/индивидуального (спонтанный порядок) интереса. *ФК* отражает уровень эффективности обеспечения институциональной системой выполнения своих функций – организации воспроизводственного процесса. В данном случае крайними позициями на шкале будут эффективные (рациональные)/неэффективные (нерациональные) институциональные системы (рис. 4.6).

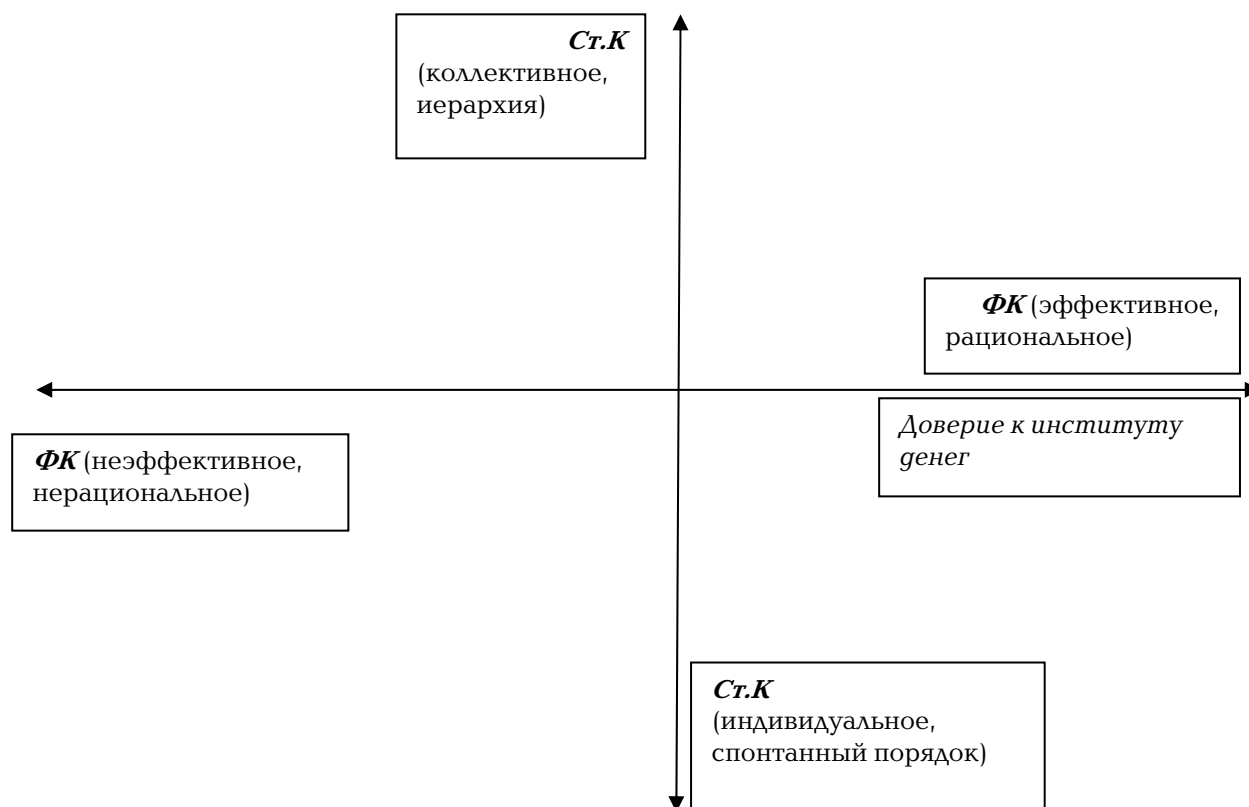

Рис. 4.6. ОК и отношение к деньгам

Доверие к деньгам как институту в рамках Ст.К означает ситуацию, когда институциональные нормы, регулирующие денежные отношения в обществе, во-первых, вполне соответствуют ценностным убеждениям индивидов, не возникает напряженности между требованиями, предъявляемыми институциональной системой и внутренними ценностными установками. Во-вторых, эти нормы сами по себе должны быть внутренне непротиворечивы, комплементарны. Наличие противоречия, институциональное напряжение в системе норм, обеспечивающих функционирование денежной системы, будет подрывать доверие к ней. Подобное явление особенно характерно для переходных экономик с трансформируемыми институциональными системами. Наиболее наглядно оно проявляется на примере такой динамично развивающейся страны, как Китай.

Банковская сфера остается областью, жестко регулируемой со стороны государства. Одновременно активно развивается, либерализуется сфера корпоративного финансирования. Национальный банк контролирует почти четыре пятых всех банковских депозитов, регулирует предложение денег и ставку процента, другие финансовые институты. В результате созданы условия для роста коррупции в среде государственных чиновников, сдерживается конкуренция в сфере коммерческого финансирования. Высокая доля ненадежных займов превращается в одну из важнейших проблем развития современного Китая, подрывающую доверие к денежной системе⁴⁵⁶. Ст.К отражает организационную сторону обеспечения институционального составляющей воспроизводственного процесса. И в случае с денежными системами, основанными на доминировании государства, и в либеральных, многокомпонентных частных денежных системах, доверие по определению предполагает отказ от абсолютизации и веры, и сугубо прагматичного расчета в отношении используемых денег. Оно предполагает усредненность, умеренность между верой и расчетом. Доверие на шкале Ст.К будет занимать серединную позицию.

Доверие к деньгам как институту в рамках ФК связано со степенью вовлеченности хозяйствующего субъекта в общественные воспроизводственные отношения, опосредуемые деньгами и эффективностью выполнения ими своих функций, его включенностью в процесс воспроизводства в качестве части, элемента, принятием на себя определенных обязательств и обретением выгод в качестве участника функционального единства. В этом случае мы имеем дело с содержательной стороной институционального обеспечения процесса воспроизводства. На второй план выходит доминирующий принцип устройства социальной системы. Главное — успешность выполнения своих функций. Именно благодаря этому становится возможным совмещение в современных социально-экономических системах амбивалентных по исходным социальным ориентациям институтов, *рождение смешанных систем*. В денежно-финансовой сфере это может проявляться через совмещение элементов систем банковского (Западная Европа, Япония) и рыночного (США) финансирования корпораций. Продолжая пример Китая, можно отметить, что корпоративное финансирование здесь развивается по схеме, характерной для Японии и Германии. Она предусматривает наличие главного банка-партнера. Однако корпоративное законодательство построено по англо-саксонским стандартам. В результате банки сталкиваются с проблемой невозможности эффективного мониторинга займов. На начальных этапах реформ заимствование противоположных по исходной социальной направленности, иерархически некомплементарных систем финансирования и корпоративного

управления позволило решить текущие задачи, обеспечивало рост функциональной ИК. Однако усиление дисфункциональности системы корпоративного финансирования на современном этапе трансформации обращает внимание на исходную, иерархическую некомплементарность внедряемых институтов⁴⁵⁷. В рамках ФК доверие будет соответствовать ситуации, когда социальные нормы, в нашем случае деньги, будут обеспечивать успех хозяйственной деятельности. На рис. 4.7 это будет соответствовать позиции справа на соответствующей оси. Итоговая, системная ИК, как результирующая совпадения двух типов ИК будет соответствовать позиции на диаграмме справа по центру.

Каким образом изменялась ИК денег в ходе эволюции форм хозяйствования, и как это влияло на обеспечение доверия к ним? Деньги зарождаются в эпоху господства натурального хозяйства. Их появление знаменует выход хозяйственного процесса за пределы рода, племени. Доминирует коллективный интерес и институты призваны его поддержать. Функционально хозяйственная система и соответствующие институты нацелены на самообеспечение. Деньги в этих условиях создают возможность дополнения традиционных форм ведения воспроизводственного процесса, выполняют вспомогательную роль. Они остаются на периферии институционального комплекса. Функционально, с точки зрения замкнутого натурального хозяйства, деньги не были институтом, обеспечивающим его дальнейшую рационализацию. Скорее наоборот. Их возникновение ознаменовало формирование в недрах старой системы нового элемента. В той мере как они обеспечивали обмены за пределами единой хозяйствующей общины они оставались в рамках доминирующего традиционного принципа коллективизма. В то же время, выделение индивидуальной собственности из общинной дает старт процессу превращения денег в мощный инструмент индивидуализации хозяйствующих субъектов.

Иерархические институциональные отношения лишь постепенно вытесняют традицию в качестве доминирующей формы регулирования социального взаимодействия. Со становлением института рабства иерархия в хозяйственном процессе обретает максимальную силу, постепенно уменьшающуюся по мере продвижения от рабовладельческого строя к феодализму и далее к рыночной экономике⁴⁵⁸. С противоположной стороны, по мере выхода хозяйственной деятельности за родоплеменные рамки, углубления специализации и кооперации происходит усиление функциональных связей между участниками воспроизводственного процесса. Доверие к денежной системе поддерживается посредством двух составляющих – авторитета суверена, эмитирующего монету как символ собственной власти (иерархическое доверие) и товарным их характером, наличием у денег реальной стоимостной составляющей (функциональное доверие).

Зарождаясь как комплементарный вспомогательный институт, включенный в существующую институциональную систему, деньги постепенно превращаются в один из ключевых инструментов крушения этой системы. Осуществлялось это самыми разнообразными способами. Деньги могли выступать инструментом морального разложения элиты прежней системы. Злоупотребления в денежной системе порождали жесточайшие финансовые кризисы, как правило, предшествовавшие революциям, завершавшим формационные сдвиги. В любом случае *разрушение доверия к деньгам оборачивалось оппортунистическим поведением*, обретавшим массовый характер и облегчавшим крушение прежней социальной системы. Так было в периоды перехода от товарного хозяйства к структурному, от структурного к системному, от системного к всеобщему. Яркими примерами остаются кризисы денежной системы в период, предшествовавший краху Римской империи, началу эпохи перехода от рабовладельческого к феодальному обществу, так было в период, предшествовавший Великой французской революции, Первой мировой войне. Кризисы доверия к денежным системам потрясли их независимо от того основывались ли они на товарных или на символических деньгах. Аналогичный процесс наблюдается и в современном мире, в период разворачивания постэкономической трансформации. Особенность современного периода, по утверждению В. Юровицкого, связана с формированием объективных предпосылок для осуществления второй «денежной революции» – смены ключевого компонента денежной системы, перехода от бумажных к электронным деньгам⁴⁵⁹.

По мере развития системы общественного воспроизводства, происходит сокращение значимости Ст.К и рост значимости ФК. Институциональное доверие имеет иерархическую и функциональную составляющие. Значимость последней усиливается по мере усложнения процесса общественного воспроизводства. Гетерогенность институциональных комплексов современных, в том числе и успешно функционирующих социально-экономических систем, становится возможной в результате возрастания значения ФК.

4.3. Комплементарность институций, институтов, институциональных форм и функций

4.3.1. Институциональные формы. Базовые институты находят свое конкретное воплощение в *институциональных формах*. Институциональная форма – способ существования институции. Но сводимы ли понятия институт, институция к институциональной форме? Как

соотносятся с этим понятием понятия институциональная функция, базовый институт, институция, институт, конвенция, ценность?

Институциональные формы — это обусловленные конкретными социально-экономическими и технологическими условиями существования общества образцы, способы, правила, нормы поведения, которые регулируют порядок социального взаимодействия в обществе. **Институциональные формы** подвижны, непостоянны, они реагируют на текущие изменения условий экономической деятельности. Это специфические формальные и неформальные способы фиксации, внутренней организации и обеспечения исполнения норм, регламентирующих поведение людей. К первым относятся конституция, законодательные акты, правила, инструкции, в том числе — нормы регламентирующие отношения собственности. Ко вторым — традиции, обычаи, обряды. Они определяют статус, сферу применения, характер, меру ответственности за невыполнение норм. Это внешняя сторона институциональной формы. Вторым аспектом её существования является способ организации, внутренняя структура, круг вовлеченных субъектов, характер и последовательность их действий. *Содержательной стороны институциональные формы* — это обусловленные конкретными материально-технологическими и социально-экономическими условиями окружающей среды образцы, способы, правила, нормы поведения, регулирующие порядок социального взаимодействия в обществе.

Диалектика ИК институциональных форм оказывается связанной с их включенностью, встроенностью в институциональную систему. Институциональная форма не существует сама по себе. Она — элемент структурированной системы социальных отношений. Даже будучи относительно самостоятельной, само условие своего существования она черпает из существования других институциональных форм. При этом опора на один из альтернативных принципов социальной ориентации автоматически предполагает наличие институциональных форм основанных на противоположном принципе. Так, законодательство, обеспечивающее право частной собственности, приоритет индивида, само по себе является коллективным благом, своей предпосылкой имеет коллективную легитимацию индивидуальных интересов. Без таковой оно будет оставаться лишь декларацией о намерениях. С противоположной стороны, формирование государственного бюджета, коллективного блага, в странах с рыночной экономикой возможно лишь на основе успешной деятельности предпринимательских структур, обеспечивающих свой индивидуальный интерес. Отношения комплементарности обретают опосредованный характер. Форма, ориентированная на индивидуальный интерес, своим результатом имеет обеспечение коллективного, и наоборот.

4.3.2. Институциональные функции — задачи, роли, выполняемые отдельными институтами в СЭС; стандартизированные социальные действия, отражающие взаимозависимость участников институционального взаимодействия. Их содержание — социально укорененное действие, способное закрепиться в качестве постоянно воспроизводимой функции экономических субъектов.

Рассмотрим соотношение институциональной формы и функции на примере института собственности⁴⁶⁰. Трансформация отношений собственности представлялась в качестве ключевого момента преобразований экономических систем постсоветских стран. На ускоренную приватизацию и формирование класса эффективных собственников нацеливались рекомендации международных организаций, созданных с целью поддержки экономического развития. На эти же цели была направлена политика правительств большинства реформируемых экономик. Результат — формирование «капиталистического недоразвития, зависимого капитализма» в центрально-европейских странах, глубокий экономический кризис и возврат к усилению роли государства в странах СНГ. Крайними полюсами признаются авторитарная государственно-рыночная экономика, сложившаяся в Белоруссии и «хищнический государственный капитализм», в максимальной степени проявившийся в начале нового тысячелетия в Грузии и Молдове⁴⁶¹.

Иной путь трансформации экономики, и отношений собственности в частности, выбрали постсоветские страны Азии. Сохранение государственного сектора сопровождалось усиленной поддержкой и стимулированием развития частного. Лишь сегодня, в условиях, когда в Китае и Вьетнаме создан мощный негосударственный сектор экономики, проблема трансформирования государственной собственности выходит на первый план. В основе использованного подхода — критическое заимствование западных экономических концепций, их творческое переосмысление и приложение к национальным реалиям. Метафорой происходящего стал лозунг «Осторожно переходить через реку, нащупывая камни на дне»⁴⁶². Последовательно заимствуя и переосмысливая достижения экономической мысли, китайские экономисты в 90-х г. XX ст. сосредотачивают внимание на влиянии социокультурной специфики на организацию хозяйственной деятельности.

Ключевым принципом, позволяющим классифицировать особенности распределения прав собственности в различных СЭС, остается соотношение индивидуального и коллективного интереса. Во всех странах рыночной ориентации в разных пропорциях сохраняется сочетание как частной, так и различных форм коллективной собственности. Но существенно отличается механизм обеспечения владения, использования, наследования, управления, распределения

дохода, защиты, контроля использования прав собственности и т. д. Более того, именно в рыночной экономике собственность превращается в основу обеспечения свободы хозяйственной деятельности, предпосылку эффективного распределения ограниченных по определению, экономических ресурсов⁴⁶³. Мы имеем дело с воплощением в жизнь задекларированного Р. Мертоном постулата универсального функционализма. С одной стороны, одна и та же институциональная форма может выполнять разные функции, а с другой — одна и та же институциональная функция может осуществляться разными институтами.

Абсолютизация интересов индивида, в случае с англо-саксонской СЭС, предполагает выстраивание структуры институтов собственности в максимальной степени обеспечивающих защиту его интересов. На поддержку индивидуалистических социальных ценностных ориентаций, соответствующих идеологических установок нацеливаются политические, правовые институты. На уровне экономических институтов это воплощается как в развитии мелкого индивидуального предпринимательства, так и в формировании крупного корпоративного сектора. В случае с первым ФК обеспечивается сосредоточением функций, выделяемых в качестве пучка прав собственности в руках собственника. Она дополняется высоким уровнем конкуренции, стимулирующим повышение эффективности её использования и обеспечения социальной ответственности бизнеса⁴⁶⁴. Во втором случае происходит разделение функций владения, управления, использования. Ответом становится возникновение новых специфических институциональных форм, прежде всего корпоративного управления и биржевого финансирования. Негативная реакция собственника на изменение курса акций, угроза лишиться щедрых бонусов и места работы, стимулирует менеджмент на постоянный поиск путей роста доходности. Усиленный антимонопольный контроль, активная позиция профсоюзов призваны обуздать чрезмерный эгоизм собственников и их представителей.

Альтернативный вариант отношений собственности закладывается социальной ориентацией ценностной системы на коллективизм. Традиционное и модернизирующееся общество представляется наиболее удачным примером доминирования коммунитаристских ценностей. Однако и в этих условиях лишь учет взаимодействия Ст.К и ФК позволяет адекватно оценить системный характер отношений собственности. Рассмотрим его на примере концепции В. Иноземцева. Ученый предлагает взгляд на эволюцию форм собственности, отличный от марксистского. Исторически первичной признается личная собственность, возникающая в процессе выделения «индивидом самого себя из общинной массы»⁴⁶⁵. Становление собственности рассматривается как дуальный процесс одновременного формирования личной

и её антипода — коллективной собственности. В условиях АСП личная собственность суверена распространяется на все богатства страны и противостоит личной собственности граждан на средства их существования. Античный способ производства предполагает выделение на первое место личной собственности граждан. В качестве её неизбежного спутника возникает коллективная собственность государства на землю и элементы инфраструктуры⁴⁶⁶. Её появление рассматривается как проявление демократизма существующих социальных отношений. Уже в этот период происходит зарождение частной собственности. Она концентрируется в нацеленных на производство товарной продукции рабовладельческих виллах и ремесленных эргастериях. Переход от феодального к капиталистическому обществу связывается с превращением в частную личную собственность землевладельцев и ремесленников с одной стороны и аристократии с другой. Постиндустриальная трансформация отношений собственности основывается на возврате к доминированию личной собственности. В качестве таковой выступают человеческий капитал, средства труда, необходимые для создания информационных продуктов. В результате экономические отношения выносятся за рамки процесса производства. Место наемного работника на рынке занимает свободный экономический субъект, предлагающий не собственную рабочую силу, а продукт своей деятельности⁴⁶⁷.

Ситуация выглядит парадоксально. В обществах, основывающихся на коммунитаристских ценностях (а приоритет подобной социальной ориентации даже в современных высокоразвитых странах Азии не вызывает сомнения) практически всю историю её существования, согласно концепции В. Иноземцева, доминирующее значение имела личная, основанная на индивидуальном интересе, собственность. Насколько корректно объединение в качестве «личной» собственности азиатского правителя и его подданных, феодала и ремесленника? Ведь функционально собственность подданных и собственность ремесленника обеспечивали их личное существование. Собственность феодала изначально доверялась ему в качестве ресурса, обеспечивающего выполнение им определенных обязанностей перед сувереном. Собственность правителя обеспечивала ему ресурсы для управления владением. Индивидуальный интерес и управляющих и управляемых подчинен воспроизводству социальной структуры общества в целом. В связи с этим стоит напомнить, что немаловажным компонентом коммунитарной идеологии является система взаимных обязательств, в которой и лидер, правитель, формулирующий и защищающий интересы общества, и отдельный его рядовой член имеют *взаимные* обязательства. Соблюдение этих обязательств обеими сторонами является непременным условием обеспечения стабильности общества.

Форма собственности комплементарна функциям, которые она выполняет в том или ином обществе.

Европейский корпоративизм рождается как добровольный сознательный отказ индивида от части своих прав, признаваемых приоритетными, в пользу корпорации. Оправдывается он тем, что объединение ресурсов позволяет повысить отдачу от их использования. Социальное согласие партнеров по производственному процессу приобретает ключевую роль. Соответственно собственник вносит свой вклад в деятельность предприятия и претендует на свою долю в результатах его деятельности.

Дальневосточный корпоративизм стал результатом привнесения в деятельность корпораций традиционных семейных отношений, основанных на принципах коммунитаризма. Показательно в этом плане, что доля физических лиц в акционерном капитале японских корпораций сократилась с 1949 г. (реформирование американцами японских довоенных дзайбацу, социализация собственности) по 1986 с 69,1 % до 23,9 %. И наоборот, выросла доля перекрестного владения акциями фирм — участников кейрецу. Даже оставаясь формально независимыми, они ориентируются в своей деятельности на интересы группы в целом, поддерживают высокий уровень социальной защиты персонала и незначительный уровень дифференциации его доходов⁴⁶⁸.

Краткий обзор особенностей построения систем институционального обеспечения прав собственности в СЭС свидетельствует о возможности создания большого количества вариантов институционального устройства СЭС, наличие взаимосвязи между институциональными формами и функциями. Опыт трансформационных институциональных преобразований на постсоветском пространстве подтверждает, что фетишизм институциональных форм, игнорирование или неполный учет функциональной составляющей институциональной системы становится существенным фактором провала реформ. Именно поэтому заимствование, разработка «наилучшего законодательства» (институциональной формы) без учета тех функций, которые оно способно взять на себя в условиях реальной экономики, не гарантирует успеха. С другой стороны, абсолютизация функций также не допустима. Достаточно привести пример с охраной прав собственности. История знает немало случаев, когда государство сознательно шло на ее послабление с целью обеспечения перераспределения собственности в пользу более эффективного собственника, обеспечение приоритетных нужд общества. Это и огораживания в Англии, и национализация стратегических отраслей промышленности в послевоенной Европе, и политика американской оккупационной администрации в Японии, направленная на уничтожение экономической почвы власти воинственно настроенных сил в этой стране. К этому же числу можно отнести законодательные

акты, упрощающие перераспределение ресурсов в пользу общества в критических ситуациях. Ту же цель преследовала и приватизация в большинстве постсоветских стран. Глобальной проблемой современного мира становится поиск оптимального соотношения между защитой прав разработчиков новейших технологий и обеспечением их доступности для широкого круга потребителей даже в беднейших странах мира. Стабильность и предсказуемость прав собственности остается основанием надежного функционирования хозяйственного механизма. Поэтому учет комплементарного взаимодействия институциональных форм и функций, задействованных в их обеспечении, является необходимым условием построения действенных программ развития пост трансформационных стран.

4.3.3. Институции, утверждают О. Иншаков и Д. Фролов, – *социальные формы функций* субъектов, объектов, процессов и результатов экономической деятельности, обеспечивающие эволюцию системы общественного разделения труда на основе статусов, норм, правил, инструкций, регламентов, контрактов, стандартов и порядков⁴⁶⁹. В предложенном определении акцентируется внимание на формальной и функциональной сторонах институций. У Дж. Серла оно проявляется как «статусные функции»⁴⁷⁰. У К. Маркса как «различные общественные функции» или «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»⁴⁷¹. У Т. Веблена как «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»⁴⁷². «Именно функционализм, – отмечают О. Иншаков и Д. Фролов, – следует признать методологической основой изучения экономических институций, тогда как парадигма структурализма наиболее адекватна задачам исследования институтов»⁴⁷³. Суть институции состоит в закреплении образа действия, производным от которого становится образ мышления субъектов. *Институции* – элементарный, простейший строительный кирпичик институциональной системы. Воплощаясь в институциональной форме, они оправдывают свое существование благодаря выполняемой функции. Это уровень взаимосвязи формы и функции. Специфика институциональной формы обуславливается функцией, на неё возлагаемой. Функция, в свою очередь, задается институциональной формой. Институция предстает как *форма социальной функции*, описание, обеспечивающее универсализацию способности её выполнения экономическими субъектами. Наличие функциональной лакуны, пробела – исходный момент создания новой институции. *Целостность отношения форма/функция институции предстает исходным моментом формирования комплементарного структурно-функционального взаимодействия в рамках архитектуры СЭС*. Её ФК предопределяется связностью и последовательностью функций

в рамках института, в который она включена. Ст.К задается на этапе формирования институции подобием, изоморфизмом основополагающему принципу социальной ориентации институциональной системы, в которую включается институция. Примером может быть отличие института собственности в X- и Y-матрицах.

Институции как алгоритмы социального взаимодействия пронизывают все сферы жизни общества. Это обуславливает многообразие форм, в которых они воплощаются и функций, которые они выполняют. Алгоритмы социального взаимодействия отражают содержательную сторону институции, находящую воплощение в институциональной форме. *Соответствие институциональной формы её содержанию обеспечивает успешность функционирования*, несоответствие своим результатом может иметь либо наполнение формы новым содержанием либо её отбрасывание. Так, в случае, когда институты командно-административной экономики обретали в процессе трансформационных преобразований новое содержание, они сохраняли свою жизненную силу. В противоположном случае, они отмирали.

Согласно ставшему классическим определению *института* Д. Норта, под ним в большинстве случаев принято понимать «правила игры» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми и задающие структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия⁴⁷⁴. В. Дементьев выделяет признаки, «с помощью которых представления о тех внешних феноменах действительности, которые объединяются понятием институт, фиксируются в мышлении»⁴⁷⁵. К ним, прежде всего, относятся несводимость поведения, регулируемого институтами, к рациональному рыночному выбору на основе соотношения определяемых ценами издержек и выгод. Институт признается социальной структурой, принадлежащей соответствующему социальному пространству, он отражает взаимодействие между индивидами и структурирует это взаимодействие, устанавливает социальный порядок. Институты — это *действующие правила*, организующие социальное взаимодействие. Примеры альтернативы институциональному механизму — ценовое регулирование или прямое регулирование деятельности посредством конкретных команд.

С противоположной стороны, О. Иншаков и Д. Фролов обращают внимание на некорректность употребления по отношению к нормам социального взаимодействия термина институт⁴⁷⁶. Ученые разграничивают понятия институт и институция. Традиция употребления в отношении социальных норм термина институт зародилась в русскоязычной литературе в результате некорректного его перевода на русский язык в издании работы Т. Веблена «Теория праздного класса». Английский *institution* (обычай, заведенный порядок) был

переведен как институт (institute – порядок, закрепленный в форме закона или учреждения), а не институция. Дифференциация этих понятий помогает высветить отличия между институциями как нормами социального взаимодействия и институтами как организационными его формами. *Институция* является исходным элементом структуры и играет *социально-функциональную роль*. *Институт* имеет *социально-структурную природу*. На игнорирование в КМВК отличий между институтом и институцией обращает внимание Н. Болиари⁴⁷⁷.

Функции институций как общественного блага находят воплощение в конкретных институтах и проявляются в зависимости от роли, которую играют данные институты в социальной жизни. Рассмотрим их на примере базового института денег. Институциональная теория денег позволяет дать объяснение явления множественности денег, как явления, производного от множественности их институциональных функций⁴⁷⁸. *Во-первых*, деньги как институция отражают *устойчивые привычки мышления и стереотипы поведения* членов общества, *опосредуют социальные взаимодействия*, осуществляемые на основе сознательных индивидуальных решений. Уже сам потенциальный динамизм привычки и допущение влияния индивидуального решения открывает путь множественности денежных систем. *Во-вторых*, они одновременно являются *результатом эволюции добровольного и принудительного общественного договора* о принятии носителя денежных функций как общественной институции. Эволюция предполагает отбор, постепенное возникновение и уход из хозяйственной жизни различных вариантов денег. При этом полифункциональность денег, способность принимать самые разнообразные формы, отсекают одни, сохраняют другие и порождают третьи обеспечивает условия для одновременного «выживания» в процессе хозяйственного отбора, пусть даже в частичном, урезанном виде множества форм денег. *В-третьих*, деньги, как институция, выполняют *информационную функцию*. При этом следует учитывать что информация, которую они несут, имеет *не только количественный, но и социальный контекст*, порождающий объективную потребность дополнения количественной стороны объекта оценивания его качественной характеристикой. Таковы чаевые от богатого клиента, деньги на благотворительные нужды от преуспевающей корпорации как средство создания соответствующего имиджа. *В-четвертых*, деньги накладывают *ограничения* на деятельность экономических субъектов, связанные с правом претендовать на определенное количество социальных благ и пути их приобретения. Но эти ограничения так же имеют качественную сторону, проистекающую как от самого индивида, так и от его окружения. Соответственно в сфере их пересечения происходит либо принятие деньгами определенных качественных

характеристик («гробовые деньги», «грязные деньги», «карманные деньги», «деньги на булавки»), либо создание специфических денег (в первобытных обществах — деньги, предназначенные на религиозные цели; для компенсации ущерба, нанесенного третьим лицам; используемые женщинами). *В-пятых*, институции, и деньги в том числе, выполняют *функцию хозяйственного ресурса*, овладение которым, через рационализацию поведения, обеспечивает возможность повышения эффективности деятельности экономических субъектов. В случае с деньгами это проявляется, прежде всего, в оптимизации обменных операций. Еще один аспект применения *институций как ресурсов хозяйствования* связан с возможностью государства и элитных групп общества через эмиссию, установление порядка обращения и контроля за ними навязывать правила игры, обеспечивающие перераспределение власти и экономических благ в свою пользу, получение рентного дохода. Наиболее наглядно это проявляется в условиях финансовой глобализации, когда незначительное число транснациональных экономических субъектов получает возможность установления миропорядка, обеспечивающего глобальное перераспределение экономических благ в свою пользу⁴⁷⁹. Сохраняет свою актуальность высказывание Ф. Броделя, относящееся к международной функции денег в средневековом мире: «Чем более страна была развита экономически, тем более расширяла она гамму своих денежных и кредитных инструментов. ... В международном денежном единстве общества имели каждое свое место: одни — привилегированное, другие тащились в хвосте, а третьи терпели кару. *Деньги — единство мира, но они и мировая несправедливость. ... Деньги стекаются на службу к владеющим технологией их обращения* (выделено мною — В.Л.)»⁴⁸⁰. *В-шестых*, деньги как институция через информирование о ценах и платежеспособности *упрощают деятельность экономических субъектов, делают предсказуемым поведение партнеров*. Те же функции выполняют и специальные деньги, предназначенные для использования лишь в определенных случаях и на конкретные цели. *В-седьмых, структура денежной массы (институциональная структура) неоднородна* и включает в свой состав как формальные (эмитируемые государством и коммерческими структурами деньги и ценные бумаги), так и неформальные (признаваемые членами домохозяйств денежные субституты) агрегаты (*одну и ту же функцию могут выполнять разные институциональные формы*). Эта неоднородность и является основой множественности денег. *В-восьмых*, второй стороной формирования неоднородности денег является *возможность участия в их создании (в создании институтов) экономических субъектов, относящихся к различным уровням экономики*. На международном уровне к таким субъектам относят МВФ (международные права заимствования — SDR), ЕС —

евро, крупнейшие экономики (США — доллар, Япония — иена). На *национальном уровне* — государства. Широкое распространение получают *региональные деньги*, эмитируемые в пределах местных сообществ с целью поощрения и поддержки собственных производителей товаров и услуг, их защиты от негативных последствий глобализации. Сохраняется практика эмиссии денежных субституттов *коммерческими организациями*. При этом неформальные денежные субститутты так же могут варьироваться в зависимости от масштабов распространения от международного (у.е. как расчетная единица на постсоветском пространстве) до уровня *домохозяйств* (различные средства расчета между родственниками, разными поколениями в рамках семьи). *Одна и та же институция (деньги) выполняет разные функции. В-девятых, деньги как базовый институт СЭС включены в систему комплементарного взаимодействия с другими её элементами*⁴⁸¹. Базовые принципы их структурной комплементарности закладываются на уровне социальных ориентаций ценностной системы, функциональной — отражают необходимость целостного охвата всех сторон жизнедеятельности системы. Множественность денег отражает, с одной стороны, процесс эволюции СЭС, когда продолжают одновременно существовать доминирующие, отмирающие и зарождающиеся денежные формы, с другой — пробелы в функционировании доминирующих институтов, которые дополняются комплементарными (в разное время в одной и той же институциональной системе одни и те же функции могут выполнять разные институциональные формы).

4.3.4. Институты — организационные формы социального взаимодействия, обеспечивающие оптимизацию внутренних транзакционных издержек в соответствии с особенностями возлагаемых на них задач. На *явленческом уровне* они проявляют себя как учреждения, организации, призванные выполнять определенный круг задач. На *сущностном уровне* — *устойчивые, как правило, фиксированные во времени и пространстве, организационные формы, структурирующие внутренние нормы отношений сотрудников и нормы взаимодействия с внешними субъектами, призванные обеспечить выполнение сформулированных в уставных документах задач*. О. Иншаков и Д. Фролов обращают внимание на значимость отношений комплементарности институций в рамках института. Организации в их понимании — это *функционирующие комплексы комплементарных институций* осуществляемых их агентами в интегрированной системе правил и норм⁴⁸². Институты — типовые комплексы институций, структурно-функциональные генотипы организаций, отличающиеся моделями функциональной структуры. Они закрепляют видовой статус организации. Институты — это системы объединенных в устойчивую *структуру правил и норм* взаимодействия агентов на основе

эффективного разделения функций в процессе совместной деятельности. Промежуточным звеном между институтом и институцией выступает **орган** — *специализированный, относительно обособленный в рамках внутренней структуры организации комплекс институций, осуществляющий отдельные системные функции*. Выделение органа как самостоятельного элемента анализа институциональной архитектуры связано с тем, что, как правило, выполнение определенной функции требует включения одновременно группы институций, выступающих как единое целое.

Ст.К институций в рамках института обеспечивается их изоморфизмом относительно основополагающего принципа социальной ориентации. ФК связностью и последовательность выполняемых функций как элементов целостной институциональной системы.

Предложенное О. Иншаковым и Д. Фроловым разграничение поднимает вопрос о *корректности термина базовые институты*. Ведь поскольку свое реальное воплощение они находят в институциональных формах — соответственно речь идет об институциях. Но, с другой стороны, базовые институты это глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводимые *системы социальных отношений*, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ, выполняющие функцию регулирования основных подсистем общества — идеологии, политики, права, экономики. Базовый институт — это *организованная совокупность институций и институтов*. Он проявляет себя именно в их взаимосвязи, взаимообусловленности, комплементарности. Соответственно применение термина институт вполне оправдано.

Специфика организации внутреннего взаимодействия в рамках института, наряду с местом в воспроизводственной структуре и выполняемыми функциями, представляются ключевой характеристикой институций в рамках институциональной архитектуры СЭС. Я. Кузьмин и М. Юдкевич, на основе анализа работ лауреатов Нобелевской премии по экономике 2009 г. О. Уильямсона и Э. Остром, выделяют следующие *институты управления транзакциями: фирма* (организация), *отношенческий контракт, рынок, «Общее дело»* (местные сообщества по Э. Остром), *общину* (реципрокные отношения по К. Поланьи)⁴⁸³. Р. Буайе и Р. Холлингсворфм рассматривают институты как *способы координации* и выделяют в качестве ключевых следующие: *государство, рынок, иерархи, местные сообщества (МС) сетевые структуры и ассоциации*⁴⁸⁴. Однако предложенные классификации организационных форм социальной интеграции в соответствии со спецификой организации внутренних транзакций и способами координации не исчерпывает всего их спектра. К представленным формам следует добавить *гомохозяйства, государство, сетевые структуры*. Возражение может вызвать правомерность включения

в число организационных институциональных форм управления транзакционными издержками государства и рынка. Она обуславливается тем, они по своей сути являются своеобразными макро-организациями, имеющими собственную институциональную структуру, призванную объединять экономические субъекты для совместной деятельности, выполняют определенные функции, решают собственные специфические задачи в рамках обеспечения воспроизводства общества. На рис. 4.7 представлена классификация институтов как способов координации деятельности субъектов-участников. Основаниями являются характер распределения власти и мотивация взаимодействия. В **Приложении Т, табл. Т. 1** представлена организационная и функциональная характеристика основных форм управления транзакционными издержками. Она раскрывает содержательные предпосылки внутренней комплементарности институтов (**Приложение Т, табл. Т. 2**).

		Характер распределения власти	
		Горизонтальное	Вертикальное
Мотивация взаимодействия	Собственный интерес	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Рынок</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Отношенческий контакт</div>	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Фирма</div>
	Социальные обязательства	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Домохозяйство</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Местные сообщества</div>	<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Сетевые структуры, ассоциации</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Община</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 5px auto;">Государство</div>

Рис. 4.7. Таксономия институтов

Для общины, домохозяйств и местных сообществ (МС) общими являются закрытость, доминирование равенства как преобладающего типа отношений, наглядность, низкие издержки контроля. Однако существенные отличия в типе однородности акторов, сферах регулирования, функциях обуславливают эволюцию преобладающего типа транзакций от реципрокности (община) через дарение (домохозяйство) к обмену (МС). В целом, в первом случае Ст.К основывается на подобию по групповым ориентациям членов общины. ФК — на целостности, связности и последовательности функций, в своем единстве обеспечивающих действенности принятого способа выживания. Во втором — Ст.К основывается на подобию по формам организации домохозяйств. Институции, формирующие нуклеарную семью, как основу домохозяйства стран Запада, в корне отличаются от

институций, формирующих традиционную семью, как основу домохозяйства стран Востока. Отличие институциональных форм в данном случае ведет к иной конфигурации соответствующих функций институтов. Но их целостность, ФК, будет основываться на связности по ключевой функции воспроизводства домохозяйства. В третьем случае Ст.К основывается на подобии институций, формирующих МС по культуре и региональной специфике.

Взаимоотношения государство/рынок. Диалектика взаимоотношений **государство/рынок** закладывается на уровне единства объекта регулирования (национальной экономики в целом) и экономического содержания института (разделение труда, кооперация, страхование). Однако если государство действует по линии от целого к частям, его формирующим, то рынок — в обратном направлении, от частей к целому. Отсюда противоположность сфер регулирования (воспроизводство общества/движение ресурсов, товаров и услуг), преобладающих типов отношений (иерархия/равенство) и трансакций (редистрибуция/обмен), противостояние устойчивость/неустойчивость к внешним воздействиям. Способности контроля за неприемлемым поведением противостоит его крайняя ограниченность в рамках рынка, высоким потерям при разрыве отношений — низкие. Вполне закономерно, что на уровне Ст.К для институций, формирующих государство, ключевое значение приобретает подобие по социальным ориентациям ценностной системы. Ведь именно они задают социальные приоритеты, закрепляемые в институтах. С противоположной стороны, Ст.К рыночных институций предопределяется спецификой ССП. Её детерминанты помимо ценностных ориентаций включают и природно-ресурсный потенциал, сложившуюся инфраструктуру, зависимость пути развития и многие другие факторы. На уровне ФК в первом случае ключевое значение имеет связность по функциям воспроизводства социума как целого, а во втором — по функциям обеспечения эффективного обмена ресурсами, товарами и услугами в экономике.

Чтобы понять истоки формирования отношений *комплементарности между рынком и государством* обратимся к работам К. Поланьи⁴⁸⁵. Ученый выделяет три формы интеграции общества: «там, где отношения между индивидами предполагают взаимность (mutuality), складывается реципрокная интеграция; там, где существует распределение чего-то между индивидами, возникает перераспределительная (редистрибутивная) интеграция; наконец частые акты товарообмена (barter) между индивидами ведут к обмену как форме интеграции»⁴⁸⁶. Простая сумма индивидуальных поведенческих актов не порождает институциональные образования, обеспечивающие интеграцию общества: «Интегративный эффект, — утверждает К. Поланьи, — обусловлен

наличием определенных институциональных образований — таких, как симметричные организации, центры и рыночные системы соответственно»⁴⁸⁷. Но не всякий обмен обеспечивает формирование рынка. Ученый выделяет три его формы. «Простое перемещение товаров в пространстве из «рук в руки» (операциональный обмен); обмен между их владельцами на основе фиксированных ставок (обмен на основе решения) и обмен на основе торга (интегративный обмен)»⁴⁸⁸. Только обмен на ценообразующих рынках относится к интегративным механизмам. Его условием является ориентация каждого из партнеров на взаимоприемлемую цену. Негативной стороной подобного типа обмена, по утверждению К. Поланьи, является наличие элемента антагонизма⁴⁸⁹. Рынок в традиционном обществе выступает в роли фактора, разрушающего устои общественной жизни. Конфликт получившей значительное распространение в поздней Римской империи подлинно рыночной мотивации производства продуктов для продажи на рабовладельческих виллах и доминирующих редиистрибутивных отношений послужил одной из причин её крушения⁴⁹⁰. Зарождение рыночных отношений в сферах финансов, торговли, производства подтолкнуло крушение феодального государства.

Рынок и государство — противоположные комплементарные стороны единой социальной субстанции. Рынок функционально дополняет государство в сфере формирования оптимальных транзакционных издержек во взаимодействии между хозяйствующими субъектами. Эта организационная форма приобретает приоритетное значение в случаях, когда индивидуализация интереса обеспечивает возрастание общественной отдачи хозяйственной деятельности. С противоположной стороны, необходимость непрерывного воспроизводства социума как единого организма предопределяет потребность учета и соблюдения общественного интереса. Именно на его соблюдение и нацелено государство. Оно призвано обеспечить гармонию между индивидуальным и общественным интересом. «Рынок и государство выполняют свои, специфические и незаменимые функции. При таком подходе вопросы о приоритетности рынка или государства, о «провалах» или «вмешательстве» вообще не возникают»⁴⁹¹. Институциональные механизмы достижения этой цели могут быть разными. Истоки этих различий содержатся в специфике приоритетов социальных ориентаций ценностных систем национальных культур хозяйствования.

Рассмотрим возможности использования предложенного структурно-функционального подхода для исследования закономерностей взаимодействия рынка и государства в современных условиях. *Базовые институты* составляют каркас, долгосрочную основу стабильного существования общества. Они предопределяют

формирование конкретных институций, организационных форм существования, а также характер институциональных функций, ими выполняемых. Поскольку комплементарность предполагает системное взаимное влияние институтов, отношения институтов рынка и государства имеют обоюдный характер. Но дифференциация структурного и функционального аспектов взаимодействия позволяет выявить существенные отличия в возможностях такого влияния. Доминирующее значение в структурном взаимодействии имеют вертикальные связи от ценностей к идеологическим, политическим, правовым и экономическим институтам, часть, ценностные ориентации, определяют особенности целого, структуру компонентов СЭС. Ключевое значение имеют социальные ориентации ценностной системы (индивидуализм/коллективизм). Действуют принципы институционального подобию и изоморфизма, когда характер институций и организационных форм задается доминирующими социальными ориентациями. В структурном, организационном плане институции и организационные формы рыночных институтов оказываются в иерархической зависимости от государственных институтов. Часть, ценности определяют целое — характер институций и организационных форм, приемлемых в рамках конкретной СЭС. Так, в концепции С. Кирдиной идеологические принципы субсидиарности, свободы и стратификации задают характер базовых институтов и соответствующих институций и организационных форм на политическом и экономическом уровнях (см. выше). В этих условиях легализация на уровне экономики институций и организационных форм, соответствующих редистрибутивной экономике будет встречать сопротивление довлеющих над ними политических институтов. С противоположной стороны, в условиях приоритета на уровне идеологии коллективизма, эгалитаризма и порядка базовые политические институты будут обеспечивать доминирование государства в социальной жизни, в том числе и в экономической сфере⁴⁹². Государство, построенное на командно-административных основаниях, не допустит формирования институций и организационных форм, действующих на рыночных началах, будет рассматривать их как угрозу собственному существованию.

Функциональная комплементарность основывается на принципах целостности, связности и последовательности. Целое, полное, исчерпывающее обеспечение функций, необходимых для выживания системы оказывается на первом месте. Каждый из уровней можно представить как сторону четырехгранной пирамиды, вершину которой составляют ценности. Уровни взаимодействия как принимают, так и задают условия комплементарности — ФК обеспечивает механизм

обратной связи в институциональном взаимодействии. В случае, когда традиционных для данного типа институциональной матрицы функций оказывается недостаточно, спонтанно появляются *компенсационные функции*, характерные для матрицы противоположного типа. Носителем подобной функции становятся либо новые, теневые институция и организационная форма, либо она присоединяется к уже существующим. *Изменение институциональных функций ведет к трансформации институций и организационных форм.* Последние годы существования СССР могут дать массу примеров подобного рода. Всеобщий дефицит породил нелегальное движение цеховиков, производивших товары, пользовавшиеся повышенным спросом. И только ослабление идеологического давления обеспечило их легализацию в форме кооперативов, малых, совместных предприятий. Само же это ослабление отражало обратную связь, *горизонтальную комплементарность институциональных функций, относящихся к различным социальным сферам. Именно через формирование новых функций, обеспечивающих более эффективные отношения обмена экономических ресурсов в обществе, рынок воздействует на государство.*

Рост открытости экономик, их динамизм, дифференциация и усложнение функциональных связей оказывают непосредственное влияние на трансформацию характера и содержания деятельности ключевых, изначально амбивалентных фигур государства и рынка — чиновничества и предпринимателей. Несмотря на все отличия, связанные как национальной спецификой, так и с влиянием доминирующего способа производства, повлиявшие на формирование бюрократии и предпринимателя в Западной Европе⁴⁹³, Дальнем Востоке⁴⁹⁴, Индии⁴⁹⁵, стран ислама⁴⁹⁶, России⁴⁹⁷, они сохраняют общие черты. Функционально бюрократия характеризуется специализацией распределения труда, четкой управленческой иерархией, стандартизацией процедур, показателей оценки работы и принципов найма⁴⁹⁸. Структурно она, как и предпринимательство, оказывается привязанной к специфике национальной хозяйственной культуры и доминирующего уклада, формируются «домашние» модели структур управления и предпринимательства⁴⁹⁹. Ключевые функциональные характеристики предпринимательской деятельности по Й. Шумпетеру — стремление к инновации, готовность принять ответственность за хозяйственные риски⁵⁰⁰. В новых условиях бюрократия принимает предпринимательский характер⁵⁰¹. Она обретает черты клиентоориентированной, прозрачной, подконтрольной гражданам системы гражданской службы⁵⁰². Предпринимательство, с противоположной стороны, сталкивается с проблемами совершенствования управленческих структур, повышения

их динамизма, совершенствования координации деятельности⁵⁰³. Происходит сближение бюрократии и предпринимательства.

Сетевые структуры и отношенческий контракт объединяет равенство отношений субъектов, доминирование обменного типа трансакций, нацеленность на минимизацию издержек, координацию деятельности, разделение труда, кооперацию и страхование, симметрия зависимостей. В тоже время отличает их противостояние открытость сетевых структур/закрытость отношенческого контракта, неформальных/формальных способов контроля оппортунистического поведения. Общность интересов как фактора однородности участников в обоих случаях дополняется противопоставлением культуры в первом и права – во втором. Ст.К институтов формирующих сетевые структуры связана с подобием институтов по социокультурным ориентациям и интересам участников. В случае с отношенческим контрактом она подчинена требованию подобия по специфике социальной системы производства. ФК сетевых структур нацелена на связность функций обеспечения потребностей участников. ФК отношенческого контракта – на обеспечение потребностей кооперации.

Объединяют *фирму и государство* преобладание иерархических отношений, редистрибутивных трансакций, высокие издержки разрыва отношений, экономическое содержание, связанное с разделением труда, кооперацией и страхованием, устойчивость к внешним потрясениям. Одновременно в своем функциональном назначении фирма ограничивается производством благ в условиях закрытого круга участников. Все это обеспечивает низкие агентские издержки, возможность применения административного способа разрешения конфликтов. На уровне Ст.К как и в случае с отношенческим контрактом и рынком доминирует *погодие институций* по специфике социальной системы производства. ФК обеспечивается *связностью по функциям* достижения цели существования.

4.3.5. Сетевая ИК. Особый интерес в свете темы исследования представляет сетевая форма организации институтов⁵⁰⁴. В зависимости от уровня формализации и степени распространенности в обществе говорят о формальных и неформальных институциях и организационных рутин. Последние могут быть включены как в иерархические, так и в горизонтальные сетевые институциональные структуры. Их отличие состоит в ограниченности действия рамками конкретной организации. При этом в условиях развития информационных технологий пространственно *организационные рутины* в состоянии объединять участников единой сетевой структуры, действующей в глобальных масштабах. Это явление получило название эффекта

«глобальной деревни» — распространения глобальных виртуальных социальных сообществ, включающих представителей многих стран и континентов, объединенных на основе общих интересов, с использованием глобальных Интернет-сетей.

Сетевые структуры получили широчайшее распространение в современном мире. Они отличаются безграничным разнообразием сфер распространения и форм организации. *Общим и необходимым условием их существования является изоморфизм институционального устройства.* В конечном итоге в основе их Ст.К всегда можно выявить общность ценностного основания, истока, принципа функционирования сетевой структуры, находящего отражение в единстве интересов участников. И это остается верным, даже если эти ценности ушли глубоко в основание и на актуальном уровне проявляются в виде каких-либо конкретных целей, интересов, формальных либо неформальных институций, организационных рутин. Показательными примерами механизма действия институционального изоморфизма могут служить институциональные структуры имперских образований — сетевые кластерные структуры, неформальные бизнес-сети.

Внимание к имперским образованиям возросло в связи с активизацией имперских устремлений США, возрождением имперских амбиций России, связанными с этим многочисленными попытками придать позитивный характер восприятию этого явления. Парадоксально, но построение имперских структур может служить хорошим примером воплощения *институционального изоморфизма* в социальную практику. Ведь, с одной стороны, они имеют ярко выраженный иерархический характер⁵⁰⁵. Но с другой — характер институционального обустройства многочисленных периферийных структур оказывается подобен между собой, изоморфизм институциональных структур обуславливается едиными имперскими принципами. Отсутствие непосредственного функционального взаимодействия, ФК, компенсируется изоморфизмом на структурном уровне. Имперские образования известны с древнейших времен. Существовали они как в рамках Восточной, так и Западной ИМ. Если в первой, формирование имперских структур выглядит вполне оправданным, то каким образом можно объяснить имперские амбиции в рамках институциональных структур, основывающихся на ценностях свободы и индивидуализма?

Принципы построения иерархической структуры имперского образования амбивалентны либеральным принципам англосаксонской СЭМ. Речь идет как о Британской империи, так и об активизации в конце XX века имперских устремлений США. Однако как в первом, так и во втором случае имперская структура оказывается вполне жизнеспособной и эффективной. В случае с Россией мы стали свидетелями провала очередной в истории страны попытки

радикальной модернизации экономики на принципах либерализации. Реакцией стал откат на более умеренные позиции. Объяснение произошедшему и его причинам можно легко найти в рамках предложенной С. Кирдиной теории институциональных матриц (ИМ). Коммунальная материально-технологическая среда доминирующая на территории России, предопределяет господство институтов коммунарной идеологии, унитарного политического устройства, редистрибутивной экономики вполне созвучных духу имперскости в традиционном его понимании.

Каким образом централизация экономических отношений между метрополией и колониями (Ст.) сочетается с либеральными принципами функционирования экономики (Ф.К)? Механизм осуществления имперского характера экономических отношений проявляется на уровне домохозяйств (семейные фирмы), предприятий (корпоративная форма организации бизнеса), государства (государственное предпринимательство, государственное регулирование). При этом ведущую роль в выражении духа имперскости и обеспечении имперских интересов способны брать на себя представители любого из перечисленных институтов.

Трансформация форм хозяйствования в начале нового тысячелетия обеспечивает переход от вертикально — к горизонтально интегрированным сетевым структурам. Растет значение ФК. Опыт таких стран, как США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, Япония, Китай демонстрирует возможности эффективного соединения имперского духа с требованиями, предъявляемыми современной экономикой.

Сетевая логика составляет по М. Кастельсу третью по значимости характеристику информационно-технологической парадигмы современного этапа социально-экономического развития общества⁵⁰⁶. Ученый определяет сеть как специфическую форму предприятия, система средств которого формируется путем пересечения сегментов автономных систем целей⁵⁰⁷. Сетевые структуры оказываются хорошо приспособляемыми к быстро возрастающей сложности взаимодействия экономических субъектов, а также к непредсказуемым моделям развития, характерным для экономики, на этапе перехода к постиндустриальной стадии. Новые информационные технологии создают условия для распространения сетевых структур на широчайший круг организационных форм и бизнес-процессов.

Сетевые формы организации бизнеса создаются в разных культурных контекстах. Новая организационная логика накладывается и проявляет себя в разной культурной и институциональной среде. Организационные изменения нацеливаются на повышение способности справляться с неопределенностью, вызванной ускоряющимися

темпами изменений в экономическом, институциональном и технологическом окружении путем повышения гибкости производства, менеджмента и маркетинга. Сетевые структуры ориентируются в своей деятельности не на выполнение задачи, а на обеспечение процесса, горизонтальную иерархию, командный менеджмент, вознаграждение по результатам труда команды, максимизацию контактов с поставщиками и покупателями, определение результатов исходя из критерия удовлетворенности потребителя, информировании и обучении сотрудников на всех уровнях. Сетевая структура превращается в основу морфологии организационной структуры. Выделяют пять типов сетей: сети поставщиков, сети производителей, потребительские сети, коалиции по стандартам, сети технологической кооперации⁵⁰⁸. Сетевая форма получает все более широкое распространение в социально-политической сфере. А. Бузгалин отмечает характерные черты сетевой организации, как одного из принципов альтерглобализма. Среди них неиерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальная или функциональная кооперация участников, гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций. Существенное значение так же имеют легкость и быстрота создания и распада структур, открытость сети для «входа» и «выхода», общедоступность ресурсов (прежде всего информационных) сети, равноправие участников сети независимо от их роли, масштаба, ресурсов. Ученый выделяет не только некоммерческий, но и антирыночный характер деятельности, вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности, уникальность сетей⁵⁰⁹.

Фактором, объединяющим участников создаваемых подобным образом сетевых форм, выступают социальные ориентации. Способность идеи, проекта, программы вдохновить потенциальных участников сети на достижение поставленных целей — ключевое условие формирования ресурсной базы сознания и функционирования сети, достижения ею поставленных целей.

Широко распространенной формой сетевой организации производственной деятельности является *кластер*. Это *концентрация фирм в определенной сфере предпринимательской деятельности, связанных между собой технологически и, как правило, по признаку географической близости*⁵¹⁰. Кластерная форма организации бизнеса получила распространение как в странах с доминированием идеологии коммунальности, так и странах с доминированием идеологии субсидиарности, странах, прошедших путь имперского развития, в монокультурных и поликультурных странах, странах, входивших в периферию империй. Подобные структуры активно формируются в промышленно развитых, развивающихся странах, странах с переходной экономикой. Они создаются как в странах, принадлежащих

к X-матрице, с приоритетом институтов редистрибутивной экономики, так и в странах, принадлежащих к Y-матрице, с приоритетом институтов рыночной экономики. Эти системы развиваются как в странах, принадлежащих к англо-саксонской, так и в странах, с обобщенной европейской социал-демократической, дальневосточной патриархально-корпоративной, мусульманской авторитарной СЭМ.

Основой ИК кластерных структур становится конгруэнтность фирм-участников относительно ряда параметров, характеризующих их деятельность, и составляющих основу институционального поля. В подобном качестве выступают общность национальной культуры (Ст.К), сферы бизнеса, формы его организации, место в технологической цепочке, географическая близость (ФК). На максимально обобщенном уровне такой основой становится общность ценностных ориентаций (Ст.К). Кластерные структуры в Северной Америке существенно отличаются индивидуалистско-конкурентным характером ценностей их участников от группово-кооперативных или эгалитаристско-коллективистских ценностных ориентаций участников кластерных образований стран Южной Европы или Юго-Восточной Азии. Сложно представить себе кластерное образование, в котором бы одновременно участвовали представители бизнеса всех этих регионов. И причина не столько в географической их удаленности. Скорее особенности ценностных ориентаций обусловят формирование анклавных этнически однородных сетей представителей национально-культурных меньшинств. Подобными примерами изобилует экономика как промышленно развитых, так и развивающихся стран.

Рассмотрим опыт создания кластерных структур в странах, представлявших в свое время имперские образования и принадлежащих к разным социально-экономическим моделям.

Начнем с механизма ИК в формировании кластерных сетевых структур в современной России. Коммунальность как свойство материально-технологической среды России, стимулируя формирование институтов коммунитарной идеологии, унитарного политического устройства и редистрибутивной, распределительной по преимуществу экономики, представляет естественную основу ее имперской сущности (Ст.К). Коммунальность предполагает возможность вовлечения в хозяйственный и социальный процесс материально-технологической среды, преимущественно как единой системы, части которой не могут быть обособлены. Соответственно возникает необходимость обеспечения её совместной эксплуатации, иерархической системы управления. Свое проявление коммунальность хозяйственной среды России находила и находит в особенностях ведения сельского хозяйства, приоритетах развития промышленности, истории становления транспортной системы, энергетической отрасли, централизованного

коммунального теплоснабжения, жилищно-коммунального хозяйства, трубопроводного транспорта и связи⁵¹¹.

Специфика национальной культуры, отсутствие традиций предпринимательства, слабость соответствующей законодательной базы, дефицит доверия между партнерами обуславливают особенности формирования сетевых структур в современной России. Они в основном представлены либо на уровне малого бизнеса, либо на уровне крупных корпоративных структур. Схема сетевой организации малого бизнеса включает такие звенья, как «знакомый», «друг», «родственник», «партнер». Основанием классификации связей выступает критерий формальности. Сеть представляет собой базу и главный инструмент деятельности мелкого предпринимателя, инструмент взаимодействия с властными структурами. Ядро сети – 10 – 15 человек. Расширение приводит к уменьшению ее надежности, порождает феномен «усталости сети». Деловые отношения в рамках сети формируются как частные. Экономическая деятельность строится по типу «многослойного пирога», отношения между партнерами, само восприятие реальности приобретает виртуальный характер⁵¹². Примерами формирования кластерных образований с участием крупных финансово-промышленных групп в современной России являются кластеры черной металлургии и полиметаллических руд Северной России⁵¹³. Особенностью этих кластерных образований является межотраслевое объединение крупных корпораций, остающихся под существенным контролем либо созданных при непосредственном участии государства и клановых олигархических структур.

Рассмотрим факторы, обусловившие формирование кардинально отличной, основанной на институтах субсидиарной идеологии, федеративного политического устройства и рыночной экономики ИМ современных США, торжество в этой стране англо-саксонской либеральной модели. По территории и ландшафту материально-технологическая среда США близка к российской. Однако по климатическим условиям, плодородию почв, источникам внешней угрозы она намного более благоприятна для хозяйственной деятельности человека в рамках локальных структур. Если формирование ИМ России – результат многовековой естественной эволюции, то институциональная структура США сформировалась в процессе относительно недавней внешней экспансии. При этом выразителями идеологических основ зарождавшегося государства были представители протестантизма, индивидуалистического по своей сути течения христианства. Яркое выраженный индивидуализм, стратификация и свобода составили институциональный базис субсидиарной идеологии (Ст.К). В результате *неуимпериализм* во внешней политике США сочетается с либеральной внутриэкономической моделью.

У истоков разработки кластерной модели в США стоял М. Портер. Кластеры приобретают значение главного инструмента регионального и локального развития. Символом high-tech кластеризации является «Силиконовая долина». Усилиями инвесторов из Германии, Японии и Южной Кореи создан «Новый Детройт», автомобильный кластер в штате Алабама. Характерными чертами американских кластеров является наличие во главе кластерных структур крупных общенациональных или транснациональных корпораций, полная независимость от государства и участие в глобальной конкурентной борьбе (ФК). Они нацеливаются на развитие межкластерного партнерства и инновационность. По сути, такая структура характеризуется полуизоморфизмом.

Примером удачного сохранения позитивных сторон имперского объединения является Британское содружество наций. Британская империя одновременно может послужить образцом эволюции сетевой системы организации производства, начавшейся еще во время промышленной революции⁵¹⁴. А. Маршалл посвящает целую главу тому явлению, которое в последние годы XX ст. получило признание в качестве кластерных структур. Он описывает причины локализации и концентрации отдельных ремесел в определенных районах, их выгоды, преимущества, недостатки⁵¹⁵. Следующую главу ученый начинает сопоставлением мелкого и крупного производства в условиях индустриальной экономики. «Мы постепенно подвигаемся, — пишет А. Маршалл, — к формам коллективной деятельности, более высоким, чем старые формы, поскольку они основаны на сильной индивидуальности, обладающей самодисциплиной» (Ст.К)⁵¹⁶. Парадоксально то, что высказывание ученого приобретает особый смысл и актуальность именно в условиях перехода к кластерным моделям организации бизнеса. Кластерные структуры, специализирующиеся на производстве автомобилей, электроники, химикалий, в пищевой и легкой промышленности созданы в Северной Ирландии, Шотландии, Уэльсе, Северо-востоке Англии. Ключевая роль в создании кластеров принадлежит Региональным агентствам развития (RDAs), Советам по предприятиям и обучению (TECs) и Региональным организациям развития (RDOs) (ФК)⁵¹⁷.

В наиболее выразительной форме влияние национальной культуры на сетевую организацию бизнеса проявилось в странах Юго-Восточной Азии. Организация бизнеса на сетевой основе составляет фундаментальную общую тенденцию развития экономических структур в этом регионе. Строительным блоком такой системы выступает не фирма, не индивидуальный предприниматель, а сети или деловые группы, деятельность которых в наибольшей мере стремится отвечать организационным формам сетевого предпринимательства.

Формы организации восточноазиатского предпринимательства получают сравнительное преимущество в глобальной информационной экономике потому, что сетевые модели бизнеса оказываются встроенными в их культуру и институты⁵¹⁸. Какие особенности национальной культуры в наибольшей мере оказывали содействие формированию сетевой логики бизнеса в этих странах? Базисной социальной единицей выступает семья, а не индивид. Соответственно и договорные обязательства и ответственность в хозяйственной сфере воспринимаются как обязательства со стороны семьи, общины, рода, а не как обязательства отдельного индивида. Доверие и репутация воспринимаются как наиболее ценимые качества. Образование воспринимается как ценность, необходимая предпосылка деловой карьеры, личного успеха. Государство берет на себя управление и контроль над социальными процессами в обществе. Интересы государства, общности оказываются надстроены над интересами индивида (Ст.К).

Четыре отличных базовых типа сетей характеризуют японский (*дзайбацу* и *кейрецу*), китайский (*джэзи квиех* и *джитиан квиех*), тайванский (*гуанкси квиех*) и корейский (*чеболы*) бизнес.

Любопытно, что один из разделов главы, посвященной изучению стран, отличающихся высоким уровнем доверия и спонтанной социализированностью (Япония, Германия и США) Ф. Фукуяма озаглавил «Глыба гранита»⁵¹⁹. В этом разделе ученый рассматривает особенности экономической системы Японии. Страна по уровню спонтанной социализированности и способности членов общества создавать и управлять крупномасштабными организациями гораздо больше похожа на США, чем на Китай (Ст.К). Отличия эти демонстрируют чрезвычайное влияние японской культуры на экономическую жизнь. Каковы ключевые из этих отличий?

Прежде всего, следует отметить, что в структуре промышленного производства доминируют крупные промышленные организации. Второе отличие состоит в том, что семейное управление относительно рано было заменено профессиональным управлением. В-третьих, принудительная реорганизация после Второй мировой войны традиционных *дзайбацу* обеспечила распыление собственности в руках значительного количества мелких акционеров. В результате высокая концентрация промышленности сочетается с рассредоточением прав собственности в руках множества финансовых институтов, и лишь небольшая часть относится к семейной собственности. В-четвертых, в Японии государство никогда не играло решающей роли в субсидировании крупной промышленности (ФК).

Деловые группы в Японии организованы вокруг сетей фирм с взаимным участием в собственности. Горизонтальные сети (*дзайбацу*)

в такой системе основываются на межрыночных связях больших фирм, которые представляют разные сектора экономики. Вертикальные сети (кейрецу) концентрируются вокруг большой специализированной индустриальной корпорации, которая охватывает сотни и даже тысячи поставщиков. Ключевым компонентом сети выступает Генеральная торговая компания. Она играет роль общего посредника между потребителями и поставщиками. Вся сеть проявляется на конкурентном рынке как гибкая единица. В идеологии организации бизнеса действует общинная логика. Влияние государства на хозяйственную деятельность осуществляется через основанные на клановой общности деловые группы. Прямой доступ к государственной власти является необходимым условием успешной хозяйственной деятельности сети. Поэтому соблюдение государственных распоряжений превращается в условие успешной деятельности. Со второй половины XIX ст. государство направляло экономическое развитие, опираясь на налоговые и финансовые рычаги, выборочную поддержку стратегических направлений роста экономики (ФК).

Патриархальный корпоративизм, свойственный сетевым бизнес-структурам Японии, существенно отличается от его проявления в Южной Корее и бизнес-структурах китайских сообществ. Особенности эти коренятся в дифференциации функций владения и управления в Японии и сохранении их единства в других странах ЮВА. Еще один важный момент связан с господством традиции майората в наследовании в Японии и равном его разделе в других странах. Соответственно происходит профессионализация менеджмента либо сохраняется семейственность бизнеса, даже на уровне крупных корпораций. Результат — наличие либо отсутствие мотивации карьерного роста, различная дистанция доверия, частый раздел корпорации после смерти основателя.

Особенность корейских сетей (чеболов) состоит в том, что все фирмы в сети контролируются центральной холдинговой корпорацией, которая принадлежит одной семье (ФК). Контроль внутри чебола поддерживается путем назначения на руководящие должности членов семьи. Малый и средний бизнес, в отличие от японских кейрецу, играет второстепенную роль. Чеболы представляют в основном многовекторные, самодовлеющие организации, зависящие извне только от правительства. Рынки формируются государством и развиваются путем конкуренции между чеболами. Внутренние отношения в чеболах — дело скорее дисциплины, чем кооперации и взаимопомощи. Стиль менеджмента чаще всего воссоздает воинские методы управления. В его идеологии преобладает патримониальная, основанная на семейной наследственности логика. Военно-государственное происхождение повлияло на формирование авторитарного характера чеболов (Ст.К)⁵²⁰.

Китайские формы организации бизнеса, как и корейские, основываются на семейных фирмах и кроссекторных деловых сетях, контролируемых одной семьей. Основой соглашений является личное доверие партнеров, которое ценится намного выше юридических и контрактных правил. Менеджмент в такой структуре имеет централизованный, авторитарный характер. В идеологии управления преобладает патрилинейная логика, основанная на родстве по мужской линии (Ст.К). Исторически бизнес был одновременно объектом преследования и заступничества со стороны государства. В результате он оказывался объектом чрезмерного налогообложения, которое препятствовало индустриализации. Фаворитизм относительно избранных деловых групп препятствовал развитию конкуренции. В результате это порождало стремление деловых кругов держаться возможно дальше от государства. Отдаление от государства только подчеркивало роль семьи, локальных и региональных деловых связей (ФК)⁵²¹.

Сетевые структуры получают широчайшее распространение практически во всех сферах человеческой деятельности. Они занимают существенное место в структуре хозяйствования. Понимание механизма ИК функционирования сетевых структур, их взаимосвязи с иерархическими структурами социального взаимодействия позволяет обосновать закономерности формирования специфики институционального устройства стран, относящихся к различным культурам, социально-экономическим моделям, позволяет прогнозировать формирование институтов рыночной экономики в наибольшей степени изоморфных ценностным основаниям и социальным институтам определенной культуры.

4.3.6 Компенсационные институты в переходных экономиках.

Концепция ИК, взгляд на инновацию как явление социальное и комплементарное, позволяет по новому подойти к объяснению роли и места в формировании рыночной экономики инонациональных «торговых», «посреднических», «предпринимательских» меньшинств⁵²².

Интерес к этой проблеме пробудила публикация работ В. Зомбарта⁵²³. Однако ученый концентрирует внимание на исключительной роли еврейского народа в процессе становления капиталистических отношений в Западной Европе. Для него наличие либо отсутствие «капиталистического духа» — явление генетическое. В. Зомбарт утверждает: «Каждому проявлению капиталистического духа должно соответствовать естественное, в крови заложенное предрасположение (выделено мною — В.Л.)»⁵²⁴. Одновременно отмечая в другой работе сокращение роли представителей еврейской нации в хозяйственной жизни современной ему Европы, социолог экономической жизни вступает в противоречие с собственным утверждением. Так, причины происходящего он находит в массовом изменении поведенческих

характеристик субъектов хозяйствования⁵²⁵. Попытка материалистического объяснения происходящего оттесняется на второй план⁵²⁶.

Каким образом взгляд на инновацию как явление социальное, комплементарно входящее в жизнь общества, помогает дать материалистическое объяснение явлению массового расцвета и последующего упадка инациональных предпринимательских меньшинств? Прежде всего, следует отметить, что широкое распространение коммерческой активности представителей инациональных либо религиозных меньшинств связано с длительным историческим периодом зарождения экономических, рыночных отношений в недрах традиционного общества. Любая предпринимательская, коммерческая, экономическая деятельность в традиционном обществе, у истоков которого находилось натуральное хозяйство, была по своей сути инновационной. И этой своей инновационностью она составляла потенциальную угрозу существовавшему консервативному по определению укладу жизни. И в древнем Китае, и в Индии и на Среднем и Ближнем Востоке и в Европе торговца, ростовщика в лучшем случае терпели, мирясь с его присутствием как неизбежным злом. Подобное отношение закреплялось как в религиозном, так и в светском сознании. Осуждение и скрытая зависть к представителям подобных профессий, высокие риски, с ними связанные, представляются ещё одним немаловажным фактором массовой открытости этих социальных ниш для представителей инородных меньшинств.

В случае, когда стимулы «плохой земли», суровых стран, давления, ограничений со стороны соседей, порождающие массовую миграцию, сочетались с определенными характеристиками религиозного учения (например, иудеи, джаяниты в Индии, староверы в России), представители отдельных групп оказывались готовыми занять соответствующие социальные ниши⁵²⁷. Евреи в этом процессе вовсе не были исключительной нацией. Греки, итальянцы, армяне в странах Леванта и Магриба, исмаилиты-ходжа, гоанцы, джаяниты, китайцы в Восточной Африке – вот далеко не полный перечень национальных и религиозных общин, активно участвовавших в коммерческой деятельности в указанных регионах. Яркий пример успеха представителей этнокультурных меньшинств в условиях модернизации экономики развивающихся стран дают представители китайской диаспоры, контролировавшие уже к началу 90-х гг. за пределами Китая предпринимательские структуры, совокупный продукт которых составлял 60 % ВВП Японии. В Сингапуре и Таиланде они выступали собственниками более чем 80 % ведущих компаний, а в Малайзии и Индонезии, где доля китайского населения не превышала одной трети, соответственно 62 и 73 %⁵²⁸. И это несмотря на регулярные экономические репрессии со стороны националистически настроен-

ных правительств Малайзии, Таиланда, Индонезии⁵²⁹. О степени успеха посреднических меньшинств красноречиво свидетельствует высказывание британского чиновника начала XX века об устремлениях верхушки индийской общины на британских территориях в Восточной Африке: «Африка есть Америка для индийцев»⁵³⁰.

Переломный момент в судьбе торговых меньшинств — эпоха модернизации. Она, по утверждению В. Дятлова, является, с одной стороны, временем, наиболее удобным для расцвета их власти и богатства, а с другой — временем начала заката их доминирования в указанных сферах⁵³¹. Формируются объективные исторические предпосылкой утраты инонациональными меньшинствами приоритетного места в коммерческой сфере. Преодоление традиционного уклада, легализация, социальное признание допустимости, значимости инновации создают условия активного разворачивания предпринимательской активности представителями титульных наций, формирования национальной буржуазии. «Посреднические меньшинства» теряют комплементарную функцию, превращаются в конкурентов.

В противовес В. Зомбарту мы использовали материалистический взгляд на комплементарную роль инонациональных посреднических меньшинств как *компенсационного института*, носителя социальной инновации в традиционных обществах на этапе возникновения и формирования экономической формации. Это позволило дать объективную оценку предпосылок возникновения, значимости в жизни соответствующих общества и становления экономической цивилизации в целом, перспектив развития этого явления на современном этапе развития.

В табл. 4.2 представлены обобщенные общесистемные характеристики ИК архитектоники основных СЭС и стран с постпереходной экономикой (ППК), на примере Украины.

В качестве основных выделены англосаксонская (либеральная, протестантская, рыночный капитализм), обобщенная европейская континентальная (социал-демократическая, корпоративная, социал-демократический капитализм), дальневосточная (конфуцианская, патриархально-корпоративная, мезокорпоративный капитализм) и постпереходная (Украина) модели СЭС. В рамках обобщенной европейской выделены социал-демократическая и публичная модели. В последней также разделяются североевропейский вариант государства всеобщего благосостояния и центрально-европейская модель социально ориентированной рыночной экономики. Акцент на структурной компоненте ИК СЭС объясняется тем, что именно она задается общесистемными принципами организации, закладываемых на уровне социальных ориентаций доминирующих ценностей национальных культур хозяйствования.

**Модели экономических систем
и их комплементарные характеристики**

	Рыночный капитализм (РК)	Мезокорпоративная (МК)	Обобщенная социал-демократическая		ППК
			Социал-демократическая (СДК)	Публичная (ПК)	
Основные страны	Англия, США, Канада	Япония, Тайвань	Центральная и Северная Европа	Южная Европа	Украина
Приоритетные ценности (Г. Хофстед, Ш. Шварц)*	И, ВОН, НДВ, КО, АА, М	К, ООН, НДВ, ДО, М, Ие, П	И, умеренное ООН, НДВ, умеренная КО, Э, Г, ИА	Умеренный И, ООН, СДВ, КО, Э, Г, ИА	К(И), ООН, СДВ, Ие, М, ДО/КО
Основные идеологические, политические и правовые институты	Субсидиарность, федерализм, общее право	Коммунитаризм, унитаризм, смешанное право	Корпоративизм, федерализм, гражданское право с элементами общего	Корпоративизм, федерализм/унитаризм, гражданское право	К/И, унитаризм/федерализм, гражданское право
Основные элементы институциональной инфраструктуры	Рынок, крупные корпорации, МС	Крупные корпорации, сети, государство, рынок	Корпорации, ассоциации, государство, рынок, МС	Семейные корпорации, сети, государство, рынок	Государство, рынок, крупные корпорации
Тип Ст.К и основной принцип её формирования	Изоморфизм на основе И	Изоморфизм на основе К, патриархальный корпоративизм, солидаризм	Полиизоморфизм с акцентом на И, корпоративизм как средство объединения И и К	Полиизоморфизм с акцентом на И, семейный корпоративизм	Гетерогенность и амбивалентность И и К

* И/К – индивидуализм/коллективизм, ВОН/ООН – взвешенное/отрицательное отношение к неопределенности, НДВ/СДВ – незначительная/существенная дистанция власти, ДО/КО – кратко-/долгосрочная ориентация во времени (Г. Хофстед); ИА/АА – интеллектуальная/аффективная автономия, Г – гармония, Э – эгалитаризм, М – мастерство, Ие – иерархия, П – принадлежность (Ш. Шварц).

Выводы по главе 4

1. Институты являются продуктом исторического процесса развития совместно-разделенной человеческой деятельности и куль-

туры, включены в неё, способны успешно функционировать лишь комплементарно дополняя другие её части. Чем выше уровень развития общества, его культуры, системы хозяйствования, тем сложнее и разнообразнее система институтов.

2. Отправным моментом формирования институтов являются ценностные ориентации, присущие национальной хозяйственной культуре. Ключевое значение имеют социальные ориентации, нацеливающие индивида на приоритет индивидуального или коллективного интереса, отношение к неопределенности, дистанцию по отношению к власти, социальное доверие. Ценностные основания институциональной системы обеспечивают комплементарность по социальным ориентациям.

3. Через коллективные конвенции, закрепляющие отношение к институтам ценности ретранслируются на уровень институциональной системы. На структурном уровне конвенции обеспечивают комплементарность как соответствие институтов ценностным ориентациям доминирующих в обществе социальных групп. На функциональном – их функциональную включенность в уже существующую институциональную систему в соответствии с воспроизводственными потребностями общества и интересами его элит. Они обеспечивают возможность инкорпорации новых институтов в существующие функциональные взаимосвязи.

4. На уровне базовых институтов комплементарность проявляется в структурной и функциональной дифференциации общества на основные социальные сферы и институциональные блоки внутри этих сфер. Дихотомия, наличие противоположных по знаку социальной ориентации доминирующих и комплементарных, дополняющих действие базовых институтов в условиях неустойчивости институциональных систем отражает целостность СЭС как единого социального организма.

5. На уровне институций обеспечивается комплементарность по социальным задачам, формам и функциям. Институциональные формы – комплементарность по подобию способов фиксации, внутренней организации и обеспечения исполнения норм. Институциональные функции – комплементарность по целостности, связности и последовательности задач, ролей, выполняемых в рамках институциональных образований более высокого уровня; стандартов социальных действий; характеристик взаимозависимости участников институционального взаимодействия. Институты – комплементарность по целостности, связности и подобию институциональных функций, институциональных форм в рамках составляющих их органов и института в целом.

ГЛАВА 5

СТРУКТУРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СЭС

5.1. Институциональные блоки и режимы производства, накопления и развития

5.1.1. Сферы хозяйствования как строительные блоки социальных систем производства (ССП), накопления и развития. Выделение относительно самостоятельных институциональных блоков моделей экономических систем — характерная черта сравнительных исследований, использующих комплементарный анализ. Оно отражает процесс дифференциации и усложнения институциональной архитектуры СЭС. Существенно варьируется их число, конфигурация. В литературе не выработаны общепризнанные критерии для деления экономики на фиксированный ряд институциональных блоков. Точками отсчета признается наличие определенной логики в пределах каждого из них, институциональных механизмах, считающихся наиболее важными, которые необходимо включать при конструировании типологии СЭС. Разнообразие и сложность определения типологии институциональных блоков отражает тот факт, что она обобщает, синтезирует, с одной стороны, ранее рассмотренные нами элементы институциональной архитектуры, а с другой, сама является компонентом ССП, РН, СР, СЭС, мирового хозяйства.

Р. Буайе в рамках ТР выделяет отношения найма, формы ограничений по деньгам, конкуренции, способы присоединения к международному режиму, формы государства⁵³². Б. Амабле, предложивший в рамках той же парадигмы концепцию социальных систем инноваций и производства, дополнительно акцентирует внимание на значимости систем образования и конкурентных отношений в тандеме наука/производство⁵³³. П. Холл и Д. Соскис, заложившие основы КМВК выделяют пять

ключевых сфер, «в которых фирмы должны развивать отношения для решения проблем координации, центральных в их сферах деятельности»⁵³⁴. К ним относят ПО, ОПП, КУ и ФС, объединяемые в единую сферу, межфирменные отношения и внутрифирменная координация, связанная с эффективным использованием уникальных производственных навыков работников⁵³⁵. Существенно расширяют этот перечень Г. Джексон и Р. Диг. Ученые выделяют девять специфических сфер хозяйственной деятельности. В том числе ФС, КУ, межфирменное взаимодействие, ПО, ОПП, МП, ГВБ и НСИ (табл. 5.1)⁵³⁶.

Таблица 5.1

Основные институциональные сферы по Г. Джексону и Р. Дигу⁵³⁷

Институциональная сфера	Репрезентативная типология	Основные примеры эффекта динамики производительности
Финансовая система	Основана на банках/рынках	Паттерны инвестирования, корпоративного управления
Корпоративное управление	Инсайдер/аутсайдер или акционеры/владельцы части капитала (облигаций)	Стратегии фирм, распределение дохода, профессиональные квалификации, инвестирование, инновации
Межфирменное взаимодействие	Отношения на расстоянии вытянутой руки/доверительные отношения	Кооперация и конкуренция, корпоративное управление, инновации
Производственные отношения	Конфликтные/плюралистские/корпоративные	Внутренняя или внешняя подвижность рынка труда, уровень оплат, безработица
Формирование производственных квалификаций	Государство/ассоциации/рынок/фирмы	Распределение дохода, организация труда, инновации, индустриальные отношения, стратегии фирм
Организация труда	Фордизм/гибкая специализация/диверсификация качественного производства	Бизнес-стратегии, производственные отношения
Государство всеобщего благосостояния	Либеральное/консервативное/социал-демократическое	Отношения на рынках труда, паттерны сбережений и инвестирования, организация профсоюзов
Инновации	Радикальные/инкрементальные	Организация труда, бизнес-стратегии, занятость

Что объединяет выделяемые в рамках ТР либо КМВК институциональные блоки, сферы хозяйствования? Все они являются частью, элементом СЭС, включены в неё и подчиняются задаваемым ею требованиям. Структурная компонента комплементарных отношений (Ст.К) в рамках каждой из сфер соответствует условиям, задаваемым на уровне системы в целом. Исходные принципы их структурирования – либо *субсидиарность (индивидуализм)*, либо *коммуитаризм (коллективизм)*. В свою очередь последний, после краха социалистической системы, в качестве реально действующего принципа структурирования институциональных систем доминирует лишь на Кубе и в Северной Корее. Официально он декларируется в качестве такового в Китае и Вьетнаме. Но реально действующий в этих странах принцип структурирования институтов более соответствует *патриархальному корпоративизму*, принятому и других странах этого региона. *Корпоративизм* в качестве доминирующего принципа Ст.К институциональных систем характерен так же и для стран континентальной Европы. Однако истоки его формирования и содержание в этом регионе существенно отличаются. Эти отличия находят свое отражение и в специфике моделей капитализма, формирующихся в континентальной Европе и Восточной Азии. Рассмотрим истоки этих различий.

Корпоративизм рассматривается как один из механизмов посредничества и взаимодействия между членами организаций (корпораций) и представления их интересов во внешних структурах; особый тип участия больших организованных групп в выработке экономической политики на основе межгрупповой кооперации; исторический вид социальной организации общества, характеризующийся иерархической организацией власти в которой огосударственные корпорации, объединяющие рабочих и предпринимателей по отраслевому признаку, осуществляют контроль над институтами гражданского общества⁵³⁸. Эти отличия закладываются уже во множественности представлений о том, что такое корпорация. Она предстает как: 1) добровольное объединение граждан, стремящихся к улучшению своего положения через взаимопомощь и взаимоподдержку; 2) социальная группа, объединенная на основе профессиональных, коммерческих, сословных интересов; 3) акционерная форма организации бизнеса; 4) принудительное объединение групп населения по профессиональному признаку под контролем государственных органов. Первое определение характеризует представления о корпорациях и корпоративизме, доминирующих в *северо-и центрально-европейских странах*. Второе, пожалуй, в наибольшей мере соответствует представлениям, сложившимся в *странах Восточной Азии*. Третье служит основой формирования соответствующей

щего отношения к ним в *англосаксонском мире*. Четвертое связано с цеховой формой организации ремесла в средневековой Европе, попытками *тоталитарного государства* структурировать социум по профессиональному признаку (Италия Муссолини, Испания Франко, сталинский режим).

Как *форма социального партнерства в его традиционном прозападном понимании* корпоративизм основывается на добровольном отказе свободными и независимыми индивидами от части своих прав и ресурсов в пользу корпорации, в расчете на увеличение в результате этого как индивидуальной, так и общей полезности. Корпоративизм в этом случае предполагает принятие индивидом, руководствующимся *идеологией субсидиарности*, добровольных обязательств перед коллективом и подчинение контролю с его стороны. В основе создания корпорации подобного типа — сознательное решение изначально независимого субъекта, его *добровольный отказ от части собственных прав (ресурсов)*. При этом индивид сохраняет право выбора на основе собственного интереса. В рамках *англо-саксонской модели* создание корпораций представляется инструментом повышения эффективности использования ресурсов индивида. *Прибыль, доход на капитал*, в неё вложенный, представляются единственной целью и критерием эффективности деятельности корпорации. *Континентальная модель* предполагает *акцент на социальную роль корпорации*. Она проявляется в производстве товаров и услуг, востребованных социумом, обеспечении доходом работающих и владельцев. Социальные цели приобретают первостепенное значение. Прибыль же признается критерием эффективности деятельности корпорации. Отмеченные различия оказывают непосредственное влияние на формирование структур ПО, КУ, ФС, ОПП, МП, НСИ.

Истоки *патриархального корпоративизма* прямо противоположны. Доминирует *идеология коммунитаризма*, её можно ещё назвать ***солидаристской версией корпоративизма***. Отличие — в приоритете коллективистского начала⁵³⁹. Человек — часть семьи, интересы которой представляются первичными по отношению к его собственным интересам. Эти отношения переносятся в корпоративную сферу. Корпорация рассматривается как большая семья, все члены которой обязаны заботиться об общем благе. В свою очередь они имеют право на часть продукта, ею производимого. Свой выбор, решение о вхождении в коллектив, принятии на себя обязательств перед ним человек делает самостоятельно. Но за корпоративными отношениями, формирующимися в результате такого решения, стоят морально-этические, социальные обязательства. Рациональный расчет и поиск сиюминутной, утилитарной индивидуальной выгоды, доминирующий в случае с англосаксонской системой, теряет свое первостепенное

значение. *Социальное партнерство* в данном случае основывается на *приоритете интересов корпорации*, целого, над интересами участников, частей. Подобные отношения становятся основой формирования неформальных сетей в рамках кооперативных производственных отношений.

Специфика внутренней организации корпоративных структур оказывается комплементарна (производна) от доминирующих социальных ориентаций национальной хозяйственной культуры. И по целям и по формам организации корпорации (АО), создаваемые в РК, МК, СДК и ПК существенно отличаются между собой. Эти отличия в свою очередь через Ст.К и ФК будут влиять на специфику ФС, ПО, ОПП, НСИ в странах, принадлежащих к разным СЭМ. Характерной чертой посттрансформационных экономик является некомплементарное совмещение сложившихся ранее и некритически заимствуемых в развитых странах организационных форм. Результатом становится конфликт Ст.К и ФК. Новые формы ориентируются на функциональную эффективность, но не всегда оказываются способны комплементарно вписаться в сложившуюся структуру. Традиционные формы, с противоположной стороны, далеко не всегда функционально комплементарны рынку.

5.1.2. Финансовые системы. ФС опосредует движение сбережений домохозяйств в сферу производства. Она выполняет функции накопления, концентрации, распределения, движения и контроля эффективности использования финансовых ресурсов⁵⁴⁰. Приоритет индивидуального либо в разной степени и формах выраженного коллективного интереса предопределяет особенности СтК. Можно выделить два основных канала распределения финансовых потоков. В *первом случае* Ст.К основывается посреднической активности прежде всего *банков*. В конечном итоге в истоках идеологического принципа формирования Ст.К ФС мы находим *принцип корпоративизма*, предполагающий приоритет интересов целого, над интересами частей, отдельных субъектов, принимающих участие в финансировании. Соответственно ФК обеспечивает функции хранения, накопления и инвестирования при минимизации рисков ликвидности, оценке и контроле инвестиционных рисков, ключевую роль в их осуществлении принимает на себя банковская система. *Второй канал* предполагает Ст.К ФС, в качестве центрального элемента которого выступают *финансовые биржи*, обеспечивающие через рынки ценных бумаг прямую передачу ресурсов от экономических агентов, ими располагающих, пользователям. Владелец акций ориентируется в своей инвестиционной активности на собственный, индивидуальный интерес. Таким образом, доминирующее значение приобретает *принцип субсидиарности*. ФК ФС строится на основе обеспечения функций

мониторинга эффективности использования инвестиций предприятиями и возможности оперативного реагирования инвесторов. На уровне СЭС первый случай находит свое комплементарное продолжение в *координируемых формах капитализма (МК, ПК, СЕК, ЦЕК)*. Ориентированные на рынок ценных бумаг системы комплементарны рыночному капитализму.

Учет влияния государства позволяет детализировать дифференциацию СЭС и выделить три вида ФС, *тройную дихотомию*. В первом случае (системы рынков капитала США и Великобритании, РК) мы имеем дело с равноправием ролей финансовых институтов, промышленности и государства. Государство выступает как в роли одного из участников рынка капитала, так и внешнего арбитра, в функции которого входит обеспечение соблюдения признаваемого первичным индивидуального интереса инвестора. *Во втором* – договорную систему кредитования, с доминированием относительно автономных банков и определенной государственной поддержкой (Германия, Швеция, СДК). Государство акцентирует внимание на социальных последствиях финансовой активности и нацеливается в своей деятельности на формирование условий социального мира и стабильности в обществе. *В третьем* – ФС, основанные на кредитовании и использующие государственную собственность или контроль над инвестициями (Франция, Япония). Подобная система действует в странах, относящихся к «стейтистской» и «мезокорпоративной» моделям капитализма (ПК, МК). Объединяет эти страны высокий уровень семейственности крупного и мелкого бизнеса, как реакции на недостаток социального доверия (за исключением Японии) в соответствующих обществах. В первом случае, южно-европейские страны, государство берет на себя функции обеспечения социальной интеграции, в условиях недостаточной развитости институтов гражданского общества, в том числе и с использованием финансовых инструментов. Во втором случае, страны восточной Азии, государство выступает в роли посредника между организованными на патриархальных принципах крупными корпоративными структурами, предстает в роли «главы семьи», но уже на общенациональном уровне.

Включение в комплементарный анализ институций позволяет детализировать анализ ИК ФС. Прежде всего, чем определяется характер спроса и предложения различных видов финансовых активов? В рамках корпоративного сектора мелкий бизнес предпочитает кредит, в то время как большие фиксированные затраты эмиссии акций ограничивают спрос на акционерный капитал лишь крупными фирмами. Домохозяйства с высоким уровнем дохода более склонны к рыночной системе, поскольку она обеспечивает большую оперативность, инвестиционную эффективность и способность

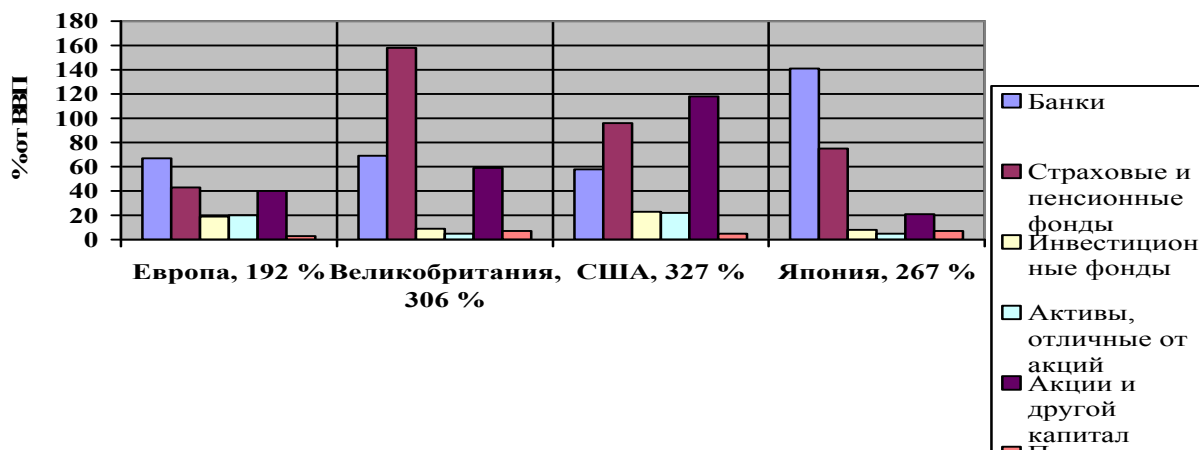
поглощать краткосрочные риски. Учет влияния Ст.К позволяет объяснить причины большего равенства доходов граждан в странах, где развиты системы, основанные на банках. В свою очередь, имеющие высокий уровень сбережений группы со средним уровнем дохода предпочитают банковские депозиты инвестированию в ЦБ. Спрос государства на финансовые активы, прежде всего гарантийные обязательства, как форму инвестиций с минимальным риском, вступает в конкуренцию с банковскими депозитами. Наконец, *методы пенсионного страхования* формируют запрос на *глительные инвестиции в акционерный капитал*. Одновременно этот аспект ИК демонстрирует взаимосвязь финансовой и других сфер хозяйствования.

В работе представителей концепции многообразия моделей капитализма Ф. Алена, М. Шуи и А. Мадалони исследуются особенности ФС Европейских стран, США, Японии и других стран Азии – центров мировой финансовой системы⁵⁴¹. На рис. 5.1, 5.2 представлены данные о распределении портфеля ЦБ среди домохозяйств, нефинансовых организаций и монетарных финансовых институтов (банки, накопительные фонды, другие кредитные институты) в странах, представляющих основные СЭМ⁵⁴². Они подтверждают представленную нами комплементарную взаимосвязь между доминирующими социальными ориентациями ценностной системы, приоритетными финансовыми институтами и формами финансирования. Диаграммы демонстрируют существенное их отличие между странами, принадлежащими к различным СЭМ.

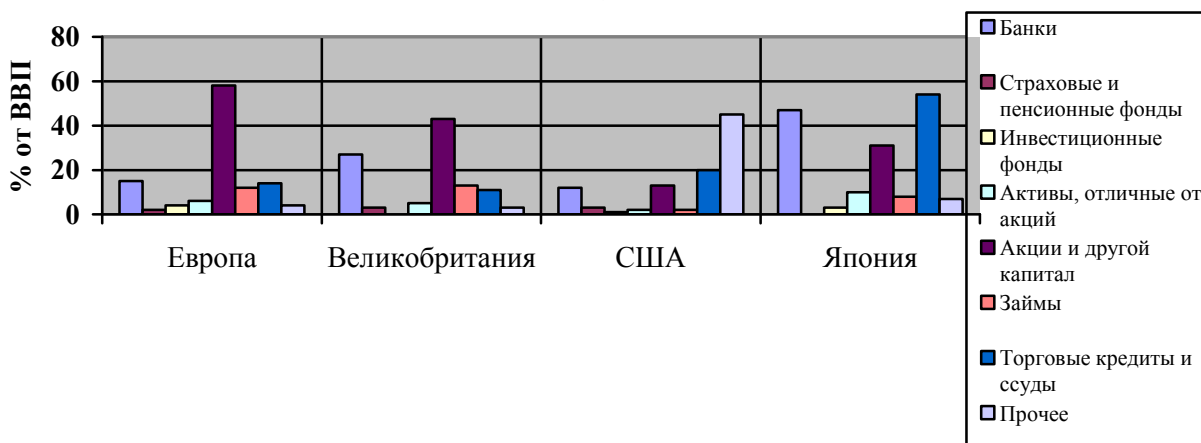
Особый интерес в этом плане представляет Великобритания, совмещающая черты, присущие как европейской континентальной, так и англосаксонской СЭМ.

Вместе с тем следует отметить недостатки акцента на дихотомии банки *versus* рынки. Во-первых, почти все ФС используют оба канала финансирования. Во-вторых, в условиях динамичного развития финансовой сферы сложно определить точку отсчета, указывающую направление движения ФС от одного вида к другому. В-третьих, сравнение агрегированных финансовых потоков производственных инвестиций демонстрирует существенное значение внутренних ресурсов компаний как в ФС, основанных на банках, так и в системах, основанных на рынке. В-четвертых, акционерный капитал играет ограниченную роль в финансировании фирм даже в странах, ориентированных на рынок, а выявление влияния банковского финансирования усложнено в любой стране, за исключением Японии. В-пятых, пропорции активов банков и фондовых рынков имеют обратную зависимость и инвестиции в странах с ФС, основанными на рынках, зависят от уровня банковских активов, в то время как

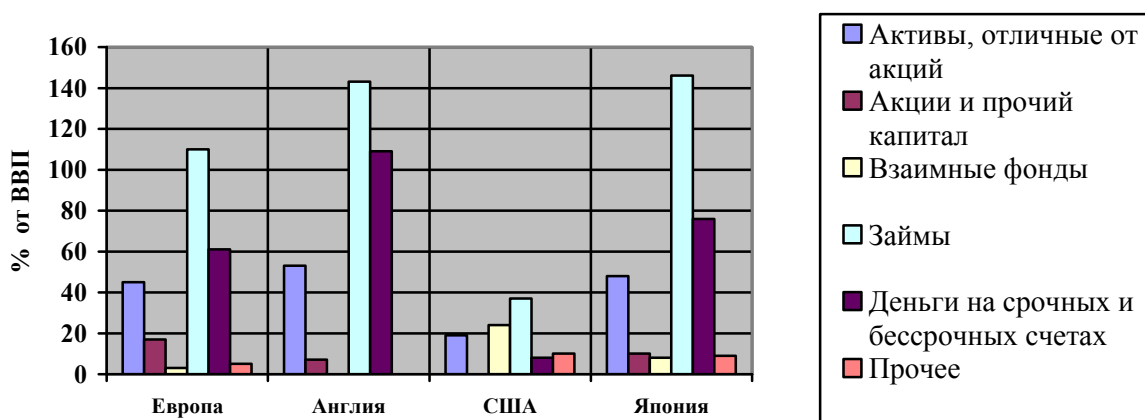
инвестиции в экономиках, основанных на рынках, зависят от размера рынка капиталов. В **Приложении Ф, таблица Ф. 1** представлены особенности институциональной организации ФС в различных моделях капитализма⁵⁴³.

а)

б)

в)

Рис. 5.1. Распределение портфеля ЦБ (% от ВВП, в среднем 1995 – 2002 гг.)
а) домохозяйства; б) нефинансовые корпорации;
в) монетарные финансовые институты

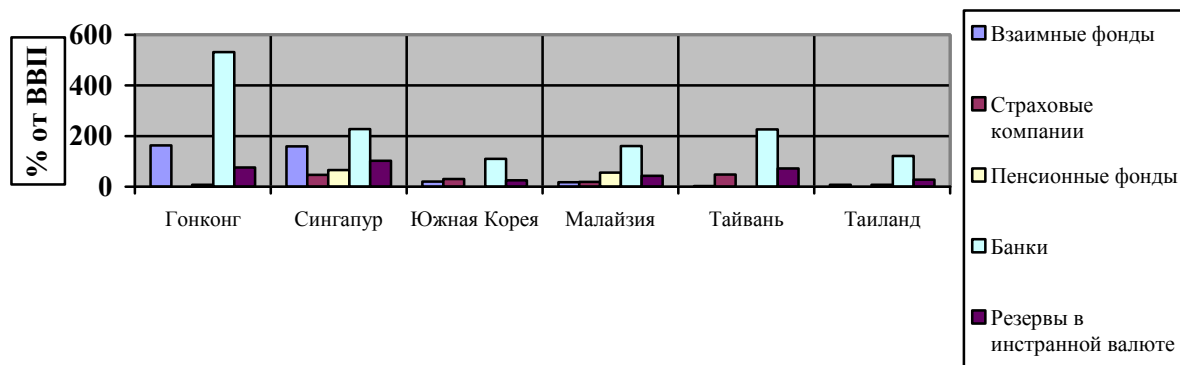

Рис. 5.2. Активы под контролем менеджмента в отдельных странах Азии (% от ВВП, 2003 г.)

5.1.3. Корпоративное управление. Основной функцией корпоративного управления является обеспечение эффективного использования ресурсов корпорации в условиях, когда владение ими оказывается распыленным и отделенным от непосредственного управления. Ключевое значение приобретает характер отношений между собственниками и высшим менеджментом корпорации. Ст.К при этом проявляется в специфике организации отношений между владельцами, высшим менеджментом, наемным персоналом, экономическими субъектами, обеспечивающими оперативное финансирование, коммерческими посредниками, потенциальными конкурентами.

Особенности функциональных связей, обеспечивающих процесс корпоративного управления, помогают проследить концепции агентских отношений и трансакционных издержек. В *теории агентских отношений* корпоративное управление изучается с точки зрения способов контроля со стороны акционеров («принципалов») деятельности менеджеров («агентов»). На первый план выходят механизмы, используемые для сокращения затрат контроля. Специфика Ст.К предопределяет выбор между стимулирующими контрактами (поощрения за эффективность), формированием репутации, способами мониторинга банками или другими ключевыми акционерами, использованием рынков в качестве инструмента корпоративного контроля. В системах, где банки играют центральную роль, контроль осуществляется через комбинацию обязательств и доли акционерного капитала. В альтернативных системах доминирующую роль в корпоративном контроле играют рынки⁵⁴⁴.

В зависимости от *характера концентрации собственности* (среди крупных акционеров — банки, корпорации, крупная семейная собственность/рассеяна среди множества мелких акционеров) выделяют корпоративные системы, в которых доминируют ключевые акционеры, и те, в которых высокий уровень диффузии собственности не позволяет отдельным группам акционеров реально участвовать в принятии решений.

Корпорация часто описывается в терминах *транзакционных расходов*, вовлекаемых в создание специфических инвестиций в навыки работников или деловое взаимодействие. Так, предоставление работникам права голоса может увеличить доверие между рабочей силой и управлением, облегчая такие инвестиции, улучшая внутренние потоки информации, создавая выгоды динамичной X-эффективности. Предоставление голоса работникам уменьшает потребность обеих сторон в конкретизации условий контрактов занятости. Оно создает благоприятный фон их ротации в пределах организации. Перекрестное владение акциями повышает эффективность управления «сетью», обеспечивает снижение транзакционных издержек и улучшение производственных отношений со стратегическими партнерами. Особенности Ст.К объясняют существование значительной дифференциации между странами, которые включают в управление корпорацией таких получателей дохода, как наемные работники и странами, имеющими исключительно ориентированную на акционеров форму капитализма. Соответственно, различаются системы с инсайдерским контролем с участием менеджмента, наемных работников и поставщиков, и те, где внешний контроль осуществляют акционеры и независимый внешний директорат.

Свой вклад в формирование специфики корпоративных систем управления оказывают особенности правовых систем и производная от них специфика законодательного регулирования финансовых рынков⁵⁴⁵. Вполне закономерно, что в странах с системой общего права обеспечивается более качественная правовая защита инвестора и кредитора, чем в странах гражданского права (в особенности его французской ветви). В качестве компенсации меньшей защищенности прав акционеров и инвесторов в странах с германской правовой системой выступает наличие более развитых механизмов принуждения к их исполнению. В странах с французской ветвью романо-германского права такая компенсация достигается благодаря наивысшему уровню концентрации собственности в рамках семейных фирм и крупных ФПГ. В качестве компенсационных механизмов так же используются права на остаточный доход, минимальный обязательный уровень дивидендов, требования об обязательных резервах фирмы, применяемых в странах с гражданским правом⁵⁴⁶. Политические системы, сложившиеся в результате длительной истории противостояния наемного труда и капитала так же выступают важным фактором формирования специфики корпоративного управления⁵⁴⁷. Обобщающие результаты исследования институциональных особенностей ИК сферы КУ основных СЭМ представлены в **Приложении Ф, таблица Ф. 2.**

5.1.4. Производственные отношения. Сфера производственных отношений (ПО) была признана ключевым элементом в рамках

фордистской системы производства. Её функции – обеспечение конструктивного партнерства между участниками производственного процесса, постоянная поддержка производственных связей на основе доброжелательного делового сотрудничества, взаимопомощи и ответственности. Длительный опыт борьбы наемных работников стран первого и второго эшелонов развития капитализма за свои права стал основой признания объективной необходимости достижения компромисса между трудом и капиталом⁵⁴⁸. В условиях относительной закрытости национальных экономик, доминировавшей до начала 70-х гг. XX столетия достижение компромисса и стало основой фордистской системы производства, центральным элементом, предопределявшим монетарный и финансовый режим, конкурентную политику, социальную политику государства, стабильность международного режима. Однако рост открытости национальных экономик, возрастание значимости финансовой сферы, трансформация производственной парадигмы обретают значение факторов, постоянно вносящих дисбаланс в устанавливаемое на национальном уровне равновесие труд/капитал. Происходит становление постфордизма⁵⁴⁹. В результате роль отношений труд/капитал в становлении социальных систем производства была существенно ограничена. Ориентация Ст.К в сфере ПО на индивидуализм либо коллективизм, в конечном счете, приводит к формированию систем, в которых отношения труд/заработная плата максимально индивидуализированы и систем, в различной степени обеспечивающих коллективную защиту интересов наемных работников⁵⁵⁰. В качестве ключевых институциональных субъектов регулирования занятости выступают *работодатели, их объединения, профсоюзы, наемные работники и государство*. Эти отношения могут регулироваться на уровнях отдельных индивидов, фирм, индустриальных секторов, национальном и международном. Специфика трудовых отношений отражается в *структуре профсоюзов, организаций работодателей, институтах заключения коллективных договоров, степени государственного вмешательства, длительности и формах индустриальных конфликтов и участия наемных работников в управленческих решениях*.

Если для англосаксонских стран характерна индивидуализация трудовых контрактов, то в странах Европы и Восточной Азии они строятся на основе сотрудничества. Однако эти модели *сотрудничества* так же существенно разнятся. От *конфликтных отношений* (Франция или Италия), *договоренностей* (Великобритания) к *корпоративизму* (Швеция или Германия). Последний, в свою очередь, отличается по степени централизации и специфике связей с государством всеобщего благосостояния. Каждая из этих моделей имеет свою специфику по форме организации профсоюзов и работодателей, степени распрост-

раненности, роли государственного вмешательства, паттернам договоренностей и изменений.

В целом сфере ПО характерна дихотомия регулируемые, централизованные/дерегулируемые, децентрализованные системы⁵⁵¹. Вполне комплементарными выглядят взаимосвязи институциональных форм и функций в обеих вариантах. Регулируемые, централизованные системы характеризуются высоким уровнем защиты занятости, замещения заработной платы безработных пособиями, институтами участия работников в управлении (рабочие советы), институтами заключения коллективных договоров, действующих на секторальном, региональном или национальном уровне. Все это сокращает неравенство заработной платы по секторам и уровням профессиональной квалификации. С другой стороны, дерегулируемые системы характеризуются слабой защитой работающих, менее щедрыми пособиями по безработице, отсутствием или предоставлением на усмотрение работодателей институтов участия рабочей силы в управлении, практикой заключения коллективных договоров на уровне фирм или индивидуализированными трудовыми контрактами (**Приложение Ф, табл. Ф. 3**).

5.1.5. Формирование профессиональных навыков. Система образования и профессиональной подготовки (ОПП) представляется существенным детерминантом СЭС⁵⁵². Она влияет на другие сферы, например МП, КУ, ПО. К основным функциям ОПП следует отнести обеспечение начальной и средней общеобразовательной подготовки, высшего и среднего профессионального обучения, непрерывного совершенствования и переподготовки кадров.

В путях и формах ОПП рабочей силы прослеживаются значительные национальные и секторальные различия. Они в определяющей степени обуславливаются характером Ст.К, предопределяющим акцент на индивидуализацию ответственности и затрат на ОПП либо принятии существенной их части государством, предпринимателями. Необходимость формирования высоких профессиональных качеств рабочей силы признана важным элементом государственной политики развитых стран в 1980-х. Многие видели в недостаточном качестве сориентированной на индивидуальную ответственность ОПП рабочей силы англосаксонских стран причину длительного застоя их экономик. Характер ОПП рассматривался как серьезный провал рынка. Прямое государственное содействие было нацелено на общее образование и не учитывало изменяющиеся потребности промышленности. Фирмы, конкурируя за квалифицированную рабочую силу, действуют как свободные рейдеры в поисках квалифицированных кадров, в формировании которых они не принимают участие. С противоположной стороны, Германия и Япония представляют образцы стран с высоко квалифици-

рованной рабочей силой, в формировании которой в свою очередь задействованы институциональные механизмы, основанные на подключении к этому процессу государства и частных корпораций. Система ОПП на уровне Ст.К соответствует доминирующим социальным ориентациям. Индивидуализации ответственности и присвоения результатов обретения профессиональной квалификации противостоит различный уровень обобществления как затрат на обучение, так и результатов использования профессиональных знаний и навыков.

Институциональные соглашения по формированию навыков влияют на занятость и экономическую производительность. Механизмы ОПП, объединяют различные формы образования. В том числе финансируемое государством и в государственных учебных заведениях, обучение за собственные средства работников в частных учебных заведениях, внутрифирменное обучение, взаимодействие в сфере повышения профессиональной квалификации в рамках ассоциаций, сетей. Например, ОПП Великобритании и США объединяют государственную общеобразовательную подготовку с активным использованием рынков и обучения по месту работы в компаниях. Система ОПП Японии включает как государственные, так и частные общеобразовательные заведения, профессиональная подготовка в значительной степени сфера ответственности самих компаний. Используются внутрисетевые формы повышения квалификации и ротации работников. Индивидуализация отношений занятости, сокращение уровня защищенности наемного работника, характерные для стран РК ведут к росту востребованности универсальных знаний, обладатель которых легко может найти работу на другом предприятии. С противоположной стороны, высокий уровень защищенности наемного работника формирует стимулы углубления профессиональной квалификации, обретения специфических, уникальных знаний и навыков, востребованных на конкретном производстве. Фирмы со своей стороны, в условиях ограничения взаимных обязательств между наемным работником и предприятием не заинтересованы вкладывать деньги в их обучение в условиях, когда существует реальная угроза переманивания квалифицированных кадров (**Приложение Ф, табл. Ф. 4**).

5.1.6. Модели производственной деятельности. В начале 80-х гг. XX ст. стало ясно, что расцвет парадигмы фордизма приходит к концу. Новые модели производства (МП) отличались от моделей массового или цехового производства. Особую значимость для дифференциации производственных стратегий приобрела *тройная дихотомия: продукция стандартизированная versus рассчитанная на потребности конкретных покупателей, конкурирующая через цену/качество, с высокими/незначительными объемами производства*. В отличие от традиционных моделей массового производства (стандартизиро-

ванного, конкурентоспособного по цене, в больших объемах) или *цехового производства* (рассчитанного на конкретного покупателя, конкурентоспособного по качеству, незначительного по объему), новые паттерны комбинируют расчет на конкретного покупателя, конкуренцию по качеству и высокие объемы производства.

Теоретическое представление о предпосылках появления новых методов производства (обычно отмечаемых как постфордистские) основывается на их комплементарности специфическим формами социальной организации. Разобщенность производителей (РК), или готовность объединяться в производственные ассоциации в рамках крупных корпораций (СДК, МК) или мелких семейных фирм (ПК) приводит к формированию разных паттернов производственной деятельности, оказывающихся вполне конкурентоспособными на различных сегментах рынка. В индустриальных районах Северной Италии постфордистские стратегии гибкой специализации привели к включению мелких фирм в большие социальные сети местных сообществ⁵⁵³. Для стран центральной и северной Европы характерна «диверсифицированная качественная продукция» основанная на разветвленной сети ассоциаций работодателей и профсоюзов, совместно формирующих коллективные ресурсы⁵⁵⁴. Эти постфордистские стратегии обеспечивают формирование многовариантной и гибкой организации труда, высокий уровень навыков, заработной платы.

В контексте проблем экономического развития особую значимость приобретает преимущественный акцент применяемых в рамках СЭС МП на обеспечение эффекта роста или сокращения отдачи от масштабов производства⁵⁵⁵. Именно его рост обеспечивает увеличение производительности труда, возрастание доходов и уровня жизни населения страны. Теория жизненного цикла продуктов, технологий и инвестиций обращает внимание на то, что МП любого продукта проходят стадии с расширяющейся и сокращающейся отдачей от масштаба производства. Характер инноваций (продуктовые или процессуальные), конкуренции (ценовая или по качеству выпускаемой продукции) комплементарны преобладающим в СЭС эффектам изменения масштаба производства. Они определяют место страны в международном разделении труда. Сфера услуг и сельское хозяйство представляют отрасли, в которых доминируют эффекты сокращающейся отдачи от масштабов производства. В современных условиях потенциал его наращивания имеют отрасли высоких технологий. Их комплементарное встраивание в высоко дифференцированные технологические, производственные, сбытовые и потребительские цепочки в масштабах СЭС в целом создает синергетические эффекты кардинального повышения производительности труда по экономике

в целом. История экономики знает немало примеров, когда отдельные технологические изобретения служили толчком для кардинальных сдвигов в экономике в целом.

Попробуем проследить логику взаимодействия Ст.К и ФК в сфере МП. Переход к постфордистской парадигме ознаменован ростом динамизма и инновационности ССП. Соответственно и в технологической сфере особое значение приобретают институциональные качества, характеризующие способность оперативно и с незначительными издержками реагировать на изменения в потребительском поведении и материально-технической сфере, формируемые быстрым развитием науки и техники. В сфере технологий эти изменения находят отражение в росте комплементарного значения для развития ССП таких социальных в своих истоках характеристиках технологий, как *комплексные* или *кооперационные*, *продуктовые* или *организационные*. В одном случае преимущество получает производитель, способный самостоятельно обеспечить весь производственный цикл. В другом – способный интегрировать в производственный процесс сложные цепочки технологических связей с формально независимыми поставщиками. В свою очередь комплексные технологии могут *требовать значительных ресурсов* для освоения и больших рынков сбыта, либо быть *бюджетными*, оставаться доступными для небольших экономических субъектов. Их использование может требовать либо *универсальных*, либо *специальных профессиональных знаний*. Встает вопрос о том, какого качества рабочую силу может предложить рынок труда. Процесс внедрения технологий в свою очередь может носить либо *кардинальный*, *радикальный* характер либо достигаться в ходе *пошаговых*, *инкрементальных* приспособлений, носить *целостный* или *частичный* характер, обеспечиваться усилиями *единого центра* или требовать *кооперации* усилий и специальных знаний многих участников технологической цепочки. В результате характер доминирующих технологий оказывается взаимоувязан с уровнем концентрации капитала, спецификой корпоративных отношений и отношений, складывающихся на соответствующих рынках труда (**Приложение Ф, табл. Ф. 5**).

5.1.7. Государство всеобщего благосостояния. ГВБ – важный институциональный элемент, обеспечивающий выявление доминирующих среди экономических актеров стратегий и столкновений, и поддержание социального мира и стабильности в обществе посредством более равномерного распределения общественного продукта. Традиционно западные исследователи выделяют *пять разновидностей государства всеобщего благосостояния*. *Либеральное государство всеобщего благосостояния* (страны РК, за исключением Великобритании и МК) обеспечивает низкий уровень пособий на

универсальном основании. Эту модель еще называют бедной, без благосостояния, моделью социальной защиты на нулевом уровне. В основе её идеологии лежит принцип необходимости каждого гражданина самостоятельно обеспечивать собственное благосостояние. Португалия, Испания, Великобритания и Нидерланды принадлежат к модели либерального «минимально универсального» государства благосостояния. Государство консервативного всеобщего благосостояния (ЦЕК), производит обширные трансферты для особых социальных или профессиональных групп на основании характера трудовой деятельности и с учетом вклада в их формирование. Принципы корпоративной идеологии естественным образом перенесены и в сферу социальной поддержки населения. Страны ПК сформировали «латинскую» разновидность государства консервативного всеобщего благосостояния. Оно характеризуется существенно меньшим, чем в страхах ЦЕК уровнем социальной поддержки, основное бремя которой перекалывается на плечи традиционной семьи, предприятия, МС. Страны СЕК принадлежат к модели «максимально универсального» социал-демократического государства всеобщего благосостояния, обеспечивающего щедрую и универсальную поддержку⁵⁵⁶.

Не в полной мере описывают институциональную среду ГВБ традиционно упоминаемые в связи с ним такие институциональные формы регулирования социальной сферы, как нормы занятости, гендерные различия в занятости, участии и доходах, продолжительность безработицы, пропорции квалифицированной и неквалифицированной занятости, нормы найма и увольнения с работы. ГВБ вовсе не ограничивается обеспечением прямой социальной поддержки. Ключевой функцией ГВБ, как неотъемлемого компонента СЭС является обеспечение реализации социальной ориентации рыночной экономики посредством государственной политики доходов, занятости, ценообразования, использования как прямых, так и косвенных регуляторов социальных процессов, реализации программ развития отраслей социальной инфраструктуры. В специфике их организации и проявляется Ст.К, предопределяющая функциональное наполнение и ФК ГВБ.

Во-первых, ГВБ влияет на производственные отношения и заключение коллективных договоров. Для этого используются разнообразные механизмы. Среди них регулирование уровня заработной платы и незарплатных затрат на наемный труд, укрепление организационной лояльности работников к профсоюзам (через системы самоуправления Гентского типа) и предприятиям (через патерналистские корпоративные системы социальной поддержки). Влияние на стратегии занятости осуществляется, в том числе, через формирование систем

социального партнерства государства и предпринимателей. Оно включает страхование по безработице, повышение квалификации и переквалификацию кадров, финансовую поддержку раннего ухода на пенсию, пенсионное страхование и страхование от несчастных случаев на производстве. *Во-вторых*, ГВБ проявляет себя в случаях, когда высокий уровень затрат, связанный с развитой системой социальной защиты используется в качестве «Премимальных ограничений», стимулирующих работодателей ориентироваться на рыночные стратегии производства «диверсифицированной качественной продукции». С противоположной стороны, высокие затраты социального страхования затрудняют рост занятости в низкопроизводительной индустрии услуг. Особенно в условиях консервативных режимов всеобщего благосостояния, таких, как германский вариант социально ориентированной рыночной экономики. Мобильность пенсионных систем также важный инструмент поддержки или препятствования межфирменной ротации рабочей силы. *В-третьих*, совмещение государственного и частного пенсионного обеспечения и социального страхования влияет на ФС и КУ. Сильные государственные системы перетягивают частные сбережения, лишая рынки ценных бумаг как важного источника капитала. Частные схемы отличаются степенью переплетения внутренних финансовых средств компании и социальных фондов. Они могут использоваться на текущие социальные потребности корпорации (Германия, Япония) или экстернализоваться как источник рыночных инвестиций (оборудование взамен дорогой рабочей силы), как, например, в США (**Приложение Ф, табл. Ф. 6**)⁵⁵⁷.

5.1.8. Инновации. Национальные инновационные системы (НСИ) признаны ключевым элементом обеспечения развития СЭС⁵⁵⁸. Противоречие в отношениях между *институциями*, как нормами поведения, институциональными системами и инновациями закладывается в самой консервативной сущности институтов. Инновация же — нарушение нормы. Переход от традиционного общества к обществу модернизированному знаменует кардинальной перестройкой механизма функционирования институциональной системы с отторжения инновации к её принятию в качестве ключевого элемента развития⁵⁵⁹. В его основе сочетание индивидуального интереса, как движущей силы инновации с общественной выгодой от её применения. Противоречие часть — целое, индивидуальный интерес — общее благо решается не путем противопоставления, а путем объединения. Рынок, рыночные отношения и институты функционируют внутри общества, общественных отношений, являются их важным, но не единственным компонентом. Социальный аспект инновационной деятельности, таким образом, по самой своей природе комплементарен социальной природе института. Их резонанс представляется ключевым условием формиро-

вания инновационной экономики. В разных СЭМ отличаются механизмы такого объединения. Спектр институциональных форм, обеспечивающих инновационную деятельность, включает институты, регламентирующие процесс формирования профессиональных навыков, разработку, создание, продвижение на рынки, финансирование, правовую защиту инноваций⁵⁶⁰. В рамках Ст.К институциональные формы оказываются изоморфны структуре, формирующейся исходя из доминирующего принципа социальной ориентации. Принцип субсидиарности своим логическим продолжением имеет минимизацию участия государства, приоритет финансирования инноваций через эмиссию акций, законодательную защиту на основе принципов общего права. С противоположной стороны корпоративизму комплементарны активное вмешательство государства, финансирование посредством банковских займов, законодательная защита на основе гражданского права. Институциональные формы, выполняющие функции обеспечения финансирования и законодательной защиты инноваций, оказываются, через ФК, связаны с другими формами и функциями, обеспечивающими воспроизводственный процесс в рамках СЭС.

Критическое значение для определения отношения личности к деятельности, влияющей на характер инновационного типа развития по Г. Хофстеду, имеют ценностные ориентации индивидуализм/коллективизм (И/К), взвешенное/отрицательное отношение к неопределенности (ВОН/ООН), незначительная/существенная дистанция власти (ДНД/СДВ), кратко-/долгосрочная ориентация (ДО/КО). Ш. Шварц выделяет интеллектуальную/аффективную автономию (ИА/АА), гармонию (Г), эгалитаризм (Э), мастерство (М), иерархию (Ие), принадлежность (П)⁵⁶¹. Характерными чертами ценностных ориентаций постпереходных стран является амбивалентное сочетание коллективизма, декларируемого в качестве доминирующей социальной ориентации с ярко выраженным индивидуализмом именно той части населения, которая преуспевает в экономической деятельности. Отрицательное отношение к неопределенности, существенную дистанцию власти и иерархичность следует скорее отнести к ценностям, которые препятствуют развитию инновационной активности. В тоже время к позитивным ориентациям можно отнести стремление к мастерству (активное самоутверждение, достижение индивидуальных и групповых целей через изменение среды, амбиции, успех, дерзость в сочетании с компетентностью).

Значительные отличия целей и форм организации корпорации (АО) в РК, МК, СЕК, ЦЕК и ПК через Ст.К и ФК влияют на специфику инновационной активности в странах, принадлежащих к разным институциональным моделям. Для индивидуалистской культуры РК характерно доминирование рыночных отношений. Они пронизывают

сферы корпоративного управления, финансирования, трудовых отношений, подготовки кадров. В результате формируется тип инновационной активности, нацеленный на радикальные инновации, способные принести быстрый рыночный успех. Коммунитаризм японской культуры обуславливает доминирование корпоративных ассоциаций и сетевых структур. Патриархальные отношения распространяются на сферу трудовой деятельности, корпоративного управления, затрагивают сферу финансирования. В результате акцент делается на инкрементальные инновации, основанные на аккумуляции и координации знаний как корпоративного капитала.

Существенный вклад в исследование специфики институциональной обусловленности инновационного процесса внес М. Портер. На основе анализа конкурентоспособности ведущих стран ученый сделал вывод об отсутствии единого, универсального образца инновационной модели развития. Специфика институциональной сферы, особенности среды хозяйствования приводят к тому, что в отдельных странах получают преимущественное развитие инновации *организационные или технические, процессуальные или продуктовые, пошаговые или радикальные*. М. Портер продемонстрировал, что страны РК более сильны в создании радикальных инноваций, а страны СДК и МК – в областях пошаговых инноваций в процессах и продукции устоявшихся секторов экономики⁵⁶². Экономике с традиционно высоким уровнем социальной координации оказываются более приспособленными к производству коллективных продуктов, поощрению пошаговых инноваций в пределах устойчивых организационных структур. Условием возможности подобного типа инновативности является наличие высоко квалифицированной рабочей силы, ориентация инвестиционной деятельности на длительную перспективу, кооперативные трудовые отношения. С противоположной стороны, ориентированные на рынок и конкурентоспособность экономики лучше приспособлены производить радикальные инновации, стимулирующие динамизм отношений занятости и готовности к рискованному вложению капитала. На характер инновативности оказывает влияние так же связь между структурами управления и технологическими ограничениями, степенью специфики активов и уникальностью процессов, глобальным или локальным их характером, возможностью поэтапного развития или необходимостью радикальных изменений, революционных скачков. Так, развитие атомной энергетики и покорение космоса связаны с высокой степенью неопределенности, рисков, требуют инвестиций в специфические активы. С противоположной стороны, сферы разработки программного обеспечения и биотехнологий также связаны с высоким уровнем неопределенности и рисков, но требуют меньшие инвестиции в специфические активы.

Соответственно ключевое значение приобретает характер сочетания выгоды от наличия общественной инфраструктуры исследований и разработок и более гибких форм организации. В результате НСИ будут иметь различную инновационную эффективность в разных секторах, стремиться к дальнейшей специализации вокруг этих специфических сфер производства.

Коллективистская ориентация создает больше возможностей для процессуальных инноваций, *инновационных процессов*. Они же, в свою очередь, формируют больше возможностей для МП с сокращающейся отдачей. Приоритет ценностей индивидуализма вынуждает предпринимателя ориентироваться на продуктовые инновации, *инновационные продукты*. Именно в этой сфере в наибольшей мере оказывается возможным использование эффекта расширения масштаба производства, роста производительности труда.

Неудачи формирования инновационной модели развития посттрансформационных экономик предопределяются *приоритетом рентаориентированного поведения экономически активного населения*, как наиболее эффективного способа максимизации индивидуальной полезности предпринимателя в условиях трансформации⁵⁶³. Противопоставление коллективного и индивидуального интереса, приоритет последнего, составляющие предпосылку его формирования противостоят особенностям национальной культуры хозяйствования. В результате общество оказалось не готово быстро адаптироваться к новым условиям. Необходимы эффективные механизмы *интеграции общественного и индивидуального интереса в условиях рынка*. В его основе — *концепция социально ответственного предприятия и предпринимательства*. На первом месте в деятельности любого предприятия должна быть его *социальная функция*. Изготовление благ в соответствии с потребностями общества. Трудовой доход персонала и прибыль владельца — основное средство существования. Их равноправие как участников процесса производства. *Прибыль предпринимателя должна рассматриваться как критерий эффективности* его участия в создании общественных благ и способ вознаграждения. Формирование подобного типа хозяйственной культуры и соответствующей модели предпринимательского поведения способно стать наиболее эффективной инвестицией государства в становление инновационного типа развития экономики⁵⁶⁴.

Пример успешного решения этой проблемы дает опыт формирования рыночной инновационной системы Китая. Государственные промышленные НИИ были преобразованы в технологические предприятия либо в агентства по оказанию услуг. Для обеспечения трансфера технологий от разработчиков к потребителям сформирован новый институт — технологически рынок. Государственным

НИИ и университетам предоставлено право создания дочерних компаний. Организационные изменения комплементарно дополнялись трансформацией соответствующих институциональных форм, в том числе и в сфере финансов. С противоположной стороны были созданы особые зоны и инкубаторы для высокотехнологичных отраслей. Благоприятные условия ведения бизнеса способствовали активному открытию в Китае центров исследований и разработок транснациональных компаний. Более того, сегодня уже китайские предприятия открывают собственные исследовательские центры в других странах⁵⁶⁵. Характеристики институционального взаимодействия в сфере НСИ представлены в **Приложении Ф, табл. Ф. 7**.

5.2. Взаимодействие блоков хозяйствования, СЭС и СЭМ

5.2.1. Институциональная комплементарность блоков хозяйствования. Следующим элементом анализа элементов институциональной архитектуры СЭС является комплементарность основных блоков хозяйствования. Институты, относящиеся к разным блокам хозяйственной деятельности, оказываются переплетенными и вступают во взаимодействие между собой. Рис. 5.3 иллюстрирует эти связи.

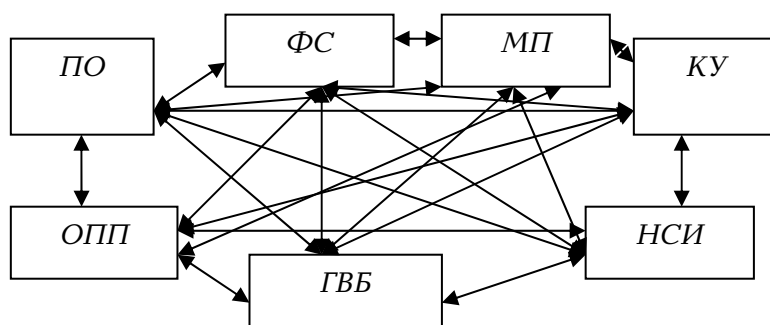

Рис. 5.3. ФК основных блоков хозяйствования

Представим эти связи на примере моделей производства. Специфика системы финансирования (ориентация на краткосрочные интересы инвестора – инсайдера или долгосрочные связи с банком – постоянным финансистом) предопределяет особенности используемых технологий. С противоположной стороны, специфика технологий предопределяет размеры, интенсивность, направления, рискованность финансовых потоков. Степень вовлеченности персонала в процесс КУ влияет на возможность применения технологий, требующих глубокой специализации наемных работников, их готовности и желания приобретать уникальные, востребованные на конкретном предприятии

знания. В основе такого отношения – уверенность в защищенности рабочего места. В свою очередь применяемые модели производства предопределяют характер распределения полномочий и ответственности в рамках КУ. Необходимость совершенствования существующей МП задает направления инновационной активности, та же в свою очередь предопределяет направления развития МП. Применяемые МП предопределяют характер профессиональной квалификации наемного персонала. Но, с другой стороны, возможность найма персонала соответствующей квалификации, его цена влияют на выбор альтернативных вариантов технологий. Аналогичным образом и производственные отношения влияют на МП. Угроза перехода на иную технологию и увольнения персонала может использоваться в качестве веского аргумента в переговорах между работодателями и наемными работниками. Высокий динамизм рынка труда, минимизация взаимных обязательств сторон трудовых отношений ведет к развитию технологий, основанных на универсальных профессиональных квалификациях, потенциально востребованных со стороны множества работодателей.

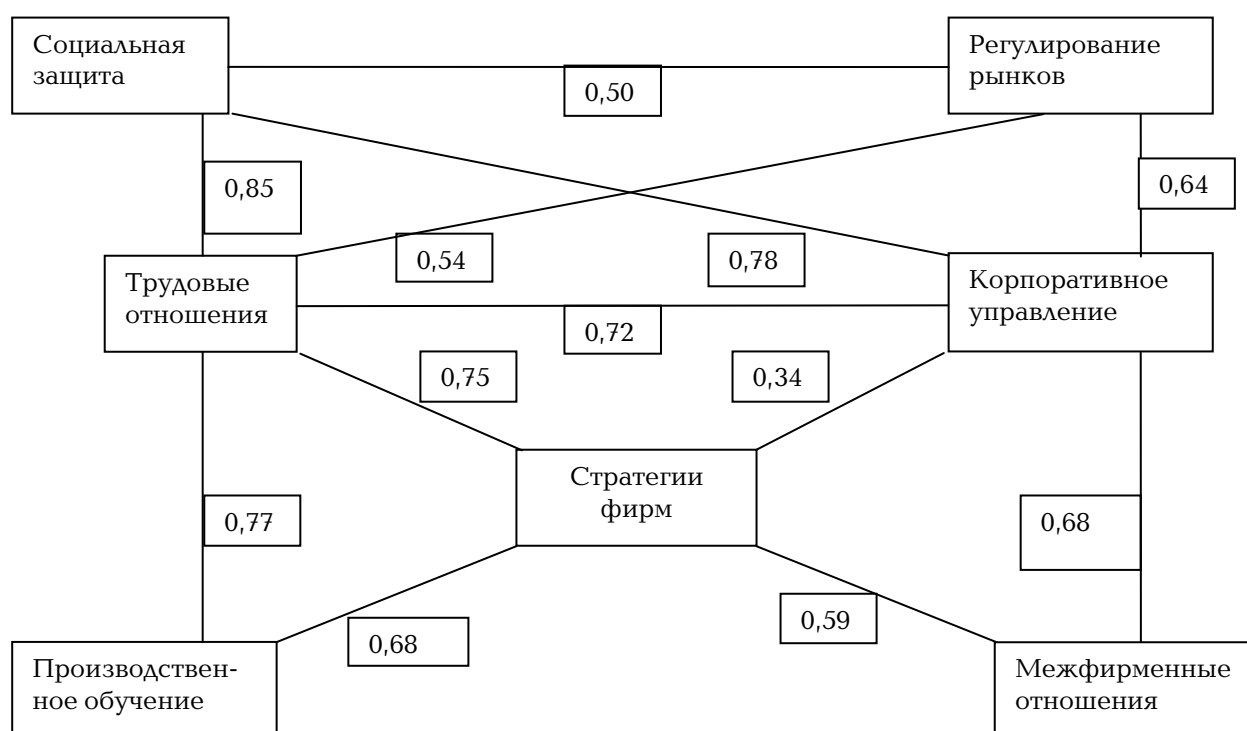

Рис. 5.4. Комплементарность между институциональными блоками по П. Холлу и Д. Гингеричу

П. Холл и Д. Гингерич, работающие в рамках КМВК, представляют свой вариант расчета уровня комплементарности между основными сферами экономики для стран ОСЭР (рис. 5.4)⁵⁶⁶. В его основе

качественный институциональный анализ, появление которого непосредственно связано с формированием концепции ИК. Взаимобусловленность элементов институциональной системы предполагает возможность выделения комплекса их компонентов, в наибольшей степени отражающих специфику модели капитализма. На их исследовании и сосредотачивается анализ⁵⁶⁷.

Поскольку в рамках КМВК выделяется два основных варианта экономических моделей – рыночный и регулируемый капитализм, то стандартизированные характеристики институциональных блоков можно представить в промежутке между 0 и 1, где крайние значения будут отражать абсолютизацию стратегической координации либо рынка. Обобщая разработки других представителей КМВК, исследовавших отдельные институциональные блоки экономических систем и статистику ОЭСР П. Холл и Д. Гингерич рассчитали индексы комплементарной взаимосвязи между этими блоками. Они отражают соответствие между ними по характеру стратегической ориентации на рыночные либо координируемые отношения. Как показывают результаты, во всех случаях имеется достаточно высокая позитивная комплементарная взаимосвязь, превышающая 0,5. Относительно низкие показатели в случаях со стратегией фирм и регулированием рынков как раз и отражают тот факт, что они сами реагируют на ситуацию во внешней среде и компенсируют её системные недостатки. Когда речь заходит о взаимодействии в рамках и между *основными институциональными блоками* приоритетное значение приобретает ФК. Комплект институтов и институций, с самой лучшей стороны зарекомендовавших себя в условиях других СЭС, не гарантирует успеха заимствования, если они окажутся некомплементарны функционально, если какие-либо аспекты хозяйственного взаимодействия будут ими обеспечены неадекватно или упущены. Опыт Дании подтверждает возможность интеграции институтов, имеющих в своих истоках иную социальную ориентацию ценностной системы. Условие – их подкрепление соответствующими компенсационными институтами, обеспечивающими функциональную полноту и целостность СЭС⁵⁶⁸.

Рис. 5.3 иллюстрирует только функциональные связи между отдельными сферами хозяйственной деятельности. Однако даже избирательный анализ этих взаимосвязей показал влияние как функциональных, так и структурных взаимозависимостей между институциональными блоками СЭС. Свое систематизированное воплощение в реальных экономических системах они находят в ССП, РН и СР.

5.2.2. Социальные системы производства, накопления и развития.

Выделение в рамках ТР специфических ССП – результат осознания множественности моделей институционального устройства в рамках

капиталистической системы. *ССП* – специфические порядки организации комплементарных отношений между основными институциональными блоками в конкретных СЭС, обеспечивающие стабильность воспроизводственных процессов в рамках национальной экономики. В **Приложении X** представлен графический анализ взаимодействия доминирующих институциональных блоков, вовлеченных в функционирование либеральной модели социальной системы производства и инноваций, предложенный Б. Амабле⁵⁶⁹. На первое место выходит Ст.К, предопределяющая специфику институциональных форм в сферах создания инновационных продуктов, ОПП, ФС, ПО.

Доминировавшая до начала 70-х гг. XX ст. в развитых странах *фордистская модель* (**Приложение Е, рис. Е. 1**), благодаря относительной закрытости национальных экономик, обеспечивала возможность выстраивания комплементарных отношений между институциональными блоками, в центре которых стояли отношения труд/капитал. Государство брало на себя роль посредника в отношениях между наемными работниками и работодателями, принимало ответственность за формирование ГВБ. Однако государство теряет возможность обеспечения сбалансированной связи между производством и потреблением в условиях роста открытости национальных экономик, усиления роли и трансграничной мобильности финансов, перехода от массового производства к гибкой специализации. К тому же происходит истощение тейлористской модели трудового процесса. К этому ведут рост уровня образования, самосознания, стремление к получению удовлетворения от самого труда. Происходит перестраивание системы комплементарных отношений между конструктивными институциональными блоками ССП, формирование *постфордистской модели* (**Приложение Е, рис. Е. 2**).

А. Шевчук в рамках постфордизма выделяет три специфических подхода к формированию механизмов регуляции (ССП) – *неолиберализм, неостейтизм и неокорпоративизм*⁵⁷⁰. Их основное содержание лишний раз подтверждает структурный полиизоморфизм комплементарных отношений в рамках формируемых в условиях перехода к постфордизму ССП, соответствие моделям РК, СДК (с выделением специфических черт СЕК, ЦЕК), МК и ПК.

Неолиберальная модель постфордизма, характерная для стран РК, в полном соответствии с доминирующими принципами индивидуализма и субсидиарности опирается на главенствующую роль рынка и основывается на ориентации активности государства на нужды частного сектора, максимально возможной коммерциализации госсектора, дерегуляции, приватизации. В сфере отношений между трудом и капиталом ориентация на поддержание гибкости рынков

труда сочетается с приоритетом в отношениях между трудом и капиталом рыночной координации перед механизмами социального партнерства. Характерной чертой неолиберализма во внешних отношениях является космополитизм и содействие глобализации.

Неокопоративизм представляется логичным комплементарным продолжением доминирования специфических форм проявления корпоративизма в хозяйственной культуре народов Европы и Восточной Азии. Свое закрепление он находит в моделях *СЕК*, *ЦЕК* и *МК*. Доминирование корпоративистских отношений в сфере экономики в новых условиях воплощается в ориентации на реализацию общих интересов через согласование и координацию деятельности экономических субъектов. Государство выступает в роли посредника, призванного поддерживать решения, достигнутые в ходе корпоративных переговоров. Особое значение приобретают некоммерческие организации (НКО) и МС. Если в условиях фордизма корпоративизм нацеливался на достижение всеобщей занятости, то неокопоративизм, смещаясь на микроуровень, отражает процессы роста гетерогенности рынка труда и интересов различных социальных групп. Открытость и динамизм экономических систем стимулируют рост готовности к инновациям, обеспечивающим структурную и функциональную конкурентоспособность системы в целом. В двух словах неокопоративизм можно охарактеризовать как «регулируемую саморегуляцию».

Неостейтизм отражает попытку переориентации стран Южной Европы на новые реалии хозяйствования в условиях, когда отсутствие демократических традиций саморегуляции вынуждает государство принимать на себя роль посредника между разрозненными семейно-клановыми экономическими образованиями. В результате центральным элементом преобразований становится не частный или корпоративный сектор, а государство. Оно нацеливает свою активность на усиление структурной конкурентоспособности СЭС в условиях глобализации. Прежде всего, акцентируется внимание на технологической политике продвижения инноваций, политике отраслевой структуризации, нацеленной на обеспечение эффективной занятости политике государства на рынке труда.

Под *режимом накопления* (РН) Р. Буайе предлагает понимать «совокупность закономерностей, обеспечивающих общих и более или менее последовательный рост накопления капитала, т.е. позволяющий устранять или рассредоточивать во времени деформации и неравновесия, постоянно порождаемые самим процессом накопления»⁵⁷¹. В сердцевине РН находится обеспечение баланса между трансформацией производства (производительность труда, внедрение новых технологий, соотношение между различными отраслями) и трансформацией условий конечного потребления (условия спроса). Исследование

возможностей накопления сводится к изучению функциональных связей между характером эволюции организации производства и отношением наемных работников к средствам производства; временных горизонтов возрастания стоимости капитала, связанного с принципами управления; распределения прибавочной стоимости среди классов и групп; характера спроса, обеспечивающего устойчивое развитие производственных мощностей; способов соединения с некапиталистическими способами производства. ФК в рамках РН приобретает ключевое значение. Она характеризует такое состояние взаимоотношений между институциональными компонентами, когда обеспечиваются стимулы для расширения воспроизводственного потенциала системы. Ученый обращает внимание на влияние на характер накопления форм, которые приобретают конкуренция, отношения наемного труда, интеграция в международные связи. Особенности Ст.К закладываемой на уровне социальных ориентаций ценностной системы проявляются в дифференциации побудительных мотивов и логики накопления, влияющих на приоритетные направления развития. Таким образом, на уровне взаимодействия между сферами хозяйствования Ст.К, задающая каркас институциональной архитектуры СЭС, в результате «обратной связи» трансформируется под влиянием специфики формируемых функциональных взаимосвязей между элементами системы.

Режим накопления оказывается комплементарен **способу социальной регуляции**. Под ним понимается *конфигурация социальных отношений, выходящих за рамки экономики, обеспечивающих воспроизводство общества и стабилизацию процессов накопления в экономике*. В своей совокупности **РН и способ регуляции** формируют СР – модель устойчивого роста, характерную для конкретной СЭС и определенного периода. Представители школы регуляции акцентируют внимание на *многообразии режимов накопления и способов регуляции*. Основой формирования СР является *выделение доминирующих институциональных блоков, выступающих в роли локомотивов развития и создания условий для комплементарной трансформации, подстраивании под их специфику других институциональных блоков, формирующих в своей совокупности ССП*.

Для стран с постпереходной экономикой особый интерес представляют опыт успешного формирования режимов роста на основе удачного соединения идеологической, политической, правовой и экономической сфер жизни общества. В качестве таковых Р. Буайе рассматривает Ирландию, Финляндию и Ботсвану⁵⁷².

Истоки успеха и последующего кризиса Ирландской экономики коренятся в обеспечении изначальной комплементарности политики трансформации (рис. 5.5) и несвоевременном реагировании на

структурные изменения, достигнутые в результате успешного роста (рис.5.6)⁵⁷³.

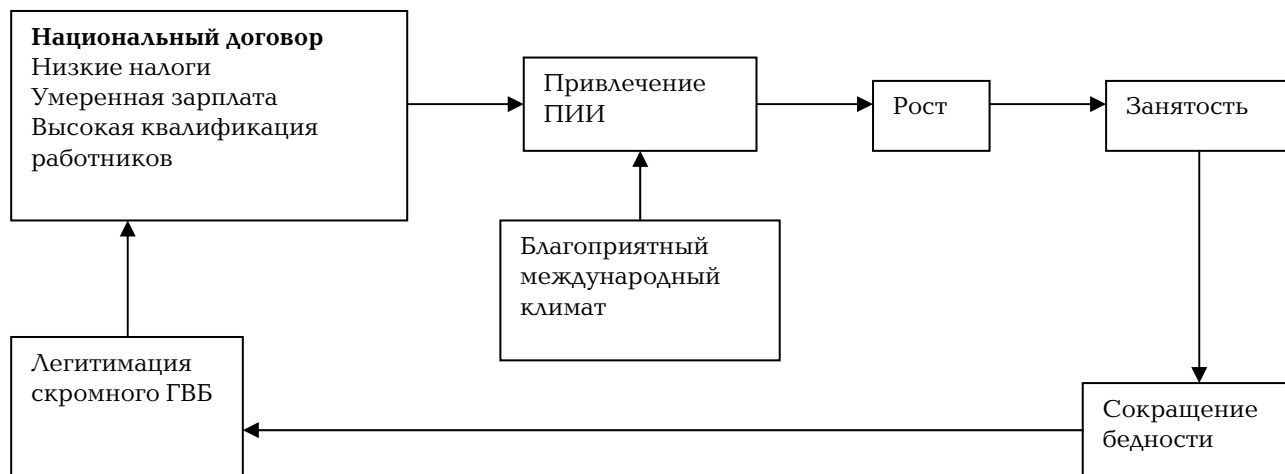

Рис. 5.5. Установление успешного цикла развития Ирландии

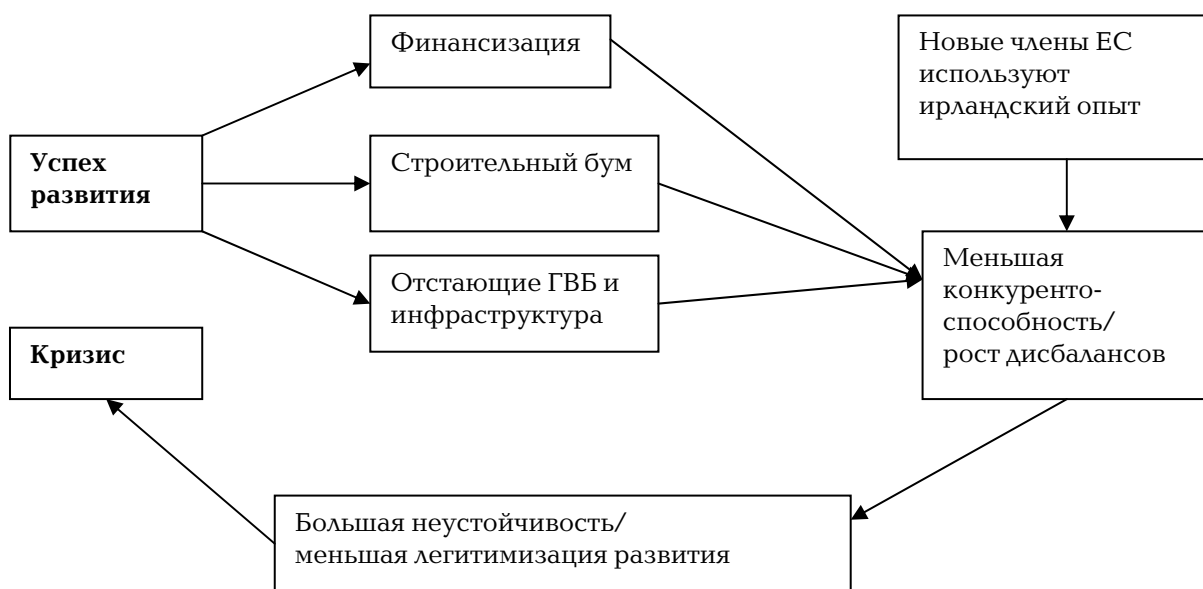

Рис. 5.6. Институциональное напряжение как причина ирландского кризиса

Отправной точкой развития стал национальный договор между предпринимателями, профсоюзами и государством. В его основе установление низкого налогообложения, умеренных зарплат, поддержка формирования квалифицированной рабочей силы и стимулирование инновационной активности. Минимизация ГВБ сочеталась с обеспечением рыночных условий получения соответствующих услуг. Успех привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развитие высокотехнологичные отрасли основывался на установлении уровня

налогообложения ниже европейской альтернативы. Формированию современной конкурентоспособной инфраструктуры содействовали субсидии со стороны ЕС. Результатом стал рост занятости и сокращение бедности. Однако при этом не произошло сокращение неравенства.

Успех первого этапа реформ привел к структурной перестройке экономики. Перемещение занятости из сферы производства в ФС и строительство дестабилизировало источник конкурентоспособности национальной экономики и двигатель её роста. Достигнутый рост доходов уже не соответствовал политике минималистского ГВБ. Однако в этой сфере так же не была осуществлена коррекция проводимой политики. Изменился и международный контекст. Ирландский опыт заимствовали другие страны, сократились субсидии со стороны ЕС. Однако государство своевременно не отреагировало на эти изменения, в результате чего в экономике проявились дисбалансы, приведшие к кризису (рис 5.6).

Опыт Ирландии свидетельствует о том, что формирование успешного СР основывается на способности правительства трансформировать разрозненные индивидуальные интересы экономических субъектов в коллективную поддержку осуществляемой политики развития национальной экономики. Она же основывается на создании действенных политических коалиций, обеспечивающих объединение усилий различных социально-экономических групп, установлении прозрачных и понятных для всех правил игры, определении стратегических приоритетов составляющих в своей совокупности новый экономический режим.

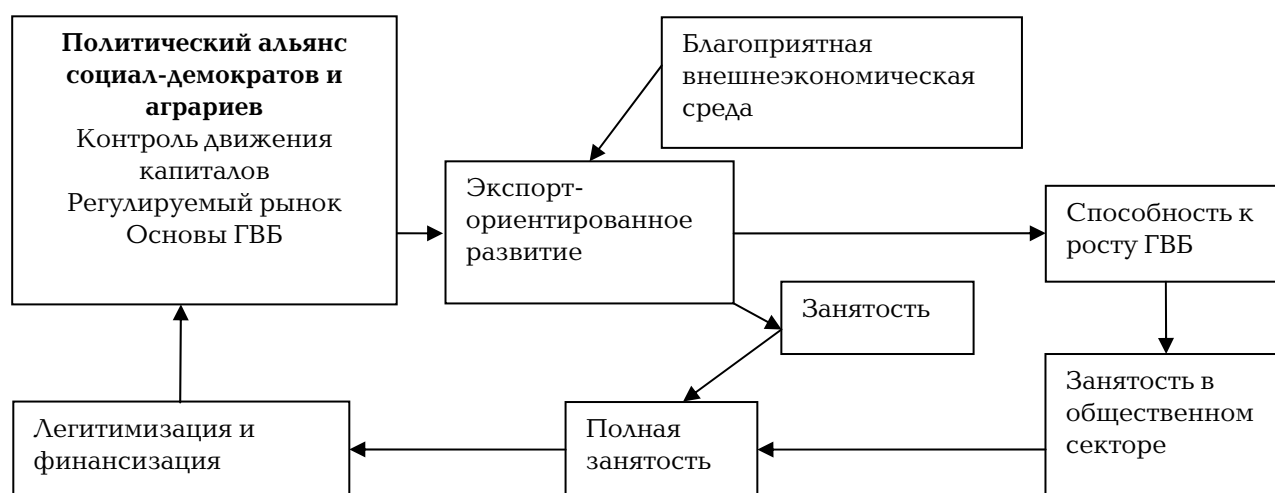

Рис. 5.7. Финский опыт комплементарности политики и экономики

Иную модель успешного СР представляет Финляндия (рис. 5.7). Причины успеха финской модели ГВБ изучают А. Хелантера и С-Э. Оллус⁵⁷⁴, П. Песесонен и О. Риихинен⁵⁷⁵, соавторы исследования

всемирного банка⁵⁷⁶, П. Химанен и М. Кастелс⁵⁷⁷. Сопоставляя модели развития США, Сингапура и Финляндии, последние отмечают лидерство Финляндии по индексу технологического развития, уровню дифференциации доходов, функциональной неграмотности. Предпосылки — в отличиях моделей.

Модель Силиконовой долины предполагает наличие движимого силами рынка открытого информационного общества, высокую дифференциацию доходов и новое социальное расслоение по признаку способности войти в информационное общество. Сингапурская — стимулирование функциональной грамотности при сохранении авторитарных традиций социального устройства и абсолютном доминировании государства. Финская — основана на принципах ГВБ и обеспечивает качественное бесплатное государственное образование, всеобщее медицинское страхование и систему социальной поддержки. Политический успех обеспечивается высоким доверием правительству, готовностью платить налоги в обмен на реальную социальную поддержку. Экономическая сторона успеха обеспечена опережающим ростом экономики. Его основу создают действующие на принципах сетевого бизнеса мобильные Интернет-компании; активная поддержка государством инноваций в сфере технологий; созидательное компьютерное и социальное хакерство (как форма индивидуального созидательного инновационного творчества).

Страна демонстрирует возможность совмещения развитого государства благосостояния и информационного общества. Предпосылки — развитие гибких форм труда и пересмотр роли профсоюзов; обеспечение государством условий для реструктурирования национального бизнеса и его включения в глобальную конкуренцию; поддержка включения всего населения в информационное общество; вовлечение разных уровней власти в разработку и осуществление инновационной политики; поддержка хакерского движения как формы установления творческих связей между университетами, исследовательскими центрами и бизнесом. Опыт Финляндии подтверждает возможность прорыва в число стран — лидеров мировой конкурентоспособности⁵⁷⁸.

Еще один пример формирования успешного СР имеем в Ботсване (рис. 5.8).

Изначально в основе политического альянса, обеспечившего успех СР в Ботсване, был компромисс между фермерами, занимавшимися разведением крупного рогатого скота и правительством. Он предполагал формирование стратегии развития, направленной на совершенствование инфраструктуры экономики, развитие систем здравоохранения и образования. Дополнительный импульс развития придало открытие и начало разработки месторождений алмазов.

Однако ускорение темпов роста сопровождалось увеличением неравенства в доходах основных групп населения. Осознание ведущими социальными группами необходимости легитимизации СР привело к перераспределению части совокупного общественного продукта в пользу ГВБ. Это обеспечило улучшение социально-экономического положения всех групп населения, что в свою очередь способствовало легитимизации проводимой СР.

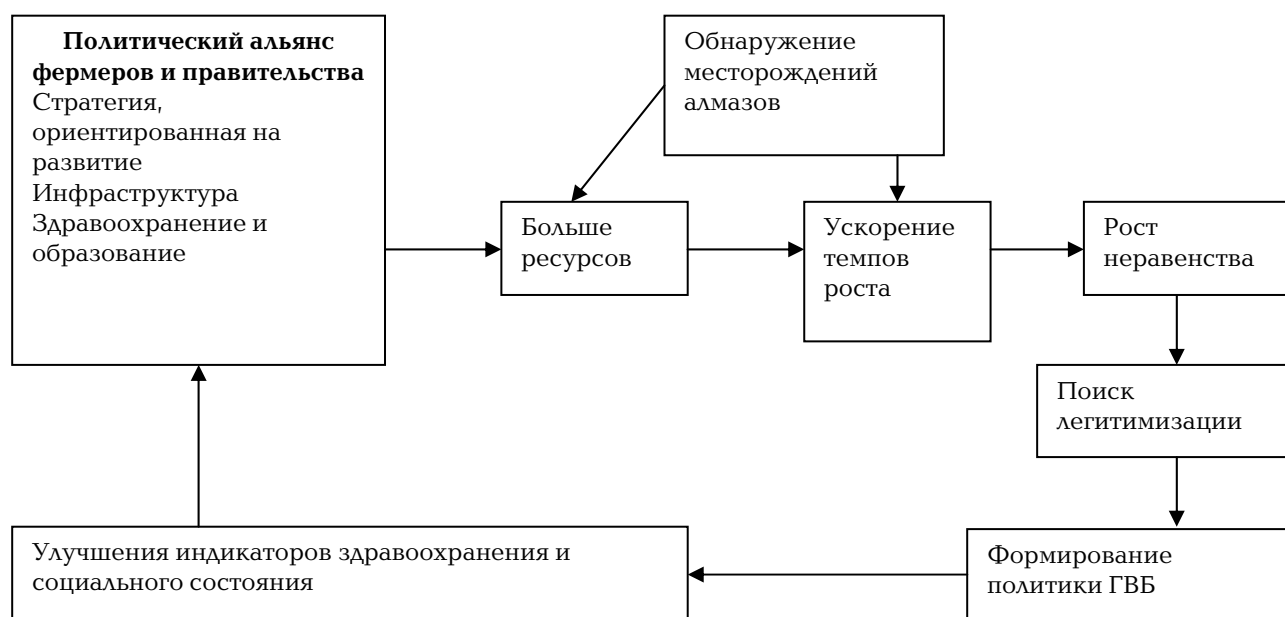

Рис. 5.8. Поиск СР. Путь Ботсваны

5.2.3. Социально-экономические системы и социально-экономические модели. На современной политической карте мира соседствуют более двухсот независимых государств и управляемых территорий. В этом разнообразии невозможно найти даже двух, характеризующихся абсолютной идентичностью своей институциональной архитектоники. Однако специфике природно-ресурсного потенциала, географического расположения, пути развития, национальной культуры, материально-технологической среды, противостоят процессы глобализации, интегрирующие отдельные страны в единый мировой хозяйственный комплекс. Противоположной стороной разнообразия является наличие общих черт, присущих как отдельным группам государств, так и всем странам мира. Едиными для всех стран мира остаются природно-биологические и социальные законы и закономерности существования общества. Свою роль в этих процессах играют и требования комплементарности устройства институциональных систем. Необходимость выделения ключевых характеристик социально-экономического устройства, обеспечивающих как специфику, так и общность СЭС, становится предпосылкой их моделирования.

Применение термина «модель» по отношению к конкретным экономическим системам можно считать вполне оправданным с точки зрения того, что результатом научного исследования реальных экономических систем всегда будет определенная модель, отображающая ключевые для конкретного научного исследования характеристики экономической системы, при условиях абстрагирования от других ее характеристик⁵⁷⁹. Национальные экономические системы, согласно утверждению А. Сидоровича, включают своеобразное объединение институтов, присущих не только доминирующей экономической модели, но и институты, которые непосредственно не связаны с господствующей системой экономических отношений⁵⁸⁰. Формирование национальной модели экономики соответственно предусматривает в первую очередь определение желаемого типа социально-экономических отношений (социально-экономической модели), который одновременно учитывал бы как национальную специфику, так и общемировые тенденции социально-экономического развития. Уже на основе выбранной модели формируется национально-экономическая система, как явление более широкое, комплексное.

Акцент на моделировании, когда речь идет об исследовании социально-экономических систем, по нашему мнению, может информировать, что в качестве предмета исследования выступают методологические подходы к изучению экономических систем, сравнение экономического устройства стран мира или отдельного региона, когда авторы заранее отказываются от комплексной характеристики экономических систем, выделяют определенные группы параметров, по которым они сравниваются. Иногда употребление термина «социально-экономические модели» связывают со следованием научной традиции⁵⁸¹. Более того, «...понятие «модель» (шведская, японская, американская и др.), — отмечают Н. Ушакова и И. Поминова, — превратилось в клише, которое используется, чтобы как-то систематизировать разнообразные, иногда отрывочные наблюдения тех или иных аспектов развития страны ...»⁵⁸².

Употребление понятий типа «национальные модели экономического устройства стран мира» в исследованиях, которые акцентируют внимание на социокультурной обусловленности формирования специфических черт отдельных национальных экономических систем, может быть связано с последовательным переходом от более высокого уровня обобщения (цивилизационная модель) к уровню национальной экономической «модели»⁵⁸³.

Активное и вполне оправданное применение термина «модель» приобрело в экономике развития, когда речь идет о теоретических концепциях определенных течений и научных школ, объясняющих предпосылки, факторы, особенности экономического развития стран мира⁵⁸⁴, моделей развития отдельных стран или их групп⁵⁸⁵.

В целом же употребление термина «модель», когда объектом исследования выступают социально-экономические системы, вызывает возражения большинства экономистов – теоретиков. В определенной мере такое отрицательное отношение связано с ассоциированием социально-экономического моделирования с математическим моделированием экономических процессов. Следует также отметить определенную тавтологичность термина социально-экономические системы (модели). Экономика, экономические системы по определению своей сущности явления социальные. В отличие от натурального хозяйствования они могут существовать лишь в условиях активного социального взаимодействия основанного на открытости к социальным связям, разделении труда, общественном характере производства. В этом плане экономические системы всегда являются социальными. Иногда уточнения социально- употребляется для того, чтобы подчеркнуть акцент на общественно-этических принципах социального взаимодействия, иногда – чтобы показать выход объекта и предмета исследования за границы сугубо производственных, торговых, финансовых отношений.

Социально-экономическая модель – это комплекс институтов, определяющих характер социальной и хозяйственной системы, механизмы, которые обеспечивают дееспособность институтов, единство правил, норм и обычаев хозяйствования, форм и механизмов взаимодействия субъектов хозяйственной жизни, регулирование хозяйственного порядка и хозяйственных процессов со стороны государства. В качестве критериев классификации моделей социально-экономического устройства стран мира используют уровень развития экономики, характер распределения ресурсов, характер собственности на средства производства и распределение результатов их использования, организационные особенности капитализма, степень вмешательства государства в экономические процессы, влияние цивилизационных, религиозных факторов (рис. 5.9).

Совпадение в большинстве случаев состав национальных СЭС, входящих в модели, выделяемые исходя из отличающихся факторов формирования, только подтверждает существование комплементарной связи между ними. Безусловно, в рамках каждой из обобщенных моделей можно выделить существенные отличия между отдельными странами и группами стран. Так, *континентальная модель* включает *североевропейское «государство всеобщего благосостояния» (СЕК)*, *немецкую социальноориентированную рыночную экономику (ЦЕК)*, *французский «дирижизм» (ПК)*, *итальянский кооперативизм*. Существенные отличия существуют в рамках социально-экономической модели стран Восточной Азии (МК). Мусульманская авторитарная модель в наиболее выраженном виде принята лишь в нескольких странах Среднего Востока. Более детально комплементарная связь

природно-климатических, социокультурных, идеологических и правовых факторов с мировыми системами хозяйствования будет рассмотрена далее.

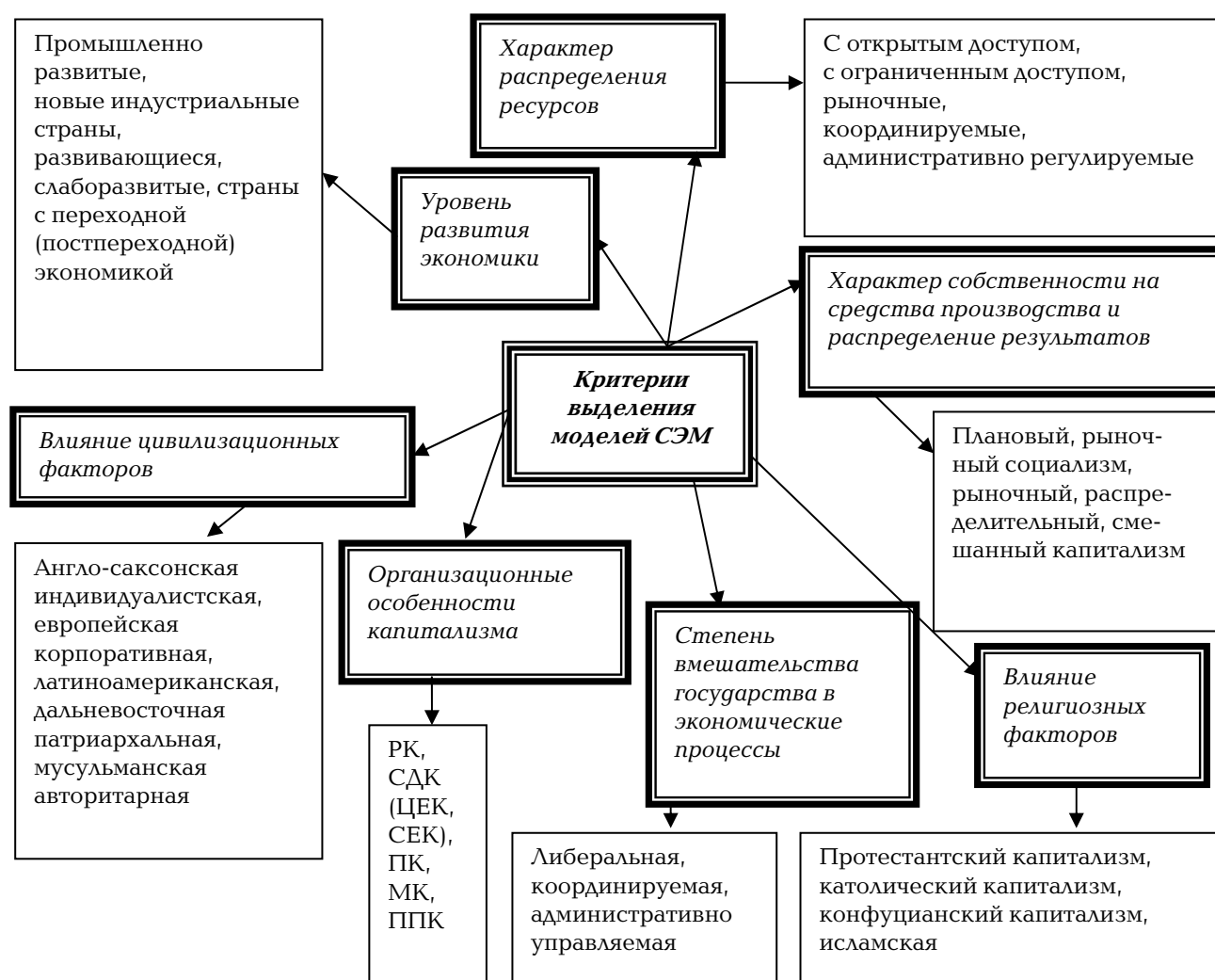

Рис. 5.9. Классификация моделей СЭС

Особый интерес в контексте темы исследования имеет предложенный Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом подход, предполагающий деление государств на естественные, с «ограниченным доступом к ресурсам» и открытые. Первые отличаются ограничением доступа к ресурсам, регулируемым посредством прямого насилия. Вторые — обеспечивают возможность доступа к ресурсам посредством обращения на анонимные рынки. Даже самый поверхностный обзор характеристик естественного государства позволяет выявить характерные черты постпереходных и развивающихся государств, которые препятствуют формированию успешной СР. Его каркас составляют элитные группы, получающие исключительный доступ к политическим и экономическим ресурсам. Они используют его для обеспечения системы принуждения, как средства поддержания порядка. Экономика

и политика составляют единое целое. Отсутствует равенство по отношению к закону, характер его применения определяется местом в иерархии. Социальные отношения персонализированы. Персонализированный, тесно связанный с государством и зависимый от него характер имеют организационные институты. Подобный тип государств зарождается на заре становления АСП и РСП. В хрупком, базисном или зрелом виде они просуществовали до наших дней. В краткосрочной перспективе они способны обеспечить мобилизацию колоссальных ресурсов и быстрый рост. История СССР тому подтверждение. Однако склонность к бюрократизации, традиционализму выступает тормозом, препятствующим эффективной адаптации к происходящим изменениям, выступает тормозом развития в долгосрочной перспективе.

Окончание периода зрелости естественного государства совпадает с подготовкой условий формирования государства открытого доступа к ресурсам. На смену механизмам привилегий и ренты приходит конкуренция на всех уровнях экономики и политики. Устанавливается верховенство закона. Персонализированные отношения заменяются деперсонализированным рыночным обменом. Получают распространение независимые от государства организации. Средства принуждения, прежде всего вооруженные силы, попадают под консолидированный контроль⁵⁸⁶. Исследование лишний раз подтверждает комплементарность идеологической, политической, правовой и экономической сфер.

5.3. Социально-экономические модели капитализма

5.3.1. Англосаксонская либеральная социально-экономическая модель. В максимальной степени институты рыночной экономики представлены в англо-саксонской СЭМ. Речь идет, прежде всего, о таких странах, как Великобритания, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия (**Приложение Ц, табл. Ц. 1**).

Ключевое влияние на формирование особенностей европейской культуры и соответственно на формирование СЭМ стран, относящихся к европейской культуре, имело христианство. Оно разделено на три основных конфессии — католицизм, протестантизм и православие. Отношение каждой из них к хозяйствованию имеет свои особенности и нюансы. Вместе с тем в христианском взгляде на эту проблему есть много общего, так как формируются они на единой мировоззренческой основе⁵⁸⁷. В христианском мироучении содержатся истоки **культуры вины**, характерной для западных обществ. Её истоки прослеживаются в христианском учении о «первородном грехе» пращуров человека — Адама и Евы, ответственность за который,

а соответственно и вину несет все человечество. Мы рождаемся виновными, утверждал Бл. Августин, и дело не только в этом, но и в том, что греховное желание, высвобожденное первым грехом, соблазняет человека на осуществление еще больших и больших грехов.

Христианское мироучение эволюционировало в результате активной деятельности своих руководителей (Римские Папы), мыслителей (Бл. Августин, св. Фома Аквинский), государства (Византия, Россия), доминирующих хозяйственных слоев населения (средневековая Европа).

Деятельность Папы Григория I (VI ст.) по правовому регулированию семейных отношений и правонаследованию положила начало формированию традиции нуклеарной семьи. Папа Григорий VII (1075 г.) закрепил политическое и юридическое главенство папства над всей церковью и независимость духовенства от светского контроля. Он утверждал право Папы на доминирование в светских вопросах, включительно с коронованием и развенчанием императоров и королей. Каноническое право католической церкви наряду с Римским правом стало основой западной правовой традиции.

Существенное влияние на эволюцию *христианства в средневековой Европе* имели «*бюргерские*» в западном значении слова слои населения — ремесленники, торговцы, мелкие предприниматели. Комплементарное обратное влияние образа жизни этих слоев населения на эволюцию характера религиозного мировоззрения прослеживает М. Вебер⁵⁸⁸.

В табл. 5.2 приведены данные о тенденциях распространения христианства в крупнейших христианских государствах мира с 2000 г. до 2025 и 2050 гг. Опережающий рост верующих в африканских, латиноамериканских, некоторых азиатских странах свидетельствует о том, что в целом ряде развивающихся стран имеет место формирование тех самых ценностных оснований, на которых изначально основывался процесс становления рыночного хозяйства европейских стран.

Таблица 5.2

Прогноз динамики распространения христианства с 2000 по 2050 г.⁵⁸⁹

	Страна	2000	2025	2050
1	США	225	270	330
2	Бразилия	164	190	195
3	Мексика	95	127	145
4	Филиппины	77	116	145
5	Нигерия	50	83	123
6	Конго (Киншаса)	34	70	121
7	Эфиопия	36	65	79

Доминирующей христианской религиозной конфессией в большинстве стран, принадлежащих к англо-саксонской СЭМ, является протестантизм. Он объединяет лютеранство, кальвинизм, пресвитерианство, англиканство и другие религиозные течения, первоначально возникшие в ходе Реформации и постоянно обновлявшиеся и пополнявшиеся. Протестантизм, по утверждению М. Вебера, стал основанием формирования *буржуазного типа личности*, который характеризовался новым отношением к миру. Он внес глубокие изменения в систему ценностей, определивших специфику хозяйственного поведения индивида. Рассмотрим, каким образом реформа протестантского мироучения отразилась на отношении верующего к своей хозяйственной деятельности.

Вера обращается во *внутренний опыт верующего*, жизнь — в *сознательную обязанность*, а добродетелями признаются *трудолюбие, бережливость, аккуратность, пунктуальность*. Принципы «мирского признания», «мирской аскезы» приближают церковное и мирское в жизни христианина. Проза жизни, рутинная ежедневная работа признаются выполнением воли Всевышнего. Труд воспринимается молитвой в действии, действием, которое предоставляет смысл всему экономическому процессу. Характерная особенность протестантизма — *глубокий индивидуализм в делах веры*. Оправдание человеческой жизни на земле протестант находит в активности, усердии, старательности, трудолюбии. В разряд основных ценностей включается *корпоративный труд*. Идея профессионального призвания как служения Богу в мирской жизни ведет к *оправданию богатства* как признания заслуг верующего. Признается и *поощряется предприимчивость, рационализм, прагматизм*. Впервые в религиозной догматике происходит *оправдание процентов* как платы за кредит. Деловой успех признается *свидетельством избранности*. Признак искренней веры — *честное выполнение своих деловых обязанностей*.

Провозглашенные церковью этические добродетели превращают *религиозность в гарант порядочности, надежности, трудолюбия* верующего. «Еще в начале этого века, — пишет М. Лапицкий, — цитируемый М. Вебером немецкий социолог М. Офенбахер в связи со сравнительной характеристикой католицизма и протестантизма остроумно заметил: «Народная мудрость утверждает: или хорошо есть, или спокойно спать. В этом случае протестант склонен хорошо есть, тогда как католик отдает предпочтение спокойному сну»⁵⁹⁰.

Присущие протестантскому менталитету сугубо *прагматическое мировосприятие, рациональный расчет, как основа действия, безусловный приоритет интересов индивида над общественными интересами, материального над духовным* создают предпосылки обвинения экономики, основанной на мировоззренческих основах

протестантизма в бездуховности, отчуждении «человека экономического» от его человеческой сути. Именно такая личность, по мнению критиков, оказывается конкурентоспособной в условиях рыночной системы хозяйствования.

Ценностная система имеет **индивидуалистско-конкурентную направленность**. Она предполагает преобладающую ориентацию на признание уникальности каждого индивида, признание объективного характера приоритета его собственных нужд и стремлений, права на их самоудовлетворение, самовыражение и самоутверждение личности. На диаграмме (рис. 5.10) представлен профиль национальных культур хозяйствования основных стран с англосаксонской СЭМ по данным исследования Г. Хофстеда (**Приложение И**).

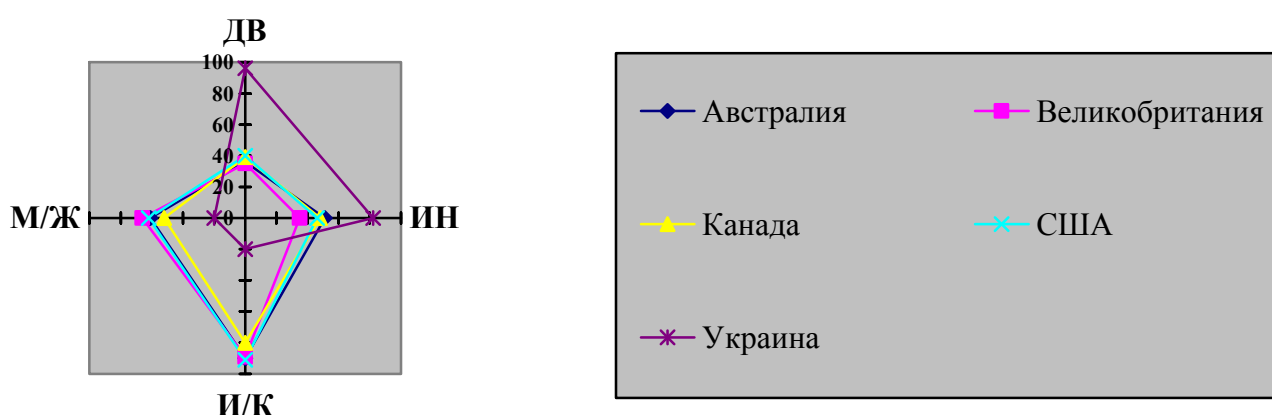

Рис. 5.10. Профиль ценностных характеристик национальных культур основных стран с англосаксонской СЭМ и Украины

В качестве дополнительной информации приведен также профиль соответствующих характеристик культуры по Украине. Сокращениями в этой и следующих диаграммах обозначены: **ДВ** — дистанция власти, **ИН** — избегание неопределенности, **И/К** — индивидуализм/коллективизм, **М/Ж** — мужественность/женственность. Сто баллов на соответствующей шкале свидетельствует о максимальных дистанции власти, индивидуализме, мужественности, избегании неопределенности.

Представленные данные о ценностных характеристиках национальных культур хозяйствования **англосаксонских стран** позволяют наглядно продемонстрировать значительное их подобие. Для культур этих стран характерны высокий уровень **индивидуализма**, умеренные **мужественность**, предотвращение **неопределенности**, относительно незначительные показатели **дистанции власти**. Сравнение с соответствующими показателями по Украине демонстрирует существенные отличия по всем характеристикам. Это свидетельствует об ограниченных возможностях прямого заимствования хозяйственных институтов, характерных для

этих стран. Основы Ст.К институциональной системы содержатся в **культуре вины**.

Страны с *англосаксонской либеральной СЭМ (РК)*, за исключением Великобритании, – страны «переселенческого капитализма». В максимальной степени характерные особенности институциональной архитектуры стран РК представлены в США. И сегодня основными *общественными слоями* населения страны являются потомки предыдущих и современных политических мигрантов – 86,5 %, потомки негров-рабов, завезенных из Африки – 12,5 %, коренное население составляет лишь 0,7 % граждан. На миграцию решались лишь пассионарии, готовые отказаться от традиционных пут социального устройства, взять ответственность за свою судьбу в собственные руки. *Индивидуализм, агональность* – неотъемлемая черта как первопроходцев, так и современных мигрантов. В результате нация формировалась из энергичных людей, предрасположенных к риску, авантюре, индивидуализму, недовольных своим положением на родине. Эти характеристики объединяли представителей английской, немецкой, ирландской, итальянской, шотландской национальных культур. Они составляли стержневую основу общенациональной *системы ценностей* зарождающегося государства. Однако, в меру взросления нации, заряд пассионарности, присущий эмигрантам, постепенно угасает. Их потомки с большим желанием присоединяются к группово-кооперативным взглядам, присущим жителям «старой» Европы. В современных условиях механизм поддержки системы традиционных либеральных ценностей – сохранение высоких показателей миграции населения и активный отбор соответствующих групп среди потенциальных мигрантов. Вместе с тем количество мигрантов – выходцев из Европы – значительно сокращается. На смену им приходят выходцы из Азии, Латинской Америки (рис. 5.11).

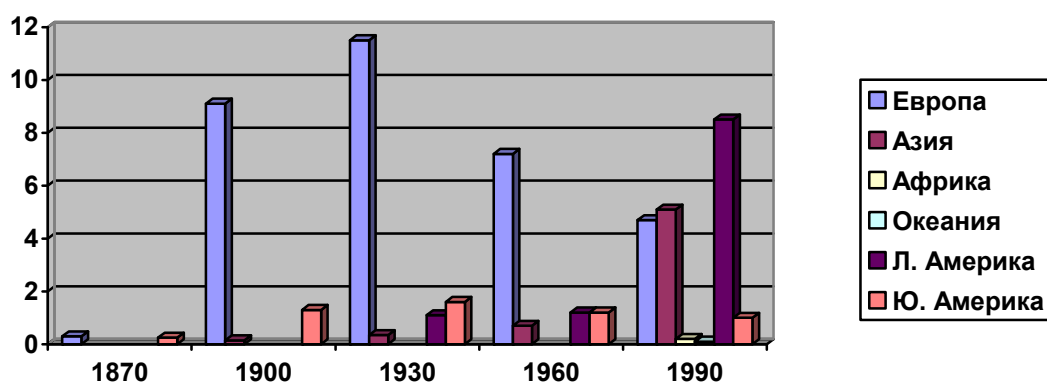

Рис. 5.11. Динамика миграционных потоков в США из основных регионов мира с 1870 по 1990 гг. млн чел.

«Американская мечта» достижения индивидуального успеха вполне соответствует доминирующим социальным ориентациям ценностной системы и представляется стержнем, вокруг которого обращается вся система формирования **коллективных конвенций**. Элитные группы включают преуспевающих бизнесменов, политических деятелей, представителей культуры, богатейших семейств. Они, опираясь на авторитет и мощь государства, с использованием манипулятивных технологий и возможностей средств массовой информации навязывают обществу институты, поддерживающие устои либерального общества индивидуального обогащения⁵⁹¹.

Индивидуалистско-конкурентную направленность ценностных ориентаций закладывает основу Ст.К англосаксонской СЭМ. **Базовые идеологические институты** основываются на ярко выраженном **индивидуализме**, социальном признании возможности и целесообразности социального неравенства, **стратификации, свободе**, самостоятельности, независимости.

Индивидуализм, стратификация и свобода составляют институциональный базис субсидиарной идеологии, **либерально-демократической политической системы**. Вполне комплементарным выглядит организация политических институтов исходя из принципа **власти типа противовесов (борьба за власть)**. Они предусматривают **федеративное государственное устройство**, систему **выборности** органов государственного управления, **многопартийное политическое устройство** и принятие решений **демократическим большинством, самоуправление** и **субсидиарность**, систему **судебных исков**. Правительство формируется по принципу одна партия при власти, другая — в оппозиции. Оппозиция берет на себя функции контроля деятельности правительства. Система **власти**, построенная по принципу **противовесов**, предусматривает постоянное соперничество за власть между двумя ведущими партиями, которые не имеют принципиальных отличий в своих программных документах и обеспечивают стабильность общественной жизни.

Противовесом угрозе неконтролируемого столкновения интересов хозяйствующих субъектов стало усиленное развитие **правовой системы**. Современные США называют страной, где «правит закон, а не личность». **Правовая основа** функционирования либеральной СЭМ — **англо-американское общее право**, правовая система, основанная на прецеденте. Действует принцип «судебная защита предшествует праву». Основные элементы — **общее право** (Common Law) — основной источник, **право справедливости** (Equity Law), дополняющее и корректирующее его, **толкование уставов** (Statute Law) — писаное право парламентского происхождения. **Правовая идеология** демонстрирует Ст.К институтов, относящихся ко всем социальным сферам общества. Она призвана поддерживать **индивидуалистические истоки общественной жизни**,

основанной на **принципах** индивидуализма, приоритете прав граждан перед интересами общества, деэтизации.

Если **для континентальной Европы** право — это совокупность заранее заданных правил, то **для представителей англо-американской правовой традиции** право — это в основном то, к чему приведет судебное разбирательство. Если в **романо-германской системе** юриста интересует прежде всего то, как регламентирована данная ситуация, то в общем праве внимание сосредоточивается на том, в каком порядке ситуация должна быть рассмотрена, чтобы прийти к правильному судебному решению.

Рассмотренные нами религиозные, идеологические, политические и правовые институциональные элементы формируют основы англосаксонской либеральной, частно-корпоративной СЭМ, РК. Для этой экономической модели, утверждают Н. Ушакова и И. Поминова, характерны законодательное обеспечение максимальной свободы рыночных субъектов, абсолютное доминирование частной собственности, ограничение сферы государственного регулирования макроэкономической политикой, относительно незначительная часть госбюджета в ВВП и доля государственных инвестиций и выплат по линии социального обеспечения в структуре государственных расходов⁵⁹².

Характер базовых экономических институтов полностью отвечает социальной направленности западной ИМ. Основу функционирования экономики формирует **частная собственность** на средства производства. Абсолютно доминируют механизмы **обмена (купли – продажи)** экономических благ. Их обеспечивает договорное ценообразование (установление заработной платы, цен на товары и услуги, процентной ставки по кредитам, обменного курса национальной валюты). Механизм функционирования рыночной системы представлен рынками с **несовершенной конкуренцией**. Утилитаризм, приоритет целевой рациональности, как **основа поведения населения в экономической сфере**, предопределяет широкое распространение олигополистических рынков, соответствующего типа конкуренции, приоритет отдельных групп в политической и экономической сфере. Принцип использования **наемного труда** получает распространение не только в традиционной сфере производственных отношений, но и широко представлен в органах государственного управления, военной службе. **Прибыль** выступает в качестве абсолютного критерия эффективности деятельности экономических субъектов.

Гипериндивидуализм в объединении со свободой предпринимательства приводит к **значительной дифференциации доходов населения**. В результате скромный рост заработной платы соседствует со значительным увеличением доходов на акции.

Проследим, как проявляются особенности англосаксонской модели на уровне функционирования конкретных институциональных блоков.

Финансовая система. *Приоритетный источник обогащения* – биржевая спекуляция. В основе финансовой системы – биржа, небанковские финансовые институты. Акционер – финансист выступает в роли аутсайдера. Основной формой финансирования являются инвестиции. Доля банков в финансировании экономики приближается к 11 %. Взаимодействие финансиста и предприятия строится на рыночной основе. Роль инвестора ограничивается получением прибыли. Государство участвует в установлении правил, выступает в роли заемщика финансовых ресурсов. *Бюджетная система* имеет трехуровневую структуру и состоит из федерального бюджета, бюджетов штатов и местных органов власти. Через федеральный бюджет распределяется около 26,3 % ВВП страны. Основной источник (45 %) – подоходный налог с физических лиц. Налоги и взносы в программы социального страхования дают 33 % поступлений, налоги на прибыль корпораций – 10 %, акцизы – 3,5 %. Национальная валюта активно используется для регулирования экономики, и, прежде всего, – для инфляционного стимулирования экономического роста.

Рассмотрим Ст.К и ФК в сфере финансов на примере страхования. В РК получила развитие ***морская модель страхования***. Цель, задачи и принципы страхования определяются индивидуализированными деловыми интересами и зависят от финансовой сферы. Взаимопомощь, солидарность оказываются вне приоритетных мотивов страхователя. Исторический источник – ссуда под морские грузы, которые подвергаются значительной опасности. Больше заботы об эффективности использования риска, чем о безопасности. Речь идет не о солидарности, а о максимально точном определении индивидуальных рисков, для этого используется гиперсегментация тарифов. *Страхование* рассматривается как рынок, который действует *согласно общим законам конкуренции*. Происходит *дифференциация рисков по сегментам*. Преобладает *тип страховой компании* – «***матушки-разносчицы***», ее основная функция – продать дешевле идентичную продукцию на разных сегментах рынка. *Множество тарифов* объединяется с *унификацией отношений между клиентом и финансовым учреждением*. *Принцип деятельности* – «клиент достаточно разумен, чтобы знать, что для него хорошо, и выбрать среди разных страховых компаний и услуг нужную». *Задача* страховой компании – поставлять менее дорогую продукцию и представлять минимум надежности. Рынок работает на основе *дифференциации тарифов* (количественные показатели). Застрахованный платит *страховой взнос*, который максимально возможно точно *отвечает*

стоимости вероятного риска. С одной стороны, клиент больше не пользуется взаимопомощью, а с другой — он не подвергается излишней нагрузке.

Сфера **корпоративного управления** и *предпринимательская система* также имеют ряд специфических черт. Акционер — владелец предприятия — аутсайдер. Участие в управлении сводится к праву голосования на собрании акционеров. Взаимоотношения собственников с предприятием строятся на рыночных принципах. В результате *смысл существования предприятия* сводится к получению прибыли. *Критерий успеха* — *рост* цены акций и размера дивидендов, превышение аналогичных показателей других предприятий. *Система управления* — разрозненные собственники акций, которые делегируют свои права менеджерам. *Инструменты стимулирования менеджмента* — участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация *Временной горизонт* — краткосрочный. *Формы контроля* — динамика цены акций, собрания акционеров, наблюдательный совет, независимый внешний директорат. *Стимулы развития* минимизируются, менеджер заинтересован, прежде всего, в улучшении текущих показателей, а не в работе на перспективу. *Фактический собственник предприятия* — финансовые корпорации, нацеленные на спекулятивные операции с ценными бумагами.

В **производственном процессе** доминируют комплексные, продуктовые, процессуальные, дорогостоящие технологии, применение которых, с одной стороны не требует значительного как межфирменного, так и внутрифирменного взаимодействия, допускают наличие конкурентных отношений между участниками производственного процесса. С другой стороны, опирается на универсальные знания, обладателей которого легко заимствовать на рынке рабочей силы.

Сфера производственных отношений. *ПО* индивидуализированы и децентрализованы. Основным критерием оплаты труда выступают его результаты. *Профсоюзы организованы* профессиональному признаку, слабые, оторваны от политического движения. *Их основная роль* — быть силой, противостоящей владельцам предприятий в переговорном процессе. Максимально либерализованы условия найма и увольнения.

Образование и профессиональная подготовка рассматриваются как проблема самих работающих. Знания и навыки представляются индивидуальным капиталом, носят частный характер, соответственно формирование и эффективное использование его — проблема самого работника. Приоритет получают универсальные, максимально мобильные, легко переносимые с одного предприятия на другое знания и навыки. На их формирование нацеливается и система государственного обязательного образования. Фирмы минимизируют свои вложения в формирование профессиональной квалификации работающих, рассматривают его как источник дополнительных затрат. Одновременно

получает распространение конкуренция, переманивание квалифицированных кадров, рейдерство на рынке рабочей силы.

Национальная инновационная система. Государство берет на себя финансирование исследований и проблем, представляющих общенациональный интерес, ВПК. Усиленное внимание уделяется правовой защите инноваций как частного капитала. Взаимоотношения между разработчиками строятся на конкурентной основе. Доминируют временные группы, создаваемые под конкретные проблемы, корпоративные подразделения, университетские исследовательские центры. Система финансирования включает как внутрифирменное, так и грантовое финансирование прикладных разработок, государственное в отношении стратегически значимых исследований. В целом инновационной сфере свойственен высокий динамизм, абсолютный приоритет разработчика, инженера перед исполнителем, «Эпистемо» над «Техно». Преобладают технологические, продуктовые, радикальные инновации, поддающиеся легкой кодификации и способные принести быстрые плоды. Основные сферы инновационной активности – рынки новых продуктов (информационные технологии, фармацевтика, космос). Система грантового финансирования может служить замечательным примером наличия в пределах *РК* альтернативных, характерных для государств с противоположной ИМ, компенсационных институтов, обеспечивающих общественно значимые проекты.

Государство всеобщего благосостояния. Государство обеспечивает минимальный уровень поддержки на универсальных основаниях. *Структура обязательных социальных отчислений* включает отчисления предприятий на социальные нужды (28 %) и отчисления из зарплат (25 %). *Степень социального равенства* – относительно меньшая, чем в европейских странах, доля среднего класса – 50 % населения. *Борьба с бедностью* не рассматривается как задача государства. Это поле деятельности частных благотворительных учреждений, *Неравенство представляется стимулом развития конкуренции. Дифференциация* в доходах самая высокая среди развитых стран. Доходы меньше связаны со стажем, квалификацией сотрудника. *Система социальной защиты и здравоохранения.* Критерии: *степень защищенности* (от основных рисков, безработицы, семейных неурядиц), *сокращение социального неравенства* (объем и форма помощи), *открытость* (возможность подняться на более высокий уровень социально-экономической лестницы). Доминирует в социальном сознании и идеологии системы социальной защиты логика равенства. Общественные расходы на здравоохранение в два раза меньше, чем в европейских странах, нет обязательного страхования на случай болезни; в национальном масштабе нет помощи по безработице, срок предупреждения об освобождении – два дня. Широкомасштабные социальные программы: предоставление

помощи людям преклонного возраста и людям с доходами ниже среднего. Кроме этого процедурная лихорадка, связанная с огромными штрафами, возможными в результате неудачного лечения, ведет к раздуванию тарифов на медицинские услуги. В них включаются значительные страховые отчисления. Как итог, расходы на здравоохранение в США (16,2 % от ВВП) высочайшие в мире.

Опережающие темпы экономического развития США и других стран с англо-саксонской СЭМ свидетельствуют об определенных конкурентных преимуществах в сравнении с континентальной ИМ. Однако социальные и экономические проблемы, порожденные гипериндивидуализмом, лежащим в институциональных основаниях этой СЭМ, заставляют задуматься о долгосрочных последствиях чрезмерного увлечения сугубо прагматическими целями хозяйственного поведения экономических субъектов.

5.3.2. Европейская континентальная объединенная социал-демократическая модель. Основные показатели стран, принадлежащих к объединенной европейской СДК представлены в **Приложении Ц, табл. Ц. 2.** Характерной особенностью социально-экономического устройства европейских стран является **корпоративизм**⁵⁹³. В основе институциональной модели стран континентальной Европы находятся ценности *католического течения* Христианства. Будучи прямым наследником начального христианства, *католицизм* перенял те его черты, которые определяют ценности хозяйственной жизни верующих. Исследователи выделяют ряд хозяйственных ценностей католицизма, непосредственно повлиявших на специфику экономических отношений. Прежде всего, это требование *экономии, упорядоченности домашнего хозяйства, бережливости. Бытие требует от верующего активности, деятельности, энергичного использования всего человеческого потенциала. «Бегом направляйтесь к миру! Человек, который бежит, который находится в состоянии бега, направлен к миру, — это святой человек. Он постоянно бежит, движется, ищет умиротворение в беге», — проповедовал средневековый религиозный мыслитель Мейстер Екхарт*⁵⁹⁴. В противоборстве личного и общественного *преимущество отдается общественному. Этика и культура имеют приоритет перед экономикой. Имеет значение, как человек использует свою собственность, богатство, во имя чего, не нарушает ли он моральных заповедей при выборе средств его приобретения. Хотя материальные блага не отрицаются, но приоритет имеет духовная составляющая жизнедеятельности человека. Институт частной собственности оправдан, если он служит общему благосостоянию. Признается богоугодность прибыли, рост капитала.* Акцентируется внимание верующих на *легитимности* лишь тех способов его получения, которые связаны с *производительной активностью.*

Потребление не столько экономическая, сколько моральная и культурная проблема.

Именно эти особенности ценностной составляющей менталитета верующих определяют *успех экономик стран с преимущественно католическим населением* в процессе перехода мирового хозяйства к *постэкономической стадии развития*⁵⁹⁵.

Завершение XX ст. и начало нового тысячелетия знаменовались существенным ростом активности и влияния католицизма в мире, особенно в странах, которые развиваются. В табл. 5.3 приведены данные о динамике роста количества верующих с 2000 по 2025 гг. в регионах мира, где наиболее распространено это течение христианства.

Таблица 5.3

Католики в мире. 2000 – 2025 гг.⁵⁹⁶

	Регион мира	2000	2025
1	Латинская Америка	461	606
2	Европа	286	276
3	Африка	120	228
4	Северная Америка	71	81
5	Океания	8	11
6	Всего	1056	1362

Признание первичности интересов индивида связывается со сформированной под влиянием католической церкви еще в начале II тысячелетия, преимущественно в северо- и центральноевропейских странах, *традицией нуклеарной семьи*. Молодое поколение, отделяясь от родителей, брало на себя ответственность за собственную судьбу. Побочный, непредусмотренный, но вполне комплементарный в пределах целостного хозяйственного организма, результат образования небольших семей-домохозяйств – формирование корпораций, объединение ограниченных экономических ресурсов многих разрозненных небольших домохозяйств. *Количественные изменения в размерах отдельных домохозяйств* в сочетании с эволюцией хозяйственного процесса обусловили *качественное изменение субъекта хозяйствования*. Прекращение существования большой традиционной семьи, объединявшей одновременно как все поколения, так и всех родственников в единый хозяйствующий субъект, положило начало *ограничению возможности ведения экономических форм хозяйствования в пределах нуклеарной семьи*. Эволюция, развитие целостных хозяйственных комплексов обусловили «снятие», выделение функции *экономического хозяйствования*. Ее перебирает на себя новый изначально комплементарно-противоположный нуклеарной семье

экономический субъект — предприятие, фирма-корпорация. Производство экономических благ отделяется от потребления, в какой-то степени противопоставляется ему.

Для европейских стран характерна **культура вины**. Социальная направленность ценностной системы имеет **группово-кооперативный характер**. Почти на всех уровнях институциональной системы действует ярко выраженный **полиизоморфизм** с акцентом на индивидуализме. В идеологической сфере базовые институты субсидиарной идеологии в значительной мере переплетаются с комплементарными институтами коммунальной идеологии. В сфере политического устройства приоритет имеют базовые федеративные институты, представительская демократия, **коллегиальное общественное управление** с большим влиянием институтов *власти типа противовесов*. На уровне правовых институтов доминирует *романо-германское (континентальное, гражданское) право*, с существенным влиянием в североевропейских странах и в законодательстве ЕС *общего права*.

Экономические системы европейских стран относят к типу систем, основывающихся на **согласованном свободном предпринимательстве**. Их характерная особенность состоит в *объединении индивидуализма и корпоративизма*, росте открытости экономик. *Частная собственность на средства производства объединяется с переговорным механизмом установления цен, уровня зарплаты, процентных ставок и валютных курсов*. Приоритетное значение имеет обеспечение баланса интересов делового мира и наемных тружеников. *Свободе предпринимательской деятельности*, характерной для *англо-саксонской СЭМ*, в *континентальной СЭМ* противостоит *концепция регулируемой социально ответственной предпринимательской деятельности*. Характерная особенность системы — **эгалитаризм**. В среднем доля правительства в структуре ВВП составляет 35 %. *Способы участия правительства в экономической жизни* включают осуществление целевых программ, микро регулирование, налоговую политику, субсидии, дотации, трансфертные платежи, механизмы контроля и регулирования. Особенность *институциональных механизмов функционирования рынков* — предоставление инсайдерских преимуществ рабочим и менеджерам.

5.3.3. В центральноевропейской модели (ЦЕ вариант СДК) государство берет на себя функции формирования правил, по которым должны действовать хозяйствующие субъекты и наблюдения за их соблюдением.

В наиболее выраженном виде она проявляется в экономике Германии. Успех послевоенного развития в значительной мере основан на удачном учете в сформированной СЭМ специфики национальной

культуры. К характерным особенностям национальной ментальности относят аккуратность, пунктуальность, которые определяют успехи в точных науках и сложных видах деятельности, религиозность, патриотизм, заботу об интересах государства.

Особенность влияния религиозных ценностей предопределяется наличием в структуре населения двух приблизительно равных религиозных групп: католики (по разным данным 34–45 %) и протестанты (34–37 %). Социальная направленность ценностной системы объединяет **индивидуализм**, присущий протестантам, и **группово-кооперативную** ориентацию католиков. Свое конкретное воплощение в повседневной хозяйственной жизни она находит в сознательной дисциплинированности и воспитанной поколениями способности к совместному коллективному труду.

Ценностные основы хозяйствования представителей стран, в которых сформированы разновидности **центральноевропейской СЭС**, по данным исследования Г. Хофстеда (Приложение И), представлены на рис. 5.12.

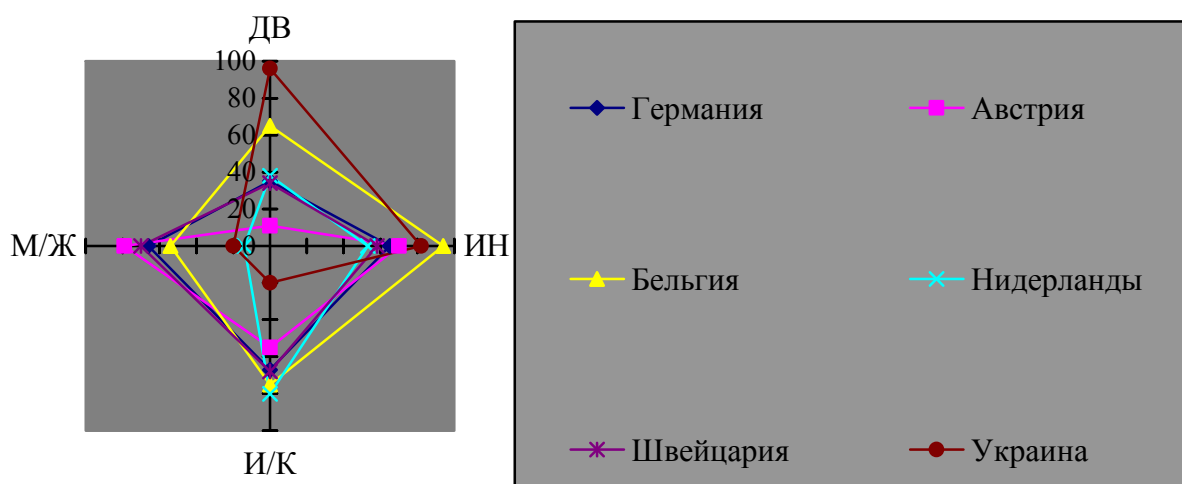

Рис. 5.12. Профиль ценностных характеристик национальных культур ЦЕК

По общему профилю ценностных характеристик хозяйствования представленные страны подобны между собой. Существенные отличия наблюдаются лишь в **дистанции власти** между Бельгией (65) и Австрией (11). Бельгия же отличается существенным **предотвращением неопределенности** (94). Лишь Нидерланды имеют ярко выраженное преимущество женственных черт культуры (14). Профиль хозяйственных ценностей, характерный для Украины отличается **большими дистанцией власти** (96), **предотвращением неопределенности** (82), **высокими показателями коллективизма** (20) и **женственности** (20). По показателям **дистанции власти** ценностные основы хозяйствования **Германии** полностью совпадают с соответствующими характеристиками

таких стран, как Нидерланды и Швейцария. ФРГ занимает *средние места* в группе центральноевропейских стран по показателям *уровня предотвращения неопределенности* (65), *индивидуализма* (67), *мужественности* (66). В целом характеристики национальной культуры хозяйствования Германии отражают профиль ценностей центрально-европейских стран.

В СЭС страны достигнуто удачное объединение институциональных элементов как западной, так и восточной ИМ. Базовые институты некоммунитарной ИМ дополняются комплементарными институтами коммунитарной восточной ИМ. *Игеологический институт субсидиарности* дополняется гармоничным объединением *приоритета индивидуального интереса с учетом интересов общества* в целом. *Свобода* общественных отношений строится на четкой *системе правил* (экономическом порядке), которые призвано *вырабатывать и поддерживать государство*. Оно обеспечивает возможность *общественного определения социальных приоритетов*. *Индивидуальные интересы находят свое выражение* в пределах *общественно признанных норм*. Если субъект действует в рамках установленных правил, ориентиром и общественным критерием его деятельности становится *естественная реакция общества*.

На политическом уровне действуют институты федеративной политической системы (*федерация, самоуправление, выборы, многопартийность, независимая судебная система*). *Власть типа противовесов*, присущая англосаксонской системе, обеспечивает влияние консервативных элементов общества на сферу производства, а левых элементов — на органы общественного контроля и парламент.

Правовая система — германская ветвь *романо-германского (гражданского) права*.

У истоков немецкой модели социальной рыночной экономики стояли ученый-экономист Вальтер Ойкен, политики Людвиг Эрхарт и Альфред Мюлер-Армак. Они попробовали объединить принципы либерализма и социальную ориентацию национальной экономики.

К базовым экономическим институтам относятся *частная собственность, механизм обмена (купля – продажа), конкуренция, наемный труд, прибыль*. В то же время для обеспечения социальной сферы активно используются комплементарные институты *общественно-служебной собственности* на объекты, обеспечивающие функционирование экономики, *сдач – раздач*. Правовая база функционирования экономики поддерживается через механизм *административных жалоб*.

Экономическая система строится на принципах *свободного предпринимательства*. Основные инструменты вмешательства государства — политика правительства и законодательная система. *Экономи-*

ческая политика нацеливается на объединение целей обеспечения высокой эффективности рыночной экономики и гарантирования максимума социальной справедливости. Государственный сектор представлен объектами инфраструктуры. Собственность делится на федеральную и местных органов власти. Сохраняются государственные монополии в сфере почтового обеспечения, транспортного хозяйства. Доля государства в акционерном капитале – 9 %.

Производственные отношения централизованы на секторальном уровне. Сторонами переговоров об условиях труда и заработной платы выступают профсоюзы, союзы предпринимателей и государство. Основными критериями оплаты труда выступают должность, профессиональная квалификация, результаты труда. Участие наемных работников в управлении предприятием осуществляется через Рабочие советы. В стране действуют сильные профсоюзы, организованные по отраслевому принципу, связанные с политическими движениями. *Роль профсоюзов заключается в том, что они, как партнеры владельцев и менеджеров, в деле осуществления социальных функций предприятия, берут на себя функции обеспечения социальной защиты, повышения квалификации и переквалификации работающих.* Профсоюзы широко представлены в федеральных службах, имеют собственную страховую компанию, забастовочные кассы; представители профсоюзов избираются в парламент. Много депутатов вышли из профсоюзов. Профсоюзы в существенной мере руководят системой образования, прежде всего непрерывного обучения, переквалификации безработных. Подобная ситуация приводит к тому, что в Германии наиболее низкие потери рабочего времени от забастовок.

Корпоративное управление. *Смысл существования предприятия в рейнской модели – обеспечение социального благополучия, где ключевое значение предоставляется социальной роли предприятия. Критерий его успеха – благосостояние и согласие всех социальных партнеров, обеспечивающих успешное функционирование. Система управления предусматривает кооптацию полномочий акционера, менеджера и персонала, учет интересов банка – постоянного партнера, финансиста предприятия. Временной горизонт – долгосрочный. Источник обогащения – конкуренция в производственной сфере. Инструменты стимулирования менеджмента – участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация. Формы контроля – мониторинг банка-партнера, наблюдательные советы, перекрестное владение акциями, рабочие советы.*

Финансовая система строится на основе доминирования банка-постоянного партнера и финансиста предприятия. Основная форма финансирования – кредит. Банки являются *фактическими собствен-*

никами предприятия, связывают свои стратегические цели с поддержкой долгосрочных деловых контактов с постоянными клиентами. В результате стимулы развития приобретают долгосрочную основу, поскольку люди, которые принимают решения относительно распределения прибыли, заинтересованы в долгосрочном развитии предприятия. Государство устанавливает правила, перераспределяет финансовые потоки в соответствии с социальными нуждами. В денежно-кредитной сфере функционирует двухуровневая система кредитных учреждений, возглавляемая Немецким федеральным банком. В его структуру входят земельные банки и банки с участием государственного капитала («Банк восстановления», «Банк фонда выравнивания бремени», «Немецкий коммунальный банк» с системой сберкасс). Основные активы частных банков приходятся на «Дойчебанк», «Дрезднер банк», «Коммерцбанк». Налогово-бюджетная сфера основывается на трехуровневой бюджетной системе, включающей федеральную, земельные и местные составляющие. Объем консолидированного бюджета составляет 31,7 % ВВП. Основные налоги: на прибыль, на добавленную стоимость, корпоративный. Ставки налогообложения регулярно пересматриваются.

В формировании профессиональных навыков на равных участвуют государство, фирмы, их ассоциации, сам индивид. Обучение и образование предусматривает активное и непосредственное участие предприятий в подготовке своих кадров. Знания и навыки рассматриваются как общественно-корпоративный и частный капитал. Ориентация на приобретение специальных знаний, углубленную специализацию в конкретной сфере. На рынке квалифицированной рабочей силы фирмы выступают как партнеры.

Модель производственной деятельности. Доминируют требующие специальных знаний, кооперации усилий, организационные, дорогостоящие технологии, обеспечивающие получение эффекта от расширения масштаба производства.

Государство всеобщего благосостояния. Основные субъекты государство, фирмы, ассоциации. Роль государства состоит в обеспечении универсальной поддержки всех нуждающихся в помощи. Структура обязательных отчислений: отчисления на социальные нужды выше, чем в англосаксонской системе (в среднем 35 %), налоги на социальные нужды, вычитаемые из зарплаты — до 40 %. Степень равенства: как и в японской корпоративной (иерархической) СЭМ, относительно высока доля среднего класса (75 % населения Германии, 80 % населения Швеции и Швейцарии, 89 % населения Японии). Бедность «запрещена федеральным законодательством». Общество обязано обеспечить неимущих жильем, пищей, уходом. Современная бедность имеет женское лицо — одинокие матери. Налоговая система

сокращает и без того сравнительно узкий диапазон дифференциации доходов. Доходы в значительной мере зависят от стажа и квалификации. Подобное положение является фундаментом солидарности всех слоев общества. Система социальной защиты и здравоохранения. Основы заложены Бисмарком. Страхует граждан страны на случай болезни, несчастных случаев на производстве, безработицы, включает систему обучения и переобучения. Расходы составляют 11,3 % от ВВП. Система активной ответственности обеспечивает самодисциплину пользователей. Принята Альпийская система страхования (распространена в альпийских странах, Японии). Страхование рассматривается как сфера взаимной поддержки, солидарности, действует солидарный рынок, риск – общее дело, каждый вносит собственный взнос относительно независимо от вероятности личного риска, солидарное перераспределение риска внутри общества. Исходный постулат – общность интересов, объединяющих владельцев страховых агентств и клиентуру, принцип социального согласия, солидарности в управлении и защите справедливости между правлением и акционерами. Прибыль не является конечной целью страхового предприятия, это добровольное дополнение к его деятельности. Действуют единые страховые тарифы. Конкуренция касается не размеров тарифов, поскольку они едины, а качества обслуживания. Признается преимущество правления перед держателями акций. Приблизительно у трети фирм акции именные, и это препятствует политике принудительного поглощения. Страховые услуги регламентированы в законодательном порядке. Отношения банкира и страхователя с клиентом персонифицированы. Страховой рынок основывается на оценке качества услуг, которые предоставляются. Страхование рассматривается как общественная услуга, которая подчиняется четкой регламентации. Общий принцип: если пользуешься взаимопомощью, то принимаешь на себя общую нагрузку системы страхования. В отличие от англосаксонской системы, где страховую компанию сравнивают с «матушкой-разносчицей» указанные принципы предопределяют появление типа «страховой компании королевы».

Национальная инновационная система. Государство поддерживает общественно значимые проекты. Обеспечивается правовая защита инноваций как корпоративного, частного, сетевого капитала. Инновационная система включает государственные институты, корпоративные подразделения, временные исследовательские группы, незначительная роль академических структур. Система финансирования предусматривает объединение средств государства (фундаментальные социально значимые проекты) и частных корпораций (прикладные коммерческие проекты). Взаимодействие между разработчиками строится на основе

сотрудничества в рамках сети, ассоциации и конкуренции на внешних рынках. Инновации нацелены на совершенствование продуктов, технологий, расширение сфер применения, приоритет разработчика над практиком, «Эпистемо» над «Техно». Доминируют организационные, последовательные, инкрементальные инновации, направленные на повышение качества продукта. Инновация рассматривается как аккумуляция знаний, направленная на удовлетворение общественных потребностей. Основные сферы инновационной активности – отрасли, сочетающие высокую специализацию профессиональных навыков с социальной востребованностью: биотехнологии, космос, фармацевтика.

В целом модель социально-ориентированной рыночной экономики характеризуется высокой долей частного сектора, макроэкономическим регулированием (кредитно-денежная, налогово-бюджетная, структурная, инвестиционная политика, регулирование трудовых отношений), первоочередной поддержкой конкурентных отношений в экономике, малого и среднего бизнеса, перераспределением через бюджетную политику значительной части ВВП, развитой системой социальной поддержки населения⁵⁹⁷. Государство берет на себя обязанности обеспечения условий для конкурентного соперничества производителей на принципах эффективности, коррекции отрицательных последствий эффективной конкуренции с помощью социальных компенсаций, формирования и регулирования хозяйственной деятельности, регулирования процессов между человеком и природой в ходе производственной деятельности и в непроизводственной сфере.

5.3.4. Дальневосточная патриархальная корпоративная СЭМ (мезокорпоративный капитализм) относится к СЭМ с выраженными цивилизационными особенностями (**Приложение Ц, табл. Ц. 3**). Специфика дальневосточной патриархальной корпоративной СЭМ, капитализма мезокорпораций, *проявляется* в доминировании в общественной жизни коммунитаристских принципов. Личность остается неотъемлемой частью большой традиционной семьи. Базис Ст.К составляет **культура стыда**. Ценностная система имеет преимущественно **группово-кооперативную направленность**.

Профиль ценностных характеристик (**Приложение И**) основных стран, принадлежащих к МК (рис. 5.13) отражает существенную близость национальных культур, в основе которой – конфуцианское мировоззрение.

Одновременно в нем находит свое воплощение специфика и стадия модернизационного процесса в конкретной стране. Позитивное отношение к неопределенности, характерное для Гонконга и Сингапура, можно связать с влиянием британского наследия, относительной стабильностью развития в последние полвека.

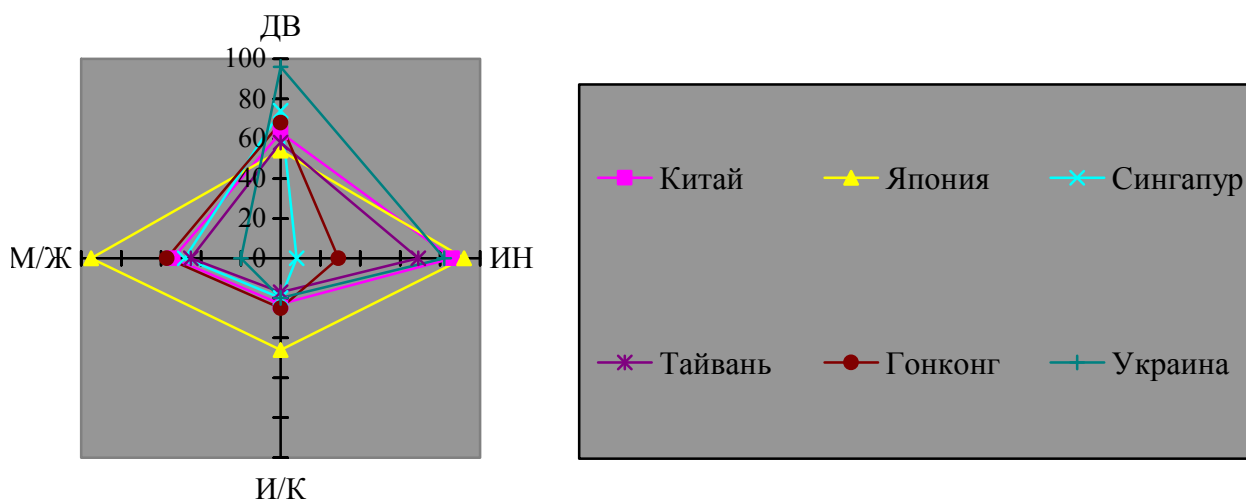

Рис. 5.13. Профиль ценностных характеристик стран с конфуцианской моделью МК

В наиболее развитой форме МК существует в современной Японии. Остановимся на её характеристике более детально.

Базовые **идеологические институты** находят воплощение в приоритете коллективизма, эгалитаризма, социального порядка. **Политические институты** создаются по принципу консенсусного принятия решений. Одновременно официальная политическая система строится на принципе **власти типа противовесов**. К базовым политическим институтам относят **административное государственное устройство, выборы, многопартийность, демократическое большинство, самоуправление и субсидиарность**. Особенностью институциональной системы Японии есть существование **института договорного взаимного согласования** спорных вопросов.

В институциональной системе как на уровне идеологических, так и на уровне политических и экономических институтов проявляется гармоничное объединение элементов коммунальной и некоммунальной институциональных матриц. Однако, по утверждению многих западных исследователей, значительное влияние коммунальных институтов на формирование экономической системы предопределяет снижение конкурентоспособности национальных компаний в условиях формирования «новой экономики».

Япония — конституционная монархия. Императорская династия считается древнейшей в мире. Но император — формальный глава государства. Законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту (палата советников и палата представителей). Исполнительную власть возглавляет премьер-министр. Он руководит кабинетом министров. Судебную власть возглавляет Верховный суд.

В Японии наряду с **обычным** правом действуют элементы **романо-германского** и **общего права**. Заимствование европейских традиций

права началось с французского, но в конце XX ст. переориентировались на традиции немецкого права (Конституция 1889 г. составленная по образцу Конституции Пруссии 1850 г.), оно было ближе по духу имперской Японии. После Второй мировой войны правовая система в большей мере переориентируется на американские образцы общего права (Конституция 1946 г.). Уголовно- и гражданско-процессуальные кодексы переориентируются в сторону расширения принципа состязательности. В сфере экономики заимствуется законодательство о компаниях, антитрестовское законодательство. Однако судебное разбирательство не отвечает нормальному состоянию вещей. Общеизвестна убежденность в том, что оппоненты должны решать спорные вопросы полюбовно, не обращаясь в суд. Приоритет отдается неформальным правилам, а не правовым нормам.

Экономическая система свободного предпринимательства характеризуется согласительным типом взаимодействия субъектов хозяйствования. Повышенные требования к согласованию хозяйственной деятельности приводят к тому, что либеральная по форме система свободного предпринимательства приобретает свойства, близкие к централизованному планированию.

Базовыми экономическими институтами выступают **частная собственность, наемный труд** со значительными элементами (*система пожизненного найма*) **служебного труда, координация** в рамках **кейрецу** и на уровне **министерства экономики, торговли и промышленности (MEDI)**, соединяется с активным развитием **конкуренции**, сохраняются **редистрибутивные отношения** в рамках **кейрецу** и семейных фирм, **одновременно безоговорочный приоритет имеет обмен (купля – продажа)** в отношениях с внешними экономическими агентами, **пропорциональность** как форма взаимодействия в рамках **кейрецу** объединяется с **приоритетом прибыли** как критерия эффективности деятельности во внешней среде.

Вмешательство правительства в экономическую жизнь осуществляется посредством правительственных программ, макроэкономического регулирования монетарной и фискальной политики, микроэкономического администрирования и регулирования внутренней и внешней экономической деятельности.

Высокий уровень коммунизма обеспечивает **перекалывание обязанностей по социальной поддержке социально незащищенных слоев общества с государства на семью и местные сообщества**. Благодаря этому **доля правительства в ВВП составляет всего 15 %**.

Комплементарное отделение функции непосредственного обеспечения воспроизводства членов семьи в пределах домохозяйства от функций производства экономических благ осуществляется по иному сценарию, чем в Европейских странах. Семейные предприятия корпо-

ратизируются. Но заимствованная в Европе корпоративная организация бизнеса действует на иных принципах. Прежде всего, принципы отношений в традиционной семье перенесены в сферу внутрикорпоративного взаимодействия. Наёмный работник чувствует себя членом «корпоративной семьи» со всеми правами и обязанностями. Безусловно, не следует идеализировать и абсолютизировать такие отношения⁵⁹⁸. Процесс модернизации общественной жизни в странах Азии продолжается. Но опыт Японии, новых индустриальных стран региона, свидетельствует, что *полиизоморфно* комплементарные, взаимодополняющие соотношения редистрибутивных и обменных отношений охватывают всю систему хозяйствования, начиная с ФС (центральные банки в пределах сетевой структуры/фондовые биржи), КУ (кейрецу — Япония, чеболы — Южная Корея, гуанкси-квиех — Тайвань, джазеи-и джитиан-квиех — Китай), ОПП (государственная/частное образование/повышение квалификации на производстве), НСИ (государственное финансирование, индикативное планирование, стимулирование НИиОКР/гранты/частные корпоративные разработки) и заканчивая ГВБ (традиционная семья/государственные программы).

Производственные отношения носят патриархально-корпоративный характер. Основной принцип оплаты труда — приоритет стажа, возраста, социальной позиции, профессиональной квалификации. Предприятия имеют собственные профсоюзы. На крупных предприятиях преобладает пожизненный найм, доминируют неформальные взаимные обязательства между предприятием и его сотрудниками. Доминирует гибкий внутрикорпоративный рынок труда. Система ротации кадров внутри предприятия совмещается с жестким внешним рынком труда. Практика переманивания кадров считается недопустимой.

Образование и подготовка кадров. За формирование общетеоретических знаний отвечает государство. Формирование профессиональных квалификаций — сфера ответственности предприятий. Знания и навыки персонала рассматриваются как корпоративный, сетевой капитал. Ценится углубленная профессиональная специализация.

В финансовой системе доминирующая роль принадлежит банкам, входящим в структуру кейрецу и являющихся их главным финансистом. Соответственно инвестор выступает в роли инсайдера, активно участвующего в управлении предприятием. Основная форма финансирования — кредитование. Отношения строятся на лишь частично формализованной основе. Ключевая роль принадлежит неформальным связям. Государство устанавливает правила, координирует финансовую активность. Главным банкам кейрецу принадлежит одна из ключевых ролей в управлении корпорациями, входящим в их состав.

Корпоративное управление. В качестве ключевых субъектов стратегического управления выступают шачокай (совет директоров), головные банки, торговые компании, акционеры, менеджмент, наемные работники. Управление нацеливается на долгосрочные цели. Инструменты стимулирования менеджмента — системы пожизненного найма, продвижения и оплата труда согласно стажу, репутация (Япония), включение в семью, землячество, стимулирование (страны ВА). Используется внутрисетевой и внутрифирменный контроль их деятельности, перекрестное владение акциями компаний, входящих в состав кейрецу, ротация управленческих кадров в рамках кейрецу. Доминантный тип корпоративной культуры — семья. Доминирующая структура фирм — конгломераты, направленные на диверсификацию производства в нескольких секторах; активное взаимодействие между участниками. Высокая степень интеграции в рамках кейрецу.

Модель производственной деятельности. Преобладают технологии, основанные на кооперации труда, изоэкономной организации, дорогостоящие, требующие от персонала специальных знаний. Изменения носят инкрементальный, организационный, частичный, децентрализованный характер, нацеливаются на внедрение инноваций, обеспечивающих рост отдачи от увеличения масштабов производства.

Государство всеобщего благосостояния. В качестве основных субъектов, принимающих ответственность за благосостояние, выступают семья, фирма. Государство обеспечивает минимальный уровень поддержки на универсальных условиях. Преобладает морская модель страхования.

Национальная инновационная система. Государство обеспечивает координацию научно-технической политики, индикативное планирование, поддержку продвижения продукции, поиск инноваций на внешних рынках. Существенная часть инноваций представляет молчаливое знание, собственность сети, сетевой капитал. Правовая защита имеет вторичное значение. Доминируют корпоративные службы, ведущие прикладные исследования в тесной связи с производственными подразделениями, отрыв от академической науки. Абсолютное доминирование корпоративных источников финансирования инноваций. Разработчики активно взаимодействуют в рамках сети и выступают в роли конкурентов на внешних рынках. Инновационная деятельность направлена на поиск потенциально выгодных инноваций, их адаптацию, переосмысление и внедрение, совершенствование технологий и продуктов, практик ставит задачу исследователю, приоритет «Техно» перед «Эпистемо». Преобладают организационные, поэтапные инновации на основе координации и аккумуляции знаний, направленные на усовершенствование продукта, адаптацию к фазе жизненного цикла товара с быстрой переориентацией в соответствующий момент.

Основные сферы инноваций (автомобилестроение, робототехника, электроника, легкая промышленность) ориентируются на внешние рынки сбыта.

Сопоставление основных социально-экономических моделей позволяет выявить комплементарную связь между доминирующими в национальных культурах социальными ориентациями ценностной системы и особенностями их институционального устройства, взаимосвязь Ст.К и ФК.

Выводы по главе 5

1. Институциональные блоки хозяйствования в рамках социальных систем производства либо моделей капитализма являются частью, элементом СЭС, включены в неё и подчиняются задаваемыми ею требованиями. Ст.К в рамках каждой из сфер соответствует условиям, задаваемым на уровне системы в целом. Исходные принципы их структурирования – либо субсидиарность (индивидуализм), либо коммунитаризм (коллективизм). Для стран континентальной Европы и Восточной Азии в качестве доминирующего принципа структурной комплементарности характерен корпоративизм. В случае Европы корпоративизм предполагает принятие индивидом, руководствующимся идеологией субсидиарности, добровольных обязательств перед коллективом и подчинение контролю с его стороны. Истоки патриархального корпоративизма содержатся в идеологии коммунитаризма. Патриархальные отношения переносятся в корпоративную сферу. Человек рассматривает себя как часть коллектива, интересы которого признаются первичными. ФК обеспечивает связность функций, осуществляемых в рамках институционального блока и его включенность в социальные системы производства, режимы накопления и роста, СЭС в целом.

2. В качестве ключевых институциональных блоков СЭС выделяются производственные отношения, финансы, корпоративное управление, подготовка кадров и производственное обучение, сферы инноваций, и социальной защиты населения. В отношениях между институциональными блоками приоритетное значение приобретает функциональная комплементарность. Условием обеспечения полиизоморфной структурной комплементарности в рамках и между институциональными блоками является включение их состав компенсационных институтов, позволяющих ослабить структурные и функциональные проблемы, возникающие в результате совмещения некомплементарных институтов, формируемых на основе отличных логик социального взаимодействия.

3. Выделение в рамках СЭС социальных систем производства, режимов накопления и способов развития отражает процесс признания множественности вариантов капиталистического развития и попыток выявить ключевые компоненты институциональной архитектуры, обеспечивающих успех развития экономики. Особое значение при определении эффективного способа развития имеет обеспечение комплементарного взаимодействия политических и экономических институтов, способного обеспечить национальный консенсус относительно взаимоприемлемых условий развития экономики.

4. Сопоставление основных социально экономических моделей позволяет выявить комплементарную связь между доминирующими в национальных культурах социальными ориентациями ценностной системы и особенностями их институционального устройства.

ГЛАВА 6

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СЭС УКРАИНЫ

На начальном этапе реформ Украине пророчили быстрое вхождение в число наиболее развитых стран мира. В чем причина провала надежд на это? Можно ли выделить ключевые принципы, стержень, способный стать объединяющим началом формирования эффективной институциональной архитектоники национальной СЭС? Каковы предпосылки её формирования?

6.1. От «рыночной экономики» к собственной модели капитализма

Два десятилетия, охватывающие историю новейшей украинской государственности — период незначительный в масштабах эволюции национальной культуры. Однако за это время произошли кардинальные изменения характера социально-экономического устройства. С трансформацией роли государства в хозяйственной жизни связывались надежды сторонников реформ. И это им удалось. Но обеспечили ли эти изменения обещанный в их начале рост качества жизни населения?

На старте реформ мы имели дело с безоговорочным доминированием идеологии приоритета государственных интересов, государством-монстром, проникающим буквально во все стороны хозяйствования⁵⁹⁹. Трансформация началась с самоустранения, ускоренного бегства государства из всех допустимых и недопустимых сфер общественного воспроизводства. К настоящему моменту страна подошла с ситуацией, которая все больше напоминает «приватизацию» самого государства со стороны наиболее успешных бизнес-группировок, когда оно выступает в роли орудия достижения частных интересов. Подрывается вера

граждан в самую возможность добропорядочной достойной жизни на Родине. Происшедшее вполне соответствует эволюции в восприятии государства-Левиафана, описанной российскими исследователями Р. Гринбергом и А. Рубинштейном⁶⁰⁰. В добиблейских утритских мифах Левиафан предстает морским чудовищем, воплощающим силы Хаоса в изначальной борьбе с Творцом. В библейской традиции оно лишается божественной сущности, превращается в морское чудовище, «большую рыбу», с которой сравнивают египетского Фараона, Вавилонское царство. Левиафан — это жестокое, враждебное государство. Впрочем, через полтора тысячелетия наш возмужавший Левиафан обретает навыки управления и превращается в представлении Гоббса в воплощение любого государства. Знаменательна эволюция нашего героя от силы Хаоса к оплоту борьбы с ним. Пожалуй, представителя либерализма могла бы заинтересовать некоторая неадекватность исконной сущности и функций, возлагаемых на нашего героя. У А. Смита и его последователей дальнейшая эволюция превращает Левиафана «в обычного «ночного сторожа» — скромного ВОХРовца наших дней, который в свободное от дежурства время подрабатывает «дворником» на конкурентном рынке, очищая его от постоянных ошибок «невидимой руки»⁶⁰¹. Но и на этом эволюция не заканчивается. У Дж. Бьюкенена древнее морское чудовище предстает в уничижительной аллегории государственных и политических процессов. Государство превращается в «пугало в безупречном костюме и белом воротничке безликого и бездушного бюрократа»⁶⁰². Продолжая эволюцию можно было бы предложить еще и образ склеротического старика, который в условиях все большего открытия национальных экономик и глобализации теряет контроль над происходящим.

Вполне предсказуемо, что в условиях глобального поражения командно-административного способа хозяйствования внимание реформаторов сосредоточилось на его внешней альтернативе — рыночной экономике. Однако негативные последствия экономической политики первых лет реформ заставили обратить внимание на неоднородность рыночных экономических систем. Происходит понимание того факта, что трансформация экономической системы — процесс значительно более сложный, чем ускоренный отказ государства от участия в хозяйственном процессе и формальное внедрение рыночных институтов⁶⁰³.

Попытаемся разобраться, о чем идет речь, когда мы говорим о «рыночной экономике» и «капитализме». Эволюцию названия экономической системы, доминирующей в современном мире прослеживает Дж. Гэлбрейт в работе «Экономика невиновного обмана»⁶⁰⁴. В Европе капитализм связывают с утверждением власти владельцев капитала и эксплуатацией наемных работников. В США —

с манипуляциями монополий с ценами и издержками, биржевыми спекуляциями и кризами. Термин приобрел негативную коннотацию, а сама система, в своем чистом виде признается неспособной обеспечить постоянное, бесконфликтное развитие общества. В Европе в качестве альтернативы принята социал-демократия. В США — рассматривался «новый курс», «свободное предпринимательство». Общеизвестным стало выражение «рыночная система». Избрано это выражение потому, что, по утверждению Дж. Гэлбрейта: «...оно не имело отрицательной истории — впрочем, у него вообще не было истории. Вряд и можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла — выбор был сделан»⁶⁰⁵. И хотя термин «рыночная система» едва ли подходит в качестве приемлемой альтернативы «капитализма», «в современной экономической дискуссии и в преподавании экономики данная тема, — отмечает ученый, — так и остается нераскрытой»⁶⁰⁶. Оригинальный взгляд на соотношение капитализма и рынка, рыночной системы и их место в экономическом развитии предлагает Дж. Арриги⁶⁰⁷. Ученый акцентирует внимание на концепциях «естественного развития» (А. Смит) и «неестественного развития» (К. Маркс и Й. Шумпетер). В первом, «рыночном» варианте развитию, характерному для стран Давнего Востока, стран, где развитой рынок существовал уже в давние времена, развитие шло от сельского хозяйства к промышленности и дальше к внешней торговле. Его мотив — удовлетворение потребительских нужд общества, интересы которого призвано защищать государство. Естественное ограничение достигается в верхней «ловушке равновесия» между совокупным ВВП и ВВП на одного жителя. Второй, западный, «капиталистический», вариант развития, в качестве «локомотива» рассматривает внешнюю торговлю. Именно она дает толчок развитию промышленности и далее, в последнюю очередь, сельскому хозяйству. В этом случае капиталистический мотив получения прибыли, приумножения количества денег как универсального инструмента власти приобретает приоритетное значение. В противоположность большинству современных экономистов Дж. Арриги утверждает, что А. Смит признавал целесообразность вмешательства государства в рыночный процесс. Общественная необходимость признается детерминантом личной свободы. Кратковременный, в историческом измерении, успех капитализма Запада по мысли Дж. Арриги — скорее временное **непреднамеренное последствие** преимуществ использования Западом трудосберегающих технологий перед ресурсосберегающими, характерными для Востока. Этот успех — результат неразрывной связи западного капитализма с индустриализацией и милитаризацией, случай, когда варварство торжествует над цивилизацией. В целом, диалектика комплементарности общественных

отношений (целое — часть) демонстрирует два варианта экономического устройства. Первый — восточный, когда целое, *государство, подчиняет общественным интересам частный интерес капитала, рынок*, и второй, западный, когда часть, *частный капитал подчиняет своим интересам рынок, государство*. В крайнем случае, частный интерес «приватизирует» и его.

Сопоставление сущности и институциональных сфер рыночной и капиталистической экономики в какой-то мере позволяет выявить «белые пятна» трансформационных изменений. Словарь Макмиллана определяет рыночную экономику как экономическую систему, в которой децентрализованные решения относительно распределения ресурсов и производства принимаются на основе цен, формирующихся в результате добровольного обмена между экономическими субъектами⁶⁰⁸. «World Book Dictionary» (WBD) ограничивается следующим определением: «экономическая система, которая основывается на свободном предпринимательстве; *капитализм* (Выделено мной — В.Л.)»⁶⁰⁹. Приведенные определения практически идентифицируют *рыночную экономику с капитализмом*. Составители экономической энциклопедии рассматривают рыночную экономику скорее как элемент капитализма, эволюционирующий вместе с последним⁶¹⁰. Избегает термина «капитализм» в контексте «рыночной экономики» и Большой экономический словарь⁶¹¹. В трехтомной Экономической энциклопедии под рыночной экономикой понимается «*капиталистическая экономическая система, основанная на индивидуальных формах частной собственности, ... свободной игре рыночных сил* (Выделено мной — В.Л.)»⁶¹². С. Мочерный, автор статьи, *считает употребление термина «рыночная» в отношении современной экономики неоправданным, «иррациональным»* по нескольким причинам. Во-первых, рыночная экономика в более-менее чистом виде существовала лишь только до первой половины XIX века. Действенность рынка подрывается процессом монополизации и экономическим регулированием со стороны государства. Во-вторых, постоянное изменение условий хозяйствования и соответствующая эволюция экономических систем обуславливают необходимость учета этих изменений и в наименовании. Экономика начала XIX ст. существенно отличается от экономики начала века XXI. В-третьих, вся экономика характеризуется на основе лишь одной ее сферы — обмена. Производство, основа создания экономических благ, оказывается на периферии хозяйственного процесса, если вообще принимается во внимание. В-четвертых, игнорируется социальная сторона функционирования экономической системы. Автор отмечает, что использование термина «рыночная экономика» обусловлено «недостаточным применением

диалектического метода познания и отсутствием соответствующего метода мышления»⁶¹³.

Таким образом, в большинстве случаев рыночная экономика признается элементом капитализма, или разновидностью капиталистической экономики. В целом, термин «капитализм» не очень популярен в англосаксонской традиции экономической мысли и в постсоветской экономической литературе. Однако внимание к исследованию капитализма как явления экономической жизни сохраняется не только в неомарксизме, но и в других направлениях западноевропейской экономической мысли. Достаточно красноречиво звучит уже само название научного исследования одного из признанных представителей общественной науки современной Франции П. Розанваллона: «*Утопический капитализм. История идеи рынка*»⁶¹⁴. С одной стороны, прослеживается непосредственная параллель с утопическим социализмом, но с другой — *что делает капитализм утопическим?* Ответ однозначен — *само злоупотребление идеей рынка*. Современный подход к исследованию капитализма имеет свои характерные признаки. Наличие разных взглядов, легализация разных моделей капитализма дополняется эволюцией самой концепции капитализма, отражающей эволюцию экономической системы в процессе её развития.

Среди классиков экономической мысли, уделявших большое внимание исследованию капитализма как явления хозяйственной жизни, помимо К. Маркса, прежде всего, следует назвать В. Зомбарта и Ф. Броделя. Согласно последнему термин «*капитал*» в современном значении этого слова появляется уже в XII — XIII века, «*капиталист*» — XVII (1633 г.), а «*капитализм*» лишь в середине XIX века. В 1850 г. Л. Блан определяет его как присвоение капитала одними за исключением других. В этот же время П. Прудон дает «капитализму» следующее определение: «*Экономический и социальный строй, при котором капиталы — источник дохода — в целом не принадлежат тем, кто приводит их в действие своим собственным трудом (Выделено мной — В.Л.)*»⁶¹⁵. Развернутое определение капитализма как системы хозяйствования дает В. Зомбарт⁶¹⁶.

В 1926 году «Словарь Французской академии» определял капитализм как «совокупность капиталистов», в 1958 г. — «*экономический строй, при котором производительные богатства принадлежат ... частным лицам или частным кампаниям (Выделено мной — В.Л.)*»⁶¹⁷. В середине XX ст. А. Гершенкрон трактовал капитализм как «современную *индустриальную систему*». Практически то же самое имеет в виду и Дж. Гэлбрейт⁶¹⁸. Словарь Вебстера определяет капитализм как: «*экономическую систему, в которой средства производства, распределения и обмена находятся в частной собственности и используются с целью получения частной прибыли*»⁶¹⁹. В WBD характеризуют его как *экономическую систему*,

в которой частные лица или группы лиц владеют средствами производства, а богатства концентрируются в руках немногих⁶²⁰. Аналогичное по содержанию определение мы находим и в Словаре Макмиллана⁶²¹. Составители характеризуют отличие капитализма от феодализма и социализма, выделяют критерии варьирования отдельных форм капитализма. Экономическая энциклопедия капитализм определяет как *экономическую систему*, базирующуюся на социально-экономической отчужденности основной массы работников от большинства объектов собственности ... от экономической власти и самого процесса труда и подчиняющую себе другие формы некапиталистической собственности — мелкотоварную, кооперативную, формируя целостный процесс расширенного капиталистического воспроизводства⁶²². Последние определения акцентируют внимание на формах социальных отношений, характерных для капитализма.

Следует отметить, что упомянутая выше задержка с выделением термина «капитализм» вовсе не означает, что раннее не могла существовать сама система. Вспомним хотя бы название работы Г. Сальвиоли — «Капитализм в античном мире. Этюды из истории хозяйственного быта Рима»⁶²³. Ф. Бродель отмечает, что уже в древние времена доминирования докапиталистических отношений капитализм существовал как определенный «мир в себе», был чужд окружающим социальным и экономическим обстоятельствам⁶²⁴.

Определение капитализма как «*мира в себе*» видимо лучше всего характеризует глубину трансформационных преобразований, необходимых для обеспечения успеха реформ. Не формирование рыночных институтов, а интеграция соответствующих ценностей в национальную культуру, последовательная коррекция идеологических, политических, правовых и, наконец, экономических институтов. Глубинная перестройка всего порядка общественной жизни наций — процесс, который в странах «первого эшелона капитализма» продолжался по нескольку сотен лет. «Реформаторам» на все это должно было хватить 100 — 500 дней. Они же не строили «капитализм», а только внедряли «рынок». Насколько же изначально были обреченные реформы, если реформаторы спешили расстраивать специфическое, игнорируя, и даже идя против общего.

Достаточно вспомнить, что понимается под рынком. В словаре Макмиллана находим следующее толкование: «Некоторый контекст, в котором осуществляются купля и продажа товаров и услуг»⁶²⁵. Подробнее характеризует рынок словарь Вебстера. Он представлен как место продажи товаров; регион или сфера сбыта; спрос; совокупность потенциальных потребителей; группы лиц, выделенные согласно специфике потребления; продажа ценных бумаг и товаров⁶²⁶. Аналогичную характеристику рынка находим в WBD⁶²⁷. Экономическая

энциклопедия дает такое определение: «Совокупность экономических отношений между физическими и юридическими лицами ... по организации и купле-продажи различных товаров и услуг согласно законам товарного производства»⁶²⁸. Ближкое выше приведенному определению находим в Большом экономическом словаре. Рынок — это: «1) совокупность социально-экономических отношений в сфере обмена ...; 2) всякий институт или механизм, который сводит вместе потребителей и продавцов ... товара или услуги»⁶²⁹. Экономическая энциклопедия под редакцией Л. Абалкина предлагает определение рынка как совокупности условий, пространство и способ взаимодействия спроса и предложения⁶³⁰.

В целом рынок воспринимается как: некий комплекс статистических показателей; место торговли; совокупность организационных форм обмена; феномен взаимодействия экономических субъектов; организационные популяции; переплетение социальных сетей; совокупность институтов; механизм реализации властных отношений; набор культурных конструкций; совокупность значений, образованных его участниками (экономика симулякров); организационное поле; форма хозяйствования. В. Радаев, обобщая подходы к анализу рынков в современной западной экономической социологии, предлагает определение **рынка** как системы регулярного, преимущественно генежного взаимовыгодного, добровольного и состязательного обмена экономическими благами⁶³¹. Согласно А. Пустовойту «...рынок — это система социальных институтов, регламентирующих смену прав собственности в процессе децентрализованного товарного обмена между участниками рынка и распределение между ними ограниченных производственных ресурсов для товарного производства продукции»⁶³². **Институциональное определение рынка** может выглядеть следующим образом: **рынок** — система экономических отношений, связанных с обменом товаров и услуг на основе широкого использования разнообразных форм собственности, товарно-денежных и финансово-кредитных механизмов.

Характеристику рынка как формы хозяйствования можно считать наиболее обобщенной, поскольку она охватывает совокупность исторически обусловленных специфических хозяйственных отношений между экономическими субъектами по поводу воспроизведения собственного существования. Такое понимание рынка как *социального феномена* присуще и А. Смиту когда он утверждает принципы либерализма. Оно в максимальной мере отображает сущность процесса, происходящего в трансформационных экономиках — изменение формы хозяйствования. Однако приведенные общепризнанные как на западе, так и на постсоветском пространстве определения рынка сводят его только к сфере обмена экономическими благами. Будет ли система,

построенная на таких принципах самодостаточной и охватывать все стороны изменений? К тому же ограничивается ли хозяйствование как форма деятельности человека рыночными отношениями, даже в «рыночной экономике»? Следует ли ограничивать реформы только рыночной сферой? Насколько полно формулировка «формирование рыночных институтов» охватывает содержание тех преобразований, которые способны обеспечить успех трансформации.

В абсолютном большинстве упомянутых выше определений рынка акцент сделан на обменных отношениях в экономической сфере, хотя некоторые из представителей «экономического империализма» переносят эти отношения и в область политики, в сферу права. Комплементарность как целостность, единство рынка проявляется, прежде всего, через единство и противоположность отношений спроса и предложения. Но когда речь идет об общественном воспроизводстве, соответствующая противоположность имеет вид производство — потребление. *Рынок — это лишь механизм установления соответствующей связи, лишь один из возможных механизмов.* Концентрация внимание исключительно на рыночных отношениях приводит к сужению объекта исследования с общественного воспроизводства до обмена благами, а предмета — с отношений между участниками хозяйственного процесса до оптимизации соотношения «затраты — выгоды». *Часть целого выдается за целое.*

Во-первых, хозяйствование, как деятельность человека направленная на воспроизводство собственного существования, является процессом социальным, предусматривающим одновременно индивидуальную и совместную деятельность. Таким образом, каждый человек оказывается включенным в систему социальных отношений, имеющих комплементарный характер. *Отношения между участниками хозяйственного процесса строятся не только на основах взаимного обмена, но и на началах реципрокности и регистрибуции* (перераспределения). Именно эти три типа отношений обеспечивают, согласно К. Поланьи, внутреннее единство и стабильность хозяйств, их внутреннюю интегрированность⁶³³. Безусловно, доля обменных операций в современной экономике преобладает, однако это вовсе не означает полный отказ от применения других форм социальной интеграции обществ⁶³⁴.

Во-вторых, было бы преувеличением приписывать рыночные отношения только высокоразвитым странам. Некоторые их элементы были и в командно-административной экономике. Достаточно вспомнить колхозные рынки. Существовали они в феодальном и рабовладельческом обществах. Даже в первобытном обществе осуществлялся межплеменной обмен на дальние расстояния такими предметами, как кремний, янтарь, металлические изделия и т. п. Да, в упомянутые исторические эпохи рыночный обмен лишь частично дополнял другие формы

распределения ресурсов хозяйствования. История рынка как доминирующей формы хозяйствования в странах «первого эшелона развития капитализма» насчитывает всего 200 – 300 лет⁶³⁵. Все это подтверждает то, что рынок не является самодостаточной системой, развивающейся независимо от других элементов социальной структуры общества. Более того, *эффективное действие рыночных механизмов возможно только при определенных условиях внешней институциональной среды*. Рыночные институты комплементарно дополняют другие формы социального взаимодействия. Без такой комплементарности рынок как система существовать не может.

В-третьих, классический рынок свободной конкуренции выглядит скорее как теоретическая конструкция, идеал, а не экономическая реальность. *Если он и существует в современном мире, то лишь на периферии экономических процессов, в малом предпринимательстве*⁶³⁶. Еще в конце XIX в. ведущие промышленно развитые страны столкнулись с явлением массовой монополизации отдельных сегментов рынка и постепенного формирования ситуации, когда большие корпорации и тресты перебирали под свой контроль львиную долю национального рынка в целом. Государства были вынуждены вводить антимонопольное законодательство, принимать меры по поддержке конкурентных принципов хозяйствования. Эволюция рынка в XX в. продемонстрировала несколько волн такой монополизации и совершенствования антимонопольной деятельности государства. В начале нового тысячелетия концентрация долей рынка в руках небольшого числа крупнейших ТНК приобретает глобальные масштабы. Таким образом, успех конкурентного рынка неизбежно порождает свой антипод – монополию. История свидетельствует, что *эффективные рыночные отношения не способны существовать, а тем более развиваться без внешнего вмешательства со стороны государства*.

В-четвертых, рынок, с одной стороны, влияет на поведение производителей и потребителей, а с другой – сам является *стихийным* результатом их деятельности. Но в условиях современной экономики международные ТНК имеют возможность уже на глобальном уровне *целенаправленно формировать новые рынки, создавать рынки новых продуктов* и в таких конфигурациях, которые для них наиболее выгодны. Рынки из объективного механизма, инструмента экономического взаимодействия превращаются в средство достижения интересов отдельных экономических субъектов. Рынок теряет свою главную функцию. Уже в середине 1970-х годов XX века Дж. Гэлбрейт отмечал: *«Рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но все более и более приспособляется к нуждам хозяйствующих организаций (выделено мной – В.Л.)»*⁶³⁷. Комплементарность в рыночной сфере имеет

обоюдный характер, субъекты экономики одновременно своей деятельностью реагируют на состояние рынка и формируют его.

В-пятых, рынок как форма хозяйствования предусматривает наличие *специфических характеристик* хозяйственной деятельности человека, которые не только составляют условия его существования, но и являются компонентами и результатом существования более широкого спектра социальных отношений. Среди них: возможность *регулярности* операций обмена; их преимущественно *генежный характер*; *добровольность и взаимовыгодность* обмена, возможность отказа от операции; *состязательность*, возможность торга между покупателями и производителями. *Рыночные отношения оказываются комплементарными* широкому спектру социальных отношений, выходящих за пределы сугубо экономических. Это и отношения в пределах семьи (домохозяйства), и политические, и правовые. Критерием выбора может выступать не только максимизация выгоды, но и соответствие определенным ценностным ориентирам личности.

В-шестых, комплементарность между рыночными и правовыми, политическими, идеологическими институтами, ценностными составляющими национальных культур имеет как структурный, так и функциональный характер. Безусловно, нельзя не учитывать обратного влияния утилитарных рыночных институтов на другие элементы институциональной системы высокоразвитых экономик. Но речь идет, прежде всего, о *формировании рыночных институтов в условиях, когда в экономике изначально доминировали институты противоположной ИМ*. Возникновение *институционального напряжения, негативной комплементарности* между создаваемыми рыночными институтами и другими элементами институциональной системы более высокого уровня выглядит вполне прогнозируемым. Таким образом, сфера трансформации выходит далеко за пределы рыночных, экономических институтов.

Институциональный контекст играет решающую роль в определении возможностей рыночных преобразований. Необходимо учитывать то, как новые институты взаимодействуют с существующими институтами более высокого уровня. Такое взаимодействие может приводить не только к *принятию* или *отторжению* (последний вариант, по крайней мере, стимулирует адекватную обратную реакцию), большую угрозу представляет формирование *институциональных ловушек*.

Именно такая ситуация сложилась в Украине. Искаженное восприятие поспешно, без учета институционального контекста введенных рыночных институтов, привело к перераспределению национального богатства в интересах незначительного количества клановых олигархических групп. Фактически мы получили постсоветский вариант как «*нефтяного проклятия*», так и «*голландской болезни*».

Заменителем естественного богатства — нефти — выступила «прихваченная» общественная собственность, а далее полученные ресурсы направлялись на закрепление позиции собственников на потенциально пятом-шестом рынке Европы или выведение капиталов в связи с институциональной нестабильностью в стране с целью их сбережения. С другой стороны, при трансформационном кризисе экономически более выгодным и менее рискованным оказалось перераспределение капитала из высокотехнологических секторов в сферу торговых спекуляций. Экономика страны возвратилась в эпоху первоначального накопления торгового капитала.

Сопоставление двух явлений хозяйственной жизни показывает, что успешная трансформация экономики должна предусматривать более широкий спектр социальных изменений, чем «формирование институтов рыночной экономики». На их содержание прямо указывает название выдающегося произведения Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия». На начальном этапе реформ, их характер это подтверждает, *речь не шла о построении рыночного социализма*. За социально приемлемыми лозунгами строительства «Социально-ориентированной рыночной экономики», «Государства всеобщего благосостояния» стояли различные модели капиталистических систем. Поэтому и целостная программа успешной экономической трансформации должна была бы включать значительно более широкий спектр проблем, чем замена институтов командно-административной экономики институтами рыночной. Достаточно даже беглого взгляда на связь между моделями капитализма и особенностями национальной культуры.

6.2. Предпосылки формирования структурной комплементарности национальной СЭС

Какие факторы определяют нацеленность социальной ориентации ценностной системы, находящейся в основе Ст.К институциональной архитектоники национальной СЭС? Амбивалентность социальных ориентаций индивидуализм/коллективизм в национальной культуре закладывается на уровне влияния на её формирование материально-технологической среды. Закрепляются они под влиянием особенностей исторического пути развития⁶³⁸. Уже Геродот противопоставляет проживавших на наших землях скифов кочевников и земледельцев, он особо отмечает, что скифы-земледельцы «...сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу»⁶³⁹. Земледельческий характер имел и способ жизни расселившихся на землях современной Украины восточных славян. Он находит отражение в языческих верованиях. Знаменательно в этом плане

замечание автора «Слова об идолах», игумена Даниила⁶⁴⁰. Их сохранению способствовали особенности принятия христианства на Руси. Оно в корне отличается от того, как христианство распространялось в Западной Европе. Зародившееся как религия низов общества, религия протеста, христианство привлекало варваров завоевателей как элемент богатой культуры Рима. Решение о его принятии было добровольным. В случае с Киевской Русью оно привносилось извне, как религия правящей верхушки, один из инструментов закрепления феодальных отношений.

Свой вклад в формирование амбивалентности социальных ценностей привнесла и ориентация на византийскую ветвь христианства. Её особенности коренятся в *идеациональном типе ментальности*. Они *проявляются* в безусловном приоритете трансцендентальной, нечувственной, вечной реальности, носящей потусторонний характер. Отсюда приоритет *духовных потребностей и целей*, стремление к максимизации их удовлетворения, *подавление чувственных, материальных желаний и стремлений человека, абсолютизация моральных ценностей*. Негативное отношение к *богатству лишает человека стимулов к действию в хозяйственной сфере*. Мирская деятельность лишь отвлекает человека от духовных забот. Хозяйственная деятельность вообще оказывается вне сферы религиозных приоритетов. *Собственность, богатство фактически осуждаются. Труд оценивается по его духовным мотивам, а не по материальным результатам*. Доминирование духовных мотивов человеческой деятельности, в сочетании жертвенностью, подавлением чувственности, собственного Я, формирует *предпосылки установления абсолютного приоритета общества над личностью*, индивидом.

Насколько подобные мировоззренческие идеалы соответствовали нашим условиям? Иной климат, древняя земледельческая культура, основанная на технологиях, не нуждавшихся в объединении усилий значительных масс людей, характерных для древних речных цивилизаций, возможность ведения хозяйства в составе относительно небольших племенных сообществ. Все это *стимулировало внимание потенциальных верующих к материальной, чувственной стороне реальности*. Отсюда *и материальный характер потребностей и целей деятельности, нацеленность на преобразование окружающей среды*. Активность верующего направляется на внешнюю среду обитания, он стремится установить контроль над ней. Стимулируются *динамизм, готовность к бесконечным преобразованиям, эволюции, прогрессу*. Человек интегрируется в окружающий реальный мир, стремится материализовать свои духовные представления. Он должен заботиться о собственном теле и его чувственных интересах. Происходит легализация свободы и эгоизма. Моральные ценности носят утилитарный,

чувственный, относительный характер. Чувственный характер культуры с неизбежностью ведет к *признанию самоговлеющей значимости индивида в качестве субъекта хозяйствования*. Легализация чувственных, материальных потребностей человека, *признание богатства, собственности в качестве социальных ценностей формируют стимулы активности хозяйственных субъектов*. Закладываются предпосылки эволюции, прогресса социальной системы⁶⁴¹. Зачатки такого прогресса, можно наблюдать у Восточных Славян во второй половине I тысячелетия.

Развитие хозяйственных отношений, в отличие от античных государств, происходил не на основе рабских форм эксплуатации, а путем формирования общинных форм организации земледельческого труда. Осуществляется переход к соседской общине. Эволюция правовой системы отражает процесс институционализации отношений собственности, а следовательно, и индивидуализации мотивации хозяйствования. Уже в Правде Ярослава происходит разделение права земельной собственности и наследования, владения и управления. Пространная Русская Правда отмечает индивидуализацию повинностей. Особое внимание уделяется регламентации отношений займа⁶⁴². По уровню экономического развития Киевская Русь вполне соответствовала, а по некоторым вопросам даже опережала европейские страны. В процессе перехода от единого государства к раздробленным княжествам закладывались основы субсидиарной идеологии приоритета личности.

Однако *татаро-монгольское иго прервало естественный ход событий, предопределило появление специфического украинского этноса*. Его исходным моментом стало формирование Серединного (между Западным и Восточным) типа цивилизационной эволюции⁶⁴³. Юго-Западные земли Киевской Руси оказались под перекрестным влиянием кочевников Великой Степи, шляхты и католического духовенства Польско-Литовского государства, крымских татар, царских и имперских амбиций растущего российского государства. Уже в начале XIV в. возникшее на волне пассионарного подъема литовское государство называлось Литовско-Русским, древнерусский язык признается государственным языком, православие успешно соревнуется с литовским идолопоклонничеством, в сфере хозяйствования национальные производители остаются вполне свободными и независимыми. В 1321 г. князь Гедымин захватывает Киев. В 1339 г. польский король Казимир занимает Галицкое княжество. В результате западная и центральная часть Украины попадает под непосредственное влияние западноевропейской цивилизации. Далеко идущие негативные последствия для развития институциональной системы Украины имело закрепление за ней во второй половине XVI в. роли зернопроизводящего региона Европы⁶⁴⁴.

Люблинская уния 1569 г., объединившая Польшу и Литву, положила начало «окатоличиванию» западноукраинских земель. Формально уния закрепила права и привилегии православных, гарантировала свободу вероисповедания, однако фактически, отмечает М. Харишин «...усилия польских чиновников и всей католической партии ... были направлены на уничтожение украинской церкви как главного носителя украинской народности»⁶⁴⁵. В результате в рамках Восточнославянской-Православно-Евразийской цивилизации выделяются Западнославянская и Восточнославянская её ветви⁶⁴⁶. Но и в рамках последней нет единообразия. Если российский этнос сформировался за счет пополнения древнерусского принявшими христианство татаро-монголами и крещеными литовцами, то украинский – за счет пополнения печенегам, торками, наследниками принявших православие хазар (бродников), половцев и литовцев⁶⁴⁷. Во многом это предопределило особенности национальной культуры братских народов, послужило предпосылкой формирования существенно отличающихся институтов хозяйствования.

*Золотая Орда, государство кочевников, своим стержнем имела идеологию коммунитарности. В традициях, социальных нормах закрепляется приоритет ценностей достижения коллективного блага. Они оказались во многом созвучны мировоззренческим устоям византийской ветви христианства. В результате, в основании институтов государственного, социального, хозяйственного строительства в России оказались принципы, изначально препятствующие формированию рыночной системы хозяйствования. Абсолютизируется приоритет государства, общества над индивидом. Моральное оправдание находит любое действие, направленное на укрепление власти. Власть выступает источником богатства. Распределение благ осуществляется в соответствии с местом человека в государственной иерархии, а не его трудовым вкладом. Поддержка производства, инноваций в хозяйственной сфере осуществляется лишь в той мере, в какой они способствуют укреплению государства*⁶⁴⁸.

В то же время, эволюция от ФСП к КСП на украинских землях отражает процесс передачи феодальной верхушкой права самостоятельной хозяйственной инициативы на нижние ступени социальной иерархии. За ними признается право хозяйственной инициативы, самостоятельности. Независимость производителя превращается в базисную ценность экономической системы, стимул активности. Противоречие индивидуализм/коллективизм в наиболее яркой форме нашло отражение в сельском укладе жизни. Спор вызывает сам вопрос о существовании деревенской общины на землях современной Украины. Так, немало работ посвятили изучению особенностей общинного строя в Украине И. Лучицкий и М. Ковалевский⁶⁴⁹. В то же время М. Вебер категорично утверждает, что в Украине никогда не было

стройка общины⁶⁵⁰, в регионах, не находившихся под властью Москвы в XVI и XVII вв. господствовало подворное земледелие⁶⁵¹. «Еще начиная с XVII столетия, — отмечает О. Погребинский, — в крестьянском хозяйстве Украины господствовало индивидуальное начало — общественного (общинного) землевладения здесь не было (выделено мною — В.Л.)»⁶⁵². Исследователи сходятся во мнении о том, что в Украине имело место подворное, индивидуальное хозяйствование. Благодаря этому индивидуалистическому началу сельское хозяйство Украины оказалось готово к восприятию капиталистического типа экономических отношений.

Конкретизируем ключевые моменты, определяющие влияние специфики ментальной структуры, свойственной представителям национальной культуры на особенности системы хозяйствования. Столкновение признания важности как личного, так и общественного интереса обуславливают амбивалентность в отношении определения допустимой степени свободы индивида, возможности его самовыражения. Это противоречие находит продолжение в неоднозначном отношении к труду и собственности. Склонность к традиции уживается с допущением инновации, творчества, предприимчивости в социально-экономической сфере. Конкуренция — с убежденностью в необходимости поддержания единства общества. Объединяются представления о приоритете как обменных так и распределительных хозяйственных отношений⁶⁵³.

По данным М. Паращевина Украина по уровню религиозности заняла 5 место среди европейских стран⁶⁵⁴. 91 % верующих относят себя к различным христианским конфессиям⁶⁵⁵, в том числе около 90 % считают себя православными. Церковь сохраняет лидирующие позиции по уровню доверия населения (табл. 6.1)⁶⁵⁶.

Таблица 6.1

Уровень доверия населения различным социальным институтам (%)

	Полностью доверяю	В значительной степени доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Не доверяю вообще	Трудно сказать
Верховная Рада	0,5	2,6	6,1	25,6	60,0	5,2
Бизнес и промышленность	1,7	7,0	17,0	26,8	32,3	15,2
Церкви и религиозные организации	18,2	21,2	26,5	12,2	10,7	11,2
Суды и правовая система	1,2	4,7	8,2	30,1	44,3	11,5
Школа и система образования	9,3	19,0	33,7	14,7	10,7	12,6

Православное мировоззрение предопределило доминирование **культуры вины**, приоритетные ценностные ориентации национальной культуры хозяйствования. В. Тарасевич отмечает такие черты национальной культуры, как акцент на духовном содержании целей трудовой деятельности, её социальной наполненности, склонность к эгалитаризму, специфичность индивидуализма, носящего эмоционально-чувственный, интровертный, толерантный и лично наполненный характер, соборность. Особое внимание ученый обращает на черты украинской национальной культуры, приоритетные в условиях формирования экономики знаний. Среди них выделяются ассоциативно-образное мышление, стремление к творческой интровертности и духовным исканиям, потенциал персоналистической соборности, сотрудничества, совладения⁶⁵⁷.

Эти утверждения В. Тарасевича свидетельствуют о преемственности основных черт национальной культуры. Достаточно обратиться к наследию ученых, работавших в XIX – начале XX вв. Уже в раннем исследовании нашего выдающегося земляка, историка и этнографа Н. Костомарова «Две русские народности» содержатся красочные описания национального характера, помогающие выявить существенные черты нашей идеологической, политической, правовой и экономической культуры. Сопоставляя характер набожности русских и украинцев, ученый отмечает, что если первые акцентируют внимание на внешней, формальной стороне религиозности, то вторые сосредоточены на её духовном содержании⁶⁵⁸. Если украинцы, по утверждению этнографа, имели в своем характере перевес личной свободы, то русские – перевес общности⁶⁵⁹. Далее следует сравнение политической культуры двух народов. Ученый описывает связь между характером доминирующих социальных ориентаций и политическим устройством⁶⁶⁰. *Громада*, отмечает Н. Костомаров, вовсе не то, что *міръ*. Каждый ее член – независимая личность, самобытный собственник, взаимные обязанности предопределяются взаимной выгодой. Ученый уже в середине XIX ст. буквально дословно характеризует черты, присущие духу европейского корпоративизма. Древнее *право личной свободы*, по утверждению Н. Костомарова не было поглощено перевесом общественного могущества. Особый интерес представляет сопоставление историком доминирующих социальных отношений поляков и украинцев. Если первые исторически воспитали аристократичность и сановитость, то вторые всегда были слишком склонны к простоте, проявляя в своем мировоззрении и характере много демократичности⁶⁶¹. Впрочем, ученый отмечает относительность этих различий. Аристократичность шляхты носит демократический характер, панство ищет уравнивания в своём сословии. С противоположной стороны, украинцы, «устанавливая свое общество на началах

полнейшего равенства» не в состоянии предупредить выделение семей, стремящихся утвердить право преимущества и власти над массой народа. В ответ масса выступала против них «с глухим негодованием» или «открытым противодействием»⁶⁶². Пророческим выглядит вывод ученого: «...эта борьба губит общественное здание и отдаёт его в добычу более спокойной, яснее сознающей необходимость прочной общины народности»⁶⁶³.

Право юридически закрепляло установившийся порядок, выражало силу, торжество обстоятельств. Введение Статутов только *кодифицировало* установившийся обычай. Ученый обращает внимание на то, что столкновение в национальном менталитете стремления к личной свободе и осуждения богатства порождает ненависть, зависть к разбогатевшим, но вовсе не стремление лишить их возможности действовать⁶⁶⁴. Показательно в плане хозяйственных ценностей отношение к *собственности, как явлению, имеющему сугубо индивидуалистические корни*⁶⁶⁵. Историк отмечает неприемлемость обязательной общности на землю⁶⁶⁶.

Высокая оценка значимости *труда* не только как средства обеспечения собственного существования, но и как нравственного долга перед Богом, средства самосовершенствования человека, источника счастья и благополучия нашла яркое выражение в высказываниях митрополита Киевского и Галицкого Владимира⁶⁶⁷.

И. Переверзев в «Топографическом описании Харьковского наместничества» обращает внимание на *агональность* характера жителей края: «Дух общего соревнования препинает стезю деспотизма и монополии»⁶⁶⁸.

Безусловно, нельзя абсолютизировать свидетельства исследователей полуторавековой давности. Противоречивость национального менталитета отражают поговорки. На «Разом легше й батька бити» отвечает «Моя хата с краю, нічого не знаю». Некоммунальным характеристикам природной среды издавна противостояли коммуитарные устои православия, идеологические веяния имперской соборности и социалистической общности.

Л. Харрисон, со ссылкой на аргентинского исследователя М. Грондону проводит сопоставление двух типов культур, способствующих и препятствующих прогрессу, свой анализ он дополняет характеристикой общемировой крестьянской культуры⁶⁶⁹. Их обобщение позволяет выявить черты, по которым отличаются культуры стимулирующая и противящаяся прогрессу (**Приложение Ч**). Внимательный взгляд позволяет выявить соединение в нашей национальной культуре черт, свойственных обоим типам культуры.

Неоднозначный ответ на соотношение индивидуализм/коллективизм в национальных ценностных ориентациях дают и результаты исследования национальной культуры по методике Г. Хофстеда (рис. 6.1), **Приложение И**.

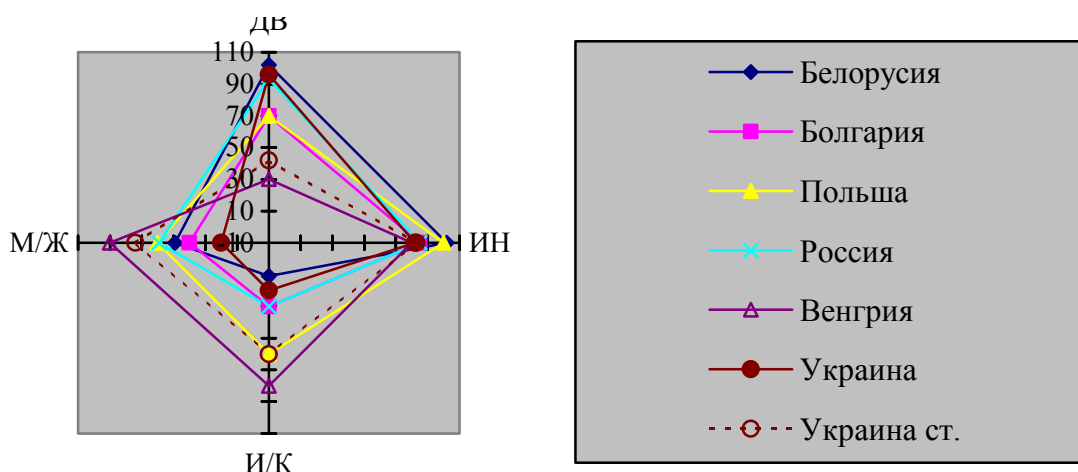

Рис. 6.1. Профиль ценностных основ хозяйствования Украины, отдельных стран Восточной Европы и СНГ

На рис. 6.1 представлен профиль ценностных оснований хозяйствования отдельных постсоветских стран Восточной Европы и СНГ. В целом он подтверждает наличие цивилизационной целостности православных стран, частичную близость славянских стран (в **Польше** значительно более высокий уровень **индивидуализма** — 60), и существенную цивилизационную специфику некоторых стран (**Венгрия** по **дистанции власти** (30) и соотношению **индивидуализм/коллективизм** (80) ближе к англо-саксонским странам, а по уровню **мужественности** вообще приближается к **Японии**). Хозяйственная культура **Украины** по показателям **дистанции власти**, **отношения к неопределенности**, **индивидуализму/коллективизму** полностью отвечает профилю православных стран. Только показатель уровня **женственности** (20) нашей культуры в два-три раза превышает аналогичные показатели других православных стран. Это находит свое отражение и в характере гендерных отношений в экономической сфере⁶⁷⁰. Динамизм ценностных ориентаций нашел подтверждение в ходе исследования украинского студенчества⁶⁷¹. Если в общей выборке уровень коллективизма в национальной культуре составил 18 (100 — максимальный индивидуализм), что в разы меньше соответствующих показателей стран Западной Европы, то для студенчества он составил 60, показатель, приближающийся к средним по континенту. Одновременно существенно сократилась дистанция власти (с 92 до 42) и произошла переориентация на приоритет мужественных черт (с 20 до 74). Однако уровень избегания неопределенности, и без того очень высокий, даже возрос (с 80 до 83). Подобный дуализм, оказывающий существенное влияние на характер трансформационных преобразований в Украине⁶⁷², может рассматриваться и как недостаток, и как сильная сторона национальной культуры. Он находит выражение в обострившемся в результате реформ противостоянии **эгалитарно-коллективистских**

и **индивидуалистско-конкурентных** социальных ориентаций ценностной системы. В значительной степени раскол проходит по линиям обогатившееся меньшинство, прозябающее большинство расселения, старшее/младшее поколение.

Неоднозначность соотношения в национальной культуре ценностей индивидуализма и коллективизма оказывается в центре внимания социально-экономических исследований⁶⁷³, порождает активные дискуссии относительно путей формирования рыночных отношений в экономике Украины⁶⁷⁴. Эта амбивалентность находит свое отражение и на уровне **базовых идеологических и политических институтов**. Проявляющемуся зачастую на подсознательном уровне коллективизму противостоит яркий индивидуализм наиболее «продвинутой» части населения, её стремлению выделиться, позиционировать себя в качестве новой элиты — *эгалитаристские* убеждения большинства населения, противопоставление *свободы* и *порядка* превращается в излюбленный конек политических баталий. Таким же аргументом в политической борьбе являются и периодически возобновляемые дискуссии о *федерализации* государственного устройства. *Выборность* и формальная *многопартийность* превратились в эффективный инструмент утверждения власти олигархических кланов. Торможение реформы местного самоуправления отражает тот же процесс неготовности общества однозначно принять ценности *субсидиарной идеологии*. На уровне **базовых правовых институтов** восстановление *германской ветви гражданского права* вполне соответствует исторической традиции, поддерживает условия для сохранения рецидивов «телефонного права» и уживается с распространением практики использования юридической казуистики, характерной для англо-американского права. Вместе с тем исследования подтверждают, что ценностные ориентации носят динамичный характер, они изменяются во времени и тенденция этих изменений в Украине в целом благоприятна для формирования институциональных предпосылок развития рыночных отношений⁶⁷⁵.

6.3. Комплементарность и формирование институциональной архитектоники СЭС Украины

Украина — самое большое по территории, после России, государство Европы. Занимая 0,4 % поверхности суши, при 0,6 % населения земли страна обеспечивает около 5 % мировой добычи минерально-сырьевых ресурсов. С оценкой в 8 баллов по 10 бальной шкале Украина относится к наиболее обеспеченным по этому показателю странам мира. Страна располагает 12 % мировых запасов железной и 20 % марганцевых руд. Имеются значительные месторождения титановых, медных руд,

бокситов, нерудных минеральных ресурсов. Все это создает объективные предпосылки формирования развитых добывающего, металлургического, машиностроительного, химического комплексов. Они характеризуются высокой концентрацией капиталов, рабочей силы, объектов инфраструктуры. Располагая четвертью мировых черноземов и находясь в зоне умеренного климата, страна имеет значительный потенциал развития аграрного сектора экономики. Выход к морю, удобное географическое положение, наличие развитой транспортной инфраструктуры обеспечивают возможность использования преимуществ транзитного положения. Сохраняется заложенный в период доминирования командно-административной системы хозяйствования, образовательный и научный потенциал становления и развития постиндустриальной экономики.

Перечисленные факторы оказывают определяющее влияние на формирование ФК и в сочетании с Ст.К предопределяют особенности ОК и специфику институциональной архитектоники формируемой СЭС Украины. Трансформация экономической системы была связана, прежде всего, с одномоментным отказом от одних и переходом к принципиально иным основаниям Ст.К, и связанным с этим изменением самого базиса (целей, механизмов, инструментов) процессуального взаимодействия экономических субъектов, перестройкой ФК. В конечном итоге имеющее место нарушение ФК в рамках отдельных институциональных блоков обуславливается попыткой одномоментной смены принципов, находящихся в основе Ст.К. Рассмотрим особенности ИК отдельных институциональных блоков. Первую попытку такого анализа в рамках КМВК предпринял В. Михненко⁶⁷⁶.

Производственные отношения (ПО) охватывают отношения занятости и тесно связанные с ними отношения на рынках труда (**Приложение Ф, табл. Ф. 3**). Соответственно Ст.К отражает приоритетность интересов соответствующих групп, вовлеченных в ПО, а ФК призвана обеспечить максимизацию взаимной выгоды работодателей, наемных работников и общества в целом. При этом государство в зависимости от характера Ст.К принимает на себя функции регулирования, посредничества и частичной компенсации потерь обеих сторон в результате провалов рыночного взаимодействия в этой сфере. На формирование специфических черт ПО в Украине оказывают противоречивое влияние сразу несколько факторов. С одной стороны, это эффект «Path Dependents», зависимости пути развития, заложенного в советский период. А, с другой, последствия осуществленной в начале 90-х гг. XX ст. попытки быстрой либерализации рынка труда⁶⁷⁷. В наследие от СССР Украине достался мощный индустриальный сектор. Он характеризовался высоким уровнем централизации и наличием большого числа крупных

предприятий с развитой системой социальной защиты. Существенную её часть брали на себя предприятия и организованные по отраслевому принципу профсоюзы. Уже само членство в них рассматривалось как привилегия, право на которую давало участие в общественном воспроизводственном процессе. Стержневой основой обеспечения Ст.К ПО в этих условиях был приоритет коллективного интереса и, с противоположной стороны, патернализм предприятий в отношении работников. Приватизация, становление и развитие малого предпринимательства, либерализация рынка труда, трансформация системы социальной защиты населения, глубокий экономический кризис существенным образом преобразовали систему ПО. В её основе была попытка одномоментного, привносимого извне, сверху, пересмотра принципов Ст.К, переход к индивидуалистическим ценностным ориентациям. Её обреченность была связана как с неготовностью к принятию со стороны общественного сознания, так и с отсутствием соответствующей институциональной инфраструктуры. В том числе и институтов, способных компенсировать напряжение на рынках труда, неизбежно возникающего в результате либерализации политики занятости. Существовавшие институты были ориентированы на противоположный тип Ст.К. В результате наметилась тенденция дуализации ПО и рынка труда. В рамках единой экономики ПО крупных индустриальных корпораций отличаются от ПО в среде мелкого бизнеса. Подобное явление характерно для южно-европейских стран, прежде всего Италии. В первом случае трансформация ИК в сфере ПО обретает эволюционный характер, во втором, либерализация ПО носит гипертрофированные формы, лишь постепенно входя в цивилизованное русло.

В рамках индустриального сектора можно говорить о частичном возврате к ранее существовавшим принципам Ст.К. Регулирование ПО характеризуется средним уровнем централизации договоров о заработной плате, экстенсивной координацией, высоким уровнем членства в профсоюзах, широким спектром вопросов, охватываемых коллективными договорами. *Трипартизм* в сфере ПО развивается как гибридный постсоветский институциональный компромисс экономических субъектов в сфере производства и государства, достигаемый в результате политических переговоров. В отличие от европейского неокорпоративизма, акцентирующего внимание на социально-экономических проблемах, он включает широкое социальное окружение, выходящее за рамки трипартизма и затрагивающее политические вопросы. Наш трипартизм имеет многоуровневую структуру. С одной стороны, высокий уровень социальной защиты, подкрепляется участием государства, достаточно сильными профсоюзами и традициями консенсусных производственных отношений. С другой, для украинских

ПО и институтов рынка труда характерны значительные межсекторальные различия в уровне централизации и координации договоренностей о заработной плате. Они ограничиваются активной политикой занятости и пассивной политикой на рынке рабочей силы. Рост дифференциации заработной платы частично может быть объяснен высокой степенью централизации и координации трудовых договоров на отраслевом уровне в одних отраслях и недостаточной в других. Результатом становится межсекторальная асимметрия заработной платы.

Модель ПО может быть охарактеризована как *асимметричный неокорпоративизм*. С одной стороны мы имеем смесь институциональных форм, призванных обеспечить высокий уровень защиты занятости, прежде всего, постоянно занятых, предполагающих активное вмешательство государства, относительно сильные профсоюзы, консенсусные производственные отношения, умеренный конфликт между менеджментом и наемными работниками. Они включают неокорпоративистские институты, обеспечивающие централизацию и координацию трудовых договоров, включение в них вопросов, охватывающих условия, обычно ассоциируемые с подвижными рынками труда, такими, как высокий динамизм заработных плат. С другой, ПО и рынок труда характеризуются существенной разницей уровня централизации и координации трудовых договоров, высоким уровнем дифференциации заработной платы, недостаточным уровнем активной (обеспечение работы служб занятости, переобучение и обучение кадров, субсидии работающим, пособия по производственному травматизму) и пассивной (пособия по безработице и по раннему выходу на пенсию) политики государства в сфере занятости и на рынках труда по внедрению компенсаторных институтов.

Вмешательство государства обеспечивается через установление минимальных размеров заработной платы, сетки тарифных окладов, организацию служб занятости и переквалификации рабочей силы, предоставление пособий по безработице и инвалидности, раннему выходу на пенсию. Развивается конкуренция между фирмами за квалифицированный персонал. Регулирование ПО близко модели неокорпоративистских отношений, характерной для стран ЦЕК и существенно отличается от моделей трудовых отношений, характерных для стран РК. Характер отношений между менеджментом и наемными работниками также больше соответствует модели ЦЕК. В тоже время по уровню эффективности выполнения договоров она существенно отстает от моделей СЕК и ПК. Одновременно по уровню общественных затрат на программы, нацеленные на обеспечение функционирования рынка труда, характеру ПО в сфере малого бизнеса Украина больше соответствует показателям, характерным для стран РК.

Финансовая система и через два десятилетия после начала реформ остается незначительной по размерам и слаборазвитой (**Приложение Ф, табл. Ф. 1**). Это несовершенство является одной из основных причин невозможности говорить как о формировании комплементарного равновесия институтов в рамках финансового сектора, так и о его комплементарной интеграции с другими институциональными блоками формируемой СЭС. Соотношение индивидуализм/коллективизм, как основа Ст.К, на уровне ФС проявляется в формировании дихотомии в сфере принятия решения о характере отношения субъекта к ресурсам, передаваемым им в финансовую систему. В случае с предоставлением депозита он остается пассивным наблюдателем, на основе системы взаимных обязательств оказывается включенным в деятельность банковского механизма и претендует на часть прибыли от их использования в качестве конечного собственника. В случае с инвестированием владелец финансовых ресурсов активно (прямое инвестирование) либо пассивно (портфельное инвестирование) принимает участие в управлении их использованием, имеет возможность проявить свою индивидуальность. ФК ФС отражает эффективность управления денежными потоками с целью обеспечения динамичного развития экономики. В связи с этим вернемся к проблеме соотношения ФК ФС и формирования кризисных явлений в экономике. Стоит еще раз подчеркнуть, что ситуация превращения «Производного» сектора ФС в самодостаточный, довлеющий над всей экономикой механизм обогащения незначительного числа субъектов финансовых рынков, не имеющих ничего общего с созданием реальных экономических благ, с точки зрения институциональной системы в целом представляет случай институционального напряжения, некомплементарности. Своеобразие проявления этого процесса в Украине в предкризисный период 2008 г. состояло в гипертрофированном развитии потребительского кредитования. В условиях нехватки внутренних инвестиционных ресурсов финансовые структуры усиленно стимулировали приобретение в кредит товаров иностранного производства. При этом они обрекали национальную экономику на попадание в долгосрочную долговую яму⁶⁷⁸. Приоритетное развитие банковских форм финансирования в Украине вполне соответствует доминирующим принципам Ст.К. Оно роднит её с континентальной моделью. Однако функциональная неполнота и несовершенство не позволяют говорить о близости к какой-либо из существующих в развитых экономиках моделей ФС. Остается незначительным финансовый рынок. Предпочтение кредитования в качестве основной формы финансирования вполне соответствует доминирующей роли банков. Функционально его можно объяснить высоким уровнем недоверия, нежеланием передавать контроль над предприятиями внешним инвесторам. Центральный банк

контролирует существенную долю банковских активов и играет активную роль в развитии банковской системы. Это так же вполне соответствует доминирующему принципу Ст.К. Уровень концентрации банковского капитала остается низким, при тенденции его роста. Недостаточный уровень развития финансового сектора, наряду с жестким его регулированием, объясняет ограниченность перечня применяемых финансовых инструментов. Инвестор чаще всего выступает в роли инсайдера. Институциональные инвесторы практически отсутствуют. Ключевая роль в инвестировании принадлежит национальным бизнес структурам. Несмотря на практически постоянное внимание к проблеме привлечения ПИИ его уровень остается крайне низким. Одна из причин этого связана со слабой защитой внешних акционеров, в том числе и миноритарных. Остается крайне слабым сектор финансовых посредников. Отсутствует рынок рискового и остается несовершенным рынок страхового капитала. Слабо развита деловая среда. Основное взаимодействие в финансовой сфере осуществляется в рамках крупных олигархических структур. Характер инвестирования предопределяется тем, что участие в управлении рассматривается в качестве важнейшего условия получения прибыли. Финансовый рынок не способен выполнять функции обеспечения корпоративного контроля. Слаба связь финансов с международными стандартами корпоративного управления. Государство устанавливает правила, перераспределяет часть финансовых потоков.

Корпоративное управление (Приложение Ф, табл. Ф. 2). Характер Ст.К в сфере КУ проявляется в том, каким образом учитываются интересы участников производственного процесса. В случае с англосаксонской моделью РК абсолютизируется интерес собственника акций корпорации. В континентальном СДК и дальневосточном МК в качестве участников процесса управления признаются также высший менеджмент, наемный персонал, банки – постоянные партнеры. Система КУ строится таким образом, чтобы учесть их интерес наряду с интересом собственника акций. Соответственно ФК связывается с процессуальной эффективностью обеспечения интересов субъектов КУ, права которых признаны определяющими. Модель КУ, которая складывается в Украине, отражает процесс трансформационной нестабильности и стремления в этих условиях владельцев капитала снизить риски его использования. С этим связан высокий уровень концентрации собственности. В качестве субъектов управления выступают собственники основного пакета акций. Финансист остается инсайдером, владельцем предприятия, сохраняющим непосредственный контроль за его деятельностью. Преобладает краткосрочная ориентация во времени. Сохраняются посредственные стандарты корпоративного управления и слабое

обеспечение бизнес-среды. Доминантный тип корпоративной культуры «Эйфелева башня» предполагает акцент на иерархизацию, регламентацию и конкретизацию управленческих процедур. Это превращается в препятствие стимулирования инновационной активности персонала, значимость которого возрастает в условиях становления экономики знаний. Преобладающая структура – конгломерат, направленный на концентрацию производства в одном секторе; имеет место значительная дифференциация между подразделениями фирм. Слабая интеграция в деловые ассоциации превращается в еще один фактор, отличающий национальную модель КУ от модели ЦЕК. Основные игроки – представители национального капитала. Причины этого можно искать как в недоверии внешних инвесторов, так и в высоком уровне протекционизма, слабой защите ПИИ. Налоговая система, состояние финансового рынка, уровень коррупции также скорее препятствуют ведению бизнеса. Практически не действуют такие эффективные финансовые инструменты корпоративного контроля, как враждебные захваты, слияния и поглощения компаний. Они превращаются в средства рейдерских атак и их применение ни как не связано с рыночным контролем за реальным состоянием предприятий и финансовыми рынками. В целом можно говорить об имеющем объективные причины совмещении в рамках институционального блока КУ, как и в ранее рассмотренных блоках, двух противоположных принципов организации Ст.К, порождающих институциональное напряжение и на уровне ФК.

Модель производства (Приложение Ф, табл. Ф. 5). В случае с влиянием ИК на формирование МП особое значение приобретают факторы природно-ресурсного обеспечения и коммуникативные характеристики национальной хозяйственной культуры. Природно-ресурсный потенциал составляет основу создания соответствующих отраслей экономики и формирования потребностей в технологиях, функциональный аспект ИК. Доминирующие в национальной культуре паттерны социального взаимодействия в свою очередь определяют их дифференциацию на те, которые ориентируются на коллективные усилия, глубокую специализацию, либо на связанные с индивидуализацией деятельности персонала, универсализацией профессиональных умений и навыков, структурная составляющая ИК. Формирование в Украине мощного индустриального и агропромышленного комплекса в определяющей степени связано с наличием целого ряда факторов производства, по которым страна имеет преимущества на международных рынках⁶⁷⁹. Они, в сочетании с доминирующими в национальной культуре социальными ориентациями определили приоритет комплексных, продуктовых, бюджетных технологий. В максимальной степени это нашло выражение в развитии машиностроительного

комплекса. Наличие значительного научного потенциала, образовательной системы, ориентированной на подготовку специалистов в сфере технических дисциплин, высококвалифицированной рабочей силы создают благоприятные условия для развития высокотехнологичных отраслей, в том числе авиастроения и создания космических аппаратов⁶⁸⁰. Однако ограниченность финансовых ресурсов препятствует их динамичному развитию. Вместе с тем, характер трансформационных преобразований на начальном этапе реформ, кризисные явления в экономике, индивидуализация отношений найма, рост безработицы стимулируют переориентацию значительной части рабочей силы на универсализацию профессиональных знаний. Соответственно в перспективе подобная тенденция может привести к сокращению возможностей развития высокотехнологичных отраслей, приоритету технологий, не требующих большого уровня специализации. Еще одним фактором, существенно ограничивающим потенциал экономического развития и роста благосостояния, явилась фактическая деиндустриализация экономики, существенное возрастание роли и значимости сырьевых отраслей. Результатом трансформационного кризиса стало обретение приоритетного значения МП с сокращающейся отдачей.

Обучение, подготовка и повышение квалификации кадров (Приложение Ф, табл. Ф. 4). В основе Ст.К ОПП соотношение приоритетов индивидуальные/общественные (предприятий) затраты на формирование профессиональных знаний и навыков с одной стороны и признания их в качестве общественного (группового/предприятия) или индивидуального капитала. ФК отражает такое состояние институциональной системы, когда ОПП обеспечивает формирование профессиональных квалификаций работающих, соответствующих потребностям экономики. В качестве точки отсчета формирования Ст.К ОПП Украине досталась система, в которой индивидуальные профессиональные знания и умения рассматривались как общественный капитал. И государство, и конкретные предприятия (государственные по определению) были непосредственно заинтересованы во вложении средств в формирование профессиональной квалификации работников. Одновременно свой интерес в приобретении профессиональных знаний сохраняли и наемные работники. Трансформационный кризис, ограничение возможностей финансирования со стороны государства, приватизация внесли существенные коррективы в сами основы Ст.К. Профессиональные знания и навыки в условиях Украины приобретают значение индивидуально-общественного капитала. Сохраняя заинтересованность, государство в значительной степени утратило возможности полного покрытия финансовых потребностей образовательной сферы. Предприятия же в условиях либерализации рынка труда, теряют стимулы вложения средств в формирование и совершенствование

профессиональных знаний наемного персонала. Преимущественная ориентация на англо-саксонский вариант СЭМ стимулировала минимизацию социальных связей, взаимных обязательств работодателей и наемных работников. Для первых вложения в рост квалификации работников оказываются издержками, ведь в условиях той модели, на которую ориентировались реформаторы, знания и умения обретают значимость индивидуального капитала. Соответственно, издержки, которые ранее несли предприятия, перекадываются на самих работников. Умеренные общественные затраты дополняются растущими индивидуальными. Существенная часть государственных затрат направляется на приобретение специфических, нетрансферабельных знаний, углубленную профессиональную подготовку в сфере технических дисциплин. По этому показателю Украина приближается к модели стран СЕК и ЦЕК. Подобная ситуация выгодно отличает наше высшее образование от соответствующих систем восточно-европейских государств и многих других развитых стран, ориентированных на преподавание универсальных знаний. Но она отражает потребности экономики и достигнутый потенциал системы высшего образования советского периода. Остается под вопросом способность Украины воспользоваться имеющимися преимуществами. Приоритетное значение приобретает ИК системы ОПП будущей модели и отраслевой структуре экономики Украины.

В целом наметилась следующая картина в сфере распределения средств на обучение и повышение квалификации. Государство обеспечивает длительный срок обязательного среднего образования. Лишь незначительную часть затрат в этой сфере берут на себя индивиды. Общая подготовка остается приоритетной задачей государства. В сфере специальной подготовки государство объединяет свои усилия с усилиями самих индивидов, их получающих. Повышение квалификации переходит в зону ответственности индивидов и предприятий, готовых платить за своих сотрудников. Сохраняющаяся система специального профессионального образования остается приоритетной заботой государства. Углубленная последипломная подготовка в сфере гуманитарных наук и техники оказывается в сфере совместной ответственности государства, предприятий и индивидов.

Образовательный сектор обеспечивает качественный уровень высшего образования с приоритетом профессионального технического и специального. Сохраняется существенная доля выпускников с политехническим и техническим образованием. Намечается переход от образовательной системы, традиционно нацеленной на формирование специальных знаний к росту значимости универсальных знаний. Он сопровождается тенденцией к сегментации образовательной системы на группу элитных вузов и специальностей, в которых сохраняется

ориентация на формирование глубокой специализации и те, которые обеспечивают ориентацию на универсальные знания.

Система социальной поддержки населения и государство всеобщего благосостояния (Приложение Ф, табл. Ф. 6). На уровне Ст.К институциональная структура ГВБ отражает общественно признанный характер распределения между основными субъектами хозяйствования ответственности за поддержание такого уровня благосостояния всех членов общества, который обеспечивает социальное спокойствие в обществе. ФК системы социальной поддержки отражает состояние институциональной системы, обеспечивающее социально приемлемые, относительно уровня развития конкретной экономики, условия жизни всех членов общества, его стабильное бесконфликтное состояние. Приоритетная ориентация экономики Украины на формирование модели либеральной рыночной экономики, дополненная последствиями трансформационного кризиса, обусловила существенный пересмотр основ Ст.К в сфере ГВБ. Приватизированные предприятия рассматривают социальную сферу как излишний балласт, лишь увеличивающий издержки, от которого необходимо избавиться. Однако сделать это одномоментно оказалось невозможным. Во-первых, отсутствовали механизмы компенсации и замещения возникающих при этом в сфере социальной защиты институциональных лагун. Во-вторых, препятствием продолжает служить нелегитимность в глазах большинства населения как характера, так и результатов приватизации. Старшее поколение сохраняет убежденность в наличии социальных обязательств, как у государства, так и у предприятий, в создании и развитии которых оно участвовало. К тому же, в наших условиях практически отсутствует возможность вовлечения в систему социальной поддержки такого его элемента, активно подкрепляющего и замещающего роль государства и предприятия в странах МК как традиционная семья. Не вполне логичным ответом в этих условиях стала экспансия либерального универсального ГВБ, возможности которого ограничены дефицитом ресурсов. В результате, по доле как общих, так и социальных расходов государства Украина приближается к либеральной модели. В стране обеспечен умеренный уровень социальной защиты. Акцент сделан на поддержку по бедности, экспансия форм социальной защиты по бедности, по старости на основе усреднения размера пособий. Предоставление пособий исходя из результатов исследования благосостояния претендентов. Однако сохраняется, не характерная для либеральной системы, высокая доля социальной защиты по месту работы. Ограничены общественные расходы на здравоохранение. В стране действует смешанная система страхования и пенсионного обеспечения (совмещение возвратного финансирования и всеобщего обязательного пенсионного обеспечения).

Национальная инновационная система (Приложение Ф, табл. Ф. 7). Ст.К в сфере НСИ рождается как компромисс между субъектами, вносящими вклад в создание инноваций и обществом в деле распределения прибыли от её использования. На уровне ФК она проявляется как единство институциональных форм и функций, обеспечивающих создание и эффективное использование инноваций. В процессе трансформации экономики Украины Ст.К НСИ, что вполне закономерно исходя из начальных ориентиров реформ, обрела дуальную форму, в которой достижение единства противоположностей в деле обеспечения успешного инновационного развития экономики остается лишь желанной мечтой. Государство определяет приоритеты инновационной активности, обеспечивает поддержку общественно значимых проектов. Но ключевое значение приобретают микроэкономические субъекты хозяйствования. Именно они призваны обеспечить массовую разработку и внедрение инновационных проектов. Инновация рассматривается как частный капитал. Однако на уровне ФК действенные условия для её превращения в капитал отсутствуют⁶⁸¹. Слабая правовая защита инновации только одна из причин этого. В. Вишневский и В. Дементьев обращают внимание на приоритет рентоориентированного поведения⁶⁸². Смещение Ст.К в сторону абсолютной индивидуализации мотивов хозяйствования при отсутствии институциональной инфраструктуры, сдерживающей эгоистическое поведение необходимостью социального оправдания предпринимательского вознаграждения, в сфере ФК привела к потере ОК, формированию институциональных ловушек. Пример обратной взаимосвязи между эффективностью ФК при неэффективной Ст.К может служить состояние системы государственных исследовательских институтов. Даже имея перспективные инновационные наработки (сохраняя эффективность ФК) они оказываются неспособны действительно вписаться в рыночные реалии (неэффективность на уровне Ст.К объясняется неспособностью соединить общественный интерес государства-финансиста и индивидуальный интерес разработчика). Слабое развитие корпоративного исследовательского сектора связано с незначительными объемами частного финансирования НИиОКР. Это можно объяснить как сравнительно небольшими размерами предпринимательских структур, так и особенностями конкурентной среды. Для большинства предприятий крупного бизнеса, способного вкладывать деньги в НИиОКР, внутренняя среда больше стимулирует развитие ценовой конкуренции, а включение в конкуренцию на основе повышения качества выпускаемой продукции на мировых рынках зачастую оказывается невозможным из-за недостаточности ресурсов для конкуренции с игроками мировых рынков. Преобладают организационные инновации. Преобладающей формой отношений между

разработчиками является конкуренция и это вполне соответствует принципам Ст.К, свойственной РК, но принципиальным образом отличается от характера их взаимодействия в рамках СДК. Приоритетное развитие получают радикальные, технологические, целостные, централизованные инновации. Они в первую очередь осуществляются в сферах, не требующих значительных вложений и способных принести быстрый доход (легкая, пищевая промышленность, торговля).

В целом институциональная среда характеризуется жестким регулированием со стороны государства продуктовых рынков. Сохраняются значительные административные барьеры и ограничения для предпринимательского сектора, международной торговли и инвестиций. По уровню государственного контроля, административного и экономического регулирования, наличию барьеров для внешней торговли и инвестиций Украина близка к странам Южной Европы, ПК, координируемой модели капитализма в терминах КМВК. Сохраняется преимущественно ценовая конкуренция, активное включение государства в регулирование рынков, умеренная защита от иностранной конкуренции, существенна роль крупных предприятий. В сфере межфирменного взаимодействия приоритет получила более близкая РК форма конкурентных отношений, чем характерное для стран СДК кооперативное взаимодействие.

Результатом трансформационных преобразований 90-х годов стало разрушение как структурных, так и функциональных оснований институциональной комплементарности СЭС. Глубокий трансформационный кризис, фактическая деиндустриализация, катастрофическое падение благосостояния населения оказали негативное влияние на эволюцию доминирующих ценностных ориентаций. Общественное сознание отброшено от получивших распространение в конце 80-х — начале 90-х и давших толчок процессу перестройки ценностей *самовыражения* к свойственному ранним индустриальным обществам смещению *традиционных и секулярно-рациональных ценностей*. Утеряны те основания Ст.К, которые позволяют формировать институциональную структуру, нацеленную на успешное развитие в условиях «новой», постиндустриальной экономики. Разрушение прежней ФК связано как с переходом от командно-административных к рыночным методам хозяйствования, так и с разрывом прежних хозяйственных связей. Отправным моментом формирования новых оснований ФК является определение роли и места страны в мировой экономике. Экономический потенциал Украины сохраняет возможность выбора между двумя сценариями развития. Первый предполагает сохранение и восстановление единого целостного многоотраслевого диверсифицированного народнохозяйственного комплекса как основы

большей независимости в качестве самостоятельного субъекта мировой экономики. Второй основывается на интенсивной международной диверсификации по примеру малых стран, когда ресурсы направляются на развитие ограниченного числа ориентированных на экспорт отраслей.

Фундамент успешной комплементарной трансформации СЭС Украины составляет приоритетное развитие секторов экономики, способных обеспечить *синергетический эффект роста отдачи от масштаба производства*. На этой основе можно добиться устойчивого *повышения производительности труда* как объективной предпосылки *роста материального благосостояния и качества жизни населения*. Ключевое значение приобретают поиск, выявление и поддержка *технологий-катализаторов, моделей производства и сфер деятельности*, способных принять на себя роль локомотивов развития национальной экономики. Ориентирами в этом процессе являются *целенаправленный поиск и создание инновационных продуктов, находящихся на стадиях жизненного цикла выход на рынок и рост*, способных обеспечить *международную конкурентоспособность по качеству*, комплексную *диверсификацию производственного процесса* в рамках группы отраслей национальной экономики и *синергетический эффект* от их внедрения. Значительный потенциал в этом отношении сохраняют *реиндустриализация с применением информационных, нано- и биотехнологий агропромышленного комплекса, машиностроения*, прежде всего авиа-, автомобилестроения, освоение космоса. Так, в первом случае синергетические эффекты способны охватить отрасли, задействованные в производстве, переработке, продвижении сельхозпродукции, создании соответствующей современной техники, инфраструктуры, новых технологий, финансировании, внешнеэкономической деятельности, обучении кадров и обеспечении потребностей сельских жителей.

На уровне Ст.К необходимо учитывать особенности влияния процесса модернизации и перехода от традиционного к индустриальному и постиндустриальному обществу на эволюцию приоритетных ценностных ориентаций. Рост материального благосостояния населения, индивидуализация производства, предложения и спроса на товары и услуги составляют объективную предпосылку трансформации социальных ориентаций ценностной системы. Они создают возможность смены приоритета от противостояния *традиционные/секулярно-рациональные* ценности к социально ориентированной самоактуализации на шкале ценностей *выживание/самовыражение*. Лишь на этой основе становится возможным окончательное преодоление негативных последствий распространения коррупции, клиентизма, партикуляризма.⁶⁸³

Ключевую роль в трансформации ценностных ориентаций играют *государство, институт семьи, религиозные организации, образовательные учреждения, средства массовой информации, частный бизнес.*⁶⁸⁴ При этом государство формирует политику, предполагающую создание условий, механизмов, методов, инструментов поддержки распространения ценностей самоактуализации. Оно обеспечивает нормативную базу, определяет цели, роль и место, средства стимулирования соответствующих паттернов деятельности институтов, вовлеченных процесс, координирует её.

Анализ особенностей национальной культуры свидетельствует о том, что отправным моментом формирования Ст.К институциональной системы СЭС могут стать ценности *солидаризма*, предполагающие сочетание индивидуализма и коллективизма при приоритетной роли последних. Успешное социально-экономическое развитие создает *объективные предпосылки для эволюции ценностей в сторону большей индивидуализации, можно предположить последующую эволюцию Ст.К в сторону европейской модели корпоративизма.* Соответственно отправным моментом формирования комплементарного механизма институционального развития национальной экономики может стать модель системы КУ, предполагающая, по примеру СДК, учет интересов всех участников производственного процесса (собственники, высший менеджмент, наемный персонал, финансист), их совместное участие в управлении и распределении прибыли, долгосрочную (стратегическую) ориентацию производственного планирования. Подобной модели соответствует *ФС*, основанная на доминирующей роли банков, инсайдерском контроле финансиста за деятельностью предприятия, высоком уровне концентрации собственности. Комплементарная модель *ПО* предполагает сохранение роли профсоюзов, трипартизм, гибкость внутренних рынков, умеренные гарантии занятости, активные политику её поддержки и участие предприятия в программах социальной защиты персонала, сокращение текучести кадров, углубление профессиональной специализации. Взаимосвязанная МП предполагает акцент на конкуренции по качеству продукции, высокий уровень нерыночной координации, кооперацию производственных процессов, обеспечивающих получение синергетического эффекта роста отдачи от масштаба производства, приоритет организационных, бюджетных технологий, глубокая профессиональная специализация, приоритет инкрементальных, организационных, частичных изменений. В сфере ОПП сохраняется ведущая роль государства, признается значимость как среднего специального, так и высшего образования, поскольку профессиональные знания рассматриваются как общественно-корпоративный и частный капитал в их формировании принимают участие все стороны производственного процесса, ключевое

значение приобретают специальные знания, фирмы предпочитают конкуренции взаимодействие на рынке труда. В НСИ сохраняется распределение функций между сферами финансирования и проведения исследований государства и частного бизнеса, обеспечивается достаточный уровень правовой защиты инноваций как корпоративного и частного капитала, акцент на совершенствовании продуктов, технологий, организационных, последовательных, инкрементальных инновациях, обеспечивающих диверсификацию кооперационного взаимодействия производителей. ГВБ стремится обеспечить в рамках экономических возможностей максимально универсальное государство всеобщего благосостояния на основе социального равенства.

Выводы по главе 6

1. Рыночные институты являются составной частью целостного, комплементарного комплекса социально-экономических институтов, охватывающих все стороны жизни социума. Трансформация экономической системы предполагает институциональные изменения, затрагивающие идеологическую, политическую, правовую и экономическую составляющие институциональной архитектуры СЭС.

2. Ядром, вокруг которого формируются социально-экономические институты, является национальная культура и, прежде всего, социальная направленность ценностной системы. Её амбивалентность в Украине связана с противоречивым влиянием факторов материально-технологической среды, специфики исторического пути развития, религиозных убеждений.

3. Двойственность социальных ориентаций, одновременное присутствие элементов индивидуализма и коллективизма усложняет процесс институциональных изменений, формирование эффективной структурной комплементарности. Инструментом преодоления негативных последствий этого противоречия является внедрение компенсационных институтов, способных на уровне функциональной комплементарности восполнить потери соответствующих групп и общества в целом, возникающие как следствие приоритета противоположных ценностей.

4. В поиске модели СЭС, отвечающей специфике национальной среды хозяйствования большая роль принадлежит исследованию механизма влияния особенностей национальной культуры и институциональной среды на формирование, заимствование, трансплантацию институтов; комплементарного взаимодействия между институтами, составляющими отдельные блоки; СЭС в целом.

ВЫВОДЫ

1. Институциональные элементы, формирующие СЭС, структурированы и имеют общее основание — определенный тип жизнедеятельности, способ существования, специфический материальный базис самовоспроизводства общества. Он предопределяет специфику системы в целом. Таким базисом жизнедеятельности социальных систем являются совместно-разделенные отношения по поводу обеспечения существования индивида, как неотъемлемой части общества. Индивиды результатами своей трудовой деятельности постоянно дополняют друг друга. По мере развития производительных сил общества эта дополнительность пронизывает все грани воспроизводства социума. Она обретает всеобщий характер. Чем выше уровень развития общества, тем большую сложность и разнообразие имеют совместно-разделенные общественно-производственные отношения. Их унифицированные формы фиксируются в институтах, закрепляющих совместно-разделенный характер общественно-производственных отношений и в свою очередь обретающих комплементарный характер.

2. Функциональная дифференциация участников хозяйственного процесса сопровождается возрастанием значимости обеспечения координации взаимодействия в процессе общественного воспроизводства, обретающего совместно-разделенный характер. Усложняются надстроечные структуры, объединяющие в хозяйственном процессе миллионы разрозненных экономических субъектов. Общественное воспроизводство обретает дуальную форму. Его составляющие — компоненты, обеспечивающие структурное и функциональное единство. Общественные явления обретают двойное качественное содержание — структурно-функциональное и общесистемное. В них воплощаются противоборствующие составляющие качественных характеристик социальных систем — интеграция (структурное) и дифференциация (функциональное). Это противоречие само становится возможным как результат целостности системы и порождает новые интегративные её качества.

3. Комплементарность институтов социально-экономических систем основывается на их единстве и целостности, подчиняющимся принципу тройной взаимозависимости Ф. Аквинского, согласно которому вся система зависит от частей, её составляющих, каждая из важнейших частей зависит от системы в целом и каждая из частей системы зависит от остальных её частей Акцентирование внимания на дедуктивных или индуктивных методах анализа, избирательном приоритете части или целого ведет к игнорированию в исследовательских программах принципа тройной взаимозависимости.

4. Диалектичность отношений дополнительности разнокачественных частей единых систем, невозможность исчерпывающего объяснения процессов, в них происходящих, путем однородных наблюдений нашла отражение в сформулированном Н. Бором принципе дополнительности. Применительно к институциональной комплементарности социально-экономических систем это означает невозможность их целостного описания при одностороннем использовании лишь индуктивных или дедуктивных методов анализа.

5. Этапными моментами на пути формирования экономической концепции институциональной комплементарности было признание значимости взаимного приспособления субъектов хозяйствования, непреднамеренности общественных последствий их индивидуальных поступков, действия «невидимой руки» (Провидения/рынка), формулирование А. Богдановым принципа дополнительности и выдвижение А. Гриценко концепции совместно-разделенных отношений.

6. Комплементарность институтов находится в центре внимания исследователей, работающих в рамках сравнительного анализа экономических систем. Прежде всего, концепции многообразия вариантов капитализма, школы регуляции. Оригинальные концепции комплементарности институтов в рамках теории институциональных матриц предложили российские ученые О. Бессонова и С. Кирдина. Институциональная комплементарность рассматривается с точки зрения эффектов, достигаемых в результате взаимодействия институтов, условий, обеспечивающих их существование, характера взаимодействия институциональных элементов, градации интенсивности институционального взаимодействия, механизма обеспечения целостности экономических систем.

7. На уровне институциональной архитектоники СЭС дуализм институционального взаимодействия проявляется в форме двух срезов системных качеств и двух уровней комплементарности. На первом мы имеем дело со структурной и функциональной комплементарностью, а на втором – с производной общей комплементарностью. Она является

качественной характеристикой, в наиболее обобщающем виде описывающей все срезы системной жизнедеятельности СЭС.

8. Лестница оснований институциональной архитектоники СЭС в качестве компонентов включает ценности, коллективные конвенции, базовые институты, институции, институты, институциональные сферы и блоки, социальные системы производства, режимы накопления и роста, социально экономические системы в целом. Исходной предпосылкой формирования её специфики является материально-технологические свойства среды человеческой жизнедеятельности.

9. Институциональное взаимодействие в рамках СЭС одновременно осуществляется как по вертикали, структурно, когда каждый элемент оказывается включенным в иерархию институциональных форм, так и по горизонтали, функционально, когда отдельные функции переплетаются, связываются функциональными взаимозависимостями. Структурная комплементарность отражает взаимосвязь форм хозяйствования, закладывается на уровне социальных ориентаций ценностной системы и основывается на принципе подобия институтов. Функциональная комплементарность характеризует механизм и качество осуществления системой воспроизводственных функций, её процессуальную целостность, опирается на принципы институциональной целостности, связности и последовательности. Общая комплементарность характеризует единство структурных и функциональных свойств институциональной системы, обусловленных внешними и внутренними связями и взаимодействиями, имеющих упорядоченный характер, объединенных на постоянной основе и обеспечивающих её целостность, внутреннюю дифференциацию, самоидентификацию и саморазвитие.

10. Особенности институциональной комплементарности обуславливаются как спецификой институциональных форм, так и спецификой институциональных функций. Оно осуществляется как в статике (взаимодействие институциональных форм), так и в динамике (взаимодействие, возникающее в результате выполнения институтом различных функций; взаимодействие различных институтов, совместно обеспечивающих общую функцию; взаимодействие, возникающее при выполнении смежных функций смежными институтами).

11. Мера комплементарности характеризует диапазон устойчивых состояний институциональной системы хозяйствования, в рамках которых изменение количественных показателей элементов не приводит к изменению её качества. Методология и применяемый инструментарий измерения институциональной комплементарности зависит от места институтов в лестнице оснований институциональной архитектоники СЭС. Множественность возможных характеристик

комплементарного взаимодействия находит отражение в узловой линии мер комплементарности.

12. Эволюция институциональной комплементарности в процессе смены способов производства отражает эволюцию характера совместно-разделенных отношений и изменение доминирующего способа социальной интеграции.

13. Исходным моментом формирования специфики институтов являются ценностные ориентации, присущие национальной хозяйственной культуре. Ключевое значение имеют социальные ориентации, нацеливающие индивида на приоритет индивидуального или коллективного интереса, определяющие отношение к неопределенности, дистанцию по отношению к власти, социальное доверие. Ценностные основания институциональной системы формируют основу институциональной комплементарности по социальным ориентациям.

14. Через коллективные конвенции ценности ретранслируются на уровень институциональной системы. Конвенции обеспечивают возможность инкорпорации новых институтов в существующие функциональные взаимосвязи. Ключевая роль в их формировании принадлежит элитным группам общества. На структурном уровне конвенции обеспечивают комплементарность как соответствие институтов ценностным ориентациям доминирующих в обществе социальных групп. На функциональном – их функциональную включенность в уже существующую институциональную систему в соответствии с воспроизводственными потребностями общества и интересами его элит.

15. На уровне базовых институтов комплементарность проявляется в структурной и функциональной дифференциации общества на основные социальные сферы и институциональные блоки внутри этих сфер. Дихотомия, наличие противоположных по знаку социальной ориентации доминирующих и комплементарных, дополняющих действие базовых институтов отражает целостность СЭС как единого социального организма.

16. На уровне институций обеспечивается комплементарность по социальным задачам, формам и функциям. Институциональные формы комплементарны по подобию способов фиксации, внутренней организации и обеспечения исполнения норм. Институциональные функции комплементарны по целостности и связности задач, ролей, выполняемых в рамках институциональных образований более высокого уровня; стандартов социальных действий; характеристик взаимозависимости участников институционального взаимодействия. Институты комплементарны по связности и подобию институциональных функций и институциональных форм в рамках составляющих их органов и института в целом.

17. Институциональные блоки хозяйствования в рамках социальных систем производства либо моделей капитализма являются частью, элементом СЭС, включены в неё и подчиняются задаваемыми ею требованиями. Структурная комплементарность в рамках каждой из сфер соответствует условиям, задаваемым на уровне системы в целом. Для стран континентальной Европы и Восточной Азии в качестве доминирующего принципа структурной комплементарности характерен корпоративизм. В случае Европы корпоративизм предполагает принятие индивидом, руководствующимся идеологией субсидиарности, добровольных обязательств перед коллективом и подчинение контролю с его стороны. Истоки патриархального корпоративизма (солидаризма) содержатся в идеологии коммунитаризма. Патриархальные отношения переносятся в корпоративную сферу. Человек рассматривает себя как часть коллектива, интересы которого признаются первичными. Функциональная комплементарность обеспечивает связность функций, осуществляемых в рамках институционального блока и его включенность в социальные системы производства, режимы накопления, способы развития, СЭС в целом.

18. В качестве ключевых институциональных блоков СЭС выделяются производственные отношения, финансовые системы, корпоративное управление, обучение и подготовка кадров, национальные системы инноваций, государство всеобщего благосостояния. В отношениях между институциональными блоками приоритетное значение приобретает функциональная комплементарность. Условием обеспечения полиизоморфной структурной комплементарности в рамках и между институциональными блоками является включение в их состав компенсационных институтов, позволяющих ослабить структурные и функциональные проблемы институциональной системы, возникающие в результате совмещения некомплементарных институтов, формируемых на основе отличных логик социального взаимодействия.

19. Выделение в рамках СЭС социальных систем производства, режимов накопления и способов развития отражает процесс признания множественности вариантов капиталистического развития и попыток выявить ключевые компоненты институциональной архитектоники, обеспечивающие успех развития. Особое значение при определении эффективного способа развития имеет обеспечение комплементарного взаимодействия политических и экономических институтов, способного обеспечить национальный консенсус относительно взаимоприемлемых условий развития экономики.

20. Сопоставление социально экономических моделей развитых стран демонстрирует комплементарную связь между доминирующими в национальных культурах социальными ориентациями ценностной системы и особенностями их институционального устройства.

21. Концепция общей комплементарности СЭС позволяет преодолеть существенный недостаток большинства теорий экономических трансформаций, связанный с абсолютизацией значения институциональных форм в ущерб их функциональной роли. Учет влияния системного комплементарного взаимодействия институтов позволяет объяснить причины подобной дифференциации, формирует основу для определения комбинации институтов, способной обеспечить эффективное достижение нужного результата, как системной эффективности, сочетающей в себе структурный и функциональный компоненты.

22. Рыночные институты являются составной частью целостного, комплементарно обусловленного комплекса социально-экономических институтов. Трансформация экономических систем предполагает комплексное преобразование всей институциональной архитектоники СЭС. Комплементарное единство институтов капиталистической системы обеспечивает воспроизводство социума на принципах преимущественно частного владения средствами производства и рыночного распределения, а также использование прибыли как мотива хозяйствования. Ядром, вокруг которого формируются социальные институты, является национальная культура и, прежде всего, социальная направленность ценностной системы. Она существенно отличается в разных странах, группах стран и регионах мира. Нет единой модели капитализма.

23. Амбивалентность социальной направленности ценностной системы в Украине связана с противоречивым влиянием факторов материально-технологической среды, специфики исторического пути развития, религиозных убеждений. Одновременное присутствие элементов индивидуализма и коллективизма усложняет процесс институциональных изменений, формирование эффективной структурной комплементарности. Инструментом преодоления негативных последствий этого противоречия является внедрение компенсационных институтов, способных на уровне функциональной комплементарности восполнить потери соответствующих групп и общества в целом, возникающие как следствие приоритета противоположных ценностей.

24. В поиске модели СЭС, отвечающей специфике национальной среды хозяйствования, большая роль принадлежит исследованию механизма влияния особенностей национальной культуры и институциональной среды на формирование, заимствование, трансплантацию институтов, комплементарного взаимодействия между институтами, составляющими отдельные блоки, СЭС в целом.

Примечания

Раздел 1

¹ Куан Ю. Ли. Сингапурская история: из третьего мира — в первый / Ли Куан Ю. — М. : МГИМО, 2005. — 656 с.

² Канцуров О. Институціоналізм як теоретико-методологічні засади сучасних реформ / О. Канцуров // Економіка України. — 2011. — № 5. — С. 21.

³ См. напр.: Задорожный Г. Экономикс или социальная экономия В 2-х ч. / Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, економічна серія. — 2010. — Ч. 1, № 884; Ч. 2, № 892; Клишнова Е. Теория экономической рациональности / Е. Клишнова. — Донецк : ДонНУ, 2008. — 248 с.

⁴ Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения Т. 4. — М. : Мысль, 1983. — С. 395.

⁵ См. напр.: Афанасьев Л. Экономическая мысль в Испании XVI века — Саламанкская школа / Л. Афанасьев // Экономика и математические методы. — Т. 40. — 2004. — № 4. — С. 26—58; Булгаков С. История экономических и социальных учений / С. Булгаков. — М. : Астрель, 2007. — С. 119—224; Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви / И. Зейпель. — М. : Путь, 1013. — 334 с.

⁶ Булгаков С. Философия хозяйства / С. Булгаков // Булгаков С. Сочинения в 2-х т. Т. 1 Философия хозяйства. Трагедия философа. — М. : Наука, 1993. — С. 47—308.

⁷ Осипов Ю. Философия хозяйства / Ю. Осипов. — М. : Юристъ, 2001. — 624 с.; Осипов Ю. Теория хозяйства. В 3-х т. / Ю. Осипов. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — Т. 1. — 468 с.; Т. 2. — 792 с.; Т. 3. — 608 с.

⁸ Берк Дж. Дар топора. Обоюдоострая история человеческой культуры / Дж. Берк, Р. Орнстейн. — М. : Эннеагон Пресс, 2007. — 410 с.

⁹ См. напр.: Липов В. Реформирование хозяйственной жизни и проблемы развития экономической теории / В. Липов // Экономическая теория на пороге XXI века. Вып. 4 : Финансовая экономика. — М. : Юристъ, 2001. — С. 612—621; Липов В. Глава 21. Теория инновационного развития: традиция как основа успеха / В. Липов // Экономические проблемы инновационного развития : коллективная монография. — М. : ТЕИС, 2009. — С. 206—214.

¹⁰ Леонард М. О чем думают в Китае / М. Леонард. — М. : АСТ, 2008. — 222 с.

¹¹ Липов В. Православная Симфония А. С. Панарина и комплементарность социально-экономических систем: истоки концепции / В. Липов // Социальная экономика. — 2011. — № 1. — С. 166—174.

¹² Традицию монологизма в экономической науке закладывают уже ее основатели, хотя им самим диалогическое мышление было вполне присуще. Так исследование структуры текста «Теории нравственных чувств»

и «Богатства народов», проведенное В. Браун, удостоверяло литературно-стилевую противоположность обеих произведений. Монологизм «Богатства народов» противостоит диалогизму «Теории моральных чувств». См.: Ананьин О. Методология экономической науки. Современные тенденции и проблемы / О. Ананьин, М. Одинцова // Истоки. — Вып. 4. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — С. 92 — 137.

¹³ «Сократ, — утверждает С. Фатеева, — открывает ... «знание — не». Мы не знаем, что есть данный предмет, но мы постепенно очерчиваем область, в которой возможно или невозможно его существование, его реальное обнаружение. Мы не знаем, что есть данный предмет, но должны, по крайней мере, четко обозначить границы ответа на вопрос *что он не есть* (выделено мною — В.Л.)». См.: Фатеева С. Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия : дис... докт. филос. наук / С. Фатеева. — Ростов-н/Д., 2006. — 261 с.

¹⁴ См.: Фридмен М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридмен // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 20 — 52; Отмахов П. Концепция метода М. Фридмана / П. Отмахов // Вестник МГУ. — Серия 6. : Экономика. — 1992. — № 4. — С. 12 — 21.

¹⁵ См. напр.: «Из тел, относящихся к разряду частей [мирового Целого], каждое, по определению, закончено, ибо имеет протяженность во всех измерениях. Однако [каждое] ограничено в направлении соседнего с ним [тела] касанием, и потому каждое из [этих] тел в каком-то смысле ущебно. Между тем Целое (to pan), частями которого они являются, по необходимости должно быть законченным и — как указывает его имя — всецело (pantei) законченным, а не так, чтобы в одном отношении законченным, в другом — нет». См.: Аристотель. О небе / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 3. — М. : Мысль, 1981. — С. 266.

¹⁶ Плотин. Космогония / Плотин. — М. : RELF book/Ваклер, 1995. — 304 с.

¹⁷ С. Фатеева таким образом описывает использование концепции «знание — не» в богословском учении: «Бога нельзя определить какими-либо положительными определениями, приписать ему определенные признаки, ибо Бог *не то, не то, не это* и т. д. Бог *не* есть любая мера наших представлений о Нем *не* вмещается в никакую сетку знания и понимания. Бог есть то, что остается после преодоления всех ложных представлений о нем. Но оставшееся уже нельзя выразить в словах и понятиях, оно — непостижимо и выявляется в молчании (выделено мной — В.Л.)». См.: Фатеева С., указ. соч., С. 49 — 50.

¹⁸ См. напр.: «...мы не можем иметь объективного ... знания Бога иначе, чем в форме знания *религиозно* определенного, т. е. зависящего от типа уровня нашего собственного религиозного развития ... Такую встречу с самим Богом, хотя бы смутное касание Его самого, во всей Его невыразимости и инородности всему остальному, мы испытываем именно во внутреннем, отрешенном от всего мира опыте, в последних скрытых от внешнего взора глубинах нашей сущности ... Так или иначе, но только оставшись наедине с самим собой, в молчании и тишине ощутив, через глубинную реальность внутренней жизни, бесконечные глубины реальности вообще, я могу «встретиться» с Богом, иметь опытное знание о Нем». См.: Франк С.

Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С. Реальность и человек / С. Франк. — М.: Республика, 1997. — С. 305—306.

¹⁹ «... абсолютная возможность, действительное бытие и связь того и другого совечны ... все, что создано и будет создано, разворачивается из того, в чем оно существует в свернутом виде». См.: Кузанский Н. О возможности — бытии / Н. Кузанский // Кузанский Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1980. — С. 140—141.

²⁰ Там же, С. 152.

²¹ «Прямо упершись в обнаженный диалектический факт ... что «мышление» и «бытие вне мышления» суть абсолютные противоположности, находящиеся тем не менее между собою в согласии, в единстве, неразрывной и необходимой взаимосвязи и взаимодействии. ... Картезианская школа капитулировала перед теологией и отнесла необъяснимый с её точки зрения факт на счет Бога, объявила чудом, т. е. прямым вмешательством сверхъестественных сил в причинную цепь естественно-природных процессов», — отмечает Э. Ильенков. См.: Ильенков Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории. — М.: Политиздат, 1984. — 320 с.

²² Бор Н. О понятиях причинности и дополнительности / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 393.

²³ Стоит привести пояснение Р. Аронова, наглядно и доступно описывающее относительный и абсолютный случаи дополнительности: «Так, шар может быть больше или меньше и в то же время железным: он одновременно — и то, и другое, и эти свойства присущи ему абсолютно, независимо одно от другого, тогда как квантовый объект не является одновременно, скажем, корпускулой и волной: он ни то, ни другое. Корпускулярное и волновое свойства не присущи ему абсолютно, независимо одно от другого, он имеет их лишь как относительные свойства». См.: Аронов Р. Пространственно-временные и причинные отношения в физике / Р. Аронов. — Вопросы философии. — 1984. — № 4. — С. 101.

²⁴ «В понятии дополнительности мы имеем дело с рациональным развитием наших способов классифицировать и понимать новые опытные факты, которые по своему характеру не находят себе места в рамках причинного описания; последнее годится для описания поведения объектов только пока это поведение не зависит от способов наблюдения. Точка зрения дополнительности далека от какого-нибудь мистицизма, противоречащего духу науки; в действительности она представляет собой действительное обобщение идеала причинности» См.: Бор Н. Философия естествознания и культура народов / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 283.

²⁵ Бор Н. Единство знания / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 488.

²⁶ См.: Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные работы. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 31; Бор Н. Квант действия и описание природы / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные работы. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 58.

²⁷ Витгенштейн Л. Фрагменты из работы «О достоверности» / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. — 1984. — № 8. — С. 147.

²⁸ Приведем высказывание В. Библера: «Современная физическая теория — общая концепция относительности (тяготения), квантовая механика в понимании Бора и т. п. — включает в свою логическую (даже — формально-логическую) архитектонику нечто принципиально невозможное для теоретического идеала Нового времени — включает *историю* своего формирования, и вдобавок не историю «снятия», но историю, разворачиваемую, осмысливаемую — от какой-то переломной точки — в обе стороны, назад и вперед, в прошлое и будущее». И далее: «... Итак, чтобы понять объект во всей его неукротимой *несводимости к мышлению*, необходимо разглядеть его в двойном, тройном, многожды умноженном видении — в видении классического и в видении современного теоретика (сейчас возможно добавить — и в видении «единственных мест», развитых в греческой теории Аристотелем ...) ... Необходимо поместить этот объект «между» двумя (и более) всеобщими формами понимания (не сводимыми ни друг к другу, ни к какому-то третьему, «подлинно истинному» пониманию...). Необходимо включить его в процесс взаимопонимания различных, исключающих друг друга и предполагающих друг друга духовных (мыслительных) миров». См.: Библер В. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцатый век / В. Библер. — М.: Политиздат, 1991. — С. 269 — 270.

²⁹ Библер В., указ. соч., С. 269 — 270.

³⁰ «Действительным же вкладом в наше мышление является *идея дополнительности*. Факт существования в такой точной науке, как физика взаимоисключающих и дополняющих ситуаций, которые не могут быть описаны в одних и тех же понятиях, а требуют для себя двойного способа выражения, должен иметь влияние и, я думаю, благотворное влияние на другие сферы человеческой деятельности и мысли. И здесь опять Нильс Бор указал нам путь ... гносеологический урок, преподнесенный нам физикой ... показывает, что даже в ограниченных областях описание всей системы в единственной картине невозможно. Существуют дополнительные образы, которые одновременно не могут применяться, но которые тем не менее друг другу не противоречат и которые только совместно исчерпывают целое. Это весьма плодотворное учение, и при правильном применении оно может сделать излишними многие острые споры не только в философии, но и во всех областях жизни (выделено мной — В.Л.)». См.: Борн М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. — С. 207 — 208.

³¹ Паули В. Физические очерки / В. Паули. — М.: Наука, 1975. — С. 57.

³² См. напр.: Бор Н. Квантовая физика и биология / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. — М.: Наука, 1971. — С. 535; Бор Н. Единство знания..., С. 495.

³³ Ротенберг В. Межполушарная асимметрия головного мозга и проблемы интеграции культур / В. Ротенберг, В. Аршавский // Вопросы философии. — 1984. — № 4. — С. 78 — 86.

³⁴ Липов В. Национальная культура хозяйствования и дуализм комплементарности экономических систем: фактор физиологии мышления / В. Липов // Бюлетень міжнародного нобелівського економічного форуму. — 2010. — № 1 (3), Т. 2. — С. 175 — 183; то же режим доступа к журн.: <http://www.duep.edu/res/files/1303/St.69.pdf>.

³⁵ Фатеева С., указ. соч., С. 27

³⁶ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. — С. 195 — 199, 271 — 273.

³⁷ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — М. : Прогресс, 1988. — С. 20 — 25.

³⁸ Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли / Л. Гумилев. — М. : ДИ-ДИК, 1997. — С. 282 — 284.

³⁹ Юрій М. Етногенез та ментальність українського народу / М. Юрій. — К. : Таксон, 1997. — С. 66.

⁴⁰ Bernstein R. (1991) The New Constellation. The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity / R. Bernstein. — Cambridge.

⁴¹ Фрейкман Л. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л. Фрейкман, В. Дашкеев, М. Муфтяхетдинова. — М. : ИЭПП, 2009. — С. 26 — 27.

⁴² Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития / В. Иноземцев. — М. : Экономика, 2000. — 296 с.

⁴³ Ученый утверждает: «...Обнаруживается неизбежность рассогласования, жестокого столкновения (и *своего рода боровская дополнительность*) (выделено мною — В.Л.) между основными, цивилизационно-автоматизированными «регуляторами» человеческого поведения, деятельности. Между моралью и искусством: наукой и философией; разумом и — рассудком; памятью и воображением, наконец, хаосом стихийных сил и — упорядоченностью, гармоничностью душевной жизни ... Сопряжение всех этих граней — а без них наш самостоятельный поступок вообще невозможен — становится мучительно вопрошающим, отчаянной трудностью, предельной коллизией «быть или не быть» для каждого человека. (Мера осознания вопросительности и этой *дополнительности* — это уже другое дело.) (Выделено мною — В.Л.). ... Чтобы поступать *сознательно*, необходимо заново, изначально решать и перерешать вопрос бытия». И далее В. Библер продолжает: «Впрочем, — и это выяснилось опять-таки уже в 30-е годы нашего века — *дополнительность взаимоисключающих определений жизни нашего духа* (выделено мною — В.Л.) оказалась труднопереносима для ума, воспитанного XVII — XIX веками, и человек большей частью облегченно отвергает (лицемерно «не замечает»...) все эти трудности — во имя однозначности и абсолютности одного из полюсов (артистизма или моральности; брожений хаоса или полицейской упорядоченности внутренних отсеков «мозга»; рассудочной расчетливости или мистического отречения от собственной ответственности ...) ...»

Наш дух старается прислониться к одному из возможных смысловых спектров ... Но такое успокоение каждый раз разрушается не только судорогами бытия, но и странным беспокойством человеческой Головы». См.: Библер В., указ. соч., С. 267 — 269.

⁴⁴ Липов В. Непреднамеренные последствия, гармония, комплементарность и экономические системы: «визуализация» «невидимой руки» / В. Липов // Экономика розвитку. — 2010. — № 1. — С. 80 — 83.

⁴⁵ Липов В. Глава 17. Невидимая рука чего ... или Кого? Методология А. Смита и христианские основы хозяйствования / В. Липов // Материалы Ломоносовских чтений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломо-

носова за 2005–2006 гг.: Методология экономической науки и методика преподавания экономической теории: Часть 1 : монография. – М. : Грант Виктория ТК, 2006. – С. 154 – 170.

⁴⁶ Приведем его в развернутом виде: «Основное правило каждого благоразумного главы семьи состоит в том, чтобы не пытаться изготавливать дома такие предметы, изготовление которых обойдется дороже, чем при покупке их на стороне ... Все они находят более выгодным для себя затрачивать весь свой труд в той области, в которой они обладают некоторым преимуществом перед своими соседями, и все необходимое им покупать в обмен на часть продукта, или, что то же самое, на цену части продукта своего труда». См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – С. 443–444.

⁴⁷ Стоит напомнить следующее высказывание А. Смита: «... Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно было бы ожидать ее только от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них ... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, – таков смысл всякого подобного предложения. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника, – пишет А. Смит, – ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах». См. там же, С. 76–77.

⁴⁸ Новак М. Дух демократического капитализма / М. Новак. – Мн. : Лучи Софии, 1997. – 544 с.

⁴⁹ Там же, С. 129.

⁵⁰ Вон К. «Невидимая рука» / К. Вон // «Невидимая рука» рынка. – М. : ГУ ВШЭ, 2008. – С. 229.

⁵¹ Там же, С. 230

⁵² «...Каждый шаг и каждое движение множества людей совершается с прежней слепотой относительно будущего; целые нации спотыкаются о те *установления*, которые представляют собой несомненно человеческое деяние, хотя и *непреднамеренное*». См.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 189. Сохраняют свою актуальность в свете трансформационных преобразований на постсоветском пространстве следующее утверждение А. Фергюсона: «Слова Кромвеля о том, что человек никогда не заходит так далеко, как в тех случаях, когда не знает, куда идет, тем более справедливы в применении к сообществам, так как в них заключено признание того, что великие революции случались безо всякого намерения произвести данные перемены и что даже лучшие из политиков не знают, куда заведут государство их проекты». См.: там же, С. 189–190.

⁵³ Там же, С. 202–203.

⁵⁴ «Значение обычаев в этом случае состоит в формировании ожиданий, которые управляют человеческими поступками, поэтому обязательными будут считаться обычаи, на соблюдение которых рассчитывают все, и которые благодаря этому становятся условием успеха большинства видов деятельности». См.: Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. У 3-х т. Т. 1 / Ф. Хайек. – К. : Сфера, 1999. – С. 137.

⁵⁵ Колганов А. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем / А. Колганов, А. Бузгалин. — М. : ИНФРА — М, 2005. — С. 485—486.

⁵⁶ Boyer R. The Seven Paradoxes of Capitalism ... Ore is a Theory of Modern Economies Still Possible? / R. Boyer // CEPREMAP. — № 9620. — P. 5—7.

⁵⁷ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 1 / Й. Шумпетер. — Спб. : Эконом. школа, 2001. — С. 302.

⁵⁸ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине / Дж. Арриги. — М. : ИОП, 2009. — С. 53.

⁵⁹ Гринберг Р. Экономическая социодинамика / Р. Гринберг, А. Рубинштейн. — М. : ИСЭПРЕСС, 2000. — С. 11—12.

⁶⁰ Смит А. Исследование..., С. 443.

⁶¹ Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. — М. : Республика, 1997. — С. 185

⁶² Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. — К., 2004. — 606 с.; Географический справочник ЦРУ. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 704 с.

⁶³ Вон К. указ. соч., С. 231.

⁶⁴ Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные политические результаты / Д. Лал. — М. : ИРИСЭН, 2007. — 338 с.

⁶⁵ Там же, С. 100—111.

⁶⁶ Вон К., Указ соч., С. 231.

⁶⁷ Бастиа Ф. Экономические гармонии // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное / Ф. Бастиа. — М. : Эксмо, 2007. — С. 420.

⁶⁸ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. — Челябинск : Социум, 2005. — С. 225.

⁶⁹ Там же, С. 225.

⁷⁰ Словарь современной экономической теории Макмиллана. — М. : ИНФРА-М, 1997. — С. 216.

⁷¹ Кирцнер И. Экономическая гармония / И. Кирцнер // «Невидимая рука» рынка. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. — С. 127—132.

⁷² Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. В 4-х т. Т. 1. — М. : Советская энциклопедия, 1972. — С. 304—305.

⁷³ Воспроизведем это высказывание: «Земли должны кормить не только тех, кто их обрабатывает, но они должны доставлять государству основную часть его средств, должны обеспечивать духовенство десятиной, землевладельцев — доходами, фермеров — прибылями и заработной платой — тех, кто занимается обработкой земли. Доходы короля, духовенства, землевладельцев, заработки фермеров и тех, кого они привлекают к обработке земли, через их расходы распределяются между лицами всех остальных положений и профессий». См.: Кенэ Ф. Зерно / Ф. Кене // Кене Ф., Тюрго А., Дюпон де Немур П. Физиократы. Избранные экономические произведения. — М. : Эксмо, 2008. — С. 149.

⁷⁴ «Проживание в одном месте некоторого числа богатых землевладельцев достаточно для того, чтобы образовать то, что называется городом, в котором торговцы, фабриканты, ремесленники, рабочие, прислуга сосредотачиваются в соответствии с доходами, которые расходуются землевладельцами. Таким

образом, размеры города пропорциональны числу землевладельцев или, вернее, размерам продукции, производимой на принадлежащих землях. Столичный город образуется таким же образом, как и провинциальный город, с той только разницей, что в столице сосредотачиваются крупные землевладельцы всего государства». См.: Цит. по: Кенэ Ф., указ. соч., С. 149.

⁷⁵ Шумпетер Й., указ. соч. Т. 1, С. 302.

⁷⁶ Цит. по: Покидченко М. Осип Матвеевич Ланг — харьковский Кенэ / М. Покидченко // Экономическая теория. — 2010. — № 2. — С. 104.

⁷⁷ См.: Кирцнер И., Указ. соч., С. 127; Шумпетер Й., указ. соч., Т. 2, С. 655; Чернышевский Н. Капитал и труд / Н. Чернышевский // Чернышевский Н. Избранные экономические сочинения. Т. 2. — С. 327.

⁷⁸ Carey H. C. (1952) *The Harmony of Interests, Agricultural, Manufacturing and Commercial* / H. C. Carey. — New York : Myron Finch, 1952.

⁷⁹ «Человек, который еще раз выдвинул идею фундаментального тождества научных законов во всех областях знания, был, несомненно, неправ, но в его ошибке присутствовал элемент величия ... В свете этого видения его протекционизм и «гармония» сельскохозяйственных, промышленных и торговых интересов (его концепция «сбалансированной» экономики) приобретают новое значение, полностью упущенное теми, кто видел в нем только лишь рупор бизнесменов ... видение Кэрри ... в большинстве отношений адекватно выражало положение и дух страны. Более того, мы не можем не признать, что это видение не зависело от его плачевного аналитического воплощения и его можно было воплотить более удовлетворительным образом». См.: Шумпетер Й., указ. соч., Т. 2., С. 675—676.

⁸⁰ Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с богатством / Г. Джордж. — М. : Генри Джордж Фондейшен, 1992. — 384 с.

⁸¹ Мизес Л., указ. соч., С. 631.

⁸² Маршалл А. Основы экономической науки / А. Маршалл. — М. : Эксмо, 2007. — С. 456.

⁸³ Приведем его: «Вышеприведенное рассуждение [Г. Кэрри — В.Л.] вполне достойно человека, который сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную *гармоническую игру*, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, по-видимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно государственной защиты этих «законов природы и разума», alias [иначе] — необходимость системы протекционизма. Он открыл далее ... действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Риккардо и других! Он открыл, наконец, что врожденные прелести капиталистического производства разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитализм». См.: Маркс К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. — М. : Госполитиздат, 1960. — С. 574—575.

⁸⁴ Шумпетер Й., указ. соч. Т. 2., С. 578.

⁸⁵ Липов В. Принцип доповнюваності О. Богданова і методологічні основи дослідження інституційної комплементарності посттрансформаційних економік / В. Липов // Європейський вектор економічного розвитку. — 2010. — № 2 (9). — С. 89–94.

⁸⁶ Гловели Г. Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма / Г. Гловели // Вопросы экономии. — 2010. — № 10. — С. 114.

⁸⁷ Этот целостный, системный характер очень удачно подчеркивает отличие слов *дополнять* и *прибавлять*. Если первое означает делать более полным то, что уже существует, акцент делается именно на *общем*, то прибавлять больше относится к тому, что *прибавляется*, внимание сосредотачивается на *части*.

⁸⁸ А. Богданов отмечает: «Вся система производства, взятая в целом, состоит из *людей и вещей*: ... совокупность вещей в производстве дополняет сотрудничество людей; за счет вещей, — утверждает ученый, — путем усвоения их энергии через потребление продуктов, поддерживаются и воспроизводятся рабочие силы людей; затраты же трудовой энергии людей служат для поддержания и воспроизводства комплекса технических вещей; так взаимно обуславливается устойчивость и развитие обеих частей системы. Тот самый принцип властвует и над каждой сколько-нибудь отдельной частью системы». См.: Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. / А. Богданов. — М.: Экономика, 1989. — Кн. 2. — С. 21.

⁸⁹ Приводимая цитата характеризует представления А. Богданова о роли приспособления в развитии систем: «... для экономической науки, как для других наук о жизни, основная и самая общая тенденция изучаемых ею явлений есть тенденция *приспособления*; основной и самый общий из ее абстрактных законов — закон приспособления. Но здесь он, естественно принимает более частную форму; дело идет не о приспособлении вообще, а об *активном социально-трудовом приспособлении*. Этот принцип легко найти как скрытую предпосылку всех применений абстрактного анализа экономических фактов, — во всех исходящих из этого анализа дедукциях. ... приспособление ... возникает из *неприспособленности*, и имеет ее как бы своей предпосылкой ... технический прогресс — порождается давлением этой неприспособленности, и есть ее последовательное устранение. ... обыкновенно у экономистов и вообще у социологов принцип приспособления прямо не формулируется, но образует *настоящую скрытую предпосылку* их анализа и их дедукций, ибо всякий раз, как делается вывод, что такая-то социальная форма развивается и получает преобладание, а такие-то вытесняются и отмирают, это и выражает собою результат исследования приспособленности или неприспособленности данных форм к условиям социальной жизни и развития». См.: Богданов А. Курс политической экономии. Т. 1 / А. Богданов А., Степанов И. — М.: Госиздат, 1920. — С. 12–14.

⁹⁰ Богданов А. Тектология..., Кн. 2. — С. 16.

⁹¹ Ученый отмечает: «Системное расхождение направляется по линии дополнительных связей силой подбора; а «сознание» представляет аппарат наиболее интенсивного подбора наиболее сложных и разнообразных

комбинаций; поэтому понятно, что в его работе это направление выступает особенно отчетливо, во всех его продуктах обнаруживается особенно ясно». См.: Там же, кн. 2, С. 16.

⁹² Там же, кн. 2, С. 22.

⁹³ Следующее высказывание А. Богданова характеризует его представления о сущности, значении и эволюции институтов: «Организация общества в целом анархична, полна противоречий, количество которых, равно как и глубина и острота постоянно возрастает. Этим самым до крайней степени усиливается потребность в нормах, регулирующих анархические отношения, вводящих в рамки социальные противоречия и конфликты, которые без этого организующего влияния способны были бы разрушить общество, не дали бы возможности сложиться его классам и группам, раздробили бы его в пыль. И так как нормы не могут *заменить* планомерного единства общественной организации, как бы они ни были многочисленны и совершенны, то они не в силах остановить возникновения новых противоречий и антагонизмов, которое в свою очередь ведет к усложнению прежних и выработке новых норм и т. д. Сеть норм разрастается и запутывается, быстро стареет в одних частях, оказывается недостаточной в других, порождает таким образом еще производные проявления неадекватности, борьба с которыми дает толчок дальнейшему творчеству норм и ведет в их прогрессивной систематизации. Нормирующий идеологический процесс развивается наподобие лавины ...». См.: Богданов А. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй / А. Богданов А., Степанов И. — М. - П. : Коммунист, бг. — С. 12—13.

⁹⁴ Богданов А. Тектология. Кн. 2 / А. Богданов. — С. 22.

⁹⁵ Там же, кн. 2, С. 21.

⁹⁶ «В самом топоре или пиле каждая часть приспособляется к другим так, чтобы они все функционально дополняли друг друга путем взаимной передачи, т. е. цепной ассимиляции-деассимиляции активностей — утверждает ученый. — Каждое орудие становится тем совершеннее, чем более строго и точно осуществляет это соотношение. Машины же, высший тип орудий, распределением функций своих частей до крайности напоминают человеческий организм». См.: там же, кн. 2, С. 21 — 22.

⁹⁷ «Всякое отступление от дополнительных связей, всякая неполнота в них признается несовершенством, недочетом системы, влечет изменяющую работу и активный подбор со стороны научного мышления, — утверждает ученый. — Задача так и ставится: данная система понятий должна охватить все богатство жизненных форм, и каждое из цикла ее понятий должно *вполне* дополняться совокупностью остальных и само в такой же мере дополнять их (выделенное автором В.Л.)». См.: там же, кн. 2, С. 23.

⁹⁸ Kaufman D. (2007) Governance Matter VI: Aggregate and Individual Governance Indicator 1996 — 2006 // D. Kaufman, A. Kraay, M. Matruzzi. — World Bank Research Working Paper. — № 4280. — July.

⁹⁹ Transparency International [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : <http://www.transparency.org>

¹⁰⁰ Heritage Foundation Economic Freedom of the World [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : <http://www.heritage.org>

¹⁰¹ International country risk guide, ICRG [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.prsigroup.com/icrg.aspx>.

¹⁰² EBRD Transition indicator [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.ebrd.com>.

¹⁰³ Goldman Sach Growth Environment Score [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www2.goldmansachs.com/research/economics.html> GS GES

¹⁰⁴ World Bank KEI [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://info.worldbank.org/etools/kam2>.

¹⁰⁵ World Bank Doing Business [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.doingbusiness.org>.

¹⁰⁶ Ограничения для прямых иностранных инвестиций (ОЕСД) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : www.oecd.org/dataoecd/62/35/37466426.pdf.

¹⁰⁷ The Public Integrity Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : www.globalintegrity.org/reports.

¹⁰⁸ Polity IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm.

¹⁰⁹ Freedom House, Freedom in the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : www.freedomhouse.org.

Раздел 2

¹¹⁰ Aoki M. (1994) Contingent Governance of Teams: Analysis of Institutional Complementarity / M. Aoki // *International Economic Review*. – Vol. 35. – P. 657 – 676.

¹¹¹ Boyer R. (2007) Growth Strategies and Poverty Reduction: the Complementarity Hypothesis / R. Boyer. – PSE Working Papers. – 43 p.; Boyer R. (2005) Coherence, Diversity, and the Evolution of Capitalism – The Institutional Complementarity Hypothesis / R. Boyer // *Evolutionary and Institutional Economic Review*. – Vol. 2, № 1. – P. 43 – 80.

¹¹² Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy (2005) / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [et al.] // MPIfG Discussion Paper. – P. 32 – 54.

¹¹³ Amable B. (1999) Institutional Complementarity and Diversity of Social Systems of Innovation and Production / B. Amable // WZB Discussion Paper FS 199 – 309. – Berlin : Wissenschaftszentrum Berlin.

¹¹⁴ Deeg R. (2005) Complementarity and Institutional Change: How Useful a Concept? / R. Deeg // Discussion Paper SP II 2005 – 21. – 27 p.

¹¹⁵ Дор Р. Различия Японской и англо-саксонской моделей капитализма / Р. Дор // *Экономическая социология*. – Т. 9. – 2008. – № 1. – С. 65 – 78.

¹¹⁶ Streeck W. (2003) Taking Uncertainty Seriously: Complementarity as a Moving Target / W. Streeck. – Mimeograph Max Plank Institute, Cologne. – 15 p.

¹¹⁷ Hall, P. (2004) Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy: An Empirical Analysis / P. Hall, D. Gingerich // MPIfG Discussion Paper. – 04/5. – 43 p.

¹¹⁸ Hall P. (2001) An Introduction to Varieties of Capitalism / P. Hall, D. Soskice // *Varieties of Capitalism*. – Oxford : Oxford University Press.

-
- ¹¹⁹ Нёрнер М. (2005) What Connect Industrial Relations and Corporate Governance? Explane Institutions Complementarity / М. Нёрнер // MPIfG Discussion Paper. — 2005. — P. 1 — 31; 55 — 59.
- ¹²⁰ Бессонова О. Раздаточная экономика России / О. Бессонова. — М. : РОССПЭН, 2006. — 144 с.
- ¹²¹ Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России / С. Кирдина. — Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001. — 308 с.
- ¹²² Фатеева С., указ. соч.
- ¹²³ Уланов В. Комплементарность взаимодействия субъекта и среды : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Уланов Владимир Петрович. — Казань, 2004. — 150 с.
- ¹²⁴ Умников В. Социал-комплементаризм в системе мира / В. Умников. — М. : Раритет, 2006. — 368 с.
- ¹²⁵ Яременко О.Л. Переходные процессы в экономике Украины / О. Яременко. — Х., 1997. — 182 с.
- ¹²⁶ Нёрнер М. (2005), P. 13.
- ¹²⁷ Amable B. (2005) Complementarity, hierarchy, compatibility, coherence / B. Amable // In: Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy // C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer, B. Amable, P. Hall, G. Jackson // Socio-Economic Review. — № 3. — P. 44 — 45.
- ¹²⁸ Campbell J. (2007) The Varieties of Capitalism and Hybrid Success: Denmark in the Global Economy / J. Campbell, O. Pedersen // Comparative Political Studies. — № 40 (3). — P. 307 — 332.
- ¹²⁹ Crouch C. (2005) Three meaning...
- ¹³⁰ Нёрнер М. (2005).
- ¹³¹ Там же, P. 6.
- ¹³² Boyer R. (2005) Coherence...
- ¹³³ Кирдина С., Институциональные...; Бессонова О. Раздаточная...
- ¹³⁴ Boyer R. (2005) Coherence...
- ¹³⁵ Campbell J. (2011). The US financial crisis: lessons for theories of institutional complementarity / J. Campbell // Socio-Economic Review. — 9. — P. 211 — 234.
- ¹³⁶ Crouch C. (2005) Three meaning..., P. 32 — 33.
- ¹³⁷ Липов В. Институціональна комплементарність множинності паралельних грошей і перспективи розвитку фінансової цивілізації / В. Липов // Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей : матеріали IV Міжнародних філософсько-економічних читань, 18 — 20 травня 2011 р. — Львів : ЛБС УБС НБУ, 2011. — С. 396 — 406.
- ¹³⁸ Ильенков Э., указ. соч., С. 20.
- ¹³⁹ Мизес Л. Социализм / Л. Мизес. — М. : Catallaxy, 1994. — 416 с.
- ¹⁴⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер // Шумпетер Й. Терия экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / И. Шумпетер. — М. : Эксмо, 2007. — С. 363 — 824.
- ¹⁴¹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность / Ф. Хайек. — М. : Новости, 1992. — 304 с.
- ¹⁴² Сото де У. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция / У. де Сото. — М. — Челябинск : ИРИСЭН; Социум, 2008. — 488 с.

¹⁴³ Корнаи Я. Дефицит / Я. Корнаи. — М. : Наука, 1990. — 608 с.; Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма / Я. Корнаи. — М. : Вопросы экономики, 2000. — 672 с.

¹⁴⁴ Бальцеревич Л. Социализм, капитализм, трансформация / Л. Бальцеревич. — М. : Наука / УРАО, 1999. — 352 с.; Бальцеревич Л. Свобода і розвиток. Економія вільного ринку / Л. Бальцеревич. — Львів : І, 2000. — 332 с.

¹⁴⁵ Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. — М. : Прогресс, 1995. — 496 с.; Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. — М. : Экономика, 1996. — 351 с.; Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. — М. : Экономика, 2002. — 482 с.; Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики. — М. : Экономика, 2006. — 338 с.

¹⁴⁶ Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Ч. Линдблом. — М. : ИКСИ, 2005. — 448 с.

¹⁴⁷ Гаврилишин Б. До ефективних суспільств. Доповідь Римському клубові / Б. Гаврилишин. — К. : Пульсари, 2009. — 248 с.

¹⁴⁸ См. напр.: Хейне П. Экономический образ мышления / П. Хейне. — М. : Новости, 1991. — 704 с.; Самуэльсон П. Экономика / П. Самуэльсон. — М. : Алгол, 1992. — Т.1. — 334 с.; Т. 2. — 416 с.; Фишер С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. — М. : Дело, 1993. — 864 с.; Макконнелл К. Экономикс / К. Макконнелл, С. Брю. — М. : Республика, 1992. — Т. 1. — 399 с.; Т. 2. — 400 с.

¹⁴⁹ Шемятенков В. Альтернативные системы капитализма / В. Шемятенков // МЭиМО. — 2003. — № 3.

¹⁵⁰ Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи). — К. : Логос, 1999. — 500 с.

¹⁵¹ См. напр.: Социальное рыночное хозяйство: теория и этика экономического порядка в России и Германии. — СПб. : Эконом. школа, 1999. — 368 с.; Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. — М. : ГУ ВШЭ, 2007. — 488 с.; Антропов В. Социальная рыночная экономика: путь Германии. — М. : Экономика, 2003. — 223 с.; Гутник В. Политика хозяйственного порядка в Германии / В. Гутник. — М. : Экономика, 2002. — 271 с.; Дефорж С. Формирование социального рыночного хозяйства: институциональный аспект / С. Дефорж, И. Дмитриев, М. Ким. — Х. : ХНАДУ, 2007. — 160 с.

¹⁵² См. напр.: Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель / К. Эклунд. — М. : Экономика, 1991. — 349 с.; Эклунд К. Наша экономика. Введение в макроэкономику / К. Эклунд. — М. : МШПИ, 2004. — 528 с.; Гришин И. Шведская модель общественного развития: дихотомия рынок — политика / И. Гришин // МЭиМО. — 2005. — № 10. — С. 76—87; №11. — С. 86—95.; Гришин И. Экономическая демократия: шведский казус / И. Гришин // МЭиМО. — 2006. — № 5. — 40—52.; Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития / [Мартынов В., Гришин И., Волов А. [и др.]]. — М. : ИМЭМО, 2006. — 81 с.; Шведские ученые о шведской модели и её русских трактовках // МЭиМО. — 2007. — № 8. — С. 94—108.; Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния / М. Кастелс, П. Химанен. — М. : Логос, 2002. — 224 с.; Хелантера А. Почему Россия не

Финляндия / А. Хелантера, С.-Э. Олус. — М. : ИЭПП, 2004. — 176 с.;
Песонен П. Динамичная Финляндия / П. Песонен, О. Риихинен. — СПб. :
Европейский Дом, 2007. — 388 с.

¹⁵³ См. напр.: Франция в поисках новых путей / под. ред. Ю. Рубинского. — М. : Весь мир, 2007. — 624 с.; Островская Е. Трансформация социально-экономической модели Франции / Е. Островская // МЭиМО. — 2007. — № 4. — С. 40—49.; Хрусталева Н. Франция на исходе столетия: смена модели регулирования экономики / Н. Хрусталева // МЭиМО. — 2004. — № 6. — С. 61—70.; Испания. Анфас и профиль / под. ред. В. Верникова. — М. : Весь мир, 2007. — 480 с.; Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века / под. ред. В. Давыдова. — М. : ИЛА РАН, 2006. — 504 с.; Прохоренко И. Авторитетный гранд Старого Света перед вызовами нового тысячелетия / И. Прохоренко // МЭиМО. — 2007. — № 3. — С. 106—114.

¹⁵⁴ См. напр.: Дружинин Н. Институциональные факторы развития послевоенной экономической системы Японии / И. Дружинин. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. — 195 с.; Портер М. Японская экономическая модель. Может ли Япония конкурировать? / М. Портер, Т. Хиротака, М. Сакакибара. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 262 с.; Вайтхилл А. Японская система менеджмента / А. Вайтхилл. — М. : Интернет-трейдинг, 2006. — 250 с.; Лебедева И. Япония: промышленность и предпринимательство / И. Лебедева. — М. : Восточная литература, 2007. — 223 с.; Оу И. Японский менеджмент: прошлое, настоящее и будущее / И. Оу. — М. : Эксмо, 2007. — 160 с.; Макмиллан Ч. Японская промышленная система / Ч. Макмиллан. — М. : Прогресс, 1988. — 400 с.; Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий / Т. Коно. — М. : Прогресс, 1987. — 384 с.; Аоки М. Фирма в японской экономике / М. Аоки. — СПб. : Лениздат, 1995. — 431 с.; Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент / В. Малявин. — М. : Европа, 2005. — 304 с.; Виноградов Б., Сизов В. Менеджмент в китайской традиции / Б. Виноградов, В. Сизов. — М. : Экономист, 2007. — 255 с.; Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. — М. : Московский Центр Карнеги, 2005. — 648 с.; Куан Ю. Ли. Сингапурская история...

¹⁵⁵ См. напр.: Беккин Р. Исламская экономика / Р. Беккин. — М. : Восток — Запад, 2008. — 288 с.; Беккин Р. Исламская модель в современном мире / Р. Беккин. — М. ИД Марджана, 2009. — 344 с.; Трунин П. Исламская финансовая система / П. Трунин, М. Каменских, М. Муфтяхетдинова. — М. : ИЭПП, 2009. — 84 с.; Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса. — М. : УММА, 2004. — 112 с.; Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты. — М. : УММА, 2004. — 284 с.

¹⁵⁶ См. напр.: Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира / Г. Мюрдаль. — М. : Прогресс, 1972. — 768 с.; Пахомова Л. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л. Пахомова. — М. : ИВ РАН, 2007. — 256 с.; Уляхин В. Особенности синтеза архаики и модерна в рыночных структурах стран Востока (вторая половина XX века) / В. Уляхин. — М. : ИВ РАН, 2005. — 368 с.; Капитализм на Востоке во второй половине XX века. — М. : ИВ РАН, 1995. — 603 с.; Социальный облик Востока. — М. : ИВ РАН, 1999. — 406 с.

¹⁵⁷ См. напр.: Сото де Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. — М. :

Олимп-Бизнес, 2001. — 272 с.; Сото де Э. Иной путь. Экономический ответ терроризму / Э. де Сото. — Челябинск : Социум, 2007. — 302 с.; Хачатуров К. А. Латиноамериканские уроки для России / К. Хачатуров. — М. : Международ. отношения, 1999. — 400 с.

¹⁵⁸ Социально-экономические модели в современном мире и путь России. В 2-х кн. — М. : Экономика. — 2003. — Кн. 1. — 757 с.; 2005. — Кн. 2. — 911 с.

¹⁵⁹ Фукуяма Ф. Доверие / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2004. — 733 с.

¹⁶⁰ Западноевропейские страны: особенности социально-экономических моделей. — М. : Наука, 2002. — 272 с.

¹⁶¹ Шнітцер М. Порівняння економічних систем / М. Шнітцер. — К. : Основи, 1997. — 520 с.

¹⁶² Колганов А., указ соч.

¹⁶³ Роузфілд С. Порівнюємо економічні системи: Культура, багатство та влада в ХХІ столітті / С. Роузфілд. — М. : КІС, 2005. — 370 с.

¹⁶⁴ Рыночная демократия в действии: Современное политико-экономическое устройство развитых стран / под ред. В. Мау, А. Мордашова, Е. Турунцева. — М. : Изд-во ИЭПП, 2005. — 368 с.; Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / под ред. В. Мау, А. Мордашова, Е. Турунцева. — М. : ИЭПП, 2005. — 240 с.; Институциональные предпосылки современного экономического роста. — М. : ИЭПП, 2007. — 133 с.; Институты закрытых демократий. — М. : ИЭПП, 2007. — 166 с.

¹⁶⁵ Национальная экономика в условиях глобализации / под ред. И. Фаминского. — М. : Магистр, 2007. — 429 с.

¹⁶⁶ Кудров В. Мировая экономика: социально-экономические модели развития / В. Кудров. — М. : Магистр, 2009. — 399 с.

¹⁶⁷ Грабинський І. Сучасні економічні системи: порівняльний аналіз / І. Грабинський. — Львів : Інтереко, 1997. — 176 с.

¹⁶⁸ Ушакова Н. Соціально-економічні типи країн / Н. Ушакова, І. Помінова. — К. : Професіонал, 2004. — 304 с.

¹⁶⁹ См. напр.: Економічні системи : монографія. Ч. 1 / за ред. Г. Башнянина. 2005. — Львів : Вид-во ЛКА, 2006. — 484 с.; Башнянин Г. Про періодичну матрицю економічних систем Г. Башнянин. — Львів : ЛКА, 2003. — 115 с.

¹⁷⁰ Башнянин Г. Мікроекономічні ринкові системи: методологічні проблеми аналізу ефективності функціонування / Г. Башнянин, І. Копич, І. Чупик. — Львів: ЛКА, 2001. — 182 с.; Башнянин Г. Економічні системи: проблеми структуризації та класифікації / Г. Башнянин, І. Копич, Б. Шевчик. — Львів : Коопосвіта, 1999. — 220 с.

¹⁷¹ Кульчицький Б. Сучасні економічні системи / Б. Кульчицький. — Львів : Афіша, 2004. — 280 с.; Кульчицький Б. Економічні системи суспільства: теорія, методологія, типологізація / Б. Кульчицький. — Львів : ЛНУ, 2003. — 352 с.

¹⁷² Пахомов Ю. Національні економіки в глобальному конкурентному середовищі / Ю. Пахомов, Д. Лук'яненко, Б. Губський. — К. : Україна, 1997. — 240 с.

¹⁷³ Леоненко П. Сучасні економічні системи / П. Леоненко, О. Черепніна. — К. : Знання, 2006. — 429 с.

¹⁷⁴ Гражевська Н. Економічні системи епохи глобальних змін / Н. Гражевська. — К. : Знання, 2008. — 431 с.

¹⁷⁵ Степаненко С. Институциональный анализ экономических систем / С. Степаненко. — К. : КНЕУ, 2008. — 312 с.

¹⁷⁶ Див. напр.: Липов В. Институциональная составляющая социально-экономических моделей / В. Липов. — Научные труды ДонНТУ. Серия : Экономическая. — Вып. 89—1. — Донецк : ДонНТУ, 2005. — С. 112—118, то же: <http://www.donntu.edu.ua>; Липов В. Міжнародна економіка: світова економіка та міжнародні економічні відносини. Модуль 1. Світова система господарювання / В. Липов. — К. : Професіонал, 2008. — 368 с.; Липов В. Мотивація інституціональних змін у трансформаційній економіці / В. Липов. — Х. : Вид-во НФаУ, 2004. — 184 с.; Липов В. Незавершенные модернизации России и цивилизационные особенности становления институциональных основ социально-экономических моделей стран мира / В. Липов // Экономический вестник Ростовского ГУ. — Т. 5. — 2007. — № 2. — С. 167—179, то же: <http://www.ecsocman.edu.ru/>; Липов В. От архаики к постэкономике. Эволюция форм хозяйствования и развитие экономической теории / В. Липов. — Х. : ИНЖЭК, 2008. — 290 с.; Липов В. Религиозные ценности как фактор формирования социально-экономических моделей / В. Липов // Экономический вестник Ростовского ГУ. — Т. 3. — 2005. — № 3. — С. 57—73, то же: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211432/print.html>.

¹⁷⁷ Альбер М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. — СПб. : Эконом. школа, 1998. — 296 с.

¹⁷⁸ Там же, С. 14.

¹⁷⁹ Кэлфф Д. Бизнес не по американски. Новая европейская бизнес-модель / Д. Кэлфф. — М. : Вершина, 2007. — 288 с.

¹⁸⁰ Герземанн О. Ковбойский капитализм / О. Герземанн. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 270 с.

¹⁸¹ Koopmans T. (1971) On the Description and Comparison of Economic Systems / T. Koopmans, J. Montias // Comparison of Economic Systems / ed. by A. Eckstein. — Beverley.

¹⁸² Duffy W. (1972) Toward a Decision-theoretic Approach to the Study of economic Systems / W. Duffy // Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas. — Vol. 3, № 1.

¹⁸³ См. напр.: Aoki M. (2001), Toward a Comparative Institutional Analysis / M. Aoki. — Cambridge, Mass. : MIT Press.; Aoki M. (2007) Whether Japan's Corporate Governance, Chapter 14 / M. Aoki // Aoki et al (2007); Aoki, M. eds., (2007) Corporate Governance in Japan: Organizational Diversity and Institutional Change / M. Aoki, G. Jackson and H. Miyajima, eds. — Oxford : Oxford University Press; Aoki, M. (2002) Information, Incentives, and Option Value: The Silicon-Valley Model / M. Aoki, H. Takizawa // Journal of Comparative Economics. — 30. — P. 759—786.

¹⁸⁴ Greif, A. (2006) Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade / A. Grief. — Cambridge University Press, Cambridge; Grief, A. (1994) Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies / A. Grief // Journal of Political Economy. — 102. — P. 912-950; Greif, A (1993) Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade: The Maghribi Traders' Coalition / A. Grief // American Economic Review. — 83(3), June. — P. 525—548; Дроздов Н. В поисках новой методологии: сравнительный и исторический

институциональный анализ Авнера Грейфа / Н. Дроздов // Вопросы экономики. — 2011. — № 1. — С. 101–119.

¹⁸⁵ Aoki, M (1994) *The Contingent...*, P. 657–676.

¹⁸⁶ Boyer R. (2005) *How and why capitalisms differ* / R. Boyer // *Economy and Society*. — Vol. 4, November. — P. 526–527.

¹⁸⁷ Hollingsworth, J. (1997): *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions* / J. Hollingsworth, R. Boyer. // *Cambridge Studies in Comparative Politics*. — Cambridge : Cambridge University Press; Crouch C. (1997) *Political Economy of Modern Capitalism: Mapping Convergence and Diversity* / C. Crouch, W. Streeck. — London : Sage.

¹⁸⁸ Amable B. (2000) *Institutional...*, P. 645–687.

¹⁸⁹ Soskice D. (1999) *Divergent Production Regimes: Coordinated and Uncoordinated Market Economies in the 1980s and 1990s* / D. Soskice // *Continuity and Change in Contemporary Capitalism*; H. Kitschelt [et al.] (eds.). — Cambridge, UK : Cambridge University Press. — P. 101–134; Hall P. (2001) *An Introduction to Varieties of Capitalism* / P. Hall, D. Soskice // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* ; P. Hall, D. Soskice (eds.). — Oxford : Oxford University Press. — P. 1–70.

¹⁹⁰ Whitley, R. (1999) *Divergent Capitalisms: The Social Structuring and Change of Business Systems* / R. Whitley. — Oxford : Oxford University Press.

¹⁹¹ Hall P. (2001) *An Introduction...*, P. 18.

¹⁹² Там же, P. 21.

¹⁹³ Boyer R. (2005) *How and why...*, P. 509–557.

¹⁹⁴ Hall P. (2001) *An Introduction...*, P. 17.

¹⁹⁵ Hall P. (2001) *An Introduction ...*, P. 28, 32.

¹⁹⁶ Pierson P. (2000) *Three Worlds of Welfare State Research* / P. Pierson // *Comparative Political Studies*. — 33. — P. 795.

¹⁹⁷ Буайе Р. *Теория регуляции* / Р. Буайе. — М. : РГГУ, 1997. — С. 55.

¹⁹⁸ Boyer R. (2005) *How and why...*, P. 537.

¹⁹⁹ Amable B. (2003) *The Diversity of Modern Capitalism*. — Oxford : Oxford Press.

²⁰⁰ Amable B. (2000) *Institutional Complementarity...*, P. 657–690.

²⁰¹ Whitley, R. (1999) *Divergent...*, P. 33.

²⁰² Roe M, (2003) *Political Determinants of Corporate Governance, Political Context, Corporate Impact*. — Oxford : Oxford University Press.

²⁰³ Там же, P. 12

²⁰⁴ Höpner M. (2005), P. 13

²⁰⁵ Crouch C. (2005) *Three meaning of complementarity* / C. Crouch // *Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy* / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [at al.] // *Socio-Economic Review*. — № 3. — P. 33–34.

²⁰⁶ Amable B. (2005) *Complementarity...*

²⁰⁷ Amable B. (2003) *The Diversity...*

²⁰⁸ Deeg R. (2005) *Complementarity...*, P. 3.

²⁰⁹ Crouch C. (2005) *Three meaning...*, P. 34.

²¹⁰ Campbell J. (2007) *The Varieties...*

²¹¹ Crouch C. (2005) *Three meaning...*, P. 34–35.

²¹² Там же, P. 35.

²¹³ **Когерентность** [cohaerentia (лат) — сцепление, связь] — согласованное протекание во времени нескольких колебательных или волновых процессов, разность фаз которых постоянна, при наложении когерентные волны либо ослабляют, либо усиливают друг друга. См.: Словарь иностранных слов. — М. : 1987. — С. 233.

²¹⁴ Нёрнер М. (2005) What Connect.

²¹⁵ Bernstein R. J. (1991), P. 8. Цит по: Фатеева, 60

²¹⁶ Нернер М. (2005) What Connect, P. 6

²¹⁷ New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. — Danburu, Ct.: Lexicon Publication, Inc., 1993. — P. 209.

²¹⁸ The World Book Dictionary. — Chicago : World Book, Inc., 1995. — V.1. — P. 445.

²¹⁹ Кирдина С., Институциональные...; Кирдина С. X и Y-экономии: Институциональный анализ / С. Кирдина. — М. : Наука, 2004. — 256 с.

²²⁰ Бессонова О. Раздаточная ... ; Бессонова О. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России / О. Бессонова // Мир России. — 2008. — № 2. — С. 108–138.

²²¹ **Конгруэнтность** [congruentis (лат.) — соразмерный, совпадающий, соответствующий] — свойство геометрических фигур совмещаться при наложении.

²²² Boyer R. (2007) Growth Strategies.

²²³ Нёрнер М. (2005) What Connect..., P. 56 — 59.

²²⁴ Amable V. (2005) Complementarity..., P. 45.

²²⁵ **Модуляция** — изменение по заданному закону во времени величин, характеризующих регулярный физический процесс (амплитуды, частоты, фазы или др. характеристик колебаний по заданному закону, медленное по сравнению с периодом этих колебаний).

²²⁶ Boyer R. (2005) Complementarity in Regulation Theory / С. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [at al] // Socio-Economic Review. — № 3. — P. 40.

²²⁷ Там же.

²²⁸ **Изоморфизм** — способность аналогичных по свойствам атома (иона) хим. элементов замещать друг друга в кристаллических соединениях, образуя аналогичные по структуре кристаллы переменного состава.

²²⁹ Кузьмін О. Кластери як чинник інноваційного розвитку підприємств і територіальних утворень / О. Кузьмін, В. Жежеха В. // Економіка України. — 2010. — № 2. — С. 14–23.

²³⁰ **Кластер** — устойчивое образование, объединяющее кого-, что-либо по каким-то сходным признакам.

²³¹ Буайе Р. Демократия и социал-демократия перед лицом современного капитализма: «регуляционистский» подход / Р. Буайе // Прогнозис. — 2009. — № 1. — С. 107.

²³² Гражевська Н. Указ соч., С. 46

²³³ **Козволюция** — совместное гармоничное развитие природы и человека.

²³⁴ См. напр.: Дружинин Н. Институциональные факторы развития послевоенной экономической системы Японии / Н. Дружинин. — СПб. : Изд-во СПб.ГУ, 2007. — С. 87–145.; Мак-Клейн Д. Япония. От сегуна до Токугавы / Д. Мак-Клейн. — М. : Астрель, 2007. — С. 72 — 77.

²³⁵ Полтерович В. Элементы теории реформ / В. Полтерович. — М. : Экономика, 2007. — С. 317.

²³⁶ Там же, 318.

²³⁷ Решетило В. Экономическая синергетика институциональных изменений / В. Решетило. — Х. : ООО ПРОМЕТЕЙ-ПРЕС, 2006. — 288 с.

²³⁸ Crouch C. (2005) Three meaning..., P. 32

²³⁹ Hórnner M. (2005) What Connect...

²⁴⁰ Crouch C. (2005) Three meaning..., P. 32 – 33.

²⁴¹ См. также: Липов В. Институциональная комплементарность и морфология социально-экономических систем / В. Липов // Бизнес информ. — 2010. — № 2. 2005. — С. 119–125.

²⁴² Липов В. Міжнародна ... Модуль 1., С. 174 – 183.

²⁴³ Кузьмин В. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. Кузьмин. — М. : Политиздат, 1986. — С. 47.

²⁴⁴ «...Суммативное качество имеет подвижные границы величин, в рамках которого сохраняется его качество. — Отмечает В. Кузьмин. — ...[оно — В.Л.] выступает, скорее, как внешнее качество некоего соединения, связи которого в принципе не являются жестко структурированными и органичными. Относительная неопределенность состава, к которой добавляется и неопределенность величины суммативного единства, является исходным основанием, порождающим относительную количественную неопределенность их меры». См.: Там же, С. 46.

²⁴⁵ Campbell J. (2007) The Varieties...

²⁴⁶ Липов В. Міжнародна... Модуль 1., С. 201 – 208.

²⁴⁷ Hórnner M. (2005) What Connect..., P. 7.

²⁴⁸ Hall, P. (2004) Varieties of Capitalism..., P. 9.

²⁴⁹ Hórnner M. (2005) What Connect..., P. 56 – 59.

Раздел 3

²⁵⁰ Веннерлинд К. О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль / К. Веннерлинд // Вопросы экономики. — 2010. — № 2. — С. 65 – 82.

²⁵¹ Зуев В. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского союза / В. Зуев. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 255 с.

²⁵² Голубев А. Экономика как организм / А. Голубев. — Вопросы экономики. — 2011. — № 2. — С. 140 – 151.

²⁵³ Гриценко А. Совместно-разделенные отношения: труд, собственность и власть / А. Гриценко // Экономика Украины. — 2003. — № 3. — С. 50 – 58.

²⁵⁴ См.: Гриценко А. Метод «Капитала» К. Маркса и политическая экономика в широком смысле / А. Гриценко. — Х. : Вища школа, 1988. — 160 с.; Гриценко А. Развитие форм обмена, стоимости и денег / А. Гриценко. — К. : Основа, 2005. — 188 с.

²⁵⁵ Кузьмин В. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. Кузьмин. — М. : Политиздат, 1986. — С. 77.

²⁵⁶ Там же, С. 114

²⁵⁷ Там же, С. 94 – 97.

- ²⁵⁸ См. напр.: Полтерович В. Элементы стратегии реформ / В. Полтерович. — М. : Экономика, 2007. — 447 с.; Тамбовцев В. Экономическая теория институциональных изменений / В. Тамбовцев. — М. : ТЕИС, 2005. — 542 с.; Явлинский Г. Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России / Г. Явлинский, С. Брагинский. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 397 с.
- ²⁵⁹ Грибов А. Институциональная теория денег / А. Грибов. — М. : РИОР, 2008. — 200 с.
- ²⁶⁰ Кузьмин В. Указ. соч. — С. 94.
- ²⁶¹ Кузьмин В. Указ. соч., С. 164.
- ²⁶² Boyer R. (1995) Capital labour relations in OECD countries: from the Fordist Golden Age to contrasted national trajectories / R. Boyer // Capital, the State and Labour: A Global Perspective. — Aldershot: Edward Elgar. — P. 18–69.
- ²⁶³ Липов В. Комплементарна обумовленість специфіки соціально-трудових відносин соціально-економічних систем / В. Липов // Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип. Соціально-трудові відносини: теорія і практика Т. 2. — К. : КНЕУ, 2010. — С. 102–112.
- ²⁶⁴ К. Маркс Капитал Т 1..., С. 383
- ²⁶⁵ Кирдина С. Институциональные матрицы..., С. 85–92.
- ²⁶⁶ Улин Б. Межрегиональная и международная торговля / Б. Улин. — М. : Дело, 2004. — 416 с.
- ²⁶⁷ Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм / Б. Льюис. — М. : Олимп-Бизнес, 2003. — 224 с.
- ²⁶⁸ Ульченко Н. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана) / Н. Ульченко, Н. Мамедов. — М. : Городец, 2006. — 288 с.
- ²⁶⁹ Філіпенко А. Міжнародні економічні відносини. Історія / А. Філіпенко. — К. : Либідь, 2006. — 392 с.
- ²⁷⁰ Национальная экономика / под общ. ред. Р. Нуреева. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 655 с.
- ²⁷¹ Корпоративное управление и саморегулирование в системе институциональных изменений / [Энтов Р., Радыгин А., Межераупс И., Швецов П.]. — М. : ИЭПП, 2006. — 460 с.
- ²⁷² Шерешева М. Межфирменные сети / М. Шерешева. — М. : ТЕИС, 2006. — 320 с.
- ²⁷³ Тютюнникова С. Домохозяйство как субъект рыночной трансформации / С. Тютюнникова, Н. Можайкина. — Полтава : СКАЙТЕК, 2010. — 157 с.
- ²⁷⁴ Бетелл Т. Собственность и процветание / Т. Бетелл. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 480 с.
- ²⁷⁵ Нуреев Р. Теория общественного выбора / Р. Нуреев. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2005. — 531 с.
- ²⁷⁶ Латов Ю. Теневая экономика / Ю. Латов, С. Ковалев. — М. : НОРМА, 2006. — 336 с.
- ²⁷⁷ Ильин В. Философия богатства: человек в мире денег / В. Ильин. — К. : Знания Украины, 2005. — 496 с.
- ²⁷⁸ Ильин В. Власть и деньги / В. Ильин. — К. : Книга, 2008. — 560 с.
- ²⁷⁹ Ільїн В. Фінансова цивілізація / В. Ільїн. — К. : Книга, 2007. — 528 с.
- ²⁸⁰ Липов В. Системна комплементарність соціально-економічних систем як передумова трансформації прав власності на пострадянському просторі /

В. Липов // Формування ринкової економіки : зб. наук. праць. Спец. вип. Проблеми сучасної економіки та інституціональна теорія. — К. : КНЕУ, 2010. — С. 195–204.

²⁸¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1996. — С. 55.

²⁸² Кузьмин В., указ. соч., С. 96–97.

²⁸³ Chang H.-J. (2006) Understanding the Relationship between Institutions and Economic Development. Some Key Theoretical Issues / H.-J. Chang // United Nations University Discussion Paper № 2006/06. — 14 p.

²⁸⁴ Chang H.-J. (2006) Understanding..., P. 2–3.

²⁸⁵ Höpner M. (2005) What Connect..., P. 56.

²⁸⁶ Höpner M. (2005) What Connect..., P. 7.

²⁸⁷ Буайе Р. Демократия и социал-демократия перед лицом современного капитализма: «регуляционистский» подход / Р. Буайе // Прогнозис. — 2009. — № 1. — С. 108.

²⁸⁸ Лал Д., указ. соч.

²⁸⁹ Ученый цитирует высказывание Л. Де Бругли: «Индивидуальность элементарных корпускул [в квантовой физике — Л.Д.] тем более ослабевает, чем больше они вовлечены во взаимодействие. Поскольку, с одной стороны, нет полностью изолированных корпускул, и, с другой стороны, сцепление корпускул в системе практически никогда не бывает настолько полным, чтобы не допустить сохранения некоторого остатка их индивидуальности, мы видим, что *реальность в целом выглядит промежуточной между концепциями автономной индивидуальности и тотальной спаянной системы* (выделено Л.Д.)». Цит. по: Дюмон Л. Человек иерархический. — СПб. : Евразия, 2001. — С. 63–65.

²⁹⁰ Там же, С. 64.

²⁹¹ Ученый отмечает: «Фонема имеет только такие характеристики, которые противопоставляют её другим фонемам, она ничего собой не представляет, она лишь отличается от других, благодаря чему она получает свое значение. Мы будем говорить только о структуре исключительно в таком случае, когда взаимозависимость элементов системы является столь тесной, что при составлении описания отношений между ними они исчезают без остатка: *в итоге это больше не система элементов, а система отношений* (выделено мною — В.Л.)». См.: там же, С. 64.

²⁹² Там же, С. 66.

²⁹³ Скоробогатов А. Жизнь и свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе / А. Скоробогатов // Журнал институциональных исследований. — Т. 1. — 2009. — № 1. — С. 57–72.

²⁹⁴ Тили Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. — М. : Территория будущего, 2009. — 360 с.

²⁹⁵ Streek W. (2009) Re-Forming Capitalism. Institutional Change in the German Political Economy. — Oxford : Oxford University Press. — 304 p.

²⁹⁶ Процитируем его: «Если размышлять над опытом современной физики, то легко прийти к выводу, что всегда должна быть принципиальная дополнительность между размышлениями и решением ... Решение в конце концов принимается посредством того, что отбрасываются все аргументы ...

Решение, быть может, является результатом размышления, но одновременно оно и кончает с размышлением, исключает его. Даже важнейшие решения в жизни всегда, пожалуй, содержат неизбежный элемент иррациональности. ... Жизненную основу образует иррациональное проявление действительной или кажущейся истины или смешение этих истин. Этот факт, с одной стороны, дает нам право оценить жизненные основы общества, прежде всего по особенностям морали, в которых они проявляются, и, с другой стороны, подготавливает нас уважать также и жизненные принципы других обществ, которые сильно отличаются от наших.

Современная физика ... пробуждает надежду, что в окончательном состоянии различные культурные традиции, новые и старые, будут сосуществовать, что весьма разнородные человеческие устремления могут быть объединены для того, чтобы образовать новое равновесие между мыслями и действиями, между созерцательностью и активностью». См.: Гейзенберг В. Философия и физика. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М. : Наука, 1989. – С. 129 – 130.

²⁹⁷ Среди проблем, с которыми столкнулся Н. Бор в процессе научного поиска, приведшего к открытию принципа дополнительности, было отсутствие соответствующей научной терминологии, способной адекватно охарактеризовать сам процесс и результаты вынужденного применения в исследовании противоречивых, несоединимых с точки зрения парадигм традиционной науки. «Бор часто подчеркивал, что гносеологические трудности в физике вытекают из того, что мы вынуждены применять слова и понятие повседневной жизни, даже если мы имеем дело с более тонкими наблюдениями. Мы не знаем никакого другого способа описания движения, как только посредством понятий частиц либо волн. Мы вынуждены применять их также и в тех случаях, когда эксперимент показывает, что они не вполне адекватны, или что в действительности мы имеем дело с более общими явлениями. С помощью математики мы отыскиваем инварианты, необходимые для описания новых наблюдений, и шаг за шагом научаемся интуитивно их применять. Это крайне медленный процесс, который преуспевает только по мере того, как новые явления становятся известными во все более широких кругах. Когда наконец новые понятия погружаются в подсознание, они находят свое адекватное обозначение и переходят в общую сокровищницу знаний человечества». См.: Борн М., указ. соч., С. 97 – 98. Таким образом, ученый, в процессе исследования сугубо физических проблем, вынужденно обращается в сферу семиотики, лингвистики, в конечном итоге культурологии.

²⁹⁸ «Даже на этапе завершения – во время построения обобщающих концепций микромира – приходится допускать противоречия. Классическая логика оказывается недостаточной для описания внешнего мира. Стараясь осмыслить это философски, Бор сформулировал свой знаменитый принцип *дополнительности*, согласно которому для воспроизводства в знаковой системе целостного явления необходимы взаимоисключающие, *дополнительные* классы понятий. Это требование равнозначно расширению логической структуры языка физики. Бор использует, казалось бы, очень простое средство: признается взаимоисключающее использование двух языков, каждый из которых базируется на обычной логике. Они описывают

физические явления, которые взаимоисключают одно другое, например непрерывность и атомизм световых явлений и т. п.». См.: Налимов В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В. Налимов. — Томск — М. : Наука, 1979. — С. 103.

²⁹⁹ О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономики / Ф. О'Хара // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 47–50.

³⁰⁰ Свечкарева В. Принцип комплементарности в дихотомическом анализе взаимодействия цивилизаций Запада и Востока / В. Свечкарева // Вестник ВолГУ. Серия 7. — 2008. — № 1 (7). — С. 177.

³⁰¹ Липов В. Изменение институциональных систем трансформационных экономик в условиях глобализации: точки бифуркации / В. Липов // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія економічна. — Вип. 31-1. — 2007. — С. 60–66; то же режим доступа к журн. : <http://www.donntu.edu.ua>.

³⁰² Драхокупул Я. Постпереходные варианты политического и экономического развития стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза / Я. Драхокупул // Мир России. — 2009. — № 3. — С. 39–60.

³⁰³ См. напр.: Сорокин П. Социология революции / П. Сорокин // М. : Территория будущего / РОССПЭН, 2005. — С. 161–164, 408–412.; Мау В. Политическая экономия революции: историко-экономический опыт / В. Мау // Истоки. — Выпуск 4. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. — С. 272–342; Липов В. Изменение...

³⁰⁴ См. напр.: Киндж Дж. Китай, который потряс мир / Дж Киндж. — М. : АСТ, 2008. — 351 с.; Куан Ю Ли. Сингапурская история...; Леонард М. О чем думают в Китае / М. Леонард. — М. : АСТ, 2009. — 222 с.; Пахомова Л. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия / Л. Пахомова. — М. : 2007. — 256 с.

³⁰⁵ Boyer R. Coherence ..., P. 63.

³⁰⁶ Арнольд В. Теория катастроф / В. Арнольд. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 128 с.

³⁰⁷ Мау В., указ. соч., С. 272 – 342.

³⁰⁸ См. напр.: Ahrens J. (2006), Institutional Change and Economic Transition: Market-Enhancing Governance, Chinese-Style / J. Ahrens, P. Mengerlinghaus // European Journal of Comparative Economics. — Vol. 3. — № 1. — P. 75–102.; Ahrens J. (2007), Transitional Institutions, Institutional Complementarities and Economic Performance in China. A 'Varieties of Capitalism' Approach / J. Ahrens, P. Jünemann // Duisburg Working Papers On East Asian Studies. — № 72/2007. — 53 p.

³⁰⁹ Липов В. Раздел II. Глава 2. Институциональная обусловленность экономических циклов: проблема комплементарности институтов / В. Липов. — М. : Кафедра политической экономики экономического факультета МГУ, 2010 С. 54–61 [Электронный ресурс]. — Режим доступа к моногр. : <http://www.econ.msu.ru/ds/1680>.

³¹⁰ Шургалина И. Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф / И. Шургалина. — М. : РОССПЭН, 1997. — 221 с.

³¹¹ Чухно А. Сучасна фінансово-економічна криза: природа, шляхи і методи її подолання / А. Чухно // Економіка України. — 2010. — № 1, С. 4–18; № 2. — С. 4–13.

³¹² Сото де У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / У. де Сото. — Челябинск: Социум, 2008. — С. 44.

³¹³ Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире / Г. Сальвиоли. — Х.-Екатеринослав : Всеукраинское государственное издательство, 1922. — С. 164.

³¹⁴ Сото де У. Деньги..., С. 58 — 64.

³¹⁵ См. напр.: Тугань-Барановский М. Промышленные кризисы / М. Тугань-Барановский. — СПб. : О. Попова, 1900. — 336 с.; Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века / Л. Мендельсон. — М. : ОГИЗ, 1949. — 838 с.; Мировые экономические кризисы 1848 — 1936. Т. 1. / под общ. ред. Е. Варга. — М. : ОГИЗ, 1937. — 808 с.

³¹⁶ «Я был глубоко потрясен, — писал Ж. Сисмонди, — тем промышленным кризисом, который переживает Европа в последнее время, теми ужасными страданиями промышленных рабочих, свидетелем которых мне пришлось быть в Италии, Швейцарии и Франции и которые, по всем сведениям, были отнюдь не менее суровы в Англии, Германии и Бельгии». Цит. по: Митчелль У. Экономические циклы. Проблема и её постановка / У. Митчелль.. — М./Л. : Госиздат, 1930. — С. 5.

³¹⁷ Сисмонди де Ж. Новые начала политической экономии. Т. 1. / Ж. де Сисмонди. — М. : Соцэкгиз, 1937. - С. 178 — 222.

³¹⁸ Там же, С. 58 — 69.

³¹⁹ «Когда слушаешь рассуждения по вопросам национальной экономии, можно подумать, будто люди соединились в общество не для того, чтобы обеспечить себе счастье, а для того, чтобы дешевле производить металлические пуговицы или бумажные ткани». См.: Сисмонди де Ж., указ соч., С. 69.

³²⁰ Митчелль У., указ. соч.

³²¹ Там же, С. 49 — 53.

³²² Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. — Челябинск : Социум, 2005. — С. 209 — 443.

³²³ «...Должно быть очевидно, — утверждает У. де Сото, — что такие циклы возвращаются бесконечно по институциональной причине, объясняющей поведение, присущее (регулируемой) рыночной экономике». См.: Сото де У. Деньги..., С. 378.

³²⁴ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. — М. : Дело, 2003. — С. 213 — 214.

³²⁵ Там же, С. 218 — 219.

³²⁶ Там же, С. 252.

³²⁷ «...Для того, чтобы институциональное вмешательство имело шанс успешно преодолеть кризис, претерпеваемый некоторыми инертными экономическими системами Запада, — отмечает Дж. Ходжсон, — оно должно распространяться и вширь, и в глубь и привести к определенным фундаментальным изменениям в общественных отношениях и личных устремлениях». См. там же, С. 386.

³²⁸ Гриценко А. Институциональные ответы на вызовы современного глобального кризиса / А. Гриценко // Научные труды ДонТУ. Серия : Экономическая. — Вып. 37-1. — 2009. — С. 28 — 34.

³²⁹ Осипов Ю. Мировой кризис и мир (непрощенные мысли) / Ю. Осипов // Философия хозяйства. — 2010. — № 1. — С. 11 — 20.

³³⁰ См.: Гриценко А. Глобальна криза як форма сучасної фінансово-економічної динаміки // Економіка України. — 2010. — № 4. — С. 37–46; Яремеченко О. Тенденції посткризового розвитку фінансових інститутів // Економіка України. — 2010. — № 4. — С. 88–95.

³³¹ Мелман С. Прибыли без производства / С. Мелман. — М. : Прогресс, 1987. — 520 с.

³³² Боннер У. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. / У. Боннер, Э. Уиггин. — Челябинск : Социум, 2005. — 402 с.

³³³ Campbell J. (2011). The US financial crisis.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. — Челябинск: Социум, 2005. — С. 527–528.

³³⁶ «...Везде, где у потребителей отсутствует свобода выбора и где производственная структура «координируется» сверху, нельзя говорить о последовательных стадиях бума и рецессии, а *бюджет теоретически обоснованным рассматривать такие экономики как находящиеся в непрерывной и постоянной ситуации кризиса и рецессии* (выделено автором — В.Л.)». См.: Сото де У. Деньги..., С. 356.

³³⁷ «Потому, — делает вывод У. де Сото, — заявление о том, что экономика реального социализма предлагает преимущества устранения экономических кризисов, равносильно утверждению, что смерть — лучшее средство от всех болезней». См. там же.

³³⁸ Лосев А. Мера / А. Лосев // Философская энциклопедия. Т. 3. — М. : Советская энциклопедия, 1964. — С. 389–394.

³³⁹ «Мера есть то, чем познается количество; а количество как таковое познается через единое, или через число, а всякое число — через единое, так что всякое количество как таковое познается через единое, и то первое, чем познаются количества, есть само единое; а потому единое есть начало числа как такового». См.: Аристотель Метафизика / Аристотель // Аристотель Сочинения в четырех тт. Т. 1. — М. : Мысль, 1976. — С. 253.

³⁴⁰ Гегель Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1 / Гегель. — М. : Мысль, 1974. — 257 с.

³⁴¹ Гегель Наука логики. В 3-х тт. Т. 1 / Гегель. — М. : Мысль, 1970. — С. 466.

³⁴² Кузьмин В. Категория меры в марксистской диалектике / В. Кузьмин. — М. : Наука, 1966. — С. 58–59.

³⁴³ Гегель Наука логики. В 3-х тт. Т. 1 / Гегель. — М. : Мысль, 1970. — С. 433.

³⁴⁴ Кузьмин В. Категория..., С. 54.

³⁴⁵ В Кузьмин так описывает ситуацию: «...если в непосредственной мере одно и то же качество реализуется специфическим образом в тысячах различных внешних отношений (*Маркс*), то в системной мере мы имеем обратную картину — различные группы внешних материальных условий, «окачествовавшихся» в определенные материальные системы, реализуются в мириадах конкретных вещей в виде однотипных качеств-свойств. А сам материальный предмет является как бы многочленом всех тех систем, в которые он входит, приобретая от каждой из них соответствующие качества-свойства (выделено автором — В.Л.)». И далее: «В рамках системного подхода предмет представляется не только многосвойственным, но и внутренне многокачественным, он выступает как воплощающий в себе

качества различных систем действительного мира. Изменения многих свойств предмета оказывается зависимым не только от него самого, но и от тех материальных систем, элементом которых он является». См.: там же, С. 75.

³⁴⁶ Макаров А. Исчисление институтов / А. Макаров // Экономика и математические методы. — 2003. — Т. 39. — № 2. — С. 14–32.

³⁴⁷ Там же, С. 15

³⁴⁸ Тарасенко В. Методологічні підходи до визначення ефективності інститутів // Научные труды ДонНТУ. — Сер. : Экономическая. — Вып. 37-2. — Донецк, ДонНТУ, 2009. — С. 37–43.

³⁴⁹ Там же, С. 43.

³⁵⁰ Липов В. Оцінка інституціональної комплементарності: що ми вимірюємо / В. Липов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Економічна серія. — 2010. — № 892. — С. 81–88.

³⁵¹ Deeg R. (2007) Measuring Institutional Complementarity and Change in Capitalists Systems / R. Deeg // Journal of European Public Policy. — 2007. — № 6. — P. 611–630.

³⁵² Там же, P. 615.

³⁵³ Boyer R. (2005) Coherence..., P. 65.

³⁵⁴ Латов Ю. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю. Латов, Н. Латова // Мир России. — 2007. — № 4. — С. 56–61.

³⁵⁵ Лебедева Н. Ценности культуры и развитие общества / Н. Лебедева, А. Татарко. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.

³⁵⁶ Там же, С. 482–483.

³⁵⁷ La Porta R. (1998) Law and Finance / R. La Porta, F. Lope-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // The Journal of Political Economy. — V. 106. — № 6. — P. 1113–1155; Ла Порта Р. Корпоративная собственность в различных странах мира / Р. Ла Порта, Ф. Лопес-де-Силанес, А. Шлейфер // Российский журнал менеджмента. — Т. 3, № 3. — 2005. — С. 97–148.

³⁵⁸ Липов В. Измерение и оценка институциональной комплементарности: проблемы и инструменты / В. Липов // Научные труды ДонНТУ. — Сер. : Экономическая. — 2009. — Вып. 37-1 (138). — С. 62–70; то же режим доступа к журн. : <http://www.donntu.edu.ua>.

Раздел 4

³⁵⁹ Аоки М., указ. соч., С. 365–385.

³⁶⁰ Campbell J. (2007) The Varieties of Capitalism and Hybrid Success: Denmark in the Global Economy / J.Campbell, O. Pedersen // Comparative Political Studies. — № 40 (3). — P. 307–332.

³⁶¹ Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2007. — С. 1042.

³⁶² «...Экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей. Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества. Материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели. ...

В небольшой общине охотников или рыбаков и в гигантской деспотии интересы эти могут быть весьма несходными, однако всюду экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами». См.: Поланьи К. Великая трансформация / К. Поланьи. — СПб.: Алетейа, 2002. — С. 58.

³⁶³ См. напр.: Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи). — К.: Логос, 1999. — 500 с.; Трансформація економічних інститутів в постсоветській Росії (мікроекономічний аналіз). Вып. XIV. — М.: МОНФ, 200. — 304 с.; Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). В 3-х ч. — М.: МОНФ, 2003. — Ч. 1. Российские домохозяйства, 320 с.; Ч. 2. Российские фирмы, 350 с.; Ч. 3. Российское государство, 304 с.

³⁶⁴ См. напр.: Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Десять лет спустя. В 3-х частях. — М.: МОНФ, 2011. — Ч. 1. Российские домохозяйства, 196 с.; Ч. 2. Российские фирмы, 154 с.; Ч. 3. Российское государство, 224 с.; Економіка України: стратегія довгострокового розвитку. — К.: Фенікс, 2003. — 1008 с.; Стратегічні виклики ХХІ століття суспільству та економіці України. У 3-х т. — К.: Фенікс, 2007. — Т. 1. — 544 с.; Т. 2. — 564 с.; Т. 3. — 556 с.

³⁶⁵ Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. / А. Грамши. — М.: Искусство, 1991. — Т. 1. — 432 с.; Т. 2. — 336 с.

³⁶⁶ См.: Вольчик В. Группы интересов и качество экономических институтов / В. Вольчик, И. Бережной // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — Т. 5. — № 2. — С. 56–66.; Гриценко А. Глава 5. Институциональный империализм и его роль в развитии экономической теории / А. Гриценко // Проблемы современной экономики и институциональная теория. — Донецк: ДонТУ, 2009. — С. 94.

³⁶⁷ Липов В. Свобода, равенство, справедливость в экономических отношениях или институт денег: между сакральным и профанным / В. Липов // Человек и христианское мировоззрение. Вып. 13. Свобода, равенство, справедливость: их сущность и основания. — Симферополь, 2008. — С. 107–111.

³⁶⁸ Поскольку уровень активности каждого из полушарий, их вклад в формирование итогового результата мышления, могут варьироваться, типы мышления представителей разных культур также существенно отличаются. Связано это с тем, что *локализация функций полушарий свершилась у человека в процессе эволюции*. Способность к обучению тому, или другому способу мышления, по мнению ученых, контролируется генетически и приобретается в процессе эволюции. Соотношение типов мышления определяется культурными традициями и особенностями материальной среды. Они закрепляются путем группового отбора и наследственности. Доминирующий тип мышления передается от одного поколения к другому. Представители разных этнопсихологических групп по-разному могут воспринимать окружающий мир. Для представителей восточных цивилизаций характерно доминирование постространственно-образного (правополушарного) мышления. В этих культурах сохраняется преобладающая ориентация на целостное восприятие реальности, *приспособление человека к окружающему миру*. С другой стороны, представители западной цивили-

зации более ориентированы на логико-вербальное (левополушарное) мышление, соответственно их картина мира преимущественно формируется как синтез частей, они в большей мере нацелены на *перестройку окружающей среды*, её приспособление к собственным потребностям. Социальные связи в этих культурах менее сложны и разветвлены.

На принципиальное различие в мышлении между японцами и представителями западных цивилизаций обращает внимание японский ученый М. Кикухи. (См.: Ротенберг В., Аршавский В. Межполушарная асимметрия головного мозга и проблемы интеграции культур / В. Ротенберг, А. Аршевский // Вопросы философии. — 1984. — № 4. — С. 78—88). Отличия преобладающих типов мышления ярко проявляются в особенностях языка. Для английского характерны буквальное выражение, опора на логику, линейная структура, она особенно удобна для изложения научных результатов. Японский язык — это язык поэзии, для него характерно активное применение аналогий, метафор, опора на чувства. Иероглифы — пиктограммы — модели слов и фраз. Они схватываются сразу, а не анализируются в деталях. Соответственно дословный перевод оказывается невозможным, теряются ключевые нюансы. Японцы значительно тяжелее запоминают номера, но у них лучше пространственно-образное мышление. Все это стимулирует творческую активность. Японцы начинают с опоры на исходные наиболее обобщенные факторы задания или ситуации, не стремятся к их дальнейшему продолжительному предварительному анализу, не склонны пользоваться однозначными формулировками типа Да — Нет, Белое — Черное. Однако в области точных наук реализовать творческие возможности японцев оказывается сложно. Они легко учатся в сферах, которые требуют быстрого комплексного схватывания проблемы. Но недостаточная независимость и индивидуализм *тормозят инновационный процесс*. Японское общество значительно более гомогенно, однородно в сравнении с западным. Зависимость от группы и слабое развитие индивидуализма нейтрализуют положительные стороны пренебрежения детальным анализом ситуации и проблемы. Система обучения закрепляет эту гомогенность. Она ориентирована скорее на «натаскивание», чем на развитие самостоятельного мышления. Причина — сложность отношений между двумя типами мышления. Социальное творчество требует не только образного, но и критико-аналитического вербального мышления. Логико-знаковое, однозначное мышление стимулирует выделение индивида из среды, самоидентификацию, актуализацию индивидуальных способностей, акцентуацию непохожести. Именно индивидуализация стимулирует социальную активность.

Преимущество образного типа мышления, неразрывность связи с окружающей группой тормозят развитие творчества в хозяйственной сфере, так как оно нарушает стремление быть как все, гомогенизацию общества. Соответственно в научном творчестве нет стремления к противопоставлению себя традиции, другим, как предпосылке инновации. Поддерживается чрезмерная зависимости от окружающей среды.

Пример Японии не является исключением. На Севере России — пришлое население легче использует логико-знаковое мышление, а коренное — пространственно-ориентированное. У аборигенов Африки и Австралии так

же преобладает правополушарное мышление (образное, первичное). См.: Липов В. Национальная культура...

³⁶⁹ Там же, С. 85 – 88.

³⁷⁰ «Что касается организации человеческих обществ, то мы бы хотели особенно подчеркнуть, что в описании положения отдельного лица внутри общества имеются типичные дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят. Конечно, всякое устойчивое человеческое общество нуждается в честной игре, установленной мудрыми правилами; и в тот же время жизнь без привязанности к семье и друзьям была бы, очевидно, лишена одной из своих самых драгоценных и привлекательных сторон. Общую цель всех культур представляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия, какого только можно достигнуть; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступать в конфликт с самыми принципами правосудия». См.: Бор Н. Единство знания..., С. 495.

³⁷¹ Липов В. Мотивація..., С. 78.

³⁷² Парсонс Т. Социальная система / Т. Парсонс // Парсонс Т. О социальных системах. – М. : Академический проект, 2002. – С. 84.

³⁷³ Там же, С. 85.

³⁷⁴ Каган М. Философская теория ценности / М. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – С. 86 – 132.

³⁷⁵ Липов В. Мотивація..., С. 83.

³⁷⁶ Липов В. Корекція національних господарчих цінностей як фактор зростання конкурентоспроможності економіки в умовах глобалізації / В. Липов // Збірник наукових праць. Спецвипуск / відп. ред. В. Новицький. – К. : Ін-т світової економіки та міжнародних відносин НАН України, 2007. – С. 153 – 164.

³⁷⁷ Тарасевич В. Экуника: гипотезы и опыты / В. Тарасевич. – М. : ТЕИС, 2008. – 567 с.

³⁷⁸ Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. Гриценко. – Х. : Форт, 2008. – С. 142 – 143.

³⁷⁹ В чем состоят особенности религиозного мировоззрения? Во-первых, объединяя людей не знаниями и способом мышления, а верой и переживаниями недоступного познанию, религия овладевает *иррациональным уровнем сознания*. Поэтому веру в Бога могут вытеснить не научные, рациональные доводы, а только другая, лишенная мистицизму вера. Во-вторых, представления о ценностях любой веры *претендуют на абсолютную истинность*. В-третьих, в отличие от всех других форм ценностного сознания религия оказывается способной охватить не какую-либо часть реальности – материальную или духовную, социальную или природную, – а все существующее и не существующее, *ценностно осмысливает все сущее*. В-четвертых, как обобщенное проявление национальной культуры, *религиозные ценности усваиваются и передаются от поколения к поколению в процессе повседневного бытия людей*. Они оказывают непосредственное влияние на характер человеческого бытия, при этом чаще всего остаются неосознаваемыми на

уровне критического восприятия и являются *неявным знанием*. В-пятых, они *корректируются* лишь постепенно, частично, *на протяжении значительных промежутков времени*, периодов смены поколений (не поэтому ли Моисей водил сорок лет народ Израилев пустыней), под влиянием внешних обстоятельств народного бытия. В-шестых, эмоциональная насыщенность и беспредельность религиозной символизации обеспечивают *преобразование многих категорий религиозной ценностной системы в понятия светского ценностного сознания*, теряющих всякое мистическое содержание.

³⁸⁰ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М. : Юрист, 1994. — С. 43–77.

³⁸¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранное. — М. : Прогресс, 1990. — С. 61–272. Свою задачу ученый видит в выявлении «психологических и прагматических религиозных связей, в которых коренятся практические импульсы к действию». М. Вебер отмечает, что внешне подобные формы экономической организации могут быть связаны с очень разными по своему характеру этическими системами. Это своеобразие влияет на развитие общества. Религиозная обусловленность хозяйственного поведения — одна из детерминант хозяйственной этики. В свою очередь, на особенности религиозных мировоззренческих систем влияют географические, социальные, политические, национальные и экономические факторы. М. Вебер утверждает, что принадлежность к конкретным слоям общества определяла общность взглядов на религию независимо от конфессиональных особенностей последней. К основным, имевшим широкое распространение, социальным группам ученый относит интеллектуалов, духовенство, политическое чиновничество, группы, связанные с военным делом, крестьянство и бюргерство. В зависимости от того, какая из этих социальных страт, выражая присущую ей систему ценностных отношений, влияла на развитие той или иной религиозной мировоззренческой концепции, формировались специфические особенности конкретных религиозных систем, и, таким образом, их отношение к хозяйственной деятельности человека.

³⁸² Липов В. Мотивация..., С. 59–78.

³⁸³ Ученый ссылается на исследование Э. Каудера «История теории предельной полезности». Большинство британских экономистов склоняются к трудовой теории стоимости, а большинство итальянских и французских — к субъективной теории ценности. Причина, по мнению Э. Клаудера, — значение, которое в протестантизме придается труду. Поскольку труд согласно учению Кальвина представляется главным способом прославления Бога, любой труд признается угодным Всевышнему и достойным благодарности, то и ученые, живущие в этой среде, оказываются значительно более склонными рассматривать труд в качестве главного фактора, влияющего на ценность благ. «Любой социальный философ или экономист, выросший в атмосфере кальвинизма, был склонен в своих работах придавать труду особый статус, а самый лучший способ превознести труд — это соединить его с теорией ценности, традиционной основой экономической системы. Так ценность стала трудовой ценностью (выделено мною — В.Л.)». Цит. по: Вудс Т. Как Католическая церковь создала западную цивилизацию / Т. Вудс. — М. : ИРИСЭН; Наука, 2009. — С. 185. Даже Дж. Локк и А. Смит, хотя

традиционно их воспринимают скорее как деистов, нежели протестантов, находились, поскольку они жили в кальвинистской среде, под сильнейшим влиянием протестантизма – англиканства. Дж. Локк ограничивается «справедливостью» трудовых истоков первоначального присвоения собственности. Для А. Смита труд – главный фактор, от которого зависит ценность благ. В католических странах сохранялось значительно более сильное влияние учений Аристотеля и Фомы Аквинского. Здесь трудовая теория ценности не получила такого распространения. Причина состоит в том, что эти мыслители воспринимали в качестве целей экономической деятельности счастье и получение удовольствия. Однако оценка уровня их достижения носит глубоко субъективный характер, она не поддается количественному выражению, невозможно точно измерить сравнительную степень удовлетворения, получаемого даже от одного и того же блага разными людьми. «Если целью экономической деятельности является удовольствие в его умеренной форме, то, согласно аристотелевому представлению о целевой причинности, *эта цель должна быть источником всех принципов экономики, включая определение ценности*. В томистской и аристотелианской традиции приписывание ценности указывает на то, сколько удовольствия можно извлечь из экономических благ (выделено автором – В.Л.)». Цит. по: Вудс Т., указ. соч., С. 187.

³⁸⁴ Липов В. Міжнародна економіка ... Модуль 1., С. 197, 274.

³⁸⁵ Hofstede G. (2000) Cultures and organizations: software of the mind / G. Hofstede. – N.-Y. : McGraw-Hill.

³⁸⁶ Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс Ф., Ч. Хампден-Тернер. – Мн. : Попури, 2004. – 528 с.

³⁸⁷ Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.; Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М. : МШПИ, 2000. – С. 106 – 128.

³⁸⁸ Schwartz S. (2008) Cultural value orientations / S. Schwartz. – М. : РН СУ НСЕ, 2008. – 62 р.

³⁸⁹ Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе / Р. Льюис. – М. : Дело, 1999. – 440 с.

³⁹⁰ Гестеланд Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе / Р. Гестеланд. – Днепропетровск : Баланс-Клуб, 2003. – 274 с.

³⁹¹ Липов В. Проблеми запозичення систем мотивації персоналу у трансформаційних економіках: крос-культурні засади дослідження / В. Липов // Україна: аспекти праці. – 2008. – № 2. – С. 42 – 51.

³⁹² Латов Ю. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю. Латов, Н. Латова // Мир России. – 2007. – № 4. – С. 43 – 72.

³⁹³ Мясоедов С. Основы кросскультурного менеджмента / С. Мясоедов. – М. : Дело, 2003. – С. 121, 128 – 129, 134, 139.

³⁹⁴ Липов В. Коррекция национальной хозяйственной культуры как результат, критерий эффективности, цель и инструмент макроэкономической политики / В. Липов // Бизнесинформ. – 2007. – № 10 (1). – С. 31 – 36.

³⁹⁵ Мясоедов С., указ. соч., С. 145 – 147.

³⁹⁶ Тромпенаарс Ф., указ. соч., С. 366.

³⁹⁷ Мясоедов С., указ. соч., С. 147 – 152

³⁹⁸ Там же, С. 146, 152.

³⁹⁹ Фукуяма Ф. Доверие / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.

⁴⁰⁰ Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология / О. Кирчик // Вопросы экономики. – 2010. – № 7. – С. 7.

⁴⁰¹ Кирдина С. Институциональные ..., С. 264.

⁴⁰² Липов В. Социально-экономические системы и их трансформация: фактор институциональной комплементарности / В. Липов // Вісник інституту економіки та прогнозування НАН України. – 2009. – С. 31.

⁴⁰³ Кирдина С. Институциональные..., С. 269.

⁴⁰⁴ Там же, С. 265.

⁴⁰⁵ См. напр.: Landes D. (1998) The Wealth and Poverty of Nations / D. Landes. – N. Y. : WW Norton&Company. – 650 p.; Арриги Дж., указ. соч.

⁴⁰⁶ Липов В. Інституціональна комплементарність множинності ...

⁴⁰⁷ Менгер К. Основания политической экономии / К. Менгер // Менгер К. Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 261.

⁴⁰⁸ «Наиболее смелым применением идеи дополнительности является решением Бором давней проблемы необходимости и свободы, – пишет ученый. – Мы верим в законы природы и надеемся, что они действуют в повседневной жизни. Но мы, люди, являемся частью природы и подчинены ее законам. Поэтому наши действия должны быть обусловлены в той же мере, как и каждый естественный процесс. Однако мы считаем себя существами, способными формировать мысли и действовать на основе собственных решений, поэтому мы судим о человеческих действиях, называем их красивыми или плохими, справедливыми или несправедливыми. Как мы можем так поступать, если каждое человеческое действие есть ничто другое как часть обусловленного автоматического процесса? Противоречие представляется неразрешимым. Казалось бы существуют лишь две возможности: или следует верить в детерминированность и считать свободу воли субъективной иллюзией, или стать мистиком и признавать открытие законов природы безумной интеллектуальной игрой. Метафизики старых школ пропагандировали ту или иную доктрину, но обычные люди всегда воспринимали двойную природу мира. Боровская идея дополнительности является оправданием поведения опытного человека, поскольку она концентрирует внимание на том факте, что даже такая точная наука, как физика была *вынуждена использовать взаимодополняющие (комплементарные описания)*, которые дают точный образ мира лишь в том случае, когда они объединяются (выделено мною – В.Л.)». См.: Борн М. Моя жизнь и взгляды / М. Борн. – М. : Прогресс, 1973. – С. 74.

⁴⁰⁹ «О свободе воли написано неисчислимые глубокомысленные книги и статьи. Без нее нет ни личной ответственности, ни права и свободы, ни вины и искупления. Все наше социальное мышление основывается на предположении, что каждый Человек может свободно решать. Но каким образом это объединяется с законами природы, со всеобщей причинностью? В соответствии с ними, то что я делаю, это просто замыкающее звено в цепи причин и следствий, за которые меня невозможно заставить нести ответственность.

Когда детерминизм пошатнулся, считали, что есть выход: если в частном случае властвует случайность, то свобода, которая рассматривается как род духовной сущности, должна играть решающую роль. Однако это не выдерживает никакой критики; демон свободы воли должен был бы тогда всегда быть настороже, как бы не нарушить статистические законы. Согласно Бору, речь идет здесь лишь о надуманной проблеме. *Имеются два аспекта процессов — физический и моральный; они дополнительны и не сводятся один к другому* (выделено мною — В.Л.). См.: Борн М. Физика ..., С. 431 — 432.

⁴¹⁰ Старостин Б. Политические реалии Востока и сравнительный анализ политических систем / Б. Старостин, П. Старостин // Политические системы и политические культуры Востока. — М. : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — С. 61 — 62.

⁴¹¹ Білорус А. Політико-правові системи: світ і Україна / А. Білорус. — К. : АМУПП, 2000. — 200 с.; Головченко В. Політико-правові системи Азії / В. Головченко. — К. : КНУ, 2005. — 210 с.; Лісничий В. Політичні та адміністративні системи зарубіжних країн / В. Лісничий. — К. : Професіонал, 2004. — 336 с.; Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем / Ф. Эндрейн. — М. : Инфра-М ; Весь мир, 2000. — 320 с.

⁴¹² Афанасьев В. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности) / В. Афанасьев. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 384 с.

⁴¹³ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 1 / Й. Шумпетер. — СПб. : Эконом. школа, 2001. — С. 213.

⁴¹⁴ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Дж. Бьюкенен. — М. : Таурис Альфа, 1997. — 560 с.

⁴¹⁵ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. — М. : Фонд Экономической Инициативы, 1995. — 174 с.; Олсон М. Влада і процвітання. — К. : ВД Києво-Могилянська академія, 2007. — 174 с.

⁴¹⁶ Ostrom E. (1990) Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. — Cambridge : Cambridge University Press. — 280 p.

⁴¹⁷ Экономические субъекты ищут политической поддержки от доминирующего социального блока. Они стремятся к институциональным изменениям в направлении, которое удовлетворяет доминирующий социальный блок. В результате институциональные изменения происходят легче, если группы, формирующие доминирующий блок, имеют незначительный интерес. И наоборот, изменения будут осуществляться осторожнее в областях, где наиболее мощные социально-политические группы имеют кровную заинтересованность. На вершине институциональной иерархии институты, имеющие критическое значение для социально-политических групп, составляющих доминирующий блок. Его модификация может привести к изменению институциональной иерархии, и, соответственно ИК. Изменяющаяся окружающая среда влияет на стратегии групп, формирующих доминирующий блок, что в свою очередь, может привести к его реструктуризации или распаду. Это вызывает радикальные институциональные изменения, вплоть до изменения «модели», в зависимости от масштабов изменений в альянсах между социальными блоками и социально-экономическими субъектами. См.: Amable V. (2005) Complementarity..., P. 44 — 45.

⁴¹⁸ Их наличие ускоряет мобилизацию заинтересованных субъектов, что в свою очередь способствует конкретизации и усилению ключевых характеристик системы. Политические системы, предусматривающие права вето (консенсусное/пропорциональное избирательное право) сокращают риски кардинальных политических изменений. Для мажоритарной избирательной системы характерны риски социальной неустойчивости. Они — результат того, что даже незначительные изменения в голосовании могут привести к росту вероятности значительных изменений в политике. См.: Molina O. (2005) Political Exchange and Bargaining Reform in Italy and Spain / O. Molina // *European Journal of Industrial Relations*. — 11(1). — P. 7–26.

⁴¹⁹ Андреева Г. Экономическая конституция в зарубежных странах / Г. Андреева. — М.: Наука, 2006. — 268 с.; Головченко В. Указ. соч.; Данилов С. Конституциональная экономика в зарубежных странах / С. Данилов. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. — 145 с.; Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и особенная части / К. Осаке. — М.: Дело, 2002. — 364 с.

⁴²⁰ Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х т. / Р. Познер. — СПб.: Эконом. школа, 2004. — Т. 1. — 544 с.; Т. 2. — 564 с.

⁴²¹ Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. — М.: Международные отношения, 1993; Лукьянов Д. Религиозно-правовая семья: понятие, характерные черты и структура / Д. Лукьянов. — Х.: Штрих, 2003. — 48 с.

⁴²² Бреннан Дж. Причина правил. Конституциональная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. — СПб.: Эконом. школа, 2005. — 272 с.

⁴²³ Липов В. Формирование правового поля хозяйствования в постсоветских экономиках: кросскультурный аспект / В. Липов // Научные труды ДонНТУ. — Сер.: Экономическая. — 2008. — Вып. 33-1 (128). — С. 10–17; то же режим доступа до журн.: <http://www.donntu.edu.ua>.

⁴²⁴ «У местных и иностранных инвесторов есть капитал. Их активы более или менее интегрированы, ликвидны, взаимосвязаны и защищены законами. Но это лишь малая часть населения, те, кто может оплатить услуги опытных юристов, связи в крупных государственных и финансовых организациях и кому хватает терпения лавировать в мутных водах бюрократического мира. Подавляющее большинство населения, все, не имеющие доступа к системе частной собственности, живут вне броделевского стеклянного колпака.

Этот колпак обращает капитализм в частный клуб, открытый только для привилегированных... Эта система капиталистического апартеида будет сохраняться до тех пор, пока мы не сумеем ликвидировать роковые изъяны в правовой и политической системах многих стран, в силу которых большинство населения Земли остается за пределами легальной частной собственности». См.: Сото де Э. Загадка ..., С. 74.

⁴²⁵ Сото де Э. Иной путь.

⁴²⁶ Зомбарт В. Буржуа., С. 103.

⁴²⁷ Там же, С. 104.

⁴²⁸ Там же, С. 105.

⁴²⁹ Липов В. Изменение...

⁴³⁰ Якубенко В. Базисні інститути у трансформаційній економіці / В. Якубенко. — К.: КНЕУ, 2004. — 252 с.

-
- ⁴³¹ Буайе Р. Теория..., С. 85.
- ⁴³² Бессонова О. Раздаточная..., С. 114 – 115.
- ⁴³³ Кирдина С. Институциональные..., С. 117.
- ⁴³⁴ Там же, С. 60.
- ⁴³⁵ Molina O. (2005), P. 8.
- ⁴³⁶ Липов В. Підрозділ 6.5. Довіра до грошової системи як соціальний капітал / В. Липов // Філософія грошей в епоху фінансової цивілізації : монографія. – К. : УБС НБУ, 2010. – С. 419–429; Липов В. Глава 18. Институциональная комплементарность: деньги как институт и качественная категория хозяйствования / В. Липов // Проблемы современной экономики и институциональная теория : коллективная монография. – Донецк : 2009. – С. 262–281; Липов В. Деньги как хозяйственный институт: качество versus количество / В. Липов // Экономическая теория в XXI веке – 6 (13): Деньги. – М. : Теис, 2007. – С. 306–312.
- ⁴³⁷ Смит А. Исследование..., С. 148, 152.
- ⁴³⁸ Luhmann N. (1979) Trust and Power: Two Works / N. Luhmann. – Chichester : John Wiley&Sons.
- ⁴³⁹ Gambetta, G. (1988) Trust, Marketing and Breaking Cooperative Relations / G. Gambetta Ed., – Oxford – Cambridge : Polity Press
- ⁴⁴⁰ Whitney J. (1993) The Economics of Trust. Liberrating Profits and Restoring Corporate Vitality / J. Whitney . – New York : McGraw-Hill. – 236 p.
- ⁴⁴¹ Шо Р. Ключи к доверию в организации. Результативность. Порядочность. Проявление заботы / Р. Шо. – М. : Дело, 2000. – 178 с.
- ⁴⁴² Giddens A. (1990) The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press; Giddens A. (1991) Modernity and Self-identity. Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press.
- ⁴⁴³ Селигмен А. Проблема доверия / А. Селигмен. – М. : Идея-Пресс, 2002.
- ⁴⁴⁴ Sztompka P. (1999) Trust. A Sociological Theory / P. Sztompka. – Cambridge : University Press.
- ⁴⁴⁵ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон. – М. : Дело, 2003. – 464 с.
- ⁴⁴⁶ Francel H. (1977) Money: Two Philosophies. The Conflict of Trust and Authority / H. Francel. – Oxford : Basil Blackwell.
- ⁴⁴⁷ Макдональд Р. Новые разработки в денежной теории / Р. Макдональд, Р. Милбурн // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарт. – СПб. : Эконом. школа, 2002. – С. 351–382.
- ⁴⁴⁸ Хайек Ф. Частные деньги / Ф. Хайек. – М. ИНМЭ, 1996. – 230 с. ⁴⁴⁸
- ⁴⁴⁹ Ротбард М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества / М. Ротбард. – Челябинск, 2003. – 166 с.
- ⁴⁵⁰ Аглиета М. Деньги между насилием и доверием / М. Аглиета, А. Орлеан. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. – 366 с.
- ⁴⁵¹ Беянин А. Доверие в экономике и общественной жизни / А. Беянин, В. Зинченко. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 164 с.
- ⁴⁵² Аглиета М., указ. соч., С. 110–113.
- ⁴⁵³ Журавлев А. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А. Журавлев, А. Купрейченко. – М. : ИП РАН, 2003. – С. 216–217.

-
- ⁴⁵⁴ Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2003. — С. 203.
- ⁴⁵⁵ Фукуяма Ф. Великий разрыв, С. 208.
- ⁴⁵⁶ Китай: угрозы..., С. 236 — 287.
- ⁴⁵⁷ Там же.
- ⁴⁵⁸ Гриценко А. Основные этапы институциональной эволюции / А. Гриценко // Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — С. 168 — 169.
- ⁴⁵⁹ Юровицкий В. Эволюция денег. Денежное обращение в эпоху изменений / В. Юровицкий. М. : ГроссМедиа, 2005. — С. 55 — 58.
- ⁴⁶⁰ Липов В. Системна комплементарність..., С. 195 — 204.
- ⁴⁶¹ Драхокупул Я., указ. соч.
- ⁴⁶² Борох О. Современная китайская экономическая мысль / О. Борох. — М. : Восточная литература, 1998. — 295 с.
- ⁴⁶³ Бережной И. Исследование экономической эволюции института власти-собственности: монография / И. Бережной, В. Вольчик. — М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2008. — 239 с.
- ⁴⁶⁴ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. — Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гелбрайт. — М. : Эксмо, С. 404.
- ⁴⁶⁵ Иноземцев В. Собственность в постиндустриальном обществе и в исторической перспективе // Иноземцев В. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия / В. Иноземцев. — М. : Экономика, 2003. — С. 281.
- ⁴⁶⁶ Там же, С. 383.
- ⁴⁶⁷ Там же, С. 292.
- ⁴⁶⁸ Аоки М., указ. Соч., С. 161 — 174.
- ⁴⁶⁹ Там же, С. 67.
- ⁴⁷⁰ Серл Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. — 2007. — № 8. — С. 17.
- ⁴⁷¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Ч. 1. Процесс производства капитала. — М. : Госполитиздат, 1951. — С. 493.
- ⁴⁷² Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. — М. : Прогресс, 1984. — С. 201.
- ⁴⁷³ Иншаков О., указ соч., С. 67.
- ⁴⁷⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М. : Начала, 1997. — С. 17.
- ⁴⁷⁵ Дементьев В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? / В. Дементьев // Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). — 2009. — Т. 7, № 1. — С. 19.
- ⁴⁷⁶ Иншаков О. Эволюционная перспектива экономического институционализма / О. Иншаков, Д. Фролов // Вопросы экономики. — 2010. — № 9. — С. 63 — 77.
- ⁴⁷⁷ Bolliari N. (2007) Conceptualizing Institutions and Organizations: A Critical Approach / N. Bolliaris Journal of Business & Economic Research. — V. 5. — № 1.
- ⁴⁷⁸ Липов В. Інституціональна комплементарність множинності..., С. 399 — 400.
- ⁴⁷⁹ Осипов Ю. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики / Ю. Осипов // Экономическая теория на пороге XXI века. 4. Финансовая экономика. — М. : Юристъ, 2001. — С. 5 — 18.

- ⁴⁸⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. — М. : Прогресс, 1986. — С. 508.
- ⁴⁸¹ Осипов Ю. Деньги // Ю. Осипов // Экономическая теория в XXI веке — 6 (13) Деньги. — М. : ТЕИС, 2007. — С. 7 — 15.
- ⁴⁸² Иншаков, указ соч., С. 70.
- ⁴⁸³ Кузьминов Я. За пределами рынка: институты управления транзакциями в сложном мире / Я. Кузьминов, М. Юдкевич // Вопросы экономики. — 2010. — № 1. — С. 97 — 98.
- ⁴⁸⁴ Boyer R. (2005) How and why..., P. 534.
- ⁴⁸⁵ Липов В. Методологические основы исследования комплементарного взаимодействия рынка и государства / В. Липов // Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики. — Ярославль : НП ИЦ Издательский сервисный центр Ярославль, 2011. — С. 99 — 107.
- ⁴⁸⁶ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее и будущее. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. — С. 65.
- ⁴⁸⁷ Там же, С. 65 — 66.
- ⁴⁸⁸ Там же, С. 70.
- ⁴⁸⁹ «Ни одно сообщество, стремящееся сохранить чувство солидарности в своих членах, — утверждает ученый, — не может позволить развиваться скрытой враждебности между ними ... Отсюда — повсеместный запрет транзакций, ориентированных на получение выгоды в отношении еды и продуктов питания в первобытных и древних обществах. Очень широко распространенный запрет на торги по поводу пищи автоматически исключает ценообразующие рынки и из группы ранних институтов». См.: там же, С. 71.
- ⁴⁹⁰ Сальвиоли Г., указ. соч.
- ⁴⁹¹ Гриценко А. Методологічні основи модернізації України / А. Гриценко // Економіка України. — 2011. — № 2. — С. 6 — 8.
- ⁴⁹² Симоненко В. Адміністративне регулювання — найважливіший фактор реформ / В. Симоненко // Економіка України. — 2010. — № 10. — С. 4 — 14.
- ⁴⁹³ Зомбарт В. Буржуа..., С. 49 — 173; Лахман Р. Капиталисты по неволе. Конфликты элит и капиталистические преобразования в Европе раннего нового времени / Р. Лахман. — М. : Территория будущего, 2010. — 456 с.; Левинсон К. Бюрократия немецкого города XVI — XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии / К. Левинсон. — М. : ИВИ РАН, 2000. — 288 с.; Цатурова С. Офицеры власти / С. Цатурова. — М. : Логос, 2002. — 384 с.
- ⁴⁹⁴ Волков С. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке / С. Волков. — Восточная литература, 1999. — 312 с.; Карлусов В. Частное предпринимательство в Китае / В. Карлусов. — М. : Восточная литература, 1996. — 384 с.; Кравцевич А. Общественное предпринимательство в Японии / А. Кравцевич. — М. : Наука, 1988. — 302 с.
- ⁴⁹⁵ Льюис Э. Без оглядки на богов. Взлет современной Индии / Э. Льюис. — М. : ИРИСЭН, 2007. — 395 с.; Мюрдаль Г. Указ. соч.; Павлов В. Социально-экономическая структура промышленности Индии / В. Павлов. — М. : Наука, 1973. — 392 с.

⁴⁹⁶ Беккин Р. Исламская экономическая модель и современность / Р. Беккин. — М. : ИД Марджани, 2009. — 344 с.

⁴⁹⁷ Веселовский С. Исследование по истории класса служилых землевладельцев / С. Веселовский. — М. : Наука, 1969. — 584 с.; Ключевский В. История сословий в России / В. Ключевский. — Петроград : ЛИО КНП, 1918. — 276 с.; Кондратьева Т. Кормить и править / Т. Кондратьева. — М. : РОССПЭН, 2006. — 208 с.; Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди / Н. Павлов-Сильванский. — М. : Крафт+, 2001. — 288 с.; Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. — М. : Независимая газета, 1993. — 422 с.

⁴⁹⁸ Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии / Э. Мандел. — М. : Экономическая демократия, 1992. — 277 с.

⁴⁹⁹ Гинс Г. Предприниматель / Г. Гинс. — М. : Посев, 1992. — 224 с.

⁵⁰⁰ Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер // Шумпетер Й. Терия экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — М. : Эксмо, 2007. — С. 29 — 360.

⁵⁰¹ Осборн Д. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Патрик. — М. : Прогресс, 2001. — 536 с.

⁵⁰² Оболонский А. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 448 с.

⁵⁰³ Варнеке Х.-Ю. Революция в предпринимательской культуре / Х.-Ю. Варнеке. — М. : Наука; Интерпериодика, 1999. — 278 с.; Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / И. Кирцнер. — М. : ЮНИТИ, 2001. — 239 с.; Татеиси К. Вечный дух предпринимательства / К. Татеиси. — К. : Укрзаконодавсервис, 1992. — 200 с.

⁵⁰⁴ Липов В. Имперскость в эпоху сетевых структур: в поисках модели монолитной дифференциации / В. Липов // Имперские предчувствия России. — М. — Волгоград : МГУ; Волгоградское научное издательство, 2005. — С. 355 — 363.

⁵⁰⁵ «Отношения ядра и периферии в империи можно уподобить несовершенному колесу, у которого есть ось и спицы, но нет обода. — Утверждает А. Мотыль. — Наиболее любопытным моментом оказывается не наличие оси и спиц, ибо они есть в каждой политической системе, но именно отсутствие обода, или, используя не столь метафорический язык, дефицит политических и экономических отношений между периферийными фрагментами». См.: Мотыль А. Путь империй / А. Мотыль. — М. : МШПИ, 2004. — С. 33 — 34.

⁵⁰⁶ «Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим, — пишет ученый, — выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (network society), характерным признаком которого есть доминирование социальной морфологии над социальным действием». См.: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М. : Academia, 1999. — С. 494.

⁵⁰⁷ Кастельс М. Информационная эпоха / М. Кастельс. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — С. 174.

⁵⁰⁸ Липов В. Мотивація..., С. 130 – 131.

⁵⁰⁹ Бузгалин А. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи / А. Бузгалин // Глобализация сопротивления: борьба в мире. – М. : УРСС, 2004. – С. 36.

⁵¹⁰ Соколенко С. Кластеры в глобальній економіці / С. Соколенко. – К. : Логос, 2004. – С. 19.

⁵¹¹ Кирдина С. Институциональные...

⁵¹² Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. – М. : МОНФ, 2000. – 137 с.

⁵¹³ Соколенко С. Указ. соч., С. 822 – 825.

⁵¹⁴ Манту П. Промышленная революция XVIII в Англии / П. Манту. – М. : Соцэкгиз, 1937. – С. 20 – 29.

⁵¹⁵ Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-т. Т. 1 / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – С. 348 – 359.

⁵¹⁶ Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т. 3/ А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – С. 182.

⁵¹⁷ Соколенко С., указ. соч., С. 416 – 436.

⁵¹⁸ Липов В.В. Національні особливості домогосподарств як чинник формування корпоративного сектору соціально-економічних систем / В. Липов // Вісник Хмельницького національного університету. – Хмельницький : РВЦ ХНУ, 2008. – Т. 1, № 6. – С. 111 – 116.

⁵¹⁹ Фукуяма Ф. Доверие..., С. 269 – 285.

⁵²⁰ Федоровский А. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея / А. Федоровский. – М. : Стратегия, 2008. – 320 с.

⁵²¹ Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент / В. Малявин. – М. : Европа, 2008. – 304 с.

⁵²² Липов В.В. Институциональная комплементарность как фактор социальной инновационности экономических систем / В. Липов // Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2009. – С. 132 – 140.

⁵²³ Зомбарт В. Буржуа...; Зомбарт В. Евреи и экономика / В. Зомбарт // Там же Т. 2. – С. 105 – 643; Зомбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства / В. Зомбарт // Зомбарт В. Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 139 – 168.

⁵²⁴ Зомбарт В. Буржуа..., С. 258.

⁵²⁵ «С одной стороны, ... в изменении личных способностей экономического субъекта: неевреи в большей степени сумели сообразоваться с требованиями мировой капиталистической системы, они, так сказать, «научились», тогда как евреи, напротив ... в силу внешних и внутренних причин *утратили* некоторую долю своей прежней предрасположенности к капитализму ... (выделено мною – В.Л.)». См.: Зомбарт В. Буржуа, с. 109.

⁵²⁶ «...С другой стороны, причины ослабления еврейского влияния на нашу хозяйственную жизнь надо, вероятно, искать и в изменениях объективных условий хозяйствования: капиталистические предприятия ... все больше и больше превращаются в бюрократическую управленческую администрацию, которая уже не требует конкретных навыков торговли в той мере, в какой требовалась ранее: на смену коммерции приходит бюрократия». См.: там же.

⁵²⁷ Лапицкий М. Труд и бизнес в зеркале религий / М. Лапицкий. — М. : Новый век, 1998. — 144 с.

⁵²⁸ Иноземцев В. За пределами экономического общества / В. Иноземцев. — М. : Academia — Наука, 1998. — С. 518.

⁵²⁹ Пахомова Л. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). — М. : ИВ РАН, 2007. — 256 с.

⁵³⁰ Дятлов В. Торгаши, чужаки или посланные Богом? / В. Дятлов. — М., 2006. — С. 93.

⁵³¹ «...Временем расцвета, роста влияния, богатства ... Они оказываются ... на стыке двух цивилизаций. В одной из них — традиционной, патриархальной — они продолжают быть носителями торговых функций и предпринимательского менталитета, в другой — западной — они попали в рыночную среду ... Это была среда, потенциально разрушающая их специфику, их идентичность как «торговых меньшинств», замкнутых этноконфессиональных и социокультурных образований, размывающая жесткие корпоративные связи. Нахождение на грани двух миров в качестве своеобразного «стыковочного звена» качественно усилило такую их функцию, как посредничество, из-за которого и появился термин «посреднические меньшинства». Однако, с другой стороны «...сдвиги в принимающих обществах, стремительный рост африканского среднего класса ... рост национального самосознания с мощной струей ксенофобии и шовинизма показал насколько хрупки и неустойчивы достигнутые успехи и благосостояние». См.: там же, С. 118.

Раздел 5

⁵³² Буайе Р. Теория..., С. 84 — 91.

⁵³³ Amable, B. (2000) Institutional Complementarity...

⁵³⁴ Hall, P. (2001) An Introduction..., P. 6 — 7.

⁵³⁵ Там же, P. 7.

⁵³⁶ Jackson G. (2006) How Many Varieties of Capitalism? Comparing the Comparative Institutional Analyses of Capitalist Diversity / Gregory Jackson and Richard Deeg // MPIfG Discussion Paper 06/2 . — P. 13.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Социологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. / под ред. В. Иванова. — М. : Мысль, 2003. — С. 499.

⁵³⁹ Портрет солидаризма. Идеи и люди. — М. : Посев, 2007. — 320 с.

⁵⁴⁰ Ван Хорн Дж. Основы управления финансами / Дж. Ван Хорн. — М. : Финансы и статистика, 1996. — 800 с.

⁵⁴¹ Allen F. (2004) Financial Systems in Europe, the USA, and Asia / F. Allen, M. Chui, A. Maddaloni // Oxford Review of Economic Policy. — Vol. 20. — № 4. — P. 490 — 507.

⁵⁴² Там же, P. 493, 495, 497.

⁵⁴³ Матук Ж. Финансовые системы Франции и других стран. Т. 1. Банки. В 2-х кн. / Ж. Матук. — М. : Финстатинформ, 1994. — Кн.1. — 326 с.; Кн. 2. — 365 с.

⁵⁴⁴ См. напр.: Вехи экономической мысли. Т.2. Теория фирмы. — СПб. : Эконом. школа, 1999. — 534 с.; Корпоративное управление в переходных экономиках. Инсайдерский контроль и роль банков / под ред. М. Аоки и Х. Кима. — СПб. : Лениздат, 1997. — 558 с.; Корпоративное управление

и саморегулирование в системе институциональных изменений / [Энтоу Р., Радыгин А., Межераупс И., Швецов П.]. – М. : ИЭПП, 2006. – 460 с.; Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М. : Новое издательство, 2007. – 224 с.; Кочетков Г. Корпорация: американская модель / Г. Кочетков, В. Сулян. – СПб. : Питер, 2005. – 320 с.; Природа фирмы. – М. : Дело, 2001. – 360 с.; Уильямсон О. Экономические институты капитализма / О. Уильямсон. – СПб. : Лениздат, 1996. – 702 с.; Фуруботн Э. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории / Э. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб. : Изд-во СПб.ГУ, 2005. – 736 с.

⁵⁴⁵ Познер Р., указ. соч.

⁵⁴⁶ La Porta R. Law and Finance...

⁵⁴⁷ Зомбарт В. Почему в Соединенных Штатах нет социализма / В. Зомбарт // Зомбарт В. Избранные работы. – М. : ИД Территория будущего, 2005. – С. 211 – 320.

⁵⁴⁸ См. напр.: Айхлер В. Этиченский реализм и социальная демократия. Избранные труды / В. Айхлер. – М. : ИВФ Антал, 1996. – 256 с.; Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом / С. Бриттан. – СПб. : Эконом. школа, 1998. – 400 с.; Козловски П. Принципы этической экономики / П. Козловски. – СПб. : Эконом. школа, 1999. – 344 с.; Певзнер Я. Введение в экономическую теорию социал-демократизма / Я. Певзнер. – М. : УРСС, 2001. – 208 с.; Эрхард Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. – М. : Начала-Пресс, 1991. – 336 с.

⁵⁴⁹ Бэтлер А. Глобализация или теория глобального капитализма (тезисы) / А. Бэтлер // Философия хозяйства. – 2010. – № 4. – С. 59 – 69.

⁵⁵⁰ См. напр: Блази Д. Наемные работники – массовые собственники акционерных компаний / Д. Блази, Д. Круз. – М. : Дело, 1995. – 320 с.; Келсо Л. Демократия и экономическая власть / Л. Келсо, П. Келсо. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 320 с.

⁵⁵¹ Журавлев П. Мировой опыт управления персоналом / П. Журавлев, М. Кулапов, С. Сухарев. – М. – Екатеринбург : Изд-во РЭА ; Деловая книга, 1998. – 232 с.

⁵⁵² Estevez-Abe M. (2001) Social Protection and the Formation of Skills: A Representation of Welfare State / M. Estevez-Abe, T. Eversen, D. Soskice // Varieties of Capitalism; P. Hall, D. Soskice (eds). – Oxford : Oxford University Press; Американский университет. Беседа с Б. Капустиным // ПрогнозиΣ. – 2005. – № 2. – С. 304 – 318; Барнс С. Гражданские университеты Англии и триумф оксбриджского идеала // ПрогнозиΣ. – 2006. – № 3. – С. 353 – 368; Вахштайн В. Две модели образовательных систем // ПрогнозиΣ. – 2006. – № 3. – С. 321 – 352; Французский университет. Беседа с А. Береловичем // ПрогнозиΣ. – 2005. – № 2. – С. 319 – 326; Кларк Б. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / Б. Кларк. – М. : ИД ГУ ВШЭ, 2011. – 360 с.; Экономика знаний / отв. ред. В. Колесов. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 432 с.

⁵⁵³ Рыночная демократия ..., С. 162 – 190.

⁵⁵⁴ Кэлф Д., указ. соч., С. 233 – 253.

⁵⁵⁵ Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. Райнерт. – М. : ИД ГУ ВШЭ, 2011. – С. 131 – 196.

⁵⁵⁶ Amable B. (2003) The Diversity..., P. 154 – 160.

- ⁵⁵⁷ Котликофф Л. Пенсионная система перед бурей. То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны / Л. Котликофф, С. Бернс. — М. : ИРИСЭН; Альпина Бизнес Букс, 2005. — 348 с.; Опыт Японии в решении социально-экономических проблем. — М. : Центр по изучению современной Японии, 1995. — 327 с.; Северная Европа. Регион нового развития. — М. : Весь мир, 2008. — С. 233–312.; Социальная политика Швеции. — М. : Социальная защита, 1999. — 192 с.; Уайтхауз Э. Пенсионная панорама. Пенсионные системы 53 стран мира / Э. Уайтхауз. — М. : Весь мир, 2008. — 224 с.; Франция в поисках новых путей. — М. : Весь мир, 2007. — 624 с.; Япония: структурными реформами в XXI век. — М. : МАКС Пресс, 2007. — 248 с.
- ⁵⁵⁸ Будкін В. Інноваційна модель розвитку національних економік / В. Будкін // Економіка України. — 2010. — № 6. — С. 67–78.
- ⁵⁵⁹ Липов В. Глава 21, С. 206–214.
- ⁵⁶⁰ См. напр.: Инновационное развитие экономики России: Институциональная среда. В 2-х т. — М. : ТЕИС; МАКС пресс, 2011. — Т. 1. — 814 с.; Т. 2. — 808 с.; Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции. В 2-х т. — М. : Макс пресс, 2008. — Т. 1. — 624 с.; Т. 2. — 488 с.; Инновационное развитие экономики России: Роль университетов. Т. 1. — М. : Офис 2000, 2010. — 712 с.
- ⁵⁶¹ Липов В. Традиция...
- ⁵⁶² Портер М. Международная конкуренция / М. Портер. — М. : Прогресс, 1993. — 896 с.
- ⁵⁶³ Вишневский В. Инновации, институты и эволюция / В. Вишневский, В. Дементьев // Вопросы экономики. — 2010. — № 10. — С. 41–62.
- ⁵⁶⁴ Липов В. Визначення моделі інноваційного розвитку України: чинник інституціональної комплементарності / Липов В. // Вісник Хмельницького національного університету. — Хмельницький : РВЦ ХНУ, 2009. — № 5, Т. 1. — С. 81–86.; Липов В. Институциональная комплементарность как фактор инновационного развития экономики: компаративный подход / В. Липов // Инновационное развитие экономики России: институциональная среда. В 2-х т. Т. 2. — М. : ТЕИС; МАКС пресс, 2011. — С. 75–84.
- ⁵⁶⁵ Лиу С. Китай на пути к открытой и рыночной инновационной системе / С. Лиу, Н. Лундин // Форсайт. — 2007. — № 4. — С. 20–31.
- ⁵⁶⁶ Hall P. (2004) Varieties of Capitalism..., P. 21.
- ⁵⁶⁷ Kogut B. (2006) Exploring Complementarity When Diversity is Limited: Institutional Complementarity in Theories of Rule of Law and National Systems Revised / B. Kogut, C. Ragin // European Management review. — № 3. — P. 44–59.
- ⁵⁶⁸ Campbell J. The Varieties of Capitalism...
- ⁵⁶⁹ Amable, B. (2000) Institutional Complementarity..., P. 680.
- ⁵⁷⁰ Шевчук А. Постфордистские концепции как исследовательская программа / А. Шевчук // Экономическая социология. — Т. 3. — 2002. — № 2. — С. 44–61.
- ⁵⁷¹ Буайе Р. Теория, С. 83.
- ⁵⁷² Boyer R. (2007) Growth Strategies ..., P. 29–34.
- ⁵⁷³ Ирландия: кельтский тигр или инновационный оффшор? Анализ опыта реформ для старопромышленных регионов Украины. — Донецк : МСПСБ-Пресс, 2010. — 120 с.
- ⁵⁷⁴ Хелантера А., указ. соч.

⁵⁷⁵ Песонен П., указ. соч.

⁵⁷⁶ Финляндия как экономика знаний. Элементы успеха и уроки для других стран / под ред. К. Дальмани, Й. Роути, П. Юля-Антила. — М. : Весь мир, 2009. — 170 с.

⁵⁷⁷ Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / П. Химанен, М. Кастелс. — М. : Логос, 2002. — 224 с.

⁵⁷⁸ Липов В. Успешная интеграция в глобальную конкурентную среду. Опыт Финляндии / В. Липов // Міжнародні інтеграційні процеси і конкурентоспроможність економіки України. — Х. : ХНУ, 2008. — С. 135—137.

⁵⁷⁹ «Модель, — отмечает В. Витлинский, — это объект, который замещает оригинал и отражает важнейшие черты и свойства оригинала для данного исследования, данной цели исследования, при избранной системе гипотез».. См.: Вітлинський В. Моделювання економіки / В. Вітлинський. — К. : КНЕУ, 2007. — С. 44.

⁵⁸⁰ «Национальная экономическая система (или национальная экономика страны) включает всю совокупность экономических отношений и институтов на территории государства. В национальную экономику неизбежно входят различные типы экономических укладов, существующих в стране, конкретные формы организации экономики и управления, специфические институциональные нормы и т. д. Она неизбежно отражает особенности экономики с присущими стране неэкономическими факторами ... *В отличие от этого национальная модель экономики характеризует национальную экономику как проявление господствующего типа экономической системы, присущего тому или иному этапу развития общества* (выделено мной — В.Л.)». См.: Социально-экономические модели..., С. 67—68.

⁵⁸¹ Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Часть 1. Домохозяйства современной России. — М. : МОНФ, 2003. — С. 174.

⁵⁸² Ушакова Н., указ. соч. С. 79.

⁵⁸³ Цивилизационные модели современности и их исторические корни / под ред. Ю. Н. Пахомова. — К. : Наук. Думка, 2002. — 632 с.

⁵⁸⁴ Нуреев Р. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. — М. : Норма, 2008. — С. 31 — 235.

⁵⁸⁵ См. напр.: Кудров В. Мировая экономика...; Потапов М. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. — М. : Международные отношения, 2004. — 240 с.

⁵⁸⁶ Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для письменной интерпретации истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.

⁵⁸⁷ При рассмотрении Библии, как комплексного социально-этического учения, следует учесть, что в ней не содержится «конкретной системы теоретического и практического учения», а лишь описан в сущностных чертах путь веры и нравственности, представлены ценностные ориентиры поведения людей в повседневности, и, прежде всего, в хозяйственной жизни. В этих ценностных регуляторах поведения верующих и заключается суть библейской экономической теории. Религиозные основы хозяйственной деятельности Христиан основываются на десяти заповедях (Ветхий завет, (Исх., 20; Втор., 5)) и Нагорной проповеди Христа. Нагорная проповедь

(Мт., 5—7; Лк, 6 : 17—49), как квинтэссенция этической системы христианства, через заповеди общечеловеческой любви и благотворительности выдвигает своей целью хозяйство, основанное на любви, тем самым устанавливаются отличия христианского мировоззрения от других религий.

В чем заключаются особенности проявления христианского мировоззрения в хозяйственной жизни?

1). *Труд* на благо других рассматривается как добродетель, *выполнение заповедей о любви к ближнему*. Свой труд человек должен посвящать не только удовлетворению собственных нужд, но и отдавать ее другим, посвящать Богу.

2). Сам труд осмыслен, благодаря способности человека действовать согласно разуму, он является *соучастием в творческой активности Бог*.

3). Труд активной личности как бы соединяется с замыслом Божиим, поэтому он не может быть неблагодарным. *Благословляются все виды деятельности, направленные на служение людям*. В хозяйственной сфере это служение связано с *удовлетворением человеческих нужд* как идеологической основы рыночных отношений.

4). Если все принадлежит Господу, то право владеть чем-нибудь, *частная собственность не может быть абсолютной*. Собственность рассматривается как средство управления, распоряжения разными видами ресурсов.

5). *Мировосприятие*, открытость к внешнему миру, как характерная особенность христианского учения в хозяйственной жизни, *объединяется с самоотречением от мира как утверждением верховенства духовного перед мирским, материальным*. Труд является средством усовершенствования, вдохновения мира и человека.

6). Богатство, предпринимательская деятельность совместимы с верой, если они отвечают этическим нормам, приносят пользу как собственнику, хозяину, так и окружающим. Создавая блага и услуги, удовлетворяя потребности других людей, предприниматель создает богатство во имя всех участников рыночных отношений.

⁵⁸⁸ «Общим для бургерского слоя, — пишет социолог экономической жизни, — была тенденция в сторону **практической** рационализации жизненного поведения, что вытекало из типа их жизнедеятельности, относительно далекой от воздействия сил природы. В основе всего их существования лежал расчет и стремление господствовать над природой и людьми ... Не единение с Богом, или созерцательная погруженность в божественную сущность, представлявшиеся высшим благом в религии, на которую оказывали влияние слои знатных интеллектуалов, но активная аскеза, **деятельность**, угодная Богу, связанная с ощущением себя его «орудием», стала здесь религиозным долгом; именно такой подход взял верх на Западе ... (выделено автором — В.Л.)». См.: Вебер М. Хозяйственная этика..., С. 58—59.

⁵⁸⁹ Уткин А. Религиозное будущее мира / А. Уткин // ПрогнозиΣ. — 2005. — № 2. — С. 328.

⁵⁹⁰ Лапицкий М. Труд..., С. 57.

⁵⁹¹ Лаперуз Ст. Духовный призыв «Американской мечты» // Ст. Лаперуз / Американский характер. — М. : Наука, 1995. — 319 с.

⁵⁹² Ушакова Н. Указ. соч., С. 84.

⁵⁹³ Липов В. Інституціональна комплементарність: від моделі ринкової економіки до концепції множинності варіантів капіталізму // Економічна теорія. — 2010. — № 2. — С. 58–59.

⁵⁹⁴ Лапицкий М., Указ. соч., С. 109.

⁵⁹⁵ *Влияние католицизма на динамику развития рыночной экономики оценивается неоднозначно. Со значительным опозданием, в сравнении с другими странами Западной Европы, произошло становление капитализма в Италии, Испании, Португалии, а также в странах, которые представляют их колониальное наследие. Объяснение этому явлению некоторые исследователи находят в многовековом мусульманском влиянии в Испании и Португалии. Анализ расхождений во влиянии на траекторию экономического развития, сформированных к началу процесса индустриализации институциональных систем Англии и Испании содержится в работе Д. Норта. См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Начала, 1997. — С. 145–150.*

С противоположной стороны, способность католицизма реагировать, адаптироваться к условиям быстро изменяющейся действительности, с одной стороны, и определенная созвучность католического менталитета современной социально-экономической ситуации, основам неоекономики — с другой — находят свое выражение в папских энцикликах, отображающих реакцию иерархов церкви на злободневные аспекты жизни верующих. «Экономика, политика и культура тесно связаны между собой, — пишет католический мыслитель Р. Нейхауз, — и потому не удивительно, что энциклика [речь идет о энциклике *Sentesimus Annus* (Сотая годовщина), посвященной юбилею формирования новой концепции отношения Католической Церкви к социальной эволюции общества — В.Л.] постоянно возвращается к одним и тем же вопросам: капитализм, демократия, истины, которые помогают нам жить вместе ... *Sentesimus* является настоящим манифестом на защиту плюрализма». См.: Нейхауз Р. Бизнес и евангелие. Вызов христианину — капиталисту / Р. Нейхауз. — М.: Вера и мысль, 1994. — С. 303. Высокую оценку значения активной позиции католической церкви, папских визитов в демократизации, ускорении экономического развития отсталых стран дает С. Хантингтон. Он, в частности, пишет: «... его первый драматический визит [в Польшу — В. Л.] 1979 года ... изменил «ментальность страха ... Люди осознали, что если они перестанут бояться системы, то она станет беспомощной». См.: Гантингтон С. Релігія і третя хвиля / С. Гантингтон // Релігійна свобода і права людини: Богословські аспекти. — Львів : Свічадо, 2000. — С. 25. Это «первое большое паломничество», по наблюдению Т. Эша, стало «началом конца» коммунизма в Восточной Европе ...». «Во время последнего визита в Польшу, — писал в 1980 г. в своем докладе Римскому клубу «Ориентиры в будущее» Б. Гаврилишин, — Папа Римский мог бы вызвать почти любые события на свой выбор». См.: Гаврилишин Б., указ. соч., С. 55.

⁵⁹⁶ Уткин А., указ. соч., С. 328.

⁵⁹⁷ Ушакова Н., указ. соч., С. 84.

⁵⁹⁸ Муртаг Н. Гайдзин на службе в Mitsubishi / Н. Муртаг. — М.: Добрая книга, 2008. — 384 с.

- ⁵⁹⁹ Липов В. Институциональная комплементарность: место и роль государства в социально-экономической системе. Тайна украинского парадокса / В. Липов // Социальная экономика. — 2010. — № 2. — С. 163–169.
- ⁶⁰⁰ Гринберг Р., Рубинштейн А. Экономическая социодинамика. — М., ИСЭПРЕСС, 2000 — С. 195–206.
- ⁶⁰¹ Там же, С. 201.
- ⁶⁰² Там же, С. 206.
- ⁶⁰³ См. напр.: Гриценко А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа / А. Гриценко // Экономика Украины. — 1997. — № 1. — С. 4–10.
- ⁶⁰⁴ Гэлбрейт Дж. Экономика невинного обмана / Дж. Гэлбрейт. — М.: Европа, 2009. — 88 с.
- ⁶⁰⁵ Там же, С. 23.
- ⁶⁰⁶ Там же, С. 24.
- ⁶⁰⁷ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине / Дж. Арриги. — М.: ИОП, 2009. — 456 с.
- ⁶⁰⁸ Рыночная экономика «...обычно предполагает систему частной собственности на средства производства, т. е. она является «капиталистической» ... (Выделено мной — В.Л.)». См.: Современный словарь экономической теории Макмиллана. — М.: Инфра-М, 1997. — С. 311.
- ⁶⁰⁹ The World Book Dictionary. In 2 v. — Chicago, 1995. — V. 2, P. 1273.
- ⁶¹⁰ Экономическая энциклопедия. — М.: Экономика, 1999. — С. 975–976.
- ⁶¹¹ Большой экономический словарь. — М.: ИНЭ, 2002. — С. 1246.
- ⁶¹² Економічна енциклопедія. У 3-х т. — К. — Тернопіль : Академія, 2000. — Т. 1, С. 400.
- ⁶¹³ Там же, С. 401.
- ⁶¹⁴ Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. — М.: НЛО, 2007. — 256 с.
- ⁶¹⁵ Бродель Ф. Игры, С. 236.
- ⁶¹⁶ «...это экономическая, основанная на обмене организация, при которой две различные группы населения — с одной стороны, владельцы средств производства, являющиеся одновременно руководителями хозяйства и хозяйствующими субъектами, с другой стороны, неимущие рабочие (в качестве объектов хозяйства) — объединяются рынком и регулярно действуют сообща, и в которой господствует принцип наживы и экономический рационализм». См.: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1, полут., 1 / В. Зомбарт. — М. — Л.: ГИЗ, 1931. — С. 315.
- ⁶¹⁷ Бродель Ф. Игры, С. 237.
- ⁶¹⁸ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М.: Прогресс, 1969. — 480 с.
- ⁶¹⁹ New Webster's Dictionary and Thesaurus. — Danbury, 1993. — P. 146.
- ⁶²⁰ The World Book Dictionary. In 2 v. — Chicago, 1995. — V. 1, P. 298.
- ⁶²¹ Современный словарь экономической теории Макмиллана. — М., 1997. — С. 68.
- ⁶²² Економічна енциклопедія. В 3-х т. — К. — Тернопіль : Академія, 2000. — Т. 1, С. 731
- ⁶²³ Сальвиоли Г., указ соч.
- ⁶²⁴ Бродель Ф. Игры, С. 237.

⁶²⁵ Современный словарь экономической теории Макмиллана. — М. : Инфра-М, 1997. — С. 310.

⁶²⁶ New Webster's Dictionary and Thesaurus. — Danbury, 1993. — P. 611.

⁶²⁷ The World Book Dictionary. In 2 v. — Chicago, 1995. — V. 2, P. 1273.

⁶²⁸ Економічна енциклопедія. В 3-х т. — К. — Тернопіль : Академія, 2000. — Т. 3, 2002. — С. 235.

⁶²⁹ Большой экономический словарь. — М. : ИНЭ, 2002. — С. 907.

⁶³⁰ Экономическая энциклопедия. — М. : Экономика, 1999. — С. 696.

⁶³¹ Радаев В. Современные социально-экономические концепции рынка // Анализ рынков в современной экономической социологии / В. Радаев / под ред. В. Радаева. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. — С. 26.

⁶³² Пустовойт А. Рынок: экономическая сущность типовое и видовое разнообразие / А. Пустовойт // Экономическая теория. — 2008. — № 4. — С. 50.

⁶³³ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // «Великая трансформация» К. Поланьи: прошлое, настоящее и будущее. — М. : Изд-во ВШЭ, 2006. — С. 64.

⁶³⁴ Более того: «В любом случае та или иная форма интеграции не отражает исторических стадий развития, — утверждает К. Поланьи. — Формы интеграции не предполагают какой-либо последовательности во времени. Наряду с одной господствующей формой интеграции могут существовать несколько подчиненных форм, самая же господствующая форма также может временно отойти на задний план, а затем вернуться. ... Например, в XX веке во время Второй мировой войны этот принцип был введен вновь и широко использовался под названием ленд-лиза государствами, в которых в невоенной ситуации доминировали отношения рынка и обмена». См.: там же. — С. 72.

⁶³⁵ См. напр.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и духовные истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб., 2002. — 320 с.; Травин Д. Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х кн. / Д. Травин, О. Маргания. — М. : АСТ, 2004. — Т. 1. — 665 с.; Т. 2. — 572 с.; Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч. 2 / Ф. Бродель. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 511 с.

⁶³⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М. : Прогресс, 1969. — 480 с.

⁶³⁷ Там же, С. 25.

⁶³⁸ Липов В. Мотивація ..., С. 86 — 100.

⁶³⁹ Геродот. История. В девяти книгах / Геродот. — Л. : Наука, 1972. — С. 191.

⁶⁴⁰ «Сеже словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. ... По святем крещении Перуна отринута, а по Христа господа бога нашего яшася, нъ и ныня по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хърсу и Мокши и вилам, нъ то творять акы отай ...». Цит. по: Рыбаков Б. Язычество древних славян / Б. Рыбаков. — М. : София; Гелиос, 1992. — С. 14.

⁶⁴¹ Сорокин П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. — СПб. : ИРХГИ, 2000. — С. 40 — 64

⁶⁴² Тихомиров М. Пособие для изучения Русской Правды / М. Тихомиров. — М. : Изд-во МГУ, 1953. — С. 96 — 99; Струмилин С. Черты древнерусского

права / С. Струмилин // Струмилин С. Воспоминания и публицистика. — М. : Наука, 1968. — С. 377—428; Удинцев Вс. История займа / Вс. Удинцев. — К., 1908.

⁶⁴³ Тарасевич В. Экуника: гипотезы и опыты / В. Тарасевич. — М. : ТЕИС, 2008. — С. 304—311.

⁶⁴⁴ От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1080-х гг. — М. : РОССПЭН, 1998. — 432 с.

⁶⁴⁵ Харишин М. Історія підпорядкування української православної церкви московському патріархату / М. Харишин. — К. : Вентурі, 1995. — 176 с.

⁶⁴⁶ Цивилизационная структура современного мира. В 3-х т. Т. 2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации. — К. : Наукова думка, 2007. — С. 428—446.

⁶⁴⁷ Юрий М. Этногенез и менталитет украинского народа / М. Юрий. — К. : Таксон, 1997. — 237 с.

⁶⁴⁸ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему / А. Ахиезер. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. — 804 с.; История России: народ и власть. — СПб. : Лань, 1997. — 448 с.; Савицкий П. Континент Евразия / П. Савицкий. — М. : Аграф, 1997. — 464 с.; Стариков Е. Общество-казарма от фараонов до наших дней / Е. Стариков. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — 420 с.

⁶⁴⁹ См. напр: М. Ковалевский Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в. / М. Ковалевский // Юрид. вестн. — 1885. — Т. XVIII. — Кн. 1. — С. 36—69; Ковалевский М. Труд как источник права собственности на землю в Малороссии и на Украине / М. Ковалевский // Юрид. вестн. — 1892. — № 1—2. — С. 26—34; Лучицкий И. Займанщина и формы заимочного землевладения в Малороссии / И. Лучицкий // Юрид. вестн. — 1890. — Т. IV. — Кн. 3. — С. 391—424; Лучицкий И. Сябры и сябринское землевладение / И. Лучицкий // Северн. вестн. — 1886. — № 1. — С. 69—88; Лучицкий И. Общинное землевладение в Малороссии / И. Лучицкий // Устой. — 1882. — № 7. — С. 37—49; Лучицкий И. Сборн. матер. для истории общины и общинного землевладения в Левобережной Украине / И. Лучицкий. — К., 1884. — 315 с.

⁶⁵⁰ Вебер М. История хозяйства. Город / М. Вебер. — М. : Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001. — С. 38.

⁶⁵¹ Там же, С. 42.

⁶⁵² Погребинський О. Столипінська реформа на Україні / О. Погребинський. — Одеса : Пролетар, 1931. — С. 5.

⁶⁵³ Липов В. Мотивація ..., С. 78—100.

⁶⁵⁴ Паращевин М. Религия и религиозность в Украине / М. Паращевин. — К. : ИП; ИС НАНУ, 2009. — С. 13—15.

⁶⁵⁵ Там же, С. 21—26.

⁶⁵⁶ Там же, С. 47.

⁶⁵⁷ Тарасевич В. Ідеологічні доктрини: цивілізаційні аспекти і національний колорит / В. Тарасевич. — Економіка України. — 2011. — № 3. — С. 8—13.

⁶⁵⁸ «...У них сильно чувство восприсутствия Божия, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное размышление о Промысле, над собою, тайное влечение к духовному, неизвестному, таинственному и отрадному миру. Южноруссы исполняют обряды, уважают формулы, но не подвергают

их критике». См.: Костомаров Н. Две русские народности / Н. Костомаров // Н. Костомаров Исторические монографии и исследования. Кн. 1, Т. 1. — СПб.: Литературный фонд, 1903. — С. 59—60.

⁶⁵⁹ «...племя южнорусское имело отличительным своим характером перевес личной свободы, великорусское — перевес общности. По коренному понятию первых, связь людей основывается на взаимном согласии, и может распадаться по их несогласию; вторые стремились установить необходимость и неразрывность раз установленной связи и самую причину установления отнести к Божьей воле, а, следовательно, изъять от человеческой критики». См.: там же, С. 55.

⁶⁶⁰ «В одинаковых стихиях общественной жизни первые усваивали дух, вторые стремились дать ему тело; в политической сфере первые способны были создавать внутри себя добровольные товарищества, связанные настолько, насколько к тому побуждала насущная необходимость, и прочные настолько, насколько существование их не мешало неизменному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тело на вековых началах, проникнутое единым духом. Первое вело к федерации, но не сумело вполне образовать её; второе повело к единовластию и крепкому государству: довело до первого, создало второе». См.: там же.

⁶⁶¹ Костомаров М. Дві руські нації / М. Костомаров. — К.-Ляйпціг, б.р. — С. 105.

⁶⁶² Костомаров Н. Две русские народности..., С. 64.

⁶⁶³ Там же, С. 65.

⁶⁶⁴ «Зажиточные семьи возвышаются над массою и ищут над нею преимущества, и зато масса их ненавидит; но у массы нет понятия, чтобы человек лишился самодеятельности, нет начал поглощения личности общинностью. Каждый ненавидит богача, знатного, не потому, чтобы он имел в голове какую-либо утопию о равенстве, а, завидуя ему, досадует, почему он сам не таков». См.: там же С. 65.

⁶⁶⁵ «Южнорусс тогда почтительный сын, — утверждает Н. Костомаров, — когда родители оставляют ему полную свободу ... тогда добрый брат, когда с братом живет, как сосед, как товарищ, не имея ничего общего, нераздельного. Правило: *каждому свое*, соблюдается в семействах». См.: там же, С. 61.

⁶⁶⁶ «Обязательная общность земская и ответственность личности миру для южнорусса есть в высшей степени несноснейшее рабство и несправедливость. Не смей называть ничего своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о *міръ*, отвечать за другого без собственно желания — ко всему этому не расположила народ южнорусский его прошедшая жизнь [выделено автором — В.Л.]». См.: там же, С. 61.

⁶⁶⁷ «Вера учит нас, — писал он 1912 г., — прежде всего смотреть на труд и работу не только как на дело необходимости и невольного принуждения, но и как на нравственный долг, в выполнении которого мы обязаны дать Богу отчет. ... Мы обязаны силы нашей души и тела употреблять для нашего истинного блага, для пользы ближних и в славу Божию. ... Христианин совершает свой труд по совести, как обязанность, возложенную на него Самим Богом». См.: Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий. Труд

и собственность в учении Русской церкви / Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий // Экономика русской цивилизации. — М. : Родник, 1995. — С. 364 — 365. В другом произведении он продолжает: «... работа ... есть лучшее, Богом установленное средство к возвышению и усовершенствованию человека. ... В конце концов, взгляд Библии на цель работы сводится к тому: она доставляет средства к жизни, она укрепляет телесные и душевные силы человека, она делает его свободным и независимым в своем существовании, она содействует его усовершенствованию; она возвышает его до такой степени, что делает его господином над природою, который пользуется ее силами для разного рода открытий и изобретений, для распространения культуры и цивилизации; она, в конце концов, приводит его к источнику всякого и внешнего и внутреннего счастья и благополучия, приводит к живому Богу». См.: там же, С. 370 — 371.

⁶⁶⁸ Топографічний опис Харківського намісництва 1785 року // Описи Харківського намісництва кінця XVIII. — К. : Наук. думка, 1991. — С. 36.

⁶⁶⁹ Харрисон Л. Кто процветает? / Л. Харрисон. — М. : Новое издательство, 2008. — 300 с.

⁶⁷⁰ См.: Липов В. Мужественность/женственность национальной культуры как фактор формирования социально-экономических моделей стран мира / В. Липов // Управління розвитком. — 2005. — № 2. — С. 79—84 // Управління розвитком. — 2005. — № 2. — С. 79—84; Липов В. Інтеграція України у ЄС: гендерний аспект / В. Липов // Вісник Хмельницького національного університету. — Економічні науки. — 2005. — № 2. — Т. 1. — С. 81—84.

⁶⁷¹ Латов Ю. Открытия и парадоксы...

⁶⁷² Прутська О. Інституціоналізм і проблеми економічної поведінки в перехідній економіці / О. Прутська. — К. : Логос, 2003. — 256 с.

⁶⁷³ См. напр.: Петрушина Т. Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен / Т. Петрушина. — К. : ИС НАНУ, 2008. — 544 с.; Суименко Е. «Ното економікус» современной Украины. Поведенческий аспект / Е. Суименко. — К. : ИС НАНУ, 2004. — 244 с.; Экономическая культура населения Украины. — К. : ИС НАНУ, 2008. — 316 с.

⁶⁷⁴ См. напр.: Гальчинський А. Лібералізм — еволюційні трансформації / А. Гальчинський // Економіка України. — 2010. — № 6. — С. 23—34; Геєць В. Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію України / В. Геєць // Економіка України. — 2010. — № 3. — С. 4—20; Гриценко А. Методологічні основи модернізації України / А. Гриценко // Економіка України. — 2011. — № 1. — С. 38—47; № 2. — С. 4—12; Колодко Гж. Від ідеї неолібералізму до нового прагматизму / Гж. Колодко // Економіка України. — 2010. — № 9. — С. 4—11; Попович М. Чи має українська модель суспільства бути ліберальною / М. Попович // Економіка України. — 2010. — № 8. — С. 4—10; Тарасевич В. Ідеологічні доктрини: цивілізаційні аспекти і національний колорит / В. Тарасевич // Економіка України. — 2011. — № 2. — С. 13—27; № 3. — С. 4—13; Яременко О. Лібералізм, економічна свобода і держава / О. Яременко // Економіка України. — 2010. — № 12. — С. 4—15.

⁶⁷⁵ Липов В. Корекція національних господарчих цінностей як фактор зростання конкурентоспроможності економіки в умовах глобалізації /

В. Липов // Збірник наукових праць. Спецвипуск / відп. ред. В. Новицький. — К. : Ін-т світової економіки та міжнародних відносин НАН України, 2007. — С. 153 — 164.

⁶⁷⁶ См.: Mykhnenko V. (2007) Poland and Ukraine: Institutional Structures and Economic Performance / V. Mykhnenko // *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*; D. Lane, M. Myant (eds). — Basingstoke : Palgrave Macmillan. — P. 124—145; Mykhnenko V. (2007) Strengths and Weaknesses of «Weak Coordination»: Economic Institutions, Revealed Comparative Advantages, and Socio-Economic Performance of Mixed Market Economies in Poland and Ukraine / V. Mykhnenko // *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions and Complementarities in the European Economy*; B. Hancké, M. Rhodes, M. Thatcher (eds). — Oxford : Oxford University Press. — P. 351—378; Mykhnenko, V. (2005) What Type of Capitalism in Post-communist Europe? / V. Mykhnenko // *GERPISA*. — № 39 (December). — P. 83—112.

⁶⁷⁷ Липов В. Проблеми запозичення систем мотивації персоналу у трансформаційних економіках: крос-культурні засади дослідження / В. Липов // *Україна: аспекти праці*. — 2008. — № 2. — С. 42—51.

⁶⁷⁸ Пустовійт Р. Чинники вдосконалення вітчизняної монетарної політики в умовах внутрішніх та зовнішніх загроз / Р. Пустовійт // *Економіка України*. — 2010. — № 8. — С. 63—76.

⁶⁷⁹ Кіндзерський Ю. Економічний розвиток і трансформація промислової політики у світі: уроки для України / Ю. Кіндзерський // *Економіка України*. — 2010. — № 6. — С. 14—12; № 5. — С. 4—15.

⁶⁸⁰ Якубовський М. Промислова політика: проблеми та перспективи модернізації / М. Якубовський // *Економіка України*. — 2010. — № 8. — С. 21—29.

⁶⁸¹ См. напр.: Липов В. Визначення моделі інноваційного розвитку України: чинник інституціональної комплементарності / Липов В. // *Вісн. Хмельницького національного університету*. — Хмельницький : РВЦ ХНУ, 2009. — № 5, Т. 1. — С. 81—86; Липов В. Институциональная комплементарность как фактор инновационного развития экономики: компаративный подход / В. Липов // *Инновационное развитие экономики России: институциональная среда*. Т. 2. — М. : МАКС пресс, 2011. — С. 75—84.

⁶⁸² Вишневский В. Инновации, институты и эволюция / В. Вишневский, В. Дементьев // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 10. — С. 41—62.

⁶⁸³ Инглхарт Р. Модернизация...

⁶⁸⁴ Харрисон Л. Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти её от самой себя / Л. Харрисон. — М.: Новое издательство, 2008. — 282 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСП – азиатский способ производства
ГВБ – государство всеобщего благосостояния
ИК – институциональная комплементарность
ИМ – институциональная матрица
ИП – институциональная последовательность
ИС – институциональная связность
КАИА СЭС – комплексный комплементарный анализ институциональной архитектоники СЭС
КАЭС – компаративный анализ экономических систем
КИА – качественный институциональный анализ
КМВК – концепция множественности вариантов капитализма
КРЭ – координируемая рыночная экономика
КСП – капиталистический способ производства
КУ – корпоративное управление
ЛРЭ – либеральная рыночная экономика
МК – мезокорпоративный капитализм
МП – модели производства
МС – местные сообщества
НКО – некоммерческие организации
НСИ – национальные инновационные системы
ОК – общая институциональная комплементарность
ОПП – образование и профессиональная подготовка
ПИИ – прямые иностранные инвестиции
ПК – публичный капитализм
ПО – производственные отношения
ПП – принцип подобия
ППК – постпереходной капитализм
ПС – принцип связности
РК – рыночный капитализм
РН – режим накопления
РСП – рабовладельческий способ производства
САЭС – сравнительный анализ экономических систем
СДК – социал-демократический капитализм
СЕК – североевропейский капитализм
СИБ – субъект институционального взаимодействия
СК – сравнительный капитализм
СР – способ развития
СРЭ – смешанная рыночная экономика

- ССП – социальная система производства
- Ст.К – структурная институциональная комплементарность
- СФА – структурно-функциональный анализ
- СЭМ – социально-экономическая модель
- СЭС – социально-экономическая система
- ТР – теория регуляции
- ФК – функциональная институциональная комплементарность
- ФС – финансовая система
- ФСП – феодальный способ производства
- ЦЕК – центрально-европейский капитализм

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ahrens J. (2007) Transitional Institutions, Institutional Complementarities and Economic Performance in China. A «Varieties of Capitalism» Approach / Joachim Ahrens, Patrick Jünemann // Duisburg Working Papers On East Asian Studies. – № 72/2007. – 53 p.
2. Ahrens J. (2006) Institutional Change and Economic Transition: Market-Enhancing Governance, Chinese-Style / Joachim Ahrens, Philipp Mengerlinghaus // European Journal of Comparative Economics. – Vol. 3. – № 1. – P. 75–102.
3. Allen F. (2004) Financial Systems in Europe, the USA, and Asia / F. Allen, M. Chui, A. Maddaloni // Oxford Review of Economic Policy. – Vol. 20. – № 4. – P. 490–507.
4. Amable B. (1999) Institutional Complementarity and Diversity of Social Systems of Innovation and Production / B. Amable // WZB Discussion Paper. – FS 199. – 309. – Berlin : Wissenschaftszentrum Berlin. – 36 p.
5. Amable B. (2003) The Diversity of Modern Capitalism / B. Amable. – Oxford : Oxford Press.
6. Amable B. (2005) Complementarity, hierarchy, compatibility, coherence / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer, B. Amable, P. Hall, G. Jackson // MPIfG Discussion Paper. – P. 44–45.
7. Aoki M. (1994) Contingent Governance of Teams: Analysis of Institutional Complementarity / M. Aoki // International Economic Review. – Vol. 35. – P. 657–676.
8. Aoki M. (2001) Toward a Comparative Institutional Analysis / M. Aoki. – Cambridge-Mass. : MIT Press.
9. Aoki M. (2002) Information, Incentives, and Option Value: The Silicon-Valley Model / M. Aoki, H. Takizawa // Journal of Comparative Economics. – № 30. – P. 759–786.
10. Aoki M. (2007) Corporate Governance in Japan: Organizational Diversity and Institutional Change / M. Aoki, G. Jackson and H. Miyajima, eds. – Oxford : Oxford University Press.
11. Bernstein R. (1991) The New Constellation. The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity / R. Bernstein. – Cambridge.
12. Bolliaris N. (2007) Conceptualizing Institutions and Organizations: A Critical Approach / N. Bolliaris // Journal of Business & Economic Research. – Vol. 5. – № 1.
13. Boyer R. (1995) Capital/labour relations in OECD countries: from the Fordist Golden Age to contrasted national trajectories / R. Boyer // Capital, the State and Labour : A Global Perspective. – Aldershot : Edward Elgar. – P. 18–69.

14. Boyer R. (1996) The Seven Paradoxes of Capitalism ... Ore is a Theory of Modern Economies Still Possible? / R. Boyer // CEPREMAP. — № 9620. — 84 p.
15. Boyer R. (2005) Coherence, Diversity, and the Evolution of Capitalism — The Institutional Complementarity Hypothesis / R. Boyer // Evolutionary and Institutional Economic Review. — Vol. 2, № 1. — P. 43–80.
16. Boyer R. (2005) Complementarity in Regulation Theory / R. Boyer, // Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer, [et all.] // MPIfG Discussion Paper. — P. 39–43.
17. Boyer R. (2005) How and why capitalisms differ / R. Boyer // Economy and Society. — Vol. 4, November. — P. 509–557.
18. Boyer R. (2007) Growth Strategies and Poverty Reduction: the Complementarity Hypothesis / R. Boyer. — PSE Working Papers. — 43 p.
19. Campbell J. (2011). The US financial crisis: lessons for theories of institutional complementarity / J. Campbell // Socio-Economic Review. — № 9. — P. 211–234.
20. Campbell J. (2007) The Varieties of Capitalism and Hybrid Success: Denmark in the Global Economy / J. Campbell, O. Pedersen // Comparative Political Studies. — № 40 (3). — P. 307–332.
21. Carey H. (1952) The Harmony of Interests, Agricultural, Manufacturing and Commercial / H. Carey. — New York : Myron Finch.
22. Chang H.-J. (2006) Understanding the Relationship between Institutions and Economic Development. Some Key Theoretical Issues / H.-J. Chang // United Nations University Discussion Paper. — № 2006/06. — 14 p.
23. Crouch C. (1997) Political Economy of Modern Capitalism: Mapping Convergence and Diversity / C. Crouch, Wolfgang Streeck. — London : Sage.
24. Crouch C. (2005) Three meanings of complementarity / C. Crouch // Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [et all.] // MPIfG Discussion Paper. — P. 33–34.
25. Deeg R. (2005) Complementarity and Institutional Change: How Useful a Concept? / R. Deeg // Discussion Paper SP II. — № 21. — 27 p.
26. Deeg R. (2007) Measuring Institutional Complementarity and Change in Capitalist Systems / R. Deeg // Journal of European Public Policy. — 2007. — № 6. — P. 611–630.
27. Dialogue on Institutional Complementarity and Political Economy / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [et all.] // MPIfG Discussion Paper. — 2005. — P. 32–54.
28. Duffy W. (1972) Toward a Decision-theoretic Approach to the Study of Economic Systems / W. Duffy // Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas. — Vol. 3, № 1.
29. EBRD Transition indicator [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : <http://www.ebrd.com>.
30. Estevez-Abe M. (2001) Social Protection and the Formation of Skills : a Representation of Welfare State / M. Estevez-Abe, T. Eversen, D. Soskice // Varieties of Capitalism / P. Hall, D. Soskice. — Oxford : Oxford University Press.
31. Francel H. (1977) Money : Two Philosophies. The Conflict of Trust and Authority / H. Francel. — Oxford : Basil Blackwell.
32. Freedom House, Freedom in the World [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : www.freedomhouse.org.

33. Gambetta, G. (1988) *Trust, Marketing and Breaking Cooperative Relations* / G. Gambetta (Eds). – Oxford-Cambridge : Polity Press.
34. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press.
35. Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity. Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press.
36. Goldman Sach Growth Environment Score [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www2.goldmansachs.com/research/economics.html> GS GES
37. Greif A. (1993) *Contract Enforceability and Economic Institutions in Early Trade : The Maghribi Traders' Coalition* / A. Grief // *American Economic Review*. – № 83(3), June. – P. 525 – 548.
38. Grief A. (1994) *Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies* / A. Grief // *Journal of Political Economy*. – № 102. – P. 912 – 950.
39. Greif A. (2006) *Institutions and the Path to the Modern Economy. Lessons from Medieval Trade* / A. Grief. – Cambridge : Cambridge University Press.
40. Hall P. (2001) *An Introduction to Varieties of Capitalism* / P. Hall, D. Soskice // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*; P. Hall, D. Soskice (eds.). – Oxford : Oxford University Press. – P. 1 – 70.
41. Hall P. (2004) *Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy: An Empirical Analysis* / P. Hall, D. Gingerich // *MPIfG Discussion Paper*. – № 04/5. – 43 p.
42. Heritage Foundation *Economic Freedom of the World* [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.heritage.org>.
43. Hofstede G. (2000) *Cultures and Organizations: Software of the Mind* / G. Hofstede. – N.-Y. : McGraw-Hill.
44. Hollingsworth J. (1997) *Contemporary Capitalism : The Embeddedness of Institutions* / J. Hollingsworth, R. Boyer // *Cambridge Studies in Comparative Politics*. Cambridge : Cambridge University Press.
45. Höpner M. (2005) *What Connect Industrial Relations and Corporate Governance? Explane Institutions Complementarity* / M. Höpner // *MPIfG Discussion Paper*. – P. 1 – 31; 55 – 59.
46. *International country risk guide, ICRG* [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.prsgroup.com/icrg.aspx>.
47. Jackson G. (2006) *How Many Varieties of Capitalism? Comparing the Comparative Institutional Analyses of Capitalist Diversity* / Gregory Jackson and Richard Deeg // *MPIfG Discussion Paper*. – № 06/2. – 47 p.
48. Kaufman D. (2007) *Governance Matter VI: Aggregate and Individual Governance Indicator 1996 – 2006* // D. Kaufman, A. Kraay, M. Matruzzi. – *World Bank Research Working Paper*. – № 4280. – July.
49. Kogut B. (2006) *Exploring Complementarity When Diversity is Limited: Institutional Complementarity in Theories of Rule of Law and National Systems Revised* / B. Kogut, C. Ragin // *European Management review*. – № 3. – P. 44 – 59.
50. Koopmans T. (1971) *On the Description and Comparison of Economic Systems* / T. Koopmans, J. Montias // *Comparison of Economic Systems* ; ed. by A. Eckstein. – Beverley.

51. La Porta R. (1998) Law and Finance / R. La Porta, F. Lope-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // The Journal of Political Economy. — V. 106. — № 6. — P. 1113–1155.
52. Landes D. (1998) The Wealth and Poverty of Nations / D. Landes. — N. Y. : WW Norton&Company. — 650 p.
53. Luhmann N. (1979) Trust and Power: Two Works / N. Luhmann. — Chichester : John Wiley&Sons.
54. Molina O. (2005) Political Exchange and Bargaining Reform in Italy and Spain / O. Molina // European Journal of Industrial Relations. — 11 (1). — P. 7–26.
55. Mykhnenko V. (2007) Poland and Ukraine: Institutional Structures and Economic Performance / V. Mykhnenko // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries ; D. Lane, M. Myant (eds). — Basingstoke : Palgrave Macmillan. — P. 124–145.
56. Mykhnenko V. (2007) Strengths and Weaknesses of «Weak Coordination»: Economic Institutions, Revealed Comparative Advantages, and Socio-Economic Performance of Mixed Market Economies in Poland and Ukraine / V. Mykhnenko // Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions and Complementarities in the European Economy; B. Hancké, M. Rhodes, M. Thatcher (eds). — Oxford : Oxford University Press. — P. 351–378.
57. Mykhnenko, V. (2005) What Type of Capitalism in Post-communist Europe? / V. Mykhnenko // GERPISA. — № 39 (December). — P. 83–112.
58. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language (1993). — Danbury, Ct. : Lexicon Publication, Inc. — 1149 + 32 + 67 p.
59. Ostrom E. (1990) Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action / E. Ostrom. — Cambridge: Cambridge University Press. — 280 p.
60. Pierson P. (2000) Three Worlds of Welfare State Research / P. Pierson // Comparative Political Studies. — 33. — P. 791–821.
61. Polity IV [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm.
62. Roe M, (2003) Politic Determinants of Corporate Governance, Political Context, Corporate Impact / M. Roe. — Oxford : Oxford University Press.
63. Schwartz S. (2008) Cultural Value Orientations / S. Schwartz. — M. : PH SU HSE. — 62 p.
64. Soskice D. (1999) Divergent Production Regimes: Coordinated and Uncoordinated Market Economies in the 1980s and 1990s / D. Soskice // Continuity and Change in Contemporary Capitalism ; H. Kitschelt et al. (eds.). — Cambridge : Cambridge University Press. — P. 101–134.
65. Streek W. (2009) Re-Forming Capitalism. Institutional Change in the German Political Economy / W. Streeck. — Oxford: Oxford University Press. — 304 p.
66. Streeck W. (2003) Taking Uncertainly Seriously: Complementarity as a Moving Target / W. Streeck. — Mimeograph Max Plank Institute, Cologne. — 15 p.
67. Sztompka P. (1999) Trust. A Sociological Theory / P. Sztompka. — Cambridge : University Press.
68. The Public Integrity Index [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : www.globalintegrity.org/reports.

69. The World Book Dictionary. In 2 v. (1995). – Chicago. – V. 1. – 1264 p.; V. 2. – 1264 p.
70. Transparency International [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.transparency.org>
71. Whitley R. (1999) *Divergent Capitalisms: The Social Structuring and Change of Business Systems* / R. Whitley. – Oxford : Oxford University Press.
72. Whitney J. (1993) *The Economics of Trust. Liberrating Profits and Restoring Corporate Vitality* / J. Whitney . – New York : McGraw-Hill. – 236 p.
73. World Bank Doing Business [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://www.doingbusiness.org>.
74. World Bank KEI [Электронный ресурс]. – Режим доступа к материалам : <http://info.worldbank.org/etools/kam2>.
75. Аглиета М. Деньги между насилием и доверием / М. Аглиета, А. Орлеан. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. – 366 с.
76. Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды / В. Айхлер. – М. : ИВФ Антал, 1996. – 256 с.
77. Альбер М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. – СПб. : Эконом. школа, 1998. – 296 с.
78. Американский университет. Беседа с Б. Капустиним // ПрогнозиΣ. – 2005. – № 2. – С. 304–318
79. Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики. – М. : Экономика, 2006. – 338 с.
80. Ананьин О. Методология экономической науки. Современные тенденции и проблемы / О. Ананьин, М. Одинцова // Истоки. Вып. 4. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 92–137.
81. Андреева Г. Экономическая конституция в зарубежных странах / Г. Андреева. – М. : Наука, 2006. – 268 с.
82. Антропов В. Социальная рыночная экономика: путь Германии / В. Антропов. – М. : Экономика, 2003. – 223 с.
83. Аоки М. Фирма в японской экономике / М. Аоки. – СПб. : Лениздат, 1995. – 431 с.
84. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в четырех т. Т. 1. – М. : Мысль, 1976. – С. 63–367.
85. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в четырех т. Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 53–293.
86. Аристотель. О небе / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 3. – М. : Мысль, 1981. – С. 263–378.
87. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 375–644.
88. Арнольд В. Теория катастроф / В. Арнольд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 128 с.
89. Аронов Р. Пространственно-Временные и причинные отношения в физике / Р. Аронов. – Вопросы философии. – 1984. – № 4.
90. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине / Дж. Арриги. – М. : ИОП, 2009. – 456 с.
91. Афанасьев В. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности) / В. Афанасьев. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 384 с.

92. Афанасьев Л. Экономическая мысль в Испании XVI века — Саламанкская школа / Л. Афанасьев // Экономика и математические методы. — Т. 40. — 2004. — № 4. — С. 26—58.
93. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему / А. Ахиезер. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. — 804 с.
94. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь / А. Ахиезер. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. — 594 с.
95. Бальцерович Л. Свобода і розвиток. Економія вільного ринку / Л. Бальцерович. — Львів : І, 2000. — 332 с.
96. Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация / Л. Бальцерович. — М. : Наука ; УРАО, 1999. — 352 с.
97. Барнс С. Гражданские университеты Англии и триумф оксбриджского идеала / С. Барнс // ПрогнозиΣ. — 2006. — № 3. — С. 353—368.
98. Бастиа Ф. Экономические гармонии / Ф. Бастиа // Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. — М. : Эксмо, 2007. — С. 47—420.
99. Башнянин Г. Про періодичну матрицю економічних систем / Г. Башнянин. — Львів : ЛКА, 2003. — 115 с.
100. Башнянин Г. Мікроекономічні ринкові системи: методологічні проблеми аналізу ефективності функціонування / Г. Башнянин, І. Копич, І. Чупик. — Львів : ЛКА, 2001. — 182 с.
101. Башнянин Г. Економічні системи: проблеми структуризації та класифікації / Г. Башнянин, І. Копич, Б. Шевчик. — Львів : Коопосвіта, 1999. — 220 с.
102. Беккин Р. Исламская модель в современном мире / Р. Беккин. — М. : ИД Марджана, 2009. — 344 с.
103. Беккин Р. Исламская экономика / Р. Беккин. — М. : Восток — Запад, 2008. — 288 с.
104. Беккин Р. Исламская экономическая модель и современность / Р. Беккин. — М. : ИД Марджани, 2009. — 344 с.
105. Беянин А. Доверие в экономике и общественной жизни / А. Беянин, В. Зинченко. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. — 164 с.
106. Бережной И. Исследование экономической эволюции института власти-собственности : монография / И. Бережной, В. Вольчик. — М. : ЮНИТИ ДАНА ; Закон и право, 2008. — 239 с.
107. Берк Дж. Дар топора. Обоюдоострая история человеческой культуры / Дж. Берк, Р. Орнстейн. — М. : Эннеагон Пресс, 2007. — 410 с.
108. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — М. : Прогресс, 1988. — 400 с.
109. Бессонова О. Раздаточная экономика России / О. Бессонова. — М. : РОССПЭН, 2006. — 144 с.
110. Бессонова О. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России / О. Бессонова // Мир России. — 2008. — № 2. — С. 108—138.
111. Бетелл Т. Собственность и процветание / Т. Бетелл. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 480 с.
112. Библер В. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцатый век / В. Библер. — М. : Политиздат, 1991. — 413 с.

113. Білорус А. Політико-правові системи: світ і Україна / А. Білорус. – К. : АМУПП, 2000. – 200 с.
114. Блази Д. Наемные работники – массовые собственники акционерных компаний / Д. Блази, Д. Круз. – М. : Дело, 1995. – 320 с.
115. Богданов А. Курс политической экономии. Т. 1 / А. Богданов, И. Степанов. – М. : Госиздат, 1920. – 374 с.
116. Богданов А. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй / А. Богданов, И. Степанов. – М. – П. : Коммунист, бг. – 208 с.
117. Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. / А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с. ; Кн. 2. – 352 с.
118. Большой экономический словарь. – М. : ИНЭ, 2002. – 1280 с.
119. Боннер У. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. / У. Боннер, Э. Уиггин. – Челябинск : Социум, 2005. – 402 с.
120. Бор Н. Единство знания / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 481–496.
121. Бор Н. Квантовая физика и биология / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 533–535.
122. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные работы. Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 30–35.
123. Бор Н. О понятиях причинности и дополнительности / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 391–398.
124. Бор Н. Философия естествознания и культура народов / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. – М. : Наука, 1971. – С. 280–288.
125. Борн М. Моя жизнь и взгляды / М. Борн. – М. : Прогресс, 1973. – 176 с.
126. Борн М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 535 с.
127. Борох О. Современная китайская экономическая мысль / О. Борох. – М. : Восточная литература, 1998. – 295 с.
128. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом / С. Бриттан. – СПб. : Эконом. школа, 1998. – 400 с.
129. Бреннан Дж. Причина правил. Конституциональная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. – СПб. : Эконом. школа, 2005. – 272 с.
130. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.
131. Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч. 2 / Ф. Бродель. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.
132. Буайе Р. Демократия и социал-демократия перед лицом современного капитализма: «регуляционистский» подход / Р. Буайе // ПрогнозиΣ. – 2009. – № 1. – С. 91–130.
133. Буайе Р. Теория регуляции / Р. Буайе. – М. : РГГУ, 1997. – 213 с.
134. Будкін В. Інноваційна модель розвитку національних економік / В. Будкін // Економіка України. – 2010. – № 6. – С. 67–78.

135. Бузгалин А. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи / А. Бузгалин // Глобализация сопротивления: борьба в мире. – М.: УРСС, 2004. – С. 14–41.
136. Булгаков С. История экономических и социальных учений / С. Булгаков. – М.: Астрель, 2007. – С. 119–224.
137. Булгаков С. Философия хозяйства / С. Булгаков // Булгаков С. Сочинения в 2-х т. Т. 1 Философия хозяйства. Трагедия философа. – М.: Наука, 1993. – С. 47–308.
138. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Дж. Бьюкенен. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с.
139. Бэтлер А. Глобализация или теория глобального капитализма (тезисы) / А. Бэтлер // Философия хозяйства. – 2010. – № 4. – С. 59–69.
140. Вайтхилл А. Японская система менеджмента / А. Вайтхилл. – М.: Интернет-трейдинг, 2006. – 250 с.
141. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 415 с.
142. Ван Хорн Дж. Основы управления финансами / Дж. Ван Хорн. – М.: Финансы и статистика, 1996. – 800 с.
143. Варнеке Х.-Ю. Революция в предпринимательской культуре / Х.-Ю. Варнеке. – М.: Наука; Интерпериодика, 1999. – 278 с.
144. Вахштайн В. Две модели образовательных систем / В. Вахштайн // ПрогнозИΣ. – 2006. – № 3. – С. 321–352.
145. Вебер М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001. – 576 с.
146. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранное. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
147. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 43–77.
148. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
149. Веннерлинд К. О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль / К. Веннерлинд // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 65–82.
150. Веселовский С. Исследование по истории класса служилых землевладельцев / С. Веселовский. – М.: Наука, 1969. – 584 с.
151. Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. – СПб.: Эконом. школа, 1999. – 534 с.
152. Вітлінський В. Моделювання економіки / В. Вітлінський. – К.: КНЕУ, 2007. – 408 с.
153. Виноградов Б. Менеджмент в китайской традиции / Б. Виноградов, В. Сизов. – М.: Экономист, 2007. – 255 с.
154. Витгенштейн Л. Фрагменты из работы «О достоверности» / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1984. – № 8. – С. 142–149.
155. Вишневский В. Инновации, институты и эволюция / В. Вишневский, В. Дементьев // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 41–62.

156. Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий. Труд и собственность в учении Русской церкви / Митрополит Киевский и Галицкий Владимир // Экономика русской цивилизации. — М. : Родник, 1995. — С. 362 — 371.
157. Волков С. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке / С. Волков. — М. : Восточная литература, 1999. — 312 с.
158. Вольчик В. Группы интересов и качество экономических институтов / В. Вольчик, И. Бережной // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — Т. 5. — 2007. — № 2. — С. 56 — 66.
159. Вон К. «Невидимая рука» / К. Вон // «Невидимая рука» рынка. — М. : ГУ ВШЭ, 2008. — С. 226 — 232.
160. Вудс Т. Как Католическая церковь создала западную цивилизацию / Т. Вудс. — М. : ИРИСЭН ; Наука, 2009. — 280 с.
161. Гаврилишин Б. До ефективних суспільств. Доповідь Римському клубові / Б. Гаврилишин. — К. : Пульсари, 2009. — 248 с.
162. Гальчинський А. Лібералізм — еволюційні трансформації / А. Гальчинський // Економіка України. — 2010. — № 6. — С. 23 — 34.
163. Гантінгтон С. Релігія і третя хвиля / С. Гантінгтон // Релігійна свобода і права людини: Богословські аспекти. — Львів : Свічадо, 2000. — С. 17 — 39.
164. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1970. — 501 с.
165. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1974. — 452 с.
166. Геєць В. Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію України / В. Геєць // Економіка України. — 2010. — № 3. — С. 4 — 20.
167. Гейзенберг В. Философия и физика. Часть и целое / В. Гейзенберг. — М. : Наука, 1989. — 400 с.
168. Географический справочник ЦРУ. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 704 с.
169. Герземанн О. Ковбойский капитализм / О. Герземанн. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 270 с.
170. Геродот. История в девяти книгах / Геродот. — Л. : Наука, 1972. — 600 с.
171. Гестеланд Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе / Р. Гестеланд. — Днепропетровск : Баланс-Клуб, 2003. — 274 с.
172. Гинс Г. Предприниматель / Г. Гинс. — М. : Посев, 1992. — 224 с.
173. Гловели Г. Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма / Г. Гловели // Вопросы экономики. — 2010. — № 10. — С. 113 — 134.
174. Головченко В. Політико-правові системи Азії / В. Головченко. — К. : КНУ, 2005. — 210 с.
175. Голубев А. Экономика как организм / А. Голубев. — Вопросы экономики. — 2011. — № 2. — С. 140 — 151.
176. Грабинський І. Сучасні економічні системи: порівняльний аналіз / І. Грабинський. — Львів : Інтереко, 1997. — 176 с.
177. Гражевська Н. Економічні системи епохи глобальних змін / Н. Гражевська. — К. : Знання, 2008. — 431 с.
178. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. / А. Грамши. — М. : Искусство, 1991. — Т. 1. — 432 с. ; Т. 2. — 336 с.

179. Грибов А. Институциональная теория денег / А. Грибов. — М. : РИОР, 2008. — 200 с.
180. Гринберг Р. Экономическая социодинамика / Р. Гринберг, А. Рубинштейн. — М. : ИСЭПРЕСС, 2000. — 278 с.
181. Гриценко А. Глава 5. Институциональный империализм и его роль в развитии экономической теории / А. Гриценко // Проблемы современной экономики и институциональная теория. — Донецк : ДонТУ, 2009. — С. 91 — 102.
182. Гриценко А. Глобальна криза як форма сучасної фінансово-економічної динаміки / А. Гриценко // Економіка України. — 2010. — № 4. — С. 37 — 46.
183. Гриценко А. Институциональные ответы на вызовы современного глобального кризиса / А. Гриценко // Научные труды ДонТУ. Сер. : Экономическая. — 2009. — Вып. 31-1. — С. 28 — 34.
184. Гриценко А. Метод «Капитала» К. Маркса и политическая экономика в широком смысле / А. Гриценко. — Х. : Вища школа, 1988. — 160 с.
185. Гриценко А. Методологічні основи модернізації України / А. Гриценко // Економіка України. — 2011. — № 1. — С. 38 — 47; № 2. — С. 4 — 12.
186. Гриценко А. Основные этапы институциональной эволюции / А. Гриценко // Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — С. 168 — 169.
187. Гриценко А. Развитие форм обмена, стоимости и денег / А. Гриценко. — К. : Основа, 2005. — 188 с.
188. Гриценко А. Совместно-разделенные отношения: труд, собственность и власть / А. Гриценко // Экономика Украины. — 2003. — № 3. — С. 50 — 58.
189. Гриценко А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа / А. Гриценко // Экономика Украины. — 1997. — № 1. — С. 4 — 10.
190. Гришин И. Шведская модель общественного развития: дихотомия рынок — политика / И. Гришин // МЭиМО. — 2005. — № 10. — С. 76 — 87; № 11. — С. 86 — 95.
191. Гришин И. Экономическая демократия: шведский казус / И. Гришин // МЭиМО. — 2006. — № 5. — С. 40 — 52.
192. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли / Л. Гумилев. — М. : ДИДИК, 1997. — 640 с.
193. Гутник В. Политика хозяйственного порядка в Германии / В. Гутник. — М. : Экономика, 2002. — 271 с.
194. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М. : Прогресс, 1969. — 480 с.
195. Гэлбрейт Дж. Экономика невинного обмана / Дж. Гэлбрейт. — М. : Европа, 2009. — 88 с.
196. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гелбрайт // Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. — М. : Эксмо, 2008. — С. 345 — 610.
197. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. — М. : Международные отношения, 1993.
198. Данилов С. Конституциональная экономика в зарубежных странах / С. Данилов. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008. — 145 с.

199. Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. — К. : Мапа, 2004. — 606 с.
200. Дементьев В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? / В. Дементьев // Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). — 2009. — Т. 7, № 1. — С. 13–30.
201. Дефорж С. Формирование социального рыночного хозяйства: институциональный аспект / С. Дефорж, И. Дмитриев, М. Ким. — Х. : ХНАДУ, 2007. — 160 с.
202. Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с богатством / Г. Джордж. — М. : Генри Джордж Фондейшен, 1992. — 384 с.
203. Дор Р. Различия Японской и англо-саксонской моделей капитализма / Р. Дор // Экономическая социология. — 2008. — Т. 9, № 1. — С. 65–78.
204. Драхокупул Я. Постпереходные варианты политического и экономического развития стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза / Я. Драхокупул // Мир России. — 2009. — № 3. — С. 39–60.
205. Дроздов Н. В поисках новой методологии: сравнительный и исторический институциональный анализ Авнера Грейфа / Н. Дроздов // Вопросы экономики. — 2011. — № 1. — С. 101–119.
206. Дружинин Н. Институциональные факторы развития послевоенной экономической системы Японии / Н. Дружинин. — СПб. : Изд-во СПб. ГУ, 2007. — 194 с.
207. Дюмон Л. Человек иерархический / Л. Дюмон. — СПб. : Евразия, 2001. — 480 с.
208. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1996. — 432 с.
209. Дятлов В. Торгаши, чужаки или посланные Богом? / В. Дятлов. — М., 2006. — 256 с.
210. Економіка України: стратегія довгострокового розвитку. — К. : Фенікс, 2003. — 1008 с.
211. Економічна енциклопедія. У 3-х т. — К.-Тернопіль : Академія. — Т. 1. — 2000. — 864 с. ; Т. 2. — 2001. — 848 с. ; Т. 3. — 2002. — 952 с.
212. Економічні системи : монографія. Ч. 1 / за ред. Г. Башнянина. — Львів : Вид-во ЛКА, 2006. — 484 с.
213. Журавлев А. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А. Журавлев, А. Купрейченко. — М. : ИП РАН, 2003.
214. Журавлев П. Мировой опыт управления персоналом / П. Журавлев, М. Кулапов, С. Сухарев. — М.-Екатеринбург : Изд-во РЭА ; Деловая книга, 1998. — 232 с.
215. Задорожный Г. Экономикс или социальная экономия. В 2-х ч. / Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Сер. : Економічна. — 2010. — Ч. 1, № 884 ; Ч. 2, № 892.
216. Западноевропейские страны: особенности социально-экономических моделей. — М. : Наука, 2002. — 272 с.
217. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви / И. Зейпель. — М. : Путь, 1913. — 334 с.

218. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт // Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. — СПб. : Владимир Даль, 2005. — С. 23–477.
219. Зомбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства / В. Зомбарт // Зомбарт В. Избранные работы. — М. : Территория будущего, 2005. — С. 139–168.
220. Зомбарт В. Евреи и экономика / В. Зомбарт // Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. — С. 105–643.
221. Зомбарт В. Почему в Соединенных Штатах нет социализма / В. Зомбарт // Зомбарт В. Избранные работы. — М. : ИД Территория будущего, 2005. — С. 211–320.
222. Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1, полут. 1 / В. Зомбарт. — М.-Л. : ГИЗ, 1931. — 512 с.
223. Зуев В. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского союза / В. Зуев. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 255 с.
224. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. — М. : МОНФ, 2000. — 137 с.
225. Ильенков Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории / Э. Ильенков. — М. : Политиздат, 1984. — 320 с.
226. Ильин В. Власть и деньги / В. Ильин. — К. : Книга, 2008. — 560 с.
227. Ильин В. Философия богатства: человек и мире денег / В. Ильин. — К. : Знания Украины, 2005. — 496 с.
228. Ільїн В. Фінансова цивілізація / В. Ільїн. — К. : Книга, 2007. — 528 с.
229. Инглхарт Р. Культура и демократия / Р. Инглхарт // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М. : МШПИ, 2000. — С. 106–128.
230. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — М. : Новое издательство, 2011. — 464 с.
231. Инновационное развитие экономики России: Институциональная среда. В 2-х т. — М. : ТЕИС; МАКС пресс, 2011. — Т. 1. — 814 с. ; Т. 2. — 808 с.
232. Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции. В 2-х т. — М. : Макс пресс, 2008. — Т. 1. — 624 с. ; Т. 2. — 488 с.
233. Инновационное развитие экономики России: Роль университетов. Т. 1. — М. : Офис 2000, 2010. — 712 с.
234. Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития / В. Иноземцев. — М. : Экономика, 2000. — 296 с.
235. Иноземцев В. Собственность в постиндустриальном обществе и в исторической перспективе / В. Иноземцев // Иноземцев В. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. — М. : Экономика, 2003. — С. 274–296.
236. Институты закрытых демократий. — М. : ИЭПП, 2007. — 166 с.
237. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. А. Гриценко. — Х. : Форт, 2008. — 928 с.
238. Институциональные предпосылки современного экономического роста. — М. : ИЭПП, 2007. — 133 с.

239. Иншаков О. Эволюционная перспектива экономического институционализма / О. Иншаков, Д. Фролов // Вопросы экономики. — 2010. — № 9. — С. 63–77.
240. Ирландия: кельтский тигр или инновационный оффшор? Анализ опыта реформ для старопромышленных регионов Украины. — Донецк : МСПСБ-Пресс, 2010. — 120 с.
241. Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты. — М. : УММА, 2004. — 284 с.
242. Испания. Анфас и профиль / под. ред. В. Верникова. — М. : Весь мир, 2007. — 480 с.
243. Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века / под. ред. В. Давыдова. — М. : ИЛА РАН, 2006. — 504 с.
244. История России: народ и власть. — СПб. : Лань, 1997. — 448 с.
245. Каган М. Философская теория ценности / М. Каган. — СПб. : Петрополис, 1997. — 205 с.
246. Канцуров О. Институціоналізм як теоретико-методологічні засади сучасних реформ / О. Канцуров // Економіка України. — 2011. — № 5. — С. 15–22.
247. Капитализм на Востоке во второй половине XX века. — М. : ИВ РАН, 1995. — 603 с.
248. Карлусов В. Частное предпринимательство в Китае / В. Карлусов. — М. : Восточная литература, 1996. — 384 с.
249. Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния / М. Кастелс, П. Хипанен. — М. : Логос, 2002. — 224 с.
250. Кастельс М. Информационная эпоха / М. Кастельс. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
251. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастелс // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М. : Academia, 1999. — С. 492–505.
252. Келсо Л. Демократия и экономическая власть / Л. Келсо, П. Келсо. — Ростов н/Д. : Феникс, 2000. — 320 с.
253. Кенэ Ф. Зерно / Ф. Кене // Кене Ф., Тюрго А., Дюпон де Немур П. Физиократы. Избранные экономические произведения. — М. : Эксмо, 2008. — С. 122–182.
254. Киндж Дж. Китай, который потряс мир / Дж. Киндж. — М. : АСТ, 2008. — 351 с.
255. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России / С. Кирдина. — Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001. — 308 с.
256. Кирдина С. X и Y-экономии: Институциональный анализ / С. Кирдина. — М. : Наука, 2004. — 256 с.
257. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / И. Кирцнер. — М. : ЮНИТИ, 2001. — 239 с.
258. Кирцнер И. Экономическая гармония / И. Кирцнер // «Невидимая рука» рынка. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. — С. 127–132.
259. Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология / О. Кирчик // Вопросы экономики. — 2010. — № 7. — С. 4–11.

260. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. — М. : Московский Центр Карнеги, 2005. — 648 с.
261. Кіндзерський Ю. Економічний розвиток і трансформація промислової політики у світі: уроки для України / Ю. Кіндзерський // Економіка України. — 2010. — № 6. — С. 14–12; № 5. — С. 4–15.
262. Кларк Б. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / Б. Кларк. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2011. — 360 с.
263. Клишнова Е. Теория экономической рациональности / Е. Клишнова. — Донецк : ДонНУ, 2008. — 248 с.
264. Ключевский В. История сословий в России / В. Ключевский. — Петроград : ЛИО КНП, 1918. — 276 с.
265. Ковалевский М. Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в. / М. Ковалевский // Юрид. Вестн. — 1885. — Т. XVIII. — Кн. 1. — С. 36–69.
266. Ковалевский М. Труд как источник права собственности на землю в Малороссии и на Украине / М. Ковалевский // Юрид. вест. — 1892. — № 1–2. — С. 26–34.
267. Козловски П. Принципы этической экономики / П. Козловски. — СПб. : Эконом. школа, 1999. — 344 с.
268. Колганов А. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем / А. Колганов, А. Бузгалин. — М. : ИНФРА — М., 2005. — 745 с.
269. Колодко Гж. Від ідеї неолібералізму до нового прагматизму / Гж. Колодко // Економіка України. — 2010. — № 9. — С. 4–11
270. Кондратьева Т. Кормить и править / Т. Кондратьева. — М. : РОССПЭН, 2006. — 208 с.
271. Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий / Т. Коно. — М. : Прогресс, 1987. — 384 с.
272. Корнаи Я. Дефицит / Я. Корнаи. — М. : Наука, 1990. — 608 с.
273. Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма / Я. Корнаи. — М. : Вопросы экономики, 2000. — 672 с.
274. Корпоративное управление в переходных экономиках. Инсайдерский контроль и роль банков / под ред. М. Аоки и Х. Кима. — СПб. : Лениздат, 1997. — 558 с.
275. Корпоративное управление и саморегулирование в системе институциональных изменений / [Энтон Р., Радыгин А., Межероупс И., Швецов П.]. — М. : ИЭПП, 2006. — 460 с.
276. Костомаров М. Дві руські нації / М. Костомаров. — К.-Ляйпціг, б.р. — 111 с.
277. Костомаров Н. Две русские народности / Н. Костомаров // Н. Костомаров Исторические монографии и исследования. Кн. 1, Т. 1. — СПб. : Литературный фонд, 1903. — С. 31–65.
278. Котликофф Л. Пенсионная система перед бурей. То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны / Л. Котликофф, С. Бернс. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 348 с.
279. Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М. : Новое издательство, 2007. — 224 с.
280. Кочетков Г. Корпорация: американская модель / Г. Кочетков, В. Сурьян. — СПб. : Питер, 2005. — 320 с.

281. Кравцевич А. Общественное предпринимательство в Японии / А. Кравцевич. — М. : Наука, 1988. — 302 с.
282. Куан Ю. Ли. Сингапурская история. Из «третьего мира» — в первый. / Ли Куан Ю. — М. : МГИМО, 2005. — 656 с.
283. Кудров В. Мировая экономика: социально-экономические модели развития / В. Кудров. — М. : Магістр, 2009. — 399 с.
284. Кузанский Н. О возможности — бытии / Н. Кузанский // Кузанский Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. — М. : Мысль, 1980. — С. 140 — 141.
285. Кузьмин В. Категория меры в марксистской диалектике / В. Кузьмин. — М. : Наука, 1966. — 222 с.
286. Кузьмин В. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. Кузьмин. — М. : Политиздат, 1986. — 399 с.
287. Кузьмін О. Кластери як чинник інноваційного розвитку підприємств і територіальних утворень / О. Кузьмін, В. Жежеха // Економіка України. — 2010. — № 2. — С. 14 — 23.
288. Кузьминов Я. За пределами рынка: институты управления трансакциями в сложном мире / Я. Кузьминов, М. Юдкевич // Вопросы экономики. — 2010. — № 1. — С. 82 — 98.
289. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2007. — 1392 с.
290. Кульчицький Б. Сучасні економічні системи / Б. Кульчицький. — Львів : Афіша, 2004. — 280 с.
291. Кульчицький Б. Економічні системи суспільства: теорія, методологія, типологізація / Б. Кульчицький. — Львів : ЛНУ, 2003. — 352 с.
292. Кэлф Д. Бизнес не по-американски. Новая европейская бизнес-модель / Д. Кэлф. — М. : Вершина, 2007. — 288 с.
293. Ла Порта Р. Корпоративная собственность в различных странах мира / Р. Ла Порта, Ф. Лопес-де-Силанес, А. Шлейфер // Российский журнал менеджмента. — Т. 3, № 3. — 2005. — С. 97 — 148.
294. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные политические результаты / Д. Лал. — М. : ИРИСЭН, 2007. — 338 с.
295. Лаперуз Ст. Духовный призыв «Американской мечты» // Ст. Лаперуз / Американский характер. — М. : Наука, 1995. — 319 с.
296. Лапицкий М. Труд и бизнес в зеркале религий / М. Лапицкий. — М. : Новый век, 1998. — 144 с.
297. Латов Ю. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю. Латов, Н. Латова // Мир России. — 2007. — № 4. — С. 43 — 72.
298. Латов Ю. Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России / Ю. Латов, Н. Латова, С. Николаева. — М. : Директмедиа Паблишерс, 2005. — 140 с.
299. Латов Ю. Теневая экономика / Ю. Латов, С. Ковалев. — М. : НОРМА, 2006. — 336 с.
300. Лахман Р. Капиталисты по неволе. Конфлики элит и капиталистические преобразования в Европе раннего нового времени / Р. Лахман. — М. : Территория будущего, 2010. — 456 с.

301. Лебедева И. Япония: промышленность и предпринимательство / И. Лебедева. — М. : Восточная литература, 2007. — 223 с.
302. Лебедева Н. Ценности культуры и развитие общества / Н. Лебедева, А. Татарко. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.
303. Левинсон К. Бюрократия немецкого города XVI — XVII вв. : опыт исторической антропологии бюрократии / К. Левинсон. — М. : ИВИ РАН, 2000. — 288 с.
304. Леонард М. О чем думают в Китае / М. Леонард. — М. : АСТ, 2008. — 222 с.
305. Леоненко П. Сучасні економічні системи / П. Леоненко, О. Черепніна. — К. : Знання, 2006. — 429 с.
306. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Ч. Линдблом. — М. : ИКСИ, 2005. — 448 с.
307. Липов В. Визначення моделі інноваційного розвитку України: чинник інституціональної комплементарності / Липов В. // Вісник Хмельницького національного університету. — Хмельницький : РВЦ ХНУ, 2009. — № 5, Т. 1. — С. 81 — 86.
308. Липов В. Глава 17. Невидимая рука чего ... или Кого? Методология А. Смита и христианские основы хозяйствования / В. Липов // Методология экономической науки и методика преподавания экономической теории : материалы Ломоносовских чтений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова за 2005—2006 гг. Часть 1 : монография. — М. : Грант Виктория ТК, 2006. — С. 154 — 170.
309. Липов В. Глава 18. Институциональная комплементарность: деньги как институт и качественная категория хозяйствования / В. Липов // Проблемы современной экономики и институциональная теория : коллективная монография. — Донецк, 2009. — С. 262 — 281.
310. Липов В. Глава 21. Теория инновационного развития: традиция как основа успеха / В. Липов // Экономические проблемы инновационного развития : коллективная монография. — М. : ТЕИС, 2009. — С. 206 — 214.
311. Липов В. Деньги как хозяйственный институт: качество versus количество / В. Липов // Экономическая теория в XXI веке — 6 (13): Деньги. — М. : Теис, 2007. — С. 306 — 312.
312. Липов В. Изменение институциональных систем трансформационных экономик в условиях глобализации: точки бифуркации / В. Липов // Наукові праці ДонНТУ. Сер. : Економічна. — Вып. 31-1. — 2007. — С. 60 — 66; то же, режим доступа к журн. : <http://www.donntu.edu.ua>.
313. Липов В. Измерение и оценка институциональной комплементарности: проблемы и инструменты / В. Липов // Научные труды ДонНТУ. — Сер. Экономическая. — 2009. — Вып. 37-1 (138). — С. 62 — 70; то же режим доступа к журн. : <http://www.donntu.edu.ua>.
314. Липов В. Имперскость в эпоху сетевых структур: в поисках модели монолитной дифференциации / В. Липов // Имперские предчувствия России. — М. — Волгоград : МГУ; Волгоградское научное издательство, 2005. — С. 355 — 363.
315. Липов В. Институциональная комплементарность и морфология социально-экономических систем / В. Липов // Бизнес информ. — 2010. — № 2. — С. 119 — 125.

316. Липов В. Институциональная комплементарность как фактор инновационного развития экономики: компаративный подход / В. Липов // Инновационное развитие экономики России: институциональная среда. Т. 2. – М.: МАКС пресс, 2011. – С. 75–84.
317. Липов В. Институциональная комплементарность как фактор социальной инновационности экономических систем / В. Липов // Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе // Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2009. – С. 132–140.
318. Липов В. Институциональная комплементарность: место и роль государства в социально-экономической системе. Тайна украинского парадокса / В. Липов // Социальная экономика. – 2010. – № 2. – С. 163–169.
319. Липов В. Институциональная составляющая социально-экономических моделей / В. Липов. – Научные труды ДонНТУ. Сер.: Экономическая. – Вып. 89-1. – Донецк: ДонНТУ, 2005. – С. 112–118, то же, режим доступа к журн.: <http://www.donntu.edu.ua>.
320. Липов В. Інституціональна комплементарність: від моделі ринкової економіки до концепції множинності варіантів капіталізму / В. Липов. // Економічна теорія. – 2010. – № 2. – С. 47–60.
321. Липов В. Інституціональна комплементарність множинності паралельних грошей і перспективи розвитку фінансової цивілізації / В. Липов // Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей: матеріали IV Міжнародних філософсько-економічних читань 18–20 травня 2011 р. – Львів: ЛІБС УБС НБУ, 2011. – С. 396–406.
322. Липов В. Інтеграція України у ЄС: гендерний аспект / В. Липов // Вісник Хмельницького національного університету. – Економічні науки. – 2005. – № 2. – Т. 1. – С. 81–84.
323. Липов В. Комплементарна обумовленість специфіки соціально-трудових відносин соціально-економічних систем / В. Липов // Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип. Соціально-трудові відносини: теорія і практика. – Т. 2. – С. 102–112.
324. Липов В. Корекція національних господарчих цінностей як фактор зростання конкурентоспроможності економіки в умовах глобалізації / В. Липов // Збірник наукових праць. Спецвипуск / відп. ред. В. Новицький. – К.: Ін-т світової економіки та міжнародних відносин НАН України, 2007. – С. 153–164.
325. Липов В. Коррекция национальной хозяйственной культуры как результат, критерий эффективности, цель и инструмент макроэкономической политики / В. Липов // Бизнесинформ. – 2007. – № 10 (1). – С. 31–36.
326. Липов В. Методологические основы исследования комплементарного взаимодействия рынка и государства / В. Липов // Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики. – Ярославль: НП ИЦ Издательский сервисный центр Ярославль, 2011. – С.99–107; то же, Теоретическая экономика. – 2011. – № 4. – С. 75–80, режим доступа к журн.: <http://www.theoreticaleconomy.info>.
327. Липов В. Міжнародна економіка: світова економіка та міжнародні економічні відносини. Модуль 1. Світова система господарювання / В. Липов. – К.: Професіонал, 2008. – 368 с.

328. Липов В. Мотивація інституціональних змін у трансформаційній економіці / В. Липов. — Х. : Вид-во НФаУ, 2004. — 184 с.

329. Липов В. Мужественность/женственность национальной культуры как фактор формирования социально-экономических моделей стран мира / В. Липов // Управління розвитком. — 2005. — № 2. — С. 79–84 // Управління розвитком. — 2005. — № 2. — С. 79–84.

330. Липов В. Национальная культура хозяйствования и дуализм комплементарности экономических систем: фактор физиологии мышления / В. Липов // Бюлетень міжнародного нобелівського економічного форуму. — 2010. — № 1 (3), Т. 2. — С. 175–183; то же режим доступа к журн. : <http://www.duer.edu/res/files/1303/St.69.pdf>.

331. Липов В. Національні особливості домогосподарств як чинник формування корпоративного сектору соціально-економічних систем / В. Липов // Вісник Хмельницького національного університету. — Хмельницький : РВЦ ХНУ, 2008. — Т. 1, № 6. — С. 111–116.

332. Липов В. Незавершенные модернизации России и цивилизационные особенности становления институциональных основ социально-экономических моделей стран мира / В. Липов // Экономический вестник Ростовского ГУ. — Т. 5. — 2007. — № 2. — С. 167–179, то же режим доступа к журн. : <http://www.ecsocman.edu.ru/>.

333. Липов В. Непреднамеренные последствия, гармония, комплементарность и экономические системы: «визуализация» «невидимой руки» / В. Липов // Економіка розвитку. — 2010. — № 1. — С. 80–83.

334. Липов В. От архаики к постэкономике. Эволюция форм хозяйствования и развитие экономической теории / В. Липов. — Х. : ИНЖЭК, 2008. — 290 с.

335. Липов В. Оцінка інституціональної комплементарності: що ми вимірюємо / В. Липов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Економічна серія. — 2010. — № 892. — С. 81–88.

336. Липов В. Підрозділ 1.5. Гроші як соціальний інститут фінансової цивілізації / В. Липов // Філософія грошей в епоху фінансової цивілізації : монографія. — К. : УБС НБУ, 2010. — С. 65–77.

337. Липов В. Підрозділ 6.5. Довіра до грошової системи як соціальний капітал / В. Липов // Філософія грошей в епоху фінансової цивілізації : монографія. — К. : УБС НБУ, 2010. — С. 419–429.

338. Липов В. Православная Симфония А. С. Панарина и комплементарность социально-экономических систем: истоки концепции / В. Липов // Социальная экономика. — 2011. — № 1. — С. 166–174.

339. Липов В. Принцип доповнюваності О. Богданова і методологічні основи дослідження інституційної комплементарності посттрансформаційних економік / В. Липов // Європейський вектор економічного розвитку. — 2010. — № 2 (9). — С. 89–94.

340. Липов В. Проблеми запозичення систем мотивації персоналу у трансформаційних економіках: крос-культурні засади дослідження / В. Липов // Україна: аспекти праці. — 2008. — № 2. — С. 42–51.

341. Липов В. Раздел II. Глава 2. Институциональная обусловленность экономических циклов: проблема комплементарности институтов. — М. : Кафедра политической экономии экономического факультета МГУ, 2010 —

С. 54–61 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к моногр. : <http://www.econ.msu.ru/ds/1680>.

342. Липов В. Религиозные ценности как фактор формирования социально-экономических моделей / В. Липов // Экономический вестник Ростовского ГУ. – Т. 3. – 2005. – № 3. – С. 57–73., то же режим доступа к журн. : <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211432/print.html>.

343. Липов В. Реформирование хозяйственной жизни и проблемы развития экономической теории / В. Липов // Экономическая теория на пороге XXI века. Вып. 4 : Финансовая экономика. – М. : Юристъ, 2001. – С. 612–621.

344. Липов В. Свобода, равенство, справедливость в экономических отношениях или институт денег: между сакральным и профанным / В. Липов // Человек и христианское мировоззрение. Вып. 13. Свобода, равенство, справедливость: их сущность и основания. – Симферополь, 2008. – С. 107–111.

345. Липов В. Системна комплементарність соціально-економічних систем як передумова трансформації прав власності на пострадянському просторі / В. Липов // Формування ринкової економіки : зб. наук. праць. Спец. вип. Проблеми сучасної економіки та інституціональна теорія. – К. : КНЕУ, 2010. – С. 195–204.

346. Липов В. Социально-экономические системы и их трансформация: фактор институциональной комплементарности / В. Липов // Вісник інституту економіки та прогнозування НАН України. – 2009. – С. 29–33.

347. Липов В. Традиция как основа успеха инновационного развития или культурные предпосылки китайской альтернативы / В. Липов // Экономическая теория в XXI веке – 7 (14) : Инновационная экономика. – М.-Краснодар, 2008. – С. 365–374.

348. Липов В. Успешная интеграция в глобальную конкурентную среду. Опыт Финляндии / В. Липов // Міжнародні інтеграційні процеси і конкурентоспроможність економіки України. – Х. : ХНУ, 2008. – С. 135–137.

349. Липов В. Формирование правового поля хозяйствования в постсоветских экономиках: кросскультурный аспект / В. Липов // Научные труды ДонНТУ. Сер. : Экономическая. – 2008. – Вып. 33-1 (128). – С. 10–17; то же, режим доступа к журн. : <http://www.donntu.edu.ua>.

350. Лісничий В. Політичні та адміністративні системи зарубіжних країн / В. Лісничий. – К. : Професіонал, 2004. – 336 с.

351. Лиу С. Китай на пути к открытой и рыночной инновационной системе / С. Лиу, Н. Лундин // Форсайт. – 2007. – № 4. – С. 20–31.

352. Лосев А. Мера / А. Лосев // Философская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – С. 389–394.

353. Лукьянов Д. Религиозно-правовая семья: понятие, характерные черты и структура / Д. Лукьянов. – Х. : Штрих, 2003. – 48 с.

354. Лучицкий И. Займанщина и формы заимочного землевладения в Малороссии / И. Лучицкий // Юрид. вестн. – 1890. – Т. IV. – Кн. 3. – С. 391–424.

355. Лучицкий И. Сборник материалов для истории общины и общинного землевладения в Левобережной Украине / И. Лучицкий. – К., 1884. – 315 с.

356. Лучицкий И. Сябры и сябринское землевладение / И. Лучицкий // Северн. вестн. — 1886. — № 1. — С. 69—88.
357. Лучицкий И. Общинное землевладение в Малороссии / И. Лучицкий // Устой. — 1882. — № 7. — С. 37—49;
358. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм / Б. Льюис. — М.: Олимп-Бизнес, 2003. — 224 с.
359. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе / Р. Льюис. — М.: Дело, 1999. — 440 с.
360. Льюис Э. Без оглядки на богов. Взлет современной Индии / Э. Льюис. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 395 с.
361. Мак-Клейн Д. Япония. От сегуна до Токугавы / Д. Мак-Клейн. — М.: Астрель, 2007. — 896 с.
362. Макаров А. Исчисление институтов / А. Макаров // Экономика и математические методы. — 2003. — Т. 39. — № 2. — С. 14—32.
363. Макдональд Р. Новые разработки в денежной теории / Р. Макдональд, Р. Милбурн // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарт. — СПб.: Эконом. школа, 2002. — С. 351—382.
364. Макконнелл К. Экономикс / К. Макконнелл, С. Брю. — М.: Республика, 1992. — Т. 1. — 399 с.; Т. 2. — 400 с.
365. Макмиллан Ч. Японская промышленная система / Ч. Макмиллан. — М.: Прогресс, 1988. — 400 с.
366. Малявин В. Китай управляемый. Старый добный менеджмент / В. Малявин. — М.: Европа, 2008. — 304 с.
367. Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии / Э. Мандел. — М.: Экономическая демократия, 1992. — 277 с.
368. Манту П. Промышленная революция XVIII в Англии / П. Манту. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 440 с.
369. Маркс К. Капитал Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — М.: Госполитиздат, 1960. — 908 с.
370. Маршалл А. Основы экономической науки / А. Маршалл. — М.: Эксмо, 2007. — 832 с.
371. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-т. / А. Маршалл. — М.: Прогресс, 1993. — Т. 1. — 415 с.; Т. 2. — 480 с.; Т. 3. — 351 с.
372. Маслоу А. Психология бытия / А. Маслоу. — М.: Релф-бук; Ваклер, 1997. — 304 с.
373. Матук Ж. Финансовые системы Франции и других стран. Т. 1. Банки. В 2-х кн. / Ж. Матук. — М.: Финстатинформ, 1994. — Кн. 1. — 326 с.; Кн. 2. — 365 с.
374. Мау В. Политическая экономия революции: историко-экономический опыт / В. Мау // Истоки. — Выпуск 4. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. — С. 272—342.
375. Мелман С. Прибыли без производства / С. Мелман. — М.: Прогресс, 1987. — 520 с.
376. Менгер К. Основания политической экономии / К. Менгер // Менгер К. Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2005. — 496 с.
377. Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века / Л. Мендельсон. — М.: ОГИЗ, 1949. — 838 с.
378. Мизес Л. Социализм / Л. Мизес. — М.: Catallaxy, 1994. — 416 с.

379. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. — Челябинск: Социум, 2005. — 876 с.
380. Мировые экономические кризисы 1848 — 1936. Т. 1 / под общ. ред. Е. Варга. — М. : ОГИЗ, 1937. — 808 с.
381. Митчелль У. Экономические циклы. Проблема и её постановка / У. Митчелль. — М. — Л. : ГИЗ, 1930. — 504 с.
382. Мотыль А. Путь империй / А. Мотыль. — М. : МШПИ, 2004. — 248 с.
383. Муртаг Н. Гайдзин на службе в Mitsubishi / Н. Муртаг. — М. : Добрая книга, 2008. — 384 с.
384. Мы и они. Россия в сравнительной перспективе / под ред. В. Мау, А. Мордашова, Е. Турунцева. — М. : ИЭПП, 2005. — 240 с.
385. Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира / Г. Мюрдаль. — М. : Прогресс, 1972. — 768 с.
386. Мясоедов С. Основы кросскультурного менеджмента / С. Мясоедов. — М. : Дело, 2003. — 256 с.
387. Налимов В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В. Налимов. — Томск-М. : Наука, 1979. — 304 с.
388. Национальная экономика / под общ. ред. Р. Нуреева. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 655 с.
389. Национальная экономика в условиях глобализации / под ред. И. Фаминского. — М. : Магистр, 2007. — 429 с.
390. Нейхауз Р. Бизнес и евангелие. Вызов христианину — капиталисту / Р. Нейхауз. — М. : Вера и мысль, 1994. — 330 с.
391. Новак М. Дух демократического капитализма / М. Новак. — Мн. : Лучи Софии, 1997. — 544 с.
392. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М. : Начала, 1997. — 180 с.
393. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для письменной интерпретации истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 480 с.
394. Нуреев Р. Теория общественного выбора / Р. Нуреев. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2005. — 531 с.
395. Нуреев Р. Экономика развития: модели становления рыночной экономики / Р. Нуреев. — М. : Норма, 2008. — 654 с.
396. Нуруллина Г. Исламская этика бизнеса / Г. Нуруллина. — М. : УММА, 2004. — 112 с.
397. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии / Ф. О'Хара // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 47 — 50.
398. Оболонский А. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 448 с.
399. Ограничения для прямых иностранных инвестиций (OECD) [Электронный ресурс]. — Режим доступа к материалам : www.oecd.org/dataoecd/62/35/37466426.pdf.
400. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. — М. : Прогресс, 1995. — 496 с.

401. Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. — М. : Экономика, 1996. — 351 с.
402. Олсон М. Влада і процвітання. — К. : ВД Києво-Могилянська академія, 2007. — 174 с.
403. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. — М. : Фонд Экономической инициативы, 1995. — 174 с.
404. Опыт Японии в решении социально-экономических проблем. — М. : Центр по изучению современной Японии, 1995. — 327 с.
405. От аграрного общества государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. — М. : РОССПЭН, 1998. — 432 с.
406. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и особенная части / К. Осакве. — М. : Дело, 2002. — 364 с.
407. Осборн Д. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Патрик. — М. : Прогресс, 2001. — 536 с.
408. Осипов Ю. Деньги // Ю. Осипов // Экономическая теория в XXI веке — 6 (13) Деньги. — М. : ТЕИС, 2007. — С. 7—15.
409. Осипов Ю. Мировой кризис и мир (непрощенные мысли) / Ю. Осипов // Философия хозяйства. — 2010. — № 1. — С. 11—20.
410. Осипов Ю. Теория хозяйства. В 3-х т. / Ю. Осипов. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — Т. 1. — 468 с.; Т. 2. — 792 с.; Т. 3. — 608 с.
411. Осипов Ю. Философия хозяйства / Ю. Осипов. — М. : Юристъ, 2001. — 624 с.;
412. Осипов Ю. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики / Ю. Осипов // Экономическая теория на пороге XXI века. 4. Финансовая экономика. — М. : Юристъ, 2001. — С. 5—18.
413. Островская Е. Трансформация социально-экономической модели Франции / Е. Островская // МЭМО. — 2007. — № 4. — С. 40—49.
414. Отмахов П. Концепция метода М. Фридмана / П. Отмахов // Вестн. МГУ. — Сер. 6. : Экономика. — 1992. — № 4. — С. 12—21.
415. Оу И. Японский менеджмент: прошлое, настоящее и будущее / И. Оу. — М. : Эксмо, 2007. — 160 с.
416. Павлов В. Социально-экономическая структура промышленности Индии / В. Павлов. — М. : Наука, 1973. — 392 с.
417. Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди / Н. Павлов-Сильванский. — М. : Крафт+, 2001. — 288 с.
418. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. — М. : Независимая газета, 1993. — 422 с.
419. Паращевин М. Религия и религиозность в Украине / М. Паращевин. — К. : ИП ; ИС НАНУ, 2009. — 68 с.
420. Парсонс Т. Социальная система / Т. Парсонс // Т. Парсонс О социальных системах. — М. : Академический проект, 2002. — С. 73—520.
421. Паули В. Физические очерки / В. Паули. — М., 1975. — 256 с.
422. Пахомов Ю. Національні економіки в глобальному конкурентному середовищі / Ю. Пахомов, Д. Лук'яненко, Б. Губський. — К. : Україна, 1997. — 240 с.
423. Пахомова Л. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия / Л. Пахомова. — М. : ИВ РАН, 2007. — 256 с.

424. Певзнер Я. Введение в экономическую теорию социал-демократизма / Я. Певзнер. — М. : УРСС, 2001. — 208 с.
425. Песонен П. Динамичная Финляндия / П. Песонен, О. Риихинен. — СПб. : Европейский Дом, 2007. — 388 с.
426. Петрушина Т. Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен / Т. Петрушина. — К. : ИС НАНУ, 2008. — 544 с.;
427. Плотин. Космогония / Плотин. — М. : RELF book/Ваклер, 1995. — 304 с.
428. Погребинський О. Столипінська реформа на Україні / О. Погребинський. — Одеса : Пролетар, 1931. — 128 с.
429. Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х т. / Р. Познер. — СПб. : Эконом. школа, 2004. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 464 с.
430. Покидченко М. Осип Матвеевич Ланг — харьковский Кенэ / М. Покидченко // Экономическая теория. — 2010. — № 2. — С. 98—109.
431. Поланьи К. Великая трансформация: политические и духовные истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб. : Алетейа, 2002. — 320 с.
432. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее и будущее. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. — С. 55—91.
433. Полтерович В. Элементы теории реформ / В. Полтерович. — М. : Экономика, 2007. — 447 с.
434. Попович М. Чи має українська модель суспільства бути ліберальною / М. Попович // Економіка України. — 2010. — № 8. — С. 4—10.
435. Портер М. Международная конкуренция / М. Портер. — М. : Прогресс, 1993. — 896 с.
436. Портер М. Японская экономическая модель. Может ли Япония конкурировать? / М. Портер, Т. Хиротака, М. Сакакибара. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 262 с.
437. Портной А. Деньги: их виды и функции / А. Портной. — М., 1998.
438. Портрет солидаризма. Идеи и люди. — М. : Посев, 2007. — 320 с.
439. Потапов М. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. — М. : Международные отношения, 2004. — 240 с.
440. Природа фирмы. — М. : Дело, 2001. — 360 с.
441. Прохоренко И. Авторитетный гранд Старого Света перед вызовами нового тысячелетия / И. Прохоренко // МЭиМО. — 2007. — № 3. — С. 106—114.
442. Прутська О. Інституціоналізм і проблеми економічної поведінки в перехідній економіці / О. Прутська. — К. : Логос, 2003. — 256 с.
443. Пустовойт Р. Чинники вдосконалення вітчизняної монетарної політики в умовах внутрішніх та зовнішніх загроз // Економіка України. — 2010. — № 8. — С. 63—76.
444. Пустовойт А. Рынок: экономическая сущность, типовое и видовое разнообразие / А. Пустовойт // Экономическая теория. — 2008. — № 4.
445. Радаев В. Современные социально-экономические концепции рынка / В. Радаев // Анализ рынков в современной экономической социологии ; [под ред. В. Радаева]. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. — С. 4—60.

446. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. Райнерт. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2011. — С. 131 — 196.
447. Решетило В. Экономическая синергетика институциональных изменений / В. Решетило. — Х. : ООО ПРОМЕТЕЙ-ПРЕС, 2006. — 288 с.
448. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. / П. Розанваллон. — М. : НЛО, 2007. — 256 с.
449. Ротбард М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества / М. Ротбард. — Челябинск, 2003. — 166 с.
450. Ротенберг В. Межполушарная асимметрия головного мозга и проблемы интеграции культур / В. Ротенберг, В. Аршавский // Вопросы философии. — 1984. — № 4. — С. 78 — 86.
451. Роузфілд С. Порівнюємо економічні системи: Культура, багатство та влада в ХХІ столітті / С. Роузфілд. — М. : КІС, 2005. — 370 с.
452. Рыбаков Б. Язычество древних славян / Б. Рыбаков. — М. : София ; Гелиос, 1992. — 592 с.
453. Рыночная демократия в действии: Современное политико-экономическое устройство развитых стран / под ред. В. А. Мау, А. А. Мордашова, Е. В. Турунцева. — М. : Изд-во ИЭПП, 2005. — 368 с.
454. Савицкий П. Континент Евразия / П. Савицкий. — М. : Аграф, 1997. — 464 с.
455. Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Этюд истории хозяйственного быта Рима / Г. Сальвиоли. — Х. — Екатеринбург : Всеукраинское государственное издательство, 1922. — 188 с.
456. Самуэльсон П. Экономика / П. Самуэльсон. — М. : Алгол, 1992. — Т. 1. — 334 с. ; Т. 2. — 416 с.
457. Свечкарева В. Принцип комплементарности в дихотомическом анализе взаимодействия цивилизаций Запада и Востока / В. Свечкарева // Вестник ВолГУ, Сер. 7. — 2008. — № 1 (7). — С. 177 — 180.
458. Северная Европа. Регион нового развития. — М. : Весь мир, 2008. — 512 с.
459. Селигмен А. Проблема доверия / А. Селигмен. — М. : Идея-Пресс, 2002.
460. Серл Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. — 2007. — № 8.
461. Симоненко В. Адміністративне регулювання — найважливіший фактор реформ / В. Симоненко // Экономика України. — 2010. — № 10. — С. 4 — 14.
462. Сисмонди де Ж. Новые начала политической экономии. Т. 1 / Ж. де Сисмонди. — М. : Соцэкгиз, 1937. — 386 с.
463. Скоробогатов А. Жизнь и свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе / А. Скоробогатов // Журнал институциональных исследований. — Т. 1. — 2009. — № 1. — С. 57 — 72.
464. Словарь иностранных слов. — М. : Русский язык, 1987. — 608 с.
465. Словарь современной экономической теории Макмиллана. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 608 с.
466. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Эксмо, 2007. — 958 с.

467. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. — М. : Республика, 1997. — 351 с.
468. Современный словарь экономической теории Макмиллана. — М. : Инфра-М, 1997. — 608 с.
469. Соколенко С. Кластеры в глобальній економіці / С. Соколенко. — К. : Логос, 2004. — 848 с.
470. Сорокин П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. — СПб. : ИРХГИ, 2000. — 1056 с.
471. Сорокин П. Социология революции / П. Сорокин. — М. : Территория будущего ; РОССПЭН, 2005. — 704 с.
472. Сото де У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. У. де Сото. — Челябинск : Социум, 2006. — 663 с.
473. Сото де У. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция / У. де Сото. — М.-Челябинск : ИРИСЭН ; Социум, 2008. — 488 с.
474. Сото де Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. — М. : Олимп-Бизнес, 2001. — 272 с.
475. Сото де Э. Иной путь. Экономический ответ терроризму / Э. де Сото. — Челябинск : Социум, 2007. — 302 с.
476. Социальная политика Швеции. — М. : Социальная защита, 1999. — 192 с.
477. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. — М. : ГУ ВШЭ, 2007. — 488 с.
478. Социальное рыночное хозяйство: теория и этика экономического порядка в России и Германии. — СПб. : Эконом. школа, 1999. — 368 с.
479. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. В 2-х кн. — М. : Экономика. — Кн. 1. — 2003. — 757 с. ; Кн. 2. — 2005. — 911 с.
480. Социальный облик Востока. — М. : ИВ РАН, 1999. — 406 с.
481. Социологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1 / под ред. В. Иванова. — М. : Мысль, 2003. — 694 с.
482. Стариков Е. Общество-казарма от фараонов до наших дней / Е. Стариков. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — 420 с.
483. Старостин Б. Политические реалии Востока и сравнительный анализ политических систем / Б. Старостин, П. Старостин // Политические системы и политические культуры Востока. — М. : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — С. 39–93.
484. Степаненко С. Інституціональний аналіз економічних систем / С. Степаненко. — К. : КНЕУ, 2008. — 312 с.
485. Струмилин С. Черты древнерусского права / С. Струмилин // Струмилин С. Воспоминания и публицистика. — М. : Наука, 1968. — С. 377–428.
486. Стратегічні виклики ХХІ столія суспільству та економіці України. У 3-х т. — К. : Фенікс, 2007. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 564 с. ; Т. 3. — 556 с.
487. Суименко Е. «Номо економікус» современной Украины. Поведенческий аспект. — К. : ИС НАНУ, 2004. — 244 с.
488. Тамбовцев В. Экономическая теория институциональных изменений / В. Тамбовцев. — М. : ТЕИС, 2005. — 542 с.

489. Тарасевич В. Ідеологічні доктрини: цивілізаційні аспекти і національний колорит / В. Тарасевич. — Економіка України. — 2011. — № 2. — С. 13 — 27; № 3. — С. 4 — 14.
490. Тарасевич В. Экуника: гипотезы и опыты / В. Н. Тарасевич. — М. : ТЕИС, 2008. — 567 с.
491. Тарасенко В. Методологічні підходи до визначення ефективності інститутів // Научные труды ДонНТУ. / В. Тарасенко. — Сер.: Экономическая. — Вып. 37-2. — Донецк : ДонНТУ, 2009. — С. 37 — 43.
492. Татеиси К. Вечный дух предпринимательства / К. Татеиси. — К. : Укрзаконодавсервис, 1992. — 200 с.
493. Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. — М. : Экономика, 2002. — 482 с.
494. Тихомиров М. Пособие для изучения Русской Правды / М. Тихомиров. — М. : Изд-во МГУ, 1953. — 192 с.
495. Тили Ч. Принуждение, капитал и европейские государство. 990 — 1992 гг. / Ч. Тили. — М. : Территория будущего, 2009. — 360 с.
496. Топографічний опис Харківського намісництва 1785 року // Описи Харківського намісництва кінця XVIII. — К. : Наук. думка, 1991. — С. 15 — 57.
497. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2001. — 669 с.
498. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер. — М. : АСТ ; Профиздат, 2008. — 569 с.
499. Травин Д. Европейская модернизация. В 2-х кн. / Д. Травин, О. Маргания. — М. — СПб. : АСТ, 2004. — Т. 1. — 665 с. ; Т. 2. — 572 с.
500. Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи). — К. : Логос, 1999. — 500 с.
501. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). Вып. XIV. — М. : МОНФ, 200. — 304 с.
502. Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс Ф., Ч. Хампден-Тернер. — Мн. : Попури, 2004. — 528 с.
503. Трунин П. Исламская финансовая система / П. Трунин, М. Каменских, М. Муфтяхетдинова. — М. : ИЭПП, 2009. — 84 с.
504. Туганъ-Барановскій М. Промышленные кризисы / М. Туганъ-Барановскій. — СПб. : О. Попова, 1900. — 336 с.
505. Тютюнникова С. Домохозяйство как субъект рыночной трансформации / С. Тютюнникова, Н. Можайкина. — Полтава : СКАЙТЕК, 2010. — 157 с.
506. Уайтхауз Э. Пенсионная панорама. Пенсионные системы 53 стран мира / Э. Уайтхауз. — М. : Весь мир, 2008. — 224 с.
507. Удинцев Вс. История займа / Вс. Удинцев. — К., 1908.
508. Уильямсон О. Экономические институты капитализма / О. Уильямсон. — СПб. : Лениздат, 1996. — 702 с.
509. Уланов В. Комплементарность взаимодействия субъекта и среды : дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. Уланов. — Казань, 2004. — 150 с.
510. Улин Б. Межрегиональная и международная торговля / Б. Улин. — М. : Дело, 2004. — 416 с.

511. Ульченко Н. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана) / Н. Ульченко, Н. Мамедов. — М. : Городец, 2006. — 288 с.
512. Уляхин В. Особенности синтеза архаики и модерна в рыночных структурах стран Востока (вторая половина XX века) / В. Уляхин. — М. : ИВ РАН, 2005. — 368 с.
513. Умников В. Социал-комплементаризм в системе мира / В. Умников. — М. : Раритет, 2006. — 368 с.
514. Уткин А. Религиозное будущее мира / А. Уткин // ПрогнозиΣ. — 2005. — № 2. — С. 327–340.
515. Ушакова Н. Соціально-економічні типи країн / Н. Ушакова, І. Помінова. — К. : Професіонал, 2004. — 304 с.
516. Фатеева С. Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия : дис ... докт. филос. наук / С. Фатеева. — Ростов н/Д., 2006. — 261 с.
517. Федоровский А. Феномен Чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея / А. Федоровский. — М. : Стратегия, 2008. — 320 с.
518. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. — М. : РОССПЭН, 2000. — 392 с.
519. Финляндия как экономика знаний. Элементы успеха и уроки для других стран / под ред. К. Дальмани, Й. Роути, П. Юля-Антила. — М. : Весь мир, 2009. — 170 с.
520. Фишер С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. — М. : Дело, 1993. — 864 с.
521. Філіпенко А. Міжнародні економічні відносини. Історія / А. Філіпенко. — К. : Либідь, 2006. — 392 с.
522. Франк С. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия / С. Франк // Франк С. Реальность и человек. — М. : Республика, 1997. — С. 207–431.
523. Франция в поисках новых путей / под. ред. Ю. Рубинского. — М. : Весь мир, 2007. — 624 с.
524. Французский университет. Беседа с А. Береловичем // ПрогнозиΣ. — 2005. — № 2. — С. 319–326.
525. Фрейкман Л. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л. Фрейкман, В. Дашкеев, М. Муфтяхетдинова. — М. : ИЭПП, 2009. — 252 с.
526. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридман // THESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 20–52.
527. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2003. — 474 с.
528. Фукуяма Ф. Доверие / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2004. — 733 с.
529. Фуруботн Э. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории / Э. Фуруботн, Р. Рихтер. — СПб. : Изд-во СПб.ГУ, 2005. — 736 с.
530. Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний / Г. Хаберлер. — Челябинск : Социум, 2005. — 474 с.
531. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность / Ф. Хайек. — М. : Новости, 1992. — 304 с.

532. Хайек Ф. Частные деньги / Ф. Хайек. — М. : ИНМЭ, 1996. — 230 с.
533. Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. У 3-х т. Т. 1. — К. : Сфера, 1999. — 196 с.
534. Харишин М. Історія підпорядкування української православної церкви московському патріархату / М. Харишин. — К. : Вентурі, 1995. — 176 с.
535. Харрисон Л. Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти её от самой себя / Л. Харрисон. — М. : Новое издательство, 2008. — 282 с.
536. Харрисон Л. Кто процветает? / Л. Харрисон. — М. : Новое издательство, 2008. — 300 с.
537. Хачатуров К. А. Латиноамериканские уроки для России / К. Хачатуров. — М. : Междунар. отношения, 1999. — 400 с.
538. Хейне П. Экономический образ мышления / П. Хейне. — М. : Новости, 1991. — 704 с.
539. Хелантера А. Почему Россия не Финляндия / А. Хелантера, С.-Э. Олус. — М. : ИЭПП, 2004. — 176 с.
540. Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / П. Химанен, М. Кастелс. — М. : Логос, 2002. — 224 с.
541. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон. — М. : Дело, 2003. — 464 с.
542. Хрусталева Н. Франция на исходе столетия: смена модели регулирования экономики / Н. Хрусталева // МЭиМО. — 2004. — № 6. — С. 61 — 70.
543. Цатурова С. Офицеры власти / С. Цатурова. — М. : Логос, 2002. — 384 с.
544. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / под ред. Ю. Н. Пахомова. — К. : Наук. думка, 2002. — 632 с.
545. Цивилизационная структура современного мира. В 3-х т. Т. 2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации. — К. : Наукова думка, 2007. — 692 с.
546. Чернышевский Н. Капитал и труд / Н. Чернышевский // Чернышевский Н. Избранные экономические сочинения. Т. 2. — М. : ОГИЗ, 1948. — С. 300 — 378.
547. Чухно А. Сучасна фінансово-економічна криза: природа, шляхи і методи її подолання / А. Чухно // Економіка України. — 2010. — № 1, С. 4 — 18; № 2. — С. 4 — 13.
548. Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития / [В. Мартынов, И. Гришин, А. Волов и [др.]]. — М. : ИМЭМО, 2006. — 81 с.
549. Шведские ученые о шведской модели и её русских трактовках // МЭиМО. — 2007. — № 8. — С. 94 — 108.
550. Шевчук А. Постфордистские концепции как исследовательская программа / А. Шевчук // Экономическая социология. — Т. 3. — 2002. — № 2. — С. 44 — 61.
551. Шемятенков В. Альтернативные системы капитализма / В. Шемятенков // МЭиМО. — 2003. — № 3.

552. Шерешева М. Межфирменные сети / М. Шерешева. – М. : ТЕИС, 2006. – 320 с.
553. Шнітцер М. Порівняння економічних систем / М. Шнітцер. – К. : Основи, 1997. – 520 с.
554. Шо Р. Ключи к доверию в организации. Результативность. Порядочность. Проявление заботы / Р. Шо. – М. : Дело, 2000. – 178 с.
555. Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. / Й. Шумпетер. – СПб. : Эконом. школа, 2001. – 1664 с.
556. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М. : Эксмо, 2007. – С. 363–824.
557. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М. : Эксмо, 2007. – С. 29–360.
558. Шургалина И. Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф / И. Шургалина. – М. : РОССПЭН, 1997. – 221 с.
559. Эклунд К. Наша экономика. Введение в макроэкономику / К. Эклунд. – М. : МШПИ, 2004. – 528 с.
560. Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель / К. Эклунд. – М. : Экономика, 1991. – 349 с.
561. Экономика знаний. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 432 с.
562. Экономическая культура населения Украины. – К. : ИС НАНУ, 2008. – 316 с.
563. Экономическая энциклопедия. – М. : Экономика, 1999. – 1055 с.
564. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. В 4-х т. Т. 1. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 560 с.
565. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). В 3-х ч. – М. : МОНФ, 2003. – Ч. 1. – 320 с. ; Ч. 2. – 350 с. ; Ч. 3. – 304 с.
566. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Десять лет спустя. В 3-х ч. – М. : МОНФ, 2011. – Ч. 1. – 196 с. ; Ч. 2. – 154 с. ; Ч. 3. – 224 с.
567. Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем / Ч. Эндрейн. – М. : Инфра-М; Весь мир, 2000. – 320 с.
568. Эрхард Л. Благополучие для всех / Л. Эрхард. – М. : Начала-Пресс, 1991. – 336 с.
569. Юрій М. Етногенез та ментальність українського народу / М. Юрій. – К. : Таксон, 1997. – 237 с.
570. Юровицкий В. Эволюция денег. Денежное обращение в эпоху изменений / В. Юровицкий. – М. : ГроссМедиа, 2005. – 496 с.
571. Явлинский Г. Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России / Г. Явлинский, С. Брагинский. – М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. – 397 с.
572. Якубенко В. Базисні інститути у трансформаційній економіці / В. Якубенко. – К. : КНЕУ, 2004. – 252 с.

573. Якубовський М. Промислова політика: проблеми та перспективи модернізації / М. Якубовський // Економіка України. — 2010. — № 8. — С. 21 — 29.

574. Япония: со структурными реформами в XXI век. — М. : МАКС Пресс, 2007. — 248 .

575. Яременко О. Лібералізм, економічна свобода і держава / О. Яременко // Економіка України. — 2010. — № 12. — С. 4—15.

576. Яременко О. Переходные процессы в экономике Украины / О. Яременко. — Х., 1997. — 182 с.

577. Яременко О. Тенденції посткризового розвитку фінансових інститутів / О. Яременко // Економіка України. — 2010. — № 4. — С. 88—95.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Методологические основания международных сравнений: оценка как они влияют на анализ различных форм капитализма

Методы	Характеристики		
	Цели	Преимущества/ достоинства	Недостатки/ ограничения
1	2	3	4
1. Сравнения	Оценка каждой противоположной единицы через соотношение, для выявления, где капитализм действует лучше	Простота. Соответствие практике корпоративного управления	Подразумеваемые нормы. Неполная интеграция национальной экономики и фирм. Пренебрежение последовательностью альтернативных форм капитализма
2 Классификация, основанная на анализе индикаторов	Представление оппозиций и приближение к населению национальных экономик	Открытый метод в терминах природы и числа конфигураций. Объекты рассматриваются симметрично	Относительно произвольный выбор элементов и индикаторов. Потенциальная нестабильность классификаций. Ограниченность исключительно индуктивной методологии: какие механизмы?
3. Структурный метод	Объяснение элементарных компонентов и исследование совместимости комбинаций	Эвристическое достоинство: описывает идеальный тип. Теоретический анализ последовательности конфигураций и сравнение с тем, что наблюдается	Быстрое определение конфигурации. Методологические трудности, связанные с различиями между последовательностью и непоследовательностью конфигураций
4. Моделирование стратегий, используемых фирмами, действующими в пределах институционального контекста	Обеспечение микроэкономической жизнеспособности институционального ансамбля	Ясность механизмов, гарантирующих жизнеспособность режимов. Возможность сопоставления с наблюдаемыми явлениями. Способность генерирования потенциальных моделей регуляции	Необходимость упрощения принятых процедур. Сложность моделей формализации многоаспектной комплементарности

Продолжение Приложения А

1	2	3	4
5. Качественные методы анализа	Объяснение комплекса свойств, гарантирующих обеспечение результативности (развитие, равенство, демократия)	Открытость к естественным и множество возможных конфигураций. Совместимость с ограниченным числом наблюдений	Чувствительность к оперативной обработке (процессу). Очевидная потеря информации, относительно количественных данных
6. Эконометрический анализ (кросссекторный/временной) включая институциональные переменные и их комбинации	Тестирование влияния определенных институтов на показатели экономики (развитие, безработица, производительность)	Количественные основания для оценки влияния институтов. Представление институциональной комплементарности благодаря оценке пересекающихся условий	В действительности постулируется факт единственности режима. Хрупкость исследований. Трудности интерпретации исследований

Рис. Б 1. Комплементарность между институциональными подсистемами КРЭ

Примечание: Цифрами обозначены: 1. Кооперация между компаниями требует репутационного мониторинга. 2. Долгосрочные доверительные отношения между компаниями. 3. Кооперация на рынках продуктов, слабая конкуренция на внешних рынках рабочей силы. 4. Избегание переманивания рабочей силы. 5. Квалифицированные работники имеют сильные позиции в компаниях. 6. Сокращение рисков инвестирования. 7. Долгосрочное финансирование составляет основу долгосрочных отношений занятости. 8. Сертификация обеспечивает возможность оценки жизнеспособности компании. 9. Система трудового участия обеспечивает дорогу для учета требования прибыльности при достижении консенсуса между владельцами и трудовым коллективом. 10. Формирование консенсуса при принятии решений. 11. Система ОПП предусматривает сочетание общественных и индивидуальных знаний и умений, необходимых для кооперации, основанной на общепризнанных стандартах. 12. Рыночный консенсус относительно стандартов профессиональной квалификации.

Рис. Б 2. Комплементарность между институциональными подсистемами APZ

Примечание: Цифрами обозначены: 1. Сложности для инвесторов-аутсайдеров в мониторинге инсайдерской информации. 2. Доверительные отношения на долгосрочной основе усложнены, поэтому ограничены возможности перекрестного инвестирования между компаниями. 3. Нестабильность продуктовых рынков ведет к дерегуляции рынка труда. 4. Допущение диффузии технологических новшеств благодаря высокой мобильности квалифицированных кадров. 5. Обеспечение мобильности и перекалфикации. 6. Слабая чувствительность к рискованным инвестициям в образование. 7. Усложнены доверительные отношения в сфере долгосрочного инвестирования со стороны компании в повышение производственной квалификации работников. 8. Недостаток инвестиций в повышение профессиональной квалификации переориентирует рынок на корпоративный контроль. 9. Односторонний контроль перенацеливает рынок в сторону корпоративного контроля и позволяет инвесторам устанавливать сильные стимулы для менеджмента. 10. Краткосрочное финансирование ведет к исключению работников из процесса управления. 11. Приоритет универсальных знаний у наемных работников ведет к преимущественному успешному конкурентному развитию отраслей, не требующих высоких затрат на углубленную специализацию работников. 12. Высокий уровень конкуренции стимулирует мобильность и постоянное переобучение.

Диверсификация сущности капитализма в теории регуляции*

Модели регуляции				
	Рыночная	Мезокорпоративная	Стейтистская	Социально-демократическая
	2	3	4	5
1. Общие принципы логики и иерархии	Рыночная логика составляет организационный принцип почти для всех институциональных форм	Принципы солидарности и мобильности в крупных и диверсифицированных в отношении производимой продукции экономических единицах	Экономический кругооборот преобразовывается интервенциями государства в сферы производства, спроса, кодификации институтов	Социальные партнеры договариваются о большинстве аспектов управления обществом и экономикой.
2. Проявление в институциональных формах	Существенная дифференциация трудовых переговоров, индивидуализация заработной платы и сегментация рынка труда	Компромисс по поводу заработной платы в условиях больших корпораций с одновременной синхронизацией её роста	Сильная тенденция к жесткой институционализации условий занятости, продолжительности рабочего дня, зарплаты и социальных льгот	Традиционная централизация переговоров о трудовом договоре с учетом влияния на краткосрочную и долгосрочную конкурентоспособность. Немного больших фирм, чрезвычайно интернационализированных и вынуждаемых к конкуренции
Взаимосвязь труда/заработная плата				
Конкуренция	Концентрация ограничена законодательно, переход от одного типа олигополистической конкуренции к другому	Относительно интенсивна на продуктовых рынках, вовлекающая большие компании, действующие на различных рынках	Умеренная конкуренция, направляемая общественным регулированием или профессиональными ассоциациями с высоким уровнем концентрации капитала	Небольшое количество крупных фирм, которые так же очень интернационализированы и активно вовлечены в конкурентную борьбу.

Продолжение Приложения В				
1	2	3	4	5
Деньги и финансы	Центральные банки независимы, доминирует логика финансовых рынков, процветают финансовые инновации, управление компаниями подчинено финансовой логике	Ключевая роль головных банков и кейрецу в аллокации финансов и капитала. Государственная власть (финансовое регулирование/центральный банк) сохраняет жесткий контроль	Государство сохраняет жесткий контроль над кредитной и монетарной политикой. Традиционно центральные банки имеют небольшую автономию, финансовая сфера не имеет критического значения	Основной финансист – банковский сектор. Монетарная политика нацелена на рост занятости и в последнюю очередь на конкурентоспособность
Государство	Фрагментировано в группу агентств и контролирующих органов, возможности роста существенно ограничены в результате конкуренции на политическом рынке	Гарантирует производство коллективных услуг в дополнение к координации крупных фирм, неспособных к эффективному действию. Незначительный размер, но существенная роль	Значительное количественное и качественное развитие государственного вмешательства: национализированные компании, регулирование, общественные расходы, социальные льготы и т. п.	Множественные публичные интервенции в форме финансовых трансфертов, обширной и ограничивающей регуляции
Включенность в международную систему	Приверженность принципам свободной торговли, уровень автономии зависит от статуса и размера участника (отличия США/Великобритания)	Торговля и финансы связаны, выбор условий – императив технологического и экономического развития	Традиционный жесткий государственный контроль внешних отношений (тарифы, нормы, квоты, ограничение финансовых потоков)	Принятие принципов конкурентоспособности основанное на технологических и организационных инновациях
3. Характеристика модели регуляции	Регуляция ориентирована на рынок, контроль посредством изолированного правового механизма	Крупные компании, рынок и государство приносят регулирование на мезоэкономическом уровне	Государство в сердце макроэкономического регулирования, с адаптацией рынка и фирм к правилам	Трипартизм (работодатели, профсоюзы, государство) находится в сердце институциональных реформ

Завершение Приложения В

1	2	3	4	5
4. Влияние на инновационную сферу	Шумпетерианские волны утверждаются на радикальных инновациях, превосходят логику, основанной на патентах, индивидуализация выгод, получаемых от инноваций	Склонность к копированию и адаптации продуктов и процессов посредством использования инкрементальных еще способных принести прибыль инноваций	Радикальные инновации, предполагающие крупные инвестиции и долгосрочную ориентацию. Адаптация фордистских (т. е. относительно централизованных) инноваций	Инновации, нацеленные на решение социальных и экономических проблем, будь они маргинальными или радикальными
Специализация	Секторы, связанные с радикальными инновациями: ИТ, космос, фармацевтика, финансы, сфера услуг	Секторы, требующие доминирующей координации усилий и мобилизации локализованных, но кумулятивных компетенций: автомобильное строительство, электроника, робототехника	Секторы, которые вовлечены в ключевые элементы общественной инфраструктуры: транспорт, телекоммуникации, авионавигация, космос, оружие, производство и т. д.	Секторы, связанные с социальными потребностями (здравоохранение, страхование, природная среда) или эксплуатацией природных ресурсов через технологические инновации

* Boyer R. (2005) Complementarity in Regulation Theory / C. Crouch, W. Streeck, R. Boyer [et al.] // Socio-Economic Review. — № 3. — P. 39 — 43.

Четыре разновидности Социальных Систем Инновации и Производства*

	Рыночная	Мезокорпоративная	Евроинтеграционная/ публичная	Социал- демократическая
1	2	3	4	5
Общий принцип	Основана на рыночных отношениях, представляющих доминирующий принцип организации и примененный к большинству институтов	Принципы солидарности и мобильности в рамках крупных экономических единиц (корпораций) с диверсифицированным производством	Примирение задач органов государственной власти с развитием частного сектора, либо через переговоры (Германия), либо под контролем государства (Франция). Регулируемый капитализм	Договоренности между социальными партнерами о правилах, действующих в экономике и обществе
Значение				
Наука	Система исследований, основанная на конкуренции между исследователями и между организациями, их проводящими	Значимы собственные исследования в существенной степени отделенные от академического мира	Общественные, общие научные исследования отделены от разработки новых изделий	Значимы в определении задач исследований социальные потребности
Технология	Важность защиты прав интеллектуальной собственности, патенты и авторские права, как стимулы и формы защиты инновации	Важность молчаливого знания и собственных инноваций	Важность общественного импульса для частных исследований	Постепенная эволюция по направлению к современным технологиям и новым секторам: от эксплуатации природных ресурсов к информационным технологиям

Продолжение Приложения Г

1	2	3	4	5
Компетентность и навыки	Чрезвычайно сегментированная рабочая сила, инновационная и квалифицированная с одной стороны, и неквалифицированная и непроемкая с другой.	Гомогенизированное общество образования; специфические навыки, развиваемые в пределах корпорации, при дуализме рынка труда	Преобладание внешней мобильности рабочей силы над внутренней	Элитарные идеалы в образовании и установлении заработной платы. Ограничение неблагоприятных последствий технического прогресса через общественное воздействие
Рынки труда	Децентрализация соглашений об оплате труда, индивидуализация заработной платы и сегментация рынка труда	Компромисс об уровне оплаты труда в пределах большой корпорации при синхронизации её роста на макроуровне	Сильная институционализация норм занятости, рабочего времени и социальной защиты	Централизация переговоров об оплате труда под внешним ограничением требований поддержки конкурентоспособности
Конкуренция	Пределы концентрации задаются судебными исками; постоянная эволюция олигополистической конкуренции	Сильная конкуренция на внутренних рынках продуктов между крупными фирмами	Умеренная конкуренция в результате обществственного вмешательства и влияния деловых ассоциаций в пределах единого рынка; концентрация капитала	Малочисленность крупных международных фирм и сетей мелкого местного бизнеса
Финансы	Основанные на рынке финансы и изощренные финансовые услуги. Финансовые инновации, сильное влияние акционеров	Устойчивые длительные взаимоотношения между главным банком и кейрецу. Сильное влияние государственных органов (МИТИ и ЦБ) на деятельность коммерческих банков	Значимость банков. Относительно незначительная изощренность финансовых услуг	Основанная на банках финансовая система, незначительная изощренность финансовых услуг

Продолжение Приложения Г

1	2	3	4	5
Производство	Ключевые производственные инновации	Адаптация продукции и процессов к жизненному циклу продукции, быстрые инновации в последней фазе	Медленная адаптация к изменениям рынков	Значимы качество, сервис и дифференциация
Дополнительные характеристики				
Влияние государства	Фрагментировано в группах агентств и контролируемых учреждений. Значительные ограничения общественному вмешательству, политической конкуренции	Поставляет коллективные услуги и действует как координатор. Незначительный размер, но существенная роль	Значительное государственное влияние (центральное правительство и местные органы власти): фирмы, регулирование, общественные расходы, социальное страхование ...	Множество форм государственного влияния с финансовыми вливаниями и обширным регулированием
	Значимость крупных общественных программ (защита ...) дополняющих частные исследования	Отсутствуют крупные общественные программы типа 'миссий'	Большие отличия среди различных стран	В значительной степени открытые экономики
Международный режим	Приверженность принципам свободной торговли. Статус и автономия наций зависит от размера (США против Великобритании ...)	Задачи обеспечения экономического развития распределяют все альтернативы международной торговли	Районирование (ЕС), поддерживаемое многосторонностью. Политическая воля к евроинтеграции как условие экономической интеграции	Небольшие страны, испытывающие сильное внешнее влияние
Последствия				
Инновации	Шумпeterианские волны (радикальных) инноваций. Значимость патентов и индивидуального вознаграждения инноваций	Способность имитировать, передавать и преобразовывать технологии, начинающаяся с поэтапных инноваций	Одновременно как крупные проекты типа «миссий», так и инкрементальные качественные инновации	Инновации, нацеленные на решение социальных и экономических проблем

Завершение Приложения Г

1	2	3	4	5
Отрасли экономики	Секторы, связанные с возможностью радикальных инноваций: информационные технологии, авиакосмическая сфера, фармацевция, финансы	Секторы, где необходима координация, возможен кумулятивный эффект и где компетенции локализованы: автомобилестроение, электроника, робототехника	Секторы, связанные с общественной инфраструктурой (Франция) и/или где компетенция обеспечивается наличием квалифицированной рабочей силы: авиакосмическая сфера механика, автомобилестроение	Секторы, связанные с социальным спросом (здравоохранение, безопасность, природная среда) или эксплуатацией природных ресурсов

*Amable B. (1999) Institutional Complementarity and Diversity of Social Systems of Innovation and Production / B. Amable // WZB Discussion Paper . — FS 199 — 309. — Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin. — P. 34 — 35.

Значимые корреляции по Пирсону между мнениями респондентов о личном участии распространенности и допустимости различных теневых экономических отношений (выборочно)**

Виды теневых экономических отношений	Связь с критериями Г. Хофстеда															
	Индивидуализм			Дистанция власти			Маскулинность			Избегание неопределенности			Конфуцианский динамизм			
	ЛУ*	Р*	А*	ЛУ	Р	А	ЛУ	Р	А	ЛУ	Р	А	ЛУ	Р	А	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
«Вторая» теневая экономика																
Обман продавца покупателем						-0,123	0,133			-0,148	-0,113					
Использование рабочего времени в личных целях						-0,133		0,128			-0,107	-0,166				
Использование казенного имущества в личных целях						-0,124				-0,103		-0,139				
«Прихватизация» с места работы крупных вещей						-0,115				-0,139		-0,108				
Подношение ответственным лицам		-0,112				0,156	-0,127					-0,137				
Выплата зарплаты из «черной кассы», без выплаты налогов		-0,117				-0,105				-0,101		-0,138			-0,100	

Продолжение Приложения Д

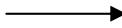

«Серая» теневая экономика															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Покупка нелицензионных видео- и/или аудиозаписей			0,105				0,132			-0,152		-0,169			
Работа без трудоого договора						-0,113						-0,114			
Предоставление услуг без формального договора										-0,139		-0,125		-0,124	
Предоставление услуг без выплаты налогов									0,116		-0,122	-0,145		-0,148	

* ЛУ – Допустимость личного участия; Р – распространенность; Д – допустимость вариантов теневых отношений

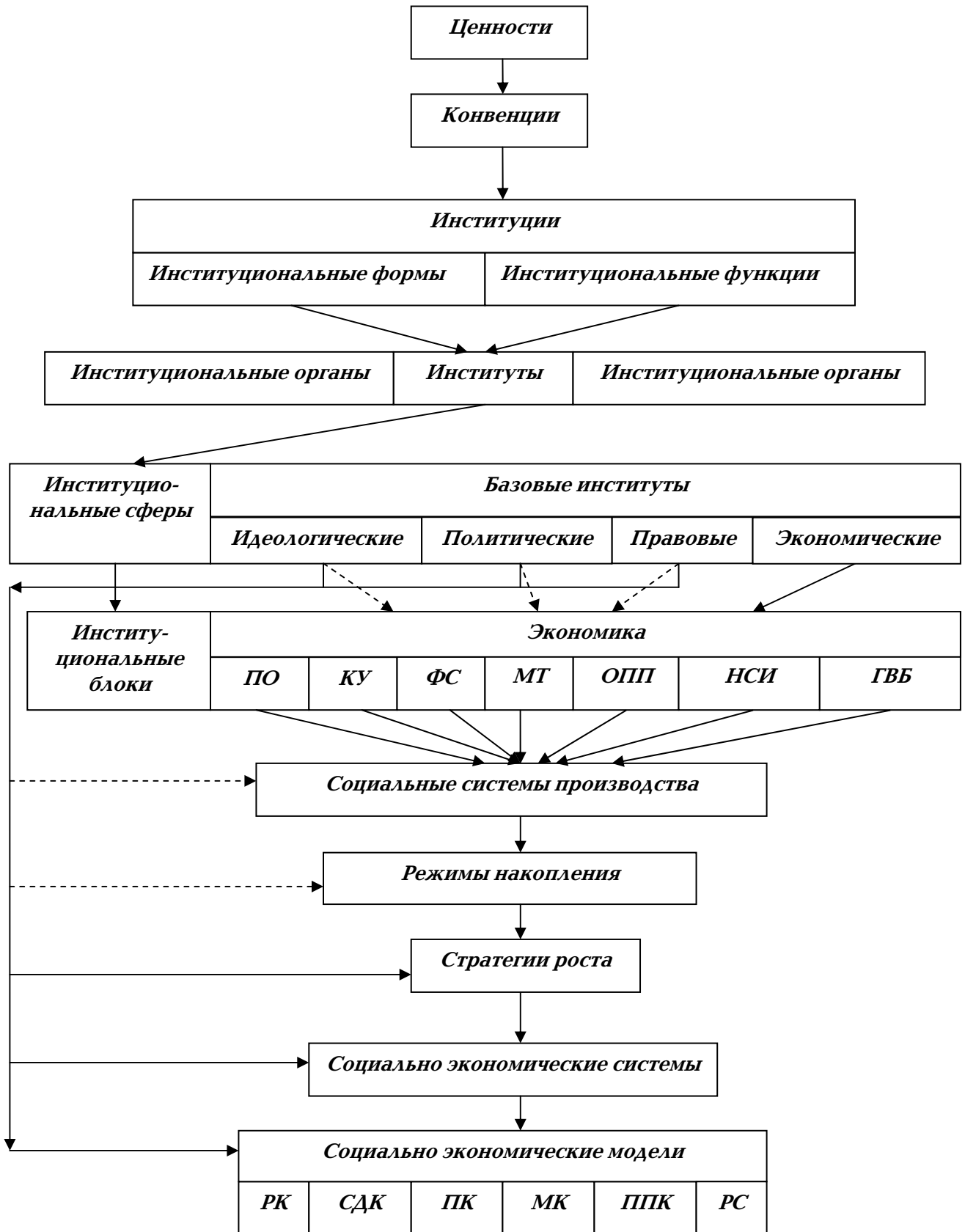
** Латов Ю. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда / Ю. Латов, Н. Латова // Мир России. – 2007. – № 4. – С. 56 – 58

Рис. E. 2. Новая институциональная иерархия по Р. Буайе

Примечания: — пять институциональных форм;
 — макроэкономические отношения; — иерархия институциональных форм;
 — переменное регулирование.

Лестница оснований институциональной архитектоники СЭС

Структура базовых институтов институциональных матриц

Ценности	
Этосные, религиозные, морально-этические, эстетические, идеологические, правовые, политические, хозяйственные	
Субсидиарность как ценностное основание институциональной системы Западной ИМ, прежде всего религиозные ценности протестантизма	Коммунитарность как ценностное основание институциональной системы Восточной ИМ, прежде всего религиозные ценности традиционных религий
Идеологические институты	
Институт subsidiarity	Институт коммунитарности
Индивидуализм, приоритет интересов индивидуума перед общественными. Свобода. Общественный характер определения социальных приоритетов. Индивидуальный характер выражения интересов. Стратификация	Коллективизм, приоритет интересов общества перед индивидуальными. Порядок, характер взаимоотношений между субъектами, социальные приоритеты определяются Центром. Коллективный характер выражения интересов. Эгалитаризм
Политические институты	
Федеративная политическая система	Унитарная политическая система
Федерация. Самоуправление и subsidiarity. Выборность. Многопартийность. Демократическое большинство. Судебные споры	Административно-территориальное государственное устройство. Иерархия во главе с Центром. Назначения. Однопартийность. Единогласие. Обращения по инстанциям
Правовые институты	
Правовые институты общего права	Правовые институты романо-германского права
Прецедентное право. Суд – субъект законотворчества. Решение вырабатывает и принимает практик. Строится на принципах индивидуализма. Права гражданина выше интересов общества. Принцип деэтизации – минимизации вмешательства общества в частную и деловую жизнь индивидов	Кодифицированное право. Парламент – субъект законотворчества. Решение вырабатывает ученый – теоретик, принимает – законодатель. Строится на принципах коллективизма. Права общества выше интересов индивида. Этатизм – вмешательства общества в частную и деловую жизнь
Экономические институты	
Институты рыночной экономики	Институты раздаточной экономики
Частная собственность. Наемный труд. Частное предпринимательство. Обмен (купля/продажа). Прибыль как критерий успеха. Рост доли частных денег и финансов в обеспечении функционирования экономики. Конкуренция как основа успешного развития экономики. Поощрение. Самоактуализация. Саморазвитие	Служебная, государственная, общенародная собственность. Служебный труд. Государственное планирование, управление, предпринимательство и контроль. Сдачи/раздачи. Критерий справедливости – пропорциональность. Государственные деньги и финансы. Обеспечение единства общества исключает существование открытой конкуренции, координация, консерватизм. Принуждение

Религиозные конфессии, ценностные характеристики национальных культур по Г. Хофстеду и социально-экономические модели *

Страны	Дистанция власти	Избегание неопределенности	Индивидуализм/коллективизм	Мужественность/женственность	Долгосрочная ориентация
1	2	3	4	5	6
Англосаксонская либеральная (протестантская) модель					
Англия П	35	35	89	66	25
Австралия П + К	36	51	90	61	31
Ирландия К	28	35	70	68	43
Канада К + П	39	48	80	52	23
Канада К, фр	54	60	74	42	
Новая Зеландия П	22	49	79	58	30
США П + К	40	46	91	62	29
ЮАР П + К	49	49	65	63	-
Ямайка П	45	13	39	68	-
Западноевропейская (континентальная) социал-демократическая модель					
Североевропейский вариант СЭМ					
Дания П	18	23	74	16	46
Норвегия П	31	50	69	8	44
Финляндия П	33	59	63	26	41
Швеция П	31	29	71	5	33
Эстония П, Прав.	40	60	60	30	-
Центральноевропейский вариант СЭМ					
Германия К+П	35	65	67	66	31
Австрия К	11	70	55	79	31
Бельгия К, П	65	94	75	54	38
Бельгия П	62	100	78	42	
Бельгия К	75	90	72	60	
Нидерланды К + П	38	53	80	14	44
Швейцария К + П	34	58	68	70	40
Южноевропейский вариант СЭМ					
Испания К	57	86	51	42	19
Италия К	50	75	76	70	34
Португалия К	63	104	27	31	30
Франция К	68	86	71	43	39

1	2	3	4	5	6
Постсоветские страны Центральной и Южной Европы					
Албания М, Прав., К	100	90	10	80	
Литва К, Прав., П	69	70	30	50	
Польша К	70	100	60	65	
Словакия К, П, Прав.	102	50	53	104	
Венгрия К, П,	<i>30</i>	80	80	90	
Хорватия К, Прав	75	90	33	40	
Чехия К, П	58	77	60	65	
Православный вариант СЭМ					
Белоруссия Прав.	102	102	11	49	
Болгария Прав., М	70	85	30	40	
Греция Прав.	60	112	35	57	-
Россия Прав.	93	95	39	59	49
Сербия Прав., М	83	92	27	21	
Черногория Прав., М, К	80	80	17	68	
Украина Прав., К Иссл. Хофстеда	92	80	18	46	-
Иссл. Лат., ст. ****	41	83	60	74	48
СЭМ государства Израиль					
Израиль Иуд.	13	81	54	47	-
Дальневосточная патриархально-корпоративная (конфуцианская) модель					
Гонконг Конф.	68	29	25	57	96
Китай Конф., Б, М, Д	63	86	23	54	118
Сингапур Конф. Д, М	74	8	20	48	48
Тайвань Конф. Б, Д	58	69	17	45	87
Япония Конф., С, Б	54	92	46	95	80
Христианские страны Азии					
Респ. Корея К, П, Б	37	60	86	40	
Филиппины К, П, М	94	44	32	64	19
СЭМ стран Южной Азии					
Индия И, М,	77	40	48	56	-
Таиланд Б	64	64	20	34	56
Мусульманские страны (исламская модель)					
Мусульм. страны в целом	80	70	40	53	
Индонезия М	78	48	14	46	-
Иран М	58	59	41	43	-
Малайзия М, Б, И	104	36	26	50	-
Пакистан М	55	70	14	50	0
Турция М	66	85	37	45	-

Завершение Приложения И

1	2	3	4	5	6
Страны Латинской Америки в сравнении с католической Испанией, Бразилия – с Португалией					
Испания К	57	86	51	42	19
Аргентина К	49	86	46	56	-
Венесуэла К	81	76	12	73	-
Колумбия К	67	80	13	64	-
<i>Коста-Рика К + П</i>	<i>35</i>	86	15	<i>21</i>	-
Мексика К	81	82	30	69	-
Перу К	64	87	16	42	-
Уругвай К	61	100	36	38	-
Чили К + П	63	86	23	28	-
Эквадор К	78	67	8	63	-
Португалия К***	63	104	27	31	30
Бразилия К	69	76	38	49	65

Примечания: * **Жирным шрифтом** выделенные показатели, по которыми прослеживается близость между всеми странами соответствующей СЭМ. *Курсивом* – показатели и страны где есть существенные расхождения. **Жирным курсивом** – страны, социально-экономические модели которых признаны в качестве основных для соответствующих групп.

** Б – буддисты, И – индуисты, Иуд. – иудеи, Д – даосисты, К – католики, Конф. – конфуцианцы, М – мусульмане, П – протестанты, Прав. – православные, С – синтоисты.

*** В отличие от других стран латиноамериканского континента основу национально-культурной идентичности Бразилии формировали выходцы из Португалии, а не из Испании.

**** Данные анкетирования студентов ВУЗов Украины 2005 – 2007 гг. (Исследование Ю. В. и Н. В. Латовых [298]).

Анализ особенностей ценностных ориентаций по Г. Хофстеду

Для *протестантских стран* с англосаксонской СЭМ оказываются характерными умеренная дистанция в отношении к власти, взвешенное предотвращение неопределенности, довольно высокий уровень индивидуализма, незначительное преимущество мужественности, ярко выраженная краткосрочная ориентация. Включение в эту группу католической Ирландии, ЮАР и Ямайки можно объяснить следствиями продолжительного влияния Великобритании.

Для *североевропейских стран* характерны несколько меньшая, чем для стран, которые принадлежат к англосаксонской СЭМ, дистанция по отношению к власти, наличие существенных расхождений относительно предотвращения неопределенности (от 23 в Дании до 59 в Швеции), умеренный индивидуализм, ярко выраженная женственность, незначительное преимущество краткосрочной ориентации.

Центральноевропейские страны по показателям дистанции относительно власти (за исключением Австрии — 11 и Бельгии — 65) и мужественности/женственности (за исключением Нидерландов — 14) оказываются близкими к странам англосаксонской СЭМ. Одновременно по уровню индивидуализма и ориентации во времени оказываются более близкими к североевропейским странам. В то же время они отличаются взвешенным отношением к неопределенности (за исключением Бельгии — 94 и Австрии — 70).

Умеренная дистанция власти в *южноевропейских странах* соседствует со значительным уровнем предотвращения неопределенности (в Португалии — 104), преимущественно индивидуалистической (за исключением Португалии — 27) социальной направленностью, незначительным преимуществом женственности (за исключением Португалии — 31, и Италии — 70), и преимущественно краткосрочной ориентацией.

Для *постсоветских стран* центральной и южной Европы характерны существенная дистанция власти (исключения Венгрия — 30, в Словакии — 102, Албании — 100), значительное предотвращение неопределенности, существенные расхождения по показателю индивидуализм/коллективизм (от 10 — в Албании, до 80 в Венгрии), преимущество в национальных культурах мужских черт (исключения Хорватия — 40, Литва — 50).

Особенностями *православных стран* является значительная дистанция власти (Белоруссия — 102), высокий уровень предотвращения неопределенности (Белоруссия — 102, Греция — 112), преимущественно коллективистская направленность (Белоруссия — 11, Черногория — 17, Украина — 18), значительные отличия по показателю мужественность/женственность (от 21 в Сербии до 68 в Черногории), взвешенное соотношение между кратковременной и долгосрочной ориентацией.

Конфуцианские страны характеризуются существенной, но не критической дистанцией власти, значительным предотвращением неопределенности (исключения — бывшие английские города-колонии Сингапур — 8 и Гонконг — 29), высоким уровнем коллективизма (исключение Япония — 46), умеренным соотношением между мужественностью и женственностью (исключение Япония — 90), ярко выраженной долгосрочной ориентацией (исключение Сингапур — 48, Китай — 118).

В *странах Азии со значительными христианскими конфессиями* можно наблюдать существенные отличия по дистанции власти (умеренная — 34,

в Республике Корея, значительная — 94, на Филиппинах) и по индивидуализму/коллективизму (коллективистская — 86 направленность в Республике Корея, и преимущественно индивидуалистическая — 32, на Филиппинах). Для обеих стран характерно сдержанное (соответственно 40 и 64) отношение к предотвращению неопределенности и взвешенное соотношение мужественности/женственности национальной культуры с незначительным преимуществом женственности в первом случае (40) и мужественности (56) во втором. Эти расхождения можно объяснить мультикультурным характером стран, наличием значительного количества альтернативных религиозных конфессий.

Аналогичными факторами можно объяснить расхождения в характеристиках культуры *стран Южной Азии*.

Для *мусульманских стран* характерны существенная дистанция власти, значительные расхождения относительно предотвращения неопределенности (от 85 в Турции до 36 в Малайзии), умеренный индивидуализм (за исключением Индонезии и Турции — 14), взвешенное соотношение между мужественностью и женственностью.

Страны *Латинской Америки* отличаются преобладающим дистанцированием относительно власти (исключение — мультикультурная Коста-Рика — 35), высоким уровнем предотвращения неопределенности (от 100 в Уругвае до 67 в Эквадоре), преимущественно индивидуалистической ориентацией (от 8 в Эквадоре до 38 в Бразилии) и значительными расхождениями относительно мужественности/женственности (от 21 в Коста-Рике до 69 в Мексике).

Проявление особенностей национальных культур в семье, школе, на работе*

<p>МАЛАЯ ДИСТАНЦИЯ ВЛАСТИ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – у детей воспитывается собственный характер; – отношения с родителями строятся на основе равенства. <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – в обучении центральная фигура – ученик; – обучение – объективный процесс познания. <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – иерархия – временное ролевое неравенство, нужна для удобства управления; – с подчиненными принято консультироваться; – идеальный босс – грамотный и талантливый демократ. 	<p>ВЫСОКАЯ ДИСТАНЦИЯ ВЛАСТИ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – дети должны слушаться родителей (послушание); – почтительное отношение к родителям (подчинение). <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – в обучении центральная фигура – учитель; – обучение – восприятие мудрости учителя (гуру). <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – иерархия – естественное, постоянно существующее неравенство; – подчиненным говорят, что нужно делать; – идеальный босс – великодушный и доброжелательный автократ.
<p>ЖЕНСТВЕННОСТЬ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – акцент на отношения; – солидарность; – решение конфликтов через компромисс и переговоры. <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – ориентация на среднего; – цель – социальная адаптация; – результаты обучения не очень важны. <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – над напористостью, агрессивностью подсмеиваются; – ценится скромность в самооценке; – акцент делается на качество жизни; – взвешенность в поступках приветствуется. 	<p>МУЖЕСТВЕННОСТЬ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – акцент на достижения; – состязательность; – решение конфликтов силовыми методами. <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – ориентация на лучшего; – цель – академические успехи; – плохое обучение, отчисление – катастрофа. <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – напористость, самоуверенность приветствуются; – ценится умение себя подать; – акцент делается на карьере; – решительность в поступках приветствуется.

СЛАБОЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	СИЛЬНОЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
<p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – непривычное — интересно; – расслабленность, добродушие, низкие стрессы; – демонстрация эмоций и агрессивности недопустимы. <p>ШКОЛА:</p> <p>ученикам комфортно:</p> <ul style="list-style-type: none"> – при неструктурированных программах; – нечетко поставленных целях; – не детализированных задачах; – работе без расписания; – когда учитель говорит «не знаю». <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нелюбовь к правилам (устным и письменным); – нелюбовь к стандартам и формальностям. 	<p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – иное, непривычное — опасно; – высокие стрессы, уровень беспокойства, тревожность; – демонстрация эмоций и агрессивности нормальная. <p>ШКОЛА:</p> <p>ученикам комфортно:</p> <ul style="list-style-type: none"> – при структурированных программах; – четких целях и программах; – детальных задачах; – четком расписании; – когда учитель «знает все». <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – эмоциональная потребность в правилах, письменных и устных; – как можно больше формализации и стандартов.
<p style="text-align: center;">КОЛЛЕКТИВИЗМ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – воспитание в духе «мы»; – мнение семьи выше личного; – обязательство по отношению к семье; – гармония интересов; – уважение к коллективной позиции; – чувство стыда за поступки. <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – учиться нужно в молодости; – учат, как делать что-то. <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – двойной стандарт — «мы» и «они», «истина конкретная»; – «другие» — не наша забота; – отношения выше цели; – отношения босс — работник основаны на принципах морали 	<p style="text-align: center;">ИНДИВИДУАЛИЗМ</p> <p>СЕМЬЯ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – воспитание в духе «я»; – уважение к личному мнению; – обязательства по отношению к себе; – соответствующие интересы; – самоактуализация; – вина. <p>ШКОЛА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – постоянное обучение; – учат, как учиться. <p>РАБОТА:</p> <ul style="list-style-type: none"> – этические стандарты и законы универсальны для всех; – «другие» — ресурсы; – цель выше личных отношений; – отношения босс — работник базируются на рациональной основе

* Мясоедов С. Основы кросскультурного менеджмента / С. Мясоедов. — М. : Дело, 2003. — С. 121, 128 — 129, 134, 139.

Характеристики национальных культур по Ф. Тромпенаарсу

Страны	К*	И / К			К/Д	Р	С	ВГ	М	И	Н
		1	2	3							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Англосаксонская СЭМ											
<i>Великобритания П</i>	52	61	70	48	82	56	89	4,5	78	3	93
Австралия П, К	54	63	64	58	82	70	86	4,11	97	2	98
Канада К, П	54	71	62	53	77	65	87	4,38	95	1	95
США П, К	56	69	72	54	85	75	87	4,3	83	1	92
Европейская континентальная социал-демократическая СЭМ											
Североевропейская СЭМ государства общего благосостояния											
Дания П	50	67	59	53	84	49	92	5,22	87	1	100
Норвегия П		54	72		77	77	94	4,56	87	2	97
Финляндия П	48	64	76	38	70	41	89	5,11	85	3	98
<i>Швеция П</i>	52	60	66	40	89	54	87	5,23	73	2	89
Центральноевропейская СЭМ (социальное рыночное хозяйство)											
<i>Германия К, П</i>	48	53	62	36	75	40	74	4,69	87	2	92
Австрия К	46				79	25	51	5,44	75	5	94
<i>Нидерланды К, П</i>	57	65	70	43	83	30		4,63	81	2	92
Швейцария К, П	40	66	66	32	83	34	73	4,88	92	2	92
Южноевропейская СЭМ											
<i>Испания К (ЛА)</i>	50	63	75	46		13	82	4,42		4	83
Италия К	49	52		32	75	33	80	4,44		3	88
<i>Португалия (Бразилия)</i>	27	44	59	55		39	86	5,62		3	98
Франция К	40	41	49		81	33	83	4,89		4	95
Постсоветские страны Восточной Европы											
Польша К	67	59	80	60	71	21	80	4,31	74		77
Венгрия К, П	63	56	84	66	17	19	83	5,25	62		82
Православные страны											
Болгария Прав., М	72	59	79	59		16	78		67	4	73
<i>Россия Прав.</i>	69	60	86	69	22	30	74	4,75	53		80
Конфуцианская СЭМ											
Китай Конф., Б, М, Д	46	41	57	37	18	28	81	5,07	57	5	85
<i>Япония Конф., С, Б</i>	39	39	43	32	45	26	79	4,72	69	4	80
СЭМ стран с доминированием индуизма и буддизма											
Индия И, М	43	37	44	36	46	37	57	4,03		5	91

<i>Мусульманская СЭМ</i>											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Египет М, Хр.	61	30	40	44		4		4,83	32		95
Индонезия М	46	44		16	22	24		4,55	52	4	89
Малайзия М, Б, I	41	45	56	42	75			4,23	63	5	100
Пакистан М	61	52	71	38	65		78	5,47	75	5	91
<i>СЭМ стран Латинской Америки</i>											
Мексика К	46	32	43	40		31			80	5	88
Бразилия К	43	40	49	33		33	70	3,85	74	5	91

Примечания: * **К** — компания — коллектив единомышленников или инструмент достижения целей?; **И/К** — Индивидуализм/Коллективизм; **К/Д** — Конкретная/Диффузная культура; **Р** — характер рациональности; **С** — Статус, уважение к человеку; **ВГ** — временной горизонт, определялся как средняя арифметическая от суммы ответов всех респондентов по шкале, где измерение временного горизонта представляло: 1 для секунд, 2 — минут, 3 — часов, 4 — дней, 5 — недель, 6 — месяцев; **М** — степень вмешательства менеджеров в деятельность подчиненных; **I** — иерархичность, расстояние между высшим и низшим уровнями иерархической структуры организации; **Н** — назначение организационной структуры.

** Б — буддисты, I — индуисты, Д — даосисты, К — католики, Конф. — конфуцианцы, М — мусульмане, П — протестанты, Прав. — православные, С — синтоисты, Хр. — христиане-копты.

Анализ ценностных ориентаций по Ф. Тромпенаарсу

Во второй графе Приложения М приведены результаты ответов респондентов на вопрос *что, по их мнению, представляет собой компания* (К) — прежде всего организацию, призванную выполнять определенные функции (100), или коллектив, от отношений между членами которого и зависит его деятельность (0). Результаты свидетельствуют о том, что по уровню утилитарной направленности представлений о характере организации экономической деятельности представители **постсоциалистических**, и в особенности **православных стран**, значительно превысили даже представителей **англосаксонских стран** (72 — **Болгария**, против 56 — **США**). Показатели по **православным странам** несколько превышают показатели по **католическим**, но и по этим странам функциональная направленность деятельности оказывается существенно выше, чем в других странах выборки.

Третья, четвертая и пятая графы отображают результаты исследования *соотношения между индивидуальной и коллективной направленностью экономической деятельности* (И/К). В первом вопросе респондентам предлагалось выбрать между *индивидуальной свободой* (100) и *качеством жизни* (0). Респонденты из **постсоциалистических стран** отдали *незначительное преимущество индивидуальной свободе*. По этому показателю мы несколько уступаем **англосаксонским, северо- и центральноевропейским странам**, но опережаем **южноевропейские страны**, существенно отличаясь от **латино-американских, конфуцианских, мусульманских стран**, население которых отдало предпочтение качеству жизни. *Значительных отличий между православными странами, Польшей и Венгрией нет*. Довольно интересную информацию дают ответы на *второй вопрос — о приоритете в оценке труда в организациях индивидуальных заслуг* (100) или *результатов деятельности всего коллектива* в целом (0). *Абсолютное большинство респондентов из постсоциалистических стран* (от 79 — в **Болгарии** до 86 — в **России**) информировало о *преимуществе в оценке труда в их организациях индивидуальных заслуг работников*. По этому показателю мы *далеко опередили все страны*, представленные в выборке. Так, если в среднем по **постсоветским странам** он составляет 82,25, то по **англосаксонским** — 67, **североевропейским** — 68,21, **центральноевропейским** — 66, не говоря уже о **конфуцианских, мусульманских, латиноамериканских странах**. В третьем вопросе респонденты определяли, *кто должен нести ответственность за ошибку на производстве* — тот, кто ее сделал (100), или весь коллектив (0). По этому вопросу также *уровень индивидуалистической направленности жителей постсоциалистических стран оказался наивысшим*. Тут в *одном диапазоне* оказались как **православные Болгария и Россия**, так и **католические Польша и Венгрия**. Средний бал по четырем странам — 63,5, для сравнения в **англосаксонских странах** он составляет 53,25, **североевропейских** — 43,7, **центральноевропейских** — 37, **конфуцианских** — 35,5, **мусульманских** — 35. По *целой группе показателей мы оказываемся «святое Папы Римского»*, более индивидуалистически и утилитарно нацеленными чем страны с **либеральной СЭМ**.

Среди вопросов, с помощью которых Ф. Тромпенаарс определял уровень диффузности национальной культуры (К/Д) был и такой: *«Обязана ли компания предоставлять своим работникам жилье?»* (100 — нет), (0 — да). *Абсолютное большинство респондентов из постсоциалистических стран* считают, что *обязана*. По этому показателю **постсоветские страны** (за исключением **Польши**) *также оказались как подобными в ответах, так и наиболее «консервативными»*. Средние

показатели по **англосаксонским** странам 81,5, 80 – **северо-**, 80 – **центрально-**, 78 – **южноевропейским**, 54 – **мусульманским** странам. В **Японии** этот показатель составляет 45, в **Индии** – 46.

Преобладающий характер **рациональности** деятельности (**целевой** или **ценностной**) (**Р**) можно определить исходя из ответа на вопрос *готов ли респондент действовать руководствуясь собственными убеждениями даже если это не дает возможности достичь поставленной цели*, или же главным в деятельности есть достижение цели, даже вопреки собственным убеждениям (100 – **целевая рациональность**, деятельность исходя из конечного результата, 0 – **ценностная рациональность**, деятельность определяется мировоззренческими ценностями человека, независимо от конечного результата). Средний результат по **постсоциалистическим** странам (21,5) *приближает их к мусульманским странам* и *существенно отличается* от показателей **англосаксонских** (66,5), **северо-** (55,25), и **центральноевропейских** (32,25) стран. По этому показателю **православные** страны демонстрируют *полярные позиции среди стран с переходной экономикой*.

Ф. Тромпенаарс исследовал также **зависимость статуса**, уровня уважения к человеку (**С**) *от его собственных достижений* (100), или *от происхождения* (0). По уровню уважения к собственным достижениям **постсоциалистические** страны *несколько уступают североевропейским, англосаксонским странам, имеют одинаковые показатели с южноевропейскими, конфуцианскими странами, опережают страны центральной Европы. Католические Польша и Венгрия по этому показателю несколько отличаются от православных стран*. Но эти отличия незначительны.

По **характеристикам временного горизонта** (**ВГ**) **постсоветские** страны оказываются *ближе к южно- и центральноевропейским странам, перспективы планирования собственной деятельности оказываются более отдаленными чем у представителей англосаксонских стран, но существенно уступают странам северной Европы*. Системы мотивации лишь опосредованно, особенно в **трансформационных** экономиках, влияют на характер ориентации во времени. Больше того, в **кризисных** экономиках ситуация не очень благоприятна для долгосрочного планирования. Поэтому *результаты анкетирования по постсоциалистическим странам выглядят довольно оптимистически*. Стоит выделить **Венгрию**. Ведь по профилю ценностей по Г. Хофстеду она оказывается *ближе к англосаксонским странам*, а вот по уровню долгосрочной ориентации *значительно их опережает*.

Уровень **допустимого вмешательства менеджеров** **постсоветских** стран **в деятельность подчиненных** (**М**) оказывается *значительно выше* (средний балл 64, где 100 – полная самостоятельность подчиненных) чем в **англосаксонских** (88,25), **южно-** (83), и **центральноевропейских** (83,75) странах. Одновременно он *совпадает с показателями конфуцианских* и оказывается *меньше чем в мусульманских*. По этому показателю **православные** страны *несколько превышают католические*, но и в последних имеет место *существенно меньший уровень самостоятельности подчиненных, чем в европейских странах*.

Иерархичность (**И**) – **расстояние между высшим руководством и подчиненными** ранжировалось в исследовании от 1 – наименьшее, до 5 – наибольшее. Из **постсоциалистических** стран мы имеем данные лишь по **Болгарии** (4). Есть данные по **православной Греции** (4). Это *существенно больше, чем по англосаксонским* (среднее 1,75), **южно-** (2) и **центральноевропейских** (2,75) странах.

Отличаются **постсоциалистические** страны и взглядами на **назначение организационной структуры** (**Н**). Больше внимание (78) чем в **других представленных в выборке** странах (94,5 – **англосаксонские**, 96 – **северо-**, 92,5 – **центрально-**, 91 – **южноевропейские**, 82,5 – **конфуцианские**, 93,75 – **мусульманские**, 89,5 – **латиноамериканские**) *отводится личности руководителя* (0) в *противоположность тем функциям, которые он должен выполнять* в организации (100).

Характеристика типов корпоративной культуры по Ф. Тромпенаарсу*

Сферы взаимодействия	Семья	Эйфелева башня	Самонаводящаяся ракета	Инкубатор
Отношения между сотрудниками	Диффузные («рассеянные») отношения к органичному целому, к которому принадлежат все	Конкретная роль в системе регламентированных взаимоотношений	Конкретные задачи в кибернетической системе, направленные на достижение общих целей	Диффузные («рассеянные»), спонтанные отношения, вытекающие из общего творческого процесса
Отношение к власти	Статус «приписывается» «родителю», который могуществен	Статус «приписывается» высшим ролям, которые отдалены от рядового сотрудника, но могущественны	Статус достигается членами коллектива, работающего над проектом, которые вносят наибольший вклад	Статус достигается индивидами, чья работа является примером творчества и прогресса
Способы мышления и обучения	Интуитивный, холистический, латеральный, направленный на исправление ошибок	Логичный, аналитический, вертикальный и рационально-эффективный	Сконцентрированный на решении задач, профессиональный, практический, междисциплинарный	Ориентированный на процесс, креативный, импровизированный, основанный на вдохновении
Отношение к людям	Члены семьи	Человеческие ресурсы	Специалисты и эксперты	Коллеги в творческом процессе
Пути изменений	Курс изменяет «отец»	Меняют правила и порядки	Меняют задачу по мере изменения цели	Импровизация и настройки на одну «волну»
Пути мотивации и награждения	Удовлетворение от того, что тебя любят и уважают. «Менеджмент согласно средствам»	Продвижение на более высокую должность, более важную роль. «Менеджмент согласно должностной инструкции»	Оплата за качество работы и количество выполненных задач. «Менеджмент согласно целям»	Участие в процессе создания новых реалий. «Менеджмент силой энтузиазма»
Критика и преодоление конфликтов	«Подставь другую щеку – пощади чужие лица», не уступай в борьбе за власть	Критика – суть обвинение в нерациональности, если не предусмотрен порядок решения конфликтов путем арбитража	Критика сугубо конструктивная и относится к решаемым задачам, далее признание ошибок и быстрое их исправление	Критика должна улучшать творческие идеи, но не отрицать их

* Тромпенаарс Ф. Национально-Культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Мн. : Попури, 2004. – С. 366.

Типология политических институтов по Б. С. и П. Б. Старостиним*

	Типы	Название	Функции
1	Структуры и организации власти	Парламент, легистратуры не центрального уровня	Законотворчество
		Правительство, министерства, ведомства центра и периферии, органы местного самоуправления	Исполнительная власть
		Суды разных уровней, прокуратура	Обеспечение правопорядка
2	Политические партии и контролируемые ими общественные организации	Правящие и оппозиционные, профсоюзы, женские, молодежные и другие организации	Политическая социализация, мобилизация, защита прав и свобод членов
3	Процедурные институты	Процедуры проведения выборов, референдумов, назначения правительства, внесения изменений в конституцию, обсуждения вопросов в парламенте и легистратурах вне центра	Регламентация и правовое обеспечение обсуждения и принятия решений по указанным и другим важным для страны и регионов вопросам
4	Нормативные институты	Конституция, законы, постановления и прочее	Легитимизация наиболее жизненно важных аспектов функционирования и развития в разнообразных сферах общества
5	Средства массовой информации	Телевидение, радио, пресса, Интернет	Информационное обеспечение политики, которая проводится, получение оперативной информации (в том числе в режиме реального времени)
6	Институты внешней политики	МИД, посольства, генконсульства, и консульства, представительства в международных политических организациях	Поддержка и развитие международных отношений, продвижение собственных внешнеполитических инициатив, защита прав граждан своей страны в третьих странах
7	Институты права	Современное право, прецедентное право, обычное право, мусульманское право, индуистское право	Защита и наказание (в случае нарушения традиционных норм поведения) членов определенной группы, общины, конфессии
8	Традиционные институты	Родоплеменные, общинно-конфессиональные и аристократические структуры, обычаи, ритуалы, вождизм и прочее	Защита и сохранение идентификации определенной общины

* Старостин Б. Политические реалии Востока и сравнительный анализ политических систем / Б. С. Старостин, П. Б. Старостин // Политические системы и политические культуры Востока. — М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007. — С. 61 — 62.

Религиозные конфессии, правовые системы, ценностные характеристики национальных культур по Ф. Тромпенаарсу

и Г. Хофстеду и СЭМ****

Страны	Пр. сист.*	Собл. правил			ДВ	ИН	И/К	М	ДО
		А	Р	В					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Англосаксонская либеральная (протестантская) модель</i>									
<i>Англия П</i>	<i>ОП***</i>	<i>91</i>	<i>58</i>	<i>60</i>	<i>35</i>	<i>35</i>	<i>89</i>	<i>66</i>	<i>25</i>
Австралия П, К	ОП	91	69		36	51	90	61	31
Канада К, П	ОП	93	69	66	39	48	80	52	23
США П, К	ОП	93	66	57	40	46	91	62	29
Ирландия К	ОП	92	57	70	28	35	70	68	43
<i>Западноевропейская (континентальная) социал-демократическая модель</i>									
<i>Североевропейский вариант СЭМ</i>									
Дания П	ГПС		62	60	18	23	74	16	46
Финляндия П	ГПС		75	68	33	59	63	26	41
<i>Швеция П</i>	ГПС	<i>92</i>	<i>68</i>	<i>48</i>	<i>31</i>	<i>29</i>	<i>71</i>	<i>5</i>	<i>33</i>
<i>Центральноевропейский вариант СЭМ</i>									
<i>Германия К, П</i>	<i>ГПГ</i>	<i>87</i>	<i>61</i>		<i>35</i>	<i>65</i>	<i>67</i>	<i>66</i>	<i>31</i>
Бельгия К, П	ГПО		62	42	65	94	75	54	38
Нидерланды К, П	ГПР	90	61		38	53	80	14	44
Швейцария К, П	ГПоб	97	71	68	34	58	68	70	40
<i>Южноевропейский вариант СЭМ</i>									
<i>Испания К</i>	<i>ГПР</i>	<i>75</i>	<i>54</i>	<i>61</i>	<i>57</i>	<i>86</i>	<i>51</i>	<i>42</i>	<i>19</i>
Италия К	ГПР		66	58	50	75	76	70	34
Франция К	ГПР	73	62	54	68	86	71	43	39
<i>Постсоветские страны Восточной Европы</i>									
Венгрия К, П, Пр	ГП	85	66	57	30	80	80	90	
Польша К, Пр,	ГПР	74	43	59	70	100	60	65	
Чехия К, П, Пр	ГПГ	83	49	24	58	77	60	65	
<i>Православный вариант СЭМ</i>									
Болгария Пр, М	ГП	54		35	70	85	30	40	
Греция Пр	ГП	61	57	56	60	112	35	57	
Россия Пр	ГПГ	44	47	29	93	95	39	59	49
Румыния Пр, К, П	ГП	88	68	44	85	98	30	42	
Сербия Пр, М, К	ГП	54	24	20	83	92	25	42	
<i>Дальневосточная патриархально-корпоративная (конфуцианская) модель</i>									
Китай Конф., Б, М, Д	СП	47	50	57	63 (80)	86 (30)	23	54 (60)	118
Сингапур Конф., Д, М	ОП	69	52	48	74	8	20	48	48
Южная Корея Б, П, К	СмП	37	45	44	60	86	20	40	
<i>Япония Конф., С, Б</i>	<i>СмП</i>	<i>68</i>	<i>55</i>	<i>64</i>	<i>54</i>	<i>92</i>	<i>46</i>	<i>95</i>	<i>80</i>

Продолжение Приложения Р

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СЭМ стран Южной Азии									
Индия И, М,	ОП	54	48	53	77	40	48	56	
Филиппины К, П, М	СмП			56	94	44	32	64	19
Мусульманские страны (исламская модель)									
Индонезия М	ГПРоб.	57	54	65	78	48	14	46	
Малайзия М, Б, I	ОП	57	62		104	36	26	50	
Страны Латинской Америки в сравнении с католической Испанией, Бразилия – с Португалией									
Испания К.	ГПР	75	54	61	57	86	51	42	19
Аргентина К	ГПР	70			49	86	46	56	-
Венесуэла К	ГПР	32		39	81	76	12	73	-
Мексика К	СмП	64	59		81	82	30	69	-
Португалия К	ГПР				63	104	27	31	30
Бразилия К	ГПР	79			69	76	38	49	65

* Пр. сист. – правовые системы; Собл. правил – соблюдение правил (А – случай с дорожным происшествием, Р – случай с рестораном, В – случай с врачом); ДВ – дистанция власти; ИН – избегание неопределенности; И/К – индивидуализм/коллективизм, М – мужественность/женственность; ДО – долгосрочная ориентация.

** Б – буддисты, И – индуисты, Д – даосисты, К – католики, Конф. – конфуцианцы, М – мусульмане, П – протестанты, Пр. – православные, С – синтоисты.

*** ОП – общее право, ГП – гражданское право, ГПГ – гражданское право, германская ветвь, ГПР – гражданское право, романская ветвь, ГПО – гражданское право с влиянием английского общего права, ГПоб. – гражданское право с влиянием обычного права, ГПС – северная ветвь гражданского права, СП – социалистическое право, СмП – смешанное право с элементами гражданского и общего.

**** Сост. по: Географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 704 с.; Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. – К.: Мапа, 2004. – 608 с.; Латов Ю. Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России / Ю. Латов, Н. Латова, С. Николаева. – М.: Директмедиа Паблишерс, 2005. – 140 с.; Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. – Мн., Попурри 2004. – 528 с.

Взаимосвязь между экономическими и правовыми системами

Страны мира объединены в основные социально-экономические модели. Рядом с названием страны указаны доминирующие религиозные конфессии, во второй графе приведены сведения о принятой в стране правовой системе, в третьей – пятой графах приведены результаты изучения Ф. Тромпенаарсом национальных особенностей отношения к правилам, шестая – десятая графы отражают результаты исследования национальных культур Г. Хофстедом.

Общее право легло в основание англо-американской правовой семьи. Оно основывается на прецеденте. Правовая идеология исходит из **принципа индивидуализма**. Эти принципы вполне созвучны мировоззренческим установкам *протестантизма*. Если право в представлениях граждан англосаксонских стран – это результат судебного решения, то для континентальной Европы, стран, включенных в *романо-германскую правовую семью* право – это совокупность заранее заданных, кодифицированных в законе правил. *Правовая идеология* основывается на **принципах коллективизма** (гражданин – часть общества), вторичности прав граждан по отношению к интересам общества, этатизма (усиленного вмешательства государства в личную и деловую жизнь граждан). Православное и католическое мировоззрение, как и установки большинства религий мира основываются на коллективистских началах. Вряд ли есть необходимость особо акцентировать внимание на коллективистских принципах как *социалистического*, так и *обычного права*. *Северная ветвь гражданского права* исторически сформировалась на основе применения элементов как гражданского, так и общего права.

По степени соблюдения законов и способности находить основания для их нарушения **Ф. Тромпенаарс** разделил национальные культуры на **культуры (преимущественно) универсальных и (преимущественно) конкретных истин**. Господство **универсальных истин** предполагает высокую законопослушность, преимущество закона над субъективными чувствами граждан («Сократ мне друг, но истина дороже»). В культурах **конкретных истин** внимание сосредотачивается на поиске конкретных причин и моральных оправданий для нарушения правил («Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». «Исключение подтверждает правило»). В таблице представлена *доля ответов с универсалистских позиций* на три вопроса, отражающих ситуацию конфликта между личными отношениями и общественными нормами. В первом случае (**вариант А**) изучалась готовность дать правдивые показания в гипотетической ситуации, когда речь идет о жизни пешехода, пострадавшего по вине друга – водителя. Во втором (**вариант Р**) – согласие написать благоприятный, но не совсем правдивый отзыв о ресторане друга. В третьем (**вариант В**) – готовность предоставить медицинское заключение для выдачи ему страховки в ситуации, когда необходимы дополнительные исследования специалистов.

Колонки 6 – 10 представляют результаты исследования национальных культур **Г. Хофстеда**, о котором мы уже говорили ранее. Индивидуализм протестантов вполне созвучен системе общего права, принятой в странах с англосаксонской моделью. Он коррелируется с умеренными избеганием неопределенности и дистанцией по отношению к власти, некоторым преобладание мужественности. В то же время он *компенсируется достаточно высоким уровнем готовности к соблюдению правил*. Особенно в первом случае (вариант А). С существенно большей готовностью представители этих стран готовы пойти на сделку с совестью

в случаях с рестораном и медицинской страховкой. Эгалитаризм протестантских стран Северной Европы отражается в невысоком уровне дистанции власти, совмещении в правовой системе элементов гражданского и общего права, меньшим уровнем индивидуализма, высоком уровне женственности национальной культуры, приближающимся к умеренному сочетанию долгосрочной и краткосрочной ориентаций, высоком уровне готовности пойти на сделку с совестью в случае с оформлением медицинской страховки. Страны Центральной Европы отличаются существенным разнообразием основанных на гражданском праве правовых систем, более высоким уровнем избегания неопределенности. Функционирование коллективистской в своих основаниях романо-германской правовой семьи соединяется с незначительным, по сравнению с англосаксонскими странами, падением уровня индивидуализма и практически аналогичными показателями дистанции власти.

Существенное сокращение уровня индивидуализма, достаточно высокий уровень избегания неопределенности и рост дистанции власти в странах Южной Европы сочетается со значительным уменьшением доли приверженцев универсальных истин (особенно по вопросу А).

Представленные данные позволяют выявить значительные различия в отношении к социальным нормам населения постсоветских стран. Католические Венгрия и Польша демонстрируют близкий к центрально-европейским странам уровень приверженности к культуре универсальных истин. Православные страны, за исключением Румынии и, отчасти, члена ЕС — Греции, представляют практически единственный в выборке блок стран, демонстрирующих монолитное преобладание культуры конкретных истин. Высокий уровень критичности по отношению к социальным нормам коррелируется со значительной дистанцией власти (93 — в России), высокими уровнями избегания неопределенности (112 — в Греции, 98 — в Румынии), коллективизма (25 — Сербия). По характеру отношения к социальным нормам католическая Чехия занимает место между католическими и православными странами. Православная же Румыния, наоборот, из всех постсоветских стран в максимальной степени оказывается близкой к центрально-европейским странам.

Изучение распределения ответов респондентов на вопросы, содержащиеся в исследованиях Ф. Тромпенаарса, в конфуцианских странах позволяет сделать ряд выводов, представляющих интерес для стран с переходной экономикой. Прежде всего, традиционная, поддерживающая семейные ценности дальневосточная культура в случае столкновения интересов семьи и общества (государства) всегда отдавала приоритет семье, конкретным истинам в интерпретации Ф. Тромпенаарса. Приведенные в таблице данные позволяют предположить, что правовая культура подвержена куда большему динамизму, чем показатели культуры, исследуемые Г. Хофстедом. Если по уровню коллективизма, дистанции власти, избеганию неопределенности эти страны демонстрируют высокую степень близости, то данные исследования Ф. Тромпенаарса позволяют проследить последовательность трансформации национальных культур от преобладания конкретных к распространению универсальных истин. Страны, ранее вошедшие в процесс модернизации, дальше продвинулись к универсальным истинам. Пример — Япония, где модернизация началась еще в 60-е гг. XIX в. Тогда же были заимствованы законодательные нормы вначале романской, а позже германской ветви гражданского права. После Второй Мировой войны этот процесс только ускорился. На эволюцию правовых норм в Сингапуре существенное влияние оказали как нахождение с 1824 по 1963 гг. в составе Британской империи, так

и тридцатилетний период авторитарного правления Ли Куан Ю. Насаждение коммунистических идеалов немало повлияло на сокращение влияния конфуцианских семейных ценностей в Китае. Южная Корея позже других конфуцианских стран приступила к процессу модернизации. При этом она испытала минимальное внешнее влияние со стороны неконфуцианских стран.

Мусульманские страны и страны Южной Азии сохраняют преимущественную приверженность к культуре конкретных истин. Это сопровождается высоким уровнем коллективизма (за исключением умеренной Индии), значительной дистанцией власти (Малайзия – 104, Филиппины – 94), умеренным и низким уровнем избегания неопределенности (от 48 в Индонезии до 36 в Малайзии).

Формирование национально-культурных особенностей стран Латинской Америки проходило под определяющим влиянием Испании и Португалии (Бразилия). Это находит отражение в близости большинства соответствующих показателей, полученных как в исследованиях Ф. Тромпенаарса, так и Г. Хофстеда. Исключение составляет богатая природными ископаемыми Венесуэла. В этой стране соединяются самые высокие по представленной в таблице выборке уровни коллективизма (12) и преобладания конкретных истин (32 – в варианте А и 39 – в варианте В).

Таблица Т. 1

Основные организационные формы управления транзакциями и их характеристики

Организационные формы/ характеристики	Община	Домохозяйство	Местные сообщества	Государство	Рынок	Сетевые структуры	Отношения контракт	Фирма
Функция	Воспроизводство рода, племени, клана	Воспроизводства членов семьи	Обеспечение локальных интересов	Воспроизводство общества	Взаимодействие независимых агентов	Минимизация издержек координации производства благ	Производство благ	Производство благ
Преобладающий тип отношений	Равенство	Равенство/ иерархия	Равенство	Иерархия	Иерархия	Равенство	Иерархия	Иерархия
Преобладающий тип транзакций	Реципрокность	Дар	Обмен/ реципрокность	Редистрибуция/ обмен	Редистрибуция/ обмен	Обмен	Редистрибуция	Редистрибуция
Открытость/ закрытость	Закрытое множество участников	Закрытое множество участников	Закрытое множество участников	Открытое множество участников	Открытое множество участников	Открытое множество участников	Закрытое множество участников	Закрытое множество участников
Потери при разрыве отношений	Высокие	Высокие	Умеренные	Высокие	Низкие	Низкие	Высокие	Высокие
Экономическое содержание института	Единица хозяйствования	Кооперация и страхование	Кооперация и страхование	Разделение труда, кооперация, страхование	Разделение труда, кооперация, страхование	Разделение труда, кооперация, страхование	Разделение труда, кооперация, страхование	Разделение труда, кооперация, страхование
Преобладающий тип разрешения конфликтов	Согласование интересов	Согласование интересов	Апелляция к коллективу	Третья сторона (суд)	Третья сторона (суд)	Согласование интересов	Третья сторона (суд)	Административный
Устойчивость к внешним воздействиям	Устойчивы	Устойчивы	Неустойчивы	Устойчиво	Неустойчив	Неустойчивы	Устойчивы	Устойчивы
Условия равновесия	Симметрия движения благ	Симметрия дарений	Высокая ценность общего блага	Симметрия интересов	Отсутствие монополии	Симметрия зависимостей	Симметрия агентских издержки	Низкие агентские издержки
Возможность контроля оппортунизма	Наглядность. Низкие издержки контроля	Наглядность. Низкие издержки контроля	Наглядность. Низкие издержки контроля	Высокие издержки контроля	Загружен или невозможен	Наглядность, низкие издержки	Значительные административные возможности	Значительные административные возможности

Таблица Т. 2

Внутренняя комплементарность основных организационных форм управления транзакциями

Организационные формы/характеристики	Община	Домохозяйство	Местные сообщества (МС)	Государство	Рынок	Сетевые структуры	Отношенческий контракт	Фирма
Субъекты регулирования	Вождь, шаман, члены группы	Члены семьи	Местные жители	Госучреждения, экономические субъекты, граждане	Государство, экономические субъекты	Экономические субъекты	Экономические субъекты-партнеры	Собственники, управляющие, наемные работники
Тип однородности акторов	Интересы, имущество, культура	Родство	Интересы и права	Гражданство	Права	Интересы, культура	Интересы, права	Интересы
Доминирующие институты	Ритуалы, обычаи, традиции	Традиции, ритуалы, обычаи, нормы, законы	Традиции, правила, законы	Конституция, законы, подзаконные акты, традиции	Законы, правила, контракты	Неформальные нормы, правила	Контракты	Уставы, инструкций, ритуалы, обычаи
Сфера регулирования	Воспроизводство общности	Воспроизводство семьи	Внутренняя жизнь МС	Воспроизводство общества	Движение ресурсов и товаров	Воспроизводство сети	Кооперация производства	Функционирование фирмы
Отношение к локальным нормам	Доминируют	Интеграция внешних и локальных	Дополняют внешние	Устанавливает внешние и частично локальные	Дополняют доминирующие внешние	Существуют независимо от внешних	Дополняют внешние	Независимы от внешних
Ст.К (подобие по)	Групповым ориентациям	Формам организации	Культуре и региональной специфике	Социальным ориентациям ценностных систем	Специфике социальной системы производства	Социокультурным ориентациям и интересам	Специфике социальной системы производства	Специфике социальной системы производства
ФК (связность по)	Способу выживания группы	Функциям жизневыживания производства	Функциям воспроизводства МС	Функциям воспроизводства социума	Функциям обеспечения обмена	Функциям обеспечения	Функциям обеспечения кооперации	Функциям достижения цели существования

Таблица Ф. 1

Институциональные особенности ИК ФС основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая			ППК
			СЕК	ЦЕК	ПК	
Основной институт	Биржа	Банк	Банк	Банк	Банк	Банк/биржа
Роль инвестора и форма финансирования	Аутсайдер, инвестиции, ключевая роль институциональных инвесторов	Инсайдер, кредит	Инсайдер, кредит, важная роль институциональных инвесторов	Инсайдер, кредит	Инсайдер, кредит	Инсайдер/аутсайдер, кредит/инвестиции
Форма взаимодействия	Рынок	Частично формализованные сети	ФПГ	ФПГ под контролем семейного капитала	Семейные ФПГ	Олигархические структуры
Роль государства	Участвует в установлении правил, выступает в роли заемщика	Устанавливает правила, координирует финансовую активность	Устанавливает правила, перераспределяет финансовые потоки в соответствии с социальными нуждами	Устанавливает правила, перераспределяет финансовые потоки в соответствии с социальными нуждами	Контролирует значительную часть финансовых ресурсов, осуществляет инвестиции, перераспределяет финансовые потоки	Устанавливает правила, перераспределяет часть финансовых потоков
Роль инвестора/кредитора	Получают прибыль	Получают прибыль, участвуют в управлении	Получают прибыль, участвуют в управлении	Получают прибыль, участвуют в управлении	Получают прибыль, участвуют в управлении	Получают прибыль, участвуют в управлении

Продолжение таблицы Ф. 1

Концентрация собственности	Низкая	Высокая, в том числе банков	Высокая, в том числе банков	Высокая	Высокая	Высокая
Защищенность миноритарных акционеров	Высокая	Слабая	Умеренная	Слабая	Слабая	Слабая
Развитость рынка финансовых деривативов	Развит	Не развит	Не развит	Развит	Не развит	Не развит

Таблица Ф. 2

Институциональные особенности ИК сферы КУ основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая			ППК
			СЕК	ЦЕК	ПК	
1	2	3	4	5	6	7
Субъекты стратегического управления	Акционеры, менеджмент	Шачокай, головные банки, акционеры, менеджмент, наемные работники	Крупнейшие акционеры, банки – постоянные партнеры, менеджмент, персонал	Акционеры, банки – постоянные партнеры, наемные работники	Крупнейшие акционеры, банки – постоянные партнеры, менеджмент	Собственник и основного пакета акций
Временная ориентация	Краткосрочная	Долгосрочная	Долгосрочная	Долгосрочная	Долгосрочная	Краткосрочная
Инструменты стимулирования менеджмента	Участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация	Пожизненный найм, продвижение и оплата согласно стажу, репутация (Япония), включение в семью, землячество, стимулирование (страны ВА)	Участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация	Участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация	Участие в прибылях, капитале, карьерный рост, репутация	Участие в прибылях, карьерный рост, формирование репутации
Формы контроля	Динамика цены акций, собрания акционеров, наблюдательный совет, независимый внешний директорат	Внутрифирменной и перекрестное владение акциями	Динамика цен акций, собрания акционеров, наблюдательный совет, перекрестное владение	Мониторинг банка – партнера, наблюдательный совет, перекрестное владение акциями, участие наемных работников в управлении	Мониторинг стороны банка – партнера, наблюдательный совет	Непосредственный контроль со стороны собственника

Продолжение таблицы Ф. 2

1	2	3	4	5	6	7
Финансовые рынки как инструмент контроля	Развиты	Развиты	Слабо развиты	Умеренно развиты	Не развиты	Не развиты
Роль финансиста	Акционер – аутсайдер	Банк – часть сети, финансист – инсайдер	Банк – часть ФПГ или постоянный партнер, инсайдер	Банк – часть ФПГ или постоянный партнер, инсайдер	Банк – часть ФПГ, постоянный партнер, инсайдер	Инсайдер, совладелец предприятия
Доминантный тип корпоративной культуры	Самонаводящаяся ракета	Семья	Инкубатор	Эйфелева башня	Семья	Эйфелева башня
Структура фирм	Конгломераты, направленные на концентрацию производства в одном секторе; высокая дифференциация между подразделениями фирм	Конгломераты, направленные на диверсификацию производства в нескольких секторах; активное взаимодействие между участниками	Иерархизированные фирмы, ориентированные на специфический продукт	Иерархизированные фирмы, ориентированные на специфический продукт	Конгломераты, направленные на диверсификацию производства в нескольких секторах	Конгломераты, направленные на концентрацию производства в одном секторе; значительная дифференциация между подразделениями фирм
Интеграция в деловые ассоциации	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая

Таблица Ф. 3

Институциональные особенности ИК сферы ПО основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал.-демократическая		ППК	
			СЕК	ПК		
Характер ПО	Индивидуализированы, децентрализованы	Патриархально-корпоративные	Централизованы на общенациональном уровне, трипартизм, кооперация	Централизованы на секторальном уровне, трипартизм	Основаны на государственном-правовом регулировании	Централизованы на общенациональном и отраслевом уровне, трипартизм
Основной принцип оплаты труда	Результаты труда	Социальная позиция, возраст, стаж, профквалификация	Должность, профессиональная квалификация, результаты труда	Должность, профквалификация, результаты труда	Профквалификация, результаты труда	Должность, социальная позиция, результаты труда
Профсоюзы	По профессиональному признаку, слабые, оторваны от политического движения	Профсоюзы предприятий	Сильные профсоюзы, организованные по отраслевому принципу, связанные с политическими движениями	Сильные профсоюзы, по отраслевому принципу, связанные с политическими движениями	Слабые профсоюзы, организованные по профессиональному принципу	Сохраняются традиции сильного влияния профсоюзов, их возможности сокращаются
Трудовые договоры	Индивидуализированы, приоритет срочных контрактов	Пожизненный найм	Трудовые договоры на национальном уровне	Трудовые договоры на национальном и отраслевом уровнях	Централизованы на уровень крупных предприятий, срочные контакты и работа неполный рабочий день	Трудовые договоры на национальном и отраслевом уровне

Продолжение таблицы Ф. 3

1	2	3	4	5	6	7
Гарантии занятости	Слабые, свободный найм и увольнение	В рамках корпорации, неформальные обязательства, отсутствует активная политика занятости	Умеренные, активная политика её поддержки	Сильные, активная политика занятости	Сильная внутри больших фирм	Формально сильные
Характер рынка труда	Жесткий внутренний и гибкие внешние рынки труда	Гибкий внутренний и жесткий внешний рынки труда	Гибкий внутренний и жесткий внешний рынки труда	Гибкий внутренний жесткий внешний рынки труда	Жесткие внутренний и внешний рынки труда	Жесткие внутренний и внешний рынки труда

Таблица Ф. 4

Институциональные особенности ИК сферы ОПП основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая		ППК	
			СЕК	ЦЕК		
Роль государства	Ограниченное финансирование	Незначительный уровень финансирования	Высокий уровень финансирования	Высокий уровень финансирования	Незначительное финансирование	Ограниченное финансирование
ОПП как проблема	Частный характер, формирует и использует сам работник	Общая подготовка государства, профессиональная – фирма	Участует государство, фирмы, их ассоциации, сам индивид	Участует государство, фирмы, их ассоциации, сам индивид	Общая подготовка государства, профессиональная – фирма	Общая подготовка – государство, профессиональная – индивид и предприятие
Знания и навыки как капитал	Индивидуальный	Корпоративный капитал	Общественно-корпоративный и частный капитал	Общественно-корпоративный и частный капитал	Общественно-частный, сетевой капитал	Общественно-частный капитал
Специфика образовательных учреждений	Высококонтентная система высшего образования, гетерогенная система образования, слаборазвитая система специального профессионального образования, развитая система непрерывного образования	Акцент на качество среднего образования, корпоративные системы подготовки кадров, акцент на научную и техническую сферу, слабая система непрерывного образования вне корпораций	Акцент на качество начального и среднего образования, важное значение специальной профессиональной подготовки, значительная роль переподготовки и непрерывного образования	Акцент на гомогенность среднего образования, развитая система специальной профессиональной подготовки	Слабая система высшего образования, слабая специальная профессиональная подготовка, отсутствует система непрерывного самообразования	Акцент на высшем, специальной профессиональной подготовке

Продолжение таблицы Ф. 4

1	2	3	4	5	6	7
Характер профессиональных знаний и навыков	Универсальные, трансферабельные	Специальные	Акцент на специальные	Специальные	Универсальные, трансферабельные	Специальные/универсальные
Характер взаимодействия фирм на рынке труда	Конкуренция, рейдерство	Самостоятельность, солидарность, обструкция нарушителей	Взаимодействие через ассоциации	Взаимодействие через ассоциации	Конкуренция	Конкуренция

Таблица Ф. 5

Институциональные особенности ИК МП основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая		ППК
			СЕК	ЦЕК	
Характер конкуренции	По цене и качеству, государство не вмешивается в рыночные отношения, рынок открыт для внешней конкуренции	По цене и качеству, активное вмешательство государства, высокий уровень неценовой координации и защиты от иностранной конкуренции и инвестиций, определяющая роль крупных корпораций	По качеству, высокий уровень координации по рыночным каналам, открытость к внешней конкуренции и инвестициям	Умеренная ценовая и высокая по качеству, значительная неценовая, государство регулирует рынки, умеренная защита от иностранной конкуренции и инвестиций	Приоритет ценовой, незначительная неценовая, активное вмешательство государства, умеренная защита национального производителя
Отраслевая структура	Диверсифицирована	Диверсифицирована	Фрагментирована	Диверсифицирована	Фрагментирована
Технологии	Комплексные, продуктовые, процессуальные дорогостоящие	Кооперационные, организационные, дорогостоящие	Кооперационные, организационные, бюджетные	Кооперационные (семейные сети), организационные, дорогостоящие (гос-во, крупные семейные холдинги)/бюджетные (сети МП)	Комплексные, продуктовые, бюджетные
Эффект масштаба	Расширяющийся	Расширяющийся	Расширяющийся	Расширяющийся	Сокращающийся
Знания	Универсальные	Специальные	Специальные	Специальные	И те и другие
Изменения	Радикальные, технологические, целостные, централизованные	Инкрементальные, организационные, частичные, децентрализованные	Инкрементальные, организационные, частичные, децентрализованные	Радикальные, организационные, частичные, централизованные	Радикальные, технологические целостные, децентрализованные

Таблица Ф. 6

Институциональные особенности ИК ГВБ основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая			ППК
			СЕК	ЦЕК	ПК	
Преимущественная модель	Либеральное государство всеобщего благосостояния (за исключением Великобритании)	Либеральное государство всеобщего благосостояния	«Максимально универсальное» социал-демократическое государство всеобщего благосостояния	Государство консервативного всеобщего благосостояния	Либеральное «минимально универсальное» государство благосостояния (Испания, Португалия, Великобритания и Нидерланды)	Либеральное государство всеобщего благосостояния
Основные субъекты	Государство	Фирма, семья	Государство, фирма	Государство, фирма, ассоциации	Семья	Государство
Роль государства	Минимальный уровень поддержки на универсальных основаниях	Задаёт правила, согласовывает политику корпораций, играющих основную роль	Трансферты для особых социальных или профессиональных групп на основании характера трудовой деятельности и вклада в их формирование	Универсальная поддержка	Минимальный уровень поддержки	Универсальная поддержка в условиях дефицита ресурсов

Продолжение таблицы Ф. 6

1	2	3	4	5	6	7
Задачи	Поддержка независимых самостоятельно обеспечить свое существование	Облегчение бедности	Обеспечение государства всеобщего благополучия	Недопущение чрезмерной дифференци- ции общества	Трансформация политической демократии в социальную	Обеспечение минимального уровня социальной поддержки
Принципы	Подтверждение потребности в поддержке	Справедливое распределение бремени расходов при опоре на дух солидарности и соблюдения интересов личности	Обеспечение максимального возможного социального равенства	Государство обязано обеспечить гражданам приемлемые условия жизни	Единая касса с покрытием всех рисков для всего населения	Каждый гражданин имеет право на обеспечение минимального уровня жизни
Пенсионная система	Двухуровневая, государственная перераспределе- тельная целевая и страхования на основе установленных выплат, приоритет частного пенсионного страхования	Двухуровневая, государственная перераспределе- тельная базовая и страхования на основе установ- ленных выплат, пенсионные фонды предприятий	Двухуровневая, государственная перераспределе- тельная целевая и страхования на основе установ- ленных выплат, частные пенсионные фонды	Двухуровневая, государствен- ная перерасп- редительная целевая и страхования на основе установленных выплат, частных пенсионных фонды	Двухуровневая, государственная перераспределе- тельная целевая или минимальная и страхования на основе установленных выплат, баллов или условно- накопительных счетов	Двухуровневая, государствен- ная перерасп- редительная минимальная и страхования на основе установленных выплат
Система страхова- ния	Морская	Альпийская	Альпийская	Альпийская	Альпийская	Смешанная

Таблица Ф. 7

Институциональные особенности ИК НСИ основных СЭМ

	РК	МК	Обобщенная социал-демократическая			ППК
			СЕК	ЦЕК	ПК	
1	2	3	4	5	6	7
Роль государства	Финансирование исследований и проблем, представляющих общенациональный интерес, ВПК	Координация НТП, индикативное планирование, поддержка продвижения, поиск инноваций на внешних рынках	Поддержка общественно значимых проектов	Поддержка общественно значимых проектов	Поддержка общественно значимых проектов	Поддержка общественно значимых проектов
Система защиты прав на инновацию	Усиленная правовая защита как частного капитала	Молчаливое знание как собственность сети, сетевой капитал, правовая защита	Правовая защита как корпоративного, частного, сетевого капитала	Правовая защита как корпоративного, частного, сетевого капитала	Правовая защита как корпоративного, частного, сетевого капитала	Слабая правовая защита как частного капитала
Основные организационные структуры	Временные группы, созданные под конкретные проблемы, корпоративные подразделения, университетские исследовательские центры	Корпоративные службы, ведущие прикладные исследования, отрыв от академической науки	Государственные институты, корпоративные подразделения, временные исследовательские группы, значительная роль академических структур	Государственные институты, корпоративные подразделения, временные исследовательские группы, значительная роль академических структур	Государственные институты, корпоративные подразделения, временные исследовательские группы, значительная роль академических структур	Государственные институты

Продолжение таблицы Ф. 7

1	2	3	4	5	6	7
Система финансирования	Внутрифирменное, грантовое финансирование прикладных и государственное – стратегически значимых исследований	Корпоративное финансирование	Объединение государственного (фундаментальные и частного (прикладные) исследования	Объединение государственного (фундаментальные и частного (прикладные) исследования	Объединение государственного (фундаментальные и частного (прикладные) исследования	Недостаток как корпоративного, так и государственного финансирования
Характер взаимодействия разработчиков	Сотязательность в научной сфере	Сотрудничество в рамках сети	Сотрудничество в рамках сети, ассоциации, конкуренция на внешних рынках	Сотрудничество в рамках сети, ассоциации, конкуренция на внешних рынках	Конкуренция	Конкуренция
Общая характеристика инновационности	Высокий динамизм, абсолютный приоритет разработчика, инженера перед исполнителем, «Эпистемо» над «Техно»	Направленность на поиск потенциально выгодных инноваций, их адаптацию, переосмысление и внедрение, совершенствование технологий и продуктов, практик ставит задачу исследователю, приоритет «Техно» переа «Эпистемо»	Совершенствование продуктов, технологий, расширение сфер применения, приоритет разработчика над практиком, «Эпистемо» над «Техно»	Совершенствование продуктов, технологий, расширение сфер применения, приоритет разработчика над практиком, «Эпистемо» над «Техно»	Совершенствование продуктов, технологий, расширение сфер применения, на крупных предприятиях приоритет разработчика «Эпистемо», в мелком сетевом бизнесе – «Техно»	Приоритет ренго ориентированного поведения, инновация в организационной сфере

Завершение таблицы Ф. 7

1	2	3	4	5	6	7
Характер инновационного производства	Технологические, продуктовые, радикальные инновации, подающиеся легкой кодификации и способные принести быстрый результат	Организационные, пошаговые инновации на основе координации и аккумуляции знаний, направленные на усовершенствование продукта, адаптация к фазе жизненного цикла товара с быстрой переориентацией в соответствующий момент	Организационные, последовательные, инкрементальные инновации, направленные на повышение качества продукта. Инновация – аккумуляция знаний направленной на удовлетворение общественных потребностей	Организационные, последовательные, инкрементальные инновации, направленные на повышение качества продукта. Инновация – аккумуляция знаний направленной на удовлетворение общественных потребностей	Организационные, последовательные, инкрементальные, направленные на повышение качества продукции	Организационные, продуктовые не требующие значительных средств и способные принести быстрый результат
Основные сферы инноваций	Рынки новых продуктов: ИТ, фармацевция, космос	Ориентированные на внешние рынки сбыта: автомобильное, робототехника, электроника, легкая промышленность	Сферы, не требующие значительных финансовых ресурсов: ИТ, программирование, сферы услуг, охрана здоровья	Сферы, сочетающие высокую специализацию профессиональных навыков с социальной востребованностью: биотехнологии, космос, фармацевция	Инновации в секторах общественной инфраструктуры, сферах, не требующих значительных финансовых вложений	Сферы, не требующие значительных вложений и способные принести быстрый доход: легкая, пищевая промышленность, торговля

Комплементарные взаимосвязи между основными блоками либеральной ССП

Таблица Ц. 1

**Основные экономические показатели стран,
принадлежащих к англосаксонской СЭМ***

Страна \ Показатель	США	Велико- британия	Канада	Австра- лия	Новая Зеландия
1	2	3	4	5	6
Площадь, км ²	9 631 418	224 820	9 984 670	7 686 850	268 680
Население, тыс. чел., 2010	309 712	62 246	34 173	22 327	4 370
Количество жителей, родившихся за границей, тыс. чел.	33 383	2 681	5 449	4 566	699
Количество иностранных мигрантов, тыс. чел.	14 369	2 186	1 3332	2 447	372
ВВП, млрд дол.	14 820	2 234	1 3300	916	131
ВВП на одного жителя, дол./чел., 2009	46 330	41600	41 950	43700	29 050
Расходование энергии на производство ВВП, дол./кг нефти, 2009	5,9	10,1	4,7	5,7	5,9
Доля в ВВП:					
– сельское хозяйство	1	1	2	3	6
– промышленность	21	21	32	29	25
– сфера услуг	78	78	66	68	69
Совокупные сбережения (% от ВВП)	10	12	18	21	16
Инвестиции в % от ВВП	15,7 %	16,2	19,4	25,3	22,4
Государственные расходы (% от ВВП)	26,3	46,4	19,2	26,6	32,1
Государственный долг, % от ВВП	94	82	84	25	39
Доля банковского капитала в финансовых активах, %, 2009	10,9	5,4	5,7	5,0	-
Индекс защиты прав кредитора, 10 – максимум	9	9	6	9	10
Рыночная капитализация компаний, зарегист- рированных на бирже, % от ВВП, 2009	117,5	138,3	137,2	136,1	52,9
Продажа акций, % от ВВП, 2010	208,8	133,9	86,8	82,4	29,4

Продолжение таблицы Ц. 1

1	2	3	4	5	6
Золотовалютные резервы, млн дол.	221 088	57 274	54 356	41 742	15 594
Индекс легкости ведения бизнеса	5	4	7	10	3
Количество процедур, необходимых для открытия бизнеса	6	6	1	2	1
Время, необходимое для открытия бизнеса (дней)	6	13	5	2	1
Количество налоговых платежей	11	8	8	11	8
Время, затрачиваемое на уплату основных налогов (часов в год)	187	110	131	109	192
Доля налогов в коммерческой прибыли	46,8	37,3	29,2	47,9	34,3
Занятость (% работающих ко всему населению)	59	56	61	55	63
Доля населения за чертой бедности, %	12	17	н./д.	н./д.	н./д.
Доля в совокупном доходе или потреблении, 10 % беднейших домохозяйств	1,8	2,1	н./д.	2	0,3
богатейших домохозяйств	30,5	28,5	н./д.	25,4	29,8
Индекс Джини	45	36,8	31,5	35,2	-
Уровень безработицы, %	9,3	7,7	8,3	5,6	6,1
Самозанятые (% занятых)	-	11	10	9	12
Общественные затраты на образование (% от ВВП)	5,5	5,5	4,9	6,1	2,5
Совокупные затраты на здравоохранение (% от ВВП)	16,2	9,3	10,9	8,5	9,7
В т. ч. общественные (доля от совокупных)	48,6	86,3	68,7	65,4	80,2
Основные религиозные конфессии, %:					
протестанты	54	70	36	50,4	51
католики	24	13	46	26	15
православные	2		1,5		
иудеи	2,7	0,8	1,2		
мусульмане	1,9	3	0,4		
индуисты ¹	0,2	0,75	0,3		

* Сост. по: <http://data.worldbank.org/indicator/>

1. Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. — К. : Мапа, 2004. — 608 с.

Таблица Ц. 2

Основные экономические показатели некоторых стран,
принадлежащих к европейской СЭМ* и Украины

Страна Показатель	Германия	Франция	Швеция	Италия	Испания	Украина
1	2	3	4	5	6	7
Площадь, км ²	357 021	547 030	449 964	301 230	504 782	603 700
Население, тыс. чел., 2010	81 635	64 876	9 394	60 574	46 214	45 759
Количество жителей, родившихся за границей, тыс. чел.	7 336	5 897	474	1 512	719	...
Количество иностранных мигрантов, тыс. чел.	2 909,7	2 121,7	340,5	1 871,7	1 434,2	...
ВВП, млрд дол.	3 071	2 194	366	1 909	1 478	137,929
ВВП на одного жителя, дол./чел.	42 430	42 610	48 570	35 120	32 030	2 840
Расходование энергии на производство ВВП, дол./кг нефти, 2009	8,3	7,5	6,9	9,8	9,7	2,3
Доля в ВВП:						
— сельское хозяйство	1	2	2	2	3	18
— промышленность	26	19	25	25	26	45,1
— сфера услуг	73	79	73	73	71	36,9
Государственные расходы (% от ВВП)	31,7	47,6	-	44,0	30,7	40,6
Совокупные сбережения (% от ВВП), 2009	21	16	24	16	20	16
Инвестиции в % от ВВП	17,6	19,2	15,8	19,3	25,4	18,8
Государственный долг, % от ВВП	87	94	49	127	66	24,7
Доля банковского капитала в финансовых активах, %, 2009	4,8	4,5	5,0	7,9	6,8	14,5
Индекс защиты прав кредитора, 10 — максимум	7	7	5	3	6	9
Рыночная капитализация компаний, зарегистрированных на бирже, % от ВВП, 2009	43,2	75,3	126,9	15,5	83,2	28,6

Продолжение таблицы Ц. 2

1	2	3	4	5	6	7
Продажа акций к ВВП, % от ВВП, 2010	42,5	32,3	96,0	26,3	66,6	1,5
Золотовалютные резервы, млн дол., 2009	179 040	131 785	47 255	131 496	28 051	26 500
Индекс легкости ведения бизнеса	22	26	14	80	49	145
Количество процедур, необходимых для открытия бизнеса	9	5	3	6	10	10
Время, необходимое для открытия бизнеса (дней)	15	7	15	6	47	27
Количество налоговых платежей	16	7	2	15	8	135
Время, затрачиваемое на уплату основных налогов (часов в год)	215	132	122	285	197	657
Доля налогов в коммерческой прибыли	48,2	65,8	54,6	68,6	56,5	55,5
Занятость (% работающих ко всему населению)	52	48	58	44	49	54
Самозанятые (% занятых)	7	6	7	19	12	-
Доля населения за чертой бедности, %	н./д.	6,5	н./д.	н./д.	н./д.	29
Доля в совокупном доходе или потреблении, 10 % беднейших домохозяйств	3,6	2,8	3,7	2,1	2,8	3,7
Доля в совокупном доходе или потреблении, 10 % богатейших домохозяйств	25,1	25,1	20,1	26,6	25,2	23,2
Индекс Джини	30	32,7	25	27,3	32,5	29
Уровень безработицы, %	7,7	9,1	8,3	7,8	18,0	8,8
Общественные затраты на образование (% от ВВП)	4,5	5,6	6,6	4,3	4,3	5,3
Совокупные затраты на здравоохранение, (% от ВВП)	11,3	11,7	9,9	9,5	9,7	7,0

Завершение таблицы Ц. 2

1	2	3	4	5	6	7
В т. ч. общественные (доля от совокупных)	75,7	76,6	78,6	77,3	72,1	54,7
Основные религиозные конфессии, %:						
протестанты	34	88	87			
католики	34	2	2	98	94	14**
православные						76
мусульмане**	3,7	5				8

* Сост. по: <http://data.worldbank.org/indicator/>

** Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. — К. : Мапа, 2004. — 608 с.

*** Греко-католики.

Таблица Ц. 3

**Основные экономические показатели стран с выраженными
цивилизационными особенностями СЭМ***

Страна	Россия	Китай	Япония	Индия	Бразилия
Показатель	2	3	4	5	6
Площадь, км ²	17 025 200	9 596 960	377 835	3 287 590	8 456 510
Население, тыс. чел., 2010	141 750	1 338 300	127 380	1 170 938	194 946
Количество иностранных мигрантов, тыс. чел.	2 262,7	7 926,5	4 358,3	3 297,8	1 984,5
ВВП, млрд дол.	1 479,8	5 828,6	3 745	1 729,8	2 087,9
ВВП на одного жителя, дол./чел., 2009	9 290	9 300	34 132	1 220	8 090
Расходование энергии на производство ВВП, дол./кг нефти, 2009	3,1	3,6	8,0	5,1	7,4
Доля в ВВП:					
– сельское хозяйство	5	10	1	18	6
– промышленность	33	46	32	27	25
– сфера услуг	62	44	77	55	69
Государственные расходы (% от ВВП)	30,9	-	-	16,2	25,6
Совокупные сбережения (% от ВВП), 2009	23	54	24	35	15
Инвестиции в % от ВВП ⁶	19,1	46	24	23,8	19,8
Доля банковского капитала в финансовых активах, %, 2009	15,7	5,6	4,7	6,4	9,1
Индекс защиты прав кредитора, 10 – максимум	3	6	7	8	3
Рыночная капитализация компаний, зарегистрированных на бирже, % от ВВП, 2010	67,9	81,0	74,6	93,5	74,0
Продажа акций к ВВП, % от ВВП, 2010	54,0	136,6	77,9	18,3	43,2
Государственный долг, % от ВВП, 2009	8,6	-	200	53	61
Золотовалютные резервы, млн дол., 2009	439 341	2 452 899	1 048 991	284 682	238 539
Индекс легкости ведения бизнеса	123	79	18	134	127
Количество процедур, необходимых для открытия бизнеса	9	14	8	12	15

1	2	3	4	5	6
Время, необходимое для открытия бизнеса (дней)	30	38	23	29	120
Количество налоговых платежей	11	7	14	56	10
Время, затрачиваемое на уплату основных налогов (часов в год)	320	398	355	258	2 600
Доля налогов в коммерческой прибыли	46,5	63,5	48,6	63,3	69,0
Занятость (% работающих ко всему населению)	57	71	54	56	64
Самозанятые (% занятых)	6	-	11	-	27
Доля населения за чертой бедности, %	25	10	н./д.	25	22
Доля в совокупном доходе или потреблении, 10 % беднейших домохозяйств					
богатейших домохозяйств	5,9	2,4	4,8	3,5	0,7
	47	30,4	21,7	33,5	48
Индекс Джини	48,7	44	24,9	37,8	60,7
Уровень безработицы, %	8,2	4,3	45,0	-	8,3
Общественные затраты на образование (% от ВВП)	3,9	-	3,5	3,1	5,1
Совокупные затраты на здравоохранение, (% от ВВП)	5,4	4,6	8,3	4,2	9,0
В т. ч. общественные (доля от совокупных)	64,4	50,1	80,0	32,8	45,7
Основные религиозные конфессии, %:					
протестанты		0,38		} 2,3	6,6
католики		0,25			
православные	90				80
конфуцианцы		16			
буддисты		11,5		0,7	
мусульмане		3,7		12	
даосисты		2,3			
синтоисты и буддисты			84		
индуисты ¹				81,3	

* Сост. по: <http://data.worldbank.org/indicator/>

1. Дахно І. Країни світу. Енциклопедичний довідник / І. Дахно. — К. : Мапа, 2004. — 608 с.

Особенности культур, противостоящих и ориентированных на прогресс

	Культура, ориентированная на прогресс	Культура, противостоящая прогрессу
1	2	3
Мировоззрение		
1. Религия	Объясняет и оправдывает успех. Воспитывает склонность к рациональности, побуждает к достижениям, деятельности в реальности	Объясняет и оправдывает страдание. Воспитывает склонность к иррациональности, утопизм, гасит интерес к реальности, побуждает обратиться к иному миру
<i>Спасение</i>	Через добрые дела в этом мире	Через уход от мира, избавление от его рисков и опасностей.
<i>Мир</i>	Пространство для действий и достижений	Место пребывания непреодолимых сил, «Бог или дьявол»
<i>Отношение к среде обитания</i>	Оптимизм как долг человека	Пессимизм или страх как результат понимания ограниченности возможностей достижения цели выживания.
<i>Отношение к несовершенству человека</i>	Человек несовершенен, но он должен стремиться к совершенству	Несовершенство человека – источник его вины, которую он обязан искупить
2. Судьба	Вера в свою способность изменить судьбу к лучшему. Жизнь – «то, что я сделаю»	Фатализм, смирение, вера в кодовство. Жизнь – «то, что происходит со мной»
3. Приоритетная ориентация во времени	Будущее, на которое можно влиять. Побуждает к планированию, пунктуальности, сбережениям	Прошлое, настоящее, будущее predetermined. Вызывает пренебрежение к планированию, пунктуальности, сбережениям
4. Богатство	Продукт инициативы и созидательных, творческих усилий человека. Может быть увеличено (игра с ненулевой суммой)	То, что существует помимо человека. Природный или материальный ресурс, результат борьбы за овладение и перераспределение
5. Знания	Практические, верифицируемые, основанные на фактах	Абстрактные, теоретические, неverified

1	2	3
Ценности, добродетели		
6. Моральный кодекс	Жесткий, его нормы реалистичны, воспитывает доверие людей друг к другу	Гибкий, большой разрыв между утопическими нормами и реальным поведением, порождает недоверие к людям
Отношение к другому	Нацеливает на ответственный эгоизм и взаимное уважение	Нацеливает на самосовершенствование через самоотречение, альтруизм.
Основа межличностных отношений	Доверие Эгалитаризм, децентрализация	Недоверие, подозрительность. Авторитаризм, централизация
Отношение к закону	Уважение, он основа власти	Пренебрежение, он подчинен власти
7. Житейские добродетели	Важны хорошо сделанная работа, опрятность, учтивость, пунктуальность	Житейские добродетели не имеют значения
8. Образование	Незаменимо, воспитывает самостоятельность, неортодоксальность, терпимость к многообразию мнений	На втором плане, воспитывает зависимость
	Питает пылливость и творчество	Служит сохранению ортодоксальных взглядов
Экономическое поведение		
9. Труд/достижения	Действует принцип: жить, чтобы работать, труд ведет к богатству	Действует принцип: работать, чтобы жить, труд не ведет к богатству, труд – это удел бедняков
<i>Труд</i>	Нравственный и общественный долг, форма самовыражения и источник удовлетворения	Бремя, неизбежное зло, которое не может приносить удовлетворение
10. Бережливость	Мать инвестиций, ведет к зажиточности	Угроза равенству, сберегающие богатеют, а это рождает зависть
11. Предприимчивость	Инвестиции и творчество	Погоня за рентой, высокий доход приносят связи в правительстве
	Поощряется	Осуждается
12. Готовность к риску	Умеренная	Низкая
13. Конкуренция	Ведет к совершенствованию общества	Связывается с агрессивностью, рассматривается как угроза равенству и привилегиям
	Созидательная сила	Разрушительная сила, угрожающая стабильности и сплоченности общества

Продолжение Приложения Ч

1	2	3
14. Новаторство	Открытость, быстрая адаптация к новациям	Подозрительность ко всему новому, медленная адаптация к новациям
	Поощряется	Осуждается
15. Продвижение вверх	На основе заслуг и связей	На основе семейных связей или отношений с патроном
16. Хозяйственное взаимодействие	Улучшает положение всех участников	Выигрыш одного возможен лишь за счет другого
<i>Экономическая справедливость</i>	Требует сбережений и инвестиций во благо будущих поколений	Требует равного распределения среди ныне живущих
17. Источник прибыли	Совершенствование использования ресурсов, НТП	Часть прибыли партнера
<i>Социальное поведение</i>		
18. Верховенство закона/коррупция	Законопослушание, коррупция наказуема	От закона можно откупиться/коррупция приемлема
19. Радиус доверия и идентификации	Наиболее сильна идентификация с обществом в целом	Наиболее сильна идентификация с узким кругом
20. Прагматизм, рационализм, эмпиризм	Ключевые ценности	Угрожают стабильности, сплоченности и неизменности, их замещают традиции, чувства и удача Результат – застой
21. Инакомыслие	Критически важно для реформ, прогресса, поиска истины	Угрожает стабильности и сплоченности, осуждается
22. Демократия	Итог развития, кладет конец авторитаризму, укрепляет плюрализм	Используется как «личина» новых форм авторитаризма
23. Семья	Идея «семьи» распространяется на общество в целом	Семья дает защиту от общества
24. Общественные связи (социальный капитал)	Доверие, идентификация обеспечивают сотрудничество, соучастие в общем деле	Недоверие питает крайний индивидуализм, падение нравов
25. Индивидуализм и коллективизм	Индивидуализм, но не чрезмерный	Безоговорочный коллективизм
26. Власть	Рассредоточена: сдержки и противовесы, консенсус	Централизована: не знает ограничений, зачастую произвольна
27. Роль элит	Ответственность перед обществом	Власть и получение ренты, дух эксплуатации
28. Отношения между государством и церковью	Светское государство: церковь полностью отделена от государства	Религия играет главную роль в жизни гражданского общества
29. Взаимоотношения полов	В реальности равенства полов может и не быть, однако оно не противоречит системе ценностей	В большинстве жизненных ситуаций женщина подчиняется мужчине
30. Рождаемость	Количество детей должно зависеть от способности семьи их воспитывать и дать образование	Дети – это дар Божий; они представляют собой хозяйственный актив

Липов В. В.

Л 61 Інституціональна комплементарність соціально-економічних систем : монографія / В. В. Липов. — Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. — 484 с.

ISBN 978-966-623-823-1

У монографії показано загальнонаукові передумови дослідження явища комплементарності. Простежено еволюцію поглядів на закономірності взаємодії компонентів економічних систем. Розглянуто основні підходи до дослідження інституціональної комплементарності в сучасній економічній теорії. Запропоновано двовимірну концепцію інституціональної комплементарності та ієрархія щаблів засад комплементарності елементів СЕС. Розкрито основи комплементарної взаємодії інститутів у рамках основних моделей капіталістичних систем та економічної системи України.

Для фахівців у сфері економіки та інших суспільних наук.

В оформленні першої сторінки обкладинки використано гравюри М. К. Ешера «День та ніч» (1938 р.), «Подвійний планетоїд» (1949 р.), Карта півкуль І. Данкерта (друга половина XVII ст.), титульний аркуш Біблії (Лондон, 1540 р.), ілюстрація до «Біблії бідняків» (ксилографічна книга, XV ст.), зображення срібної гексаграми Юстиніана II (705–711 рр., Константинополь) та срібного міліарисія Романа III (1028–1034 рр., Константинополь).

В оформленні останньої сторінки обкладинки використано гравюру М. К. Ешера «Метаморфоза І» (1937 р.), діаграма профілю цінностей господарської культури, за Г. Хофстедом, країн з англосаксонською СЕМ (модель ринкового капіталізму) та України, золотий солід Лева VI (886–912 рр., Константинополь) та золота номісма стамена Романа III, (1028–1034 рр., Константинополь).

Наукове видання

Липов Володимир Валентинович

**ІНСТИТУЦІЙНА КОМПЛЕМЕНТАРНІСТЬ
СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИХ СИСТЕМ**

(Рос. мовою)

Монографія

Коректор *М. С. Хащина*
Комп'ютерна верстка *О. С. Чистякова*
Макет обкладинки *О. О. Літвінова*

Підписано до друку 30.06.2011. Формат 60x84/16. Обл.-вид. арк. 33,86.
Умов. друк. арк. 27,09. Тираж 300 прим. Зам. 170/11.

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4.
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна

Надруковано з готових оригінал-макетів у друкарні ФОП Азамаєв В.Р.
Єдиний державний реєстр юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців.
Запис № 24800170000026884 від 25.11.1998.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції.
Серія ХК № 135 від 23.02.05 р.
м. Харків, вул. Познанська 6, к. 84. Тел. (057) 362-01-52
e-mail:bookfabrik@rambler.ru